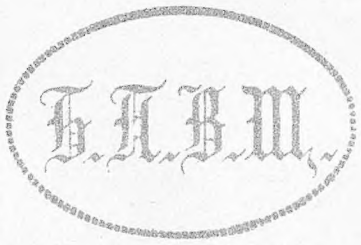
114 4/62

№ 5333.

1144
4/62



ДРЕВНІЕ ГОРОДА

И

ДРУГІЕ БУЛГАРСКО-ТАТАРСКІЕ ПАМЯТНИКИ

ВЪ

КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

С. М. ШПИЛЕВСКАГО.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1877.

ДРЕВНІЕ ГОРОДА

И

ДРУГІЕ БУЛГАРСКО-ТАТАРСКІЕ ПАМЯТНИКИ

ВЪ

КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

С. М. ШПИЛЕВСКАГО.

ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЩАПОВА БИБЛІОТЕКА

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1877.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нынѣшняя Казанская губернія, особенно восточная часть ея, была центромъ Булгарскаго царства, которое представляется торгово-политическимъ союзомъ нѣсколькихъ племенъ съ довольно значительными признаками культурнаго развитія; съ этимъ царствомъ до покоренія его Монголами ведетъ борьбу вновь слагающееся Русское государство. Но исторія царства Камско-Волжскихъ Булгаръ мало извѣстна, особенно этнографическій составъ царства и топографія булгарскихъ городовъ, упоминаемыхъ мусульманскими писателями и русскими лѣтописями. Такимъ образомъ остаются неопредѣленными самые первые, основные вопросы, съ разрѣшенія которыхъ должна начинаться исторія каждаго народа. Между тѣмъ исторія Булгарскаго царства имѣетъ значеніе въ общей исторіи культуры, какъ первое историческое государство на сѣверо-востокѣ нынѣшней Европейской Россіи, а вмѣстѣ съ исторіею поселившихся въ Булгаріи Татаръ-завоевателей и потомъ Казанскаго царства представляется особенно важною для русской исторіи, не только вслѣдствіе постоянныхъ внѣшнихъ отношеній Булгаръ, а впослѣдствіи и Татаръ къ Русскимъ, но и потому, что самая велико-русская народность слагалась и развивалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ сосѣднихъ инородческихъ племенъ, входившихъ въ составъ Булгарскаго союза, а впослѣдствіи Казанскаго царства, перерождая инородцевъ въ себя и многое воспринимая отъ нихъ въ свое существо.

Давно занимаясь этнолого-историческими изслѣдованіями по здѣшнему краю, я постоянно останавливался на вопросахъ о происхожденіи и древнемъ мѣстожительствѣ здѣшнихъ инородцевъ; предстоящій въ Казани IV Археологическій Съѣздъ направилъ мои занятія къ спеціально-археологическому изслѣдованію вещественныхъ памятниковъ бывшихъ

царствъ. Эти памятники, при недостаткѣ памятниковъ письменности, имѣютъ особенное значеніе для исторіи здѣшняго края. Къ труду меня возбуждало сознаніе важнѣйшаго назначенія Археологическихъ Съѣздовъ — возбуждать къ дѣятельности мѣстныя силы, подвигать изученіе мѣстныхъ историко-археологическихъ вопросовъ.

Настоящее изслѣдованіе, явившееся въ свѣтъ подъ вліяніемъ ожидаемаго въ Казани IV Археологическаго Съѣзда, я имѣю честь посвятить этому Съѣзду.

Въ первомъ отдѣлѣ своего изслѣдованія я обозрѣваю мусульманскіе источники о булгарскихъ городахъ; такое обозрѣніе я считалъ необходимымъ, по дѣйствительной и предполагаемой важности, а вмѣстѣ съ этимъ и малой извѣстности этихъ источниковъ. Арабскіе писатели, изъ которыхъ X и XI вѣка отличаются авторитетомъ особенной древности, преимущественно повторяютъ одинъ другаго и въ окончательномъ результатѣ о Булгарахъ вообще и особенно о булгарскихъ городахъ представляютъ не много; другіе мусульманскіе источники — татарскіе ограничиваются только нѣсколькими преданіями, относящимися къ немногимъ событіямъ исторіи Булгарскаго царства, и еще менѣе говорятъ объ исторіи царства Казанскаго; эти преданія съ разными варіантами отличаются анахронизмами и грубыми ошибками. Такимъ образомъ мусульманскіе источники о булгарскихъ городахъ оказываются очень бѣдными. Нѣкоторые предполагаютъ существованіе у Татаръ какихъ-то историческихъ рукописей и преданій, которыя будто-бы могутъ имѣть важное значеніе; но, послѣ подробнаго разсмотрѣнія всего того, что доселѣ было извѣстно изъ татарскихъ источниковъ, и познакомившись съ ихъ характеромъ, должно придти къ убѣжденію, что нѣтъ никакихъ основаній ожидать отъ Татаръ какихъ нибудь новыхъ важныхъ источниковъ.

Мѣста изъ мусульманскихъ источниковъ я привожу на русскомъ языкѣ, на основаніи переводовъ ихъ, за исключеніемъ немногихъ и на русскій языкъ, на французскій, нѣмецкій и латинскій языки; нѣкоторыя мѣста изъ арабскихъ и татарскихъ подлинниковъ переведены мнѣ извѣстнымъ арабистомъ, бывшимъ профессоромъ Казанскаго университета, нынѣ библіотекаремъ этого университета І. Ѳ. Готвальдомъ, которому приношу при этомъ искреннюю благодарность.

Въ первомъ отдѣлѣ изслѣдованія я обращаю вниманіе читателей на свѣдѣнія о г. Кошанѣ, который въ послѣднее время былъ совершенно забытъ, и на „Объясненіе хронологическихъ противорѣчій о походѣ Тимура и основаніи г. Казани", такъ какъ завоеваніе Тамерланомъ булгарскихъ городовъ и основаніе вскорѣ послѣ этого Казани составляютъ важнѣйшій предметъ содержанія татарскихъ преданій, которыя отличаются замѣчательными анахронизмами.

Во второмъ отдѣлѣ я представляю подробное обозрѣніе всего относящагося къ Булгарамъ въ русскихъ лѣтописяхъ; при этомъ я тщательно сравниваю соотвѣтствующія по содержанію мѣста разныхъ лѣтописей. Благодаря такому способу изслѣдованія, мнѣ удалось объяснить мѣстоположеніе нѣкоторыхъ городовъ и другихъ урочищъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, напр. мѣстонахожденіе Великаго города (Бюларъ), и доказать, что подъ Казанью въ 1376 г., когда она, какъ предполагаютъ всѣ наши историки, упоминается въ первый разъ, должно разумѣть г. Булгаръ (нынѣ с. Болгары въ Спасскомъ уѣздѣ), а Казань упоминается въ первый разъ позднѣе; затѣмъ я доказалъ, что послѣдствіемъ поверхностнаго отношенія къ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ было признаніе г. Казани, гдѣ, какъ оказывается, говорится о городѣ на р. Камѣ, и, какъ я предполагаю, именно о Кошанѣ.

Третій отдѣлъ, обширнѣйшая часть изслѣдованія, представляетъ обозрѣніе древнихъ укрѣпленій, кладбищъ, кургановъ (могильныхъ насыпей) и мѣстъ находокъ древнихъ вещей и монетъ съ обозрѣніемъ этихъ послѣднихъ. Здѣсь я привожу все прежде напечатанное. Разныя описанія этихъ мѣстностей и предметовъ я представляю буквально, изъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ — въ переводѣ, имѣя въ виду настоящимъ изслѣдованіемъ отстранить необходимость справокъ въ очень многочисленныхъ и часто малодоступныхъ изданіяхъ (1).

(1) Къ рѣдкимъ изданіямъ, но необходимымъ для мѣстнаго историка и этнографа, принадлежатъ многія мѣстныя изданія, напр. Казанск. Губ. Вѣдомости, которыя въ полномъ составѣ за всѣ годы находятся только въ Обществ. библіотекѣ г. Казани, или старыя изданія Казанск. университета: Казанск. Извѣстія, Вѣстникъ Казанск. унив., Прибавленія къ Вѣстн. Каз. унив. и даже нѣкоторыя книжки позднѣйшаго изданія Каз. унив.

Недоступность сочиненій на иностранныхъ языкахъ обусловливается и незнаніемъ этихъ языковъ мѣстными изслѣдователями, напр. городскими и сельскими учителями, священниками и т. п., которые, между тѣмъ, могутъ быть очень полезными дѣятелями для изслѣдованія вопросовъ мѣстной археологіи и этнографіи, особенно, если бы труды ихъ направлялись кѣмъ нибудь надлежащимъ образомъ. Ни въ одной мѣстной статьѣ о здѣшнемъ краѣ я не встрѣтилъ, напр., указанія на какую нибудь статью Френа, потому что всѣ онѣ только на нѣмецкомъ или латинскомъ языкахъ.

При обозрѣніи древнихъ укрѣпленій въ Казанск. губ. весьма важнымъ источникомъ представляется брошюра, изданная Казанскимъ Статист. Комитетомъ въ 1874 г. „Замѣтки о городищахъ, курганахъ и друг. древн. землян. насыпяхъ въ Казанск. губ.“, составленная на основаніи донесеній волостныхъ правленій. Эта, тоже рѣдкая брошюра, не находящаяся въ продажѣ, вошла въ мое изслѣдованіе цѣликомъ; но при пользованіи ею пришлось дѣлать много объясненій и поправокъ, относительно опредѣленія мѣстоположенія урочищъ, упоминаемыхъ въ этой брошюрѣ, такъ какъ она представляетъ явныя ошибки (2) или отличается особенною неопредѣленностью показанія мѣстоположенія нѣкоторыхъ городищъ—въ 3, 4 верстахъ отъ какого нибудь одного селенія, неизвѣстно въ какую сторону. Списокъ городищъ Казанск. губерніи впослѣдствіи появился въ новѣйшемъ изданіи Казанск. Статист. Комит. 1877 г. „Древности Казанской губерніи“ (3), здѣсь къ городищамъ, указаннымъ въ

Ученыхъ Записокъ, которыя не всѣ находятся и въ библіотекѣ Казанск. унив. Издававшійся въ Казани въ 1832 — 1834 гг. Заволжск. Муравей также очень рѣдокъ, особенно съ картинками, которыя имѣютъ археологическій интересъ. представляя изображенія древнихъ памятниковъ въ с. Болгарахъ, изъ которыхъ нѣкоторые нынѣ уже развалились, и т. д. Къ особенно рѣдкимъ книгамъ должно причислить «Краткую исторію г. Казани» Фукса, «Beiträge zur Kenntniss d. Innern v. Russland» бывшаго казанск. профессора Эрдмана, или болѣе старинныя изданія — «Журналъ путешествія капитана Рычкова», Спб. 1770; «Bemerkungen einer Reise» Георги и т. д.

(2) См. 327, 331 и 345 стр. настоящаго моего изслѣдованія.

(3) Заглавіе этого сочиненія не соотвѣтствуетъ содержанію, потому что здѣсь находится только библіографія по этому предмету и при томъ крайне неполная.

„Замѣткахъ“, присоединены показанныя въ „Спискѣ насел. мѣстъ Каз. губ.“, изданномъ въ 1866 г. подъ редакціею покойнаго Артемьева, и по свѣдѣніямъ, доставленнымъ директоромъ народн. училищъ Казанск. губ. И. А. Износковымъ. Въ новѣйшемъ изданіи Комитета вышеуказанная неопредѣленность мѣстоположенія нѣкоторыхъ городищъ, по первому изданію, поправляется очень просто: гдѣ въ первомъ изданіи стоитъ обозначеніе верстъ отъ какого-нибудь селенія, неизвѣстно въ какую сторону, въ новомъ изданіи говорится, что городище находится „близъ“ этого селенія. Признавая „Замѣтки“, по не новѣйшее изданіе Комитета, очень важнымъ матеріаломъ, по количеству показанныхъ здѣсь городищъ, кургановъ и друг. древн. земл. насыпей, съ показаніемъ пространства площадей, длины и ширины валовъ и рвовъ городищъ, я считаю особенно необходимымъ вновь провѣрить показанія этихъ „Замѣтокъ“, поправить ошибки и неопредѣленность.

Кромѣ печатныхъ источниковъ, матеріаломъ для послѣдняго отдѣла настоящаго моего изслѣдованія, послужили и новыя сообщенія, доставленныя мнѣ мѣстными жителями: профессоромъ А. Н. Бекетовымъ, землевладѣльцами Н. Ѳ. Грибовскимъ и А. А. Демидовымъ, извѣстнымъ знатокомъ нарѣчій и быта здѣшнихъ инородцевъ, авторомъ Чувашскаго словаря Н. И. Золотницкимъ, который передалъ мнѣ „Свѣдѣнія“ учителя-чувашина А. Н. Доброхотова и „Матеріалы“ В. К. Магнитскаго, директоромъ народн. учил. Каз. губ. И. А. Износковымъ, мировымъ судьею Чистоп. уѣзда г. Лекгеромъ и арендаторомъ имѣнія въ этомъ-же уѣздѣ А. Н. Островскимъ.

Такъ какъ эти сообщенія показываютъ на такіе городища, древнія кладбища и курганы (могильныя насыпи), которые не были извѣстны въ печати, то это ведетъ къ предположенію, что, при болѣе тщательныхъ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, могутъ открыться новые, до настоящаго времени неизвѣстные вещественные памятники древней исторіи здѣшняго края.

Важнымъ дополненіемъ къ извѣстному въ настоящее время о городищахъ въ Каз. губ. должны служить свѣдѣнія, собранныя на мѣстѣ въ разныхъ частяхъ Каз. губ. Н. А. Толмачевымъ, но, къ сожалѣнію, съ этимъ матеріаломъ я не могъ познакомиться.

Наконецъ я привожу нѣкоторыя городища, показанныя въ древней Свіяжской писцовой книгѣ, списокъ съ которой хранится въ библіотекѣ Казанск. унив. При этомъ считаю умѣстнымъ замѣтить, что выписки изъ писцовыхъ книгъ, печатаніе которыхъ уже началось въ Спб., укажутъ на новыя, доселѣ неизвѣстныя городища въ разныхъ частяхъ Россіи и въ томъ числѣ на территоріи бывшихъ Булгарскаго и Казанскаго царствъ.

Обозрѣніе вещественныхъ памятниковъ древности въ Казанск. губ. я располагаю, не по современнымъ волостямъ, какъ это сдѣлано въ двухъ вышепоказанныхъ изданіяхъ Казанск. Статист. Комит., а по рѣкамъ, потому что волости не имѣютъ никакого отношенія къ древней исторіи здѣшняго края и расположеніе ихъ по уѣздамъ мало извѣстно, между тѣмъ какъ рѣки имѣютъ историческое значеніе: преимущественно по рѣкамъ въ Булгарск и Казанск. царствахъ располагались поселенія и города, нынѣ существующія городища встрѣчаются расположенными именно по рѣкамъ. Г. Березинъ замѣчаетъ, что „Татары еще и нынѣ дѣлятъ себя не по губерніямъ и уѣздамъ, а по теченію рѣкъ, или по направленію старыхъ дорогъ, существовавшихъ во время татарскаго владычества“ (*).

Я обращалъ особенное вниманіе на точность опредѣленія положенія каждой упоминаемой мѣстности, что, при неопредѣленности, а иногда и ошибкахъ разныхъ описаній, которыми я долженъ былъ пользоваться, представлялось часто дѣломъ не особенно легкимъ. При этомъ я руководствовался многими болѣе важными картами Казанской губерніи, изъ которыхъ одну, особенно замѣчательную, рукописную конца прошедшаго столѣтія, хранящуюся въ библіотекѣ Казанск. унив., я описываю въ особомъ приложеніи.

При изслѣдованіи, подобно настоящему, можно ожидать приложенія къ нему карты, которая была бы Археологическою картою Казанск. губ., что я и думалъ сдѣлать, но остановился на основаніи слѣдующихъ соображеній: прежде повѣрки неопредѣленныхъ показаній „Замѣтокъ“ и другихъ источниковъ это было бы преждевременно; затѣмъ на пред-

---

(*) «Булгаръ на Волгѣ», стр. 150, прим. 2 въ Учен. Зап. Каз. унив. 1852 г., кн. III.

стоящемъ IV Археологическ. Съѣздѣ могутъ послѣдовать новыя дополненія и поправки къ настоящему моему изслѣдованію, напр. съ помощью вышеупомянутыхъ свѣдѣній о городищахъ г. Толмачева, который, можетъ быть, представитъ Съѣзду, свой трудъ. Настоящее изслѣдованіе представляется матеріаломъ для будущей археографической карты Казанск. губ.; а каждому читающему мое изслѣдованіе, при возможно точномъ опредѣленіи мною положенія каждой упоминаемой мѣстности, легко ориентироваться даже съ помощью только самой общедоступной карты, напр. изданія Ильина.

Мнѣ представляется болѣе умѣстнымъ приложить карту къ будущему продолженію настоящаго изслѣдованія, въ которое взойдетъ обозрѣніе вещественныхъ памятниковъ Булгарскаго и Казанск. царствъ, находящихся въ губерніяхъ сосѣднихъ съ Казанскою, т. е. по окраинамъ этихъ царствъ. Предполагаемая при этомъ археографическая карта будетъ относиться ко всей территоріи бывшихъ царствъ, а территорія нынѣшней Казанск. губ. составитъ важнѣйшую часть этой карты.

Кромѣ опредѣленія мѣстоположенія и описанія памятниковъ я привожу и всѣ имѣющіяся о нихъ преданія.

Относительно времени происхожденія различныхъ древнихъ каменныхъ и особенно земляныхъ сооруженій въ Казанской губ., должно замѣтить, что они принадлежатъ къ разнымъ эпохамъ, которыя не всегда распознаваемы. Большинство земляныхъ укрѣпленій должно отнести къ Булгарскому царству, но нѣкоторыя изъ нихъ могли возникнуть и позднѣе — въ періодъ монгольскаго владычества надъ Булгарами, даже во времена Казанскаго царства; каменныя постройки должно относить ко времени монгольскаго владычества; по древнія могильныя насыпи принадлежатъ эпохѣ древнѣйшей, добулгарской, т. е. до-мусульманской, п. ч., какъ извѣстно, надъ мусульманскими могилами насыпей не воздвигаютъ. Могильники Казанской губ. должны принадлежать къ одной эпохѣ и одной культурѣ съ знаменитымъ сосѣднимъ могильникомъ въ Вятской губ., называемымъ Ананьинскимъ, который, какъ утверждаютъ изслѣдователи его, принадлежитъ къ древнѣйшему времени, г. Невоструевъ относитъ его ко времени до Рождества Христова (5). Но, къ сожалѣнію, ни одинъ

(5) «Ананьинскій могильникъ» въ Труд. I Археол. Съѣзда, стр. 630.

изъ древнѣйшихъ могильниковъ (кургановъ) въ Казанск. губ., изъ которыхъ многіе пострадали отъ орудій земледѣлія и кладоискателей, не разрытъ для ученой цѣли, поэтому нѣтъ данныхъ дѣлать положительныя заключенія о сходствѣ культуры древнѣйшихъ обитателей Казанск. губерніи съ ихъ сосѣдями въ Вятской губ., которымъ принадлежалъ Ананьинской могильникъ, или съ Мерянами, курганы которыхъ такъ тщательно изслѣдованы гр. А. С. Уваровымъ.

Находимыя въ Казанск. губ. древнія вещи принадлежатъ также къ разнымъ эпохамъ: здѣсь было найдено нѣсколько предметовъ до-исторической древности, но большинство относится къ позднѣйшему времени, ко времени Монгольскаго владычества.

Послѣ настоящаго моего изслѣдованія, въ которое взошло все когда либо появившееся въ печати о вещественныхъ памятникахъ въ Казанск. губ., принадлежащихъ ко времени до господства здѣсь Русскихъ, представляется невозможнымъ говорить о какомъ нибудь памятникѣ менѣе того, что о немъ было уже давно обнародовано, какъ это бывало доселѣ. Тамъ напр. въ одномъ ученомъ рефератѣ объ Арской башнѣ сообщается сказанное о ней въ „Матеріалахъ для географіи и статистики Казанск. губ.“ Лаптева, которые не представляютъ никакихъ новыхъ археологическихъ данныхъ, а только очень краткую компиляцію изъ предыдущихъ, при томъ только болѣе доступныхъ описаній, между тѣмъ въ ученомъ рефератѣ не упоминается о самомъ подробномъ описаніи башни священникомъ Маловымъ въ Запискк. Археол. Общ. т. V, о болѣе древнихъ описаніяхъ XVIII стол., напр. Рычкова и Георги, конечно, здѣсь также не упоминается.

Мое особенное желаніе, чтобы имѣющіе возможность провѣрить на мѣстѣ сказанное мною о томъ или другомъ памятникѣ представили бы свои поправки и дополненія и указали бы на памятники, остающіеся доселѣ неизвѣстными; желательно болѣе точное описаніе памятниковъ и собраніе преданій о нихъ. Ученo-историческихъ объясненій отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ изслѣдователей я опасаюсь, вспоминая, напр. какъ одинъ чистопольскій житель Мельниковъ, впрочемъ очень почтенный дѣятель по части собиранія старинныхъ письменныхъ документовъ, историческихъ преданій и статистическихъ данныхъ, а также и описанія вещественныхъ памятниковъ, объясняетъ, по поводу надписей на

камнѣ близъ с. Змѣева въ Чистопольск. уѣздѣ, что опѣ, вѣроятно, были сдѣланы во время похода на Булгаръ Владиміра святаго, который шелъ будто бы по рѣкамъ Вяткѣ и Камѣ, какъ ходили впослѣдствіи новгородскіе ушкуйники, и что нынѣшнее с. Змѣево въ Чистоп. у. находится на границѣ его завоеваній.

Въ особыхъ приложеніяхъ я представляю: 1) „Выписки изъ дневника“ и „Рапортъ Совѣту Казанск. унив.“ профессора Кондырева послѣ его археологической экскурсіи въ 1812 г. въ г. Билярскъ и его окрестности; эти документы недавно найдены въ архивѣ Казанск. унив. 2) Изслѣдованіе о Казанской исторіи неизвѣстнаго сочинителя. 3) Сообщеніе о вышеупомянутой рукописной картѣ Казанск. губ. конца XVIII ст. 4) „Описанія Булгарскаго городища“ изъ Библіотеки Московск. Главн. Архива Министерства Иностр. дѣлъ. Появленіе этихъ описаній въ приложеніи къ моему изслѣдованію объясняется такимъ образомъ: Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Московск. Археологическаго Общества г. директоромъ Московск. Главн. Архива Министерства Иностр. дѣлъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ были прочитаны составленныя для предстоящаго въ г. Казани Археологическ. Съѣзда выписки изъ каталоговъ Библіотеки Архива о документахъ, касающихся исторіи Казанскаго края; при чемъ Обществомъ обращено было особенное вниманіе на принадлежащіе къ портфелямъ исторіографа Миллера: карту, описанія и рисунки развалинъ Болгарскаго городища, а г. предсѣдатель Общества графъ А. С. Уваровъ при этомъ заявилъ, что въ Казани приготовляется, ко времени Съѣзда, особое по сему предмету изданіе. Желая содѣйствовать полнотѣ предпринятаго изданія, баронъ Ѳ. А. Бюлеръ препроводилъ въ Казань къ г. предсѣдателю Предварительн. Комитета IV Археол. Съѣзда П. Д. Шестакову копіи съ двухъ описаній г. Булгара для включенія въ начатое изданіе. П. Д. Шестаковъ передалъ мнѣ полученные имъ документы, которые я считаю капитальнымъ украшеніемъ своего изслѣдованія. 5) „О поѣздкѣ въ с. Болгары 22 мая 1877 г.“; эту поѣздку я предпринималъ вмѣстѣ съ директоромъ татарск. школъ Казанск. учеб. округа В. В. Радловымъ, исполняя порученіе Предварит. Комитета IV Археологич. Съѣзда.

Настоящее изслѣдованіе представляетъ, между прочимъ, отвѣты на слѣдующіе вопросы, входящіе въ программу предстоящаго IV Археол. Съѣзда:

1. Свѣдѣнія о курганахъ Казанск. губ.

2. Нельзя ли хорографическія, топографическія и племенныя названія булгарскаго историка XVI в. Шерефъ-Эддина пріурочить къ нынѣ существующимъ мѣстностямъ?

3. Свѣдѣнія о развалинахъ древняго г. Булгара.

4. О древнихъ вещахъ, найденныхъ въ Болгарахъ.

5. На сколько „Исторія о Казанск. царствѣ“ Глазатаго можетъ служить источникомъ для ознакомленія съ бытомъ Татаръ XVI вѣка?

6. Какія были сдѣланы изслѣдованія по части кургановъ, могилъ и городищъ въ Казанск. губ.?

7. Не извѣстны ли какіе нибудь слѣды или памятники до-мусульманской эпохи въ Болгарскомъ царствѣ?

8. На сколько возможно возстановить слѣдующія подробности топографіи г. Казани во время осады его войсками царя Іоанна IV: a) мѣсто, гдѣ находилась татарск. крѣпость, b) предѣлы городскихъ татарскихъ поселеній?

9. Какіе изъ мусульманскихъ святыхъ особо чествуются Татарами-магометанами въ предѣлахъ Казанск. губ.?

10. Объ упоминаемыхъ въ русскихъ лѣтописяхъ городахъ въ Болгарскомъ царствѣ, кромѣ Болгаръ и Старой Казани, не дошло до насъ монументальныхъ признаковъ для опредѣленія ихъ мѣстоположенія. Поэтому желательно собрать всѣ свидѣтельства изъ лѣтописей и разныхъ сочиненій позднѣйшихъ русскихъ писателей о слѣдующихъ городахъ Болгарскаго царства: о Жукотинѣ, Кременчугѣ, Брячимовѣ, Ошелѣ и другихъ, и дополнить эти свидѣтельства новыми возможными въ настоящее время изслѣдованіями по этимологіи названій этихъ городовъ, по опредѣленію ихъ мѣстоположенія и по ихъ исторіи. Напр., названіе „Кременчугъ“ не было ли переводомъ какого либо татарскаго ему имени? не находился ли Кременчугъ (т. е. каменный городокъ) на мѣстѣ теперешней деревни Ташъ-Кермень, при устьѣ р. Меши, впадающей въ Каму? Не могутъ ли отыскаться какіе нибудь вещественные остатки отъ другихъ городовъ? Нельзя ли опредѣлить хронологическій предѣлъ существованія этихъ городовъ? Не сохранилось ли какихъ нибудь народныхъ преданій о нихъ?

11. Въ Казанской крѣпости находится башня, извѣстная подъ именемъ Сумбекиной. Кто и когда строилъ эту башню и какое было ея назначеніе?

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОБОЗРѢНІЕ МУСУЛЬМАНСКИХЪ ИСТОЧНИКОВЪ О БУЛГАРСКИХЪ ГОРОДАХЪ.

I. БУЛГАРЪ.

А. *Арабскіе писатели X столѣтія.*

1 **Ибнъ-Фадланъ.** Важнѣйшимъ, а вмѣстѣ съ этимъ и древнѣйшимъ источникомъ для исторіи Булгаръ считается Ибнъ-Фадланъ, который участвовалъ въ посольствѣ Багдадскаго халифа къ Булгарскому царю въ 310 г. (922 п. Р. Хр.). Это посольство послѣдовало послѣ письма царя къ халифу, въ которомъ царь просилъ прислать ему наставника для ученія исламу и людей, которые могли бы построить мечеть и крѣпость, для защиты отъ нападеній враждебныхъ царей. Ибнъ-Фадланъ оставилъ записку о своемъ посольствѣ, которую Якутъ помѣщаетъ въ своемъ „Большемъ Словарѣ", составленномъ въ XIII стол. Переводъ этой записки на нѣмецкій языкъ сдѣланъ былъ Френомъ (1), а на русскій В. В. Григорьевымъ (2) и Гаркави (3).

---

(1) Die aeltesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen въ Mémoires de L'Académie VI серія, т. I 1832 г.

(2) Статья о Булгарахъ, первоначально помѣщенная въ Библіотекѣ для Чтенія 1836 г., т. XIX, потомъ въ Энциклопед. Лексик. Плюшара т. VII и въ Сборникѣ статей Григорьева, вышедшемъ въ 1876 г. подъ заглавіемъ «Россія и Азія».

(3) Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ. Спб. 1870.

При внимательномъ изученіи записки Ибнъ-Фадлана трудно найти, хотя бы одно мѣсто, которое указывало бы на самый городъ Булгаръ. Френъ (1) замѣчаетъ, что Ибнъ-Фадланъ употребляетъ слово „беледъ", которое значитъ не городъ, а страна, государство. Послы халифа встрѣтили Булгарскаго царя съ его Булгарами въ чистомъ полѣ, въ палаткахъ; посольство было принято царемъ тоже въ полѣ, тамъ и поселилось оно. Все это приводитъ Френа къ предположенію, что въ это время у Булгаръ не было городовъ и что та крѣпость, для построенія которой Булгарскій царь просилъ прислать мастера, что, вѣроятно, и было исполнено халифомъ, была первымъ въ собственномъ смыслѣ городомъ въ странѣ Волжскихъ Булгаръ, и что этотъ первый городъ былъ не другой какой нибудь, а самый Булгаръ. Впрочемъ, прибавляетъ Френъ, это только предположеніе, гипотеза: кочевку Булгарскаго царя можно объяснить другимъ образомъ. Извѣстно, что и другіе народы, находившіеся сравнительно на высшей степени культуры, имѣвшіе укрѣпленныя мѣста, города и деревни, жили въ нихъ только зимою, а съ наступленіемъ весны выходили съ стадами въ поля и жили тамъ въ подвижныхъ палаткахъ. Такъ было и позднѣе въ приволжскихъ странахъ при Батыѣ и его наслѣдникахъ; даже Тимуръ въ мирное время жилъ охотнѣе въ полѣ, нежели въ дворцахъ Самерканда, Кеша и др. На такой именно образъ жизни Булгаръ указываетъ и позднѣйшій арабскій писатель Ибнъ-Хаукаль. Арабское посольство прибыло къ Булгарамъ, замѣчаетъ Френъ, именно въ маѣ мѣсяцѣ.

При этомъ должно замѣтить, что, хотя въ запискѣ Ибнъ-Фадлана говорится о юртахъ, въ которыхъ жили арабскіе послы и самъ булгарскій царь, но вмѣстѣ съ этимъ упоминается о муэззинѣ, который призываетъ къ молитвѣ, т. е. о мечети, а также о рынкѣ, на который приходитъ и царь. Такимъ образомъ представляются нѣкоторыя принадлежности постоянно населеннаго мѣста.

Мѣстоположеніе древняго города Булгара въ отношеніи къ Волгѣ обыкновенно опредѣляется на основаніи слѣдующаго мѣста изъ Ибнъ-Фадлана: „жители страны сказывали

(1) Drei Münzen der Wolga-Bulgharen въ Memoires de L'Acad. 1832 г. серія VI, т. I.

мнѣ, что зимой ночь становится длинна какъ (лѣтній) день, а день переходитъ въ краткость ночи, такъ что если кто-нибудь изъ нихъ отправляется во время разсвѣта къ р. Итиль (Волга), отстоящей отъ нихъ менѣе чѣмъ на фарсангъ, доходитъ до нея только къ позднему вечеру". Френъ объясняетъ, что фарсангъ равняется 7 верстамъ ([5]). Основываясь на этомъ, позднѣйшіе описатели Булгарскаго городища въ нынѣшнемъ селѣ Успенскомъ (Болгары), которое отстоитъ отъ Волги верстахъ въ шести, принимаютъ, что Ибнъ-Фадланъ говоритъ именно о той мѣстности, которая соотвѣтствуетъ этому городищу. Далѣе мы увидимъ, что другіе арабскіе и татарскіе источники говорятъ, что древній г. Булгаръ находился при самой Волгѣ.

По мнѣнію Гаркави ([6]), къ г. Булгару могутъ относиться тѣ слова Ибнъ-Фадлана, въ которыхъ онъ говоритъ о Русахъ, это мѣсто также помѣщено Якутомъ въ Больш. Словарѣ подъ заглавіемъ „Русъ". Здѣсь И. Фадл. говоритъ, что онъ видилъ Русовъ, расположившихся съ товарами по р. Итиль. Неизвѣстно, гдѣ именно встрѣтилъ И. Фадл. Русовъ. Можно только заключать, говоритъ Гаркави, что онъ встрѣтилъ ихъ въ приволжскомъ торговомъ городѣ, которыхъ, какъ извѣстно, было два: Булгаръ и Итиль—столицы Булгарскаго и Хазарскаго государствъ. Въ обоихъ этихъ городахъ Русы производили торговлю, какъ извѣстно изъ другихъ арабскихъ источниковъ. Въ которомъ же изъ этихъ городовъ встрѣтилъ И. Фадл. Русовъ? Савельевъ ([7]) указывалъ на г. Булгаръ, но безъ всякихъ доказательствъ. Гаркави указываетъ на слѣдующія соображенія, которыя заставляютъ принять, что И. Фадл. видѣлъ Русовъ въ Булгарѣ: Русы, по словамъ И. Фадл., расположились не въ самомъ городѣ, а по Волгѣ, гдѣ у нихъ была священная роща, значитъ, городъ былъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки, что согласно съ вышеприведеннымъ показаніемъ Ибнъ-Фадлана о разстояніи Булгара около фарсанга отъ Волги. Въ Итилѣ же Волга протекала по самому городу и раздѣляла его на двѣ части, въ одной изъ коихъ, названной Хазраномъ, жили купцы

([5]) Die aeltest. Nachrichten, стр. 568, прим. 19.

([6]) Сказ. мусульм. писат., стр. 109, 110.

([7]) Мухаммеданская Нумизматика, Спб. 1847, стр. LIX—LXI.

изъ Русовъ и Славянъ, какъ свидѣтельствуютъ другіе источники. Вторымъ указаніемъ на г. Булгаръ могутъ служить слова И. Фадлана, что онъ видѣлъ, какъ мертвецъ почернѣлъ отъ холода этой страны, это соотвѣтствуетъ описанію Булгара у Арабовъ, какъ въ высшей степени холодной страны, объ Итилѣ же нигдѣ не говорится подобнаго, и весьма понятно, что эпитетъ холодная страна лучше идетъ къ сѣверной Казани, чѣмъ къ южной Астрахани.

2 Ибнъ-Даста и Масуди. Современники Ибнъ-Фадлана—Масуди и Ибнъ-Даста, особенно послѣдній, также представляютъ много новыхъ свѣдѣній о странѣ Булгарской и жителяхъ ея, но о самомъ городѣ не говорятъ.

Текстъ сочиненія Масуди—„Золотые луга“ съ французскимъ переводомъ изданъ въ 1861—1865 г. Азіятскимъ Обществомъ въ Парижѣ.

Съ сочиненіемъ Ибнъ-Даста первый познакомилъ Хвольсонъ, который въ своей диссертаціи „Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ Ибнъ-Даста“ Спб. 1869 г. представляетъ текстъ, русскій переводъ и комментаріи.

Ибнъ-Даста говоритъ только о селеніяхъ и кладбищахъ: „въ селеніяхъ Булгаръ мечети и начальныя училища съ муэззинами и имамами. Кладбища ихъ какъ у мусульманъ“.

Единственное мѣсто у Масуди, относящееся прямо къ г. Булгару, представляетъ замѣчательную ошибку: „городъ Булгаръ расположенъ на берегу моря Меотиса (Азовскаго)“ (1). Хвольсонъ (2) объясняетъ эту ошибку тѣмъ, что Масуди принималъ впадающій въ Азовское море Донъ за притокъ Волги, а такъ какъ Булгары жили у этой послѣдней рѣки, то Масуди вѣроятно думалъ, что страна ихъ находится недалеко отъ береговъ Азовскаго моря. Хвольсонъ указываетъ, что Якутъ, приводя буквально слова Масуди, прибавляетъ, что страна Булгаръ лежитъ не на берегу Азовскаго моря, а довольно далеко отъ него.

Масуди (II. 16) говоритъ еще, что Булгары построили большую мечеть, это очевидно относится къ главному городу Булгаръ.

---

(1) Les prairies d'or. II, 15.

(2) Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 80—82.

3 Эль-Балхи, Истахри и Ибнъ-Хаукаль. Должно сказать нѣсколько словъ о взаимномъ отношеніи этихъ авторовъ другъ къ другу.

Сочиненія Истахри, который писалъ около половины X стол., и Ибнъ-Хаукаля, который писалъ около 976 г., имѣютъ много общаго; въ сущности сочиненіе втораго есть только передѣлка и расширеніе перваго. Но Истахри самъ большинство заимствовалъ у предшествовавшаго писателя, въ настоящее время неизвѣстнаго; можетъ быть этимъ источникомъ пользовался и Ибнъ-Хаукаль, только Истахри передастъ извѣстія въ сокращенномъ видѣ, а Ибнъ-Хаукаль заимствуетъ цѣликомъ (1). Нѣкоторые новѣйшіе оріенталисты, напр. Хвольсонъ и Гаркави, предполагаютъ, что такимъ общимъ источникомъ для обоихъ былъ Эль-Балхи, который умеръ въ половинѣ X стол. (2). Сказаннымъ объясняется смѣшеніе этихъ трехъ источниковъ: Узели издалъ англійскій переводъ съ персидск. перевода сочиненія Истахри подъ именемъ Ибнъ-Хаукаля—The oriental geography of Ebn Haukal Lond 1800 (3), а переводъ нѣмецкаго оріенталиста Мордманна подъ именемъ сочиненія Истахри („Das Buch der Länder“ Hamburg 1845) представляетъ, по указанію Хвольсона, только буквальное, часто очень неполное извлеченіе изъ эль-Балхи (4).

Хвольсонъ сообщаетъ все сказанное эль-Балхи о Булгарахъ, собственно къ г. Булгару относится слѣдующее: „Булгаръ—имя страны, жители которой исповѣдуютъ исламъ, и имя города, въ которомъ находится главная мечеть. Недалеко отъ этого города лежитъ другой городъ Сиваръ, гдѣ также находится главная мечеть. Мусульманскій проповѣдникъ Булгаръ сказалъ автору, что число жителей обоихъ этихъ городовъ простирается до 10 тысячъ, что тамъ долгіе лѣтніе дни и короткія ночи, а зимою короткіе дни и долгія ночи. Дома деревянные и служатъ зимними жилищами, лѣтомъ же жители расходятся по войлочнымъ юртамъ“. Въ другомъ

---

(1) «Сказ. мусульм. писат.» Гаркави, 188, 216.

(2) Ibid. 271, 272.

(3) Ibid. 188—200.

(4) «Извѣстія Ибнъ Даста» 74, прим. а.

мѣстѣ эль-Балхи говоритъ: „Внѣшній Булгаръ маленькій городъ, незанимающій большаго пространства, и извѣстенъ только тѣмъ, что онъ главнѣйшій торговый пунктъ этого государства“ (5). Подъ выраженіемъ „Внѣшній Булгаръ“ арабскіе писатели всегда разумѣли страну Дунайскихъ Булгаръ въ противоположность „Внутреннему Булгару“, т. е. странѣ Камско-Волжскихъ Булгаръ, но здѣсь, очевидно, эль-Балхи разумѣетъ городъ на Волгѣ.

Гаркави (ibid. 275, 276) приводитъ только послѣднее мѣсто, относящееся къ Булгару, и одно неупоминаемое Хвольсономъ: „Куяба (Кіевъ) больше Булгара“.

Въ книгѣ Мордманна, которую Хвольсонъ считаетъ переводомъ извлеченія изъ эль Балхи, встрѣчается только одно мѣсто, относящееся къ г. Булгару, что Кутаба (Кіевъ) больше Булгара (6).

Френъ приводитъ текстъ и переводъ нѣкоторыхъ сообщенныхъ ему мѣстъ изъ рукописи сочиненія Ибнъ-Хаукаля: „Булгаръ небольшой городъ, не имѣетъ большей территоріи. Онъ былъ нѣкогда знаменитъ, такъ какъ былъ складочнымъ мѣстомъ торговли тамошняго государства. Но Русскіе разрушили его въ 358 г. (968, 969)“ (7). „Русскіе продавали (мѣха) въ Булгарѣ, пока этотъ городъ не былъ ими разрушенъ въ 358 г.“ (8).

Въ другомъ сочиненіи Френъ (9) приводитъ другія мѣста изъ рукописи сочиненія Ибнъ-Хаукаля, подобныя сообщаемымъ эль Балхи—о г. Суварѣ, сосѣднемъ съ г. Булгаромъ, что жители этихъ городовъ жили въ деревянныхъ домахъ только зимою, а лѣтомъ кочевали въ подвижныхъ войлочныхъ палаткахъ, что число жителей обоихъ городовъ 10,000, что въ обоихъ городахъ были мечети.

Въ третьемъ сочиненіи (10) Френъ указываетъ изъ одной рукописи сочиненія Ибнъ-Хаукаля мѣсто о продолжительно-

---

(5) Ibid. 82.

(6) Das Buch der Länder, стр. 106. Замѣтимъ, что арабское слово, означающее Кіевъ, по заявленію Френа (Ibn Foszlan 145), можно читать на разные лады.

(7) Ibn Foszlan, 64.

(8) Ibid. 66.

(9) Drei Münzen, стр. 203, 204.

(10) Die ältest. arab. Nachricht., 573, прим. 43.

сти лѣтнихъ дней и зимнихъ ночей и краткости лѣтнихъ ночей и зимнихъ дней.

4 Мукаддеси. Въ концѣ X стол., именно въ 985 г. писалъ Мукаддеси. Хвольсонъ (ibid. 84, 85) сообщаетъ изъ берлинской рукописи сочиненія Мукаддеси мѣсто, относящееся къ г. Булгару: „Булгаръ лежитъ на обоихъ берегахъ (рѣки), строенія тамъ изъ дерева и камыша. Ночи тамъ коротки. Главная мечеть стоитъ на рынкѣ. Мусульмане уже давно завоевали его. Булгаръ лежитъ у р. Итиля и находится ближе къ морю, чѣмъ къ столицѣ“ (1). По поводу послѣднихъ словъ, Хвольсонъ замѣчаетъ, что онъ не можетъ объяснить, что разумѣетъ Мукаддеси подъ столицею.

Мукаддеси упоминаетъ и о г. Сиварѣ, который также лежалъ на Волгѣ и еще о третьемъ городѣ, который лежалъ на другой рѣкѣ, имени этого города Хвольсонъ не могъ разобрать въ рукописи (См. ниже).

8. *Арабскіе писатели XI—XIII столѣтія.*

1 Эль Бекри XI ст. и Эдриси XII стол. Отъ XI стол. извѣстенъ только одинъ арабскій писатель, который упоминаетъ о Булгарахъ—эль Бекри. Хвольсонъ (ibid. 85, 86), ссылаясь на Fragm. Defrémery, стр. 12, 21, говоритъ, что эль Бекри знаетъ извѣстія Ибнъ-Даста о Булгарахъ, но пользовался еще другимъ, неизвѣстнымъ источникомъ, какъ видно изъ словъ эль Бекри, что число Булгаръ очень невелико, что ихъ всего 500 семействъ „Это послѣднее извѣстіе, безъ сомнѣнія, замѣчаетъ Хвольсонъ, основано на ошибкѣ, или же цифра искажена“. Но мы встрѣтимся далѣе съ подобнымъ извѣстіемъ и у другихъ писателей.

Въ половинѣ XII ст. писалъ Эдриси, Географія котораго напечатана во французскомъ переводѣ Жобера — Géographie d'Edrisi, Paris, 1840. Изъ этой Географіи къ г. Булгару относится слѣдующее мѣсто: „Булгаръ имя города, населеннаго христіанами и мусульманами; послѣдніе имѣютъ

(1) Ученый библіотекарь Казанскаго университета, бывшій профессоръ арабскаго языка, І. О. Готвальдъ перевелъ мнѣ послѣднія слова—«ближе къ морю, чѣмъ столица»

большую мечеть. Близъ этого города деревянныя строенія, куда переходятъ жители на зиму, лѣтомъ они живутъ въ палаткахъ. Въ Руси и въ Булгарѣ продолжительность дня зимою не болѣе $3^1/_2$ час. Ибнъ-Хаукаль увѣряетъ, что онъ былъ самъ свидѣтелемъ этого" (1). Изъ этого мѣста видно, что Эдриси пользовался Ибнъ-Хаукалемъ.

2 Путешественники въ Булгаръ: Андалуси и Джевалики. Отъ XII стол. имѣемъ еще двухъ арабскихъ путешественниковъ въ г. Булгаръ—Абу-Хамидъ-эль-Андалуси и эль Джевалики.

Первый назывался также Абу-Абдулахъ эль Гарнати; какъ увидимъ, Френъ изъ этихъ двухъ названій одного лица сдѣлалъ двухъ различныхъ путешественниковъ.

Андалуси посѣтилъ Булгаръ въ 1135 г., извлеченіе изъ его извѣстій находится въ Географическ. Словарѣ Казвини, составленномъ въ XIII ст. (1); затѣмъ разсказъ Абу-Хамида о г. Булгарѣ передастъ также Аашикъ-Мухаммедъ, умершій въ 1596 г., въ сочиненіи „Меназируль-авалимъ (Обозрѣніе Міровъ). Гаммеръ (2) представляетъ нѣмецкій переводъ статьи о г. Булгарѣ изъ этого сочиненія:

„По разсказу Абу-Хамида, Андалузинина, Булгаръ большой городъ, дома котораго изъ сосноваго, а стѣна изъ дубоваго дерева; вокругъ Булгара безчисленныя племена Тюрковъ. Въ Булгарѣ длиннѣйшій день въ 20 час., кратчайшая ночь 4 часа, и наоборотъ съ кратчайшимъ днемъ длиннѣйшая ночь. Въ Булгарѣ сильный холодъ: зимою и лѣтомъ тамъ почти не перестаетъ идти снѣгъ". Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о принятіи Булгарами ислама, послѣ исцѣленія однимъ благочестивымъ мусульманиномъ жены булгарскаго царя, и о происшедшей вслѣдствіе этого войны съ Хозарами. Благочестивый мусульманинъ „назывался Бюларъ, и по его имени городъ названъ Бюларомъ, впослѣдствіи съ арабскимъ измѣненіемъ—Булгаръ. Судья булгарскій разсказываетъ въ своей исторіи города тоже самое, онъ былъ товарищемъ Имама ель Харемейна (Боже, помилуй ихъ обоихъ!); онъ говоритъ, что царь Булгара побѣждаетъ не-

---

(1) Géographie d'Edrisi, т. II, стр. 402.

(1) «Извѣстія И. Даста» Хвольсона, 86—88.

(2) Geschichte der Goldenen Horde, стр. XLVI, 422—424.

вѣрныхъ въ жестокую стужу и дѣлаетъ плѣнниками со всѣми ихъ семействами. Жители Булгара переносятъ холодъ терпеливѣе всѣхъ людей, п. ч. они питаются большею частію только медомъ, бобромъ и животнымъ, шкура котораго даетъ бѣличій мѣхъ". Далѣе идутъ разсказы о великанѣ, котораго Абу-Хамидъ видѣлъ въ этой странѣ и объ огромныхъ зубахъ неизвѣстнаго животнаго, находимыхъ подъ землею; эти клыки вывозились изъ Булгара въ Ховарезмъ „Разсказываютъ, говоритъ Абу-Хамидъ, что если житель Весу и Юра придетъ въ Булгаръ лѣтомъ, воздухъ тотчасъ становится холоднымъ и хлѣбъ въ полѣ портится, поэтому ни одинъ житель этихъ странъ не долженъ вступать въ Булгаръ". Наконецъ слѣдуетъ разсказъ о необыкновенной птицѣ, тамъ встрѣчающейся, верхній клювъ которой 6 мѣсяцевъ обращенъ въ одну сторону, а другіе 6 мѣсяцевъ—въ другую.

Хвольсонъ (ibid. 86—88, 187) приводитъ изъ Абу-Хамида, по Казвини, тѣже извѣстія, исключая разсказъ о птицѣ. Извѣстіе о томъ, что Весь не пускали въ городъ, Хвольсонъ объясняетъ тѣмъ, что Булгары не хотѣли, чтобъ иностранные купцы, приходящіе въ ихъ городъ, узнали за какую ничтожную цѣну они покупали отъ Веси мѣховые товары, продаваемые потомъ за высокую цѣну.

Френъ (3), который пользовался Казвини по рукописи, объясняетъ имя и время жизни упоминаемаго судьи (кади), который писалъ исторію Булгара. „Казвини, говоритъ Френъ, называетъ его только булгарскимъ кади. Но я не думаю ошибиться, разумѣя подъ нимъ Якуба сына сель-Номана и считая его жившимъ въ первой половинѣ 6 стол. гиджры. (12 стол. по Р. Хр.). Абшихи въ 9 стол. замѣчаетъ въ своей Антологіи, что Абу-Абдулла (т. е. Мухаммедъ Гарнати) въ 530 г. былъ въ Булгарѣ и тамъ имѣлъ сношенія съ кади Булгара Якубомъ сыномъ Номана. Съ указаннымъ временемъ этого булгарскаго кади согласуется и то, что Абу-Хамидъ Андалуси, который также былъ въ Булгарѣ, говоритъ въ своемъ сочиненіи, написанномъ прежде 555 г.; а также наконецъ и то обстоятельство, что этотъ кади у Казвини названъ ученикомъ Имама сель Харемейни, это— Абулъ-маали Абдулъ-мелинъ Джувейни, умершій въ 478 г."

(3) Drei Münzen 180, 181.

Хвольсонъ (ib. 87) говоритъ, что „Френъ вслѣдствіе ошибки, очень извинительной въ его время, изъ Абу-Хамида и Абу-Абдаллы сдѣлалъ двухъ различныхъ путешественниковъ. Но это не такъ, ибо Абу-Хамидъ носилъ и имя Абу-Абдаллы, см. Reinaud Geogr. d'Aboulf. I, Introd., стр. CXI и слѣд. и особ. стр. CXII. прим. 1".

Френъ (Drei Münzen 185) и Хвольсонъ (ib. 88) обращаютъ вниманіе на объясненіе названія г. Бюлара или Булгара.

Френъ называетъ нелѣпостью, что имя Бюларъ, въ арабск. формѣ соотвѣтствуетъ Булгару, и указываетъ, что Бюларъ былъ городъ отдѣльный отъ Булгара (4).

Хвольсонъ говоритъ, что „нельзя не замѣтить очень любопытнаго указанія Абу-Хамида, что имя „Биларъ" вмѣсто Болгара, было извѣстно уже въ началѣ XII стол. Это имя принимали тогда даже за первопачальное и туземное; упомянутый болгарскій кади говоритъ, что городъ получилъ названіе отъ Билара, который ввелъ у нихъ исламъ, и что это имя арабизировано въ Боларъ; но это, безъ сомнѣнія, невѣрно".

Ниже мы увидимъ, что Абуль-Феда, вѣроятно основываясь на Андалуси, говоритъ о г. „Бюларѣ", названномъ Арабами Булгаръ.

Изъ сочиненія другаго путешественника въ Булгаръ эль Джевалики, который умеръ въ 1145 г., компиляторъ XIV стол. Ибнъ эль Варди приводитъ слова о короткихъ зимнихъ дняхъ въ Булгарѣ; эти слова эль Джевалики передаетъ какъ очевидецъ (5).

3 Якутъ и Казвини XIII столѣтія. Къ XIII стол. принадлежитъ, какъ выше замѣчено, составленіе Якутомъ Большаго Словаря. Якутъ въ статьѣ подъ заглавіемъ Булгаръ, передъ записною Ибнъ-Фадлана, говоритъ: „Булгаръ главный городъ Славянъ, онъ лежитъ на дальнемъ сѣверѣ. Холодъ тамъ очень сильный: земля и лѣтомъ также мало

---

(4) Френъ ссылается при этомъ на статью свою о Бюларѣ въ Fundgruben des Orients, т. V. Съ содержаніемъ этой статьи мы познакомимся ниже.

(5) Хвольсонъ (ibid. 76) приводитъ этотъ отрывокъ изъ Ибнъ-эль-Варди по рукописи библіотеки Спб. универс. и печатнаго изданія въ Булакѣ 1863 г.

освобождается отъ снѣга, какъ зимой, рѣдко видно сухое мѣсто. Булгары строятъ свои дома только изъ дерева, одно бревно кладутъ на другое и соединяютъ ихъ крѣпкими, тоже деревянными гвоздями. Плодовъ и другихъ лучшихъ произведеній земли тамъ нѣтъ" (1).

Въ этихъ словахъ Якута заслуживаетъ особеннаго вниманія названіе Булгара городомъ Славянъ, далѣе Якутъ два раза упоминаетъ Славянъ, вмѣсто Булгаръ. Якутъ говоритъ, что онъ читалъ записку Ибнъ-Фадлана, который былъ посланъ халифомъ къ царю Славянъ; затѣмъ, передавши словами И. Фадлана о причинахъ и составѣ посольства, Якутъ говоритъ, что далѣе Ибнъ-Фадланъ разсказываетъ все, что видѣлъ на пути въ Харезмъ (Хива) и оттуда до земли Славянъ, но это Якутъ опускаетъ и продолжаетъ передавать слова И. Фадл. только съ прибытія посольства къ Булгарамъ.

Самъ Ибнъ-Фадланъ употребляетъ названія: Славяне, славянскій, какъ синонимы Булгарамъ, булгарскій. Записка его начинается слѣдующими словами: „Отъ царя Славянъ, Блатавара (Влатаваца) Алмуса, сына Шилки (2), было послано письмо къ эмиру". Далѣе И. Фадл. говоритъ: „когда мы были на разстояніи около 24 часовъ отъ царя Славянъ, къ которому было посольство, послѣдній послалъ къ намъ на встрѣчу для привѣтствія 4 подвластныхъ князей". Наконецъ И. Фадл. указываетъ, что до прибытія ихъ посольства публичная молитва (хутба) за булгарскаго царя была: „Боже благослови царя, Влатаваца, царя булгарскаго" (3).

Эти мѣста изъ Якута и Ибнъ-Фадлана, какъ извѣстно, представляются важнѣйшимъ основаніемъ для опредѣленія народности Булгаръ. Еще Френъ (ibid. 549), основываясь главнымъ образомъ на этихъ выраженіяхъ, говоритъ, „что этотъ народъ еще въ раннее время былъ столько же мало чисто славянскихъ, какъ чисто финскимъ или тюркскимъ, но представлялъ амальгаму всѣхъ трехъ расъ". Новѣйшій ученый Д. И. Иловайскій (4), основываясь, между прочимъ,

---

(1) «Die ältest. arabisch. Nachrichl». Френа, стр. 565.

(2) Такъ переводитъ Френъ (ibid. 565), а Гаркави (Сказ. мусульм. писат., стр. 85): «Альмаса ибнъ-Шалки Балтавара, царя Славянъ».

(3) Такъ у Френа (ibid. 570), у Гаркави (ibid. 87): «Боже, благослови царя Балтавара, царя Булгаръ!».

(4) Розысканія о началѣ Руси. М. 1876 г. стр. 408.

на этихъ выраженіяхъ Якута и И. Фадлана, говоритъ, что „есть поводы думать, что Камскіе Булгары были славяно-булгарскою вѣтвію, постепенно утратившею свою народность посреди туземныхъ татаро-финскихъ племенъ".

Къ XIII стол. относится и составленіе Казвини Географическ. Словаря, при чемъ составитель пользовался разными предшествовавшими ему источниками, между прочимъ и И. Фадланомъ. По этому поводу Френъ (ib. 569, прим. 26) говоритъ, что Казвини представляетъ новое важное доказательство, какъ Арабы малосознательно относились къ своимъ источникамъ: Казвини не только сокращаетъ, но извращаетъ Ибнъ-Фадлана, напр. нѣкоторыя мѣста, относящіяся къ Булгару, Казвини несправедливо приводитъ подъ рубрикою „Славяне", потому что, какъ мы видѣли, И. Фадл. названія Булгары и Славяне употребляетъ, какъ синонимы".

Г. *Историки нашествія Монголовъ.*

1. Персидскіе историки Рашидъ-Эддинъ и Джувейни и арабскій Ибнъ-Эльасиръ. Въ началѣ XIII стол. совершилось великое событіе—нашествіе Монголовъ на Сѣверо-вост. Европу, при этомъ разгромъ Монголовъ распространился и на Булгарію. Важнѣйшимъ мусульманскимъ источникомъ исторіи этого нашествія считается персидскій историкъ, знаменитый Рашидъ-Эддинъ, умершій въ 1319 г. (1). Переводъ изъ его исторіи о первомъ нашествіи Монголовъ на Россію, во время котораго происходила битва при Калкѣ, помѣщенъ Березинымъ въ Журн. Мин. Н. Пр. 1853 г., т. LXXIX; а о второмъ нашествіи, такъ называемомъ Батыевомъ, въ томъ-же журналѣ 1855 г., т. LXXXVI. Мѣсто изъ Рашидъ-Эддина о второмъ походѣ встрѣчается во французскомъ переводѣ у Д'Оссона (2).

Рашидъ-Эддинъ, описывая первое нашествіе, не упоминаетъ о нападеніи на Булгаръ; это дополняетъ арабскій историкъ Ибнъ-Эльасиръ, изъ „Всеобщей Исторіи" котораго

(1) См. предисловіе Березина къ сдѣланному имъ переводу первой части «Сборника лѣтописей» Рашидъ-Эддина въ Труд. Восточн. Отдѣл. Археол. Общ., т. V, стр. VI.

(2) Hist. des Mongols, II, note II.

Березинъ ([3]) также приводитъ мѣсто о разбитіи въ концѣ 1223 г. Монголами 4000 Булгаръ и о движеніи Монголовъ изъ Булгаріи черезъ Саксинъ, упоминаемый также нѣкоторыми мусульманскими географами, русскими лѣтописями и т. д.

Ибнъ-Эльасиръ не упоминаетъ о самомъ г. Булгарѣ, но Березинъ предполагаетъ, что многія надгробныя надписи въ с. Булгарѣ, въ Казанской и даже Оренбургской (Уфимской) губерніи, указываютъ на особенную эру, которая выражается двумя арабскими словами, которыя значатъ „пришествіе угнетенія“, при чемъ никакого года не обозначено въ числахъ. Березинъ предполагаетъ, что „пришествіе угнетенія“ обозначаетъ нашествіе Монголовъ; сложивъ числа, которыя обозначаются буквами, входящими въ составъ вышеозначенныхъ двухъ арабскихъ словъ, мы получимъ, говоритъ Березинъ, 623 годъ гиджры или 1226 г. нашего лѣтосчисленія. „Эти многочисленные памятники очень ясно и несомнѣнно говорятъ, что Субудай-Багадуръ, вопреки извѣстію Ибнъ-Эльасира, воевалъ Булгарскую землю въ 1226 г.: не могли же Булгары, между которыми было столько ученыхъ мужей, ошибиться на всѣхъ памятникахъ въ лѣтосчисленіи; словомъ же угнетеніе, тиранія, не могли они означать что иное, кромѣ нашествія Монголовъ; къ моровому повѣтрію, о которомъ нигдѣ нѣтъ и упоминанія, подобное слово не можетъ относиться“ ([4]). Далѣе, при разсмотрѣніи булгарскихъ надгробныхъ надписей, мы увидимъ, что противъ объясненія Березина въ позднѣйшее время сдѣланы были серьезныя возраженія, уничтожающія чтеніе Березина.

Въ исторіи втораго нашествія Монголовъ на Булгаръ Рашидъ Эддинъ указываетъ принцевъ, которые были назначены на завоеваніе Кыпчакской т. е. Половецкой, по объясненію Березина (ibid. 235—241), степи; въ 1236 г. принцы соединились съ почтеннымъ Субудай Багадуромъ и другими вождями въ предѣлахъ Булгарскихъ; оттуда они дви-

([3]) Ж. М. Н. Пр. 1853, т. LXXIX, стр. 243. Хаджи Халфа въ извѣстн. библіографическ. сочиненіи говоритъ, что Ибнъ-Эльасиръ вулгарное имя этого автора, приводитъ настоящее его имя и говоритъ, что онъ писалъ отъ самаго начала (a rerum initio) до 628 г. (1230), умеръ въ 630 г. (1232).

([4]) Ж. М. Н. Пр. 1853, т. LXXIX, стр. 249, 250.

нулись на завоеваніе Польши и Венгріи ([5]); по возвращеніи изъ этихъ западныхъ странъ, принцы и вожди собрались у р. Джаяна (Джаякъ, Яикъ); отсюда Бату послалъ Субудая въ предѣлы Булгарскіе. Субудай съ войскомъ дошелъ до г. Керпека, подъ которымъ Березинъ предполагаетъ булгарскій г. Кременчугъ (правильно Керманчукъ, что значитъ крѣпость), упоминаемый въ русскихъ лѣтописяхъ ([6]), и до другихъ мѣстъ; разбилъ тамошнее войско и заставилъ покориться. Тамошніе владѣльцы Баянъ и Джику ([7]) пришли и изъявили покорность принцамъ; будучи пожалованы, возвратились назадъ, но опять возстали. Послѣ этого Субудай Багадуръ овладѣлъ ихъ землею ([8]).

Послѣ завоеванія Булгаръ, Рашидъ Эддинъ разсказываетъ о завоеваніи сосѣднихъ съ Булгарами племенъ: Мокши (Мордвы), Буртасовъ и Черемисъ.

Рашидъ-Эддинъ не упоминаетъ о самомъ г. Булгарѣ, это дополняетъ предшественникъ его Джувейни, который разсказываетъ, что „въ предѣлахъ Булгара принцы сошлись вмѣстѣ: отъ множества воиновъ земля стонала, и отъ громады войскъ обезумѣли дикіе звѣри и почныя птицы. Спа-

([5]) Не должно удивляться, говоритъ Березинъ, ошибкѣ Рашидъ-Эддина, начинающаго описаніе похода Батыева съ войны съ Поляками и Венграми: отдаленность странъ и событій должны служить ему извиненіемъ. Что эта ошибка, въ этомъ можно убѣдиться изъ разсказа предшественника Рашидъ-Эддинова Джувейни, который войну съ двумя христіанскими народами ставитъ послѣ покоренія Кипчаковъ.

([6]) На сколько это предположеніе справедливо, см. ниже въ III Отдѣлѣ—«Кукотинское городище и его окрестности». Во франц. переводѣ Д'Оссона названіе этого города читается «Cazan?».

([7]) По поводу именъ булгарскихъ владѣльцевъ, Березинъ замѣчаетъ, что нѣкоторые неправильно утверждаютъ, что въ Булгарѣ, во время покоренія его Монголами, правилъ ханъ Илгамъ. Далѣе мы увидимъ, гдѣ встрѣчается имя Илгама.

([8]) Эрдманъ (Beiträge zur Kenntniss d. Innern v. Rusland, Рига и Дерптъ, 1822 г., I, 300) упоминаетъ о татарск. рукописи «Таварихъ-есъ-Шамійе» (Лѣтописи Сирійца), изъ которой приводитъ только указаніе, что Булгарскій ханъ Ильгамъ безъ сопротивленія покорился Татарамъ во время Бату. «По русскимъ лѣтописямъ (Воскрес. II, 193), замѣчаетъ Эрдманъ, напротивъ, это покореніе сопровождалось убійствами и грабежами». Это кажущееся противорѣчіе объясняется Рашидъ-Эддиномъ, который говоритъ, что первоначально Булгарскіе владѣтели Баянъ и Джику, а не Ильгамъ, выразили Татарамъ покорность и были пожалованы, но потомъ возстали, послѣ чего Субудай-Багадуръ овладѣлъ ихъ землею.

чала они взяли городъ Булгаръ, который славился по свѣту своимъ населеніемъ, и губили жителей крѣпко и жестоко и поплѣнили (⁹)". Основываясь на Джувейни, по которому завоеваніе Булгара предшествовало завоеванію Русской земли и походу въ Польшу и Венгрію, Д'Оссонъ (ibid. II, 111) относитъ завоеваніе Булгарской земли къ 1236 г.

2 Абуль-Гази. О завоеваніяхъ Монголовъ въ Кипчакѣ и между прочимъ Булгаръ упоминаетъ и Абуль-Гази, извѣстный тюркскій историкъ XVII стол., потомокъ Чингизъ-Хана, ханъ Хивинскій. Сочиненіе царственнаго историка переведено на европейскія языки не одинъ разъ (¹).

Абуль Гази указываетъ на первоначальное завоеваніе Кипчака и Булгаріи до Батыя: „Когда принцы (сыновья Чингизъ Хана) были въ Харезмѣ, они получили отъ Чингизъ-Хана приказъ, который повелѣвалъ Джучи и Джагатаю признавать Окдая главою и во всемъ ему повиноваться. По этой причинѣ, Джучи-Ханъ, недовольный этимъ приказомъ, удалился, послѣ завоеванія Харезма, въ Дешти-Кипчакъ, гдѣ онъ покорилъ всѣ племена".

Далѣе Абуль-Гази приводитъ изъ Рашидъ-Эддина: „Въ своей исторіи Рашидъ говоритъ: когда Джучи-Ханъ отпра-

(⁹) Эту выписку изъ Джувейни приводитъ также Березинъ (Ж. М. Н. Пр. 1855, т. LXXXVI, стр. 108, 109). Д'Оссонъ представляетъ франц. переводъ изъ Джувейни о походѣ Батыя (Hist. des Mongols, II, note II).

(¹) Шведскіе офицеры, отправленные въ Сибирь послѣ Полтавской битвы, открыли въ Тобольскѣ рукопись исторіи Абуль-Гази; одинъ бухарскій ахундъ продиктовалъ переводъ ея русскому писцу. Съ русскаго перевода однимъ шведомъ Шёнстрёмомъ былъ сдѣланъ переводъ на нѣмецкій языкъ, изданный въ 1780 г. подъ именемъ перевода Мессершмида, извѣстнаго путешественника въ Сибирь. Но еще прежде съ нѣмецкаго рукописнаго перевода былъ сдѣланъ французскій переводъ, изданный въ 1726 г.; съ франц. же въ 1780 г. появился переводъ англійскій и въ 1770 г. русскій, сдѣланный Тредьяковскимъ. Около половины сочиненія Абуль-Гази появилось позднѣе въ русскомъ переводѣ съ татарскаго подлинника, напечатаннаго въ Казани въ 1825 г. и по рукописи Акад. наукъ. Этотъ переводъ сдѣланъ казанскимъ ученымъ г. Саблуковымъ и напечатанъ въ III т. «Библіотеки восточн. писателей». Каз. 1854 г. Новѣйшій французскій переводъ барона Демезона напечатанъ въ Спб. въ 1874 г. «Histoire des Mogols et des Tatars». Демезонъ при переводѣ пользовался, кромѣ вышеупомянутой рукописи Акад. наукъ и печатн. казанск. изданія, рукописями берлинскими и гёттингенскими. Я пользуюсь этимъ послѣднимъ переводомъ.

вился въ Ургенджъ съ своими младшими братьями, Чингизъ-Ханъ приказалъ ему повиноваться Окдаю. Недовольный этимъ приказомъ Джучи-Ханъ отправился послѣ взятія Ургенджа, для завоеванія земель Кипчаковъ, Урусовъ, Черкесовъ, Булгаръ, Мадьяръ и Башкурдовъ" (Desmaison, стр. 140).

„Въ 633 г. (1236), въ годъ обезъяны, Окдай-Каанъ, по возвращеніи изъ Китая, послалъ Бату и другихъ принцевъ для завоеванія земель Урусовъ, Черкесовъ, Булгаръ, Башкурдовъ, Турана и другихъ провинцій. Принцы, послѣ пришествія изъ экспедиціи, которая продолжалась 7 лѣтъ, возвратились къ каану, побѣдивши всѣ страны (которыя каанъ приказалъ имъ покорить)" (ibid. 148, 149).

„Окдай-Каанъ послалъ Бату-Хана для завоеванія земель, населенныхъ Урусами, Черкесами, Булгарами и друг. народами" (ib. 179, 180).

Кромѣ этихъ первыхъ походовъ противъ Булгаръ, Абуль-Гази упоминаетъ о позднѣйшемъ походѣ Менгу-Тимура, внука Бату: „Онъ (Менгу-Тимуръ) самъ пошелъ противъ Булгаръ и побѣдителемъ возвратился въ свои владѣнія послѣ двухълѣтняго отсутствія" (ibid. 182).

Вотъ всѣ мѣста, которыя у Абуль-Гази относятся къ Булгарамъ. Главнымъ источникомъ для Абуль-Гази былъ Рашидъ-Эддинъ; это видно и изъ вышеприведеннаго мѣста, гдѣ Абуль-Гази самъ указываетъ на Рашидъ-Эддина.

Мѣсто изъ Рашидъ-Эддина о первомъ завоеваніи Булгаръ при Бату мы уже видѣли, но о предыдущемъ походѣ Джучи и послѣдующемъ Менгу-Тимура я, къ сожалѣнію, не могу привести подлинныхъ мѣстъ изъ Рашидъ-Эддина, такъ какъ эти мѣста не входятъ въ извѣстные переводы Картмера и Березина и не напечатаны въ подлинномъ текстѣ. Между тѣмъ я придаю особенную важность извѣстію о позднѣйшемъ походѣ Менгу-Тимура, о которомъ нѣтъ никакихъ другихъ указаній, и подробности котораго были бы весьма важны на томъ основаніи, что я предполагаю, что позднѣйшіе татарскіе источники смѣшиваютъ разгромъ булгарскихъ городовъ Аксакъ-Тимуромъ съ этимъ походомъ Менгу-Тимура (²). Какъ увидимъ ниже, исторія завоеваній

(²) См. ниже «Объясненіе хронологическихъ противорѣчій о походѣ Тимура и основаніи г. Казани».

Аксакъ-Тимура въ Булгарской землѣ составляетъ главное содержаніе позднѣйшихъ татарскихъ историческихъ сказаній, а между тѣмъ объ этомъ не упоминаетъ ни одинъ изъ историковъ Аксакъ-Тимура.

Д. *Арабскіе писатели XIV и XV ст. и Персидскіе XV—XVIII ст.*

1 Абуль-Феда. Къ началу XIV стол. принадлежитъ „Географія“ Абуль-Феда, оконченная въ 1321 г. (1). Переводъ ея на латинскій языкъ, а не на нѣмецкій, какъ по ошибкѣ сказано у Хвольсона (ibid.), находится въ Magasin für neue Historie und Geographie Бюшинга, т. IV и V. Отсюда я представляю переводъ статьи о г. Боларѣ, какъ называетъ Абуль-Феда г. Булгаръ:

„Боларъ, названный Арабами Болгаръ, городъ на крайнемъ обитаемомъ Сѣверѣ, недалеко отъ берега Амоли (2), въ сѣверо-восточномъ континентѣ, въ одномъ и томъ же съ Сараемъ, отъ котораго отстоитъ болѣе 20 дней пути. Стоитъ на низкомъ мѣстѣ, въ разстояніи отъ горы на день пути, тамъ 3 бани, жители мусульмане-ханефиты. Тамъ нѣтъ ни весенникъ плодовъ, ни приносящихъ ихъ деревьевъ, по причинѣ большаго холода, нѣтъ также никакихъ ягодъ. Изъ сообщенія каждаго туземца извѣстно, что съ начала лѣта тамъ день почти не перестаетъ и ночи очень коротки. Это совершенно вѣрно и согласуется съ заключеніями астрономическихъ вычисленій, ибо начиная съ $42\frac{1}{2}$ градусовъ ширины свѣтъ не исчезаетъ съ наступленія лѣта. А ширина этого города гораздо больше 48 град. И такъ понятно, какимъ образомъ повѣряется это сообщеніе (о непреходящемъ днѣ)“ (3). Въ другомъ мѣстѣ Абуль-Феда говоритъ о Волгѣ, что она проходитъ около г. Булгара, огибая его съ сѣвера

(1) «Абуль-Феда», ст. Хвольсона въ Энциклопед. Словарѣ Краевскаго, т. I, стр. 127.

(2) Во франц. переводѣ этого мѣста съ сокращеніями у Гаммера (Sur les origines Russes, стр. 9) читается Етель, т. е. Волга.

(3) Все это мѣсто изъ Абуль-Феда повторяетъ умершій въ 1596 г Аашикъ Мухаммедъ, нѣмецкій переводъ изъ сочиненія котораго представляетъ Гаммеръ въ Gesch. d. Gold. Horde, стр. 422.

и запада. „Этотъ городъ, называемый Арабами городомъ Внутренней Булгаріи, находится за 50 град. широты".

2. Ибнъ-ель-Варди. Онъ умеръ въ 749 г. (1349), изъ компиляціи его подъ заглавіемъ „Жемчужина чудесъ" разные писатели приводятъ мѣста, относящіяся къ г Булгару.

Френъ въ сочиненіи своемъ о древнѣйшей булгарской монетѣ [1] указываетъ на одно мѣсто [2] изъ этого сочиненія по казанской рукописи, изъ которой сдѣлана была Френу выписка, какъ говоритъ Френъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ онъ писалъ. Подтвержденіемъ нахожденія въ Казани сочиненія Ибнъ-ель-Варди въ рукописяхъ служитъ показаніе Свиньина, который въ статьѣ о Булгарѣ [3] замѣчаетъ, что это сочиненіе, вмѣстѣ съ двумя другими, о которыхъ будемъ говорить, находилось въ рукописяхъ у нѣкоторыхъ абызъ въ Казани и Касимовѣ.

Свиньинъ упоминаетъ объ Ибнъ-эль-Варди, по поводу свидѣтельства его, что Волга прежде протекала около г. Булгара.

Нѣсколько мѣстъ изъ Ибнъ-ель-Варди приводитъ Эрдманъ въ весьма замѣчательномъ для своего времени сочиненіи Beiträge zur Kenntniss des Innern v. Rusland, напечатанномъ въ 2 томахъ въ Ригѣ и Дерптѣ въ 1822 г. Приводимыя Эрдманомъ мѣста изъ Ибнъ-ель-Варди говорятъ, что г. Булгаръ лежитъ на самомъ берегу Волги, что онъ былъ прежде извѣстенъ, какъ главный городъ и гавань этой страны, пока его не разрушили Русы въ 358 г. гиджры, что въ немъ были мусульманскія училища.

Изъ позднѣйшихъ указаній на Ибнъ-эль-Варди встрѣчаемъ у Френа о томъ, что этотъ городъ былъ славенъ до разоренія его Русскими [4] и о зимнихъ и лѣтнихъ дняхъ и почахъ [5].

(1) De numorum bulgaricorum forte antiquissimo, Каз. 1817 г., 2-я ч., стр. 26.

(2) Это мѣсто говоритъ о посольствѣ въ Булгаръ халифа Муктадира-Биллаха, объ этомъ посольствѣ болѣе точно и подробно говоритъ Ибнъ-Фадл., но въ 1817 г., когда Френъ писалъ эту статью, сочиненіе И. Фадл. еще не было извѣстно.

(3) Отеч. Записки 1824 г., ч. 18, № 48 и въ собраніи статей Свиньина подъ заглавіемъ «Картины Россіи» Спб. 1839 г., стр. 190, прим.

(4) Ibn Foszlan, стр. 64. Здѣсь Френъ ссылается на Notices et Extraits Дегиня т. II, стр. 53.

(5) Die ältest. arabisch. Nachricht., 373, прим. 43.

Хвольсонъ ([6]) объ Ибнъ-эль-Варди говоритъ, что изъ этого писателя, перазсказывающаго о Булгарѣ ничего новаго, мы узпаемъ, что этотъ городъ пользовался большею славою на востокѣ; Ибнъ эль Варди говоритъ, что описаніе его превышаетъ всякую вѣроятность.

Фрагментъ текста съ латинскимъ переводомъ изъ сочиненія Ибнъ-эль-Варди былъ напечатанъ въ 1835 и 1839 г. ([7]). Здѣсь собственно къ г. Булгару относится слѣдующее мѣсто: „Булгаръ небольшой городъ, который имѣетъ небольшія владѣнія. Но пѣкогда былъ славенъ, потому что былъ пристанью и стоянкою судовъ для государствъ, здѣсь расположенныхъ. Но Русь (Итиль и Семендеръ) ([8]) въ 358 г. этотъ городъ совершенно разграбили и лишили всякаго могущества“ ([9]). Въ другомъ мѣстѣ Ибнъ эль-Варди говоритъ, что р. Итиль (Волга) перемѣнила свое теченіе, но при этомъ говорится о Волгѣ вообще, а не при г. Булгарѣ ([10]).

3 Ибнъ-Батута. Къ XIV стол. принадлежитъ также сочиненіе Ибнъ-Батуты, текстъ котораго съ франц. переводомъ изданъ въ пятидесятыхъ годахъ въ Парижѣ, отъ Азіатскаго Общества—„Voyages d' Ibn Batoutah“.

Ибнъ-Батута былъ на кочевкѣ хана Узбека. „Я слышалъ, говоритъ И. Батута, разговоры о г. Булгарѣ и захотѣлъ туда отправиться, чтобы повѣрить собственными глазами, что разсказывается о немъ, узпать чрезвычайную продолжительность ночи въ этомъ городѣ и продолжительность дня въ другое время. Между Булгаромъ и кочевкою султана было разстояніе на 10 дней пути“. Ибнъ-Батута, сопровож-

---

([6]) Извѣстія Ибнъ Даста, стр. 89.

([7]) Fragmentum libri Margarita mirabilium, auctore Ibn-el-Vardi, proœmium, Caput secundum, tertium, quart. et quint. continens. Upsaliae. Pars prior 1835, Pars posterior 1839.

([8]) Френъ (Ibn Foszlan, 64), по поводу этого мѣста, которое такъ переводитъ и Дегинь въ Notices et Extraits, II, 63, замѣчаетъ, что Итиль и Семендеръ должны относиться къ глаголу разрушить, т. е., что гг. Итиль и Семендеръ были разрушены вмѣстѣ съ г. Булгаромъ, а не въ смыслѣ, что жители первыхъ двухъ городовъ, вмѣстѣ съ Русскими, разрушили г. Булгаръ.

([9]) Fragmentum, I, 28.

([10]) ibid. Pars posterior, стр. 3.

даемый спутникомъ, даннымъ ему самимъ ханомъ, отправился въ Булгаръ, пробылъ тамъ трое сутокъ, убѣдился въ продолжительности дня и собралъ свѣдѣнія объ особенностяхъ путешествія оттуда въ землю Мрака (1). Болѣе, къ сожалѣнію, Ибнъ-Батута о Булгарѣ ничего не сообщаетъ.

4 Химъяри (Хумейри) XV стол. Къ концу VIII или начала IX стол. гиджры принадлежитъ, говоритъ Френъ, арабскій писатель Мухаммедъ Хумейри (1), изъ котораго Френъ приводитъ извѣстіе, что въ Булгарѣ было 500 домовъ и нѣсколько мечетей. Къ какому времени относится это извѣстіе, авторъ не говоритъ. Гаммеръ передаетъ это извѣстіе нѣсколько иначе: „жилище Булгаръ было на Волгѣ, гдѣ жило около 500 семействъ съ одною мечетью“ (2).

Френъ не называетъ по имени сочиненія Химъяри, а Гаммеръ приводитъ это извѣстіе изъ извѣстнаго сборника „Джиханъ-нума“, составленнаго Хаджи-Халфою и напечатаннаго въ Константинополѣ въ 1732 г., гдѣ сказано, что это говоритъ авторъ „Раузоль-моаттаръ“. Въ выноскѣ Гаммеръ поясняетъ что „Раузоль-моаттаръ фи хаберъ иль актаръ“ т. е. „Благоуханный садъ описаній земель“—географическое сочиненіе Шейха Ебу Абдаллахъ Мохаммедъ Ибнъ Мохаммедъ Ибнъ Абдаллахъ Ибнъ Абдоль-мунаимъ Алхомайри. Послѣднее имя автора указываетъ, что это Химъяри. Между тѣмъ авторъ статьи „Булгаръ“ въ Энциклопедич. Лексик. Плюшара (VII, 292) указываетъ на свидѣтельство восточнаго писателя Раузъ-ель-митара, котораго сочиненіе помѣщено въ Джиганъ-Нюмà, о томъ, что Волга прежде протекала при самомъ г. Булгарѣ. Но сейчасъ было указано, что въ Джиганъ-Нюмà помѣщено сочиненія Алхомайри, т. е. Химъяри „Раузъ-ель-митара“, слѣдовательно авторъ статьи изъ названія сочиненія сдѣлалъ имя восточнаго писателя. Далѣе въ этой же статьѣ (стр. 294) упоминается, что, по свидѣтельству Раузъ-эль Митара, г. Булгаръ при Айдаръ-Ханѣ имѣлъ

---

(1) Voyages d'Ibn-Batoutah, II, 398—402.

(1) Ibn Foszlan, 137, 138. І. О. Готвальдъ указалъ мнѣ, какъ на болѣе правильное чтеніе «Химъяри». Хаджи Халфа въ своей Библіографіи опредѣленно говоритъ, что Химъяри умеръ въ 900 (1483) г.

(2) Sur les origines Russes, 73.

520 (3) домовъ, а, по свидѣтельству Мохаммедъ Хумейри, въ г. Булгарѣ было 500 домовъ и нѣсколько мечетей. Здѣсь писателю Хумейри сопоставляется очевидно въ смыслѣ имени другаго сочинителя, Раузъ-эль-Митаръ, т. е. названіе сочиненія того же Хумейри.

Свиньинъ (4) говоритъ, что у нѣкоторыхъ абызъ въ Казани и Касимовѣ находятся сочиненія татарск. писателей Ибнъ-эль-Варди, Раузъ-Уль-Мяктару и Таваришъ-удъ-Дава-илъ (т. е. Таварихъ удъ Диванръ.). Это указаніе Свиньина заслуживаетъ вниманія, какъ доказательство распространенности этихъ сочиненій, но въ этихъ немногихъ словахъ Свиньина встрѣчается нѣсколько ошибокъ: послѣднія два названія не писателей, а сочиненій; первыя два сочиненія не татарскія, а арабскія. Второе упоминаемое Свиньинымъ сочиненіе, очевидно, Раузъ-ель-Митаръ, написанное Химъяри. Свиньинъ дѣлаетъ туже ошибку, что и авторъ ст. о Булгарѣ въ Энц. Лекс. Свиньинъ упоминаетъ объ этихъ трехъ рукописяхъ, по поводу свидѣтельства ихъ, что Волга прежде протекала около г. Булгара.

Френъ (5) извѣстіе, подобное Химъяри, нашелъ въ одной татарской рукописи, гдѣ показано въ г. Булгарѣ 520 домовъ, во время хана Айдара, который царствовалъ, вѣроятно, какъ говоритъ Френъ, въ X стол. (6). „Кому такое число домовъ покажется слишкомъ малымъ, объясняетъ Френъ, тотъ долженъ принять въ соображеніе, что, кромѣ деревянныхъ домовъ, изъ которыхъ, по Ибнъ-Хаукалю, состоялъ этотъ городъ, были въ немъ, какъ и въ хазарскомъ городѣ Итилѣ, подвижныя войлочныя юрты, въ которыхъ обитала часть жителей".

5 Персидскія сказанія XV—XVIII ст. объ основаніи г. Булгара. Гербелотъ въ „Восточной Библіотекѣ", подъ словомъ Булгаръ, приводитъ изъ персидскаго автора

---

(3) Извѣстія о 320 домахъ, во время хана Айдара, какъ указано ниже, встрѣчается въ позднѣйшихъ татарскихъ сказаніяхъ; о 500 домахъ говоритъ въ XI ст. эль Бекри.

(4) См. «Развалины г. Булгара» въ Отеч. Зап. 1824 г. № 48 и въ Картинахъ Россіи.

(5) Ibn Foszlan, 138.

(6) Въ татарскихъ сказаніяхъ, которыя говорятъ объ этомъ и на которыя я указываю ниже, Айдаръ является современникомъ пророка Мухаммеда.

XV вѣка Мирхонда слѣдующее извѣстіе: „Газъ, сынъ Яфета, побѣжденный братомъ своимъ Туркомъ, противъ котораго онъ началъ войну, былъ принужденъ удалиться къ берегамъ р. Булгара и тамъ поселиться". Мирхондъ еще сообщаетъ, что Гомари, другой сынъ Яфета, охотясь, дошелъ до береговъ той-же рѣки, которую назначилъ своимъ мѣстопребываніемъ, у него здѣсь родились два сына, изъ которыхъ одному было имя Булгаръ, а другому Бертасъ, они построили по одному городу, которымъ каждый далъ свое имя".

Френъ (1) указываетъ, что „Бурханъ-кати" и „Гефтъ-кулзумъ" (2) относятъ построеніе Булгара ко времени Александра Македонскаго.

§. *Монгольско-татарскіе источники.*

„Отъ Монголовъ, говоритъ Френъ (1), которые въ Дештъ-Кипчакѣ основали такъ называемую Золотую Орду, должно было бы ожидать, что они, какъ это было у современной, родственной династіи въ Иранѣ, напишутъ свои собственныя лѣтописи, которыя могли бы говорить о г. Булгарѣ и прежней его исторіи. Но напрасно, въ продолженіи 25 лѣтъ, я искалъ такую спеціальную исторію улуса Джучи".

Березинъ (2) замѣчаетъ, что знаменитый историкъ Монголовъ въ Иранѣ, вышеупомянутый Рашидъ-Эддинъ, передающій до самыхъ мелкихъ подробностей исторію этихъ Монголовъ (Хулагидовъ), очень скупъ на разсказы о Джучіевомъ улусѣ. „Но въ правѣ ли мы требовать, говоритъ Березинъ, этого отъ историка, когда знаемъ, что Золотая Орда, не смотря на свое громкое имя, принадлежала къ числу малообразованныхъ владѣній Монгольскихъ, гдѣ, кромѣ войнъ, не о чемъ было и говорить историку, государи котораго

---

(1) Drei Münzen. стр. 201.

(2) Оба эти сочиненія написаны на персидскомъ языкѣ, первое въ 1632 г., а второе въ XVIII ст. «Бурханъ-кати» значитъ «Бурхановъ Словарь», а «Гефтъ-кулзумъ» — «Семь морей» (это сочиненіе состоитъ изъ 7 частей).

(1) Die ältest. arab. Nachricht., стр. 329.

(2) «Первое нашествіе Монголовъ на Россію» въ Ж. М. Н. Пр. 1853 г., т. LXXIX, стр. 221.

притомъ находились во враждебныхъ отношеніяхъ съ потомками Батыя".

„Только немногія, говоритъ Френъ (ibid. 529), традиціопальныя извѣстія, которыя своими анахронизмами обличаютъ позднѣйшее свое происхожденіе составляютъ все, что у нашихъ Татаръ сохранилось изъ монгольскаго періода относительно Булгара".

Кондыревъ (1), адъюнктъ Казанск. университ., отправлявшійся въ 1812 г. въ археологическую экскурсію въ пригородъ Билярскъ и его окрестности, въ рапортѣ Совѣту Казанск. университ. доносилъ, что онъ во время своего путешествія старался развѣдывать у муллъ, не имѣютъ ли они какихъ рукописей или памятниковъ, и при всемъ попеченіи едва получилъ отъ нихъ письменныя, весьма небольшія извѣстія: 1) касательно первопачальнаго заведенія Булгаръ, 2) выписку изъ книги жизнеописанія Тамерлана о покореніи имъ Болгаръ и Билярска, 3) о началѣ Ст. Казани, 4) о святыхъ татарскихъ, находящихся близъ Билярска и 5) о нѣкоторыхъ ученыхъ татарскихъ родомъ Булгарцевъ.

Фуксъ въ 1817 г. въ „Краткой исторіи г. Казани" (2) говоритъ: „Рукописи татарскія, относительно исторіи странъ сихъ, или истреблены огнемъ при взятіи Казани, или, что также вѣроятно, увезены бѣжавшими тогда въ Бухарію знатными Татарами. Какія я только могъ найти татарскія рукописи историческаго содержанія, всѣ они содержатъ родословіе Джингизъ-Хана, описаніе жизни Тамерлана и списокъ именъ хановъ Кипчакскихъ и Казанскихъ".

1 Шерефъ-Эддинъ-Булгари. Между позднѣйшими татарскими источниками первое мѣсто принадлежитъ „Изложенію Булгарскихъ повѣствованій" сочиненія Шерефъ-Эддинъ-бенъ-Хесамъ-Эддинъ Булгари, написанному въ 958 г. гиджры (1551 г.) въ окрестности г. Булгара, въ дер. Ташъ-Буляки (3).

---

(1) См. Приложеніе I.

(2) Казанскія Извѣстія 1817, № 67 и отдѣльн. оттискъ съ дополненіями.

(3) Дер. Ташбилга или Старое Тяжбердина показана въ Сп. насел. мѣстъ Каз. губ. (стр. LXXVI и 89) на р. Ахтаѣ въ Спасск. у.

Это сочиненіе раздѣляется на двѣ части. Въ первой авторъ говоритъ о дняхъ недѣли и мѣсяцахъ въ отношеніи къ священной исторіи мусульманъ, затѣмъ описываетъ океанъ и 6 морей, опредѣляетъ 7 полосъ земли и описываетъ нашу, т. е. седьмую полосу, горы, рѣки и источники этой полосы. Во второй части авторъ разсказываетъ о распространеніи ислама среди Булгаръ и о нашествіи Тимура (2).

Березинъ въ ст. „Булгаръ на Волгѣ“ (3) представляетъ въ переводѣ извлеченіе изъ первой части этого сочиненія о седьмой полосѣ (климатъ) и изъ второй части исторію распространенія ислама. Два отдѣленія изъ исторіи распространенія ислама переведены также Вельяминовымъ-Зерновымъ (4). Послѣднее отдѣленіе второй части о нашествіи Тимура переведено Вагабовымъ въ Каз. Губ. Вѣдомост. 1852 г. № 43 и 45.

Булгарскій историкъ разсказываетъ, что въ 9 годъ гиджры, когда въ Булгарѣ былъ Айдаръ-ханъ, пророкъ отправилъ тронхъ своихъ сподвижниковъ въ Булгаръ, для проповѣди ислама. Сподвижники пророка чудеснымъ образомъ исцѣлили больную дочь хана, это побудило Булгаръ сдѣлаться мусульманами. Разсказъ этотъ напоминаетъ подобное извѣстіе Андалуси XII стол., можетъ быть, послѣднее было источникомъ первому. Три сподвижника оставались въ г. Булгарѣ 3 года, научая вѣрѣ и закону, строили мечети, учили народъ алкурану. По прошествіи 3 лѣтъ, два сподвижника возвратились въ Медину, а Зубейръ Бенъ Джа'дэ остался въ Булгарѣ, женился на исцѣленной имъ дочери хана Туй-Бикэ и умеръ въ этомъ городѣ.

Когда пришли въ Булгаръ сподвижники Мухаммеда, Волга протекала у Булгара, говоритъ Булгарскій историкъ;

(2) «Описаніе турецко-тат. рукописей, хранящихся въ библіотекахъ Спб.». Статья Березина въ Ж. М. Н. Пр. 1846 г., т. L, отд. III, стр. 37, 38.

(3) Ученыя Записки Каз. унив 1852, кн. III и отдѣльн. оттискъ.

(4) «Памятникъ съ арабско-татарскою надписью, въ Башкиріи» въ Труд. Вост. Отдѣл. Археол Общ. т. IV. Вельяминовъ-Зерновъ перевелъ только «о послѣдователяхъ изъ окрестностей Булгара» и «о шейхахъ и великихъ святыхъ». У Березина сверхъ того находится еще разсказъ о сподвижникахъ Мухаммеда, о послѣдователяхъ и послѣдовательницахъ ихъ въ самомъ Булгарѣ и о послѣдователяхъ послѣдователей.

во время Бараджъ-Хана Волга, ушедъ оттуда, потекла съ западной стороны, что случилось въ 396 (1005, 1006) г; въ то время въ Булгарѣ считалось 520 домовъ (5).

Въ 195 г. (810—811), замѣчаетъ Шерефъ-Эддинъ, изъ учениковъ Зубейра Бенъ Джа'дэ никого не осталось; затѣмъ вычисляются послѣдователи, учившіеся у сподвижниковъ въ самомъ Булгарѣ.

Березинъ перечисляетъ 14 изъ послѣдователей по именамъ; а затѣмъ говоритъ „и другіе", объясняя, что авторъ перечисляетъ очень многихъ послѣдователей, но переводчикъ выпускаетъ этотъ сухой реэстръ собственныхъ именъ, занимательный лишь для мусульманъ. „Знай, что могильныя молельни всѣхъ сихъ хафизовъ (6) находятся въ г. Булгарѣ".

Затѣмъ вычисляются послѣдователи изъ окрестностей Булгара по рѣкамъ: Казанкѣ, Зую (Свіяга), обоимъ Черемшанамъ, по притокамъ Камы—Чушма (Шешма) (7), Зай, Икъ, Бѣлая, Тойма, (около Елабуги), по притоку Ика—Мензеля, по притокамъ Бѣлой—Чермасанъ, Кармасанъ, Дема, Уфа, по притоку Уфы—Ай, по притоку Вятки—Чушма (Шошма). Упоминается, что послѣдователи, пришедшіе въ въ г. Булгаръ съ обоихъ Черемшановъ (8), большею частію умерли въ Булгарѣ, гдѣ могилы ихъ находятся въ сосѣдствѣ съ гробами сподвижниковъ.

---

(5) О такомъ положеніи Волги въ отношеніи къ г. Булгару прежде говорили: Мукаддеси, Абуль-Феда, Ибнъ-эль-Варди и Химъяри; о 500 домахъ говорятъ эль Бекри и Химъяри.

(6) Хафизами, объясняетъ Березинъ, называются благочестивые люди, отличающіеся подробнымъ знаніемъ алкурана.

(7) Въ подлинникѣ Чушма, но Березинъ читаетъ Чумшэ, т. е. Чусовая. Нѣтъ никакого основанія принимать чтеніе Березина. Признавать здѣсь р. Чусовую уже невозможно по тому, что пришлось бы признать распространеніе ислама очень далеко на сѣверо-востокъ отъ г. Булгара, въ древнѣйшію эпоху исламизма въ Булгарской странѣ. Это противорѣчитъ извѣстному изъ другихъ источниковъ положенію инородцевъ на Чусовой, гдѣ жили Вогулы и Остяки, бывшіе язычниками во втор. половинѣ XVI ст. (см. Житіе св. Трифона Вятск. чудотв. въ Правосл. Собесѣдн. 1868 г., октябрь). Вельяминовъ-Зерновъ читаетъ Шешма.

(8) Березинъ разумѣетъ здѣсь р. Бол. Черемшанъ и притокъ его Мал. Черемшанъ, а Вельям. Зерновъ говоритъ о двухъ рѣкахъ, притокахъ Бѣлой: Сермасанѣ и Кармасанѣ.

Далѣе говорится о послѣдователяхъ послѣдователей, изъ которыхъ 5 названы по именамъ, одинъ изъ нихъ былъ булгарскій казначей, всѣ они называются мюджтегидами (9), могилы ихъ въ г. Булгарѣ. „На кладбищѣ булгарскомъ похоронены и другіе мюджтегиды принциповъ. Нѣтъ числа умершимъ во время пелеринажа духовнымъ и законникамъ бухарскимъ и харезмскимъ, пришедшимъ изъ земли Кашгара; также могила Абд-ур-рахмана Джами находится въ Булгарѣ: отправляясь въ пелеринажъ, онъ умеръ. И могиламъ другихъ отличныхъ и благочестивыхъ мужей нѣтъ счета. Изъ учениковъ исповѣдниковъ булгарскихъ въ 230 г. (844—845) никого не осталось: умерли".

За послѣдователями послѣдователей исчисляются послѣдовательницы, учившіяся у сподвижниковъ пророка, въ числѣ ихъ первая—ханская дочь Туй Бикэ, бывшая супругою одного изъ сподвижниковъ. Авторъ приводитъ имена многихъ булгарскихъ послѣдовательницъ, но Березинъ ихъ выпустилъ.

За послѣдовательницами указываются знаменитые шейхи до 1504 г. Вопервыхъ двое на р. Буру, впадающей въ Нукратъ (Вятка), затѣмъ упоминается изъ аула Тербердy-Чалли (10), изъ булгарскаго племени, нѣкто Идрисъ, который обучался въ Ярканѣ и былъ посланъ „намѣстникомъ" въ Булгаръ, Тубулгу, Уфу, Казань и Сибирь (11); преемникомъ Идриса былъ Касимъ, онъ происходилъ уже изъ Нов. Казани, въ которой жилъ и умеръ; два слѣдовавшіе одинъ за другимъ преемника Касима принадлежали тоже Казани. Такимъ образомъ, видимъ, что Казань заступаетъ мѣсто древняго Булгара, становится главнымъ городомъ въ прежней Булгарской странѣ. При исчисленіи земель, которыя

(9) Мютжтегиды: это титулъ мусульманск. законовѣдцевъ первыхъ трехъ классовъ (первыхъ вѣковъ ислама), объясняетъ Березинъ. Подробно объ этомъ титулѣ говоритъ Казем-Бекъ въ введеніи къ изданному имъ въ 1845 г., въ Каз. «Мюхтесеръюль-Вигкаетъ» (Курсъ мусульманскаго законовѣдѣнія).

(10) Аулъ этотъ, какъ увидимъ далѣе, находится въ пынѣшнемъ Лашевскомъ у.

(11) Вельям.-Зерн. передаетъ нѣсколько иначе: «Идрисъ былъ посланъ намѣстникомъ въ г. Булгаръ, въ Тубулгу и въ области Уфимскую, Казанскую и Сибирскую».

просвѣтилъ Касимъ и второй его преемникъ, о Булгарѣ даже совсѣмъ не упоминается ([12]).

Наконецъ указываются могилы святыхъ тоже по рѣкамъ и ауламъ ([13]).

Разсказъ о взятіи Булгара Тимуромъ начинается слѣдующими словами: „И наши Булгары славились своимъ развратомъ. Ученые законными уловками разрѣшили брать проценты, а равно много было грѣховъ прелюбодѣянія и смертоубійства; по причинѣ же пьянства оставили „джуму“ ([14]); оставили обряды, употребляемые послѣ пятикратныхъ молитвъ; считали позволеннымъ пить бузу и пиво; говоря, что нѣтъ у насъ „мисра“ ([15]), оставили соборное моленіе; порицали имама Шафи, говоря, что его слова—пустословіе; также оставили „аидъ“ ([16]): стали весьма грѣшны противъ Всевышняго Бога. И поэтому то Всевышній Богъ предалъ ихъ господину Аксакъ-Тимуру“. Въ то время въ Булгарѣ ханомъ былъ Бикчура, къ нему Тимуръ отправилъ пословъ спросить: почему вы не отправляете „джуму“ и „аидъ“? Бикчура поручилъ своимъ ученымъ послать Тимуру отвѣтъ, на этотъ отвѣтъ послѣдовало возраженіе со стороны Тимура, а на послѣднее булгарскіе ученые обвинили Тимура въ расколѣ. Тогда Аксакъ Тимуръ велѣлъ стрѣлять въ „упніи“ (тараны) и пушки. Въ три дня г. Булгаръ былъ обращенъ въ ничто, каменныя укрѣпленія разбивали упніемъ и бро-

---

([12]) Касимъ училъ въ Казани и многихъ людей изъ Кельчи, Алата, Бури, Алатура и Сара Тау. Второй преемникъ Касима училъ въ Казани, Уфѣ, Алатурѣ, Синбирѣ, Саратау, Сарычинѣ и Тоболѣ.

([13]) О могилахъ, находившихся въ нынѣшн. Каз. губ., я говорю ниже (Г. Тубулгу-Атау и пр.). Въ нынѣшней Уфимской губерніи указаны могилы: при устьѣ Ирены, притока Зая: при устьяхъ Пка и его притока Мензели; на притокахъ Бѣлой: Демѣ и Уршакѣ; на р. Чалли, близъ Камы. Въ нынѣшней Вятск. губ.: въ аулѣ Бай-Джура, Черемишъ, и въ Елабугѣ. «Мы не пишемъ, говор. Шерефъ-Эддинъ, о шейхахъ на другой сторонѣ Урала, на Джаикѣ и Сакмарѣ», но въ Сарайчикѣ указаны послѣдователи сподвижниковъ пророка, послѣдователи послѣдователей и знаменитые шейхи.

([14]) Джума — названіе пятницы и соборнаго моленія въ пятницу.

([15]) Мисръ — большой городъ.

([16]) Аидъ — праздники (праздникъ по окончаніи поста мѣсяца рамазана, праздникъ жертвоприношеній: курбанъ-байрамъ).

сали ихъ на дно Волги (17). У Бикчуры и 12 его визирей отрубили головы, дѣвицы и женщины были розданы военоначальникамъ, 36 ученыхъ были повѣшены, весь народъ былъ разогнанъ въ разныя стороны, съ запрещеніемъ обитать здѣсь.

Далѣе указываются тѣ новыя поселенія, которыя были основаны выходцами изъ разореннаго Булгара (18).

„По мусульманской эрѣ городъ былъ разоренъ въ 869 г., обращенъ въ ничто и небытіе: въ мірѣ осталось только одно имя его. Въ то время въ Булгарѣ было 10,024 дома".

Сочиненіе Шерефъ-эддина, какъ видно, было весьма распространено: Березинъ, при изданіи перевода его, пользовался списками собственнымъ и Академіи наукъ; Вельяминовъ-Зерновъ пользовался также своимъ собственнымъ спискомъ; Невоструевъ (19) указываетъ на принадлежащій елабужскому купцу Шишкину списокъ этого сочиненія; г. Готвальдъ въ „Описаніе арабскихъ рукописей Казан. унив." указываетъ на списокъ 1832 г. Сочиненіе это было и напечатано въ Казани.

Булгарскій историкъ указываетъ на другія сочиненія, бывшія ему источниками: „На обоихъ Черемшанахъ, говор. опъ, много послѣдователей, но мы не видѣли въ книгахъ ихъ имепъ; впрочемъ нѣкто говоритъ...". „О нашихъ юртахъ и климатахъ есть одно сочиненіе, въ которомъ говорится о шейхахъ въ деревняхъ и городахъ, и его смотрите".

2 **Татарскій переводъ Ферхегъ Наме.** Френъ въ 1817 г. въ ст. „о древнѣйшей булг. монетѣ" (1) приводитъ разсказъ о принятіи Булгарами ислама, въ подлинникѣ и латинск. переводѣ изъ Ферхегъ Наме, по рукописи, достав-

---

(17) Здѣсь представляется противорѣчіе: въ томъ же сочиненіи было выше сказано, что Волга отступила отъ города въ 1005 г., а здѣсь во время Тимура она является опять около города.

(18) Деревни: Джанбакты, Ташбилги, Тетюшъ, Лашъ, Мамадышъ, нѣкоторые переселились въ Нов. Казань, другіе на восточн. сторону Урала въ Сарайчикъ и къ Киргизамъ.

(19) Труды I Археол. Съѣзда М. 1871. «О городищахъ», стр. 597.

(1) «De numorum Bulgharicorum forte antiquissimo» liber secundus, 19—25; эта статья напечатана въ Catologus praelectionum in universitate Kasanensi 1817 г., а первая книга этого изслѣдованія — въ Panegyrin того же университ. въ 1816 г.

ленной Френу муллою Абд-ус-Саттаромъ, и съ варіантами, по рукописи профессора Казанск. университ. Кондырева.

Заглавіе приводимаго Френомъ отрывка читается: „Терджуме-и-ферхегъ наме“ т. е. „Переводъ Ферхегъ Наме“. Подлинникъ Ферхегъ Наме на персидск. яз., Френу доставленъ татар. переводъ отрывка изъ этого персидскаго сочиненія.

Исторія принятія Булгарами ислама разсказывается здѣсь почти слово въ слово, какъ у Шерефъ-эддина-Булгари; встрѣчаются только незначительные варіанты, напр. въ именахъ сподвижниковъ пророка; эти варіанты указываетъ Березинъ при переводѣ имъ сочиненія Шерефъ-эддина.

Въ разсказѣ о чудесномъ исцѣленіи сподвижниками Мухаммеда дочери хана заслуживаетъ вниманія упоминаніе о чулманской березѣ, съ вѣтвію которой сподвижники сдѣлали чудо. Когда сподвижники, говорится въ разсказѣ, потребовали вѣтвь березы, то такъ какъ это дерево растетъ въ изобиліи въ этихъ странахъ, по приказанію хана, немедленно принесли вѣтвь березы чулманской. При этомъ Френъ замѣчаетъ, что Чулманъ или Чулманъ-Идюль у Татаръ означаетъ р. Каму. Слѣдовательно принесли камскую, а не волжскую березу, т. е. въ окрестностяхъ Булгара протекала Кама, а не Волга. Для признанія теченія Камы около Булгара существуютъ нѣкоторыя данныя ([2]).

Эрдманъ ([3]) приводитъ изъ Ферхегъ-Наме новое извѣстіе—названіе г. Булгара „золотымъ тропомъ“ (Алтунъ тахтъ); это названіе Эрдманъ ставитъ въ связи съ извѣстіемъ путешественника къ Монголамъ Руисбрика о лѣтней кочевкѣ Батыя далеко на сѣверѣ, т. е. вѣроятно, какъ думаетъ Эрдманъ, въ Булгарѣ, гдѣ Бату билъ монеты.

Фуксъ ([4]) приводитъ разсказъ о введеніи ислама въ г. Булгарѣ, изъ одной маленькой рукописи на татарск. языкѣ, доставленной муллою Сейфулла—Кази Муртазинымъ; названіе этой рукописи Френъ не упоминаетъ. Приводимый Фуксомъ разсказъ слово въ слово сходится съ разсказомъ изъ Ферхегъ-Наме.

([2]) См. ниже въ III Отд. «Лѣвый берегъ Волги».

([3]) Beiträge zur Kenntniss des Innern v. Russland. I, 301.

([4]) «Казанскіе Татары». Каз. 1844 г., стр. 86—89.

3 Елабужская рукопись. Невоструевъ приводитъ отрывокъ изъ татарской лѣтописи, составленной въ 992 г. (1584) и найденной у Татаръ Елабужск. уѣзда; переводъ этого отрывка сдѣланъ Невоструеву однимъ изъ елабужскихъ муллъ (1). Этотъ отрывокъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что указываетъ, какъ въ разныхъ спискахъ и передѣлкахъ Татары переиначивали и перепутывали историческія факты и показанія своихъ предшественниковъ. Елабужская рукопись разсказанное Шерефъ-эддиномъ и Ферхегъ Наме о Булгарѣ, относитъ къ г. Елабугѣ: Айдаръ, при которомъ принятъ исламъ, называется ханомъ въ Елабугѣ, при чемъ поясняется, что Айдаръ былъ изъ Черемисъ; 520 домовъ приписаны Елабугѣ. Трое проповѣдниковъ ислама называются посланными не отъ пророка Мухаммеда, а отъ завоевателя Константинополя, султана Мухаммеда II.

4. Татарскія рукописи, упоминаемыя Лепехинымъ и Георги въ XVIII ст. На татарскія рукописи, свидѣтельствующія о завоеваніи Булгара Тимуромъ, ссылались еще въ прошедшемъ столѣтіи. Лепехинъ (1) говоритъ, что татарскія исторіи приписываютъ паденіе Булгара Тимуру. Георги (2) сообщаетъ письменное татарское извѣстіе, переведенное г. Бардапесомъ, о построеніи г. Казани послѣ разрушенія Тимуромъ г. Бряхимова. Георги не называетъ этой рукописи по имени. Рукопись Георги сообщаетъ, что Тимуръ прошелъ по Булгарскому царству отъ Яика до Волги; послѣ 7 лѣтней осады завоевалъ булгарскую столицу Бряхимовъ, гдѣ взялъ въ плѣнъ хана Абдуллаха и убилъ его; но два сына его были скрыты приближенными. Послѣ удаленія Тимура, когда стало безопасно, сыновья убитаго хана опять явились; но такъ какъ Бряхимовъ былъ слишкомъ великъ и великолѣпенъ, то старшій князь Алтынъ Бекъ не отважился на возстановленіе его, но построилъ въ Иски-Казани маленькое мѣсто на р. Казанкѣ.

Какой городъ назывался Бряхимовымъ неизвѣстно. О г. Бряхимовѣ мусульманскіе источники не говорятъ; онъ упоминается одинъ разъ въ русскихъ лѣтописяхъ, но мѣсто-

(1) Труды I Археолог. Съѣзда, стр. 578, 579.

(1) «Дневныя Записки». Спб. 1771, I, 266.

(2) Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich. Спб. 1775, II, 841.

положеніе его здѣсь точно не опредѣлено, только въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что онъ былъ на р. Камѣ. О мѣстоположеніи этого города было высказано нѣсколько предположеній (3), нѣкоторые считаютъ его за одно съ г. Булгаромъ, послѣднее предположеніе подтверждается рукописью Георги, въ которой къ г. Бряхимову относится то, что въ другихъ источникахъ говорится о Булгарѣ. Бряхимовъ представляется названіемъ г. Булгара по имени владѣльца его Ибрагима.

Рукопись Георги представляетъ нѣкоторыя противорѣчія Шерефъ-эддину: въ первой булгарскій ханъ названъ Абдуллахъ (правильнѣе—Абдулла), а у втораго Бикчура; затѣмъ, по второму, разгромъ Булгара былъ быстрый, а въ первой говорится о семилѣтней осадѣ. Само собою разумѣется, что семилѣтняя осада Булгара не фактъ историческій.

5 Дастанъ Аксакъ Тимуръ. Френъ въ статьѣ своей „Bülariae urbis origo atque fata (1) приводитъ изъ татарской рукописи „Дастанъ-Аксакъ-Тимуръ“ (Разсказъ объ Аксакѣ Тимурѣ) подробный разсказъ о завоеваніи Тимуромъ Билярска, которое послѣдовало, какъ сказано въ рукописи, послѣ разрушенія и опустошенія г. Булгара. А разсказъ изъ этой рукописи о нападеніи Тимура на г. Булгаръ представляетъ Эрдманъ (2). Здѣсь сказано, что послѣ завоеванія Константинополя, Шамахіи и Астрахани, Тимуръ двинулся на Булгаръ по водѣ и сухопутно; его войско было безчисленно, однако Абдуллахъ-Ханъ получилъ извѣстіе о движеніи этого войска только тогда, когда оно было уже близко. Абдуллахъ вывелъ противъ него всѣхъ способныхъ носить оружія, но Булгары были разбиты и бѣжали въ городъ. При запертыхъ воротахъ, защищали они городъ, противъ повторявшихся нападеній непріятеля, въ продолженіи 7 лѣтъ, по истеченіи которыхъ, Тимуру наконецъ удалось взять городъ приступомъ. За этимъ завоеваніемъ послѣдовала страшная кровавая баня, всѣ князья, числомъ 124, изрублены, а жены ихъ уведены въ плѣнъ. Между этими князьями были 4 царскаго происхожденія (Икбалъ-бикъ, Кюль-Али-бикъ,

(3) См. объ эт. подробнѣе во II Отд. «Походъ 1164 г.».

(1) «Fundgruben des Orients», V, 210—212.

(2) «Beiträge», I, 303, 304.

Хуаши-бикъ и Меркашъ-бикъ), которые также, какъ и Абдуллахъ-Ханъ, не избѣгли смерти.

Этотъ разсказъ, сравнительно съ Шерефъ-эддиномъ, представляетъ новыя подробности о взятіи города и не упоминаетъ о предварительномъ богословскомъ диспутѣ. Ханъ Булгара здѣсь названъ, не Бикчура, какъ у Шерефъ-эддина, а Абдуллахъ, какъ названъ въ рукописи Георги ханъ Бряхимова, т. е. того же Булгара.

Этотъ же разсказъ изъ „Дастанъ-Аксакъ-Тимуръ“ приводитъ Кафтанниковъ, казанскій житель, занимавшійся въ началѣ нынѣшняго столѣтія изученіемъ казанскихъ древностей (3), прибавляя только, что „Абдуллахъ-Ханъ происходилъ отъ поколѣнія хана Джужи, сыновей его Баярка, Шабана и Кашела хановъ; послѣдніе владѣли народомъ булгарскимъ послѣ брата своего Баярка хана“.

6 Таварихъ удъ Давàиръ (Лѣтописи періодовъ). Кафтанниковъ (ibid. 57) изъ рукописи Таварихъ удъ Давàиръ приводитъ извѣстіе, что послѣ взятія Булгара Тимуромъ, сынъ убитаго хана, Галымъ-бекъ пришелъ въ булгарскій г. Кошанъ (1), гдѣ былъ учителемъ.

Эрдманъ (2) изъ этой рукописи приводитъ извѣстіе, что Волга во время Тимура протекала около г. Булгара и только спустя 54 года послѣ завоеванія Тимура она отклонила свое теченіе отъ Булгара (3); во время Айдаръ-Хана въ Булгарѣ было 520 домовъ. Изъ послѣдняго приводимаго Эрдманомъ свѣдѣнія видно, что въ этой рукописи, какъ у Шерефъ-эддина, кромѣ нашествія Тимура, разсказывается исторія введенія ислама въ Булгарѣ при Айдаръ-Ханѣ.

---

(3) Ст. въ Библіот. для Чтенія 1874, т. LXXXII «Древніе Болгары», напечатанная А. Кавелинымъ изъ бумагъ Кафтанникова.

(1) Объ этомъ городѣ см. ниже.

(2) Beiträge zur Kenntniss des Innern v. Russland, Riga u. Dorpat. 1822. I, 298.

(3) Свиньинъ (Развалины г. Булгара Отеч. Зап. 1824 г. № 48 и Картины Россіи) приводитъ также это мѣсто изъ эт. рукописи, называя ее Таваришъ удъ Давалъ и считая это названіемъ автора, а не сочиненія. Свиньинъ при этомъ заявляетъ, что это сочиненіе вмѣстѣ съ другими двумя (см. выше Химъяри) находится у абызъ въ Казани и въ Касимовѣ.

7 Беанъ Дастанъ удъ Тарихъ и Повѣсть о несгараемой царевнѣ. О рукописяхъ „Беанъ Дастанъ удъ Тарихъ“ (Объясненіе разсказа лѣтописи) и „Повѣсть о несгараемой царевнѣ“ упоминаетъ только Кафтанниковъ (ibid. 58, 59); изъ первой онъ приводитъ извѣстіе, что оба спасшіеся отъ Тимура сына Абдуллаха ушли на берега Казанки и основали тамъ городъ Казань, что нынѣ извѣстенъ подъ именемъ Иски-Казань. Въ „Повѣсти“ разсказывается, какъ дочь хана Абдуллаха чудеснымъ образомъ спаслась во время взятія Тимуромъ г. Булгара (1). Царевна вмѣстѣ съ однимъ изъ братьевъ—Шеупе-бекомъ была взята Тимуромъ съ собою. Впослѣдствіи царевна съ братомъ возвратилась въ г. Кошанъ, и оттуда въ Казань, гдѣ царствовали ея братья. По истеченіи нѣкотораго времени, Шеупе-бекъ удалился изъ Казани въ Булгаръ, гдѣ былъ съ радостію принятъ народомъ и сдѣлался ханомъ, подъ именемъ, Шадибека. „Такимъ образомъ, говоритъ Кафтанниковъ, не смотря на истребленіе Тамерланомъ царственнаго поколѣнія, какъ видно, г. Булгаръ не совершенно былъ разрушенъ и царская фамилія не вся погибла отъ меча, потому что нѣсколько лѣтъ спустя, въ Булгарѣ снова встрѣчаемъ чеканенную монету, при Шадибекѣ“.

Объясненіе Кафтанникова и самое показаніе Повѣсти не выдерживаютъ критики: Шадибекъ, съ именемъ котораго дѣйствительно являются монеты, битыя въ г. Булгарѣ въ началѣ XV стол., происходитъ не изъ булгарской фамиліи и былъ ханомъ не Булгара только, но Золотой Орды, къ владѣніямъ которой принадлежалъ и Булгаръ. П. С. Савельевъ въ ст. „Неизданныя джучидскія монеты“ (2) объясняетъ такимъ образомъ появленіе Шадибека ханомъ: онъ былъ возведенъ въ ханы въ 1399 г. Едигеемъ, извѣстнымъ воспоначальникомъ въ Ордѣ, который смѣнялъ хановъ по своему усмотрѣнію. Шадибекъ наслѣдовалъ брату своему Тимуръ-Кутлуку, который тѣмъ же Едигеемъ былъ возведенъ въ ханы, за два года передъ тѣмъ, на мѣсто дяди Тимуръ-Кутлука-Койрыджака, котораго провозгласилъ ханомъ Тамер-

(1) Разсказъ этотъ приводится ниже, при описаніи такъ называемой Черной палаты въ Булгарскомъ городищѣ.

(2) Труды Вост. Отдѣл. Арх. Общ. III, 504—506.

ланъ въ 1395 г. Дядю смѣнилъ племянникъ, потому что дядя Койрыджакъ, не имѣя поддержки въ Кипчакѣ, когда покровитель его Тамерланъ ушелъ на Кавказъ, долженъ былъ уступить племяннику, котораго поддерживала партія Едигея.

Можно предполагать, что извѣстіе о возвращеніи въ г. Булгаръ Шеупе-бека, который будто бы все равно, что Шадибекъ, поздняго происхожденія, явилось для объясненія булгарскихъ монетъ съ именемъ Шадибека, чтобы связать этого Шадибека съ извѣстными по другимъ источникамъ представителями царствовавшей булгарской фамиліи.

8 Рукописи Яковкина и Фукса. Рыбушкинъ въ издаваемомъ имъ Заволжск. Муравьѣ 1833 г. т. Ш. помѣстилъ свою статью „Поѣздка въ Стар. Казань“, которая начинается отрывкомъ, доставленнымъ ему проф. И. Ф. Яковкинымъ, о построеніи Ст. Казани: „Послѣ того какъ Тамерланъ, покоривъ Сирію, Турцію и Астрахань, обратилъ свои походы противъ Булгаръ отъ эгиры въ 700 г., взялъ ихъ городъ, умертвилъ хана Абдуллу и съ нимъ вмѣстѣ истребилъ 124 знатныя фамиліи, женщинъ ихъ взялъ въ плѣнъ, а городъ разорилъ. Сей Абдулла ханъ происходилъ отъ поколѣнія Джужи, сыновей его Бярки, Шабана и Кяшилю хановъ; сіи два послѣдніе владѣли народомъ болгарскимъ послѣ Бярки-хана, а наконецъ Абдулла, спустя нѣсколько лѣтъ, сдѣлался правителемъ. Во время войны сей нѣкоторые люди скрыли двухъ сыновей сего хана: Галимъ-бека и Алтунъ-бека (изъ которыхъ первый былъ 9, а второй 7 лѣтъ) въ лѣсу, и тамъ воспитывали до тѣхъ поръ, пока Тамерланъ обратился къ странамъ Бухаріи. Послѣ сего отшествія, спасенные князья основали Казань на р. Казанкѣ“. Яковкинъ не называетъ своего источника по имени, но очевидно, что это Дастанъ-Аксакъ-Тимуръ: все сказанное у Яковкина встрѣчается въ вышеприведенномъ извлеченіи изъ Дастана у Эрдмана, съ дополненіемъ о происхожденіи Булгарскаго хана—мѣстомъ тоже изъ Дастана, упоминаемымъ Кафтанниковымъ. У Яковкина представляется новымъ только обозначеніе года взятія г. Булгара (700 г.) и количества лѣтъ булгарскихъ царевичей; затѣмъ у Яковкина обозначены нѣсколько иначе земли, послѣ завоеванія которыхъ Тимуръ двинулся на Булгаръ.

Фуксъ въ предисловіи къ повѣсти въ стихахъ, написанной его женою, „Основаніе г. Казани“, напечат. въ Каз. въ

1836 г., заявляетъ, что всѣ татарскія хроники единогласно повѣствуютъ о взятіи Булгара Тимуромъ, когда послѣдній двинулся на сѣверъ, послѣ завоеванія Константинополя; что жители упорно сопротивлялись, но послѣ семилѣтней осады городъ долженъ былъ сдаться въ 700 г.; изъ 124 человѣкъ высшаго сословія четверо были повѣшены, а остальнымъ дарована жизнь; ханъ Абдулла былъ убитъ военоначальникомъ Тимура, по имени Намвашамъ; два малолѣтніе сына хана скрыты въ лѣсу, впослѣдствіи они нашли себѣ пристанище на бер. р. Казанки.

Очевидно, что Фуксъ повторяетъ содержаніе „Дастана“; сравнительно съ тѣмъ, что извѣстно изъ этого разсказа, по другимъ сообщеніямъ, у Фукса представлена нѣсколько иначе судьба знатныхъ булгарскихъ фамилій и названъ по имени начальникъ войска Тимура, убійца булгарскаго хана.

9 Отрывокъ изъ Исторіи Казанскаго царства неизвѣстн. сочинителя. О взятіи Тимуромъ Булгара упоминается и въ отрывкѣ изъ исторіи Казанск. царства неизвѣстнаго татарск. автора, напечатанномъ въ изданіи Хальфина „Жизнь Джингизъ Хана и Аксакъ Тимура съ присовокупленіемъ разныхъ отрывковъ, до исторіи касающихся“ Каз. 1822 г. Переводъ этого отрывка напечатанъ еще прежде въ „Кратк. Исторіи г. Казани“ Фукса (1) и позднѣе г. Н. Пашино въ Каз. Губ. Вѣдомост. 1852 г. № 12.

Здѣсь встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто о взятіи Тимуромъ Булгара: „Въ 800 г. гиджры (1397—1398), по достовѣрнымъ сказаніямъ, Аксакъ Тимуръ отнялъ у хана Абдуллаха г. Болгары. Два сына хана Алтунъ Бекъ и Алимъ Бекъ, по разрушеніи Болгаръ, построили на р. Казанкѣ крѣпостцу, основали городъ“.

Это мѣсто обращаетъ на себя вниманіе только новымъ обозначеніемъ года взятія Тимуромъ Булгара—800 г., но такъ обозначено въ переводѣ г. Пашино, а у Фукса стоитъ здѣсь 700, какъ и въ вышеуказанныхъ рукописяхъ Яковкина и того-же Фукса.

---

(1) Фуксъ помѣщаетъ этотъ отрывокъ въ прибавленіи къ св. исторіи, изданной отдѣльнымъ оттискомъ изъ Казанск. Извѣстій 1817 г., подъ заглавіемъ «Выписка изъ татарск. рукописи, находящейся въ моемъ собраніи рукописей».

10 Мамадышская рукопись. Невоструевъ (1) передаетъ о сообщеніи ему изъ г. Мамадышъ Д. В. Хлѣбниковымъ, хорошо знающимъ татарскій языкъ, что у одного тамошняго знакомаго ему муллы есть какая-то дорогая лѣтопись „Эль-боракъ тауйарихъ“ (Исторія объ ослицѣ Боракѣ). Здѣсь повѣтствуется о началѣ Іерусалима, о происхожденіи ослицы Боракъ, на которой Мухаммедъ возносился въ одну ночь изъ Іерусалима на седьмое небо, объ Александрѣ Македонскомъ и построеніи имъ разныхъ городовъ, о взятіи Тамерланомъ Юнанъ Адріоновыхъ городовъ—Сюдумма и Буляра (т. е. Булгара) (2), и объ этомъ Адріонѣ, побросавшемъ несмѣтныя богатства въ озеро, находящееся недалеко отъ означеннаго Булгара въ Спасск. у. Казанск. губ. и т. п.

11. Исчисленіе въ татарскихъ рукописяхъ Булгарскихъ хановъ. Френъ и другіе указываютъ на исчисленіе въ татарскихъ рукописяхъ булгарскихъ хановъ. Кеппенъ (1) говоритъ, что Френъ, будучи въ Казани, имѣлъ случай видѣть татарскую рукопись, въ коей о владѣльцахъ Болгаріи изложены были слѣдующія извѣстія: „Первымъ изъ (упоминаемыхъ тутъ) хановъ (?) Булгаріи былъ Туки или Туфи, умершій въ 9 г. гиджры (630 по Р. Х.). За нимъ слѣдовалъ сынъ его Айдаръ, при которомъ, какъ говорятъ, Булгары приняли исламъ; онъ владѣлъ 50 лѣтъ. Послѣ него былъ Мухаммедъ-Аминь, или, какъ другіе утверждаютъ, сынъ перваго Сендъ, а потомъ Сендовъ сынъ Иръ, изъ коихъ каждый владѣлъ по полувѣку. Послѣ сего принялъ власть Султанъ Муратъ, а за нимъ Селимъ, владѣвшій, какъ говорятъ, 40 лѣтъ. При наслѣдникѣ же Селима, Илгамѣ, Монголы напали на Булгарскую землю: Илгамъ покорился имъ, и царство его сдѣлалось областью Чингизъ-Хана“ (2).

---

(1) Труды I Археолог. Съѣзда, стр. 597.

(2) Подъ Сюддумомъ, какъ видно изъ Шерефъ-эддина, разумѣли г. Елабугу, а относительно Буляра должно замѣтить, что въ другихъ источникахъ, при описаніи похода Тимура, упоминаются отдѣльно Буляръ и Булгаръ.

(1) «Волжскіе Булгары», Ж. М. Н. Пр. 1836 г., т. XII.

(2) Это, замѣчаетъ Кеппенъ, съ пропускомъ одного лица—Султанъ Мурата, впервые напечатано професс. Каз. Унив. Эрдманомъ въ Neue

Но сіи показанія неизвѣстнаго татарскаго сочинителя, говоритъ Кеппенъ, въ особенности хронологическая часть ихъ, до времени должна оставаться подъ сомнѣніемъ.

Фуксъ ([3]) представляетъ изъ другой татарской рукописи, не называя ея по имени, исчисленіе булгарскихъ хановъ. Рукопись Фукса представляетъ важные варіанты, сравнительно съ рукописью Френа. По Фуксу, Айдару наслѣдовалъ зять его Хандцаль, одинъ изъ трехъ проповѣдниковъ Мухаммедовыхъ; затѣмъ слѣдовали: сынъ Хандцаля Махмедъ Аминь, Бураджъ, Сендъ и Эмиръ Ханъ (по Френу Иръ Ханъ). Далѣе показаны до Илгама тѣже, что у Френа; а послѣ Илгама упоминается еще сынъ его Абдуллъ, который царствовалъ 50 лѣтъ и при которомъ Аксакъ-Тимуръ разрушилъ Булгаръ. Относительно послѣдняго хана Фуксъ замѣчаетъ, что, судя по этому исчисленію, Абдуллъ царствовалъ вскорѣ послѣ вторженія Монголовъ; но Аксакъ-Тимуръ въ такомъ случаѣ является уже спустя почти сто лѣтъ— слишкомъ большой скачекъ въ татарской хронологіи. Я представлю ниже объясненіе этому повидимому хронологическому скачку ([4]).

Списокъ Фукса представляетъ важное дополненіе къ списку Френа, п. ч. послѣдній оканчиваетъ рядъ булгарскихъ владѣтелей Илгамомъ, при которомъ было монгольское нашествіе, послѣ чего, какъ говоритъ это рукопись, царство Илгама сдѣлалось областью Чингизъ-Хана, а списокъ Френа указываетъ и послѣ нашествія Монголовъ владѣтеля Булгара.

12 Списокъ булгарскихъ царей въ „Исторіи Казанскихъ Татаръ“ Шихабэддина. Списокъ царствовавшихъ въ Булгарѣ приводитъ казанскій мулла Шихабэддинъ въ написанной имъ на татарскомъ языкѣ „Исторіи

---

allg. geographische Ephemeriden. 1820, Bd. VII, St. IV, а потомъ и въ «Сынѣ Отеч.» 1821 г., № VI, VII, съ примѣч. Д. И. Языкова. Къ этому указанію Кеппена прибавлю, что въ 1822 г. Эрдманомъ напечат. это и въ «Beiträge z. Kenntn. d. Innern v. Russland. I, 296, 297; здѣсь тоже Султанъ Муратъ пропущенъ. Эрдманъ замѣч., что въ этомъ вычисленіи должны быть многіе пропуски.

([3]) «Основаніе г. Казани», предисл., стр. 28, 29.

([4]) См. «Объясненіе хронолог. противорѣчій о походѣ Тимура и основаніи Казани».

Казанскихъ Татаръ". Здѣсь сказано: „Изъ этого дома Джафарова и потомства Алмасова, изъ царствовавшихъ въ Булгарѣ до насъ дошли: Джафаръ б. Сильки Ханъ;—сынъ его, Ахмедъ;—сынъ Ахмеда, Талибъ;—братъ Талиба, Муминъ;—эмиръ Шимунъ;—эмиръ Хейдеръ;—сынъ Хейдера, Мохаммедъ;—братъ Мохаммеда, Сандъ;—эмиръ Бараджъ;—эмиръ Ибраимъ;—эмиръ Селимъ;—сынъ Селима, Ильгамъ;—эмиръ Пуладъ Темиръ;—эмиръ Абдулла;—эмиръ Хусейнъ;—братъ Хусейна, Махмудъ;—эмиръ Абдулла" (1).

Списокъ Шихабэддина представляетъ значительную разницу, сравнительно съ двумя предыдущими, онъ составленъ очевидно по другимъ источникамъ, такъ напр. имена: Ахмедъ, сынъ его Талибъ и братъ послѣдняго Муминъ взяты съ древнихъ булгарскихъ монетъ, объясненныхъ Френомъ (2). Послѣ татарскаго нашествія, рукопись Френа не упоминаетъ ни одного булгарскаго царя, а рукопись Фукса указываетъ только на одного Абдуллу, у Шихабэддина представленъ цѣлый рядъ булгарскихъ царей.

13 Извѣстіе татарской рукописи объ основаніи г. Булгара. Фуксъ (1) приводитъ изъ одной татарской хроники слѣдующее извѣстіе объ основаніи г. Булгара: „Г. Булгаръ построенъ Кассиръ Шахомъ Самаркандскимъ, прожившимъ 90 лѣтъ въ ученіи Христовомъ. Онъ оставилъ по себѣ сына—мудраго Сократа, который получилъ въ управленіе область Юнанъ, и въ это время взялъ себѣ въ супружество жену въ Болгарахъ, вмѣстѣ съ Искандромъ Румельскимъ (Александръ Македонскій). Оба прожили 9 мѣсяцевъ въ Булгарахъ и отправились потомъ въ Діаръ-Далмату. Сократъ мудрый умеръ, оставивъ по себѣ отъ прекрасной жены своей сына, котораго имя неизвѣстно„. Вотъ какія басни наполняютъ хроники татарскія!—справедливо восклицаетъ Фуксъ.

14 Татарскія устныя преданія. „Въ вспоминаніе древней славы, говоритъ В. В. Григорьевъ (1), нынѣшніе

---

(1) Это мѣсто изъ исторіи Шихабеддина, нынѣ переводимой на русскій языкъ, я представляю изъ статьи І. Ѳ. Готвальда «Разборъ сочиненія Хвольсона Извѣстія Ибнъ-Даста». стр. 8, 9.

(2) См. ниже «Нумизматическія показанія о г. Булгарѣ».

(1) «Основаніе г. Казани», предисл. стр. 7, 8.

(1) Ст. «Булгары» въ Энц. Лекс. Плюшара, VII, 306; «Россія и Азія», стр. 106.

Татары Казанскіе и Симбирскіе, разпося халаты по улицамъ русскихъ городовъ, иногда еще съ гордостью величаютъ себя Булгарлыкомъ, Булгарствомъ“

Спрашивается, эти называющіе себя Булгарами Татары, не имѣютъ ли священныхъ для нихъ преданій о прежней славѣ своего царства? Не передаются ли эти приданія, какъ священный завѣтъ, отъ предковъ потомкамъ? Можетъ быть, въ этихъ преданіяхъ найдется больше того, что встрѣчается въ ихъ рукописяхъ? Въ настоящее время мы немного знаемъ объ этихъ преданіяхъ, но кажется, что они не могутъ представить обильнаго историческаго матеріала, и при болѣе близкомъ изученіи. Эти преданія, кажется, повторяютъ, только съ нѣкоторыми варіантами, извѣстное изъ рукописей.

Обращаясь къ преданіямъ именно о столицѣ древняго Булгарскаго царства, мы встрѣчаемся во-первыхъ съ указаніями, сдѣланными въ прошедшее столѣтіе Рычковымъ (2), который передаетъ слышанное имъ отъ Татаръ, жившихъ около Старой Казани: „булгарскій царь, осажденный огромными войсками Тамерлана, просилъ о перемиріи, надѣясь купить у него союзъ сокровищами своего царства; но Тамерланъ во время перемирья вторгнулся въ городъ и все опустошилъ огнемъ и мечемъ“. Рычковъ говоритъ, что онъ слышалъ двѣ повѣсти, между собою ни мало не согласныя: одни говорятъ, что булгарскій царь послѣ перемирія пошелъ самъ въ непріятельскій станъ, гдѣ былъ убитъ рукою самаго Тамерлана; другіе говорятъ, что булгарскій царь убитъ воинами среди своего дома. Затѣмъ Рычковъ передаетъ, что булгарскіе вельможи спасли въ лѣсу двухъ молодыхъ сыновей своего царя, которые впослѣдствіи поселились въ вершинахъ р. Казанки. „Но какъ всѣ вышеписанныя извѣстія получилъ я отъ такихъ людей, которые утверждали сіе по однимъ только преданіямъ народнымъ; то не могъ я узнать, какъ назывались тѣ царевичи“.

Кафтанниковъ (3) заявляетъ, что большею частью объясненій и догадокъ относительно развалинъ Булгара и другихъ городовъ Булгарскаго царства онъ обязанъ адъюнкту

---

(2) «Журналъ путешествія», Спб. 1770, II, 2, 3.

(3) «Древніе Болгары» въ Библіот. для Чтенія, 1847 г. т. 82, стр. 55—58.

восточн. языковъ при Казанск. Унив. Хальфину. „Ученый и любознательный профессоръ этотъ читалъ многихъ восточныхъ и татарскихъ писателей и знаетъ довольно изустныхъ преданій объ этомъ краѣ отъ своихъ единовѣрцевъ“. По его рекомендаціи, Кафтанниковъ отыскалъ въ Лаишевск. у., въ татар. дер. Больш. Елгахъ, ученаго муллу, 80 лѣтняго старика, который между своими почитался за ученнѣйшаго; онъ сообщилъ Кафтанникову многія любопытныя извѣстія о древней исторіи булгарскаго народа и особенно важные рисунки нѣсколькихъ булгарскихъ зданій, которые не были ни въ какомъ описаніи.

Кафтанниковъ передаетъ изъ сообщеннаго ему Хальфинымъ и ученымъ муллою извѣстія въ дополненіе татарскихъ рукописей о сыновьяхъ булгарскаго царя, погибшаго при Тамерланѣ, что у хана было 3 сына; кромѣ двухъ упоминаемыхъ въ рукописяхъ, третій младшій назывался Шеунебекъ. Дѣти эти воспитывались вмѣстѣ въ одной школѣ съ дѣтьми Тимура, но, по покореніи г. Булгара, двое были скрыты, а послѣдняго Тамерланъ взялъ къ себѣ, вмѣстѣ съ его сестрою, въ Самаркандъ. Все это, кромѣ баснословнаго извѣстія о воспитаніи дѣтей булгарскаго царя вмѣстѣ съ дѣтьми Тамерлана, мы уже видѣли изъ „Повѣсти о несгараемой царевнѣ“, которую доставилъ Кафтанникову тотъ же Хальфинъ.

Наконецъ, укажемъ, что, по показанію многихъ описателей Булгарскаго городища (Эрдманъ, Свиньинъ, Кафтанниковъ, Березинъ), народное преданіе указываетъ имена святыхъ, погребенныхъ на кладбищѣ Булгара, имена эти упоминаются и въ молитвѣ, обращенной къ этимъ святымъ (4).

8. *Нумизматическія показанія о г. Булгарѣ.*

1 Монеты X стол. Обозрѣвая все оставшееся объ исторіи г. Булгара въ мусульманскихъ литературныхъ источникахъ, мы видимъ, что отъ самихъ древнихъ Булгаръ не дошло до насъ ни одного письменнаго документа, хотя такіе документы и были, какъ видно изъ свидѣтельства Андалуси о булгарской исторіи булгарскаго кади. При такомъ отсутствіи положительныхъ памятниковъ исторіи древней Булгаріи, особенную важность получаютъ открытыя и объясненныя знамени-

(4) См. ниже описаніе Булгарскаго кладбища.

тымъ нашимъ оріенталистомъ и нумизматомъ Френомъ три булгарскія монеты X стол. (1).

Френъ, разбирая разныя восточныя монеты, прочелъ на одной изъ нихъ: „во имя Бога! Этотъ диргемъ чеканенъ въ Булгарѣ въ 366 (976) г.“, а на другой сторонѣ монеты видѣнъ знакъ—почти опрокинутая внизъ буква А, а потомъ:“ Мухаммедъ посланникъ Аллаха“, имя 23-го аббасидскаго халифа „ель-Мути-лиллаха“ и имя „Муминъ сынъ . . . (?)“ Имя отца Мумина можно прочесть, говоритъ Френъ, двоякимъ образомъ, но ни то, ни другое чтеніе не представляетъ мухаммеданскаго имени.

Кромѣ этой монеты, Френъ нашелъ еще двѣ чеканныя въ г. Суварѣ, одна изъ нихъ тоже 366 (976) г., а другая 338 (949) г. На первой стоитъ имя 24-го халифа „ель Таи-лиллаха“, а внизу имя „Муминъ сынъ Ахмеда“; на второй—имя 22-го халифа „ель-Мустекфи-биллаха“, а внизу „Талибъ сынъ Ахмеда“. Не можетъ быть сомнѣнія, говоритъ Френъ, что имена, которыя стоятъ подъ именами халифовъ, принадлежатъ къ царствовавшимъ въ то время государямъ Булгаріи. Принимая во вниманіе, что Муминъ на монетѣ Сувара, чеканной въ одномъ году съ монетою г. Булгара, названъ сыномъ Ахмеда, который упоминается отцемъ и Талиба, на другой монетѣ Сувара, Френъ предполагаетъ, что и на монетѣ г. Булгара должно читать: „Муминъ сынъ Ахмеда“ и что обозначеніе имени отца Мумина, какъ оно читается на этой монетѣ, произошло по ошибкѣ штемпельщика, чему оріентальная нумизматика представляетъ многіе примѣры.

Такимъ образомъ, благодаря этимъ монетамъ, открывается рядъ несомнѣнныхъ государей Булгаріи—Ахмедъ и сыновья его Талибъ и Муминъ, эти монеты показываютъ также, что въ гг. Булгарѣ и Суварѣ былъ одинъ и тотъ-же государь.

Послѣ Френа извѣстно открытіе четвертой булгарской монеты, которая принадлежитъ извѣстному казанскому любителю древностей и археологу А. Ѳ. Лихачеву. Г. Лихачевъ сообщилъ мнѣ, что эта монета Талиба, но мѣсто чеканки разобрать нельзя.

---

(1) «Drei Münzen» ст. въ Mémoires de l'Académie de S.-Pétersb., V серія, т. I, 1832 г.

Затѣмъ въ Мерянской землѣ, въ курганахъ, вмѣстѣ съ другими монетами, были найдены двѣ булгарскія монеты, о которыхъ такъ отзывается почтенный изслѣдователь Мерянскихъ древностей (2): „чрезвычайно рѣдкая монета Мумина, сына Ахмедова, царя Булгарскаго, начала X вѣка"; „рѣдкая монета Булгарскаго царя Мостекфи Биллахъ-Талиб-бенъ-Ахмеда, около 949 г." Къ сожалѣнію, не показано мѣсто чеканки этихъ монетъ, неизвѣстно къ какому городу они относятся—къ Булгару или Сувару? А на второй монетѣ имя халифа соединено съ именемъ Булгарскаго царя.

Монеты 366 г., указывающія своимъ существованіемъ на извѣстную степень благосостоянія булгарскихъ городовъ въ это время, представляютъ противорѣчіе съ показаніями Ибнъ-Хаукаля и Ибнъ-эль-Варди, которые говорятъ о разрушеніи Булгара Русскими въ 358 г. (968). Должно предполагать, что арабскія извѣстія о полномъ разгромѣ Булгарской земли представляютъ преувеличенія, или Булгарія скоро опять поправилась (3); но во всякомъ случаѣ показанія монетъ являются несомнѣннымъ авторитетомъ.

Въ другой статьѣ Френъ (4) справедливо замѣчаетъ, что народъ, который сознавалъ преимущества металлическихъ денегъ въ торговомъ оборотѣ и пользовался не только иностранною монетою, но чеканилъ свою собственную, стоитъ уже не на низкой степени культуры; собственныя монеты Булгаръ представляютъ преимущество этого народа передъ всѣми другими современными сосѣдними народами, изъ которыхъ одни никогда не имѣли собственной монеты, а другіе стали ее дѣлать позднѣе, таковы Хозары, Буртасы, Печенеги, Команы и пр. „Но, можетъ быть, продолжаетъ Френъ, нѣтъ основанія придавать особенное значеніе раннему введенію монетъ у Булгаръ. Это, безъ сомнѣнія, было только дѣломъ Арабовъ, которые содѣйствовали обращенію этого народа въ исламъ". Эти монеты введены Арабами для выраженія преданности халифамъ, имена которыхъ чеканились на монетахъ; появленіе послѣднихъ не было удовлетвореніемъ

---

(2) «Меряне и ихъ бытъ» гр. А. С. Уварова въ Труд. I Археол. Съѣзда, стр. 668 и 672.

(3) См. во II Отд. «Походъ Святослава».

(4) Die ältest. arab. Nachricht. 543, 544.

сознанія самихъ Булгаръ о необходимости собственной монеты.

Френъ указываетъ, что упоминаемая И. Фадланомъ подать бычачьими шкурами доказываетъ, что въ это время у Булгаръ не было монетъ. Позднѣе открытое, неизвѣстное Френу, сочиненіе Ибнъ-Даста, прямо говоритъ о Булгарахъ: „чеканной монеты своей нѣтъ у нихъ“ (5).

2 Монеты конца XII и начала XIII стол. Появленіе указанныхъ булгарскихъ монетъ Френъ называетъ „несвоевременнымъ растеніемъ, которое скоро замерло“. Френъ не признаетъ существованія булгарскихъ монетъ, послѣ вышеуказанныхъ, до начала монгольскаго владычества, когда начали опять чеканить монеты въ г. Булгарѣ, съ именами монгольскихъ хановъ. Френъ опровергаетъ даже собственное свое прежнее предположеніе о булгарской монетѣ, битой незадолго до нашествія Монголовъ.

Палласъ (1), кромѣ куфическихъ монетъ, находимыхъ среди булгарскихъ развалинъ, указываетъ на тонко и нечисто чеканные изъ худаго и хрубкаго серебра. „У сихъ монетъ на одной сторонѣ находятся либо звѣздочки, или другія украшенія, а на другой сторонѣ точки и кружокъ, въ которомъ изображенъ произвольный знакъ почти такой же, какой Башкирцы и другіе безграмотные народы еще нынѣ употребляютъ вмѣсто своеручной подписи“. Палласъ сообщаетъ и рисунки такихъ монетъ—двухъ серебряныхъ и одной мѣдной.

Исторіографъ прошедшаго столѣтія Миллеръ (2), указывая на монеты, упоминаемыя Палласомъ, предполагаетъ, что они доказываютъ свою древность тѣмъ, что на нихъ нѣтъ никакихъ надписей. Затѣмъ Миллеръ указываетъ изъ собранія восточныхъ монетъ въ Спб. Ак. наукъ на булгарскія монеты 617 (1220) и 618) г. (1221) съ именемъ Буладъ Хана. „Это, замѣчаетъ Миллеръ, былъ первый и послѣдній ханъ булгарскій, о которомъ намъ извѣстно“.

---

(5) «Извѣстія И. Даста» Хвольсона, стр. 24.

(1) «Путешествіе по разн. провинціямъ Россійск. имперіи», I, 2 изд. 1807 г., стр. 194.

(2) «О народахъ издревле въ Россіи обитавшихъ» на мѣм. яз. въ Büsching's Magazin, т. XVI; въ русск. переводѣ Долинскаго отдѣльною книжкою въ Спб. 1773 г.

Френъ ([3]) опровергаетъ Миллера: мѣдную монету, изображеніе которой находится у Палласа, онъ опредѣленно причисляетъ ко времени Узбекъ-Хана, а двѣ серебряныя— съ большею вѣроятностью ([4]); монеты, которыя Миллеръ относитъ къ 1220 и 1221 г., Френъ считаетъ принадлежащими не къ XIII, а къ XV ст. ([5]) „Наконецъ, говоритъ Френъ, если я самъ прежде ([6]) двѣ монеты считалъ битыми древними Булгарами, незадолго до нападенія Монголовъ, въ концѣ XII или началѣ XIII ст., то позднѣйшія изслѣдованія убѣдили меня, что они также скорѣе принадлежатъ монгольскимъ ханамъ конца XIII ст.“.

На послѣднихъ двухъ монетахъ года не означено, но показано имя халифа „Енъ-Насира-лидинъ-аллаха“, который царствовалъ отъ 585—628 (1180—1225) г. Между тѣмъ съ именемъ этого халифа встрѣчается монета Булгара 692 (1293) г. ([7]); это объясняется тѣмъ, что отдаленными народами Востока нерѣдко чеканились монеты въ честь халифовъ, долго спустя послѣ ихъ смерти.

Френъ относитъ извѣстныя ему монеты Енъ-Насира безъ датъ ко времени послѣ смерти этого халифа, но позднѣйшій оріенталистъ Савельевъ ([8]) причисляетъ ихъ къ дѣйствительному царствованію Енъ-Насира, исключая, конечно,

---

([3]) Die ältest. arab. Nachricht, 342, 343.

([4]) При этомъ Френъ ссылается на свое изслѣдованіе о джучидск. монетахъ (Die Münzen der Chane vom Ulus Dschutschi's, S. P. 1832), въ которомъ первая монета (Булгарскій пулъ) описана и изображена на XIII табл. № 11, а остальныя двѣ серебр. монеты Френъ причисляетъ къ указанному въ эт. описаніи цѣлому разряду монетъ, на которыхъ съ одн. стор. тамга въ различн. окруженіи, а съ друг. стор.: печать Соломона, распустившійся цвѣтокъ, птица, рыба, сидящій человѣкъ съ ребенкомъ на колѣняхъ и пр.. «Я имѣю основаніе думать, говоритъ Френъ, что эти монеты чеканены во время Узбека въ Булгарѣ». Въ послѣднемъ сочиненіи Френъ ссылается на свое другое извѣстное сочиненіе о восточн. монетахъ Recensio numorum muhammedanorum Acad. Imp. scient. Petropolitanae (стр. 399, № 1—4).

([5]) При этомъ Френъ ссылается на «Receusio» стр. 368, № 2 и 3.

([6]) De numorum Bulgharicorum forte antiquissimo libri duo.

([7]) Die Münzen der Chane v. Ulus Dschutschi's, стр. 4, № 18.

([8]) «Неизданныя джучидскія монеты». Труды Вост. Отдѣл. Арх. Общ., III, 468—470.

монету 1293 г. Савельевъ предлагаетъ составить изъ волжско-булгарскихъ монетъ до-монгольскаго періода особый разрядъ, съ подраздѣленіемъ его на два отдѣла, отдѣленные промежуткомъ почти въ 300 лѣтъ: первый—X вѣка, а второй—исхода XII и первой четверти XIII ст. Монеты обоихъ отдѣловъ сходны лишь тѣмъ, что тѣ и другія биты во имя аббасидскихъ халифовъ: первыя во имя послѣдовавшихъ одинъ за другимъ халифовъ Мустекфи, Муты-Лиллаха и Таи-Лиллаха; вторыя—во имя халифа Насиръ-Лидинъ-Аллаха, годы царствованія котораго (1180—1225 по Р. Хр.) и опредѣляютъ время чеканки монетъ съ его именемъ.

Чеканенныя въ Булгарѣ монеты съ именемъ этого халифа находятся доселѣ въ множествѣ въ бывшей Булгарской землѣ. Перечеканка ихъ черезъ 70 лѣтъ послѣ завоеванія Монголовъ объясняется терпимостью первыхъ монгольскихъ хановъ, не принявшихъ ислама. Какъ заявляетъ А. Ѳ. Лихачевъ, въ коллекціи его находится одна серебряная монетая съ именемъ Насиръ-эд-дина (Лидина?) 610 (1210) (⁹).

3 Монеты во время монгольскаго владычества. Съ начала монгольскаго владычества постоянно встрѣчаются монеты, битыя въ Булгарѣ. „Монеты первыхъ четырехъ хановъ дома Джучіева, говоритъ Савельевъ, чеканныя въ Булгарѣ, явились во имя верховныхъ каановъ Великой Монгольской имперіи, которой Булгарія и Русь были только провинціями“. Именъ грознаго для Руси Бату-хана, двухъ его сыновей-преемниковъ, и Берке-хана, не находится на булгарскихъ монетахъ, которыя чеканились во имя ихъ верховныхъ владыкъ Мёнгкэ (Менгу)-каана и Эрикъ-Бека. Только въ правленіе пятаго хана изъ дому Джучіева, Мёнгкэ-Темура, начали выпускать монету съ именемъ мѣстнаго хана, а не „великаго каана“ Монголовъ (¹).

Монеты, битыя въ Булгарѣ, съ именемъ хановъ Золотой Орды продолжались до половины XV ст. Это противорѣчитъ татарскимъ рукописямъ и преданіямъ, которыя говорятъ, что г. Булгаръ былъ совершенно разрушенъ Тимуромъ.

(⁹) Ст. А. Ѳ. Лихачева «Бытовые памятники Великой Булгаріи» въ Труд. II Археол. Съѣзда, стр. 27.

(¹) Ibid, стр. 470.

II. СУВАРЪ.

1 Нумизматическія показанія. Важнѣйшимъ, непреложнымъ доказательствомъ существованія г. Сувара въ X ст. подъ властью государя, который владѣлъ и г. Булгаромъ, служатъ двѣ вышеуказанныя монеты, чеканныя въ г. Суварѣ— одна въ 338 (949) г., а другая въ 366 (976) г., первая при Талибѣ, сынѣ Ахмеда, а вторая при Муминѣ, сынѣ Ахмеда; отъ послѣдняго года съ именемъ Мумина найдена и монета г. Булгара.

2 Арабскіе писатели. О г. Суварѣ, какъ сосѣднемъ съ г. Булгаромъ, говорятъ и арабскіе писатели. Эль-Балхи сообщаетъ, что недалеко отъ г. Булгара лежитъ другой городъ Сиваръ, гдѣ также находится главная мечеть. Дома деревянные и служатъ зимними жилищами, лѣтомъ же жители расходятся по войлочнымъ юртамъ. Мусульманскій проповѣдникъ Булгаръ сказалъ автору, что число жителей обоихъ этихъ городовъ простирается до 10,000, что тамъ лѣтомъ долгіе дни и короткія ночи, а зимою дни короткіе и ночи долгія (1).

Френъ (2), которому не было извѣстно сочиненіе эль-Балхи, считаетъ древнѣйшимъ арабскимъ писателемъ, который говоритъ о Суварѣ, автора переведенной Узелеемъ „Восточной Географіи“.

Это сочиненіе повторяетъ тоже самое, что сказалъ Эль-Балхи—г. Суваръ вблизи отъ г. Булгара, здѣсь главная мечеть, деревянные дома, число жителей обоихъ городовъ около 10,000. Тоже повторяетъ и Ибнъ-Хаукаль. Въ „Восточной географіи“ имя города испорчено, вся послѣдняя половина отпала, осталось только Су, Сув; у Ибнъ-Хаукаля, по лейденской рукописи, читается Сувадъ. Френъ указываетъ на необходимость чтенія Суваръ или Сиваръ, какъ пишетъ Якутъ, Казвини, Хамдулла и персидскій Ферхегъ. На такое чтеніе указываетъ монета 338 г., на которой послѣдняя буква не можетъ быть „д“, п. ч. въ куфическомъ письмѣ ↄ (д) ясно отличается отъ ↄ (р); но буквы, соотвѣствующія твер-

---

(1) «Извѣстія Ибнъ-Даста» Хвольсона, стр. 82.

(2) «Drei Münzen», стр. 203, 204.

дому и мягкому „с“ и „ш“, не отличаются отъ „р.“ (отсюда является возможность читать Суваз вмѣсто Сувар).

Мукаддеси упоминаетъ, кромѣ Булгара, о Сиварѣ и городѣ, названіе котораго Хвольсонъ не могъ разобрать въ рукописи сочиненія Мукаддеси. Сиваръ, по Мукаддеси, лежитъ также на Волгѣ, тамошнія строснія суть войлочныя юрты, у жителей много полей и имущества (3).

Эдриси, Якутъ и Казвини приписываютъ Буртасамъ то, что ихъ предшественники говорятъ о Булгарахъ, вслѣдствіе этого г. Суваръ является буртасскимъ (4).

3 Персидскіе писатели (Хамдулла и сочиненіе Ферхегъ). Френъ (1) указываетъ на два персидскія сочиненія, которыя упоминаютъ о Суварѣ—сочиненіе Хамдуллы (2) и персидскій Ферхегъ, изъ котораго Френъ получилъ въ Казани нѣкоторые отрывки. Хамдулла указываетъ на этотъ городъ, какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ въ Дештъ-Кипчакѣ; а Ферхегъ называетъ его однимъ изъ большихъ городовъ Булгарскаго государства. Френъ приводитъ при этомъ и самый текстъ Ферхега, который г. Готвальдъ переводитъ такъ; „въ этомъ вплаетѣ (округъ) суть три большихъ города: одинъ Булгаръ, второй Сиваръ, третій Асбаль (Эсбель)“.

4 Предположеніе о мѣстонахожденіи Сувара, гдѣ нынѣ г. Свіяжскъ. Вышеуказаннымъ ограничиваются всѣ историческія свидѣтельства о г. Суварѣ, русскіе источники о немъ не упоминаютъ. На основаніи имѣющихся источниковъ, не возможно представить точнаго опредѣленія мѣстонахожденія этого города, не помогаетъ при этомъ и подробное знакомство съ существующими нынѣ географическими названіями мѣстностей бывшаго Булгарскаго царства, между ними не встрѣчается названія, подобнаго Сувару. Приходится и нынѣ повторить слова, сказанныя Френомъ 45 лѣтъ тому назадъ: „тщетно на старыхъ и новыхъ картахъ отыскиваютъ слѣды этого города“ (1).

---

(3) «Извѣстія И. Даста» Хвольсона, стр. 84.

(4) См. ниже «Мнимые буртасскіе города».

(1) «Drei Münzen», стр. 203, 204.

(2) Сочиненіе его называется «Ношетъ-ел-колубъ» (Паслажденіе сердецъ), онъ умеръ въ 750 (1350) г., какъ объяснилъ мнѣ І. Ѳ. Готвальдъ.

(1) «Drei Münzen», стр. 204.

Существуютъ только предположенія о бывшемъ мѣстѣ этого города.

П. С. Савельевъ (2) думаетъ видѣть въ Суварѣ—Свіяжскъ, онъ читаетъ, вмѣсто Суваръ—Сувáзъ, т. е. Связъ, Свяжъ или Свіяжскъ, отъ р. Свіяги. Возможность чтенія вмѣсто Суваръ-Сувазъ подтверждается вышеприведеннымъ указаніемъ Френа, что въ куфическомъ письмѣ буква, соотвѣтствующая нашему р, не отличается отъ соотвѣтствующихъ нашимъ с и ш.

Подтвержденіемъ своего предположенія Савельевъ представляетъ возможность предполагать старое городище близъ основаннаго Иваномъ IV новаго города Свіяжска, при чемъ Савельевъ указываетъ на выраженіе лѣтописца, найденное въ Исторіи Карамзина (2 изд., т. VIII, стр. 286)—„поставленіе новограда свіяжскаго". т. е. новаго города на Свіягѣ рѣкѣ, новаго Свіяжска.

Послѣднее предположеніе Савельева я могу подтвердить несомнѣннымъ доказательствомъ о существованіи около нынѣшняго Свіяжска городища: оно упоминается въ Писцовой Свіяжской книгѣ, списокъ съ которой хранится въ библіот. Каз. унив. (3).

Но, не смотря на это, я не считаю возможнымъ признать правильнымъ предположеніе Савельева о нахожденіи Сувара на мѣстѣ нынѣшняго Свіяжска, на томъ основаніи, что г. Суваръ арабскіе писатели указываютъ на одной рѣкѣ съ г. Булгаромъ, на Волгѣ, между тѣмъ самое названіе Сувара т. е. Суваза, по объясненію Савельева, указываетъ, что послѣдній стоялъ на другой рѣкѣ, Свіягѣ. Затѣмъ—нѣтъ никакихъ данныхъ отождествлять названія Свіяжскъ и Сувазъ, п. ч. филологическія объясненія Савельева не выдерживаютъ критики. Если Свіяжскъ есть прилагательное отъ слова Свіяга, какъ объясняетъ Савельевъ, то это русская форма прилагат. отъ русскаго названія этой рѣки, которая не можетъ быть такою же на томъ языкѣ, изъ котораго заимствовали арабскіе писатели и на которомъ говорили чеканившіе въ Суварѣ монеты. Р. Свіяга нотатарски называется Зуя, Зія, а почувашски Свіэ (4). Но какъ называли

---

(2) Мухаммеданская нумизматика, стр. 118.

(3) См. ниже въ III Отд. «Р. Свіяга».

(4) «Словарь народно-тат. яз.» Остроумова, Каз. 1876, стр. 78; «Чув. словарь» Золотницкаго, Каз. 1875, стр. 64.

эту рѣку Булгары и можетъ ли Суваз быть притяжательною формою отъ булгарскаго названія этой рѣки?

Артемьевъ (5), указывая на предположеніе Савельева, что на мѣстѣ Сувара, построенъ нынѣшній Свіяжскъ, говоритъ, что это не вѣрно, и прибавляетъ: „опроверженія могли бы завлечь насъ далеко, и по тому мы ограничиваемся краткимъ замѣчаніемъ“.

5. Предположеніе о мѣстонахожденіи Сувара, гдѣ нынѣ г. Спасскъ. Другое предположеніе указываетъ Суваръ на мѣстѣ нынѣшняго г. Спасска. Неизвѣстный авторъ ст. „О первоначальн. мѣстѣ г. Спасска“ въ Каз. Губ. Вѣд. 1847 № 47 говоритъ: „Мѣстность, занимаемая нынѣ Спасскомъ, носитъ признаки древнѣйшаго поселенія, имя котораго исчезло въ памяти народа. Отъ с. Куралова Городища, отстоящаго отъ Спасска въ 4 верст., въ которомъ также находятся остатки древнихъ укрѣпленій и жилищъ, идетъ отъ р. Бездны огромный валъ, черезъ который пролегаетъ почтовая дорога. Часть этого вала входитъ въ самый Спасскъ и застроена домами. Огромность протяженія этого вала и замѣчательная вышина его заставляютъ предполагать, что древнѣйшее поселеніе принадлежало къ числу важнѣйшихъ и потому нѣкоторые (?) помѣщаютъ здѣсь вторую булгарскую столицу Суваръ или Саваръ, о положеніи которой ни наши лѣтописи, ни восточныя не оставили опредѣленныхъ указаній. Какъ бы то ни было, извѣстно только то, что на мѣстѣ нынѣшняго Спасска находилось какое-то поселеніе и что самый Спасскъ первоначально былъ основанъ на другомъ мѣстѣ“.

Г. Спасскъ лежитъ на р. Безднѣ, въ разстояніи отъ Волги около 12 верстъ, слѣдовательно, если бы мы признали, что мѣсто нынѣшняго Спасска принадлежало г. Сувару, который указывается на Волгѣ, то должны придти къ предположенію, подобно существующему въ отношеніи къ г. Булгару, что Волга измѣнила свое теченіе. Но вопросъ объ измѣненіи Волгою своего теченія еще не рѣшенъ положительно въ отношеніи къ мѣстности древняго г. Булгара, и, если признаемъ уклоненіе Волги отъ Булгара, то спраши-

---

(5) «Жукотинъ» въ Каз. Губ. Вѣд. 1847 № 26, затѣмъ съ дополненіями въ Ж. М. Вн. Д. 1851, ч. XXXIII.

вается: можетъ ли это относиться и къ мѣстности г. Спасска, который отстоитъ отъ Волгѣ вдвое далѣе нежели Булгаръ?

Затѣмъ укажемъ, что неизвѣстный авторъ ничѣмъ не доказалъ существованія на мѣстѣ нынѣшняго г. Спасска древняго поселенія. Авторъ указываетъ только на валъ, который идетъ до этого города отъ с. Куралова, на 4 верстномъ разстояніи; но одинъ валъ на длинномъ протяженіи не есть городище въ смыслѣ остатка древняго города, укрѣпленной со всѣхъ сторонъ мѣстности. Упоминаемой здѣсь валъ соотвѣтствуетъ русскимъ пограничнымъ линіямъ, которыя состояли изъ валовъ со рвами и засѣками въ лѣсу. Объ остаткахъ древняго, до-русскаго, пограничнаго вала, въ нынѣшнемъ Чистоп. у., и въ Спасскомъ, на югъ отъ вышеуказаннаго, мы будемъ говорить ниже (1). Подобнымъ пограничнымъ валомъ представляется и вышеуказанный отъ с. Куралова до г. Спасска. По смыслу словъ неизвѣстнаго автора, все четырехъверстное пространство отъ с. Куралова до г. Спасска принадлежало къ г. Сувару, но гдѣ же другіе, кромѣ вала, признаки такого обширнаго города, признаки, напр., подобные остаткамъ г. Булгара?

Не знаю, кого неизвѣстный авторъ разумѣетъ въ числѣ тѣхъ нѣкоторыхъ, которые помѣщаютъ древній Суваръ на мѣстѣ нынѣшняго Спасска.

Артьемьевъ (2) говоритъ, что мѣстоположеніе Сивара или Сиваза и до сихъ поръ не узнано, только мимоходомъ задаютъ себѣ вопросъ: не на его ли мѣстѣ стоятъ нынѣшніе Симбирскъ или Свіяжскъ?

III. НЕОПРЕДѢЛЕННЫЕ ГОРОДА: 1) УПОМИНАЕМЫЙ МУКАДДЕСИ, 2) ТАБУНЪ, 3) БАССОВЪ, 4) МЕРХА, 5) ЕРНАСЪ, 6) ТАХАССТУ (?), 7) КЕРНЕКЪ, 8) АСБОЛЬ.

У мусульманскихъ писателей встрѣчается цѣлый рядъ городовъ въ Булгарѣ, о которыхъ они только упоминаютъ или представляютъ столь ограниченныя свѣдѣнія, что, на основаніи этихъ показаній, нѣтъ возможности опредѣлить мѣстоположенія этихъ городовъ.

---

(1) См. въ III Отд.

(2) «Древній Булг. г. Жукотинъ» въ Ж. М. Вн. Д. 1851, г., ч. XXXIII.

Мукаддеси, кромѣ Булгара и Сивара, говоритъ еще объ одномъ городѣ въ странѣ Булгаръ; но Хвольсонъ, сообщая объ этомъ изъ рукописи сочиненія Мукаддеси, заявляетъ, что онъ не могъ разобрать имени этого города (1). По словамъ Мукаддеси, этотъ городъ лежалъ на одномъ берегу другой рѣки и больше обоихъ вышеупомянутыхъ городовъ; жители этого города были сперва евреями и потомъ сдѣлались мусульманами; они когда-то отправлялись къ берегамъ моря, но теперь возратились въ этотъ городъ. „Какъ ни темно это послѣднее извѣстіе, замѣчаетъ Хвольсонъ, но оно любопытно, п. ч. мы видимъ изъ него, какъ далеко на сѣверъ распространялась еврейская религія вѣроятно изъ Хозаръ; а во-вторыхъ узнаемъ отсюда о томъ, какъ Булгары удалялись когда-то къ берегамъ моря. Это переселеніе легко можно принять за послѣдствіе набѣга Русовъ въ 968“.

Эдриси говоритъ, что „въ странѣ Булгара существовалъ городъ по имени Табунъ (въ другомъ спискѣ этого сочиненія Хамуни), котораго укрѣпленія, расположенныя на вершинѣ одной горы, окружены плодородными полями и поселеніями“ (2).

Персидскій писатель XII стол. Ахмедъ этъ-Туси говоритъ, что „Булгары поселились на берегахъ рѣкъ, удаленныхъ на 6 мѣсяцевъ пути отъ моря Кулзумъ (Персидск. заливъ). Ночь у нихъ продолжается только два часа. У нихъ крѣпостцы (châteaux): Бассовъ, Мерха, Ернасъ, Тахасту? (Яхассну? Бахассну?) (3).

Хвольсонъ не признаетъ за показаніемъ Ахмеда этъ-Туси никакого значенія: „Извѣстія его не имѣютъ никакой цѣны; онъ даже не знаетъ, гдѣ лежитъ Болгарія. Извѣстія его о городахъ, находящихся въ этой странѣ, по моему мнѣнію, также не имѣютъ для насъ никакого значенія“ (4).

Упоминаемые Ахмедомъ этъ-Туси города обыкновенно показываются русскими учеными въ числѣ городовъ Булга-

---

(1) «Извѣстія И. Даста», стр. 84, 85. Такъ, какъ обозначенъ этотъ городъ въ напечатанномъ здѣсь мѣстѣ изъ Мукаддеси, г. Готвальдъ читаетъ «Хадаръ».

(2) Géographie d'Edrisi, II, 435, 436.

(3) «Sur les origines» par Hammer, стр. 35.

(4) «Извѣстія И. Даста», стр. 88.

ріи, хотя въ дѣйствительности это только одни голыя имена, изъ которыхъ послѣднее даже и трудно прочитать. Современныя географическія названія не представляютъ подобныхъ именъ.

Рашидъ-Эддинъ, при описаніи похода Монголовъ на Булгаръ въ 1236 г., упоминаетъ, что Субудай, посланный Бату въ предѣлы булгарскіе, дошелъ до г. Кернека. Подъ послѣднимъ Березинъ предполагаетъ г. Кременчукъ, правильнѣе Кермапчукъ (крѣпостца), которая упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ (5).

Русскія лѣтописи не указываютъ мѣстоположенія Кременчука; соотвѣтствующее русскимъ лѣтописямъ мѣсто, въ которомъ упоминается этотъ городъ, встрѣчается и въ „Казанской исторіи неизвѣстнаго сочинителя“, въ печатномъ изданіи и рукописныхъ спискахъ которой г. Кременчукъ, вмѣстѣ съ другими, показанъ на р. Волгѣ; но въ одномъ принадлежащемъ мнѣ спискѣ (Гербовый) этотъ городъ показанъ, вмѣстѣ съ г. Жукотинымъ, на р. Камѣ (6). Положеніе г. Жукотина на Камѣ доказано, пѣтъ основанія не довѣрять показанію „Казанской исторіи“ и о положеніи Кременчука на этой-же рѣкѣ; ниже я указываю на притокъ Камы—Кирмень, къ которой я пріурочиваю этотъ городъ (7). Но, принимая это, является непонятнымъ: какимъ образомъ первый городъ, до котораго дошли Монголы въ предѣлахъ булгарскихъ, былъ на Камѣ, когда Монголы шли отъ р. Джаяна (Джаика) т. е. Яика или Урала.

Татарскій переводъ персидской рукописи Ферхега, отрывки изъ котораго были доставлены Френу въ Казани, указываетъ, кромѣ Булгара и Сивара, третій большой городъ въ Булгарской области Асбаль (Эсбель) (8).

(5) Ж. М. Н. Пр. 1855, т. LXXXVI.

(6) Отдѣльное изслѣдованіе о «Казанск. исторіи неизв. сочинителя» см въ особомъ Приложеніи.

(7) См. въ III Отд. «Жукотинское городище и его окрестности.»

(8) «Drei Münzen» ст. Френа, стр. 204, выше приведенъ переводъ этого мѣста изъ Ферхега.

IV МНИМЫЕ БУРТАССКІЕ ГОРОДА.

Буртасская земля была сосѣднею съ Булгарскою. Масуди говоритъ, что обитаемая Буртасами страна соединяетъ Хозарію съ Булгаріею; Ибнъ-Даста заявляетъ, что земля Буртасовъ лежитъ между Хозарскою и Булгарскою землями; эль Балхи говоритъ: „Буртасы — народъ, который граничитъ съ Хозарами. Между этими двумя народами не живетъ другой. Буртасы живутъ разсѣянно по берегамъ Волги, имѣютъ деревянные дома“ (1).

На основаніи послѣднихъ словъ эль Балхи, что Буртасы живутъ разсѣянно, имѣютъ деревянные дома, можно предполагать, что у Буртасовъ не было городовъ. Иначе это было бы замѣчено тремя вышепоказанными, болѣе другихъ авторитетными писателями, изъ которыхъ ни одинъ не говоритъ о буртасскихъ городахъ. Затѣмъ слѣдующія слова И. Даста подтверждаютъ отсутствіе городовъ у Буртасовъ: „нѣтъ у нихъ верховнаго главы, который бы управлялъ ими и власть котораго признавалась бы законною; есть у нихъ въ каждомъ селеніи только по одному или по два старшины, къ которымъ обращаются они за судомъ въ своихъ распряхъ“ (2).

Изъ этого свидѣтельства И. Даста видно, что Буртасы жили на низшей степени общественнаго развитія, не достигли еще до государственнаго единства, даже не имѣли городовъ, въ смыслѣ центровъ общественнаго управленія, каждое селеніе представляло вполнѣ самостоятельную общественную единицу.

Между тѣмъ у позднѣйшихъ писателей, начиная съ XII ст., встрѣчаются указанія на буртасскіе города.

Эдриси говоритъ: „Буртасы владѣютъ деревянными домами и войлочными палатками. У нихъ два города Бертасъ и Саванъ“ (3).

Хвольсонъ, по поводу этого мѣста, справедливо замѣчаетъ, что Эдриси дѣлаетъ изъ булгарскихъ городовъ, упо-

(1) «Извѣстія И. Даста» Хвольсона, стр. 71, 19, 73.
(2) Ibid. 20.
(3) Géographie d'Edrisi. II, 404.

минаемыхъ эль-Балхи: Булгара и Сивара, два города въ Буртасѣ: Буртасъ и Сиванъ (чит. Сиваръ)“ (4).

Еще хуже сдѣлалъ Якутъ, который отнесъ къ Буртасамъ все то, что эль-Балхи разсказываетъ о Булгарахъ. Еще Френъ (5) замѣтилъ ошибку Якута.“ Якутъ, говоритъ Френъ, правильно читаетъ имя г. Суваръ, но онъ, по недосмотру, внесъ подъ статью „Буртасъ,“ что принадлежитъ къ ст. „Булгаръ.“ Сенковскій, какъ указываетъ Хвольсонъ (ib. 75), слѣдуетъ Якуту, вслѣдствіе чего вся статья его о Буртасахъ полна ошибками.

Сенковскій представляетъ переводъ изъ Якута о „Буртасѣ“ въ своей статьѣ „Буртасы“ въ Энциклопед. Лексик. Плюшара (т. VII). Но я представляю новый буквальный переводъ, по новому изданію текста Якута, сдѣланный для меня г. Готвальдомъ: „Буртасъ имя народа, у нихъ страна широкая, по которой они извѣстны; къ нимъ относятся мѣха буртасскіе; они сосѣди Хозарамъ; нѣтъ между ними обоими (Буртасами и Хозарами) другаго народа; они—народъ, живущій на берегу Итиля. Буртасъ есть имя страны и города. Они мусульмане, у нихъ мечеть соборная, вблизи отъ нихъ есть городъ, называемый Сиваръ; въ немъ также соборная мечеть. У народа буртасскаго особый языкъ, не турецкій, не хозарскій и не булгарскій. Сказалъ Истахри: „разсказывалъ мнѣ бывшій проповѣдникъ (хатибъ), что число людей обоихъ городовъ около 10,000 чел.; у нихъ строенія деревянныя, въ которыхъ они укрываются зимою; что касается лѣта—они живутъ въ палаткахъ. Сказалъ этотъ хатибъ: лѣтомъ, ночью нельзя у нихъ быть въ пути болѣе 1 фарсанга. Отъ Итиля, г. Хозаръ, до Буртасовъ—20 дней пути; а отъ начала страны Буртасовъ до конца ея—15 дней.“

Каждый, кто сравнитъ это мѣсто Якута съ вышеприведеннымъ мѣстомъ эль-Балхи о Булгарѣ, увидитъ, что сказанное послѣднимъ о Булгарѣ Якутъ относитъ къ Буртасамъ; отсюда объясняется появленіе гг. Буртаса и Сувара у Буртасовъ. Эти два города, очевидно, являются вмѣс-

(4) «Извѣстія И. Даста», стр. 75.

(5) Drei Münzen, 203.

то Булгара и Сувара, упоминаемыхъ эль-Балхи въ Булгарской землѣ.

Туже ошибку, какъ Якутъ, дѣлаетъ и Казвини, который также путаетъ извѣстія эль-Балхи о Буртасахъ и Болгарахъ и относитъ къ первымъ все, сказанное о послѣднихъ (7).

Ибнъ эль-Варди, по рукописи Спб. унив., говоритъ о р. Буртасъ, по берегу которой находится много городовъ и населенныхъ мѣстностей. „Извѣстіе о р. Буртасъ, говоритъ Хвольсонъ (ib. 78), заимствовано изъ Масуди, что же касается до множества городовъ на берегу рѣки, то это уже собственная выдумка Ибнъ эль-Варди.“

Позднѣйшій персидскій писатель Мирхондъ приписываетъ основаніе г. Буртаса внуку Яфета: „Гомари, сынъ Яфета, охотясь дошелъ до р. Булгаръ, которую назначилъ мѣстомъ своего пребыванія; здѣсь у него родились два сына, одинъ названъ былъ Булгаръ, а другой Бертасъ, каждый изъ нихъ построилъ по городу, которому далъ свое имя“ (8).

V. БЮЛАРЪ.

1 Дастанъ Аксакъ Тимуръ, устныя преданія, Шерефъ-Эддинъ-Булгари, рукопись Георги. О началѣ г. Бюлара Френъ (1) сообщаетъ переводъ изъ татарской рукописи „Дастанъ Аксакъ Тимуръ:“ „Народъ въ Бюларѣ назывался Барадшъ. Безъ сомнѣнія, первоначальнымъ мѣстомъ жительства его было устье Зая. Во время гигантовъ одинъ драконъ, по имени Барадшъ, началъ мучить жителей этого города, которые были не въ силахъ побѣдить его. Тогда, бросивши свой городъ, они переселились, пришли отъ г. Булгарія, основали новый городъ на р. Бюларъ, этому городу и себѣ присвоили названіе Бюларъ. Это было причиною, почему населеніе этого города имѣло „ураиъ“ (2), по имени „Барадшъ.“

(7) «Ибнъ-Даста» Хвольсона, стр. 75.

(8) Bibliotheque Orientale par D'Herbelot, стр. 197.

(1) «Bülariae urbis origo atque fata» въ Fundgruben des Orients, V томъ.

(2) Ураиъ, объясняетъ Френъ, значитъ: знакъ, лозунгъ, parole, Losungswort, ibid., 240, прим.

Упоминаемая здѣсь р. Зай впадаетъ въ Каму, съ лѣв. стороны ея, въ Мензелинск. у.; на р. Зай упоминается древнѣйшій городъ Булгаріи, изъ котораго послѣдовало переселеніе на западъ, въ мѣстность нынѣшняго пригорода Билярска въ Чистоп. у. Изъ Бюлара, какъ увидимъ далѣе, переселились на правую сторону Волги, на лѣвый притокъ Свіяги, Кубню, которая протекаетъ по Свіяжск., Цивильск. и Буинскому уѣздамъ. Такимъ образомъ, видимъ направленіе булгарской колонизаціи съ востока на западъ, это подтверждается и преданіемъ о построеніи Казани выходцами изъ г. Булгара.

Нѣкоторыя преданія о г. Бюларѣ сообщаетъ Рычковъ въ „Описаніи достопамятныхъ развалинъ Булгарскаго г. Булумера въ приг. Билярскѣ находящихся“ ([3]).

Между нынѣшними сего мѣстечка обывателями, говоритъ Рычковъ, нѣтъ никакого извѣстія, какъ назывался оный городъ, и кто были его обитатели. Ученый мулла дер. Чертожъ, находящейся въ 30 верст. отъ Билярска, сообщилъ Рычкову, что городъ этотъ принадлежалъ изстари Татарамъ и былъ подъ властью царя, царствовавшаго въ Болгарахъ. Древнее его именованіе было Буларъ, отъ имени рѣчки тутъ текущей, или отъ народа, именовавшаго себя Болгары; этотъ городъ признаваемъ былъ за одинъ изъ первенствующихъ городовъ Великой Татаріи. О началѣ города и кто былъ основателемъ его мулла не зналъ. Но разореніе онаго приписываютъ они славному Темиръ Аксаку, который не только взялъ всѣ города, въ странѣ сей находящіеся, но и разрушилъ ихъ до основанія; а жителей разоря привелъ въ крайнюю нищету. Съ тѣхъ поръ г. Буляръ былъ никѣмъ не обитаемъ, а народы, въ сихъ мѣстахъ оставшіеся, построили Казань.

О принадлежности г. Бюлара ханамъ Золот. Орды свидѣтельствуетъ серебряная монета, битая въ г. Билярскѣ при ханѣ Туда-Менгу въ 1293 г. ([4]).

([3]) «Журналъ», г. I, Спб. 1770, стр. 11—22.

([4]) Catalogue des monnaies du cabinet numismatique de l'université de Kasan, dressé, par le professeur Berésine. Kas., 1850 г., стр. 2, № 97.

Подробности завоеванія Тимуромъ г. Бюлара представляетъ „Дастанъ Аксакъ-Тимуръ,“ текстъ и латинскій переводъ изъ этого разсказа находится въ статьѣ Френа о г. Бюларѣ.

Послѣ разрушенія Булгара, Тимуръ двинулся противъ Бюлара; подошедши къ этому городу, Тимуръ остановился на сдѣланномъ валу, воздерживаясь отъ всякаго сраженія. Въ то время въ Бюларѣ былъ Саметъ-ханъ, жена его по имени Бисъ-капакъ. Ханъ совѣщался съ гражданами, что дѣлать? Граждане предоставили это рѣшить самому хану, который спросилъ совѣта у одного благочестиваго мужа. Послѣдній взошелъ на башню и оттуда увидѣлъ въ непріятельскомъ лагерѣ божественнаго „Хизра“ (5), поэтому не совѣтывалъ вступать въ битву съ непріятелемъ. Тогда отворили всѣ ворота города и сдались непріятелю. Тимуръ ввелъ въ городъ войска и перебилъ многихъ гражданъ. Аксакъ Тимуръ имѣлъ обыкновеніе, испытывая настроеніе гражданъ, ходить среди нихъ ночью и распрашивать, отъ чего постигло ихъ какое-нибудь бѣдствіе. Если гдѣ-нибудь стоявшіе въ толпѣ отвѣчали, что виновникъ несчастій Тимуръ, который возбудилъ гнѣвъ Божій, такъ говорившихъ Тимуръ на другое же утро приказывалъ истребить съ корнемъ, со всею семьею. Если же кто, признавая свою порочность, приписывалъ своему собственному паденію какое-нибудь бѣдствіе,—тѣхъ Тимуръ объявлялъ со всемъ ихъ родомъ неприкосновенными и безнаказанными (6).

Въ одну ночь Тимуръ, скрывая свою личность, ходилъ среди гражданъ Бюлара. Когда онъ спросилъ, отъ чего постигло ихъ такое бѣдствіе, ему отвѣчали — „это лиходѣй Аксакъ-Тимуръ напесъ намъ эту гибель!“ Но одна мудрая

(5) Хизръ—пророкъ Илія.

(6) Т. е. давалъ имъ тарханство, подъ которымъ обыкновенно разумѣютъ освобожденіе отъ дани, но оно представляетъ и другія преимущества. Абуль-Гази такъ объясняетъ слово тарханъ: «Тарханъ означаетъ такого человѣка, съ котораго не берутъ дани; когда онъ приходилъ въ домъ Хана, его никто не могъ остановить; онъ входитъ и выходитъ по своему произволу. Если онъ сдѣлалъ преступленіе, то съ него до девяти винъ не взыскивается; послѣ девятой онъ уже подвергался взыску. Это право переходило и на его потомковъ до девятаго рода.» «Библ. вост. историковъ», т. III. Исторія Абуль-Гази, перев. Саблукова; стр. 53.

женщина, вдова вельможи, Дзхадишъ, умершаго еще прежде нападенія Тимура, случайно проходившая около этого сборища, сказала: „отъ чего не признаемъ вины нашихъ порочныхъ учителей? Если бы не было ихъ и Всемогущаго Бога, Тимуръ этотъ могъ ли вредить намъ?“ На другой день Тимуръ объявилъ этой вдовѣ, двумъ ея сыновьямъ и всему дому ея милость и свободу, предоставилъ имъ идти, куда пожелаютъ, приказавши своему войску, чтобы никто не притѣснялъ ихъ. Мудрая вдова съ старшимъ сыномъ своимъ Инсанъ-бикомъ поселилась на другой сторонѣ Волги (на внутреннемъ берегу р. Идиля), на горахъ, именно на бер. р. Кубни; а младшій сынъ Ихсанъ-бикъ ушелъ на р. Зай, гдѣ прежде жили его предки (7).

Шерефъ-эддинъ-Булгари также говоритъ о взятіи Тимуромъ Биларска, послѣ взятія г. Булгара: „Въ эту же эпоху онъ разорилъ г. Биларскъ. Разоривъ городъ, самихъ жителей разсѣялъ по лицу земли“ (8).

Георги (9) изъ татарской рукописи, переведенной Барданесомъ, говоритъ, что спасенный булгарскій принцъ Алимъ-Бекъ, послѣ взятія Тимуромъ г. Булгара, выстроилъ на Черемшанѣ значительный городъ, который онъ назвалъ Бюлюмаръ. Существованіе понынѣ развалинъ этого города Георги указываетъ въ пригор. Биларскѣ, слѣдоват. подъ Бюлюмаромъ разумѣется г. Бюларъ. Но это извѣстіе объ основаніи г. Бюлара противорѣчитъ извѣстію о томъ-же изъ „Дастана“; затѣмъ, по другимъ источникамъ, извѣстно, что

(7) С. Мельниковъ въ ст. «Село Рождественское—Ямаши» (Каз. Губ. Вѣд. 1856, № 30) говоритъ, что въ одной татарской рукописи, которую можно найти во всѣхъ почти татарскихъ деревняхъ Чистоп. у., разсказывается повѣсть о томъ, что, по отшествіи изъ здѣшнихъ мѣстъ къ Персіи Аксакъ Темира, близъ Заиска появился летучій змѣй, пожиравшій скотъ и людей, отъ чего будто бы древніе жители здѣшняго края бѣжали отсюда въ степь и къ рѣкамъ Камѣ и Волгѣ.

Распространенная рукопись вѣроятно «Дастанъ», но Мельниковъ перепуталъ содержанія ея: переселеніе съ Зая было задолго до Тимура, а послѣ него послѣдовало возвращеніе опять на р. Зай.

(8) Каз. Губ. Вѣд. 1852 г., № 45.

(9) Bemerkungen einer Reise im Russisch. Reich. II.

царевичъ Алымъ-Бекъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Алтынъ-Бекомъ основалъ Казань, а не Бюларъ (10).

2 Татарская челобитная 1677 г. Существуетъ извѣстіе о царѣ г. Бюлара, жившемъ въ XV ст., во время владычества въ Казани Сафа-Гирея. На это указываетъ одинъ документъ 1696 г.—„Выпись на пашенную землю стрѣльцамъ Булярскаго городка", напечатанная С. Мельниковымъ въ „Акт. Истор. Казанской и др. сосѣдств. губерній" т. I, Каз., 1859, стр. 179—185. Отрывокъ изъ этого документа былъ извѣстенъ прежде, на него указалъ еще въ прошедшемъ столѣтіи Рычкову секретарь канц. поселенія отставн. солдатъ; Рычковъ (1) приводитъ изъ этого документа слѣдующее мѣсто: „въ прошломъ 1677 г. били челомъ великому царю мурзы и ясашные Татары всего Казанск. уѣзда. Въ прошлыхъ де годѣхъ, до Казанскаго взятья и изстари построенъ былъ бусурманскій Булымерской городъ за Камою рѣкою; и въ немъ былъ царь Балынъ-Гозя, и онъ де Балынъ-Гозя умеръ; да въ тоже время былъ царь татарскій Сафаралей, и того де Балымерскаго царя похоронилъ и построилъ надъ нимъ палату каменну (2)". Документъ,

---

(10) Можно было бы подъ именемъ Бюлямара указать на Болымери или Булымерь въ Спасск. у., около котораго встрѣчается городище, но это селеніе близъ Волги, а не Черемшана.

(1) «Журналъ». I, 13, 14.

(2) Гаммеръ (Gesch. d. Golden. Horde, стр. 10), основываясь на Рычковѣ, считаетъ г. Булимеръ или Билярскъ за упоминаемый въ русскихъ лѣтоп. подъ 1116 г. половецкій городъ Балинъ (Ипат. изд. 1871 г., стр. 204). Впрочемъ, Гаммеръ, какъ онъ это дѣлаетъ и въ другихъ случаяхъ, ссылается не на какую-нибудь авторитетную лѣтопись, а на «Ядро Россійск. исторіи» Хилкова. Основаніемъ для отождествленія Булимера съ г. Балиномъ, Гаммеръ считаетъ царя Балынъ-Гозя, который, какъ говоритъ Гаммеръ, былъ основателемъ этого города. Между тѣмъ въ приводимомъ Рычковымъ документѣ Балынъ-Гозя называется только современникомъ Сафа-Гирея, а не основателемъ г. Булимера. Г. Балинъ, существовавшій въ 1116 г., очевидно, не могъ быть основанъ жившимъ въ XVI ст.; наконецъ Балинъ въ русскихъ лѣтописяхъ прямо показывается на Дону. Я указываю на этотъ промахъ Гаммера, какъ на доказательство, вмѣстѣ съ имѣющимися многими другими подобными, что сочиненіемъ Гаммера должно пользоваться съ особенною осторожностью. Знаменитые критики этого сочиненія Кругъ, Френъ и Шмидъ, указывая на недостатки и явныя ошибки Гаммера, ограничились далеко не всѣмъ, на что они

напечатанный въ Актахъ Мельникова, продолжаетъ: „Сафаралей велѣлъ жить у той полатки, вмѣсто сторожей, Татарамъ Барямгоскѣ съ товарищи, шти человѣкомъ, чтобъ они у той полатки были безпрестани и жили дворами и тое полатку стерегли; и жили они на бѣлой землѣ, и живучи пашенною землею и сѣнными покосы и вотчинами и всякими угодьи владѣли, и послѣ де Казанскаго взятья онъ, Барамгоска, съ товарищи, померли, и та де полата безъ строенья развалилась, и по указу де Вел. Госуд., и по грамотѣ тое полатку построили они снова, и нынѣ де у той полатки сторожей нѣтъ". Татары просили дозволить поселиться около этой полатки сродникамъ Барамгоски и его товарищей, платежъ ясака вмѣсто новыхъ сторожей челобитчики брали на себя. Просьба Татаръ была исполнена, вновь поселившимся близъ полатки отданы во владѣнія прилежащія земли; но подъ условіемъ—„буде въ томъ мѣстѣ земля въ помѣстье и вотчину и на оброкъ и на ясаки ни кому не отдана, и спору о томъ впредь ни отъ кого не будетъ". Но споръ предъявили булярскіе стрѣльцы, которые доказывали, что прежде челобитья Татаръ эта земля отведена имъ; было опредѣлено свести съ этой земли сторожей полатки на пустыя, ясашныя, степныя земли.

3 Преданія о могилахъ святыхъ на горѣ Балынгузъ. Рычковъ мѣсто полатки Балынъ-Гозя указываетъ въ 3 верст. на сѣверъ отъ Билярска, на верху высокой горы, гдѣ видны еще остатки каменныхъ зданій; вокругъ этихъ зданій расположено кладбище съ остатками надгробныхъ каменьевъ. „Сіе кладбище называютъ здѣшніе жители Балынъ-Гусъ. Магометанцы, не только здѣсь живущіе, но и Башкирцы изъ отдаленныхъ мѣстъ съѣжаются лѣтомъ къ симъ развалинамъ, признавая ихъ мѣстами священными. Они вѣруютъ, что внутри каменныхъ зданій погребены ихъ святые, которые не только въ жизни своей, но и нынѣ дѣлаютъ различныя чудеса. Собирающіеся на мѣсто сего моленія, отъ самой подошвы до развалинъ идутъ падши на колѣни свои; почитая святыхъ, чтутъ они и источникъ, вытекающій изъ сея горы. Воду его называютъ они освящен-

---

могли бы указать: указываемый мною промахъ они не замѣтили, также не упоминаютъ о названіи Ст. Казани хозарскимъ городомъ, о чемъ см. ниже.

ною, представляя себѣ, будто бы святый ихъ, который жилъ близъ его, вкушалъ и обмывался въ семъ источникѣ: и для сего наливаютъ они ею нарочно привозимые съ собою сосуды и увозятъ по своимъ домамъ, признавая, что она исцѣляетъ ихъ отъ многихъ болѣзней".

Ученый мулла изъ дер. Чертожъ сообщилъ Рычкову, что развалины на верху горы чтутъ освященными по тому, что тамъ погребены были два святые, славнѣйшіе у всѣхъ магометанцевъ, живущихъ въ Россійской имперіи. Одного мулла называетъ Меулимъ-Хоззя, а другаго Шебелимъ Хоззя. Издревле отдаютъ имъ великое почтеніе и приписываютъ имъ разныя чудеса и пророчества. Въ жизни своей они были, какъ бы первосвященники, и при дворѣ царя находились въ великомъ почтеніи. Превосходство ихъ разума и добродѣтельная жизнь приводила народъ въ такое послушаніе къ нимъ, что они могли управлять сердцами единоземцовъ по своей волѣ. Совѣту ихъ послушны были и самые цари.

Шерефъ-эддинъ-Булгари упоминаетъ могилы трехъ великихъ святыхъ на этой горѣ: „Въ Болярѣ, на вершинѣ горы, находятся могилы трехъ великихъ святыхъ; одинъ изъ нихъ —Ходжи-Асгаръ, называемый Маалумъ-Ходжи; другой извѣстенъ подъ именемъ Абдуллы-Ходжи; третій Шейхъ-Мухаммедъ; онъ былъ выходецъ изъ аула Багане, и сынъ Байтирака; пройдя курсъ ученія въ Багдадѣ, онъ вернулся въ Боляръ" (1).

Френъ въ вышеуказанной статьѣ о Бюларѣ (въ Fundgr. d. Orients., V, 205, 206) приводитъ объ этихъ трехъ могилахъ извѣстіе на татарскомъ языкѣ, случайно имъ найденное между клочками бумагъ: „Въ Бюларѣ три славныя гробницы. Одна Шаамъ-Ахуна, который обучался въ Багдадѣ,

(1) «Памятникъ въ Башкиріи» Вельяминова-Зернова въ Труд. Вост. Отд. Археол. Общ., IV, 278; Березинъ (Булгаръ на Волгѣ въ Учен. Зап. Каз. унив. 1852, III, 158) передаетъ это мѣсто нѣсколько иначе—втораго шейха онъ называетъ Абдулла Ходжи Чубаръ, извѣстнымъ подъ именемъ Абдуллы; послѣ третьяго (Шейхъ Мухаммедъ) онъ говоритъ: «изъ аула Багапэ Чагкганъ-бай, сынъ Тирака, учившійся въ Багдадѣ, пришелъ въ Билярскъ и здѣсь наставлялъ людей». Такимъ образомъ, изъ относимаго Вельяминовымъ-Зерновымъ къ третьему у Березина является новое четвертое лицо.

отца его называли Иштерякъ Багадуръ, самъ онъ, посвященный въ Баанали въ должность учителя, былъ погребенъ въ Бюларѣ. Вторая гробница Малумъ-Ходжи, который извѣстенъ подъ именемъ Абдуллаха и Ургандши (2). Третья Шебли-Суфи Хадши. Могилы находятся на вершинѣ Бюларской горы. Средняя могила Малумъ-Ходжи".

VI. КОШАНЪ.

Шерефъ-эддинъ, разсказавши о разореніи Тимуромъ гг. Булгара и Бюлара, говоритъ: „На берегу р. Камы (Бѣлой (1)) стоялъ городъ, называемый Кошанъ: разоривъ и его, разсѣялъ все населеніе" (2).

По татарской рукописи Таварихъ удъ Давапръ, послѣ взятія Тимуромъ г. Булгара, одинъ изъ спасенныхъ булгарскими вельможами царевичей Алимъ-бекъ пришелъ въ булгарскій городъ Кошанъ; Повѣсть о несгараемой царевнѣ говоритъ, что въ этотъ городъ пришелъ другой царевичъ Шеуне-бекъ съ своею сестрою, былъ здѣсь учителемъ, скрывая свое настоящее происхожденіе; а затѣмъ, узнавъ, что братья его основали новый городъ Казань, отправился къ нимъ (3).

Кафтанниковъ (4) говоритъ, что Кошанъ находился въ близости татарск. дер. Елговъ и с. Шурана. Село Шуранъ находится въ Лаишевск. у., на р. Камѣ; деревни Мал. Елги, Бол. Елги и Елги-Сабакаево лежатъ одна за другою, на

---

(2) Г. Готвальдъ поправляетъ — изъ Ургенджи = Хива.

(1) Татары называютъ Каму и впадающую въ нее Бѣлую однимъ именемъ Бѣлая.

(2) Каз. Губ. Вѣд. 1852, № 45. Подъ строкою къ этому мѣсту замѣчено: «У Булгаръ извѣстенъ былъ г. Кумань, не вмѣсто ли его стоитъ здѣсь Кошанъ, упоминаемый еще въ татарск. отрывкѣ о казанск. царяхъ, напечат. въ Каз. Губ. Вѣд. 1852 № 12». На это замѣчу, что во перв. смѣшивать Кумань, упоминаемый въ Степ. книгѣ, и Кошанъ нѣтъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что и мѣстоположеніе г. Кумань не извѣстно; во втор. въ указанномъ Отрывкѣ о г. Кошанѣ не упоминается.

(3) «Древніе Болгары» ст. Кафтанникова въ Библ. для Чтенія 1847 г., т. 84, стр. 57—59.

(4) Ibid., стр. 56, прим.

рч. Шуранкѣ, впадающей въ Каму; эти три деревни находятся къ сѣверу отъ с. Шуранъ (5).

О бывшемъ въ этой мѣстности г. Кошанѣ говоритъ и С. Мельниковъ (6); „Повыше Шурана, между волнистыми падями и береговыми долинами, возвышается небольшой дубовой лѣсокъ, господствующій надъ кустарникомъ. Этотъ лѣсокъ окруженъ земляными валами въ два ряда. Здѣсь, по татарскимъ древнимъ таварихамъ (тарихамъ), былъ древній булгарскій городъ Кошанъ: Кашь-ань, или, какъ говорятъ Татары, Казанъ, Иски Казанъ, т. е. Старая Казань. Сколь вѣрно преданіе Татаръ и ихъ азіатскіе (?) баснословные таварихи, я судить не буду; но замѣчательно, что въ путевыхъ запискахъ Китайскаго посланника, посѣщавшаго въ прошедшемъ вѣкѣ нашу столицу, эта именно мѣстность названа Кашь-ань. Въ самомъ городкѣ и въ окрестностяхъ, на пашнѣ, находили прежде весьма много и нынѣ находятъ почти каждое лѣто, древнія серебряныя и мѣдныя монеты, разныя вещи и украшенія. Внутренность городка еще не распахана; народъ боится разрушать татарскую вѣковую святыню. Здѣсь, какъ говорятъ, являются запоздалымъ путникамъ разныя чудовища и женщины-татарки въ древнихъ азіатскихъ костюмахъ, поэтому здѣсь никогда нельзя встрѣтить пѣшеходовъ“.

Кондыревъ (7) въ рапортѣ Совѣту Каз. унив., послѣ археологич. экскурсіи въ 1812 г., упоминаетъ на высотахъ бер. Камы городки Кирюшкинъ и Кошанскій, но къ сожалѣнію не представляетъ болѣе никакихъ данныхъ для точнаго опредѣленія мѣстонахожденія этихъ городковъ. Это сообщеніе Кондырева, бывшее доселѣ неизвѣстнымъ, имѣетъ важное значеніе, представляя подтвержденіе татарскимъ преданіямъ о существовавшемъ на Камѣ г. Кошанѣ, совершенно забытомъ новѣйшими историками. Незнаніе о существованіи г. Кошана на Камѣ, какъ увидимъ ниже (8), ввело въ

(5) Спис. насел. мѣстъ Каз. губ., № 902—904, Спец. карта Европ. Россіи Стрѣльбицкаго.

(6) «Отъ Чистополя до с. Богородскаго» ст. въ Каз. Губ. Вѣд. 1862 г. № 36.

(7) См. Приложеніе I.

(8) См. въ II Отд. «Походы ушкуйниковъ 1391 и 1409 г.».

заблужденіе редакторовъ Воскресенск. лѣтописи и даже древнѣйшихъ переписчиковъ этой лѣтописи, которые назвали Казанью городъ, находившійся, по ясному и буквальному смыслу лѣтописи, на Камѣ, т. е. смѣшали названія Кошанъ и Казань.

Сопоставленіе Мельниковымъ Кошана съ Иски-Казань не вѣрно, потому что мѣстоположеніе Иски-Казань хорошо извѣстно — при верховьѣ р. Казанки. Казань и Кошанъ два различныя слова; сомнительно, чтобы Татары, какъ говоритъ Мельниковъ, смѣшивали эти слова. Названіе Казани производятъ отъ тат. слова „казанъ“ (котелъ), а на происхожденіе слова Кошанъ указываетъ Вельяминовъ-Зерновъ, по поводу встрѣчающагося въ одномъ старинномъ русскомъ актѣ слова „кошени“. Слово кошень, по мнѣнію Вельяминова-Зернова (9), либо употребительное и у Татаръ, персидское слово „кашане“, поставленное въ смыслѣ богоугоднаго зданія, либо передѣлка на русскій ладъ причастія — „кошанъ“ отъ татарск. глагола значущаго „соединить“. Въ настоящемъ случаѣ, т. е. въ отношеніи къ древнему акту, можно, говоритъ Вельям.-Зерновъ, принимать слово „кошанъ“ въ смыслѣ сборнаго мѣста, т. е. соборной молельни и мечети.

Прибавлю къ этому, что въ Персіи встрѣчается г. Кошанъ, описанный въ путешествіи Олеарія, съ приложеніемъ вида этого города (10).

Указаніе Мельникова, что въ путев. запискахъ Китайскаго посольства г. Кошанъ упоминается именно на этомъ мѣстѣ, т. е. на Камѣ, тоже не вѣрно. Подъ китайскимъ посольствомъ очевидно здѣсь разумѣется посольство, которое проѣзжало черезъ Казань въ концѣ 1713 г. Участвовавшій въ этомъ посольствѣ Тулишень оставилъ описаніе своего путешествія. Русскій переводъ сочиненія Тулишеня, сдѣланный съ манджурск. языка, напечатанъ въ Ежемѣсячн. Сочин. 1764 г., ч. II; этотъ переводъ изданъ и отдѣльно въ Спб. 1782 и 1788 г. (11). Въ 1845 г. въ Каз. Губ. Вѣд.

---

(9) Изслѣдованіе о Касимовск. царяхъ, II, 2, 3.

(10) «Voyages en Moscovie», Амстердамъ 1727 г.

(11) Прежде этого, извлеченіе изъ сочиненія Тулишеня сдѣлано Гобилемъ и напечатано въ Observations mathemat., astron. etc., par. Souciet.

(№ 3 и 5) напечатанъ изъ сочиненія Тулишеня переводъ отрывковъ, относящихся къ Казанской губ. Послѣдній переводъ сдѣланъ прямо съ китайскаго однимъ изъ казанскихъ ученыхъ. Изъ послѣдняго перевода видно, что Тулишень подъ „Ко-шань“ разумѣетъ главный городъ Кошанской губ., т. е. Казань, а не городъ на Камѣ, какъ говоритъ Мельниковъ. При разсмотрѣніи перевода всего сочиненія Тулишеня въ Ежемѣсячн. Соч. открывается, что посольство и не проѣзжало по той мѣстности, гдѣ предполагаютъ г. Кошанъ: посольство было послано къ калмыцкому владѣтелю Аюкъ-хану, ѣхало изъ Тобольска на Верхотурье, оттуда въ Соликамскъ, Кай городъ (Вятск. губ.), Слободской, Хлыновъ (Вятка), Казань, Синбирскъ, Саратовъ, изъ послѣдняго въ кочевье Калмыковъ. Обратный путь былъ тотъ-же.

Къ г. Кошану можетъ относиться и сообщенное г. Стояпову ([12]) муллою изъ сосѣдней татарск. дер. Именькова о городѣ между долиною Камы и устьемъ Брысы, которая впадаетъ въ Каму ниже р. Шуранки. Основываясь на преданіяхъ, мулла говоритъ, что здѣсь существовалъ когда-то большой татарскій городъ, составлявшій резиденцію хана. При распашкахъ на мѣстѣ бывшаго татарск. города именьковцы находили неоднократно: стрѣлы, глиняные горшки, кирпичи, монеты. Все это пространство, лежащее между Камой и устьемъ Брысы, въ настоящее время распахано, за исключеніемъ небольшаго участка земли, который расположенъ въ восточной сторонѣ поля, на лѣвомъ берегу Брысы, въ полуверстѣ и къ юго-востоку отъ кургана, который находится въ верстѣ съ сѣверо-запада отъ Именькова. Этотъ участокъ остается нераспаханнымъ по завѣту предковъ. Г. Стояновъ, которому именьковскій мулла и нѣкоторые Татары сообщили предположеніе, что здѣсь было кладбище города, существовавшаго между Камою и устьемъ Брысы, приступилъ къ раскопкамъ въ этой мѣстности, которое дѣйствительно оказалось кладбищемъ ([13]).

т. I; а отсюда переведенное на нѣм. яз. напечатано въ Sammlung Russischer Geschichte, т. I.

([12]) «Отчетъ о раскопкахъ древнихъ могилъ и кургановъ въ Лаишевск. и Спасск. уѣздахъ». Приложеніе къ протоколу засѣданія Общества естествоиспыт. при Казанск. унив. 21 апр. 1871 г.

([13]) Г. Стояновъ подробно описываетъ мѣсто древняго кладбища, ре-

Если, согласно показаніямъ Мельникова и Кафтанникова, г. Кошанъ былъ нѣсколько выше мѣста, бывшаго древнимъ городомъ, по указанію именьковскаго муллы, то послѣдняя мѣстность могла принадлежать къ окрестностямъ г. Кошана, къ вспомогательнымъ укрѣпленіямъ этого города, потому что, какъ видно вообще изъ расположенія древнихъ булгарскихъ укрѣпленій, кругомъ главнаго города находились вспомогательныя укрѣпленія, что мы увидимъ ниже и въ отношеніи къ окрестностямъ г. Кошана ([14]).

Подтвержденіемъ существованія на указанномъ мѣстѣ, на берегу Камы, г. Кошана представляется и названіе нѣкоторыхъ сосѣднихъ мѣстностей. Г. Лаптевъ ([15]) указываетъ на дорогу отъ с. Полянокъ, чрезъ дачи с. Шуранъ и деревни Сорочьи горы, на Кошанскую гору, у которой существуетъ перевозъ черезъ Каму въ дер. Мурзиху. Должно замѣтить, что Кошанская гора, противъ Мурзихи, приходится выше с. Шуранъ, по теченію Камы, гдѣ именно Мельниковъ и Кафтанниковъ указываютъ г. Кошанъ.

Затѣмъ должно указать дер. Кошанову, по другую сторону Камы, верстахъ въ 10 на юго-зап. отъ Мурзихи; наконецъ въ 1703 г. въ числѣ владѣній Седмиозерной пустыни упоминается рыбная ловля на Камѣ — „Кошанская Заводь“ ([16]).

VII. СТАРАЯ И НОВАЯ КАЗАНЬ.

1 Татарская рукопись объ основаніи Казани, приводимая Георги и Фуксомъ. О началѣ Старой и Новой Казани Георги приводитъ слѣдующее рукописное татарское извѣстіе, переведенное Барденесомъ ([1]):

зультаты своихъ раскопокъ и сосѣдней съ кладбищемъ курганъ. См. въ III Отд. «Низовье Камы и городище Кошана».

([14]) Ibid.

([15]) «Матеріалы для географіи и статистики Россіи». Казанск. губ. Спб. 1861. стр. 97.

([16]) «Описаніе Седмиозерн. пустыни» П. З. въ Правосл. Собесѣдн. 1869 г., № 11, стр. 237.

([1]) Bemerkungen einer Reise, II, 811—813.

Послѣ взятія Тимуромъ г. Булгара, сынъ погибшаго булгарскаго хана Алтынъ Бекъ построилъ въ Иски-Казань (²) маленькое мѣсто на р. Казанкѣ. Одинъ княжескій служитель, черпая изъ рѣки воду, уронилъ котелъ (казанъ) свой въ рѣку; поэтому случаю князь назвалъ рѣку и городъ Казанью.

Старая Казань была главнымъ городомъ 104 года.

Съ построеніемъ Новой Казани соединяется слѣдующее преданіе: одинъ богатый казанецъ обыкновенно бралъ съ собою свою прекрасную дочь, когда посѣщалъ свои пчельники, которые стояли въ лѣсу, гдѣ теперь Казань и монастырь Зилантовъ (змѣиная гора). Когда она вышла замужъ и черпала однажды воду изъ Казанки, бранила строителя города. Это дошло до тогдашняго хана Али-Бея, который потребовалъ ее къ себѣ. Она сказала, что основатель города, которому воду приносятъ его слуги, не могъ знать, какъ будетъ трудно подниматься на высокую гору бѣднымъ беременнымъ женщинамъ. Вмѣстѣ съ этимъ она хвалила страну около устья Казанки, гдѣ стояли ея пчельники. Ханъ возражалъ, что тамъ нельзя строиться по причинѣ змѣй на Джилантау (змѣиная гора) и дикихъ свиней въ углу Булака и Казанки; но владѣтельница пчельниковъ при устьѣ Казани предполагала, что колдуны могли бы сжечь тѣхъ и другихъ.

Хану самому не нравился его городъ, поэтому онъ послалъ своего наслѣдника съ двумя вельможами и съ 100 воиновъ къ устью Казанки отыскать лучшее мѣсто, и какъ они объ этомъ согласяться, раскрыть его запечатанное повелѣніе. Они выбрали мѣсто нынѣшней Казани. Въ ханскомъ приказаніи заключалось, чтобы одинъ изъ трехъ посланныхъ, на котораго падетъ жребій, былъ зарытъ живымъ на выбранномъ мѣстѣ. Жребій палъ на наслѣдника хана, но его скрыли и вмѣсто его зарыли собаку. Когда Али-Бей послѣ того пріѣхалъ осмотрѣть выбранное мѣсто, очень печалился о потери сына, тогда послы открыли истину. Ханъ радовался о сохраніи сына, но пророчески сказалъ: „нашимъ новымъ городомъ и нашимъ государствомъ овладѣютъ враги правовѣрнаго мухаммеданскаго ученія, которыхъ мы считаемъ за собакъ“!

(²) Дер. Князь-Камаева, находящаяся въ верховьѣ р. Казанки, въ 47 верст. отъ г. Казани, носитъ понынѣ еще названіе «Иски-Казань»

Одинъ волшебникъ осенью собралъ всѣхъ змѣй въ одно мѣсто, приказалъ зимою навозить туда дровъ, а весною сжегъ змѣй. Свиньи были изгнаны сожженіемъ лѣса около озера Кабана (Свиное озеро). Двуглавый летающій змѣй улетѣлъ на Джилантау и оттуда былъ страшенъ, но искусствомъ колдуновъ былъ убитъ. Въ воспоминаніе этого ханъ избралъ гербомъ города этого дракона.

Фуксъ (3) передаетъ татарскую легенду о построеніи Старой и Нов. Казани, которая говоритъ слово въ слово тоже самое, что рукопись Георги, только у Фукса волшебникъ убившій двуглаваго дракона названъ по имени— Хакимъ (4).

2 Ферхегъ-Наме, Беанъ Дастанъ утъ Тарихъ, Повѣсть о несгараемой царевнѣ. По Ферхегъ-Наме, спасенные царевичи Булгара пришли въ Стар. Казань, но старшему изъ нихъ впослѣдствіи не понравилось тамъ и онъ перешелъ на р. Тоболь (1).

По Беанъ-Дастанъ-утъ Тариху, оба брата ушли на берега Казанки и основали тамъ городъ Казань, что нынѣ извѣстенъ подъ именемъ Иски-Казань. Однако, впослѣдствіи, мѣста эти для народа показались невыгодными, и спустя 104 года отъ основанія этого города, переселились на устье Казанки и основали тамъ нынѣшнюю Казань, въ 804 гиджры (1402 по Р. Х.) (2).

Опредѣленное указаніе на 804 г. основанія Нов. Казани встрѣчается еще у Яковкина (см. ниже). Если признать этотъ годъ достовѣрнымъ, то основаніе Ст. Казани, послѣдовавшее за 104 года передъ этимъ, будетъ въ 1298 г., слѣдовательно нашествіе Тимура приходится къ концу XIII ст. (3).

Въ „Повѣсти о несгараемой царевнѣ“ разсказывается, что къ двумъ братьямъ, основавшимъ новый городъ Казань,

---

(Спис. насел. мѣстъ Каз. губ. № 71). О тамошнемъ городищѣ см. въ III Отд. «Р. Казанка».

(3) «Основаніе г. Казани», предисл., стр. 32—39.

(4) Хакимъ значитъ — мудрый, мудрецъ.

(1) «Древніе Болгары», ст. Кафтанникова въ Библіот. для Чт. 1847, т. 82, стр. 57.

(2) Ibid.

(3) См. ниже «Объясненіе хронологич. противорѣчій».

пришелъ третій Шеупе-бекъ съ сестрою своею. Это было уже послѣ смерти Тимура, Шеупе-бекъ скрывался съ сестрою въ г. Кошанѣ, гдѣ выдавалъ себя за учителя. Сестра князей вышла замужъ за братнина полководца, который назывался Мулла-Хозятазъ или Софинъ-харака; онъ вмѣстѣ съ Алтунъ-бекомъ, старшимъ изъ трехъ братьевъ-князей, былъ основателемъ Стар. Казани, гдѣ и умеръ. Могилу въ Иски-Казани Повѣсть называетъ могилою этого муллы, почитаемаго за святаго (4).

Священникъ Маловъ (5) указываетъ на кладбище въ ½ верстѣ отъ городища Иски-Казань, гдѣ болѣе 300 лѣтъ тому назадъ, положенъ ламайцами (?) Мулла-Хазей(6), отъ чего и ключъ, протекающій возлѣ могилы, считается священнымъ. Къ этому ключу набожные изъ Татаръ, изъ ближнихъ городовъ и деревень, пріѣзжаютъ на богомолье.

3 Отрывокъ объ исторіи Казанскаго царства, сообщеніе Яковкина. Вышеупомянутый Отрывокъ объ исторіи Каз. цар. неизвѣстнаго сочинителя (1) повторяетъ уже извѣстное изъ другихъ источниковъ объ основаніи Казани сыновьями убитаго Булгарск. хана и о томъ, что народъ здѣсь жилъ около 104 лѣтъ, потомъ переселился къ устью Казанки, гдѣ жилъ 158 лѣтъ.

Тоже повторяетъ вышеупомянутое сообщеніе Яковкина (2), гдѣ указывается опредѣленно и годъ основанія Казани 804 (1402).

4 Устныя татарскія преданія повторяютъ эти легенды объ основаніи Казани. Рычкову въ прошедшемъ столѣтіи мѣстные жители Стар. Казани разсказывали объ основаніи Казани царевичами и о перенесеніи столицы на мѣсто нынѣшней Казани (1).

Бывшій адъюнктъ Казанск. унив. Ибрагимъ Хальфинъ сообщаетъ преданіе о перенесеніи Казани, которое напоминаетъ татарскую рукопись Георги, но представляетъ и

(4) Ст. Кафтанникова въ Библ. для Чт., стр. 58, 59.

(5) «Городище Ст. Казани и г. Арскъ» въ Зап. Археол. Общ. т. V.

(6) Т. е. молла, который былъ въ Меккѣ, какъ объясняетъ г. Готвальдъ.

(1) См. выше—«Булгаръ».

(2) Ibid.

(1) «Журналъ», II, 2—4.

нѣкоторые варіанты (2). Сообщаемое Хальфинымъ преданіе говоритъ, что самъ царь услыхалъ, какъ одна дѣвица, остановившись съ водою на срединѣ горы, упрекала избравшаго столь неудобное мѣсто для построенія города. Дѣвица указывала царю на гору нынѣшней Казани и сама предложила истребить змѣй, потому что была волшебница. Магическими словами она собрала змѣй въ нарочно вырытыя ямы, около которыхъ были припасены солома и хворостъ, и подожгла все это; только одинъ 12-тиголовый змѣй съ ужаснымъ трескомъ поднялся на воздухъ, но будучи опаленъ, упалъ на разстояніи 12 верстъ отъ Казани, близъ одной деревни.

Священникъ Маловъ (3) говоритъ, что, по преданію, Казань на старомъ городищѣ стояла лѣтъ 150; затѣмъ сообщаетъ преданіе о перенесеніи города на настоящее мѣсто. По этому преданію, выражавшая негодованіе о неудачномъ выборѣ мѣста для города была сноха самого хана. Когда ханъ спросилъ сноху: гдѣ же удобнѣе построить городъ? Она просила послать двухъ рыболововъ съ удами, по теченію Казанки, по обоимъ берегамъ; рыболовы идучи должны были удить рыбу; гдѣ попадетъ на уду золотая рыбка, тутъ и строить городъ. Противъ того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ такъ называемая Сюнбекина башня, рыболовы поймали золотую рыбку. Но такъ какъ мѣсто нынѣшней Казани было отчасти гористо, отчасти болотисто, то ханъ опять спросилъ сноху: гдѣ же заложить новую Казань? Сноха отвѣчала: противъ того мѣста, гдѣ поймали золотую рыбку, на горѣ, именно на томъ мѣстѣ, гдѣ закипитъ, безъ огня, полный воды, врытый въ землю, большой котелъ (4). Но на этомъ мѣстѣ оказалось множество змѣй, по совѣту ханской снохи, змѣи были истреблены тѣмъ же способомъ, который указывается въ предыдущихъ преданіяхъ. Одинъ изъ змѣй гнался верстъ 50 за всадникомъ изъ Стар. Казани, богатыремъ, который зажегъ солому; наконецъ змѣй настигъ богатыря у оврага, неподалеку отъ нынѣшняго села Чурилина, и тутъ

---

(2) «Поѣздка въ Ст. Казань» М. Рыбушкина въ Заволжск. Муравьѣ 1833, т. III.

(3) «Городище Ст. Казань и г. Арскъ» въ Зап. Арх. Общ., т. V.

(4) Отсюда названіе города (Казанъ—котелъ).

растерзалъ его на 6 частей, отъ чего этотъ оврагъ и понынѣ у Татаръ называется алты-кутаръ (у Русскихъ кутарка), что значитъ шесть частей (5).

Кромѣ преданій объ основаніи г. Казани, у Татаръ существуютъ и другія, напр. о Сумбекиной башнѣ (6).

„Разныя преданія Татаръ, говоритъ Баженовъ (7), могли бы питать мечты поэзіи. Въ разговорѣ съ Татарами о какомъ нибудь мѣстѣ, они тотчасъ прочитаютъ цѣлую легенду, основанную на слѣпой увѣренности въ дѣйствительности былаго. Для примѣра возмемъ Кабанъ — нѣкоторые изъ Татаръ увѣряютъ, что на днѣ его сидитъ злая волшебница, которая не хотѣла пережить покоренія царства, но, поклявшись мстить Русскимъ, бросилась въ Кабанъ и понынѣ тянетъ на дно купающихся. Иные утверждаютъ даже, что это царевна Горшанда (8); каждый несчастный случай на озерѣ относятъ къ ея жертвамъ".

Если справедливо заявленіе Баженова о многихъ легендахъ относительно разныхъ мѣстностей г. Казани, то было бы любопытно собрать ихъ; въ настоящее время въ печати извѣстны изъ этихъ легендъ очень немногія, о которыхъ я здѣсь сообщаю.

---

(5) Преданія о змѣяхъ и истребленіи ихъ повторяются и въ другихъ мѣстностяхъ Казанск. губ. Выше было указано на преданіе о змѣѣ на р. Заѣ (см. Бюларъ); С. Мельниковъ въ ст. «Рождественское-Ямаши» (Каз. Г. Вѣд. 1856, № 30), по поводу названія «Змѣинымъ» одного ключа, находящагося близъ этого села, говоритъ, что съ этимъ названіемъ соединяется здѣсь преданіе, будто бы близъ него, въ горной пещерѣ, обиталъ огромный летучій змѣй, который долго опустошалъ окрестности, пожирая не только скотъ, но и людей, пока, наконецъ, древніе жители здѣшнихъ мѣстъ, вѣроятно, Ногаи, подкарауливъ его въ пещерѣ, обложили ее соломой и хворостомъ и сожгли его.

(6) См. ниже въ III Отд. «Новая Казань».

(7) «Казанская Исторія». Каз. 1847, III, 25.

(8) Горшанда (Ковгоршадъ), сестра Казанск. царя Мухаммедъ-Амина, играла въ Казани очень важную роль: въ 1531 г., послѣ изгнанія Сафа-Гирея, отъ нея и всей Казанской земли было послано посольство въ Москву (Воскр. П. С. Л. VIII, 277). Степ. книга (II. 104) говоритъ объ ней, что она была научена грамотѣ татарской «и многому бѣсовскому волхвованію, предсказала въ Казани, передъ московскими послами, что г. Казань скоро будетъ взятъ Русскими».

Существуетъ также много преданій о завоеваніи Казани, какъ заявляетъ неизвѣстный авторъ (А. М.) статьи о Казанск. исторіи неизвѣстн. сочинителя (9); неизвѣстный авторъ указываетъ, что преданія объ этомъ должно искать не въ предѣлахъ только Казанск. губ.: авторъ слышалъ одно такое преданіе въ отдаленной Вятской деревнѣ.

5 **Шерефъ-эддинъ-Булгари** (1) противорѣчитъ легендамъ объ основаніи Казани: по его сказанію, Нов. Казань является современною Тимуру. Въ Казани ханомъ въ то время показывается Ильгамъ. Булгарскій историкъ разсказываетъ, что, послѣ завоеванія городовъ Булгара, Билярска и Кошапа, Тимуръ ходилъ на Москву, а, на возвратномъ пути оттуда въ Самаркандъ, проходилъ мимо Нов. Казани. Ханъ Ильгамъ, услышавъ, что идетъ Миръ-Тимуръ, вышелъ на встрѣчу. Миръ-Тимуръ вошелъ въ Нов. Казань, войска свои расположилъ по окрестностямъ. Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ онъ съ своимъ визиремъ ходилъ на поклоненіе могиламъ послѣдователей. „Здѣсь въ подлинникѣ, замѣчаетъ переводчикъ г. Вагабовъ, слѣдуетъ исчисленіе послѣдователей, конхъ именъ я не привожу“.

Изъ другаго мѣста булгарскаго историка, изъ отдѣла „о знаменитыхъ шейхахъ въ Булгарѣ“ (2), видно, какъ Казань постепенно заступала мѣсто Булгара, становилась главнымъ городомъ этой страны.

О шейхѣ Идрисѣ говорится, что онъ былъ посланъ намѣстникомъ въ Булгаръ, Тубулгу, Уфу, Казань и Синбирь (Вельям. Зерновъ: „въ области Уфимскую, Казанскую и Синбирскую); у него воспитывался Шейхъ Гкасимъ, сынъ Ибрагима, изъ Нов. Казани, сдѣлавшися намѣстникомъ, онъ жилъ въ Казани и наставилъ многихъ людей изъ Кельчи, Алата, Бурн, Алатура и Саратова, здѣсь о Булгарѣ уже не упоминается. Могила этого шейха въ Казани. По кончинѣ его, Феизъ-Улла-Эфенди, придя изъ Бухары, поселился въ Казани, и училъ народъ 15 лѣтъ (Вельям. Зерн.—5 лѣтъ), теперь могила его тамъ находится. Преемникъ его Ахундъ

---

(9) Каз. Губ. Вѣд. 1856 г., № 18.

(1) Каз. Губ. Вѣдом. 1852, № 45.

(2) «Булгаръ на Волгѣ» Березина, «Памятник. въ Башкиріи» Вельяминова-Зернова въ Труд. Вост. Отд. Арх. Общ. т. IV.

Шемъ бенъ Иштерякъ (Вельям. Зерн.—Шаамъ сынъ Иштерякa Ахуна), учившійся въ Багдадѣ, упрямилъ дорогу людей въ Казани, Уфѣ, Алатурѣ, Синбирѣ, Сари-Тау, Сари-Тинь и Тубулѣ. О г. Булгарѣ опять не упоминается.

6 Казанская исторія неизвѣстнаго сочинителя. Отъ такъ называемой „Казанской исторіи неизвѣстнаго сочинителя", который былъ 20 лѣтъ въ плѣну въ Казани и возратился въ отечество послѣ взятія Казани Иваномъ IV, хотя эта исторія написана русскимъ, можно было бы ожидать, что она представляетъ многія извѣстія татарскаго происхожденія, п. ч. сочинитель заявляетъ, что онъ пользовался татарскими источниками—разсказами царскихъ вельможъ и самаго царя Сафа-Гирея, у котораго будто бы сочинитель былъ въ большемъ приближеніи. Относительно послѣдняго времени самостоятельности Казани неизвѣстный сочинитель, былъ очевидцемъ событій. Но къ сожаленію, эта исторія, которая такъ много обѣщаетъ, представляетъ въ дѣйствительности весьма скудный историческій матеріалъ: авторъ не столько заботился о подробной и точной передачѣ событій, не говорю уже о характеристикѣ внутренняго быта Казанскаго царства, сколько о высокопарности слога и широковѣщательности, которою въ его время отличались и другіе. Только весьма немногими самостоятельными указаніями этого автора современный историкъ можетъ дополнить и объяснить извѣстное ему изъ другихъ источниковъ ([1]).

Послѣ смерти Батыя, говоритъ неизвѣстный сочинитель, ему наслѣдовалъ Саинъ. Русскіе князья замѣшкали идти къ нему въ орду, тогда Саинъ поднялся на нихъ съ огромными своими силами; русскіе князья пришли къ царю въ Болгары, поднесли ему многіе дары. Царь умирился, но на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановился въ походѣ противъ Русской земли, захотѣлъ поставить городъ „на славу имени своему и на пріѣздъ и на опочиваніе посломъ его по дань ходящимъ на Русь". Нашли мѣсто на Волгѣ, на самой украйнѣ Русской земли, чрезвычайно богатое дарами природы—пажитями для скота, пчелами, земляными растеніями, звѣрями и рыбами; другое такое мѣсто не найдется во всей Русской землѣ, „и не вѣмъ же, аще будетъ если таково мѣсто

([1]) См. объ этой Исторіи особое приложеніе II.

въ иныхъ чужихъ земляхъ". Но это благодатное мѣсто было издавно змѣинымъ гнѣздомъ. Сочинитель подробно описываетъ двуглавую змѣю и какъ одинъ волхвъ истребилъ всѣхъ обитавшихъ здѣсь змѣй: собралъ всѣхъ въ одно мѣсто, обложилъ сѣномъ и сухимъ деревомъ, полилъ сѣрою и смолою, зажегъ и попалилъ змѣй. Этотъ разсказъ напоминаетъ вышеприведенные. Когда мѣсто было очищено, царь Саинъ построилъ здѣсь г. Казань (2). Русскіе люди, которые жили въ окрестныхъ селахъ, были изгнаны; въ три года вся окрестная земля была опустошена и сюда изъ за Камы царь Саинъ переселилъ Болгарскую чернь съ князьями и со старѣйшими ихъ во обладаніе царямъ казанскимъ. Отъ этого царя Саина Казань называется Саиновъ юртъ, царь любилъ этотъ городъ, часто приходилъ сюда изъ своего главнаго города Сарая. По смерти своей, Саинъ оставилъ въ новомъ юртѣ особаго царя отъ своего колѣна и съ нимъ своихъ князей.

Противъ этого разсказа должно замѣтить, что преемникомъ Батыя былъ сынъ его Сартакъ, а не Саинъ, да и вообще не встрѣчается ни одного хана съ собственнымъ именемъ „Саинъ". Но слово „саинъ" встрѣчается, какъ предикатъ къ собственнымъ именамъ хановъ, это было уже давно замѣчено. По поводу разбираемаго сообщенія неизвѣстнаго казанскаго историка, Карамзинъ говоритъ: „Сей ханъ Саинъ былъ или Сартакъ, единственный Батыевъ сынъ, извѣстный по лѣтописямъ, или самъ Батый, коего историкъ татарскій Абульгази, обыкновенно именуетъ Сагиномъ (3).

Фуксъ еще въ 1817 г. въ своей „Краткой исторіи г. Казани" (4) указалъ, что это слово значитъ „превосходный"

(2) Подобно общепринятому нынѣ мнѣнію, Казанская исторія объясняетъ названіе г. Казань—«котелъ золотое дно». Только Фуксъ въ св. Кратк. исторіи (Каз. Извѣстія 1817 г. № 67 и отдѣльн. оттискъ) говоритъ, что Казань вѣроятно получила свое названіе отъ основателя такъ называвшагося.

(3) Ист. Госуд. Росс., изд. Эйперлинга, т. V, стр. 70 и прим. 41; при этомъ Карамз. ссылается на франц. переводъ Абульгази (Hist. des Tatars, стр. 452) и прибавляетъ: «впрочемъ и другіе новѣйшіе ханы прилагали къ имени своему названіе «Саинъ», которое видимъ на монетахъ татарскихъ XIV в. (см. St. Pétersbourg. Journ. 1781, II, 34)».

(4) Казанск. Изв. 1817 г. № 67 и отдѣльн. оттискъ.

и только придается къ имени. Гаммеръ (5) также говоритъ, что Бату прозывался Саинъ т. е. „добрый“. І. Ѳ. Готвальдъ объяснилъ мнѣ, что „саинъ“ значитъ „хорошій“, „добрый“ въ джагатайскомъ (татарск.) и въ монгольск. языкахъ.

Затѣмъ трудно согласиться съ казанскимъ историкомъ, что мѣсто нынѣшней Казани въ половинѣ XIII ст. было украйною Русской земли, что здѣсь обитало много Русскихъ, что только за Камою начиналась Булгарская земля; ниже, на основаніи русскихъ лѣтописей, мы увидимъ, что граница Русской земли на востокѣ подходила только къ р. Сурѣ. Впрочемъ Казанск. исторія говоритъ: „отъ начала Русскія земли, якоже повѣдаютъ Русь и варвари, то все едина Русская земля, идѣже стоитъ нынѣ градъ Казань, продолжающися въ длину со единаго оного Новаграда Нижняго на востокъ, по обоима странама великія и славныя Волги рѣки, внизъ до Болгарскихъ рубежевъ, до Камы рѣки, въ ширину же простирающися на полунощіе до Вяцкія земли, до Пермскія, а на полуднѣ до Половецкихъ предѣлъ. Вся же бѣ та держава и область Кіевская и Владимерская, по тѣхъ же нынѣ и Московская“.

По свидѣтельству русскихъ лѣтописей, въ очерченномъ здѣсь пространствѣ, при началѣ русскаго государства, жили Мордва и Черемисы, а по мусульманскимъ источникамъ, Буртасы и другія племена не славянскаго происхожденія.

Наконецъ, нельзя согласиться, чтобы сынъ Батыя, направляясь противъ Русскихъ, остановился на мѣстѣ нынѣшней Казани, о такихъ походахъ татарскихъ хановъ вверхъ по Волгѣ нѣтъ указаній въ русскихъ лѣтописяхъ; тоже должно сказать объ этомъ мѣстѣ и въ смыслѣ стоянки для пословъ ханскихъ.

Затѣмъ неизвѣстный историкъ передаетъ о походѣ кн. Юрія Дмитр. противъ Булгаръ; во время котораго были взяты булгарскіе города: Казань, Булгаръ, Жукотинъ, Керемепчукъ. Объ этомъ сообщаютъ и русскія лѣтописи (6), но послѣднія не говорятъ, гдѣ находятся эти города. Казанская исторія указываетъ, что это города—стоявшіе на Волгѣ; а въ одномъ, мнѣ принадлежащемъ спискѣ (7) этой исторіи,

(5) Gesch. der gold. Horde стр. 142.

(6) Никон. IV 267, Софійск (П. С. Л. V) 247, 248.

(7) «Гербовый», см. Приложеніе II.

сказано "и шедъ грады Болгарскіе по Волгѣ стоящіе, а за Болгары по Камѣ Жукотинъ и Кременчукъ повоева". Этотъ варіантъ, на который я уже указывалъ выше, имѣетъ значеніе по указанію мѣстоположенія Жукотина и Кременчука: о Жукотинѣ на Камѣ встрѣчаются, какъ увидимъ, и другія свидѣтельства, а мѣстоположеніе г. Кременчука доселѣ оставалось совершенно неизвѣстнымъ.

Послѣ этого похода, по увѣренію Казанской исторіи, Казань опустѣла на 40 лѣтъ. Возстановителемъ ея былъ Улу-Мухаммедъ или, какъ называетъ его Казанская исторія, Улу-Ахмедъ (8).

Казанскій историкъ разсказываетъ борьбу Улу-Мухаммеда съ вел. кн. Василіемъ Васил.: послѣ побѣды надъ московскими войсками, „Улу-Мухаммедъ прелѣзе Волгу рѣку и засяде Казань пустую, Сапна царя юртъ, и ради ему быша изоставшіе отъ плѣна худые Болгары, Казанцы, и молиша его быти заступника бѣдамъ ихъ и отъ насилія и воеванія русскаго помощника, да не до конца запустѣетъ, и повинушася ему. Царь же Улу-Ахметъ вселися, и поставя себѣ древяный градъ крѣпокъ на новомъ мѣстѣ крѣпчайшій стараго, недалече отъ Стар. Казани, разоренныя отъ Московскія рати".

В. В. Вельяминовъ-Зерновъ (9), основываясь на русскихъ лѣтописяхъ, Родословн. книгѣ и одномъ мусульм. источникѣ, опровергаетъ показаніе Казанск. исторіи объ основаніи Казанск. царства Улу-Мухаммедомъ и приписываетъ это сыну послѣдняго Махмутеку.

Воскрес. лѣтоп. (П. С. Р. Л., VIII, 114) говоритъ: „Тое же осени (6954 г.) царь Мамотякъ, Улу-Магметевъ сынъ, взялъ г. Казань, вотчича Казанскаго кн. Либѣя убилъ, а

---

(8) Татарскія собственныя имена въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ представляются совершенно исковерканными; одно и тоже имя въ разныхъ памятникахъ пишется различно, такъ что иногда трудно угадать, что здѣсь дѣло идетъ объ одномъ и томъ-же лицѣ. Было бы желательно, чтобы оріенталисты возстановили правописаніе этихъ именъ, что въ отношеніи ко многимъ именамъ историческихъ личностей Казанск. царства сдѣлано г. Вельям.-Зерновымъ въ его «Изслѣд. о Касимов. царяхъ».

(9) «Изслѣдованіе о Касимовск. царяхъ», т. I. 3—11.

самъ сѣлъ въ Казани царствовати". Никон. лѣтоп. (VII, 233): „А царь Мамутякъ пришедъ изъ Курмыша Казань взялъ, а казанск. кн. Азыя убилъ, а самъ на Казани воцарился и оттоле пача царство быти Казанское". Родосл. книга, напечат. въ М. въ 1787 г. (т I, стр. 26) говоритъ: „У Улу Махмета сынъ Момотякъ, то первый царь на Казани". Это подтверждаетъ и татарская лѣтопись, составленная въ царств. Бор. Ѳед. Годунова ([10]): „У Улугъ ([11]) Мухаммедъ-хана же сынъ Махмутекъ, пришелъ въ страну Казанскую".

Вельяминовъ-Зерновъ думаетъ, что упоминаемые вотчичи казанскіе, по Воскр. лѣтоп.—Либѣй, а по Никон.—Азый, одно лице. Либей, по всей вѣроятности—искаженное имя Али-бекъ (бикъ=князь пишется и произносится также бій); Азый же—газы (воитель невѣрныхъ), прозвище, которое часто присвоиваютъ себѣ мусульманскіе владѣльцы, отличившіеся какимъ-либо подвигомъ въ битвѣ съ немусульманами, или просто предпринимавшіе противъ нихъ войны. Далѣе Вельям. Зерновъ представляетъ по русскимъ лѣтописямъ обозрѣніе жизни Улу-Мухаммеда со времени побѣга его изъ Золотой Орды; отсюда открывается, что Казань какъ будтобы не существовала для Улу-Мухаммеда и сыновей его: нѣтъ и помина, чтобы Улу-Мухаммедъ или сыновья его когда либо приходили изъ Казани или проводили съ собою Казанскихъ Татаръ, вмѣсто Казани упоминается Нижній Новгородъ и Курмышъ ([12]).

Русскія лѣтописи противорѣчатъ Казанск. исторіи и въ томъ, что по послѣдней Улу-Мухаммедъ занялъ Казань совершенно опустошенную послѣ нападенія на нее Русскихъ, а въ русскихъ лѣтописяхъ является наслѣдственный владѣтель Казани, убитый сыномъ Улу-Мухаммеда. По этому поводу, г. Вельям.-Зерн. замѣчаетъ, что нѣтъ никакой причины отдавать преимущество Казанск. исторіи, плохому авторитету, предъ другими сочиненіями, заслуживающими гораздо большаго довѣрія.

([10]) См. ниже «Данныя для Казанск. исторіи въ сочин. Джалаирца».

([11]) Улугъ, тоже что Улу, значитъ потатар. большой.

([12]) «Только въ Арх. (Архангелогородской) лѣтоп. (стр. 127, 128) упоминается, говоритъ г. Вельям.-Зерн., что сыновья Улу-Мухаммеда приходили противъ вел. кн. Вас. Вас. изъ Казани и что отсюда вел. кн. былъ выпущенъ изъ плѣна».

Прибавлю къ этому, что, какъ будетъ объяснено при обозрѣніи похода Юрія Дмитр., по русскимъ лѣтописямъ ([13]), подъ упоминаемою во время этого похода Казанью вѣрнѣе предположить г. Кошанъ.

Казанская исторія говоритъ, что Улу-Мухаммедъ умеръ въ Казани, зарѣзанный сыномъ своимъ Момотякомъ. Вельям.-Зерн. предполагаетъ, что фактъ убіенія Улу-Мухаммеда, можетъ быть, вѣренъ; и объясняетъ дѣло такъ: по освобожденіи Улу-Мухаммедомъ вел. кн. московск. Василія изъ плѣна въ г. Курмышѣ, Улу-Мухаммедъ двинулся съ Махмутекомъ изъ Курмыша на Казань, съ цѣлію завоевать ее; Махмутекъ же, побуждаемый честолюбіемъ, рѣшился убить отца и выполнилъ этотъ умыселъ, либо не задолго до взятія Казани, либо не много времени спустя. „Ужъ если Улу-Мухаммедъ, гов. Вельям.-Зерн., и былъ когда либо ханомъ Казанскимъ, то развѣ объ эту пору, въ теченіи нѣсколькихъ дней“.

Такимъ образомъ, видимъ, что Казанская исторія неизвѣстнаго сочинителя съ первыхъ страницъ возбуждаетъ къ себѣ недовѣріе и представляетъ противорѣчія другимъ болѣе достовѣрнымъ источникамъ. О дальнѣйшихъ фактахъ, которые передаются въ этой исторіи о г. Казани, я не буду говорить, п. ч. иначе это значило бы писать исторію Казанскаго царства; скажу только, что для послѣдней этотъ источникъ не представляетъ почти никакого значенія, въ виду русскихъ лѣтописей, которыя сообщаютъ гораздо болѣе и вѣрнѣе. Казанскую исторію неизвѣстнаго сочинителя я считаю плохою компиляціею изъ русскихъ лѣтописей съ прибавленіемъ весьма немногихъ новыхъ данныхъ ([14]).

7 Данныя для Казанской исторіи въ сочиненіи Джалаирца. Въ послѣднихъ годахъ XVI или первыхъ XVII вѣка, было написано татарское сочиненіе, рукопись котораго принадлежала прежде Казанскому университету. Текстъ ея напечатанъ во II томѣ „Библіотеки восточн. историковъ“, издаваемой Березинымъ. Въ предисловіи къ своему изданію Березинъ знакомитъ съ этою рукописью. Начала рукописи не достаетъ, въ концѣ также выпало нѣсколько

([13]) См. во II Отд.

([14]) См. Приложеніе II.

листовъ, при томъ весьма интересныхъ, относящихся къ исторіи Казанск. царства и вообще восточнаго края Европейской Россіи, такъ что открытіе полнаго списка этого сочиненія было бы очень желательно. Названіе этого сочиненія неизвѣстно, но, такъ какъ главная часть книги составляетъ сокращенный переводъ знаменитаго „Сборника лѣтописей“ Рашидъ-Эддина, то г. Березинъ и за рукописью Казанск. унив. оставляетъ тоже заглавіе. Неизвѣстный авторъ этого сочиненія называетъ себя по происхожденію джалаирцомъ. Въ своемъ сочиненіи онъ заявляетъ, что хотѣлъ представить въ должномъ свѣтѣ правосудіе и истину Государя Бор. Ѳеодор., и еще изобразить, какъ Государь съ почестію посадилъ на ханство (Касимовское) Уразъ Мухаммедъ-Хана. Исполненію двухъ послѣднихъ цѣлей авторъ посвящаетъ предисловіе и заключеніе своей книги. Г. Березинъ предполагаетъ, что сочиненіе написано между 1598—1605 г., вѣроятнѣе всего въ 1600 г. Большую часть книги (стр. 12—137) составляетъ сокращенный переводъ Рашидъ-Эддиновой исторіи Монголовъ, изъ которой подробно изложена только исторія Чингизъ-Хана. Авторъ переводитъ съ персидскаго на татарскій буквально. Къ разсказу Рашидъ-Эддина авторъ прибавляетъ отъ себя извѣстія о Казанскомъ царствѣ и Крымскомъ ханствѣ и біографію Уразъ-Мухаммеда, но и здѣсь онъ продолжалъ исторію тюркскихъ племенъ въ сокращенномъ видѣ.

Г. Березинъ, издавая въ 1854 г. текстъ этого сочиненія, заявилъ о имѣющемся у него русскомъ переводѣ татарскаго текста, сдѣланномъ г. Ильминскимъ, къ печатанію котораго г. Березинъ не считалъ возможнымъ приступить до возвращенія г. Ильминскаго изъ путешествія на Востокъ. Къ сожалѣнію, переводъ г. Ильминскаго доселѣ не напечатанъ.

8 Дженнаби о завоеваніи Казани. Г. Вельяминовъ-Зерновъ (1) представляетъ арабскій текстъ и переводъ изъ сочиненія Дженнаби, умершаго въ 1590 г. „Исторія различныхъ династій, властвовавшихъ на Востокѣ“. Это сочиненіе извѣстно только по рукописямъ, которыя довольно рѣдки.

(1) «Изслѣдованія о Касимовск. царяхъ», т. I, стр. 99, прим. 48 и стр. 374—376.

„Въ 9.. году завладѣли невѣрные Русскіе Казанью, выхвативъ ее изъ рукъ владѣльца ея Шигля-гирей-хана. Владѣлецъ этотъ былъ человѣкъ жестокій, крутой и кровожадный; при немъ невѣрные увлекли въ неволю множество мусульманъ, разграбили имущество ихъ и разорили мечети ихъ. Передъ тѣмъ владѣлъ Казанью Сафагирей-ханъ; то былъ одинъ изъ величайшихъ и могущественнѣйшихъ государей. Правилъ онъ въ продолженіи 27 лѣтъ; въ его время государство благоденствовало, и подъ защитою его побѣдоноснаго оружія, владѣнія процвѣтали. Когда же онъ умеръ, то его мѣсто заступилъ сынъ его Димишь-гирей-ханъ; былъ онъ ребенокъ, и правилъ три года. При немъ невѣрные стали добиваться Казани; до тѣхъ поръ они не переставали подходить къ ней все ближе и ближе, и тѣснить ее, пока наконецъ не овладѣли ею при Шигля-гирей-ханѣ, который наслѣдовалъ этому ребенку. Сагибъ-гирей, услышавъ о приключившемся въ Казани, послалъ къ высочайшему двору (Оттоманскому). Невѣрные, велѣлъ онъ сказать тамъ, овладѣли Казанью; намъ и его величеству султану слѣдуетъ избавить правовѣрныхъ отъ этого бѣдствія“.

Разсказъ Дженнабія о покореніи Русскими Казани сбивчивъ и полонъ ошибокъ, говоритъ г. Вельям.-Зерновъ: Шигля-гирей и Димишь-гирей, очевидно—Шахъ-Али и Утямишь-гирей; но Шахъ-Али гиреемъ не былъ, и Казань взята не при немъ, а при Ядигаръ-Мухаммедъ-ханѣ. Къ тому же и въ Крыму, въ эпоху паденія Казани, царствовалъ не Сагибъ-гарей, а преемникъ его Даулетъ-гирей, который уже въ іюнѣ 1552 г. вторгался въ Россію.

9 О завоеваніи Казани по „Отрывку исторіи Казанскаго царства“. На этотъ отрывокъ неизвѣстнаго сочинителя, въ татарск. подлинникѣ напечатанный г. Хальфинымъ, а въ русскомъ переводѣ въ „Кратк. Исторіи“ Фукса и въ Губ. Вѣдомст. 1852 г. № 12, я уже указывалъ по поводу извѣстій его о взятіи Тимуромъ г. Булгара и объ основаніи г. Казани. Въ этомъ отрывкѣ сказано, что въ Ст. Казани народъ жилъ 104 года, а въ Нов. Казани 158 лѣтъ „Въ послѣдствіе времени династія мусульманскихъ хановъ здѣсь пресѣклась и въ Казани не было хана, но въ то время былъ въ плѣну у Русскихъ Шигали-Ханъ, котораго мусульмане освободили и возвели на ханскій престолъ въ Казани. Между тѣмъ Русскіе, у которыхъ былъ Іоаннъ Кали-

та (Калталу Джованъ), усилились; онъ подступилъ съ войскомъ къ Казани, для покоренія ея, „но въ продолженіи 7 лѣтъ, не смотря на безпрестанные стычки и приступы, не могъ одолѣть мусульманъ, а потому Русскіе, до взятія Казани, построивъ при впаденіи Свіяги городъ, сосредоточили въ немъ огнестрѣльные снаряды, орудія и провіантъ. Наконецъ Шигали-ханъ, тайно отрекшись отъ мусульманъ, соединился съ русскимъ государемъ и, подмочивъ порохъ (у Татаръ), предалъ городъ Русскимъ. Мусульмане, ничего о томъ не вѣдавшіе, во множествѣ были истреблены. Послѣ этого пораженія въ 961 г., въ годъ мыши, въ воскресенье 2 августа (?) (въ подлинникѣ—въ знакъ скорпіона), по христіанскому счисленію, 1552 г., русскій государь овладѣлъ Казанскою страною".

Это извѣстіе неизвѣстнаго сочинителя очень замѣчательно, п. ч. оно вполнѣ характеризуетъ позднѣйшіе историческіе татарскіе источники, т. е. ихъ негодность. Здѣсь каждое слово—ошибка, нѣтъ почти ни одного достовѣрнаго факта, все перепутано и вымышлено.

Далѣе, въ этомъ отрывкѣ вычисляются казанскіе ханы и представляется краткій лѣтописецъ отъ 1611—1724 г. (1).

10 Объясненіе хронологическихъ противорѣчій о походѣ Тимура и основаніи Казани. Важнѣйшимъ предметомъ содержанія татарскихъ рукописей и преданій представляется походъ Аксакъ-Тимура въ Булгарію, разореніе имъ булгарскихъ городовъ и основаніе г. Казани. Два событія эти становятся въ связи одно съ другимъ—Казань основана спасенными отъ Тимура царевичами г. Булгара.

Но Шерефъ-Эддинъ Булгари и Казанская исторія неизвѣстнаго сочинителя основаніе Казани признаютъ ранѣе Тимура. По первому во время Тимура существовала уже Нов. Казань, мимо которой Тимуръ проходилъ, возвра-

---

(1) Этотъ лѣтописецъ указываетъ въ 1601 г. большой голодъ въ Казани, въ 1608 возстаніе кн. Митрія, въ 1609 возстаніе какого-то Джаналея, въ 1640 г. было воинское дѣло, въ 1643 взошелъ на престолъ Мих. Оед., въ 1654 чума на лошадей, 1661 возмущеніе Башкиръ, 1668 возстаніе Киргизовъ, 1678 появленіе чудесной звѣзды, 1680 воцареніе Іоанна и Петра и безпорядки у Башкиръ, 1694 взятіе Азова, 1707 башкирскій бунтъ, 1722 Государь отправился въ Персію. У Фукса Отрывокъ оканчивается именами хановъ, краткаго лѣтописца нѣтъ.

щаясь изъ похода подъ Москву; ханомъ въ Казани въ это время былъ Илгамъ. Но всѣ подробности разсказа Шерефъ-Эддина о Тимурѣ противорѣчатъ другимъ болѣе авторитетнымъ источникамъ, представляютъ анахранизмы и явные вымыслы. Взятіе г. Булгара булгарскій историкъ относитъ къ 869 (1465) г., а Тимуръ умеръ въ 1405 г.; путь Тимура отъ Москвы извѣстенъ изъ другихъ источниковъ, онъ не лежалъ на Казань; богословскіе диспуты Тимура представляются явнымъ вымысломъ.

Такимъ образомъ, показанія Шерефъ-Эддина представляются недостовѣрными.

Казанская исторія приписываетъ основаніе Казани сыну Батыя, но подробности, которыя при этомъ высказываются неизвѣстнымъ сочинителемъ, подрываютъ къ ней довѣріе, помимо тѣхъ соображеній, что она противорѣчитъ другимъ источникамъ о времени основанія Казани. Выше было указано, что показанія этой исторіи о томъ, что Казань основана на томъ мѣстѣ, гдѣ остановился сынъ Бату въ походѣ противъ Русскихъ; что здѣсь былъ основанъ городъ, какъ стоянка для ханскихъ пословъ въ русскія земли; что около Казани жили прежде Русскіе—все это противорѣчитъ всѣмъ другимъ источникамъ. Самое названіе сына Бату Саиномъ, т. е. принятіе нарицательнаго имени за собственное, показываетъ скудость знаній неизвѣстнаго автора татарской исторіи. Эта исторія, подобно „Булгарскимъ повѣствованіямъ“ Шерефъ-Эддина, не можетъ имѣть никакого авторитета, при разрѣшеніи вопроса о началѣ г. Казани.

Укажу здѣсь на странную ошибку Гаммера (1), который причисляетъ древнюю Казань на лѣвомъ берегу Казани къ хозарскимъ городамъ, ссылаясь при этомъ на извѣстнаго путешественника XV ст. Барбаро, который нигдѣ не говоритъ ничего подобнаго.

Гаммеръ въ ссылкѣ приводитъ именно слѣдующія слова Барборо: „Una terra chiamata Cassan, che in nostra lingua vuol dire Caldiere“; но это только значитъ: „Земля называемая Казань, которая на нашемъ языкѣ называется котелъ“.

Сопоставленіе основанія Казани съ разгромомъ Булгаріи Тимуромъ представляется общимъ преданіемъ Татаръ,

(1) Gesch. d. Golden. Horde, стр. 8.

засвидѣтельствованнымъ разными татарскими рукописями и устными преданіями. Должно же это преданіе имѣть какое-нибудь основаніе. Между тѣмъ ни одинъ изъ историковъ Тимура не упоминаетъ объ этомъ разгромѣ.

Преданія о взятіи Тимуромъ г. Булгара и основаніи Казани въ татарскихъ рукописяхъ соединяются съ хронологическим показаніями.

Мы уже видѣли 1465 годъ, въ которомъ, по Шерефъ-Эддину, будто бы Тимуръ взялъ г. Булгаръ; по сообщеніямъ Яковкина, Фукса, и отрывка изъ Исторіи Каз. царства въ переводѣ Фукса, это послѣдовало въ 700 г., т. е. въ 1301 п. Р. Хр., а Тимуръ родился въ 1336 г.

Можно предполагать разореніе булгарскихъ городовъ Тимуромъ въ 1391 г., во время его похода противъ Тохтамыша, когда Тимуръ подходилъ къ южнымъ украинамъ Булгарской земли, поэтому болѣе подходящій къ этому годъ разоренія Булгаріи представляется въ „Отрывкѣ изъ исторіи Казанск. царства“, по переводу г. Пашино, — 800 или 1398 годъ, хотя, говоря болѣе точно, въ этомъ году Тимуръ, возвратясь изъ Персіи, предпринялъ походъ въ Индію. Впрочемъ, этому обозначенію года взятія Булгара нельзя придавать никакого значенія, п. ч. тотъ-же самый отрывокъ, какъ увидимъ ниже, противорѣчитъ этому, указывая основаніе Ст. Казани въ 1290 г. По смыслу выраженія: „въ 800 году гиджры, по достовѣрнымъ сказаніямъ“, должно предполагать, что это—позднѣйшая вставка или поправка, но неудачная; это предположеніе получаетъ тѣмъ большее значеніе, что 800-ый годъ встрѣчается только въ Отрывкѣ, по переводу Пашино, а въ переводѣ Фукса—700-ый. Авторъ статьи „Булгаръ“ въ Энциклопед. Лексиконѣ Плюшара говоритъ: „въ 1383 г. въ Булгарѣ, по повелѣнію Тохтамыша, ограблены были русскіе купцы, а черезъ восемь лѣтъ городъ, по сказанію татарской исторіи „Дастани-Аксакъ-Темиръ“, былъ совершенно разрушенъ Тамерланомъ, во время похода его на Тохтамыша. Но это заявленіе надобно понимать такъ, что въ татарской исторіи упоминается только о взятіи Тимуромъ г. Булгара, а годъ этого событія, совпадающій со временемъ вторженія Тимура въ Булгарію, показанъ авторомъ отъ себя. Это замѣчаніе я дѣлаю на томъ основаніи, что изъ другихъ сообщеній изъ Дастанъ-Аксакъ-Тимура не видно, чтобы въ немъ именно въ 1391 году опре-

дѣлялось взятіе Булгаріи: этотъ разсказъ говоритъ о цѣлыхъ 7 годахъ осады Булгаріи, а изъ сообщенія Эрдманомъ изъ этой рукописи видно, что Тимуръ пошелъ въ Булгарію послѣ завоеванія Константинополя, Шемахіи и Астрахани, т. е. здѣсь должно разумѣть походъ Тимура противъ Баязета въ Малую Азію въ 1402 г. (въ Константинополь Тимуръ никогда не ходилъ). По „Беанъ-Дастанъ удъ Тариху“, т. е. по объясненію разсказа исторіи объ Аксакѣ-Тимурѣ, иначе сказать, по объясненію того источника (Дастанъ Аксакъ Тимуръ), на который ссылается авторъ статьи въ Энциклопед. Лексик., походъ Тимура въ Булгарію былъ гораздо ранѣе, время похода Тимура опредѣляется здѣсь временемъ начала г. Казани.

Беанъ Дастанъ удъ Тарихъ и рукопись Яковкина заявляютъ, что Новая Казань основана въ 1402 г.; при этомъ первый источникъ говоритъ, что въ Стар. Казани жили 104 года, слѣдовательно Ст. Казань была основана за 104 года до 1402 г., т. е. въ 1298 г. О томъ, что въ Ст. Казани жили 104 года говоритъ также рукопись, переведенная Барданесомъ для Георги и „Отрывокъ изъ исторіи Казанскаго царства“.

Послѣдній источникъ, не указывая прямо года основанія Нов. Казани, говоритъ, что въ Нов. Казани жили 158 лѣтъ до покоренія ея Русскими въ 1552 г. Основываясь на этомъ, годомъ основанія Нов. Казани должно принять 1394, а, принимая въ соображеніе, что этотъ-же отрывокъ говоритъ, что въ Стар. Казани жили 104 года, годъ основанія послѣдней получимъ—1290.

Такимъ образомъ, временемъ основанія Старой Казани являются 1290 и 1298 года, а Новой Казани 1394 и 1402 г. По этимъ даннымъ походъ Тимура, предшествовавшій основанію Старой Казани, былъ въ концѣ XIII ст.

И такъ, всѣ хронологическія указанія о походѣ Аксакъ-Тимура въ Булгарію представляются совершенно невѣрными и раздѣляются на двѣ категоріи: Шерефъ-Эддинъ показываетъ походъ Тимура слишкомъ поздно, а всѣ остальные источники слишкомъ рано.

Отвергая показаніе Шерефъ-Эддина, я такъ объясняю показанія остальныхъ источниковъ о походѣ Тимура въ концѣ XIII ст.: въ татарск. рукописяхъ говорится не объ Аксакъ-Тимурѣ, а о Менгу-Тимурѣ, о походѣ котораго въ

Булгарію въ концѣ XIII ст. упоминаетъ Абуль-Гази, (1) по русскимъ же лѣтописямъ, послѣ похода Менгу-Тимура противъ Ясовъ, упоминается походъ 1278 г., противъ непріятеля неназваннаго по имени, по существуютъ нѣкоторая данныя, что здѣсь разумѣется походъ противъ Волжскихъ Булгаръ (2).

Всѣ указанія объ основаніи Ст. Казани въ 1290 или 1298 г. подходятъ ко времени предшествовавшаго основанію Казани похода Менгу-Тимура, который относятъ къ 700 (1301) г., особенно, если предположимъ, что 700-ый годъ поставленъ здѣсь приблизительно, въ смыслѣ конца седьмаго столѣтія гиджры.

Въ заключеніе основаній, по которымъ я признаю походъ Тимура въ концѣ XIII ст., т. е. разумѣю Менгу-Тимура, я укажу на имя булгарскаго владѣтеля Абдуллы, при которомъ было нашествіе, приписываемое Аксакъ-Тимуру. Мы видѣли, что въ спискѣ булгарскихъ владѣтелей Абдулла показанъ наслѣдовавшимъ отцу своему Илгаму, при которомъ было нашествіе Батыя, Абдулла царствовалъ 50 лѣтъ. Фуксъ, который напечаталъ этотъ списокъ, разумѣя нашествіе Аксакъ-Тимура, справедливо замѣчаетъ, что здѣсь слишкомъ большой хронологическій скачекъ. Но, принимая подъ этимъ нашествіемъ походъ Менгу-Тимура около 1280 г., царствованіе Абдуллы, сына Илгама, при которомъ было первое нашествіе Татаръ, представляется совершенно подходящимъ ко времени новаго похода Татаръ въ концѣ XIII стол.

VIII Г. ТУБУЛГА-АТАУ, АУЛЫ, ПЛЕМЕНА И МОГИЛЫ СВЯТЫХЪ, ПО ШЕРЕФЪ-ЭДДИНУ-БУЛГАРИ.

1 Г. Тубулга-Атау. Шерефъ-эддинъ-Булгари указываетъ на крѣпость при р. Шешмѣ (Чушмѣ), которая впадаетъ въ Каму въ Чистоп. у. Булгарскій историкъ о мѣстоположеніи

---

(1) Менгу-Тимуръ умеръ въ 1282 г. См. «Неизданныя Джучидскія монеты». П. С. Савельева въ Труд. Вост. Отд. Арх. Общ. III 472.

(2) См. во II Отд. «Отношенія кн. Оед. Ростисл. къ Татарамъ и Булгарамъ.

этой крѣпости упоминаетъ два раза, оба эти мѣста я привожу по переводамъ Березина и Вельяминова-Зернова:

У Березина: „Еще при соединеніи Чушмэ съ Бѣлой (Камою), изъ крѣпости островской Тубулга извѣстны послѣдователи, коп и похоронены въ этомъ укрѣпленіи".

„При соединеніи рѣкъ Кичу и Чушмэ, въ крѣпости островской Тубулга, находится могила Ходжа-Эхрара" (1).

Эти два мѣста, по переводу Березина, противорѣчатъ одно другому: въ первомъ крѣпость указана при соединеніи Чушмэ, т. е. Шешмы, съ Камою; а во второмъ—при соединеніи Шешмы съ Кичу, которая впадаетъ въ Шешму въ Чистоп. у, а верховье ея въ Уфимск. губ.

Болѣе правильно передаетъ эти мѣста изъ Шерефъ-эддина Вельяминовъ - Зерновъ: „Послѣдователи, бывшіе въ г. Тубулга-Атау на Чушмѣ, впадающей въ р. Бѣлую (Каму), были Кеймирасъ сынъ Устугановъ, Антъ сынъ Заитовъ, Хаджи Байрямъ сынъ Джумагильдыевъ, Касимъ сынъ Эюбовъ, Абд-уррахманъ сынъ Абд-ул-аминовъ и Ильгамъ сынъ Кеймирасовъ. Всѣ они похоронены въ аулѣ Тубулга-Атау".

„Въ томъ мѣстѣ, гдѣ р. Кичу впадаетъ въ Чушму, недалеко отъ г. Тубулга-Атау, находится могила Ходжи Ахрара" (2).

У Вельяминова Зернова второе мѣсто не противорѣчитъ первому: крѣпость показана недалеко оть устья р. Кичу, а не при самомъ устьѣ, какъ у Березина; затѣмъ, у Вельям.-Зерн. говорится только, что крѣпость была на р. Шешмѣ, а не при устьѣ Шешмы, какъ у Березина.

И такъ, эта крѣпость была на р. Шешмѣ, недалеко отъ впаденія въ послѣднюю р. Кичу. Березинъ называетъ эту крѣпость „островскою крѣпостью Тубулга", а Вельям. - Зерновъ „городомъ Тубулга-Атау". При этомъ Вельям. - Зерновъ объясняетъ, что „Атау потатарски значитъ островъ; Тубулга есть растеніе, которое часто встрѣчается въ степяхъ не только оренбургскихъ, но и сибирскихъ; русскіе жители называютъ его товолгой. Какой именно городъ въ древности назывался Товолжьимъ островомъ мнѣ неизвѣстно".

---

(1) Булгаръ на Волгѣ, стр. 152, 158, 159.

(2) Труды Вост. Отд. Арх. Общ. IV 271 и 278, 379.

Въ третій разъ Шерефъ-Эддинъ упоминаетъ о г. Тубулга, говоря, что Идрисъ былъ посланъ намѣстникомъ въ г. Булгаръ, въ Тубулгу и въ области Уфимскую, Казанск. и Симбирск. ([3]).

Остатки этого города должно искать между городищами на р. Шешмѣ, которыхъ, какъ показано ниже, нѣсколько.

Можетъ быть, этотъ городъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго Новошешминска. Это мѣсто, по сохранившимся до настоящаго времени остаткамъ, представляется важнѣйшимъ изъ древнихъ укрѣпленій по Шешмѣ: отсюда на западъ и востокъ идетъ древній валъ и рядъ укрѣпленій; по примѣру древнѣйшихъ строителей, черезъ эту мѣстность проведена Русскими въ XIII ст. укрѣпленная Старо-Закамская линія.

Новошешминскъ верстахъ въ 15 ниже устья Кичу, онъ находится на изгибѣ, образуемомъ Шешмою, такъ что это, если не островъ, то несомнѣнно полуостровъ; слѣдовательно эта мѣстность можетъ соотвѣтствовать городу, называвшемуся Товолжскій островъ и находившемуся недалеко отъ устья Кичу.

2 Аулы и могилы святыхъ по р. Шумбуту. Обозрѣніе ауловъ и могилъ святыхъ, о которыхъ упоминаетъ Шерефъ-эддинъ, я начинаю съ центра Булгарской земли— по р. Шумбуту въ Лаишевск. у. и по Черемшану въ Чистоп., затѣмъ перехожу къ восточной украйнѣ Булгарской земли— р. Шешмѣ и къ западной— рѣкамъ Казанкѣ и Свіягѣ.

„Въ аулѣ Терберды-Чалли былъ изъ Булгаръ Идрисъ сынъ Зуль-Мухаммедовъ. Идрисъ этотъ отправился въ Яркендъ, поступивъ послужникомъ къ шейху Гидаетъ-уллѣ и 15 лѣтъ учился тамъ уставамъ и созерцанію. Когда исполнилось 20 лѣтъ послѣ кончины суфія Ишъ-Мухаммеда, то Идрисъ былъ посланъ намѣстникомъ въ г. Булгаръ и пр. Онъ умеръ въ аулѣ Терберды-Чалли“.

„Недалеко отъ Чалли, въ одномъ казацкомъ аулѣ, Шаамъ сынъ Иштеряка Ахуна, вернувшись изъ Багдада, гдѣ онъ учился, сдѣлался преемникомъ намѣстничества Файзъ-

---

([3]) Ibid.. 277.

уллы-Эфендія (1). Теперь могила его въ Терберды-Чалiѣ у Казаковъ".

„Еще въ аулѣ Берды-бекъ-Ханѣ, недалеко отъ Терберды-Чаллія, есть могила Хаджи Хабибъ-уллы изъ Бухары священной, намѣстника пророка".

„А въ аулѣ Кутлу-Бугушъ могила муллы Ніяза сына Чокмакова; оба они (Мулла Ніязъ и предыдущій хаджи) скончались во время путешествія къ святымъ мѣстамъ, при Берды-бекъ-Ханѣ" (2).

Всѣ эти четыре аула встрѣчаются понынѣ въ Лаишевск. у., въ сосѣдствѣ между собою.

Первому аулу Терберды-Чалли соотвѣтствуетъ дер. Теребердины Челны (Тябердина) на прав. берегу р. Шумбута, при впаденіи въ него Мал. Шумбута.

Подъ казацкимъ ауломъ недалеко отъ Чалли должно разумѣть дер. Казакларъ, находящуюся напротивъ предыдущей, но лѣвую сторону Мал. Шумбута (3). Это подтверждается двумя понынѣ стоящими близъ дер. Казакларъ могильными камнями, которые Татары называютъ могилами святыхъ, а на другой сторонѣ того же селенія показываютъ могилу Идриса (4). Шерефъ-Эддинъ говоритъ объ Идрисѣ, что онъ умеръ въ Терберды-Чалли, слѣдовательно и похороненъ тамъ; о казацкомъ аулѣ говорится, что онъ находился близъ Чалли, встрѣчается даже выраженіе: „въ Тер-

---

(1) Файзъ-улла-Эфендій, пріѣхавшій изъ Бухары, былъ преемникомъ Касима изъ Нов. Казани, ученика и преемника вышеупомянутаго Идриса.

(2) Вельям.-Зерн. 277, 278, Березин. 157, 158.

(3) Подъ названіемъ Казакларъ эта деревня обозначена на всѣхъ важнѣйшихъ картахъ, напр. на хранящейся въ библіотекѣ Каз. университета рукописной картѣ Казанск. губ. конца XVIII ст. (объ этой замѣчат. картѣ см. Приложеніе III), Подробной или Столистенной 1805 г. и на новѣйшей Спец. картѣ Европ. Россіи, изд. Военно-Топограф. Депо; но въ Спискахъ селеній Каз. губ. эта дер. называется не совсѣмъ правильно: въ Сп. насел. мѣстъ Каз. губ.—Казларъ (Мамки-Коряковы-Челны), въ друг. спискахъ (Естеств. приращеніе сельск. населенія Каз. губ., Вѣдомость разстояній селеній отъ городовъ Каз. губ.) — Мамли-Козяковы-Челны.

(4) «Татарск. надписи изъ временъ Каз. царства въ Лаиш. у.» Н. И. Ильминскаго въ Зап. Арх. Общ. т. III. См. подробнѣе объ эт. могилахъ въ III Отд. «Жукотинское городище и его окрестности».

берды-Чалiѣ у Казаковъ". Слѣдовательно казацкій аулъ и Терберды-Чалли были въ ближайшемъ сосѣдствѣ, т. е. могила Идриса должна быть близъ того и другаго селенія.

Изъ двухъ могилъ неизвѣстныхъ святыхъ при Казакларѣ должно искать могилу третьяго преемника Идриса Шаама, которая по Шерефъ-Эддину была въ „Терберды-Чалiѣ у Казаковъ".

Представляемое мѣсто булгарскаго историка указываетъ, что собственно булгарское населеніе противополагалось Казакамъ, подъ которыми должно разумѣть простыхъ Татаръ: Никон. лѣтопись (VII, 227) подъ 1555 г. говоритъ, что Арскіе люди и Побережные побили Татаръ: „именныхъ людей, князей и мурзъ, да сотныхъ князей, да лучшихъ Казаковъ".

Третій аулъ „недалеко отъ Терберды Чаллія"—„Бердыбекъ-Хана", это нынѣшняя деревня „Бердебяковы Челны" тоже на Шумбутѣ, выше Терберды-Чалли.

Аулъ Кутлу-Бугушъ, о мѣстонахожденіи котораго Шерефъ-эддинъ ничего не говоритъ, соотвѣтствуетъ нынѣшней деревнѣ Кутлу-бакашевы Челны тоже на р. Шумбутѣ, между Терберды-Чалли и Берды-бекъ-Чалли.

3 Аулы: Багане, Кизляу и Джанъ-Бакты, устье Шешмы, р. Кичу. Указывая на три могилы святыхъ въ Болярѣ, Шерефъ-эддинъ говоритъ про одного изъ этихъ святыхъ: „третій Шейхъ Мухаммедъ, онъ былъ выходецъ изъ аула Багане и сынъ Бай-тирака; пройдя курсъ ученія въ Багдадѣ, онъ вернулся въ Боляръ" (1).

Подъ ауломъ Багане можно разумѣть р. Багану, впадающую съ прав. стор. въ р. Мал. Черемшанъ въ Чистоп. у.; въ верховьѣ р. Баганы находится и деревня тогоже названія (Татарск. Багана), другая Багана (Мордовская) въ сосѣдствѣ съ первою, въ верховьѣ р. Бахты, впадающей въ Каму; верховья же Бахты и Баганы почти рядомъ. Третья Багана встрѣчается въ другомъ мѣстѣ, на Больш. Черемшанѣ, около юго-вост. гран. Чистоп. уѣзда.

---

(1) Вельям.-Зерн. 278. У Березина (стр. 138) это мѣсто передается иначе: «третій Шейхъ Мухаммедъ. Изъ аула Багане Чагкганъ-бай, сынъ Тирака, учившійся въ Багдадѣ, пришелъ въ Билярскъ и здѣсь наставлялъ людей». По Березину, третій святой, могила котораго въ Билярскѣ, и выходецъ изъ Багане—два отдѣльныя лица.

„На Черемшанѣ, въ Кизляу, обрѣтается могила Ходжи Махзумъ-зады-Юсуфа Керканія“ (2). Подъ Кизляу должно разумѣть р. Кіязли, впадающую собственно не въ Черемшанъ, а въ Сюльчу, притокъ Бол. Черемшана; на Кіязли находится и деревня того же названія, иначе называемая Ишметево.

„Въ аулѣ Джанъ-Бакты есть могила Улямы Дуванія“ (3).

Селенія съ названіемъ Джанъ-Бакты въ Каз. губ. я не нашелъ, но этому названію соотвѣтствуетъ Янбахтино—два селенія въ Козмодем. и одно въ Ядринск. уѣздѣ. Впрочемъ, нахожденіе этихъ селеній въ указанныхъ уѣздахъ не дозволяетъ разумѣть подъ ними аула, упоминаемаго булгарскимъ историкомъ: ни изъ какихъ другихъ источниковъ не видно, чтобы мусульманство процвѣтало въ этихъ мѣстностяхъ; вообще здѣсь совсѣмъ не замѣтно булгарскаго вліянія и проявляются только слабые слѣды позднѣйшаго татарскаго владычества. Одно и тоже названіе съ Янбахтино — Янбухтино, такъ называются два селенія въ Тетюшск. у. (4); какъ увидимъ ниже, по Свіягѣ, въ Свіяжск. и Тетюшск. уѣздахъ, успѣшно шла мусульманская пропаганда, слѣдовательно нѣтъ препятствія, подобнаго въ отношеніи къ Козмод. и Ядринск. уѣздамъ, для возможности признанія здѣсь могилы святаго мусульманина. Наконецъ дер. Ямбухтина, очевидно тоже, что Янбухтина, встрѣчается въ Спасск. у., т. е. въ центрѣ Булгарской земли. Но мнѣ кажется, что Шерефъ-эддинъ упоминаетъ аулъ Джанъ-Бакты въ связи съ предыдущими и послѣдующими, упоминаемыми имъ мѣстностями, т. е., что онъ говоритъ о мѣстностяхъ сосѣднихъ. Имѣя въ виду послѣднее, я укажу на р. Бахту, вершина которой находится рядомъ съ вершиною Баганы, Джанъ-Бакты не имѣетъ ли связи съ р. Бахта?

---

(2) Вельям.-Зерновъ 278, у Берез. 138—«на источникѣ Гизляу».

(3) Вельям.-Зерн. 278, у Березина 138: «въ аулѣ Джанъ-багкти могилы двухъ шейховъ Девалини и Хосревіэ. Послѣдній умеръ во время пелеринажа».

(4) С. Янбухтино на р. Уламѣ, лѣв. притокѣ Свіяги, и дер. Янбухтина по прав. стор. почтоваго тракта изъ Казани въ Симб., при безъименной рѣчкѣ.

„Могила Шейха Хосревія на устьѣ р. Чушмы (Шешма), вливающейся въ р. Бѣлую (Каму)“ ([5]).

Выше было указано, что Шерефъ-эддинъ упоминаетъ еще могилу святаго на Шешмѣ, гдѣ р. Кичу впадаетъ въ Шешму, недалеко отъ г. Тубулга-Атау.

Въ другомъ мѣстѣ, въ главѣ „о послѣдователяхъ“ Шерефъ-эддинъ упоминаетъ послѣдователей на Кичу: „Уташъ сынъ Иль-Табановъ, Недеръ сынъ Имапаевъ и Недеръ-шахъ сынъ Хурремъ шаховъ. Теперь могилы ихъ находятся тамъ“ ([6]).

4 Р. Казанка (Курса, племя Каджи, аулъ Айши-Беки). Шерефъ-эддинъ указываетъ послѣдователей: „На вершинахъ р. Казана былъ Иштерякъ сынъ Байтеряковъ. Въ Курсѣ былъ Абдулъ сынъ Адловъ. Въ племени Каджи, въ аулѣ Айши-Беки, была сама Айша-Бека, дочь Хаджія Арамалія. Хаджи Арамали жилъ и учился въ Мединѣ и былъ сподвижникомъ нашему пророку. Еще былъ сынъ Хаджія Арамалія Таджъ-уддинъ-Эфенди. Могилы ихъ находятся на берегу р. Казана. Богъ лучше знаетъ истину“ ([1]).

Мѣстность Курса опредѣляется 4 нынѣ существующими сосѣдними деревнями: 1) Корса Верхняя на лѣвомъ притокѣ Казанки — Кисьмесѣ; 2) Корса Нижняя къ югу отъ предыдущей версты на двѣ, при безъименномъ источникѣ; 3) Смакъ-Корса къ сѣверо-востоку отъ двухъ предыдущихъ, въ равномъ разстояніи отъ обѣихъ, именно версты на четыре, отъ Кисьмеса послѣдняя деревня въ $1\frac{1}{2}$ верст.; 4) Корсабашъ на сѣв.-вост. отъ послѣдней, верстахъ въ 10,

---

([5]) Вельям.-Зерн. 278. По Березину, этотъ святой похороненъ вмѣстѣ съ предыдущемъ въ аулѣ Джанъ-Бакты, а далѣе у Березина: «на р. Чушмэ, впадающей въ Бѣлую, находится могила Ша'иръ Сипави». О послѣднемъ святомъ у Вельям.-Зерн. не упоминается.

([6]) Вельям.-Зерн. 271, у Берез. 152: «Также извѣстны послѣдователи на Киджу (имена не показаны), коихъ могилы нынѣ находятся тамъ».

([1]) Вельям.-Зерн. 272. Березинъ (стр. 153), послѣ перваго послѣдователя, упоминаетъ послѣдователей въ Г Курсѣ, въ племени Каджи, и еще въ аулѣ Гайшэ-Бика княгиню Гайшэ, дочь Арамли. По Вельям-Зернову, аулъ Айши-Беки принадлежалъ къ племени Каджи, а по Березину къ этому племени принадлежала Курса. О сынѣ Арамли у Березина не упоминается.

отъ р. Кисьмеса верстахъ въ 7. Первыя двѣ деревни въ Казанск., а послѣднія двѣ въ Мамадышск. у. Такимъ образомъ видимъ, что пространство съ селеніями Корса тянется отъ р. Кисьмеса къ сѣв.-вост. верстъ на 15, изъ Казанск. въ Мамадышскій уѣздъ.

На аулъ Айши Беки указываетъ нѣсколько селеній (пять) Казанск. у. съ этимъ названіемъ, изъ которыхъ два находятся около городища Ст. Казани, на правомъ, высокомъ берегу р. Казанки, противъ деревни Иски-Казань (Ст. Казань), лежащей на противоположномъ лѣвомъ берегу Казанки. На сѣверо-востокъ отъ городища лежитъ дер. Верхняя Айша, а на сѣв.-вост. отъ дер. Иски-Казань, на самомъ берегу Казанки — Нижняя Айша. Эти деревни принадлежатъ къ мѣстности аула Айши-Беки, потому что доселѣ народныя преданія Русскихъ и Татаръ указываютъ, что на кладбищѣ, близъ дер. Нижней Айши, находится могила Айши-Беки, а могилу ея брата указываютъ близъ самого городища (²). Объ отцѣ Айши-Беки преданія не упоминаютъ, брата же называютъ Мулла Хазей; очевидно, что это имя отца ея — Хаджія Арамалія, какъ называетъ его булгарскій историкъ.

Въ повѣсти „О несгараемой царевнѣ“ упоминается полководецъ основателя Ст. Казани Мулла-Хозятазъ и Софинъ-харака, котораго легенда почитаетъ святымъ и указываетъ его могилу въ Иски-Казань, „а могилу его сестры, говоритъ Кафтанниковъ, указываютъ въ дер. Айши, она безъ всякаго могильнаго памятника“.

Что такое племя Каджи, къ которому, по переводу Вельям.-Зернова, принадлежалъ аулъ Айши-Беки, а, по переводу Березина — Корса, я не знаю.

5 Аулъ Уджумъ. Вмѣстѣ съ мѣстностями, которыя принадлежатъ нынѣшнимъ Свіяжскому и Тетюшскому уѣздамъ, Шерефъ-эддинъ упоминаетъ аулъ Уджумъ, въ которомъ былъ послѣдователемъ Файзъ-Улла сынъ Обейдъ-Уллинъ; по болѣе точнаго опредѣленія мѣстоположенія этого аула булгарскій историкъ не представляетъ. Въ сосѣдствѣ съ мѣстностями, упоминаемыми историкомъ рядомъ съ ауломъ Уджумъ, по р. Свіягѣ, не встрѣчается урочищъ, соотвѣт-

(²) См. III Отд. «Городище Ст. Казани».

ствующихъ названію этого аула, да и вообще „Списокъ насел. мѣстъ Каз. губ.“ не представляетъ такого названія, кромѣ двухъ деревень Ст. Узюмъ и Нов. Узюмъ. Оба селенія находятся рядомъ, въ Царевококшайск. у., на границѣ его съ Казанскимъ. Ст. Узюмъ представляетъ и доказательство своей древности — кладбище съ могильными надписями первой половины XVI ст. (1). Можетъ быть, упоминаемый Шерефъ-эддиномъ аулъ Уджумъ соотвѣтствуетъ Ст. Узюму (см. объ эт. еще ниже).

6 Устье Свіяги. По тексту Вельям.-Зерн. (стр. 272): „По ту восточную сторону Волги, на устьѣ Зіи, были послѣдователи: Ильясъ сынъ Мусинъ, Касимъ сынъ Ибрагимовъ, Уразъ-Мухаммедъ сынъ Кедеръ-Мухаммедовъ и Бурганъ-уддинъ сынъ Садаръ-хановъ. Могилы ихъ на устьѣ Зіи“.

У Березина (стр. 153): „Въ восточной части округа аргскаго, по теченію р. Зуя, извѣстны послѣдователи, коихъ могилы тамъ находятся“.

Такимъ образомъ, вмѣсто восточной стороны Волги и устья Зіи, по одному переводу, въ другомъ является — восточная часть округа аргскаго и теченіе Зуя. Вмѣсто Зіи болѣе правильно Зуй, какъ называется у Татаръ Свіяга.

И такъ, здѣсь говорится о р. Свіягѣ, но что такое восточная сторона Волги и восточная часть округа аргскаго?

І. Ѳ. Готвальдъ перевелъ мнѣ это мѣсто изъ печатнаго изданія исторіи Шерефъ-эддина такимъ образомъ: „Изъ послѣдователей по ту сторону Волги, на ея восточной сторонѣ, на устьѣ Зуя...“. Переводъ Готвальда представляется сходнымъ съ переводомъ Вельям.-Зернова, т. е. и въ печатномъ изданіи говорится о вост. стор. Волги, а не о восточной части какого-то округа аргскаго. Но что такое „по ту восточную сторону Волги, на ея восточной сторонѣ?“ Откуда представляется такое положеніе Волги? Можно принимать при этомъ мѣсто, гдѣ писалъ булгарскій историкъ, т. е. селеніе Ташъ-Буляки — нынѣшняя Ташбилги на р. Ахтаѣ, или послѣднюю упомянутую передъ этимъ мѣстность, т. е. р. Казанку, но ни та, ни другая мѣстность нисколько не объясняетъ смысла вышеуказанныхъ словъ. Впрочемъ, эти слова представляются второстепенными для опредѣленія мѣстности, гдѣ жили и погребены указанные послѣдователи,

(1) См. въ III Отд. «Сѣверная Украина Казанск. губерніи».

такъ какъ объ нихъ опредѣленно сказано, что они жили и погребены при устьѣ Свіяги; какъ я предполагаю, на лѣвой сторонѣ Волги.

7 Аулы: Уджумъ и Кукъ-Кузъ, племя Мелла. Далѣе булгарскій историкъ указываетъ послѣдователей въ аулахъ Уджумъ и Кукъ-Кузъ и въ племени Мелла.

По Вельям.-Зернову (ibid.): „Въ аулѣ Уджумъ былъ Файзъ-Улла сынъ Обейдъ-Уллинъ. Въ аулѣ Кукъ-Кузъ былъ Кай-Мухаммедъ сынъ Динъ-Мухаммедовъ. Въ племени Мелла были Мулла-гулъ сынъ Айдаръ-гуловъ и Нарымъ-бай сынъ Аджимовъ. Теперь могилы ихъ находятся тамъ же".

По Березину (ibid.): „Также въ аулѣ Учумъ, въ аулѣ Кукъ-Кюзъ и въ племени Меля извѣстны послѣдователи, коихъ могилы на Зуѣ".

По смыслу Березина, оба аула и племя Мелла были по теченію Свіяги, но Вельям.-Зерновъ этого не говоритъ. Аулъ Кукъ-кузъ пріурочивается къ двумъ селеніямъ около средины сѣверн. границы Тетюшск. у. — Мал. Кокузы и Бол. Кокузы, которыя находятся на рч. Сухой Улемѣ, впадающей съ правой стор. въ Свіягу.

Племя Мелла я пріурочиваю къ рч. Иммелла, которая впадаетъ въ Свіягу съ лѣвой стор., близъ средины южной границы Свіяжск. у., слѣдовательно въ сосѣдствѣ съ аломъ Кукъ-Кузъ. Верстахъ въ 4 къ западу отъ рч. Иммеллы находится и селеніе того-же названія, иначе называемое Буртасы. Послѣднее названіе этого селенія указываетъ на возможность разумѣть подъ племенемъ Мелла именно Буртасовъ. Подтвержденіемъ тому, что эти мѣстности принадлежатъ къ буртасскимъ, представляетъ Буртасское озеро, означенное на рукописной картѣ Казанск. губ. конца XVIII ст. близъ рч. Иммеллы (1).

Такимъ образомъ видимъ, что аулъ Кукъ-кузъ и племя Мелла находятся по р. Свіягѣ, но урочищъ, соотвѣтствующихъ въ этой мѣстности названію аула Уджумъ, не находится. Между тѣмъ, по смыслу перевода Березина, послѣдователь изъ этого аула погребенъ на р. Свіягѣ. Считая переводъ Вельям.-Зернова болѣе правильнымъ, я не признаю необходимымъ пріурочивать этотъ аулъ къ Свіягѣ, хотя основаніемъ этому можетъ быть предположеніе, что булгар-

(1) На этой картѣ лѣвый притокъ р. Улемы, протекающій на сѣверъ отъ г. Тетюши, названъ также Имелля.

скій историкъ указываетъ на сосѣднія между собою мѣстности.

Принимая въ соображеніе, что аулъ Уджумъ упоминается тотчасъ послѣ могилъ при устьѣ Свіяги, на луговой сторонѣ Волги, можно предполагать, что булгарскій историкъ упоминаетъ объ этихъ двухъ мѣстностяхъ, въ связи по ихъ мѣстоположенію, если аулъ Уджумъ, какъ выше указано, соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ двумъ селеніямъ: Ст. и Нов. Узюму, находящимся на той-же луговой сторонѣ Волги, на границѣ Царевококш. у. съ Казанскимъ. Затѣмъ булгарскій историкъ переходитъ къ правой, горной сторонѣ Волги, куда принадлежатъ аулъ Кукъ-кузъ, племя Мелла и аулы Ширданъ и Тетюшъ, о которыхъ говорится послѣ племени Мелла.

8 Аулы Ширданъ и Тетюшъ. По Вельям.-Зернову (ibid.): „Въ аулѣ Ширданъ были: Сулейманъ сынъ Касъ булатовъ, Ульганъ сынъ Утковъ и Темиръ-пулатъ, сынъ Недеръ-шаховъ. Въ аулѣ Тетюшъ былъ Бадамъ сынъ Шахъ-Селимовъ. Они были изъ племени мишерскаго. Могилы ихъ находятся тамъ-же".

По Березину (ibid.): „Въ аулѣ Шурданъ, въ аулѣ Тетюшъ изъ племени мещерскаго извѣстны послѣдователи, коихъ могилы нынѣ тамъ находятся".

Аулъ Ширданъ пріурочивается къ 4 селеніямъ этого названія въ Свіяжск. у., которыя всѣ находятся при рч. Секеркѣ, которая впадаетъ въ Волгу нѣсколько выше Свіяги (1).

Аулъ Тетюшъ соотвѣтствуетъ нынѣшнему городу Тетюши.

9. Племя Мишерское. Послѣдователи изъ двухъ послѣднихъ ауловъ принадлежали къ племени Мишерскому, какъ читается у Вельям.-Зерн. а у Березина—Мещерскому. Это племя соотвѣтствуетъ указываемымъ г. Золотницкимъ (1) въ Казанск. губ. на зап. Тетюшск. у. и на востокѣ Цивильск.—„мишäр", т. е. Мещерякамъ, которые, хотя гово-

(1) По Сп. насел. мѣстъ Каз. губ.: № 1570 Бол. (Верхн.) Ширданы, № 1571 Ширданы (Петропавловское), № 1572 Стар. (Мал.) Ширданы, № 1578 Мал. (Нижн.) Ширданы: сверхъ того Ширданы встрѣчаются въ Чебокс. у., при р. Цивили (№ 2969).

(1) Чувашск. Словарь, стр. 226.

рятъ потатарски, но употребляютъ особые звуки, не свойственные ни одному изъ тюркскихъ нарѣчій; такой выговоръ сближаетъ ихъ съ народами финскаго племени. Этихъ Мещеряковъ смѣшиваютъ, объясняетъ г. Золотницкій, съ крещеными изъ Татаръ Чувашами: по свѣдѣніямъ, доставленнымъ Риттиху цивильскимъ исправникомъ (2) мещеряцкими селеніями названы 6 деревень крещеныхъ изъ Татаръ Чувашъ. Между тѣмъ, замѣчаетъ Золотницкій, этотъ промахъ можно было избѣжать, если бы только обратить вниманіе на то, что къ мѣстнымъ народнымъ названіямъ мещеряцкихъ селеній дѣлается прибавка слова — „мишäре“ (3).

Вельяминовъ-Зерновъ (4) также подъ именемъ Мишяръ разумѣетъ Мещеряковъ, т. е. племя Мещеру. Онъ говоритъ, что именемъ Мишяръ называетъ себя часть татарскаго по языку населенія (Мещеряки) губерній Нижегородск., Пензенск., Саратовск., Симб. и Тамбовск., составляющая, какъ думать можно, отатарившіеся остатки прежней Мещеры, которая была одного происхожденія съ Мордвою, т. е. финскаго, покрайней мѣрѣ она постоянно упоминается нашими лѣтописцами среднихъ временъ (древнимъ же она вовсе неизвѣстна), вмѣстѣ съ Мордвою и Черемисами.

Вельям.-Зерновъ признаетъ, что названіе Мишяръ соотвѣтствуетъ встрѣчающемуся въ нашихъ лѣтописяхъ племени Можаръ, что подъ послѣднимъ именемъ разумѣли племя Мещеру, такъ напр. въ Царств. кн. (стр. 172) говорится: „Чувашу и Черемисъ, и Мордву, и Можаровъ, и Тархановъ привели къ правдѣ“.

Артемьевъ (5) считаетъ Можаровъ, подобно Тарханамъ, за сословіе, и признаетъ соотвѣтствующими этому названію не только селенія Можарово, Можарки, Мижаръ, Мишерь, но и Мазара, Мазарское и т. п. Но послѣднія названія очевидно происходятъ отъ чувашск. слова „мазар“, которое

---

(2) «Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанск. губ.» II, 39, 40.

(3) Въ Сп. инородч. селеній Каз. учебн. округа показаны въ Каз. губ. селенія Мещеряковъ только въ Цивильск. у., именно тѣже 6 селеній, которыя показаны и у Риттиха и которыя Золотницкій называетъ чувашскими изъ крещеныхъ Татаръ.

(4) «Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ» I 30, 31.

(5) Предис. къ Сп. насел. мѣстъ Каз. губ. стр. LXXIII.

значитъ мѣсто, куда бросаютъ платья, постель и вещи умершаго (эти мѣста, по мнѣнію Чувашъ, посѣщаются покойниками), и соотвѣтствуетъ арабскому „мэзäр“—могила (⁶). Такъ какъ селенія съ названіями перваго разряда (Можарова и т. д.) представляютъ въ настоящее время чувашское населеніе, то Артемьевъ предполагаетъ, что сословіе „Можаровъ“ состояло исключительно изъ Чувашей; но въ чемъ, говоритъ Артемьевъ, заключались обязанности и права этого сословія, опредѣлить пока невозможно. Признавши Можаръ за сословіе, Артемьевъ далѣе говоритъ, что „нельзя не напомнить того, что нынѣшніе Мещеряки (также въ сущности сословный разрядъ людей) въ Пензенск. губ. зовутъ себя Мижаръ или Мишаръ. Не дозволительно ли предполагать, что и здѣшніе Можары и Мижары одноплеменны съ Мещеряками, или не состояли ли съ ними въ одномъ положеніи?“

Впрочемъ въ Сп. насел. мѣстъ Каз. губ. на Мещеряковъ, какъ отдѣльное племя, нигдѣ не указано; въ изданіи 1875 г. Казанск. Статист. Комит. „Естественное приращеніе сельскаго населенія Каз. губ. по приходамъ, съ обозначеніемъ племеннаго его состава“ о Мещерякахъ также не упоминается.

Такимъ образомъ, единственное указаніе на селенія Мещеряковъ въ Каз губ. представляется у г. Золотницкаго, который говоритъ, что эти селенія находятся въ той-же мѣстности, въ которой живутъ крещеные изъ Татаръ Чуваши, т. е. въ Цивильск. и Тетюшск. уѣздахъ.

О селеніяхъ Мещеряковъ въ нынѣшн. Каз. губ. мы встрѣчаемъ указанія въ памятникахъ XVI и XVII стол.

Писцовая Свіяжская книга 1565 г., списокъ съ которой хранится въ библіот. Казанск. унив., указываетъ на селище Мещерскихъ Татаръ на р. Бирлѣ, лѣвомъ притокѣ Свіяги, въ нынѣшнемъ Свіяжскомъ уѣздѣ: „Учинена межа помѣстному Подчищенному селищу, что была Мещерскихъ Татаръ, съ чувашскою землею дер. Чипака (?)... отъ рч. отъ Берли... на правѣ земля помѣстнаго селища Подчищеннаго, а на лѣвѣ земля дер. Черпаки (?)“. Въ настоящее время о Мещерякахъ въ Свіяжск. у. никто не упоминаетъ.

Въ данной на землю вожамъ дер. Таборъ 1690 г. представляется выписка изъ сыскныхъ и отказныхъ книгъ 1688 г.,

(⁶) «Чувашскій Словарь» Золотн., 42.

въ которыхъ упоминаются Мещеряки изъ трехъ деревень близъ рч. Марасы, которая впадаетъ съ лѣвой стороны въ Мал. Черемшанъ, въ Спасск. у. (7). Въ настоящее время никто не указываетъ на Мещеряковъ въ Спасск. у.

Такимъ образомъ, видимъ, что прежде Мещеряки жили въ нынѣшней Казанской губ. въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ они нынѣ уже не встрѣчаются; и въ Свіяжск. писцов. кн. упоминается не существовавшая тогда деревня Мещеряковъ, а селище, принадлежавшее прежде Мещерякамъ.

Все это подтверждаетъ возможность существованія Мещеряковъ и въ аулахъ Ширданъ и Тетюшъ.

---

(7) Акты Истор. и Юридич. Каз. губ., собр. Ст. Мельниковымъ, Каз. 1859 г., т. I, 100.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

О БУЛГАРАХЪ ВООБЩЕ И БУЛГАРСКИХЪ ГОРОДАХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ, ПО РУССКИМЪ ЛѢТОПИСЯМЪ.

I. ВРЕМЯ ДО ЮРІЯ ДОЛГОРУКАГО.

1 Походъ Кія. „Первоначальная лѣтопись“ во всѣхъ редакціяхъ (изводахъ) и спискахъ передаетъ преданіе о походѣ Кія противъ Дунайскихъ Булгаръ, Никоновская лѣтопись (П. С. Л. IX, 4) къ этому прибавляетъ: „Таже на Волжскія и Камскія Болгары ходивъ и побѣди“. Это извѣстіе, встрѣчающееся только въ одномъ Никоновскомъ изводѣ, еще менѣе можетъ имѣть значеніе историческаго факта, сравнительно съ другими преданіями объ основателѣ города Кіева, повторяющимися во всѣхъ спискахъ первоначальной лѣтописи.

2) **Походъ Святослава.** Первоначальная лѣтопись говоритъ подъ 965 г. о походѣ Святослава на Козаръ: „Иде Святославъ на Козаре. Слышавше же Козаре, изыдоша противу съ княземъ, и съ ступишася бити; и бывши брани межи ими одолѣ Святославъ Козарамъ и городъ ихъ Бѣлувежю взя. И Ясы побѣди и Косогы“ (1).

Оріенталисты этотъ походъ Святослава противъ Хазаръ, Ясовъ и Касоговъ отождествляютъ съ походомъ этого князя на Волгу, противъ Хазаръ, Булгаръ и Буртасъ, о которомъ свидѣльствуетъ Ибнъ-Хаукаль.

Два мѣста объ этомъ изъ Ибнъ-Хаукаля, прямо относящіяся къ г. Булгару, были приведены выше, здѣсь привожу изъ Френа (2) эти мѣста съ подробностями, относящимися къ самому походу. „Булгаръ маленькій городъ, у котораго небольшая территорія. Онъ былъ прежде очень знаменитъ, такъ какъ былъ складочнымъ мѣстомъ торговли тамошняго государства. Но Руссы разграбили его, также Ха-

(1) Ипат. изд. 1871 г. стр. 42.

(2) Ibn—Foszlan, стр. 64—67.

зеранъ, Итиль и Семендеръ въ 358 (368 или 969) г. и прямо оттуда отправились въ Румъ и Андалусь".

Подъ Хазераномъ, по объясненію Френа, Ибнъ-Хаукаль разумѣлъ восточную часть Итиля.

Гаркави доказываетъ, что подъ Семендеромъ разумѣть должно Тарху ([3]).

„Руссы продавали мѣха въ Булгары до разрушенія ими этого города въ 358 году". „Руссы уничтожили все, чѣмъ владѣли на рѣкѣ Итили Хазары, Булгары и Буртасы, и овладѣли всѣмъ этимъ". „Въ настоящее время ни Булгаръ, ни Буртасъ, ни Хазаръ, совсѣмъ не осталось; ибо Руссы напали на нихъ, отняли у нихъ всѣ земли и присвоили себѣ. Тѣ, которые спаслись отъ нихъ бѣгствомъ, живутъ разсѣянно въ сосѣднихъ странахъ, изъ любви къ окрестностямъ своихъ земель, и въ надеждѣ заключить съ Руссами мирный договоръ и возвратиться назадъ въ качествѣ подданныхъ Руссовъ".

Очевидно, говоритъ Гаркави (ib. 224), что объ этомъ походѣ, предпринятомъ во время путешествія Ибнъ-Хаукаля, послѣдній собралъ устныя преданія въ прикаспійскихъ странахъ, такъ онъ явно говоритъ, что о Семендерѣ онъ разспрашивалъ въ Джурджанѣ.

Ибнъ-Хаукаля съ сокращеніями повторяетъ Ибнъ-ель-Варди. Относящееся сюда мѣсто изъ послѣдняго писателя было уже приведено выше, по рукописи, извѣстной Френу, и по тексту, впослѣдствіи напечатанному съ латинскимъ переводомъ.

Было также выше замѣчено, что этому извѣстію о совершенномъ разореніи Булгаръ противорѣчатъ монеты, выбитыя въ двухъ булгарскихъ городахъ въ 336 г., слѣдовательно черезъ 8 лѣтъ послѣ похода Русскихъ.

Я предполагаю, что эти извѣстія, относительно послѣдствій набѣга Русскихъ, преувеличены, что Булгары скоро поправились.

Френъ ([4]), по поводу этого противорѣчія, предполагалъ, что Ибнъ-Хаукаль узналъ объ этомъ походѣ въ томъ же году, во время пребыванія своего въ Джарджанѣ. Ибнъ-Хау-

([3]) «Сказанія мусульм. писателей» стр. 239, 240, 298, 299.
([4]) «Drei Münzen», стр. 195, прим. 53.

каль, прибавляетъ Френъ, ясно говоритъ, что Руссы не поселились въ Булгарѣ, но прямо оттуда отправились въ другіе походы.

Френъ ([5]) первый отождествляетъ извѣстіе Ибнъ-Хаукаля о походѣ Руссовъ съ вышеприведеннымъ извѣстіемъ русской лѣтописи о походѣ Святослава.

Френъ заявляетъ, что нельзя согласиться съ Эверсомъ ([6]), который зналъ объ этомъ походѣ только по краткому извлеченію Ибнъ-эл-Варди, что здѣсь говорится о походѣ Святослава въ 968 г. противъ Дунайскихъ Булгаръ; должно принять походъ Святослава противъ Хозаръ, Ясовъ и Косоговъ, хотя Несторъ упоминаетъ о немъ двумя годами ранѣе.

Венгерскій ученый Ерней ([7]) также отождествляетъ походъ 965 по русскимъ лѣтописямъ съ походомъ, о которомъ говоритъ Ибнъ-Хаукаль. „Косоги и Ясы, говоритъ Ерней, до которыхъ простиралось, по Нестору, побѣдоносное нападеніе Руссовъ въ 965 г., даютъ возможность соединить сказаніе Ибнъ-Хаукаля объ опустошеніи Булгаръ Руссами въ 969 съ переселеніемъ въ Венгрію, потому что Измаильтяне позднѣе назывались здѣсь Ясами.

Ерней говоритъ, что, начиная около 970 до 1231 г., въ Венгріи упоминаются Измаильтяне и Сарацины, подъ этими именами разумѣлись вообще всѣ мухаммедане, безъ различія происхожденія; подъ этими Измаильтянами Ерней разумѣетъ пришельцевъ изъ Булгара, о которыхъ упоминаютъ Anonimi gesta Hung.

Гаркави (ib 225), принимая походы, упоминаемые русскою лѣтописью и Ибнъ-Хаукалемъ, за одинъ и тотъ-же, приводитъ мнѣніе еврейскаго историка Греца, ([8]) который принимаетъ два похода Святослава на Хозарію въ 965 и 969 г. и этимъ соглашаетъ показанія арабскаго географа и русскаго лѣтописца.

([5]) Ibn-Foszlan, 66, 67.

([6]) Krit. Vorarb. 203; русскій переводъ — «Предварит. Критич. Изслѣдованія» 185, 186.

([7]) Учен. Зап. Ак. Наукъ, т. III, 734—737.

([8]) Geschichte der Iuden, V, 371,

Съ своей стороны Гаркави прибавляетъ, что Ибнъ-Хаукаль, послѣ разграбленія Руссами Болгара, Итиля и Самандара, указываетъ походъ Руссовъ на Румъ (Византію) и Андалусъ. „Оставляя, говоритъ Гаркави, въ сторонѣ походъ на Андалусъ, о которомъ вѣрно сообщили нашему путешественнику—нашествіе на Дунайскихъ Булгаръ, предпринятое Святославомъ въ 969 г. и вслѣдствіе сего столкновеніе съ Византіею, какъ разъ подходитъ подъ показаніе арабскаго путешественника".

Но при болѣе точномъ разсмотрѣніи лѣтописи, оказывается, что указаніе Ибнъ-Хаукаля о непосредственномъ продолженіи Святославомъ своего похода съ Волги на Дунай не подтверждается лѣтописью.

По лѣтописи, первый походъ противъ Дунайскихъ Булгаръ былъ въ 967 г., въ слѣдующемъ году Святославъ долженъ былъ воротиться въ Кіевъ на защиту его отъ Печенеговъ; въ 969 г. Святославъ собирался опять отправиться на Дунай, но былъ остановленъ Ольгою, только по смерти послѣдней въ 971 г. Святославъ опять пошелъ на Дунай (9).

С. М. Соловьевъ свидѣтельство восточныхъ писателей о походѣ Святослава считаетъ согласнымъ съ русскимъ преданіемъ о походѣ Святослава на Волгу и битвахъ его съ Хазарами, Ясами и Касогами (10).

Покойный Погодинъ (11) представляетъ живую картину похода Святослава, соединяя извѣстія Ибнъ-Хаукаля и русской лѣтописи; но дѣлаетъ при этомъ ошибочное объясненіе, что Буртасы жили отъ лѣваго берега Волги далеко вглубь Азіи.

Д. И. Иловайскій (12) сообщаетъ, на основаніи Ибнъ-Хаукаля, о походѣ Святослава противъ Камскихъ Булгаръ, но говоритъ, что напрасно Френъ и послѣдующіе писатели старались разореніе Саркела (Бѣл. Вежа), походъ Святослава на Ясовъ и Косоговъ, а также погромъ Булгаріи и Хазаріи—все это слить въ одинъ походъ, т. е. слить извѣстія

---

(9) Ипат. изд. 1871 г. стр. 42—45., Лавр. изд. 1872 г., 64—68.

(10) Исторія Россіи, I, изд. 3, стр. 150.

(11) Древняя Русская Исторія, I, стр. 30.

(12) Исторія Россіи, I, 45, 46, 296.

русской рукописи и Ибнъ-Хаукаля. Здѣсь, конечно, надобно разумѣть цѣлый рядъ походовъ и предпріятій, и, можетъ быть, не всѣ они были совершены подъ непосредственнымъ начальствомъ Святослава".

3 Походы Владиміра. Подъ 985 г. лѣтописи упоминаютъ о походѣ Владиміра на Булгаръ. Большинство лѣтописей не говоритъ противъ какихъ Булгаръ былъ походъ, Никоновская лѣтопись (П. С. Л. IX. 42) называетъ Булгаръ Низовскихъ, Татищевъ (Россійск. Исторія II, 63, 64) относитъ этотъ походъ къ Дунайскимъ Булгарамъ.

Новѣйшіе историки Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Иловайскій разумѣютъ Камскихъ Булгаръ.

„Иде Володимиръ на Болгары съ Добрынею уемъ своимъ в лодьяхъ, а Торкы берегомъ приведе на конѣхъ, и тако побѣди Болгары. И рече Добрыня Володимиру:" съглядахъ колодникъ, и суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не платити, пойдевѣ искать лапотникъ". И сътвори миръ Володимиръ съ Болгары, и ротѣ заходиша собою, и рѣша Болгаре: „тали не буди мира межи нами, оли же камень начнетъ плавати, а хмель грязнути" (1).

Указаніе, что всѣ плѣнные Булгары были въ сапогахъ, представляется доказательствомъ значительной степени развитія ихъ матеріальнаго благосостоянія, высшаго, сравнительно съ другими инородцами, сосѣдившими съ Русскими. На это обратилъ вниманія Добрыня и справедливо заявилъ, что Русскимъ держать въ подданствѣ такихъ не подъ силу, Русскимъ должно искать другихъ, попроще, лапотниковъ.

Никоновская лѣтопись (П. С. Л. IX, 65) упоминаетъ о походѣ Владиміра на Булгаръ въ 994 г., но неизвѣстно противъ какихъ?— „Ходи Володимеръ на Булгары, и много ратовавъ ихъ побѣди". Подъ этимъ годомъ о булгарскомъ походѣ упоминаетъ и Татищевъ (ib 81), который называетъ этотъ походъ вторымъ противъ Булгаръ, а первый походъ Татищевъ относитъ къ Дунайскимъ Булгарамъ.

---

(1) Ипат., стр. 56.

Никоновская лѣтопись (ib. 66) упоминаетъ еще походъ противъ Камскихъ Булгаръ въ 997 г., о которомъ другія лѣтописи не говорятъ: „Ходи Володимеръ на Булгары Воложскія и Камскіе, и одолѣвъ плѣни ихъ“.

4. Сношенія по дѣламъ вѣры. Подъ 986 г. лѣтописи сообщаютъ о приходѣ въ Кіевъ Булгаръ-мухаммеданъ, т. е. Волжско-Камскихъ Булгаръ, съ предложеніемъ принять ихъ вѣру. „Придоша Болгаре вѣры Бохъмичи, глаголюще: „яко ты князь еси мудръ и смысленъ, и не вѣси закона; да вѣруй въ законъ нашь и поклонися Бохъмиту“. Рече Володимиръ: „кака есть вѣра ваша“? Они же рѣша: „вѣруемъ Богу; а Бохъмитъ ны учитъ, глаголя: обрѣзати уды тайныя, а свинины не ѣсти, а вина не пити, и по смерти съ женами похоть творити блудную; дасть Бохъмитъ комуждо по семидесятъ женъ красъныхъ, и избереть едину красну и всѣхъ красоту възложитъ на едину, и та будетъ ему жена; здѣ же, рече, достоитъ блудъ творити всякый; на семъ же свѣтѣ аще будетъ кто убогъ, то и тамо; аще ли богатъ есть здѣ, то и тамо“; и пна многа лесть, еяже нелзѣ писати срама ради. Володимиръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любяше жены и блужение многое, и послушаше сладъко; но се бѣ ему не любо, обрѣзание удовъ, и о яденьи свиныхъ мясъ, а о питьи отинюдь; рекъ: Руси веселье пити, не можемъ безъ того быти“ (1).

Преосвященный Макарій (2) говоритъ о разсказѣ лѣтописца, какъ приходили къ Владиміру представители разныхъ вѣроисповѣданій, каждый съ предложеніемъ своего ученія, что нѣтъ основанія считать это сказаніе вымысломъ, поэмою, въ родѣ старинныхъ духовныхъ мистерій, какъ выразился Полевой. „Ничего страннаго, говоритъ Макарій, что къ Владиміру приходили разные миссіонеры: исторія представляетъ не одинъ подобнаго рода случай. Въ частности—ничего страннаго въ приходѣ ко Владиміру пословъ булгарскихъ: съ Волжскими Булгарами Владиміръ только что въ прошломъ 985 году окончилъ войну и заключилъ

---

(1) Ипат. стр. 56.

(2) «Исторія христ. въ Россіи до Владиміра», Спб., 1868, стр. 279—287.

миръ. Значитъ всего легче могло случиться, что Булгары вздумали также прислать къ намъ своихъ пословъ, можетъ быть для окончательнаго утвержденія условій договора. Всего легче при этомъ случаѣ могло послѣдовать и то, что послы, ведя политическіе переговоры, какъ бы стороною вздумали хвалить свою вѣру и склонять Владиміра къ ея принятію. А со стороны Булгаръ подобный поступокъ въ то время былъ, какъ нельзя болѣе естественъ. Они еще не задолго передъ тѣмъ сами приняли магометанство, и слѣдовательно сохраняли весь жаръ религіознаго энтузіазма къ распространенію своей вѣры; съ другой стороны Болгары могли разсчитывать чрезъ сообщеніе своей вѣры нашему князю, войти съ нимъ въ тѣснѣйшее содружество".

„Рѣчь пословъ булгарскихъ къ Владиміру весьма естественна: они знали слабыя стороны князя и хорошо понимали, чѣмъ особенно ихъ вѣра можетъ привлекать къ себѣ подобныхъ людей. Равно и рѣзкій отвѣтъ имъ Владиміра о винѣ для Руси совершенно сообразенъ съ тогдашними понятіями и обстоятельствами, и могъ буквально переходить изъ устъ въ уста и сохраниться до преподобнаго Нестора".

Френъ([3]) также признаетъ это посольство изъ Булгара вполнѣ сообразнымъ съ обстоятельствами времени.

„Для Булгаръ, говоритъ Френъ, должно было имѣть важное значеніе — обращеніе сильныхъ сосѣдей къ своей вѣрѣ и привлеченіе ихъ этою общею связью къ своимъ ближайшимъ интересамъ".

Затѣмъ Френъ представляетъ примѣры мусульманской ревности и пропаганды Булгаръ. „Нѣтъ ничего страннаго, говоритъ Френъ, что мы видимъ Булгаръ, вскорѣ послѣ вторженія Владиміра въ ихъ владѣнія, пришедшими къ великому Князю и старающимися сдѣлать его прозелитомъ ислама".

Послѣ выслушанія всѣхъ миссіонеровъ, было рѣшено послать изъ Кіева разумнѣйшихъ мужей для испытанія всѣхъ религій на мѣстѣ ихъ исповѣданія. Посланные, по возвращеніи въ Кіевъ, говорили: „яко ходихомъ первое въ Болгары и смотрихомъ, како ся клапяють въ храминѣ, рек-

([3]) Drei Münzen, 195—197.

ше в ропатѣ, стояще безъ пояса; и поклонився, сядеть и гляднть сѣмо и овамо, акы бѣшенъ, и нѣсть веселія у нихъ, но печаль и смрадъ великъ, и нѣсть добръ законъ ихъ“ (4).

Френъ (5) представляетъ нѣкоторыя объясненія этому мѣсту лѣтописи. Слово ропать—арабское и значитъ: пограничная стража; монастырь, обитатели котораго поставлены на стражѣ службы Божіей; могильная капелла, въ которой поддерживаютъ день и ночь лампы и читаютъ коранъ; караванъ-сарай. Въ русской лѣтописи это слово принимается въ смыслѣ мечети. Можетъ быть, въ Булгарѣ было много монастырей, названіе которыхъ, по недоразумѣнію, Русскими перенесено на мечети.

„Безъ пояса“—такъ въ употребленіи у мухаммеданъ во время богослуженія. „Поклонився глядить сѣмо и овамо“—это различные рикаэты или повороты при церемоніальныхъ движеніяхъ тѣла, во время которыхъ говорятся предписанныя молитвы, съ этимъ соединяется и обращеніе головы на правую и лѣвую стороны съ устремленіемъ взора на плечи.

Никоновская лѣтопись подъ 990 г. разсказываетъ о посланіи отъ Владиміра греческаго ученаго къ Булгарамъ для проповѣди христіанства:

„Посла Володимеръ философа, нарицаемаго Марка Македоняпина, въ Болгары, иже есть во Агаряны, еже Измаильтяне глаголются и Сраципи, яко отъ Сарры паречени отъ свободныя, яко Агарь раба бяше Саррѣ, и по многихъ именованій и Бесермени нарицаются, и Татари, и друзіи имена ихъ дѣмонскіи, сице глаголя: „яко приходиша ко мнѣ прежде, егда еще не просвѣщенъ бѣхъ вѣрою православною, хваляще свою вѣру скверную, и мене ю нудяще пріяти; азъ же увѣдѣхъ истинно о ней, яко гнусна есть, и не пріяхъ ю; ты же иди къ нимъ, и проповѣжь имъ слово Божіе... Аще ли же не восхотятъ просвѣтитися божественымъ крещеніемъ, да не брань сотворятъ о семъ, ибо и сами мнѣ преже сего сотворища о своей вѣрѣ, не вѣдяще ю хваляще, азъ же не сътворихъ имъ брани никоея же, да сице и они также не сотворятъ. „Философъ же иде въ Болгары, и много глаголавъ имъ слово Божіе; они же безуми-

(4) Ипат. стр. 74.

(5) Drei Münzen, стр. 197, 198.

емъ своимъ объюродиша. Онѣ же возвратися къ Володимеру въ Кіевъ, и много чествованъ бысть отъ него и отъ всѣхъ похваленъ. Того-же лѣта пріидоша изъ Болгаръ къ Володимеру въ Кіевъ четыре князи, и просвѣтишася божественымъ крещеніемъ; Володимеръ же чествова ихъ и много удовольствова“ ([6]).

Кромѣ Никоновской лѣтописи, о посольствѣ Марка Македонянина и о крещеніи четырехъ булгарскихъ князей, говоритъ еще только Степенная книга (I, 147—149). Эти факты не представляютъ ничего не вѣроятнаго, Преосвященный Макарій признаетъ эти извѣстія достовѣрными. ([7]).

5) **Торговыя сношенія, торговый договоръ.** Татищевъ ([1]) подъ 1006 г. говоритъ: „Прислали Болгары (Волжскіе) пословъ съ дары многими, дабы Владимиръ позволилъ имъ въ городахъ по Волгѣ и Окѣ торговать безъ опасенія, на что имъ Владимиръ охотно соизволилъ, и далъ имъ во всѣ града печати, дабы они вездѣ и всѣмъ вольно торговали, и русскіе купцы съ печатьми отъ намѣстниковъ въ Болгары съ торгомъ ѣздили безъ опасенія, а Болгарамъ всѣ ихъ товары продавать во градахъ купцамъ, и отъ нихъ купить что потребно, а по селамъ не ѣздить тіуномъ, вирникамъ, огневтинѣ и смердинѣ продавать, и отъ нихъ не купить“.

Карамзинъ ([2]) это извѣстіе считаетъ вымысломъ и подчеркиваетъ слово „печати“.

Напротивъ, С. М. Соловьевъ ([3]) называетъ это извѣстіе важнымъ и говоритъ, что вѣрность этого извѣстія не можетъ подлежать сомнѣнію: печати прямо указываютъ на греческій обычай, къ которому Русскіе привыкли въ Византіи; подробности указываютъ на древность.

Черезъ 18 лѣтъ послѣ заключенія этого договора, подъ 1024 годомъ, первоначальная лѣтопись указываетъ на торговыя сношенія съ Булгаромъ: „И мятежь великъ и голодъ въ всей странѣ той (Суздальской) бысть; идоша по Волзѣ

([6]) П. С. Л. IX, 58, 59.

([7]) Исторія Русск. церкви, т. I, 1858 г. стр. 22.

([1]) «Исторія Россійск.», II, 88, 89.

([2]) Исторія Госуд. Россійск., I, прим. 483.

([3]) Исторія Россіи, I, 189 и прим. 267.

вси людье въ Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша“ (4).

6) Взятіе Булгарами Мурома. Въ русской лѣтописи встрѣчается краткое извѣстіе подъ 1088 г.—„взяша Болгаре Муромъ“ (1).

Но Татищевъ представляетъ нѣкоторыя подробности, объясняющія причину нападенія Булгаръ, которая была въ связи съ торговыми отношеніями. „Въ тѣ же времена были на Волгѣ и Окѣ разбои, и многихъ Болгаръ торгующихъ пограбили и побили. Болгары же присылали ко князю Олегу и брату его Ярославу просить на разбойниковъ, но, не получа управы, пришедъ съ войски, Муромъ взяли и пограбили, а села пожгли“ (2).

Причина враждебнаго столкновенія Булгаръ съ Русскими въ 1088 году напоминаетъ позднѣйшіе разбои новгородскихъ ушкуйниковъ, которые приводили къ военнымъ походамъ Булгаръ противъ Русскихъ и къ заступничеству первыхъ Татарами.

Татищевъ (3) указываетъ и источникъ, откуда онъ заимствовалъ эти подробности. „О приходѣ Болгаръ и взятіи Мурома, говоритъ онъ, во всѣхъ манускриптахъ кратко токмо, что пришедъ Болгары взяли Муромъ, но въ Нижегородскомъ и въ Макарьевскомъ точно противо сего“.

7) Осада Булгарами Суздаля въ 1107 г. Д. А. Корсаковъ (1) приводитъ изъ рукописной Ростовской лѣтописи, хранящейся въ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, слѣдующее мѣсто: „Того же лѣта (1107) чудо сотвори Богъ и святая Богородица въ Суждальстѣй земли. Пріидоша Болгары ратію на Суждаль и обступиша городъ и много зла сотвориша, воююще села и погосты и убивающе многихъ отъ христіанъ. Сущіи же люди въ градѣ не могуще противу ихъ стати, не сущу князю у нихъ, на молитву къ Богу обратишася и ко Пречистой Его Богоматери покаяніемъ и сле-

---

(4) Ипат., стр. 103.

(1) Ibid., 145.

(2) Истор. Россійск., II, 140.

(3) ibid., прим. 298.

(1) «Меря и Ростовское княжество» Казань, 1872. стр. 103, 104.

зами, и затворишася во градѣ и всемилостивый Богъ услыша молитву ихъ и покаяніе. Яко же древле Неневитяны помилова, такъ и сихъ избави отъ бѣдъ, ослѣпи бо вся ратныя Болгары и тако изшедше изъ града всѣхъ избиша".

8) **Отравленіе Булгарами половецкихъ князей.** Объ этомъ нѣкоторыя русскія лѣтописи упоминаютъ подъ 1117 годомъ: „Придоша Половци къ Болгаромъ, и выслa самъ князь Болъгарьскый пити съ отравою, и пивъ Аепакъ и прочіи князи вси помроша" (1).

II ОТЪ ЮРІЯ ДОЛГОРУКОВА ДО НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ.

Съ того времени, когда центромъ русской земли, вмѣсто Кіева, становится Суздальскій край, когда здѣсь начинается усиленная колонизація Русскихъ, постройка ими новыхъ городовъ, и болѣе прочное водвореніе русской власти среди окружающихъ инородцевъ, тогда должны были начаться новыя болѣе близкія и непрерывныя отношенія Русскихъ къ сосѣднему Булгарскому царству; вмѣстѣ съ мирными сношеніями чаще появляются и враждебныя столкновенія.

Суздальскій край своимъ возрожденіемъ обязанъ Юрію Долгорукому и сыну его Андрею Боголюбскому, со времени этихъ князей и начинаются новыя сношенія и столкновенія съ Булгарами.

А. Мирныя сношенія.

1) **Поселеніе Булгаръ въ новыхъ Суздальскихъ городахъ.** Татищевъ, передавая о построеніи Юріемъ новыхъ городовъ въ Суздальской области, говоритъ, что Юрій началъ тѣ града населять, созывая людей отвсюда, которымъ не малую ссуду давалъ, и въ строеніяхъ и другими подаяніями помогалъ, въ которые приходя множество Булгаръ, Мордвы, Венгровъ, кромѣ Русскихъ, селились, и предѣлы яко многима тысячи людей наполняли" (1).

---

(1) Ипат., 205; Воскр. (П. С, Л. VII 24); Густынск.. (П. С. Л. II, 291).

(1) Исторія Россійск.», III, 79.

Болгары проживали и въ Боголюбскомъ, любимомъ мѣстопребываніи Андрея Юрьевича. Ипатская лѣтопись представляетъ объ убіеніи этого князя нѣкоторыя подробности, сравнительно съ другими лѣтописями, между прочимъ длинное причитанье нѣкоего Кузмища надъ убитымъ княземъ. Кузмище говоритъ: „и Болгарѣ и Жидовѣ и вся погань, и тѣ болма плачють по тобѣ“ (2).

Булгары приходили въ Суздальскій край и въ качествѣ мастеровъ, даже для постройки христіанскихъ церквей.

Въ Лавр. лѣтописи подъ 1230 г. сказано: „Святославъ (Всеволодовичъ) князь въ Юргевѣ руші церковь святаго Юргя каменую, такоже бѣ обетшала и поламалася, юже бѣ создалъ дѣдъ его Юрги“ (3).

Татищевъ, передавая о разрушеніи и построеніи этой церкви, прибавляетъ, что мастеръ былъ болгарскій. Въ примѣчаніи Татищевъ говоритъ, что „церковь сія въ Юрьевѣ Польскомъ доднесь стоитъ, сдѣлана изъ бѣлаго камени и вся рѣзана, на которой имя князя Святослава Гавріила, и той подписи разобрать не безъ труда. Сія есть, по ея древности и особой архитектурѣ, во всѣхъ русскихъ строеніяхъ изящнѣйшая“ (4).

Возможность полученія мастеровъ изъ Булгаріи подтверждается однимъ извѣстіемъ о полученіи оттуда даже строительнаго матеріала—камней.

2 Строительный матеріалъ—камни изъ Булгаріи. В. Доброхотовъ (1) приводитъ изъ рукописнаго житія Андрея Боголюбскаго слѣдующее мѣсто: „Близъ Боголюбскія обители; яко поприще едино на рѣкѣ Клязьмѣ, въ лугу, нача В. Кн. Андрей здати церковь во имя Пресвятыя Богородицы Честнаго Ея Покрова, на устьѣ рѣки Нерли, изъ собираемыхъ и дволѣтіемъ изъ Болгаръ вывозимыхъ камней для строенія во Владимірѣ Соборныя Успенія Пресвятыя Богородицы церкви и другихъ десятыя части, яже по повелѣнію его на томъ мѣстѣ отлагаемы бываху“.

---

(2) Ипатская, 401.

(3) Лавр. изд. 1872 г. стр. 433 и 437.

(4) Истор. Россійск. III, 456 и прим. 635.

(1) «Древній Боголюбовъ городъ», М. 1852 г. стр. 70, 71.

При опредѣленіи времени построенія этой церкви, г. Доброхотовъ предполагаетъ, что камни начали перевозить съ августа 1164 г., т. е. со времени побѣды Андрея надъ Булгарами, или, какъ онъ выражается, со времени завоеванія Булгаріи.

Но побѣда Андрея не была завоеваніемъ Булгаріи, да и для чего полученіе этихъ камней связывать именно съ завоеваніемъ, когда камни могли получаться всегда, какъ товаръ, или просто только съ дозволенія дружественныхъ владѣтелей Булгаріи.

3 Супруга Андрея Боголюбскаго—Болгарка. Тверск. лѣтопись (1), по поводу убіенія кн. Андрея, говоритъ—„Убіенъ бысть отъ своихъ бояръ, отъ Кучковичевъ, по наученію своеа ему княгини. Бѣ бо Болгарка родомъ, и дрьжаше къ нему злую мысль, не про едино зло, но и просто, иже князь великій много воева съ нимь (?) Болгарскую землю, и сына посыла, и много зла учини Болгаромъ".

Хотя это преданіе противорѣчитъ другимъ о происхожденіи супруги Андрея, но имѣетъ значеніе въ ряду другихъ доказательствъ о мирныхъ сношеніяхъ Суздальской земли съ сосѣдними Булгарами, которыя повели и къ брачному союзу Суздальскаго вел. князя съ болгаркою, вѣроятно, тоже изъ владѣтельнаго рода.

4. Подвозъ хлѣба отъ Булгаръ въ 1229 г. Подъ этимъ годомъ лѣтописи упоминаютъ о дороговизнѣ хлѣба (Лавр. 129) и голодѣ по всей русской землѣ (Никон. II. 363). Татищевъ (III, 454 455) къ этому прибавляетъ: „Болгары возили жита по Волгѣ и Окѣ во всѣ грады русскіе, и продавали, и тѣмъ великую помочь сдѣлали. Князь же Болгарскій прислалъ въ даръ къ вел. кн. Юрію 30 насадовъ съ житами, которые кн. вел. принялъ съ благодареніемъ, а къ нему послалъ сукна, парчи съ золотомъ и серебромъ, кости рыбьи и другія изящныя вещи".

Подвозъ хлѣба отъ Булгаръ въ 1229 г. представляется вполнѣ вѣроятнымъ, особенно, если вспомнимъ подобный случай въ 1024 г.

---

(1) П. С. Л., XV, 230, 251.

B. *Враждебныя столкновенія.*

1. Походъ 1120 г. Русскія лѣтописи кратко упоминаютъ объ этомъ походѣ Юрія Долгорукаго—„Георги ходи на Болгары, и взя полонъ многъ, и полкъ ихъ побѣди“ (1).

Тверск. лѣтопись прибавляетъ, что воеводою у Юрія былъ боярин ъ большой Георгій Симоновичъ, внукъ Африко (вь), Варяжскаго князя, брата Якуну слѣпому.

Татищевъ передаетъ, что в. кн. Владиміръ посылалъ дѣтей своихъ Юрія и брата его Глѣба съ ростовскими и суздальскими войски на Болгары по Волгѣ, Болгары же встрѣтили ихъ во множествѣ водою и сухимъ путемъ, на которыхъ Юрій храбро наступя, по жестокомъ бою, ихъ побѣдилъ; и множество полона и богатства взявъ, съ честію и славою великою возвратился.

Можетъ быть, этотъ походъ стоитъ въ связи съ вышеупомянутымъ извѣстіемъ объ отравленіи Булгарами половецкаго князя Аепа, на дочери котораго былъ женатъ Юрій Долгорукій (2). Такимъ образомъ, можетъ быть, это была месть Булгарамъ.

2. Походъ 1164 г. Лавр. лѣтопись такъ описываетъ этотъ знаменитый походъ Андрея Боголюбскаго:

„Иде князь Андрѣй на Болгары, с сыномъ своимъ Изяславомъ, и с братомъ своимъ Ярославомъ, и с Муромьскымъ княземъ Гюргемъ; и поможе имъ Богъ и святая Богородица на Болгары, самѣхъ исѣкоша множьство, а стягы ихъ поимаша, и одва вмалѣ дружинѣ утече князь Болъгарскый до Великаго города; князь же Ондрѣй воротился с побѣдою, видѣвъ поганыя Болгары избиты, а свою дружину всю сдраву. Стояху же пѣшци съ святою Богородицею на полчищѣ, подъ

---

(1) Лавр. 277, Ипат. 205, Воскр. (П. С. Л. VII) 25, Никон. II, 53, Львов. I, 207, Царств. Лѣт. 8, Твер. (П. С. Л., XV) 193, Степ. кн. I 248, Татищевъ кн. II, 222.

(2) О женидьбѣ Юрія на дочери половецк. князя Аепы говоритъ первоначальная лѣтопись подъ 1107, но при этомъ упоминаются два князя съ этимъ именемъ: «Иде Володимеръ, и Давыдъ и Олегъ къ Аепѣ и другому Аепѣ, и створиша миръ; и поя Володимеръ за Юргя Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Аепину дчерь, Гиргеневу внуку». Лавр. 272.

стягы; и пріѣхавъ до святое Богородици и до пѣшець князь Андрѣй, с Гюргемъ и со Изяславомъ и съ Ярославомъ, и со всею дружиною, удариша челомъ передъ святою Богородицею, и почаша целовати святу Богородицю с радостью великою со слезами хвалы и пѣсни въздающе ей, и шедше взяша градъ ихъ славный Бряхимовъ, а переди 3 городы ихъ пожгоша. Се же бысть чюдо новое святое Богородици Володимерское" (1).

Варіанты изъ другихъ лѣтописей слѣдующіе: Никон. лѣтопись называетъ Булгаръ Волжскихъ и Камскихъ, опредѣляя мѣстопахожденіе Бряхимова на Камѣ, другихъ городовъ не вычисляетъ, а говоритъ только, что и другіе города пожгли.

Никоновская лѣтопись (II, 159—161) представляетъ также отдѣльную повѣсть о происхожденіи честнаго креста въ связи съ этимъ походомъ, объ этомъ говоритъ и Степ. книга.

Степенная книга разсказываетъ о взятіи 4-хъ городовъ и пятаго Бряхимова на Камѣ и послѣ этого о моленіи передъ иконою Богородицы, при чемъ указывается чудо отъ другой иконы—„и видѣша вси лучи огненныя отъ иконы Спаса нашего Бога Владыки, и весь полкъ его окрестъ озари" (1). Послѣ этого Андрей опять пошелъ противъ непріятеля, велѣлъ тѣ города сжечь, „и положи землю ту пусту и прочая грады осади и повелѣ дань имати на нихъ".

Затѣмъ Степ. книга сообщаетъ, что въ тотъ же день, 1-го августа, дружественный съ княземъ Андреемъ греческій царь Манулъ одержалъ побѣду надъ Срацынами и видѣлъ тоже видѣніе; поэтому въ греческой и русской церквахъ былъ установленъ на 1 августа праздникъ честнаго и животворящаго креста.

Тверская лѣтопись вкратцѣ соединяетъ сказанное въ Лавр. лѣтописи и въ Степ. книгѣ: говоритъ о взятіи 4-хъ городовъ, потомъ о моленіи передъ иконою Богородицы и о

---

(1) Лавр. 334, 335 Переяславля Сузд. 75, Воскр. 77, Никон. II 190, Львов. I. 284, 285, Царств, лѣт. 8, Соф. I, 162, Тверск. 235 236, Степ. кн. I, 299, 300, 539, Татищ. III, 143, 144, 488.

(1) Въ другомъ мѣстѣ, при изложеніи чудесъ отъ Владимірской иконы Богородицы, Степ. книга говоритъ: «Отъ иконы же Спаса Іисуса Христа и Пречистыя Его Матери видѣша божественныя лучи огненныя».

чудесномъ свѣтѣ отъ нея, послѣ этого о взятіи Бряхимова на Камѣ и пожженіи и опустошеніи земли Булгаръ.

3. Опредѣленіе мѣстонахожденія Бряхимова. Въ лѣтописныхъ описаніяхъ этого похода мы въ первый разъ встрѣчаемъ упоминаніе о булгарскихъ городахъ; до этого лѣтописи говорятъ только о Булгарахъ.

Мы встрѣчаемъ Великій городъ, градъ славный Бряхимовъ и передніе города.

Никоновская, Тверская и Степ. книга говорятъ о Бряхимовѣ на Камѣ (1), Переяславля-Сузд. вмѣсто Бряхимова называетъ Ибряхимовъ. Очевидно, что этотъ городъ названъ по имени владѣтеля его Ибрагима, но какой князь такъ назывался? Въ вышеприведенныхъ росписяхъ владѣтелей Булгара Ибрагимъ не упоминается, но въ исторіи Каз. Татаръ моллы Шихабэддина упоминается Ибраимъ передъ Селимомъ, за которымъ слѣдовалъ Ильгамъ, при послѣднемъ было нашествіе Монголъ (2) Такимъ образомъ Ибраимъ можетъ быть современникомъ Андрея Боголюбскаго.

Но какой городъ назывался по его имени? Данныя лѣтописей не могутъ опредѣлить мѣстонахожденія этого города. Если даже признаемъ этотъ городъ на Камѣ, то здѣсь изъ мусульманскихъ источниковъ извѣстны два города: Кошанъ и Жукотинъ; сверхъ того въ послѣдствіи русскія лѣтописи упоминаютъ г. Кременчугъ; который, какъ будетъ указано, на основаніи одного списка Каз. исторіи неизвѣстнаго сочинителя, находился тоже на Камѣ. Который же изъ этихъ городовъ Бряхимовъ?

Татищевъ (ib. прим., 489) предполагаетъ, что этотъ городъ былъ на рѣкѣ Сурѣ. „Бряхимовъ градъ, говоритъ онъ, по обстоятельствамъ видится, былъ, гдѣ послѣ построенъ

---

(1) «Казанская исторія неизвѣстнаго сочинителя», опредѣляя границы Булгарской земли, упоминаетъ о булгарскомъ г. Бряховѣ на Камѣ: «Былъ на Камѣ градъ старый Бряховъ болгарскій, нынѣ же ту городище пусто, егожъ первое взялъ кн. вел. Андрей Юрьев. Владимерскій (по друг. спискамъ—рекомый Боголюбскій) и въ конечное запустѣніе предаде и Болгары тѣ подъ себя покори». Бряхимовъ на Камѣ упоминается и во многихъ спискахъ и изданіяхъ Пролога, равно и въ Четь-Минеи въ сказаніи на празднество 1 августа (Статья Невоструева о Городищахъ въ Труд. I Арх. Съѣзда 379, 380).

(2) Разборъ Готвальдомъ соч. Хвольсона «Извѣстія Ибнъ-Дасты», стр. 9.

Василь городъ и былъ при р. Сурѣ, гдѣ [illegible]не малое древнее городище видимо. Въ Никоновск. не право положенъ при р. Камѣ; ибо онъ точно выше Великаго града во всѣхъ походахъ упоминается". На это должно возразить, что Бряхимовъ городъ болѣе ни разу не упоминается въ лѣтописяхъ при описаніяхъ походовъ на Булгаръ.

Въ другомъ сочиненіи (3) Татищевъ говоритъ, что „имя сіе Черемиса (Васильсурская) истолковать не знаетъ, а сказываютъ по преданію, что тутъ жилъ ихъ великій святой волхвъ, и понеже у нихъ вѣра отъ Индіи принесена была, то можетъ отъ нѣкоего знатнаго Брахмина имя получили".

Авторъ статьи „Поѣздка изъ Казани въ Нижегородскую губернію" (4) опровергаетъ предположеніе Татищева о мѣстонахожденіи Бряхимова. Онъ принимаетъ этотъ городъ за одно съ Великомъ, подъ которымъ очевидно разумѣетъ г. Булгаръ.

При построеніи Василя, если бы здѣсь былъ прежде г. Бряхимовъ, предполагаетъ неизвѣстный авторъ, возобновили бы только старый городъ и лѣтописцы не опустили бы сказать, что Василь построенъ на развалинахъ Бряхимова. „Сверхъ того извѣстно, что Бряхимовъ былъ главнымъ пунктомъ складки товаровъ и въ лѣтописяхъ нашихъ названъ Великимъ городомъ, а слѣдовательно нельзя допустить, чтобы ко времени построенія Васильсурска не осталось ни какихъ признаковъ послѣ онаго; когда и донынѣ почти на всѣхъ извѣстныхъ урочищахъ прежнихъ городовъ находятся примѣтные слѣды оныхъ. А при Васильсурскѣ, кромѣ валовъ и рвовъ, довольно небольшое пространство на горѣ занимающихъ, ничего неизвѣстно. Рвы сіи скорѣе могутъ убѣдить въ справедливости перенесенія Васильсурска въ 1556 г. съ прежняго мѣста на гору, нежели въ существованіи на ономъ Бряхимова. Когда же Васильсурскъ опять сошелъ съ горы, мнѣ неизвѣстно" (5).

(3) Лексиконъ историч., географич. и пр., Спб. 1793. т. I.

(4) Казанск. Вѣст. 1828, ч. XXII стр. 265—267.

(5) При этомъ авторъ указываетъ на исторію Карамз. (т. VIII, пр. 387), гдѣ въ числѣ дополнительныхъ выписокъ изъ лѣтописей приведено: «1556 г. Василь городъ переставленъ на гору». Затѣмъ авторъ указываетъ размѣры Васильсурскаго городища: «Площадь, на которой находятся рвы, имѣ-

Мальгинъ ([6]) отодвигаетъ Бряхимовъ еще далѣе на западъ, полагаетъ, что Бряхимовъ занималъ то мѣсто, на которомъ нынѣ стоитъ Нижній Новгородъ.

На мѣстѣ Нижняго Новгорода, какъ будетъ указано, былъ болгарскій городъ, по словамъ Татищева; вѣрнѣе—мордовское укрѣпленіе.

Всѣ предположенія о мѣстонахожденіи Бряхимова такъ далеко на западѣ—на устьѣ Суры или даже на устьѣ Оки, не соотвѣтствуютъ смыслу лѣтописныхъ разсказовъ о русскихъ походахъ противъ Булгаръ, какъ это будетъ видно при изложеніи послѣдующихъ походовъ.

Также невозможно указывать этотъ городъ такъ далеко на востокъ, какъ указываетъ его г. Невоструевъ, который принимаетъ Бряхимовъ за такъ называемое Чертово городище, находящееся близъ Елабуги ([7]).

Основаніемъ этому представляется упоминаніе въ „Казанск. исторіи неизвѣстнаго сочинителя“ малаго городка на Камѣ, бывшаго жертвеннымъ мольбищемъ старыхъ Булгаръ и называемаго Русскими „Бѣсовскимъ городищемъ“. Это послѣднее городище г. Невоструевъ отождествляетъ съ находящимся возлѣ Елабуги, возможность такого отождествленія подтверждается преданіями окрестныхъ жителей, которые еще въ прошедшемъ столѣтіи сообщили Рычкову объ этомъ городищѣ подобное тому, что въ Казанск. исторіи говорится о Бѣсовскомъ городищѣ ([8]), именно: бѣсъ-прорѣцатель, жившій въ этомъ городищѣ, оставляетъ его, по Рычкову,

---

етъ въ длину 284, а въ ширину до 207 саж. На оной два вала: одинъ длиною 75, а другой 30, вышиною же оба около сажени, рвовъ восемъ (указывается длина, глубина и ширина каждаго); шесть рвовъ и одинъ валъ идутъ поперегъ площади, а прочіе вдоль оной».

([6]) «Зарцало Россійск. государей», стр. 218.

([7]) «О городищахъ» въ Труд. I Археол. Съѣзда, стр. 576—592. Г. Невоструевъ объясняетъ, что авторъ Вятской исторіи Вештомовъ (Казанск. Вѣстникъ 1824—1827 г.) подъ Бряхимовымъ опредѣлительно указалъ Чертово Елабужское городище, что приняли и нѣкоторые другіе, напр. въ Вятск. Губ. Вѣдомост. 1847 г. № 1—3 статья священника Кулыгинскаго «О мѣстѣ чудеснаго явленія, празднуемаго церковію 1 августа».

Указываемаго г. Невоструемымъ мѣста у Вештомова я не нашелъ, а въ XIII т. Казанск. Вѣсти. 1825 г. (стр. 17, 18) Вештомовъ указываетъ Бряхимовъ близъ устья Камы.

([8]) Дневникъ 45, 46.

передъ завоеваніемъ Булгаръ Татарами, а, по Казанской исторіи, передъ завоеваніемъ Казани Русскими. Но считать Чертово городище за г. Бряхимовъ нѣтъ никакихъ основаній, кромѣ только того, что г. Бряхимовъ, городокъ, упоминаемый въ Казанск. исторіи, и нынѣ существующее Чертово городище полагаются на Камѣ. Казанская исторія, какъ выше указано, упоминаетъ въ другомъ мѣстѣ о г. Бряхимовѣ на Камѣ; но, упоминая о маломъ городищѣ, она не отождествляетъ его съ г. Бряховымъ. Самъ г. Невоструевъ видитъ, на основаніи Казанской исторіи, несообразность для отождествленія этихъ двухъ мѣстностей, поэтому считаетъ необходимымъ представить слѣдующее объясненіе: „Хотя же повѣствователь (Казанск. исторія) это Чертово городище и во времена старыхъ Болгаръ называетъ только жертвеннымъ мольбищемъ, но слова его, относясь къ болѣе или менѣе близкому для него времени, не исключаютъ того, что въ отдаленной древности былъ здѣсь знатный и большой городъ, отъ котораго превратностями судьбы остался теперь только „градецъ малый и пустый“ съ знаменитымъ капищемъ“.

Но отъ чего-же, спрашивается, именно отъ этого города не осталось никакихъ признаковъ его прежняго величія, когда отъ другихъ городовъ сохранились, по крайней мѣрѣ, валы и рвы, указывающіе на обширность этихъ городовъ. Эрдманъ въ „Замѣчаніяхъ во время путешествія по берегу Камы и Оренб. губ.“ (9) замѣтилъ, что „мѣсто сіе, гдѣ стоитъ Чертово городище, слишкомъ мало, чтобы вмѣстить городъ“. Впрочемъ Невоструевъ доказательствомъ бывшаго здѣсь большаго города считаетъ и то, что говорится о г. Елабугѣ въ нѣкоторыхъ татарскихъ рукописяхъ; но эти извѣстія, какъ выше объяснено, смѣшиваютъ г. Елабугу съ г. Булгаромъ и относятъ къ первому то, что собственно относится къ послѣднему.

Наконецъ опроверженіемъ предположенія Невоструева и другихъ о возможности предполагать Бряхимовъ около Елабуги представляется самое положеніе послѣдней мѣстности на крайнемъ восточномъ предѣлѣ булгарскихъ владѣній,

(9) Заволжскій Муравей 1834 I, 79, 80

(10) См. выше I Отдѣл.—«Г. Булгаръ. Елабужская рукопись».

какъ видно изъ расположенія донынѣ сохранившихся булгарскихъ укрѣпленій; трудно предположить столь отдаленное движеніе Русскихъ на востокъ, послѣ взятія г. Булгара, какъ предполагаетъ г. Невоструевъ: г. Елабуга находится отъ г. Булгара на разстояніи болѣе 200 верстъ.

Стрёисъ, который въ 1669 г. ѣздилъ по Волгѣ въ Астрахань, упоминаетъ городище Азбухима, ниже г. Симбирска; переводчикъ записокъ Стрёиса это городище считаетъ Бряхимовымъ ([11]).

Невоструевъ опредѣляетъ мѣстонахожденіе этого городища ниже г. Симбирска на 30 верстъ и говоритъ, что напрасно переводчикъ Стрёиса считаетъ Арбухимъ за упоминаемый въ нашихъ лѣтописяхъ Бряхимовъ ([12]).

Казанскій ученый начала нынѣшняго столѣтія Фуксъ говоритъ, что Бряхимовъ не должно смѣшивать съ г. Болгарами. „Бряхимовъ, говоритъ Фуксъ, находился въ верховьяхъ Камы“; верховье Камы очевидно упоминается по явной обмолвкѣ, по недосмотру, вмѣсто низовья Камы ([13]).

Арцыбышевъ, который въ сводѣ русскихъ лѣтописей представляетъ нѣкоторыя объясненія по поводу встрѣчающихся въ лѣтописяхъ мѣстностей Казанскаго края, для чего онъ имѣлъ данныхъ, болѣе другихъ историковъ, какъ казанскій житель, принимая Великій городъ за нынѣ существующія развалины Булгара, говоритъ—„Бряхимова мы не знаемъ“ ([14]).

Голиковъ признаетъ, что Бряхимовъ стоялъ тамъ, гдѣ нынѣ деревня Болгары ([15]).

Д. И. Языковъ, авторъ статьи о Бряхимовѣ въ Энциклопедич. Лексик. Плюшара (VII, 223), упоминая о предположеніяхъ Татищева, Мальгина и переводчика Стрёиса, считаетъ мнѣніе Голикова вѣроятнѣйшимъ; ибо, говоритъ Язы-

([11]) Сѣверн. Архивъ, 1824 г. № 5.

([12]) Труды I Археол. Съѣзда, стр. 556.

([13]) Кратк. истор. г. Казани въ Казанск. Извѣст. 1817 г. № 67 и отдѣльный оттискъ.

([14]) Повѣствованіе о Россіи, I, 177.

([15]) Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Вел., XVIII, 283.

ковъ, въ развалинахъ Булгара есть множество могильныхъ камней, изъ коихъ одинъ относится за 1165 г.

Но столь древней надписи въ Булгарахъ не встрѣчается, самая древняя принадлежитъ къ 1272 г., какъ это доказано ниже (См. „О мусульманскихъ и армянск. надписяхъ въ Булгарѣ“). Затѣмъ и существованіе могильнаго памятника 1165 г. доказывало бы только, что это памятникъ современный Андрею Боголюбскому, но не опредѣлило бы мѣсто г. Бряхимова, если только на памятникѣ не сказано, что онъ поставленъ въ этомъ городѣ. Можетъ быть, ошибка Языкова объясняется выраженіемъ на одномъ позднѣйшемъ армянскомъ могильномъ памятникѣ: „сей камень положенъ въ семъ славномъ городѣ“, а Бряхимовъ именно называется въ русскихъ лѣтописяхъ Славнымъ городомъ; но эта надпись, переведенная такъ при Петрѣ Вел., въ настоящее время не существуетъ, а по сохранившейся отъ нея транскрипціи, сдѣланной при Петрѣ Вел., видно, что переводъ не соотвѣтствуетъ содержащемуся въ надписи, которая такъ испорчена, что нѣтъ никакой возможности ее возстановить (см. ниже).

Между тѣмъ и я принимаю вмѣстѣ съ Голиковымъ и Языковымъ, что подъ Бряхимовымъ должно разумѣть г. Булгаръ, на томъ основаніи, что вышеупомянутая татарская рукопись, переводъ которой представилъ Георги, относитъ къ Бряхимову то, что другіе татарскіе источники говорятъ о Булгарѣ—о разореніи этого города Тимуромъ, послѣ чего спасенные сыновья владѣтеля города сдѣлались основателями Казани.

Показаніе рукописи Георги, основанное на татарскихъ преданіяхъ, представляется авторитетнымъ.

Признавая г. Бряхимовъ за Булгаръ, развалины котораго нынѣ находятся въ шести верстахъ отъ Волги, я долженъ сдѣлать оговорку, относительно показанія въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ этого города на Камѣ. Это показаніе, если оно даже и не ошибка, не противорѣчитъ признанію Бряхимова г. Булгаромъ близъ Волги, потому что вышеприведенныя указанія мусульманскихъ источниковъ о томъ, что Волга протекаетъ около самаго Булгара, какъ выше было замѣчено и будетъ объяснено ниже, можно понимать въ смыслѣ теченія здѣсь Камы, которая прежде впадала въ Волгу нѣсколько выше Тетюшъ. Впрочемъ русскія лѣтопи-

си нѣсколько разъ ясно показываютъ мѣсто г. Булгара на Волгѣ. Опредѣливши мѣстонахожденіе Бряхимова, перехожу къ Великому городу.

4 Опредѣленіе мѣстонахожденія Великаго города. Уже было указано мнѣніе Арцыбышева, что село Болгары, не Бряхимовъ, а — Великій городъ; но Арцыбашевъ не представляетъ основаній для своего предположенія.

Карамзинъ (1) положительно утверждаетъ, что подъ Великимъ городомъ должно разумѣть Булгаръ, потому что въ лѣтописяхъ при описаніи похода 1399 г., одно названіе замѣняется другимъ.

Въ Троицк. лѣтописи: „взяша градъ Болгары, Жукотинъ, Казань, Кременчугъ“, а въ Ростовск.: „взяша градъ Болгарскій Великій“ (2).

Къ замѣчанію Карамзина прибавлю, что въ Воскр. лѣтописи (3) и другихъ о взятіи этого города говорится—„взя Болгары Великіе“.

И такъ представляется несомнѣннымъ, что г. Болгары назывался Великимъ. Какъ же примирить видимое противорѣчіе, что г. Булгаръ, который я признаю за Бряхимовъ, называется въ противоположность ему Великимъ, который, по смыслу разсказа лѣтописи о походѣ 1164 г., представляется другимъ городомъ?

Для объясненія этого должно вспомнить, что, по мусульманскимъ источникамъ, важнѣйшимъ послѣ Булгара городомъ былъ Бюларъ, нынѣшній Билярскъ, между тѣмъ объ этомъ городѣ лѣтописи не упоминаютъ. Нижеслѣдующія подробныя разъисканія о булгарскихъ городахъ представятъ несомнѣнныя доказательства, что подъ именемъ Великаго города лѣтописи называютъ Бюларъ.

---

(1) Исторія, V. прим. 176.

(2) Троицкій списокъ лѣтописи сгорѣлъ въ Москвѣ, во время нашествія французовъ, а Ростовскій хранится въ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Ист. Карамзина, т. I. «Объ источн. Россійской исторіи».

(3) П. С. Л., VIII, 72.

Г. Булгаръ названъ Великимъ единственно только въ извѣстіи о походѣ 1399 г., когда о Бюларѣ, сожженомъ во время татарскаго нашествія болѣе не упоминается. Но въ періодъ времени отъ похода Андрея Боголюбскаго до нашествія Татаръ, на оборотъ, лѣтописи не упоминаютъ о Булгарѣ, разоренномъ и сожженомъ въ 1164 г.

При описаніи походовъ 1183 и 1220 г., я надѣюсь представить твердыя основанія, которыя ведутъ къ признанію названнаго въ этихъ походахъ Великимъ городомъ нынѣ существующаго Билярска.

Городъ, названный въ нынѣ разбираемомъ походѣ 1164 г. Великимъ городомъ, я признаю тоже за Бюларъ, такъ какъ онъ представляется отъ мѣста нападенія Русскихъ далѣе Бряхимова (Булгара), т. е. болѣе восточнымъ, сравнительно съ Бряхимовымъ, что и соотвѣтствуетъ настоящему положенію городищъ Булгара и Бюлара.

Послѣ всего сказаннаго, будетъ понятно, почему нельзя согласиться съ Кеппеномъ (4), который, при объясненіи похода 1164 г., прямо противополагаетъ Булгаръ Бряхимову на Камѣ, говоритъ, что булгарскій князь ушелъ въ Великій городъ, т. е. Булгаръ, а Русскіе взяли г. Бряхимовъ на Камѣ.

Очевидно, что подъ вліяніемъ соображеній, что Великимъ городомъ называется Булгаръ и Бюларъ, Артемьевъ называетъ Булгаръ Великимъ городомъ или Бряхимовымъ, а черезъ нѣсколько страницъ и Билярскъ называетъ древнимъ Великимъ городомъ (5).

Авторъ вышеуказанной статьи „Поѣздка изъ Казани въ Нижегородскую губ.“ (6) также подъ Бряхимовымъ и Великимъ городомъ разумѣетъ Булгаръ.

Второвъ (7) также говоритъ, что Булгаръ или Бряхимовъ лѣтописи называютъ Великимъ городомъ, этимъ онъ объясняетъ почему до 1360 г. въ лѣтописяхъ не упоми-

---

(4) «О Волжск. Болгарахъ», Ж. М. Н. П., 1836 г., XII, стр. 68.

(5) Предисл. къ сп. населен. мѣстъ Каз. губ., XXX и XLVIII.

(6) Каз. Вѣстн., 1828, ч. XXII, 266.

(7) «Памятники древности въ Каз. губ.» Ж. М. Вн. Д. 1840 XXXVII, 177, 178.

пастся о г. Булгарѣ,—лѣтописи называютъ этотъ городъ Великимъ.

Послѣднее объясненіе. кромѣ Второва, было высказано Эрдманомъ (8) и авторомъ статьи „Булгаръ“ въ Энц. Лекс. Плюшара (VII 293). По этому поводу должно замѣтить во 1-хъ, что въ 1360 г. или 1361 г., т. е. при извѣстіи о захватѣ однимъ ордынскимъ княземъ Булгарской земли, положительно не упоминается о г. Булгарѣ. Вотъ это мѣсто: „Булактемирь кн. ордынскій Болгары взялъ и всѣ городы по Волзѣ и улусы“. (Воскр. въ П. С. VIII, II). Здѣсь Булгары я разумѣю въ смыслѣ земли и народа, подобно тому, какъ лѣтописи говорятъ—въ Болгарахъ, т. е. въ Булгарской землѣ, или въ Болгары, т. е. въ Булгарскую землю. Положительно г. Булгаръ упоминается только въ 1374 г.

Во вторыхъ, какъ будетъ ниже доказано, нѣтъ никакихъ доказательствъ, что лѣтописи дѣйствительно до этого 1360 г. Великимъ городомъ называютъ Булгаръ, потому что изъ пяти случаевъ, когда встрѣчается Великій городъ, въ двухъ несомнѣнно должно признать Бюларъ, въ другихъ двухъ можно предположить скорѣе Бюларъ, нежели Булгаръ, только одно извѣстіе не представляетъ никакихъ основаній ни за, ни противъ признанія Великаго города Бюларомъ. Но и въ трехъ послѣднихъ случаяхъ, при которыхъ нѣтъ положительныхъ доказательствъ для признанія Великаго города Бюларомъ, но изъ которыхъ при двухъ существуютъ для этого нѣкоторыя основанія, нѣтъ никакихъ данныхъ для признанія Великаго города г. Булгаромъ.

5 Походъ 1172 г. „Посла князь Андрѣй сына своего Мстислава на Болгары и Муромскый князь сына своего и Рязаньскый князь сына своего; бысть не любъ путь всѣмъ людемъ симъ, зане непогодье есть зимѣ воевати Болгаръ, и поидуче не идяху. Бывшю же князю Мстиславу на Городьци, совкупльшюся со братома своима, с Муромьскымъ и с Рязаньскымъ, на усть Окы, и ждаша дружины 2 недѣли, и не дождавше ѣхаша с переднею дружиною, Борису Жидиславичю воеводе въ то время нарядъ весь держащу; и въѣхаша в поганыя без вѣсти, взяша селъ 6, семое городъ, мужи исѣкоша, а жены и дѣти поимаша. Слышавше же

(8) Beiträge zur Kenntniss des Innern v. Russland, I, 297, 298.

Болгаре в малѣ дружинѣ князя Мьстислава пришедша и идуща опять съ полономъ, доспѣша вборзѣ и поѣхаша по нихъ въ 6000, за малымъ не постигоша ихъ за 20 верстъ, князю Мстиславу па устьи с малою дружиною, а всю дружину пустившю отъ себе, и възврати отъ него Богъ поганыя Болгары, хрестьяны покрывъ рукою своею. Погании бо възвратишася вспять, а хрестьяне хваляще Бога, взвратишася всвояси" (1).

Татищевъ говоритъ, что съ устья Оки Мстиславъ пошелъ на Мордву, взялъ ихъ, т. е. мордовскихъ, 6 великихъ селъ и седьмой булгарскій городъ; Булгары догнали Мстислава въ 8-ми верстахъ отъ устья Оки.

Къ сожалѣнію описаніе этого похода не представляетъ данныхъ къ опредѣленію упоминаемаго здѣсь, по мнѣнію Татищева, булгарскаго города.

По смыслу разсказа лѣтописей, русское войско въ этотъ походъ далеко не ходило въ булгарскія земли, ограничась предѣлами собственно мордовскихъ земель, поэтому Татищевъ имѣлъ основаніе назвать взятыя Русскими 6 селъ—мордовскими; городъ, называемый Татищевымъ булгарскимъ, должно также признать за мордовское укрѣпленіе.

Трудно предполагать, что бы собственно булгарскіе города распространялись далеко на западъ, когда центръ Булгарской земли, какъ увидимъ ниже, былъ въ восточной половинѣ нынѣшней Казанской губ, по обѣимъ сторонамъ Камы.

Между тѣмъ о мордовскихъ укрѣпленіяхъ въ нынѣшней Нижегородской губ. сохранились преданія (2).

П. Мельниковъ, упоминая въ своихъ „Очеркахъ Мордвы" объ этомъ походѣ, говоритъ: „трудно предположить однако, чтобы русскій воевода зимой зашелъ такъ далеко собственно къ Болгарамъ, въ ихъ землю, т. е. въ нынѣшнюю Казанскую губернію. Не воевалъ ли онъ Мордву, по видимому, находившуюся тогда въ подчиненіи у Болгаръ?" (3)

---

(1) Лавр. 345, 346, Ипат. 385, Пер., Суздал. 87, Воскр. (П. С Л. VII) 88; Никон. II, 215, 216, Татищ. III, 181, 182. Въ Львов., 297, Тв. 248 и Густынск. 313—кратко.

(2) «Очерки Мордвы» П. Мельникова въ Русск. Вѣстн. 1867 г., № 6

(3) ib., стр. 492.

6 Походъ новгородскихъ ушкуйниковъ къ Вяткѣ въ 1174 г. Подтвержденіемъ Татищеву о томъ, что задолго до половины XIV стол., когда русскія лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ о нападеніи ушкуйниковъ на Булгаръ, борьба Булгаръ съ русскими князьями возбуждалась предшествовавшими столкновеніями Русскихъ съ Булгарами на Волгѣ, можетъ служить походъ новгородцевъ по Волгѣ и Камѣ въ 1174 г., послѣдствіемъ котораго было основаніе Вятской колоніи.

Въ Хлыновской (Вятской) лѣтописи сказано: „6682 (1174), во дни вел. кн. Ярослава, отдѣлишася отъ предѣлъ великаго Новагорода жители Новогородцы самовласцы съ дружиною своею и шедше пловяху въ судѣхъ внизъ по Волгѣ рѣкѣ и дошедше рѣки Камы и пребыша ту нѣколико время и поставиши на Камѣ градъ малъ, во обитаніе себѣ“. (1).

Костомаровъ, пользовавшійся рукописью Публ. Библіот. (№ 103), говоритъ, что Новгородцы поплыли по Волгѣ, дошли до Камы, поставили тамъ городокъ и намѣревались здѣсь оставаться (2). Относительно послѣдняго должно замѣтить, что невѣроятно, что бы Новгородцы могли надѣяться надолго или даже навсегда основаться въ этой мѣстности; очевидно, что они отправились съ другою, опредѣленною цѣлью— подняться отъ Камы вверхъ по Вяткѣ, гдѣ и основать постоянное мѣстожительство. Невозможно предположить, что бы Новгородцы не понимали невозможности поселиться на Камѣ, въ самомъ центрѣ Булгарской земли, гдѣ былъ цѣлый рядъ булгарскихъ городовъ и большая булгарская дорога. Это было замѣчано еще старымъ историкомъ Вятскаго края, Вештомовымъ (3), который пользовался также рукописною Хлыновскою лѣтописью: сказавши, что Новгородцы обстроились на лѣвой сторонѣ Камы городкомъ, онъ прибавляетъ, что у Новгородцевъ не было намѣренія оставаться тутъ навсегда; Болгары никакъ бы не позволили имъ водвориться въ самое при томъ сердце своея земли“.

---

(1) Казанскій Вѣстн. 1824. т. XI. 4.

(2) Сѣверноруссkія народоправства I. 241, 242.

(3) «Исторія Вятская» въ Каз. Вѣстн. 1825, т. XIII, стр. 17, 18.

Хлыновск. лѣтопись, сказавши о томъ, что Новгородцы укрѣпились городомъ на Камѣ, продолжаетъ, что, такъ какъ Новгородцы слышали о Вяткѣ рѣкѣ, о жившихъ по ней Чуди-Отякахъ, о бывшихъ тамъ удобныхъ земляхъ для поселенія и о возможности овладѣть этими землями („и обладать ими отъ тѣхъ языкъ не тягостны"), то половина пришедшихъ на Каму отправилась вверхъ на Вятку. Послѣдствіемъ этого похода было основаніе города Хлынова на Вяткѣ, куда послѣ отправилась и другая половина Новгородцевъ, оставшаяся на Камѣ.

Вештомовъ не знаетъ, какъ объяснить и возможность временной остановки Новгородцевъ на Камѣ, ниже р. Вятки, т. е. въ центрѣ Булгарской земли; онъ предполагаетъ, что количество Русскихъ было очень велико, вслѣдствіе чего Булгары не смѣли на нихъ нападать, или Русскіе выдавали себя купцами, пришедшими для торговли, и подъ тѣмъ видомъ успѣли водвориться въ оном мѣстѣ. Особенно, какъ думаетъ Вештомовъ, Русскимъ помогло то, что тутошнія мѣста разорены были послѣднимъ походомъ войскъ Андрея. Вештомовъ предполагаетъ, что Бряхимовъ, разоренный во время этого похода, лежалъ близъ устья Камы, въ сосѣдствѣ съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ основались Новгородцы.

Дѣйствительно, фактъ водворенія Новгородцевъ на этомъ мѣстѣ представляется довольно страннымъ. Можетъ быть, Новгородцы остановились и съ согласія самихъ Булгаръ, выраженнаго, если не положительно, то отрицательно—оставленіемъ Новгородцевъ въ покоѣ и выжиданіемъ дальнѣйшихъ дѣйствій со стороны пришельцевъ, которые воздерживались отъ столкновеній съ Булгарами, имѣя въ виду другую цѣль.

По смыслу изложенія Костомарова, Новгородцы только послѣ того какъ водворились на Камѣ, услыхали о землѣ Вотяковъ и отправились туда; но я думаю, что Новгородцы, при самомъ началѣ своего похода, имѣли въ виду земли по Вяткѣ и остановились на Камѣ только временно.

7 Походъ 1184 г. Разсказъ объ этомъ походѣ, предпринятомъ Всеволодомъ Юрьевичемъ съ союзными князьями, представляется въ лѣтописяхъ въ трехъ редакціяхъ, кромѣ особыхъ прибавленій Татищева (III, 248—252).

Во первыхъ, редакція Ипатской лѣтописи (стр. 422, 423), гдѣ представляются нѣкоторыя подробности въ пер-

вой половинѣ разсказа; во вторыхъ, редакція Лаврент. и большинства другихъ лѣтописей (1), которая, сравнительно съ предыдущею редакціею, представляетъ дополненія во второй половинѣ разсказа, но, безъ подробностей предыдущей редакціи, представляется не совсѣмъ понятною, такъ что необходимо соединеніе передаваемаго въ обѣихъ редакціяхъ, что я и сдѣлалъ, указывая и на прибавленія Татищева. Третія редакція краткая (2), ограничивающаяся почти только упоминаніемъ о походѣ.

Татищевъ указываетъ на причины этого похода. Булгары Волжскіе, говоритъ онъ, имѣли съ Бѣлою Русью постоянный торгъ, но Русскіе ограбили на Волгѣ купцовъ булгарскихъ и разоряли по Волгѣ села и города булгарскіе. Булгары два раза присылали къ Всеволоду съ жалобами на это, но Всеволодъ не могъ управиться съ разбойниками, потому что они были Рязанцы, Муромцы и другихъ городовъ— невѣдомые.

Впрочемъ вел. кн. послалъ въ свои области запрещеніе и приказаніе ловить такихъ разбойниковъ, но для поимки никого самъ не послалъ.

Тогда Булгары пришли въ области Бѣлорусскія, какъ называетъ ихъ Татищевъ, т. е. къ Городцу, Мурому и до Рязани, учинили великое разореніе. Русскія войска, посланныя противъ Булгаръ, по многочисленности послѣднихъ, не смѣли вступить въ борьбу и воротились назадъ.

Послѣ этого Всеволодъ рѣшился отомстить Булгарамъ и просилъ помощи у вел. кн. Кіевскаго Святослава.

Татищевъ помѣщаетъ цѣлое письмо Всеволода къ Святославу, въ которомъ первый объясняетъ, что не можетъ надѣяться на рязанскихъ князей, которые враждуютъ между собою и не радѣютъ о Русской землѣ, и не желаетъ призывать Половцовъ, ибо они съ Болгары языкъ и родъ единъ, опасается отъ нихъ измѣны и не желаетъ, чтобы они, какъ выражался Всеволодъ, „за моею саблею плѣнниковъ набравъ ко вреду Русской земли усиливались“.

---

(1) Лавр. 369, 370, Переясл. Сузд. 93, Воскр. (П. С. Р. Л. VII) 6, 97, Тв. 268, 269. Никон. II, 242—244, Львов. I. 324—326.

(2) Соф. I, 168, Новг. I, 18, Густ. 318.

Кіевскій вел. кн. прислалъ вспомогательное войско и пригласилъ къ этому другихъ южныхъ князей.

Войска союзниковъ остановились на Окѣ у Коломны и оттуда пошли къ устью Клязьмы. Сами князья-союзники, къ которымъ присоединились и рязанскіе, съѣхались во Владимірѣ и оттуда отправились всѣ вмѣстѣ съ Всеволодомъ въ Городецъ, куда прибыли и собственныя войска Всеволода. Наконецъ всѣ войска соединились на устьѣ Оки.

Всѣ эти подробности, сообщаемыя Татищевымъ, не представляютъ ничего не вѣроятнаго: причины войны напоминаютъ разбойничество позднѣйшихъ ушкуйниковъ; письмо Всеволода, если и не примемъ его за подлинное въ полномъ составѣ, по содержанію вполнѣ соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ времени. Первоначальное движеніе войскъ подтверждается послѣдующимъ походомъ Русскихъ на Казань.

Въ Ипатск. сказано такъ: „Всеволодъ Гюрговичь, князь Суждальскій, заратися с Болгары и присла ко Святославу, помочи прося; и пусти къ нему сына своего Володимѣра". Въ Лавр.—„Иде князь Всеволодъ на Болгары съ... (вычисляются князья союзники).

Въ Ипатск.: „Бысть идущимъ по Волзѣ на Болгары, поидоша намѣсто, идеже островъ парѣцаемый Исади, устье Цѣвцѣ (3); высѣдъ на брегъ, и ту оставиша всѣ посады и галѣѣ и Бѣлозерьскій полкъ, оставиже у нихъ воеводу Ѳому Назаковича, а другого Дорожая, то бо бяшеть ему отнь слуга (4), иныѣ воеводы оставиша и князи когождо у своихъ людій; сами же поидоша па конѣхъ в землю Болгарьскую к великому городу Серьбреныхъ Болгаръ".

Татищевъ къ этому прабавляетъ, что Мордва миръ со Всеволодомъ учинила и привозила въ войско всякіе запасы продавать.

Въ Лавр. и во всѣхъ остальныхъ лѣтописяхъ, которыя, какъ выше указано, повторяютъ Лаврентьевскую, не говорится объ оставленіи судовъ и войска съ воеводами при устьѣ Цѣвцы и не приводится названія Болгаръ Сереб-

---

(3) Татищевъ говоритъ, что па устье Цевцы пришли 8 іюня.

(4) Татищевъ говоритъ про него, что онъ прежде служилъ княгинѣ Ольгѣ Галицкой.

рянными. Объ отправленіи воеводы Ѳомы къ лодьямъ, по этимъ лѣтописямъ, неизвѣстно гдѣ находящимся, Лавр. и другія лѣтописи говорятъ послѣ.

За вычисленіемъ князей-союзниковъ, Лавр. лѣтопись продолжаетъ: „Приде в землю Болгарьскую; и высѣдъ на берегъ, поиде къ Великому городу и ста у Тухчина городка, и перестоявъ ту 2 дни, поиде на третій день к Великому городу, сторожемъ напередъ ѣздящимъ; оттолѣ же Бѣлозерскый полкъ отряди къ лодьямъ, а воеводьство да Ѳомѣ Лазковичю. Пошедшю же князю в поле, узрѣша наши сторожеве полкъ в поли, и мняху Болгарьскый полкъ, и приѣхаша 5 мужь ис полку того, и ударища челомъ передъ княземъ Всеволодомъ, и сказаша ему рѣчь: „кланяются, княже, Половци Емякове, пришли есьмы со княземъ Болгарьскымъ (5) воевать Болгаръ“; князь же Всеволодъ, здумавъ с братьею своею и с дружиною, води ихъ в роту в Половьцьскую, поима ихъ, поиде к Великому городу; и приде князь к городу, и перешедъ Черемисанъ въ 1 день, наряди полкы, а самъ поча думати съ дружиною“.

Въ Ипатской всего этого мѣста не находится, послѣ заявленія о движеніи къ великому городу Серебряныхъ Болгаръ, здѣсь говорится: „Болгарѣ же, видѣвше множьство Рускихъ полковъ, не могоша стати, затворишася в городѣ, князи же молодѣи уохватишася ѣхати к воротамъ биться и ту застрѣлиша сквозѣ бронѣ подъ сердце Изяслава Глѣбовича, сыновца Всеволожа“.

Въ Лавр. это мѣсто передается иначе: „Изяславъ же Глѣбовичь, внукъ Юргевъ, доспѣвъ с дружиною, возма копье, потѣче къ плоту, кдѣ бяху пѣши вышли из города, твердь учинивше плотомь; онъ же въгнавъ за плотъ к воротомъ городнымъ, изломи копье, и ту удариша его стрѣлою сквозѣ бронѣ подъ сердце, и принесоша и лѣ жива в товары“.

Далѣе лѣтописи говорятъ о нападеніи Булгаръ на русскія суда, которыя оставались на Волгѣ.

Ипатская—„Околніи же городѣ Болгарьскии, Собѣкуляне и Челмата, совокоупишася со инѣми Болгары, зовемыми Темтюзи, и совокупившеся ихъ 5000 идоша на Исады, а ис Торьцького на конихъ приѣхавшимъ на лодьѣ

(5) Карамз. (Исторія III, пр. 63) говоритъ: «И такъ одинъ изъ князей болгарскихъ—можетъ быть, изгнанный—привелъ сихъ Половцевъ».

Рускоѣ, и вышедъше на островъ тотъ, и поидоша на Русь. Русь же доспѣвше полкъ, Божиею помощью укрѣпляеми, и пойдоша противу имъ и сняшася с ними; они же видивше побѣгоша, а наши погнаша сѣкуще погапыя Бохмиты; и прибѣгоша к Волзѣ и воскакаша во вчаны, и ту абье испровѣргоша учанъ, и тако истопоша боле тысячѣ ихъ. И поможе Богъ Руси, и побѣдиша я, избиша ихъ полътретьи тысячѣ, а прочии пойдоша къ лодьямъ, не ведуще бывшаго, оже лодьиници до нихъ побѣдилѣ полкъ Болгарьский; и похвалиша Бога о бывшемъ".

Лавр.—„Болгаре же из города изъ Собѣкуля (6) и из Челмата поидоша въ лодьяхъ, а ис Торцьскаго на конихъ, на лодьѣ наши, и приехавшимъ имъ на лодьѣ, наши же".... (далѣе о побѣдѣ надъ Булгарами, подобно Лавр.).

Далѣе въ Лавр. говорится.: „Князь же Всеволодъ стоявъ около города 10 дни, видѣвъ брата изнемогающа, и Болгаре выслалися бяху к нему с миромъ, поиде опять къ исадомъ; и ту на исадѣхъ Богъ поя Изяслава, и вложиша и в лодью; князь же Всеволодъ возвратися в Володимерь, а конѣ пусти на Мордву".

Въ Ипатск., послѣ пораженія Булгаръ, говорится только о смерти кн. Изяслава „на томъ же островѣ Иносадѣихъ".

Татищевъ прибавляетъ, что Всеволодъ взялъ отъ Булгаръ дары многіе и освободилъ всѣхъ плѣнныхъ Русскихъ, при чемъ Булгары обязались отпустить и тѣхъ плѣнныхъ, которые вдаль развезены. „Всеволодъ возвратился въ насадахъ, а конницу отъ р. Сурии (нынѣ Сура) отпустилъ берегомъ на Мордву, которая идущимъ на нихъ за Всеволодомъ вредъ дѣлали и людей побили. Оные воеводы пришедъ въ Мордовскую область, много селъ ихъ до р. Цны разорили, и со многимъ полономъ возвратились".

8 Тухчинъ и Великій городъ Серебряныхъ Булгаръ, Цевца, Исады, Черемисанъ. Татищевъ говоритъ (ib. III пр. 532): „Серебреные Болгары и градъ

---

(6) Въ Никон.: «изъ Сабакула града», въ Воскр.: «Болгари же изъ города изъ Собѣкуля и изъ Челмата; Львов.: «Болгарыжъ, Кусяне, Чалмата, Еламата». Татищ.: «Болгары, собравъ со всѣхъ окольныхъ городовъ и предѣлъ Кусяне, Себл, Елмата, такожъ называемые Мстиля Дюдичи».

Тухчинъ гдѣ? точно не показано: мню, тотъ же Бряхимовъ и отъ владѣльца Тухчинъ именованъ; паче по р. Цевцѣ и острову Сады можно бы признать, если бы имена не перемѣнены были; токмо па ландкартахъ сихъ мѣстъ, ни подобнаго, не нахожу, развѣ р. Цивиль, текущая слѣва ниже Чебоксаръ, гдѣ и острова немалые по Волгѣ".

Такимъ образомъ, Татищевъ принимаетъ Тухчинъ за Бряхимовъ, который онъ полагаетъ на Сурѣ. Фуксъ (1) сопоставляетъ Тухчинъ съ нынѣшнимъ Тукшумъ въ Симбирской губ. Три селенія этого названія встрѣчаются въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ Симб. губерніи, т. е. на правой сторонѣ Волги, а самъ Фуксъ замѣчаетъ, что по лѣтописи этотъ городъ лежалъ на лѣвой сторонѣ Волги; впрочемъ, Фуксъ могъ разумѣть еще деревню Тукшумъ, которая находится въ нынѣшнемъ Самарскомъ уѣздѣ, входившемъ во времена Фукса въ составъ Симбирской губ.

Карамзинъ (Исторія III, пр. 63) подъ Черемисапомъ, который проходили Русскіе, направляясь къ Великому городу, предполагалъ р. Малый Цывиль, прежде такъ называемую. „Можетъ быть, говоритъ Карамзинъ, нынѣшній основанъ на развалинахъ сего города Болгарскаго (Тухчина)".

Арцыбашевъ (2) возражаетъ Карамзину: „едва ли такъ, живучи въ 7 верстахъ отъ Цывильскаго, мы не замѣтили и не слыхали ничего подобнаго. Этотъ городъ назывался прежде и называется Чувашами теперь Сюрби халы. Есть въ немъ ровъ; но и тотъ выкопанъ, кажется, 1584 г., когда построенъ Цывильскъ. Не далеко отъ Сундыря Чебоксарскаго уѣзда находятся еще едва примѣтныя развалины какого то древняго города".

Арцыбашевъ (ib., прим. 1417) опровергаетъ и предположеніе Карамзина, что подъ Черемисапомъ должно разумѣть Малый Цывиль. „Кто, спрашиваетъ Арцыбашевъ, называлъ Мал. Цывиль Черемисапомъ? на что было переходить эту почти ничтожную рѣчку, отправляясь въ Великій градъ (Булгаръ) отъ устья соединеннаго Цывиля"?

(1) Кратк. исторія г. Казани въ Казанск. извѣст. 1817 г. № 67 и отдѣльн. оттискъ.

(2) Повѣствов. о Россіи, I, 228, прим. 1413.

Но Арцыбашевъ (ib. прим. 1410), а за нимъ и новѣйшіе ученые повторяютъ въ первый разъ Татищевымъ высказанное предположеніе, что р. Цевца—Цывиль.

Между тѣмъ упоминаемая въ лѣтописи мѣстность, гдѣ устье Цевцы и островъ Исады, находится ниже устья Камы; Русскіе шли не къ Булгару, а къ нынѣшнему Билярску—все это я долженъ доказать.

Изъ описаній позднѣйшаго похода 1220 г. вполнѣ ясно, что островъ Исады ниже Камы. Воскрес. лѣтопись (126, 127) говоритъ: „И сняшася вси на Волзѣ, на усть Оки, въ насадѣхъ и въ лодіяхъ, и оттолѣ поидоша внизъ; и бывшимъ имъ на Исадѣхъ противу Оплю (3), и выидоша на берегъ". Далѣе, послѣ сожженія г. Ошель, разсказывается, что Булгары изъ разныхъ городовъ собрались на Исадахъ и тамъ ожидали русское войско. Этотъ сборный пунктъ Булгаръ въ 1220 г. напоминаетъ упоминаемый во время похода 1184 тоже на Исадахъ, но при устьѣ Цевцы. Въ 1220 г. кн. Святославъ, разоривши г. Ошель, прошелъ по правому берегу Волги, мимо ожидавшихъ его на островѣ Исадахъ Булгаръ, не вступая съ ними въ битву, „минувъ Исады, ста на усть Камы".

Артемьевъ (4), вѣроятно на основаніи лѣтописнаго описанія похода 1220 г., указывая острова, образуемые рукавами Волги, ниже Камы, говоритъ, что „эта самая мѣстность въ нашихъ лѣтописяхъ XII и XIII стол. упоминается подъ именемъ „Исадовъ".

Артемьевъ лѣтописные Исады принимаетъ ниже Камы не для одного похода 1220 г., а для всѣхъ лѣтописныхъ извѣстій XII и XIII стол.

Для отожденствленія Исадовъ 1184 и 1220 гг. представляется затрудненіемъ только то, что Исады перваго похода показаны при устьѣ Цевцы, которая на всѣхъ извѣстныхъ картахъ не встрѣчается около Исадъ, упоминаемыхъ въ 1220 г., т. е. ниже устья Камы; но это не доказываетъ, что здѣсь не могло быть такой рѣчки: можетъ быть, она извѣстна

(3) Мѣсто этого города пріурочиваютъ къ городищу, находящемуся на правомъ берегу Волги, въ $^1/_2$ версты отъ села Кирельскаго, верстахъ въ 8 ниже устья Камы (см. походъ 1220 г.).

(4) Предисл. къ Сп. насел. мѣстъ Каз. губ., IX.

въ настоящее время подъ другимъ названіемъ, напр. Кляри или Кирелки, при устьѣ которой нынѣ находится городище предполагаемаго Ошеля. Съ другой стороны, для отождествленія Цевцы съ Цивилемъ, повторяемаго съ легкой руки Татищева, нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Знатоки мѣстныхъ инородческихъ нарѣчій не представляютъ филологическихъ доказательствъ этого, напр. Н. И. Золотницкій; хотя и онъ повторяетъ, что въ русскихъ лѣтописяхъ Цывиль встрѣчается подъ именемъ Цевцы. Между тѣмъ г. Золотницкій указываетъ, что „рѣка эта, какъ въ общемъ, такъ и въ отдѣльныхъ теченіяхъ, называется по чувашски Сьавал, а изъ этого слова, чрезъ измѣненіе звуковъ, и сдѣлался русскій Цивиль, (обратившійся у обрусевшихъ Чувашъ въ Чивиль, у Татаръ Чӳиль, у Горныхъ Черемисъ Сывиль).

Названіе же Сьовал образовалось изъ тюркскаго корня јай—разстилать, јайыл—разливаться, отъ котораго произошли: тат.-чув. слова јаӳ—разливъ, потомъ и прежнее тюркское названіе р. Урала—Яикъ (Јайык)“ (5).

Всѣ эти филологическія объясненія не даютъ никакого основанія для отождествленія Цивиля (Сьавал) съ Цевцою. Ни въ какихъ другихъ древнихъ русскихъ памятникахъ р. Цивиль не называется Цевцою, между тѣмъ въ 1584 г. мы встрѣчаемъ городъ Цывильскъ, а еще прежде въ XV стол. при Иванѣ III, въ дѣлахъ нагайскихъ, упоминается Цевель, т. е. земли по рѣкѣ тогоже названія (6).

И такъ отождествленіе Цевцы съ Цивилью не выдерживаетъ критики, слѣдовательно нѣтъ никакихъ основаній Исады при Цевцѣ принимать за Исады, при Цивили.

Признаніе Исадъ, упоминаемыхъ въ 1184 г. при Цивили, противорѣчитъ и обстоятельствамъ похода.

Для чего, спрашивается, Русскіе оставили здѣсь войска и суда, а сами отправились сухимъ путемъ къ г. Булгару, который отстоялъ отъ устья Цивиля верстъ на 130, считая по прямой линіи, когда прямо противъ Булгара можно было остановиться, спустившись далѣе внизъ по Волгѣ? Почему, при этомъ движеніи, упоминается переходъ черезъ какой то неизвѣстный Черемисанъ и не упоминается о переправѣ чрезъ Волгу?

---

(5) «Корнев. Чувашско-Русскій Словарь», стр. 266, 267.

(6) «Исторія Карама.», X, 15; VI, прим. 310.

Несообразность указанія на переправу черезъ р. Черемисанъ, при движеніи отъ устья Цивиля къ Булгару, была уже замѣчена Татищевымъ, который говоритъ не о р. Черемисанѣ, а о Черемисѣ, т. е. области, населенной Черемисами.

Татищевъ (ib. прим. 533) говоритъ: „Черемиса жила на Волгѣ ниже Мордвы, а выше Болгаръ, кромѣ вышеупомянутыхъ Серебряныхъ, слѣдственно мнится, отъ устія Русы (?) до Свіяги. Они тѣ же Болгары; но отъ Мордвы Черемисъ т. е. восточные люди названы, понеже отъ Мордвы на востокъ жили. Серебряные же Болгары въ предѣлѣ Черемисъ положены".

Арцыбашевъ (ib. 229 прим. 1417), опровергая мнѣніе Карамзина, что подъ Черемисаномъ должно разумѣть Малый Цивиль, представляетъ объясненіе названія Черемисана, подобное Татищеву. Арцыбашевъ также разумѣетъ здѣсь не рѣку, а землю, и говоритъ, что здѣсь вѣроятнѣе рѣчь идетъ о Чувашахъ, называвшихся прежде Горными Черемисами".

Между тѣмъ, если признаемъ мѣстность Исадовъ ниже Камы, то весь разсказъ лѣтописи о движеніи Русскихъ къ Великому городу Серебряныхъ Булгаръ становится яснымъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Камы Русскіе, оставивши здѣсь войска и суда, высадились на лѣвомъ берегу Волги и пошли полемъ къ Великому городу, нынѣшнему Билярску; на этомъ пути они должны были встрѣтить довольно значительную рѣку, которая нынѣ называется Малый Черемшанъ и около которой лежитъ Билярскъ. О переходѣ черезъ эту рѣку и говорятъ лѣтописи. Важнѣйшимъ подтвержденіемъ этому, а вмѣстѣ съ этимъ и тому, что подъ Великимъ городомъ разумѣется нынѣшній Билярскъ, служитъ выраженіе лѣтописи: „и приде князь к городу, и перешедъ Черемисанъ въ 1 день, наряди полкы". Изъ этихъ словъ лѣтописи ясно видно, что р. Черемисанъ находилась при городѣ: рѣку перешли, подошедши къ городу. Такимъ образомъ, очевидно, что здѣсь разумѣется Мал. Черемшанъ и г. Бюларъ.

Но подходитъ ли г. Бюларъ, нынѣшній Билярскъ, къ названію Великаго города Серебряныхъ Булгаръ и кто такіе Серебр. Булгары?

В. В. Григорьевъ, авторъ статьи „Булгары" въ Энцикл. Лекс. (VII, 300), говоритъ, что „Серебряные или Нукратскіе Булгары, какъ видно, жили по Камѣ, вѣроятно по близости какихъ нибудь серебряныхъ рудниковъ, отъ ко-

торыхъ получили свое имя; пукратъ, слово арабское, перешедшее въ татарскій языкъ, значитъ „серебро“.

Артемьевъ (ib. XXIX) предполагаетъ, что Серебряные или Нукратные Булгары обитали по р. Вяткѣ, которая у Татаръ и Черемисовъ называется Нукратъ; но, прибавляетъ Артемьевъ, есть также въ Спасскомъ уѣздѣ небольшая рѣчка Нохратка.

Хотя Вятка дѣйствительно называется Нукратъ, т. е. Серебряная, но называть Серебряными Булгарами живущихъ по р. Вяткѣ невозможно, потому что р. Вятка, кромѣ низовья, не принадлежитъ къ Булгарской области. Да и низовье Вятки находилось уже на окраинахъ Булгарскаго владѣнія, и если было населено народами, входившими въ составъ Булгарскихъ владѣній (Черемисы, Вотяки), то не Булгарами въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Нѣтъ никакого основанія, чтобы какой нибудь булгарскій Великій городъ, будетъ ли это Булгаръ или Бюларъ—все равно, считался городомъ Булгаръ, жившихъ по Вяткѣ, когда, какъ извѣстно, центръ булгарскихъ владѣній былъ по обѣимъ сторонамъ Камы, между устьями этой рѣки и Вятки, на югъ—въ треугольникѣ, между Камою и Волгою, на сѣверъ—по Мешѣ и ея притокамъ. Признаніе указанной мѣстности центромъ Булгарской земли представляется совершенно яснымъ послѣ подробнаго ознакомленія съ остатками древнихъ укрѣпленій, находящихся въ Каз. губ., и на основаніи слѣдующаго за этимъ объясненія названій Сабакуль, Тямтюзи и Челмата. На какомъ же основаніи можно было называть Великій городъ по Вяткѣ, а не по другимъ мѣстностямъ, гдѣ было центральное булгарское населеніе?

Я нашелъ доказательство, что именно мѣстность Бюлара или нынѣшняго Билярска носила названіе „Серебряной“, по крайней мѣрѣ такъ называлась рѣчка, которая впадаетъ въ Билярку, среди нынѣ сохранившихся валовъ древняго г. Бюлара, какъ это видно на старомъ планѣ Билярска (6), гдѣ эта рѣчка и обозначена названіемъ „Серебрянка“.

Послѣ всѣхъ этихъ разслѣдованій трудно не согласиться, что Великій городъ Серебр. Булгаръ, упоминаемый въ

(6) Извѣстія Археол. Общ. VI, 245, 246. См. ниже «Городище Бюлара».

походѣ 1184 г.—г. Бюларъ около Малаго Чермшана, которымъ я признаю и Великій городъ, упомпнаемый въ походѣ 1164 г.

Было указано выше, что Артемьевъ называетъ Великимъ городомъ и Булгаръ и Билярскъ, только неизвѣстно на какомъ основаніи.

Эрдманъ, также не представляя объясненій, замѣчаетъ, что Великій городъ, упомпнаемый въ 1184 г., вѣроятно былъ не г. Булгаръ (7).

Опредѣливши мѣстонахожденіе Великаго города, должно замѣтить о городкѣ Тухчинѣ, который находился по дорогѣ отъ Исадовъ близъ устья Камы, къ г. Бюлару, что его должно искать между нынѣ сохранившимися на этомъ пространствѣ городищами, напр., можетъ быть, это Куралово Городище, близъ г. Спасска, или одно изъ городищъ на р. Ахтаѣ, или городище при нынѣшнемъ селѣ Никольскій Боранъ, которое находится съ версту отъ праваго берега Малаго Черемшана, верстахъ въ 4 на сѣверозападъ отъ пригорода Билярска.

Болѣе опредѣленныхъ данныхъ къ точному обозначенію мѣстонахожденія города Тухчина нѣтъ.

9. Соба, Куль, Челмата, Темтюзи, Торьцькій. Сдалавшіе нападеніе на русскія суда были, по Ипатск. лѣтоп: „Околнии же городѣ Болгарьскии, Собѣкуляне и Челмата, совокоупишася со инѣми Болгары, зовемыми Темтюзи, и совокупившеся ихъ 5000 идоша на Исады, а ис Торьцького на конихъ“. По смыслу этого мѣста, Собѣкуляне и Челмата являются не названіями городовъ, а отдѣлами Булгаръ, подобно называемымъ Темтюзями; всѣ они помогали вмѣстѣ съ помощью изъ сосѣднихъ городовъ.

Но по смыслу Лавр. лѣтописи и нѣкоторыхъ другихъ (Никопов., Воскр.), Собѣкулъ и Челмата представляются названіями городовъ, о Темтюзяхъ здѣсь вовсе не упомпнается—„Болгаре же изъ города изъ Собѣкуля и изъ Челмата“.

Въ Львовск., вмѣсто Собѣкуляне и Собѣкуля—Кусяне, затѣмъ здѣсь упомпнаются Челмата и Елмата; всѣ эти названія употреблены въ смыслѣ племенъ, отдѣловъ Булгаръ, а не городовъ: „Болгарыжъ, Кусяне, Челмата, Еламата“.

---

(7) «Beiträge» стр. 297.

По смыслу текста Татищева, эти названія принадлежатъ частямъ Булгарской земли—„Болгары, собравъ со всѣхъ окольныхъ городовъ и предѣлъ, Кусяне, Себи, Елмата, такожъ называемые Мстили дюдичи“.

Какому же смыслу должно держаться—тѣхъ лѣтописей, въ которыхъ указанныя названія представляются городами, или, по которымъ это—названія отдѣловъ Булгаръ?

Важнѣйшимъ, основнымъ и болѣе полнымъ спискомъ, по отношенію къ первой половинѣ разсказа о походѣ 1184 г., представляется Ипатскій, въ которомъ эти названія принадлежатъ не городамъ.

При тщательномъ изслѣдованіи относящагося сюда мѣста изъ Лавр. лѣтописи, открывается, что, только вслѣдствіе повидимому ничтожныхъ измѣненій и дополненій въ этой лѣтописи основнаго текста, указанныя названія представились здѣсь названіями городовъ. По варіантамъ, указаннымъ къ Лавр. лѣтописи, такъ представляется это мѣсто въ двухъ ближайшихъ къ Лаврентьевскому спискахъ—Академическомъ и Радзивиловскомъ: „Болгаре из города и Собѣкуля и Челмата“, вмѣсто Лавр.: „Болгаре же из города изъ Собѣкуля и изъ Челмата“. Текстъ первыхъ двухъ списковъ представляетъ указанныя названія не названіями городовъ, а только ставитъ ихъ рядомъ съ городомъ неизвѣстнаго названія, подобно тому какъ и въ Ипатской, эти названія стоятъ рядомъ съ упомянутыми тамъ, но также не названными городами. Наконецъ должно указать, что текстъ этого мѣста въ Лавр. спискѣ представляетъ явную описку, которая поправлена при изданіи этой лѣтописи. Въ подлинникѣ написано: „Болгаре же из города *ив* Собѣкуля и Челмата“, но вмѣсто „ив“ поставлено „изъ“.

Основываясь на пяти древнѣйшихъ спискахъ: Ипатскомъ и служившихъ варіантами къ нему Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ, а также Академическомъ и Радзивиловскомъ, которые служили варіантами при изданіи Лаврентьевскаго, названія Собѣкуль и Челмата должно принимать въ смыслѣ отдѣловъ булгарскаго народа, а не городовъ, слѣдовательно такихъ городовъ не было и искать ихъ не должно, между тѣмъ обыкновенно повторяютъ о неизвѣстныхъ булгарскихъ городахъ Собѣкули и Челматѣ.

Но что за отдѣлы булгарскаго народа, которые носили эти названія, гдѣ жили эти Булгары?

Въ противоположность разнообразнымъ объясненіямъ мѣстонахожденія другихъ булгарскихъ городовъ, напр. Брянхимова и Великаго, о Собѣкули, Челматѣ и Темтюзяхъ отзываются незнаніемъ. Только Татищевъ (ib. пр. 534) объясняетъ, что „Куси въ другихъ упоминается Куля; оное значитъ хозяина; которое Мордва и Черемиса точно Куля зовутъ".

О Темтюзяхъ было высказано, что они напоминаютъ г. Тетюшъ (1), а Фуксъ, считая Сабакулу городомъ, указываетъ на нынѣшній Саранулъ (гор. Вятск. губ.) или деревню Сапуголи, въ 28-ми верстахъ отъ Казани (2).

Прежде опредѣленія мѣстожительства Булгаръ, которые носятъ вышеуказанныя названія, должно установить, что Собѣкуляне или Собѣкуль—не одно, а два слова, какъ это видно изъ текста Татищева: Кусяне, или, какъ говоритъ Татищевъ (прим. 533), по другимъ спискамъ Куляне, и Себа; въ Львов. же упоминаются только Кусяне.

Всѣ Булгары, перечисляемые въ лѣтописяхъ подъ 4-мя названіями: Соба, Куль, Темтюзи и Челмата, жили въ сосѣдствѣ и въ одномъ направленіи къ Исадамъ, потому что всѣ они, соединившись въ количествѣ 5000, отправились на Исады вмѣстѣ на лодьяхъ. Гдѣ же искать этихъ сосѣднихъ между собою Булгаръ? Конечно въ центрѣ Булгарской земли, т. е. къ востоку, а не на западъ отъ Исадъ и устья Камы, тамъ, откуда имъ былъ общій путь къ устью Камы. Все это указываетъ на нынѣшній Лаишевскій уѣздъ, въ которомъ вмѣстѣ съ сосѣднею частью Мамадышскаго уѣзда, дѣйствительно и встрѣчаются названія селеній и рѣкъ: Тямти, Соба и Куль.

Въ Лаишев. уѣздѣ впадаетъ въ р. Мёшу, съ правой стороны, р. Тямти, а въ послѣднюю впадаетъ рѣчка Трюкъ-Тямти (3), на послѣдней Спис. насел. мѣстъ Каз. губ. указываетъ селенія Трюкъ-Тямти (починокъ Иски Юртъ) и

(1) «Тетюши», статья неизвѣст. автора въ Каз. губ. В. 1847 г. № 21.

(2) Краткая исторія г. Казани въ Казанск. Извѣст. 1817 г. № 67 и отдѣльн. оттискъ.

(3) Эти двѣ рѣчки упоминаются въ Сп. насел. м. Каз губ., а изъ картъ обозначаетъ ихъ по именамъ только рукописная карта Каз. губ.

Тямти-Метески; но рукописная карта Каз. губ. болѣе правильно указываетъ послѣднее селеніе на другомъ притокѣ Тямти, который называется Метески.

Кромѣ этого, Списокъ населен. мѣстъ Каз. губ. указываетъ на другую рѣку Тямти въ Мамад. уѣздѣ; здѣсь рѣкою этого названія, на основаніи селеній, указанныхъ на ней въ Спискѣ, представляется верховье р. Нырсы, которая впадаетъ въ Лаиш. уѣздѣ въ Мёшу, съ лѣвой стороны, верстахъ въ трехъ ниже перваго Тямти. На второмъ Тямти „Списокъ“ указываетъ деревню Тямти (Багты-врагъ Тямти).

Подробная карта, изданная въ 1805 г., указываетъ рѣчку Сабинку, которая впадаетъ въ Мёшу ниже Тямти, съ той же правой стороны, уже въ Мамадышскомъ уѣздѣ; въ Сабинку съ правой стороны показана впадающею рѣчка тогоже названія. Новѣйшая карта Стрѣльбицкаго на этихъ рѣкахъ, не обозначая ихъ именъ, указываетъ селенія—на первой: Собабашъ, Старая Соба и Чапки-Соба, на второй: Богатая Соба и Соба Шайтанъ. Всѣ эти селенія упоминаются и въ Сп. насел. мѣстъ Каз. губ.

Въ Лаишевскомъ уѣздѣ, верстахъ въ двухъ на югъ отъ вышеупомянутаго притока Мёши Нырсы, верховье которой въ Мамадышскомъ уѣздѣ называется Тямти, находится деревня Старый Карабоянъ или Кульбаши. Какъ показываетъ названіе этого селенія, это—Верхній Куль, верховье, вершина, голова (башъ) Куля, слѣдовательно должны быть поселенія съ этими названіями ниже этой мѣстности, т. е. ближе къ Камѣ; такими представляются село Кульга и дер. Кульга, одно отъ другой въ одной верстѣ, верстъ въ 20-ти къ югу отъ Верхняго Куля (Кульбаша) и въ 10-ти верстахъ на сѣверъ отъ Камы.

Названіе Кульга, вмѣсто Куль, я принимаю за русскую передѣлку послѣдняго слова, подобно тому, какъ рѣка по татарски называемая Зуй, а почувашски Свіэ, у Русскихъ называется Свіяга, р. Казань передѣлана въ Казанку и т. д. Это замѣчаніе, если оно вѣрно, имѣетъ ту важность, что обыкновенно окончаніе географическихъ названій на „га“ представляютъ доказательствомъ инородческаго, финскаго происхожденія этихъ названій, напр. Надеждинъ (4) и Евро-

(4) «Опытъ Исторической географіи» ст. въ Библ. для чт. 1837 № 6.

пеусъ (5). Послѣдній впрочемъ указываетъ не на „га“, а на „юга“, „ега“, „ога“, что значитъ въ угорскихъ нарѣчіяхъ „рѣка“. Разбираемыя мѣстности въ Лаишевск. и Мамадышск. уѣздахъ, по изслѣдованіямъ Европеуса, не принадлежатъ къ угорскимъ. Иногда окончаніе на „га“ не служитъ доказательствомъ финскаго происхожденія даннаго названія, а происходитъ отъ русской передѣлки инородческихъ названій.

Въ русской передѣлкѣ явилось и вышеупомянутое названіе Куляне, въ смыслѣ жителей Куля.

Темтюзи вмѣсто Тямти очевидно явились тоже у Русскихъ, для обозначенія жителей Тямти.

И такъ найдены мѣстности Тямти, Саба и Куль, на которыхъ обитали Болгары, называвшіеся по именамъ этихъ мѣстностей. Куль находилась къ сѣв. отъ берега Камы, Саба на сѣв-вост. отъ Куля, а Тямти на сѣв. зап. отъ Куля. Я первый пріурочиваю названія, упоминаемыя въ лѣтописяхъ при описаніи похода 1184 г., къ опредѣленнымъ мѣстностямъ и не нахожу, что могло бы противорѣчить моимъ объясненіямъ. Между тѣмъ еще слѣдующія соображенія подтверждаютъ, что именно въ указанныхъ мѣстностяхъ были изстариныя булгарскія поселенія.

Шерефъ-эддинъ-Булгари здѣсь указываетъ древнія селенія, изъ которыхъ происходили намѣстники, одно изъ этихъ селеній Терберди-Чалли принадлежало булгарскому племени, другое—Казакамъ. Переименованныя булгарскимъ историкомъ селенія находятся, какъ выше указано, въ Лаишевскомъ уѣздѣ на югъ отъ Тямти и на востокъ отъ Куля.

Въ здѣшнихъ окрестностяхъ находятся древнія кладбища съ могильными надписями XIV и XV стол. (6).

Н. И. Ильминскій, описывая эти надписи, говоритъ: „эти памятники, разсѣянные на неслишкомъ большомъ пространствѣ, повидимому ведутъ къ тому предположенію, что на мѣстѣ нынѣшнихъ бѣдныхъ татарскихъ селеній, въ эпоху царства Казанскаго, было народонаселеніе многолюдное, богатое и довольно образованное“ (7).

(5) »Объ Угорскомъ народѣ», Спб., 1874. стр. 13.

(6) См. ниже въ III Отд. «Р. Меша».

(7) Зап. Археол. Общ. III. стр. 117.

Здѣсь встрѣчаются селенія изстаринныя, по самымъ ихъ названіямъ,—Иски-юртъ. Селеній съ такимъ названіемъ въ Каз. губ., по Списку насел. мѣстъ, всего 5, одно въ Каз. уѣздѣ, другое въ Спасск., а остальныя три въ разбираемой мѣстности: два въ Лаишевск. уѣздѣ, первое и есть вышеуказанное Трюкъ-Тямти или Иски-Юртъ, второе на р. Мешѣ, къ юго-западу отъ предыдущаго, третье — въ Мамадышск. уѣздѣ, на сѣверъ отъ Саба.

Эти Иски-Юрты такъ назывались очень давно; находящійся на рѣкѣ Мёшѣ встрѣчается въ дозорныхъ книгахъ 1619 г. (8), слѣдовательно уже въ началѣ XVII ст. это селеніе считалось старѣйшимъ.

По заявленію жителей—Татаръ одной деревни этой мѣстности, они считаютъ себя потомками древнихъ Болгаръ (9). Это деревня Нижній Тимерликъ въ Лаишевск. уѣздѣ, въ 5 верстахъ на сѣв. отъ вышеупомянутой дер. Кульги, слѣдовательно въ области Куль.

Опредѣливши мѣстонахожденія Тямти, Саба и Куля, остается сказать о Челматѣ. Опредѣлить это названіе легче предыдущихъ: это жители Челмана или Чулмана, какъ называютъ Татары Каму, слѣдовательно это прикамскіе Булгары. Такъ объяснялъ это названіе еще Татищевъ (ib. пр. 534).

Обращаясь къ походу всѣхъ этихъ Булгаръ на Исады, мы видимъ, что жители булгарскихъ городовъ, которыхъ мы знаемъ на Камѣ нѣсколько, а также и другіе прикамскіе жители (Челмата) соединились съ живущими на сѣв. отъ нихъ въ Кули, Тямти и Саба, и вмѣстѣ, на ладьяхъ, отправились къ Исадамъ, ниже устья Камы; соединительнымъ пунктомъ очевидно было устье Мёши, по которой спустились въ Каму жители Тямти и Саба. Такимъ образомъ все лѣтописное извѣстіе представляется совершенно яснымъ.

Относительно упоминаемаго Татищевымъ названія „Мстили Дюдичи“ вмѣсто Темтюзей, я не буду говорить; это на-

---

(8) Ст. Невоструева «О Городищахъ» въ Труд. I. Археол. Съѣзда, стр. 571.

(9) «Нижн. Тимерликъ», ст. С. Мельникова въ Каз. губ. Вѣд. 1861. № 12.

званіе встрѣчается только у Татищева и представляется мнѣ опискою.

Но что такое Торьцькое, изъ котораго пошли на Исады на коняхъ?

„Городъ Торцскій или Торкъ, говоритъ Карамзинъ (ib. III, пр. 64), существовалъ по взятіи Казани, и былъ отданъ государемъ Андрею Ильичу Квашнину (см. челобитную Квашнина Лобанова въ Арх. Иностр. Коллегіи, въ Миллер. собр. бумагъ № 84)".

Но гдѣ находился этотъ городъ совершенно неизвѣстно и послѣ этого указанія Карамзина. Въ лѣтописяхъ этотъ городъ болѣе не упоминается, онъ не встрѣчается ни въ разрядныхъ книгахъ ([10]), ни въ писцовыхъ, поскольку послѣднія извѣстны по указателямъ къ нимъ, напечатаннымъ въ „Опис. документовъ и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юст.", 2 книги, 1869 и 1872 г.

10. Походы 1186 и 1025 г., мнимая Татищевымъ борьба съ Булгарами въ 1209 и 1210 г. Какъ видно, результаты похода 1184 г. были перѣшительны, такъ что въ 1186 г. Всеволодъ Юрьевичъ посылалъ свое войско, именно Городчанъ, противъ Болгаръ.

„Посла вел. кн. Всеволодъ Гюргевичъ на Болгары воеводы своѣ с Городьчаны и взяша села многы и возвратишася с полономъ многимъ" ([1]).

Затѣмъ Никон. лѣтопись (ib. 291) и Татищ. (ib. 346) упоминаютъ, что Всев. Юрьевичъ въ 1205 г. посылалъ судовую рать на Болгаръ, ходили по Волгѣ до Хомоль ([2]).

По Никоновской—взяли много полона, другихъ перебили, разбили много учановъ, взяли много товара. А Татищевъ говоритъ, что много Болгаръ, Черемисъ, Мордвы и Комонъ (?) побили.

Татищевъ (ib. 315) указываетъ подъ 1209 г. на походъ Болгаръ въ Рязанскую область: „Болгары, пришедъ на Рязанскую область, дѣлали разореніе, о чемъ увѣдавъ кн. вел. Всеволодъ, велѣлъ рязанскому тысяцкому

([10]) «Разрядныя книги», 2 тома, Спб. 1855.

([1]) Лавр. 379, 380, Пер. Суздл. 98, Воскр. 99, Ник. II, 249, Львов. I, 334, Тат. III, 272.

([2]) Мѣстность эту я не знаю.

Матвѣю Андреевичу, собравъ войско, сколь можно, итти на нихъ. Онъ же немедленно собрався, догналъ ихъ въ Кадомѣ, и былъ между ними жестокій бой, и едва Болгаръ побѣдили, но тысяцкій рязанскій самъ убитъ".

Соотвѣтствующее этому мѣсто о убіеніи тысяцкаго встрѣчается только въ Никоновской лѣтописи (ib. 306), гдѣ сказано: „убіенъ бысть въ Кадомѣ тысяцкій рязанскій Матвѣй Андреевичъ".

Историкъ Рязанскаго княжества Иловайскій, кромѣ убіенія тысяцкаго въ Кадомѣ въ 1209 г., указываетъ, на основаніи той же Никонов. лѣтописи, убіеніе тысяцкаго въ Рязани въ 1135 г. и убіеніе тысяцкаго въ Рязанскомъ Бѣлгородѣ въ 1155, и говоритъ: „такое убійство тысяцкихъ можетъ намекать на какое нибудь болѣе общее явленіе, нежели просто личная вражда. Очень вѣроятно, что при обособленіи Рязанск. княжества, дѣло не обошлось безъ глухой борьбы между усиливающеюся княжескою властію и такими земскими начальниками, каковы были тысяцкіе" (8).

Такимъ образомъ, извѣстіе Никон. лѣтописи о убіеніи тысяцкаго въ 1209 г. относится къ внутренней исторіи Рязанскаго княжества и не имѣетъ никакого отношенія къ Булгарамъ; должно признать, что здѣсь Татищевъ, не встрѣчая въ самой лѣтописи причины убіенія тысяцкаго и забывая два подобные предыдущіе случаи, убійство, очевидно тайное, объясняетъ убіеніемъ на войнѣ съ Булгарами.

Подъ 1210 г. Татищевъ говоритъ, что вел. кн. Всеволодъ послалъ на Булгаръ воеводу Козму Радшича съ войсками зимою; отправлявшіеся мало учинили вреда Булгарамъ.

Между тѣмъ по другимъ лѣтописямъ оказывается, что воевода Радшичъ былъ посылаемъ не противъ Булгаръ, а противъ Рязанск. княжества.

Лавр. (стр. 413) и Воскр. (117): „Всеволодъ посла с полкомъ Кузму Ратьшича, меченошю своего, и взя Тепру, (въ Воскр.—Пру) и возвратися со многимъ полономъ в Володимерь".

Никонов. (II, 307): „Всеволодъ посла воеводу своего Козму Родивоповича ратью въ Рязанскую землю, и взяша

(8) «Исторія Рязанск. княжества», М. 1858, 120, 121.

Пру Рязанскую внизъ по Окѣ, и возвратишася со многимъ полономъ въ Володимеръ".

11. **Взятіе Булгарами Устюга въ 1218 г.** Объ этомъ событіи одни лѣтописи упоминаютъ только въ трехъ словахъ: „взяша Болгаре Устюгъ" (1), другія говорятъ нѣсколько подробнѣе: „Пріидоша Болгаре на Устюгъ, и взяша и лестію, и потомъ идоша ко Унжи, и Унжане отбишася отъ нихъ" (2).

Татищевъ (ib. 417) передаетъ это извѣстіе по своему: „Болгары, собравъ войска, пошли Камою вверхъ на Югровъ, и былъ между ими жестокой бой, едва Югры могли удержаться; Болгары же поворотя взяли градъ ихъ Унжу лестію".

При этомъ Татищевъ (прим. 603) объясняетъ: „Унжа рѣка и городъ въ провинціи Галицкой; опая пала въ Волгу близь Юріева, и по ней тогда владѣли Русскіе, вершина же сія рѣки Юзъ и Юза, которыхъ начало близь Устюга Великаго, и потому, можетъ быть, о вершинахъ Унжи разумѣютъ, или Болгары русскій градъ Унжу взяли".

Далѣе, по поводу похода противъ Булгаръ въ 1220 г., Татищевъ (прим. 605) положительно говоритъ, что Устюгомъ Великимъ тогда владѣли Югры.

Эти варіанты Татищева, при современномъ положеніи вопроса объ угорскомъ народѣ, представляются весьма важными. Татищевъ не упоминаетъ о взятіи Булгарами Устюга, а говоритъ о походѣ Булгаръ на Югру, которая жила, по его мнѣнію, около Устюга.

Очевидно важно было бы рѣшить—передаетъ ли Татищевъ буквально изъ какой нибудь лѣтописи о походѣ на Югру, или самъ замѣняетъ названіемъ Югры, упоминаемый въ лѣтописяхъ Устюгъ, основываясь на своихъ соображеніяхъ, что въ окрестностяхъ Устюга жила Югра?

Затѣмъ, вмѣсто извѣстія другихъ лѣтописей, что Унжане, къ которымъ Булгары пошли, взявши Устюгъ, отбились отъ Булгаръ, Татищевъ говоритъ, что Булгары взяли Унжу,

---

(1) Академическая, напечатанная вмѣстѣ съ Лавр. въ 1872 г., стр. 476; Костр. I, 90, Степ. кн. I, 328; Арханг., 65—здѣсь вмѣсто Булгаръ называются Каз. Татары.

(2) Воскр. 126, Ник. II, 340.

городъ Югры. Карамзинъ (III, прим. 186), опровергая Татищева, заявляетъ, что „Татищевъ хотѣлъ поправить лѣтописи и говоритъ, что Болгары воевали тогда не Россіянъ, а Югровъ, и взяли ихъ городъ Унжу (вм. Устюга). Татищевъ увѣрялъ насъ, что Устюгъ въ XIII в. еще принадлежалъ Югрѣ, но Югра была за Каменнымъ Поясомъ".

По Карамзину, первобытными обитателями этой мѣстности (Вологод. и Арханг. губ.) была Заволоцкая Чудь; г. Устюгъ, основанный Русскими или Чудью—неизвѣстно, въ 1218 г. упоминается въ первый разъ и зависѣлъ тогда отъ Суздальскаго князя (3).

Но варіанты Татищева получаютъ значеніе, послѣ новѣйшихъ изслѣдованій о Югрѣ. Вопреки Карамзину и согласно съ Татищевымъ, Европеусъ мѣстность около Устюга считаетъ родиною Югры, отсюда, по его мнѣнію, Югра выселилась на Обь, Уралъ и въ нынѣшнюю Венгрію (4).

Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ, что въ началѣ XIII стол. Устюгъ принадлежалъ Югрѣ, въ этомъ отношеніи правда на сторонѣ Карамзина.

Наконецъ, относительно пути Булгаръ въ походѣ 1218 г. вверхъ по Камѣ, какъ говоритъ Татищевъ, должно вполнѣ признать достовѣрность такого направленія, это подтверждается смысломъ разсказа другихъ лѣтописей (Воскр., Никонов.), что, послѣ взятія Устюга, Булгары пошли къ Унжѣ. Если бы Булгары шли къ Устюгу Волгою, то прежде достигли бы до Унжы, вверхъ по которой и поднялись бы до Устюга. Затѣмъ путь Булгаръ по Волгѣ къ Унжѣ и Устюгу представляется совершенно невозможнымъ на томъ основаніи, что при такомъ пути слѣдовало бы проходить черезъ владѣнія Суздальскаго княжества.

---

(3) По сказанію мѣстнаго Устюжскаго лѣтописца, Устюгъ существовалъ уже въ 1207 г., когда былъ отданъ вел. княземъ Всеволодомъ сыну его Константину. «Городскія поселенія» т. I, Спб., 1860, стр 350.

(4) См. «Карту древн. мѣстъ жительства финско венгерскихъ народовъ», прилож. къ изслѣдованію Европеуса «Объ Угорскомъ народѣ», Спб. 1874.

Указанный Татищевымъ путь вверхъ по Камѣ должно разумѣть сначала вверхъ по Камѣ, а потомъ рѣкою Вяткою, отъ которой лежала извѣстная дорога къ Устюгу, бывшая путемъ русской колонизаціи Вятскаго края. Этимъ путемъ ходила противъ Булгаръ въ 1220 г. и часть русскаго войска, разорившая булгарскіе города по Камѣ.

12. **Походъ 1220 г.** Самое подробное описаніе этого похода находится въ Воскр. лѣтописи, которая дополняется только нѣкоторыми данными у Татищева (1). Въ Воскр.: „Князь великій Юрьи Всеволодичь посла брата своего Святослава на безбожныя Болъгары, и съ нимъ посла плъкы своя, а воеводство приказа Еремѣю Глѣбовичю; а Ярославъ посла своя полкы изъ Переяславля, а Василкови Костянтиновичю повелѣ Юрьи послати своя полкы: онъ же изъ Ростова полкъ посла, а другій со Устюга на връхъ Камы; посла же и къ Муромскымъ княземъ, веля имъ послати сыны своя, и посла Давыдъ сына своего Святослава, а Юрьи Олга. И сняшася вси на Волзѣ, на усть Оки, въ насадѣхъ и въ лодіяхъ, и оттолѣ поидоша впизъ; и бывшимъ имъ на Исадѣхъ противу Ошлю, и выидоша на берегъ. Изряди же Святославъ полкы своя: Ростовьскый по правой руцѣ, а Переславьской по лѣвой, а самъ ста съ Муромскими князи посреди, а инъ полкъ остави у лодей. Сами же поидоша отъ берега къ лѣсу, и прошедшимъ имъ лѣсъ, выидоша на поля ко граду, и усрѣтоша ихъ Болгаре со княземь своимъ на копехъ и поставиша полкъ на поли; Святославъ же поиде къ нимъ вборзѣ, они же, постоявше мало, пустиша по стрѣлѣ въ наши и возмятшеся побѣгоша ко граду, и вбѣгше во градъ затворишася Князь же Святославъ поиде вборзѣ ко граду, бѣ же острогъ утвержень около града крѣпокъ тынъ дубовъ, а за тѣмъ два оплота и межи има валъ ссыпанъ, и по тому валу рыщуще изъ затканіа біахуся. Князь же Святославъ пришедъ къ городу и наряди люди впередъ со огнемъ и съ сѣкирами, и за ними стрѣлци и копейники, и приступи ко граду, и бысть брань межи има крѣпка зѣло, и подсѣкоша тынъ, и разсѣкоша оплоты и зажгоша ихъ, а

(1) Воскр. 126—128; Никон. 342, 343 и Львов. I, 384—486, сходно съ Воскр.; болѣе кратко въ Лавр. 422, Тверск. 330, 331 и Степ. I, 328. Татищ. III, 418—421.

они побѣгоша въ городъ; си же гониша ихъ сѣкуще до города, потомъ же приступиша ко граду отвсюду и зажгоша его".

Татищевъ при этомъ разсказываетъ о храбромъ подвигѣ одного дворянина Охотина:

„Нѣкоторые не могши терпѣть такъ великаго труда и опасности отъ многаго стрѣляпія болгарскаго, хотѣли уже отступать: да былъ тутъ на валу Ермилъ сынъ Охотинъ, дворянинъ Васильковъ, который, видя, что людей много напрасно гинетъ, сжалился о томъ, и говорилъ своимъ: „Братія! стыдъ намъ великой, если отступимъ, а стоять намъ на семъ мѣстѣ пѣтъ пользы, но весьма досадно видѣть, что непріятели намъ ругаются, и лучше съ честію умереть, и славу князей и Русской земли сохранить, нежели со стыдомъ отступить, а вы что разсудите"? И взявъ мечь въ руку, огнь въ другую, брося доску, скочилъ чрезъ оплотъ, и за нимъ не умедлилъ братъ его Вавило, и начали сѣчь Болгаръ; товарищи же ихъ, смотря съ вала, удивлялись, и стали имъ помогать, и приступя ближе, разметали оплотъ и зажгли самый градъ. Болгары же, прежде нежели къ Ермилу довольно въ помочь пришло, оступя множествомъ обоихъ братьевъ убили".

Воскресенская далѣе продолжаетъ: „И бысть дымъ силенъ зѣло, и потяну вѣтръ съ града на полкы Святославли, и не бѣ видѣти человѣка въ дымѣ, и не могуще трѣпѣти дыма и зноя, паче же безводіа, и отступиша отъ града; и сѣдоша опочивати отъ многаго труда. Рече же Святославъ: „поидемъ съ повѣтреа со другую страну града"; они же оставше поидоша объ ону страну града и, пришедше, сташа противу вратомъ града; и рече имъ князь: „братіе и дружино! сего дни намъ двое предлежитъ или добро или зло, да потягнемъ борже", и потече самъ князь преди всѣхъ ко граду. Видѣвше же его вои вси устремишася ко граду борже, и посѣкоша тынъ и оплоты и съ ту страну, и зажгоша, а Болгари побѣгоша въ городъ; сіи же погнаху ихъ сѣкуще и потомъ зажгоша градъ отвсюду. И объятъ градъ огнь отвсюду, и бысть буря велія, и страшно бысть видѣти, и бысть во градѣ воиль великъ зѣло". „Князь же Болгарьскый выбѣже инѣми вороты и утече на конехъ въ малѣ дружинѣ, а что нѣщець выбѣгло, мужи избиша, а жены и дѣти въ полонъ взяша, а инїи во градѣ погорѣша, а инїи сами изсѣкоша жены своа и дѣти, и потомъ сами ся избиша;

пѣціи же отъ вой Святославлихъ дръзнуша вънти во градъ, корысти дѣля, и едва утекоша пламене, а инїи ту изгорѣша".

„Князь же Святославъ стоя ту дондеже весь градъ згорѣ, и взяша же градъ Ошель іюня 15, и поиде оттуду Святославъ князь къ лодіямъ своимъ. Бывшу жъ ему у лодей, и воста буря съ дождемъ, якоже и лодіямъ возместитися, и потомъ нача буря тишитися, и прінде князь Святославъ въ завѣтріе на островъ съ полкы своими, и Муромскіе князи съ нимъ, ту жъ и на ночь облеже; на утреи ту обѣдавше, поидоша прочь въ верхъ по Волзѣ".

„Слышавше же Болгары въ Великомъ градѣ и во иныхъ градѣхъ, яко и городъ ихъ Ошель взятъ, и печални быша по велику зѣло, и собрашася вси со князьми своими: овіи на коняхъ, друзіи пѣши, и пріидоша на брегъ. Слышавъ же Святославъ, оже Болгары собравшеся ждутъ его на Исадахъ, повелѣ же воемъ своимъ оболочитися во броня, и стяги наволочити, и наряди полкы въ насадѣхъ и лодіяхъ, и поиде полкъ по полцѣ, бьюще въ бубны и во трубы и въ сопели, а самъ князь по нихъ поиде. Болгари же, идуще по брегу, видяще своихъ ведомыхъ, овому отци, иному сынъ и дщерь, другому же братіа и сестры и соплемяпницы, и стаху покивающе главами своими, и стоняще сердце ихъ, и смѣжающе очи свои".

„Святославъ же минувъ Исады, и ста па усть Камы, и ту прінде къ нему Бонславъ Добрынічь, и Ростовци и Устюжане со множествомъ полона и съ корыстію великою: тѣ бо отпущени бяху прежь еще въ низъ идуще воевати по Камѣ, и взяста по ней много городовъ, а селъ пѣколико, и пожгоша все, а люди изсѣкоша, а иныхъ во плѣнъ поведоша". Оттуду же посла Святославъ вѣсть предъ собою ко брату своему Юрью, и дошедъ Городца, и выпде изъ лодей, и поиде ко граду Володимерю на конѣхъ".

13. Г. Ошель, Великій городъ=Бюлару, Камскіе города, Исады, Булгарскіе князья. Въ разсказѣ о походѣ 1220 г. упоминается г. Ошель, который въ Никоновской называется Авля, а въ Львов—Ошлява, у Татищ.—Ашля. О мѣстонахожденіи этого города лѣтописи говорятъ только, что онъ находился противъ острова па Волгѣ, ниже устья Камы и ниже Исадовъ.

Татищевъ говоритъ объ этомъ городѣ въ третьемъ томѣ (пр. 606) и первомъ (стр. 351). Въ первомъ томѣ: „на

нагорной сторонѣ ниже Камы верстъ съ 5 былъ г. Ашла", въ третьемъ: „г. Ашля былъ ниже Камы на правой сторонѣ Волги верстахъ въ семи, котораго остатки видимы и имя въ памяти хранится".

Но далѣе Татищевъ продолжаетъ въ первомъ томѣ: „въ Симбирскомъ уѣздѣ близь с. Ташла на горахъ сказываютъ не малое зданіе города Ташлы, о которомъ въ лѣтописи н. 441 (?) упомянуто"; въ третьемъ томѣ: „Еще есть рѣка Пошла (Тошла?) ниже Симбирска разстояніемъ верстъ съ 42, гдѣ на горѣ городъ и строеніе каменное видимо; а нынѣ близь онаго верстахъ въ 4 есть двѣ деревни, Ташля ясашная и солдатская, но сіи какъ именованы неизвѣстно, и Русскіе такъ далеко отъ Волги не ходили; Ашля же точно на Волгѣ".

Георги (1) указываетъ, что близъ Кирельскаго села, при устьѣ Кирелки, на лѣвомъ берегу рѣчки, находится еще не разрушенный валъ прежняго татарскаго города Ашли. Валъ двухъ саженъ вышины и окружаетъ береговое, четыреугольное пространство въ 65 саженъ.

Рѣка Кирелка впадаетъ въ Волгу ниже Камы верстъ на 8, слѣдовательно эта мѣстность подходитъ къ указанному Татищевымъ мѣстонахожденію г. Ашла (Ошли); затѣмъ противъ этой мѣстности лежитъ на Волгѣ довольно большой островъ, какъ видно на картѣ Стрѣльбицкаго, что подтверждаетъ показаніе лѣтописи, что Русскіе остановились на островѣ противъ этого города.

Въ настоящее время здѣсь находится городокъ, который называется Яптиковскій (2).

Карамзинъ (III, пр. 187), основываясь очевидно на Татищевѣ, говоритъ, что городъ Ошелъ находился недалеко отъ устья Камы.

Не смотря на указаніе Татищева, Арцыбышевъ (ib. прим. 1960) отыскиваетъ этотъ городъ въ Симбирскомъ уѣздѣ, гдѣ, говоритъ онъ, есть два селенія, называемыя Городищи: одно на нагорномъ, а другое на луговомъ берегу Волги, не слѣдуетъ ли въ которомъ нибудъ изъ нихъ полагать древнюю Ошлю?

---

(1) Bemerkungen einer Reise, II, 801.

(2) См. ниже въ III отдѣлѣ «Правый берегъ Волги».

Причина невниманія Арцыбашева къ указанію Татищева и поисковъ за городомъ Ошель въ Симбирскомъ уѣздѣ объясняется слѣдующимъ: Арцыбашевъ (прим. 1956) подъ Великимъ городомъ и въ разборѣ похода 1220 г., также какъ и въ двухъ предыдущихъ 1164 и 1184 гг., разумѣетъ городъ Булгаръ. Между тѣмъ лѣтописи говорятъ, что, когда князь Святославъ послѣ сожженія Ошеля поднялся выше, то услыхалъ, что на Исадахъ, еще выше, ждутъ его Булгары, пришедшіе изъ Великаго города и другихъ городовъ, слѣдовательно, говоритъ Арцыбышевъ (пр. 1957), г. Ошель былъ ниже Великаго города.

Всѣ эти недоразумѣнія Арцыбашева легко объясняется признаніемъ и въ этомъ походѣ Великимъ городомъ—Бюлара, изъ котораго вмѣстѣ съ другими городами отправились Булгары на Исады, подобно тому, какъ отправлялись туда въ 1184 г. Движеніе къ Исадамъ изъ Бюлара дѣйствительно было выше Ошеля и могло быть неизвѣстнымъ Святославу. Затѣмъ окончательнымъ опроверженіемъ Арцыбашеву и подтвержденіемъ моего указанія, что подъ Великимъ городомъ должно разумѣть Бюларъ служитъ слѣдующее заявленіе лѣтописи, на которое Арцыбашевъ не обратилъ вниманія—что изъ Великаго города и другихъ городовъ собрались на берегу Волги, къ Исадамъ—„овіи на коняхъ, другіи пѣши". Напятно, что изъ Булгара къ Исадамъ ни на коняхъ, ни пѣшкомъ, не пошли бы, а поднялись бы на судахъ по Волгѣ, между тѣмъ изъ Бюлара прямая и ближайшая дорога къ Исадамъ сухопутная.

Такимъ образомъ, съ признаніемъ Бюлара Великимъ городомъ и въ 1220 г. отстраняются недоразумѣнія Арцыбашева, которыя противорѣчили положительному указанію Татищева о мѣстонахожденіи г. Ошеля.

Лѣтописный разсказъ о походѣ 1220 г. представляетъ интересныя подробности объ укрѣпленіяхъ Ошеля: дубовый тынъ, два оплота и между ними валъ, существо оплотовъ опредѣляется тѣмъ, что ихъ можно было разсѣчь и зажечь; упоминаются двое городскихъ воротъ. Разсказъ представляетъ живую картину взятія укрѣпленій

Объ этомъ городѣ интересное прибавленіе встрѣчается въ Тверск. лѣтописи (стр. 331), гдѣ сказано, что онъ основанъ Александромъ Македонскимъ. Это указаніе важно тѣмъ, что у мусульманъ, какъ мы видѣли выше, начало всѣхъ важ-

нѣйшихъ городовъ приписывается этому государю, слѣдовательно г. Ошель считался однимъ изъ важнѣйшихъ; затѣмъ это извѣстіе можетъ вести къ предположенію, что тверской лѣтописецъ руководствовался какими нибудь мусульманскими источниками, т. е. преданіями

Въ разсказѣ о походѣ 1220 г. въ первый разъ русскія лѣтописи упоминаютъ города на Камѣ: „взяста по ней много городовъ, а селъ нѣколико".

Наконецъ, этотъ разсказъ опредѣленно указываетъ мѣстность Исадовъ ниже устья Камы и выше г. Ошеля: кн. Святославъ отъ города Ошеля пошелъ вверхъ по Волгѣ, прошелъ мимо Исадовъ и остановился у устья Камы. Точное опредѣленіе въ этомъ походѣ мѣстности Исадовъ сдѣлало возможнымъ объяснить и предыдущій походъ 1184 г.

Исторія похода 1220 г., кромѣ объясненій для географіи древнихъ булгарскихъ владѣній, представляетъ важный фактъ о существованіи въ Булгаріи въ одно время нѣсколькихъ князей: на встрѣчу русскому войску изъ Великаго города и другихъ „собрашася вси со князьми своими". Отношенія между этими князьями неизвѣстны, неизвѣстно и отношенія ихъ къ верховному князю, о которомъ впрочемъ русскія лѣтописи и не упоминаютъ, но о которыхъ извѣстно изъ другихъ источниковъ (см. выше).

14. **Приготовленія Юрія къ новому походу, заключеніе мира съ Булгарами.** Походъ 1220 г. окончился сожженіемъ города Ошля и обогащеніемъ участниковъ похода, напр., по Татищеву (ib. стр. 421), кн. Святославъ отъ имѣнія булгарскаго началъ строить въ городѣ своемъ Юрьевѣ каменную церковь святаго Георгія. Но вел. кн. Юрій желалъ болѣе точно опредѣлить отношенія свои къ Булгарамъ, поэтому въ ту же зиму сталъ приготовляться къ новому походу, не смотря на то, что Булгары прислали просить о мирѣ.

Воскрес. лѣтопись: „На ту же зиму Болгаре прислаша послы своя къ вел. князю Юрью, моляшеся и мира просяще, и не послушавъ моленія ихъ, и отпусти ихъ, а самъ начатъ наряжатися на нихъ, и посла въ Ростовъ по Василка Костянтиновича и повелѣ ему ити на Городець, а самъ поиде же. И бывшу ему на Омуту (1) и ту пріидоша къ

(1) О мѣстонахожденіи Омута было замѣчено только Арцыбашевымъ (ib. пр. 1963), что Омутъ былъ по дорогѣ изъ Владиміра въ Городець.

нему друзіи посли Болгарьстіи, съ молбою и съ челобитьемъ просяще мира; онъ же, ни позрѣвъ на молбу ихъ, отпусти ихъ прочь отъ себе, и прінде на Городець съ полкы, а Василко ту же приде къ нему. А Болгарьстіи посли пришедше, сказаша своимъ, яко князь Юрьи стоитъ на Городци, ожидаа братьи своей, а мира не дасть, но хощете пакы ити на ны; они же убояшася зѣло и послаша къ нему на Городець 3-й посолъ съ молбою великою, и съ дары многими и съ челобитьемъ, и пріятъ молбу ихъ, и взя дары у нихъ, и управишася по прежнему миру, яко же было при отцѣ его Всеволодѣ и при дѣдѣ его Георгіи Володимеричи, и посла съ ними мужи свои водити въ роту князей ихъ и земли ихъ по ихъ закону“ (²).

По смыслу сообщенія Никон. лѣтописи (II, 362) подъ 1229 годомъ, въ 1221 г. было заключено съ Булгарами только перемиріе на 6 лѣтъ: „Болгари, глаголеміи Казанцы, прислаша къ вел. кн. Юрью Всев. о мирѣ; бѣ бо перемирья промежъ ихъ на 6 лѣтъ, и люди пленепныя быша во обѣихъ странахъ. И тако умирішася, и по вѣрѣ обои кождо своей утвердишася, и плененныя люди разпустиша; кн. вел. отпусти къ нимъ измаильтянъ ихъ, а они отпустиша къ великому князю христіянъ“.

По смыслу этого мѣста Никон. лѣтописи, миръ былъ заключенъ только въ 1229, послѣ оканчившагося шестилѣтняго перемія; но Татищевъ (III, 454) говоритъ, что въ 1229 г. былъ заключенъ миръ на 6 лѣтъ, представляетъ условія мира и подробности его заключенія.

По Татищиву, кн. Болгарскій прислалъ къ Юрію Всеволодовичу пословъ для заключенія мира; затѣмъ съ обѣихъ сторонъ съѣхались послы на особое мѣсто, близъ русской границы, на островъ Кореневъ, гдѣ и былъ заключенъ миръ на 6 лѣтъ.

„Кореневъ островъ“, говоритъ Татищевъ (прим. 632), нынѣ неизвѣстно, но рѣка Корейна впала въ Волгу съ лѣвыя стороны выше града Василя около 15 верстъ, и про-

---

Вѣроятно, это нынѣшній погостъ во Владим. уѣздѣ Омутецкій (Николо-Пестьянскій). См. Списокъ насел. мѣстъ Владим. губ. № 90.

(²) Воскрес. 128, Никон. II, 344, Львов. I, 387, Тверск. 332, Татищ. III, 421, 422.

тиво опой островъ не малый: можетъ, сіе тогда за границу почтено".

Условіями мира было: „купцамъ ѣздить въ обѣ стороны съ товары невозбранно, и пошлину платить по уставу каждаго града безобидно, рыболовамъ ѣздить съ обѣ сторо́ны межи и имѣть любовь и миръ, плѣнниковъ всѣхъ освободить, а буде же будетъ распря, судить съѣхався судіямъ отъ обоихъ на межѣ".

Важные варіанты этого извѣстія представляла Троицк. лѣтопись, сгорѣвшая въ Москвѣ въ 1812 г. Карамзинъ (III, пр. 351) приводитъ изъ этой лѣтописи мѣсто, относящееся къ заключенію мира съ Булгарами въ 1230 г.: „Болгаре поклонишась вел. князу Юрію, проспша мира, за шесть лѣтъ бывшѣ размирью. И створи миръ съ ними, и тальми мѣнися, и люди ихъ пусти, свое у нихъ поима, и крестъ къ нимъ цѣлова; а Болгаре въ свою роту идоша, Трунове и вся чернь".

Особенно важнымъ въ этомъ мѣстѣ представляется слово „Трунове", которое справедливо, по смыслу приведеннаго мѣста, Карамзинъ переводитъ „знатные люди". Извѣстно, что вопросъ о происхожденіи и языкѣ Булгаръ, далеко еще нерѣшенный,—по недостатку основаній для рѣшенія его, главнымъ образомъ потому, что до настоящаго времени неизвѣстно почти ни одно древнее булгарское слово. Я указываю на слово „Трунове", на которое не обращали доселѣ вниманія.

15. Основаніе Нижняго Новгорода, вмѣшательство Булгаръ въ отношенія Мордвы къ Русскимъ. Важнѣйшимъ средствомъ распространенія русской власти среди сосѣднихъ, инородческихъ племенъ была русская колонизація, постепенно углублявшаяся въ инородческія земли. Эта колонизація сопровождалась поставленіемъ во вновь занятыхъ земляхъ укрѣпленій, городовъ, которые были защитою русскихъ поселенцевъ отъ инородческихъ нападеній, оплотомъ противъ нихъ. Благодаря этому, постепенно расширялись предѣлы русской земли въ ущербъ инородческимъ. Это было самымъ успѣшнымъ средствомъ къ стѣсненію сосѣднихъ враждебныхъ владѣній и къ окончательному покоренію ихъ. Такой характеръ русской колонизаціи одинаковъ по всѣмъ направленіямъ послѣдней, тоже самое представляется въ движеніи Русскихъ къ предѣламъ Булгарскаго,

а впослѣдствіи Казанско-Татарскаго царства. До двадцатыхъ годовъ XIII стол., до построенія Новаго города при устьѣ Оки, украйнымъ русскимъ городомъ по направленію къ Булгарскимъ владѣніямъ былъ Городецъ на Волгѣ, нынѣ село въ Балахнинскомъ уѣздѣ, верстъ 50 выше Нижн. Новгорода. Съ утвержденіемъ Русскихъ на устьѣ Оки, русская колонизація распространилась среди окрестныхъ мордовскихъ земель, такъ что въ концѣ XIV стол. является возможность и необходимость поставить городъ на Сурѣ—Курмышъ. Но въ половинѣ XV стол. образовалось новое сильное татарское царство на берегахъ Волги—Казанское, которое остановило движеніе Русскихъ на востокъ. Въ борьбѣ съ новымъ татарскимъ царствомъ, Русскіе продолжаютъ по старому, стараются при первой возможности укрѣпиться городомъ на инородческой землѣ, стать поближе къ центру враждебнаго царства: сначала поставленъ Васильсурскъ и затѣмъ Свіяжскъ. Черезъ два года послѣ постановленія послѣдняго города Казанскаго царства уже не существовало.

Русскія лѣтописи объ основаніи Нижн. Новгорода говорятъ подъ 1221 годомъ: Гюрги, сынъ Всеволожь, заложи градъ на усть Окы, и нарече имя ему Новъградъ“ (1).

Татищевъ прибавляетъ, что Новый городъ былъ построенъ тамъ, „гдѣ издавна былъ городъ Болгарскій, и отъ Русскихъ разоренъ“. Но это несправедливо, трудно предположить, чтобы такъ далеко на западѣ распространялись булгарскіе города; на этомъ мѣстѣ могло быть укрѣпленіе жившей здѣсь Мордвы. Нижегородская лѣтопись начинается съ извѣстія о заложеніи Нижн. Новгорода, при чемъ сказано: „а владѣли тою землею поганіи Мордва“.

О принадлежности этой земли Мордвѣ и о бывшемъ на мѣстѣ Нижн. Новгорода мордовскомъ укрѣпленіи говорятъ и преданія, понынѣ сохранившіяся у Русскихъ и у обрусевшей Мордвы (2).

Съ основаніемъ Нижняго Новгорода должны были усилиться столкновенія Русскихъ съ Мордвою; но враждуя съ

(1) Лавр. 423, Воскр. 128, Никон. II, 346, Львов. I, 388, Тверск. 333, Нижегородск. въ Др. Росс. Вивл. т. XVIII, стр. 72, Татищ. III, 428.

(2) «Очерки Мордвы» П. Мельникова въ Русск. Вѣстн. 1867, № 6.

одними, Русскіе привлекали къ себѣ другую Мордву въ качествѣ союзниковъ, и такимъ образомъ вносили и поддерживали внутреннія раздоры среди Мордвы, ослабляя ихъ этимъ.

Въ отношенія Русскихъ къ Мордвѣ вмѣшивались и Булгары, противодѣйствуя успленію Русскихъ около своихъ предѣловъ, или, можетъ быть, какъ имѣвшіе нѣкоторую власть надъ Мордвою. Лавр. лѣтопись (стр. 428, 429) говоритъ, что, когда Русскіе опустошали въ Мордовской землѣ волость Пургаса, которая враждовала съ Русскими, „а Болгарьскый князь пришелъ былъ на Пуреша, ротника Юргева, и слышавъ, оже вел. князь Юрги с братьею жжеть села Мордовьская, и бѣжа прочь ночи“.

Такимъ образомъ, встрѣчаемъ одного владѣтеля мордвинскаго Пургаса врагомъ, другаго Пуреша—ротникомъ (союзникомъ) Русскихъ, противъ послѣдняго вооружается какой то булгарскій князь.

16. **Христіанскій мученикъ въ Великомъ городѣ.** Подъ 1229 годомъ Лавр. лѣтопись (1) говоритъ: „Страсть новаго мученика Христова, его же убиша Болгаре в Великомъ градѣ ихъ: сь бысть иного языка не Русскаго, хрестьянъ же сы, имѣяше имѣнье много, гостешбу дѣя по градомъ, вниде в Болгарьскый градъ; они же емше нудиша и много дний, ласканьемъ и прѣщеньемъ отврещися Христа и вѣры хрестьянскыя, онъ же не покорися, но вся оставивъ, изволи паче умрети за Христа; усѣченъ бысть мѣсяца априля въ 1 день, егоже Русь хрестьяне вземше тѣло положиша в гробѣ, идеже вси хрестьяне лежать. И створи Богъ милость вскорѣ, за кровь его, погорѣ у него болшая половина города Великаго, а потомъ оставшая часть загарашется днемъ дважды и триждыи; такоже и бысть по мьного дни, мало остася города, а все погорѣ и товара погорѣ множство бещисленo, за кровь мученика Христова“.

Подъ слѣдующимъ годомъ лѣтописи говорятъ о перенесеніи мощей мученика въ городъ Владиміръ. При этомъ

---

(1) Лавр. 430, Воскр. 135, 136; Никоп. II, 362, 363; Львов. I, 403, Тв. 353, Царств. лѣтоп. 112—114, Степ. кн. I, 331, 332; Татищ. III, 454.

Лавр. лѣтопись называетъ мученика по имени Авраамій. Въ другихъ лѣтописяхъ (Никон., Твер., Татищ.) онъ называется по имени и прежде, здѣсь показано, что онъ родомъ булгаринъ.

Для опредѣленія какой городъ здѣсь разумѣется подъ названіемъ Великаго, лѣтописи не представляютъ никакихъ данныхъ.

Это лѣтописное извѣстіе представляетъ доказательство, что въ Великомъ городѣ жили Русь-христіане, что здѣсь было христіанское кладбище. Кромѣ находившихся въ плѣну, въ этомъ городѣ могли проживать Русскіе по дѣламъ торговымъ.

III. ОТЪ НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ ДО НАЧАЛА КАЗАНСКАГО ЦАРСТВА.

1. **Нашествіе Татаръ на Булгарскую землю.** Мусульманскіе источники, какъ мы видѣли, говорятъ о столкновеніи Татаръ съ Булгарами въ 1223 г. (Ибнъ Эльасиръ) и о завоеваніи Булгаръ еще при жизни Чингиза, сыномъ его Джучи (Абуль-Гази, указывая на Рашидъ-Эддина). Но русскія лѣтописи упоминаютъ о Татарахъ около предѣловъ Булгарской земли въ первый разъ въ 1229 г. Лавр. лѣтопись (стр. 430) говоритъ, что въ этомъ году: „Саксини и Половци възбѣгоша из низу к Болгаромъ передъ Татары; и сторожеве Болгарьскыи прибѣгоша, бьени отъ Татаръ близь рѣкы, ей же имя Яикъ“.

Это мѣсто лѣтописи указываетъ и на восточные предѣлы Булгарскихъ владѣній, они оканчивались близъ Яика (Урала); здѣсь Булгары держали сторожевое войско. Самая рѣка Уралъ, вѣроятно, принадлежала Саксину, который, какъ объясняетъ Хвольсонъ (1), находится на этой рѣкѣ, подтвержденіемъ чему служитъ и вышеприведенное мѣсто Лавр. лѣтописи.

---

(1) «Извѣстія Ибнъ-Даста», 73—76.

Подъ 1232 г. лѣтописи говорятъ, что приходили Татары и зимовали не дошедши Великаго града Болгарскаго (2).

Татищевъ разсказываетъ объ этомъ подробнѣе: Татары, пришедъ на Волгу, въ нижніе Болгары въ великомъ множествѣ, и воевали со оными, а къ Великому граду не ходили; Болгаре же прислали кн. Юрію объявить, что пришелъ народъ невѣдомый и языкъ, коего прежде не слыхали, весьма сильный, и просили, чтобъ послалъ къ нимъ помочь, обѣщевая всѣ его убытки заплатить. Князь великій, собравъ братіевъ и сыновцевъ, совѣтовалъ, и слыша, что Татаръ сила велика, а Болгаровъ обезсилѣть не жалѣя, отказали имъ въ помочи. Татара поплѣня, покорили себѣ нижнихъ Болгаръ, и грады ихъ великіе разорили всѣ".

Къ этому Татищевъ объясняетъ, что присылка къ Юрію была отъ верхнихъ Болгаръ, къ которымъ Татары пришли, одолѣвъ уже нижнихъ, подъ послѣдними онъ разумѣлъ Бесерменовъ, о которыхъ упоминаетъ Карпеинъ (Плано-Карпини), но, при изданіи послѣдняго съ русскимъ переводомъ, объясняется, что подъ Бесерменами Плано-Карпини разумѣлъ Хивинцевъ (3).

Мусульманскіе источники не упоминаютъ о столкновеніи Монголовъ съ Булгарами 1232 г.

Лѣтописи говорятъ, что Татары не дошли до Великаго города; но, для рѣшенія вопроса—какой городъ должно разумѣть подъ этимъ именемъ—Булгаръ или Бюларъ, лѣтописи не даютъ никакихъ данныхъ. Если подъ Великимъ городомъ въ 1232 г. разумѣется тотъ-же, о которомъ упоминается въ 1236 г., и если извѣстіе Татищева, относящееся къ послѣднему походу, справедливо, что вмѣстѣ съ Великимъ г. былъ взятъ и Жукотинъ, то подъ Великимъ городомъ должно разумѣть Бюларъ, какъ объяснено ниже.

Окончательное завоеваніе Татарами Булгарской земли русскія лѣтописи относятъ къ 1236 г. „Придоша отъ

(2) Лавр. 437, Воскр. 138, Ник. II, 368, Царств. лѣт. 123, Львов. I, 406, Тв. 359, Татищ. III, 459.

(3) «Собраніе путешествій къ Татарамъ», Спб. 1825 г.

восточныѣ страны в Болгарьскую землю, безбожнии Татаре, и взяша славный Великый городъ Болгарьскый, и избиша оружьемъ отъ старца и до унаго и до сущаго младенца, и взяша товара множство, а городъ ихъ пожгоша огнемъ, и всю землю ихъ плѣниша“ (4).

Татищевъ говоритъ, что вмѣстѣ въ Великимъ городомъ былъ взятъ и Жукотинъ. Если это указаніе Татищева достовѣрно, то это будетъ первое извѣстіе о Жукотинѣ, о которомъ мусульманскіе источники не упоминаютъ. Этотъ городъ лежалъ на Камѣ, на сѣв. отъ Бюлара (5).

Если признать показаніе Татищева достовѣрнымъ, то является основаніе для признанія подъ именемъ Великаго города—Бюлара, потому что было бы непонятно, какимъ образомъ Татары, шедшіе къ Камѣ съ юга, могли оставить встрѣчающійся имъ на дорогѣ Бюларъ.

Затѣмъ Татищевъ говоритъ, что „тогоже году отъ плѣненія татарскаго многіе Болгары избѣгши, пришли въ Русь, и просили, чтобъ имъ дать мѣсто. Кн. вел. Юрій вельми радъ сему былъ, и повелѣлъ ихъ развести по городамъ около Волги и въ другіе“.

По Рашидъ Эддину, покореніе Татарами Булгарской земли совершено послѣ возвращенія Татаръ изъ Польши и Венгріи, куда Татары отправились въ 1236 г., по, какъ было выше замѣчено, это ошибка.

Джувейни, предшественникъ Рашидъ-Эддина, говоритъ о походѣ въ эти два государства, послѣ завоеванія Булгаръ и Русской земли. Д'Оссонъ (6) относитъ завоеваніе Булгарской земли именно къ 1236 г., т. е. согласно съ показаніемъ русскихъ лѣтописей.

Рашидъ-Эддинъ говоритъ, что Татары дошли до г. Кернека, какъ читаетъ Березинъ; Джувейни говоритъ о взятіи г. Булгара, который славился по свѣту своимъ населеніемъ (7). Мусульманскіе источники не помогаютъ опредѣ-

(4) Лавр. 437, Академич., напечат. вмѣстѣ съ Лавр. 486, Воскр. 178, Ник. II, 370, Льв. I, 407, Новг. IV, 30, Царств. лѣт. 126, Татищ. III. 456.

(5) Точное опредѣленіе мѣстонахожденія этого города см. ниже въ III Отд. «Гор. Жукотинъ и его окрестности».

(6) См. выше въ I Отд. «Историки монг. нашествія.

(7) Ibid.

ленію упоминаемаго въ русскихъ лѣтописяхъ Великаго города.

Рашидъ-Эддинъ говоритъ, что Бату для завоеванія Булгарской земли послалъ Субудай Багадура. Ипат. лѣтопись (стр. 522) упоминаетъ, при описаніи взятія Кіева, Бурунъ дай богатыря, „иже взя Болгарьскую землю и Суждальскую".

Никон. лѣтопись (Ш, 14) говоритъ еще о нападеніи Татаръ на Булгарскую землю въ 1241 году: „Батыевы Татарове взяша Волгоры, иже на Волзѣ и на Камѣ".

Это извѣстіе о вторичномъ завоеваніи Булгаръ подтверждается Рашидъ-Эддиномъ, который говоритъ, что, послѣ разгрома Булгарской земли Субудай Багадуромъ, булгарскіе владѣльцы Баянъ и Джику, пришедши къ монгольскимъ принцамъ, изъявили покорность, были пожалованы, но возвратившись назадъ, опять возстали. Послѣ этого Субудай Багадуръ овладѣлъ ихъ землею.

2. Булгарскіе князья, утверждаемые Ханами Золотой Орды. Въ „Минеяхъ Четіяхъ" Макарія (1) помѣщено житіе кн. Ѳеодора Ростиславича Смоленскаго и Ярославскаго чудотворца, который, какъ увидимъ ниже, былъ въ особыхъ отношеніяхъ къ Татарамъ Золотой Орды и къ Булгарамъ.

Въ житіи Ѳеодора сказано, что ,послѣ нашествія Бату, „начаша ходити русстіи князи и болгаре въ Орду, ко царю отчинъ своихъ просити у царя на столованіа своа". Это извѣстіе свидѣтельствуетъ, что, подобно русскимъ князьямъ, и владѣтели булгарскіе получали изъ Орды ярлыки на княженіе.

Слѣдовательно нельзя предполагать, что со времени татарскаго нашествія вполнѣ окончилась самостоятельность булгарскихъ владѣній, что булгарскіе города сдѣлались непосредственнымъ достояніемъ хановъ Золотой Орды. Послѣднему предположенію противорѣчатъ и русскія лѣтописи, которыя упоминаютъ, послѣ нашествія Татаръ, булгарскихъ и жукотинскихъ князей; булгарскіе владѣтели этого време-

(1) Великія Минеи Четіи. Сент. дни 14—24. изд. Археогр. Комм. Спб. 1869.

ни, какъ мы видѣли выше, вычисляются и въ мусульманскихъ источникахъ.

Но Булгарская земля, сравнительно съ русскими княжествами, была въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ къ Татарамъ: здѣсь кочевали, а впослѣдствіи начинали осѣдлую жизнь Татары-завоеватели, которые придали Булгарамъ татарскій характеръ, сдѣлали ихъ Татарами, къ булгарскимъ владѣніямъ прикочевывали сами ханы Золотой орды, отъ имени этихъ хановъ въ Булгарѣ били монету.

Выше было указано на мнѣніе Эрдмана (²), который, основываясь на показаніяхъ Руисбрика о лѣтней кочевкѣ Бату далеко на сѣверъ и на названіи въ Ферхенгъ-Наме г. Булгара—„золотымъ троном“ (Алтунъ техтъ), думаетъ, что Булгаръ былъ столицею Бату.

Монетъ съ именами булгарскихъ владѣтелей мы не встрѣчаемъ отъ временъ татарскаго владычества, очевидно, что эти владѣтели не имѣли права чеканить монету отъ своего имени, что составляло важнѣйшую привиллегію самостоятельнаго владѣнія. Такимъ образомъ, булгарскіе князья болѣе русскихъ представляются съ характеромъ намѣстниковъ хановъ Золотой Орды.

3 Отношенія кн. Ѳеодора Смоленскаго къ Татарамъ и Булгарамъ. Степ. кн. (I, степень IX, гл. 18) представляетъ житіе кн. Ѳеодора Ростиславича, Смоленскаго и Ярославскаго чудотворца; здѣсь, между прочимъ, сказано, что ордынскій царь выдалъ за кн. Ѳедора въ замужество свою дочь и подарилъ зятю 36 городовъ, изъ которыхъ поименованы только 9: Черниговъ, Болгары, Кумане, Корсунь, Тура, Казань, Арскъ, Гормиръ, Балыматы.

Всѣ эти города, за исключеніемъ Чернигова и Корсуня, считаютъ булгарскими, напр. Артемьевъ (¹) говоритъ, что въ русскихъ лѣтописяхъ, при описаніи событій, относящихся къ здѣшнему краю, поминаются города: Бряхимовъ, иначе Великій г., Кумань, Тура, Казань, Арскъ, Биляръ, Гормиръ или Горширъ, Балыматы или Булимеръ, Собекула,

---

(²) Beiträge zur. Kenntn. des Innern v. Russl. I, 301.

(¹) Предисл. къ Сп. насел. мѣстъ Каз. губ. XXX.

Челматъ, Тухчинъ, Торцкій, Ошелъ, Жукотинъ, Кременчугъ.

Очевидно, что, при вычисленіи этихъ городовъ, Артемьевъ руководствовался вышеприведеннымъ извѣстіемъ Степ. книги, кромѣ которой, русскія лѣтописи не упоминаютъ булгарскихъ городовъ подъ названіемъ: Кумань, Тура, Гормиръ или Горширъ, Балыматы или Булымерь.

Изъ этихъ четырехъ городовъ послѣдній пріурочиваютъ къ городищу около сц. Булымеръ въ Спасск. уѣздѣ, которое въ древнихъ документахъ называется и Балыматъ; но, какъ объясняется ниже (2), Булымерскимъ городомъ называется и Бюларъ или Билярскъ, слѣдовательно подъ Балыматомъ можно разумѣть и этотъ послѣдній.

Относительно первыхъ трехъ городомъ нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ для причисленія ихъ къ булгарскимъ городамъ.

Настоящія названія селеній Каз. губ. не представляютъ ни Кумани, ни Гормира или Горшира, подъ названіемъ Тура встрѣчаются два селенія въ Казанск. уѣздѣ— Тура Старая и Тура Новая, но никто не указываетъ при этихъ селеніяхъ признаковъ прежнихъ городовъ. Подъ Кумане, я предполагаю, должно разумѣть земли по р. Кумѣ, протекающей по западному прибрежью Каспійскаго моря.

Житіе кн. Ѳедора находится, какъ выше упомянуто, и въ Минеяхъ Четіяхъ Макарія; эта редакція житія кн. Ѳедора представляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тоже самое, что и Степ. кн., но въ Минеяхъ-Четіяхъ нѣтъ извѣстія о пожалованіи Ѳедору городовъ.

Архіеп. Филаретъ (3) указываетъ, что житіе князя Ѳедора помѣщено и въ Никон. лѣтописи (Ш, 62—68), но здѣсь оно перемѣшано съ другими событіями, о городахъ здѣсь тоже не упоминается.

По замѣчаніямъ г. Ключевскаго (4), житіе кн. Ѳедора встрѣчается въ различныхъ спискахъ, принадлежащихъ разнымъ составителямъ, но болѣе подробный списокъ принад-

---

(2) Въ Ш Отд. «Лѣвый берегъ Волги».

(3) «Русскіе святые,» сентябрь, Черниг. 1863 г. стр. 81, прим. 151.

(4) «Древнерусскія житія святыхъ» М. 1871 г. стр. 171—175.

лежитъ Антонію, іеромонаху Спасскаго ярославскаго монастыря, написанный по порученію вел. кн. Іоанна и митрополита Филиппа. Въ Минеяхъ Четіяхъ Макарія, говоритъ Ключевскій, помѣщено именно житіе, составленное Антоніемъ; но и сочиненіе Антонія встрѣчается въ спискахъ очень разнообразныхъ, вслѣдствіе пропусковъ и сокращеній.

Жизнь кн. Ѳеодора обращаетъ на себя особенное вниманіе историка Булгаріи: кн. Ѳедоръ принималъ участіе въ походѣ Менгу-Тимира противъ Волжскихъ Булгаръ.

Въ печатномъ житіи Ѳедора въ Минеяхъ-Четіяхъ Макарія и Степ. книгѣ объ этомъ не упоминается, подобно какъ и объ участіи этого князя въ походѣ Татаръ противъ Ясовъ, о чемъ свидѣтельствуютъ Ник. (III, 64) и Воскресенская (стр. 173) лѣтописи.

Послѣ походовъ противъ Ясовъ, эти лѣтописи, подъ тѣмъ же 1278 г., говорятъ объ участіи кн. Ѳедора еще въ какой-то татарской войнѣ: „Глѣбъ Васильевичъ посла сына своего Михаила въ орду на войну съ сватомъ своимъ Ѳедоромъ Ростиславичемъ“ (Воскр. 174, Ник. IV, 66). Лѣтописи не указываютъ, съ кѣмъ именно воевали Татары, но Карамзинъ (IV, 80) говоритъ, что „Татары воевали тогда въ Болгаріи съ однимъ славнымъ бродягою, свинопасомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Лахана: сей человѣкъ приманилъ къ себѣ многихъ людей, увѣривъ ихъ, что Небо послало его освободить отечество отъ ига монгольскаго; имѣлъ сперва удачу и женился на вдовствующей супругѣ царя Болгарскаго, имъ злодѣйски умерщвленнаго; но былъ наконецъ разбитъ Татарами и лишенъ жизни въ станѣ Ногаевомъ“.

Но все это, какъ оказывается изъ того источника, на который ссылается Карамзинъ (5), относится къ Дунайскимъ Булгарамъ и Татарамъ орды Ногая, а не къ Волжскимъ Булгарамъ и не къ хану Золотой Орды Менгу-Тимиру, на дочери котораго былъ женатъ кн. Ѳедоръ.

Впрочемъ, Карамзинъ (ib. 70) замѣчаетъ, что вѣроятно Ѳеодоръ былъ зятемъ не Менгу-Тимира, а Ногая, женатаго на христіанкѣ и не хотѣвшаго принять вѣры магометанской; вмѣстѣ съ этимъ Карамзинъ (ib. 79, 80) указываетъ на участіе князя Ѳедора въ войнѣ Менгу-Тимира съ Ясами и въ

(5) «Memoriae populorum» Стриттера, III, 1067 и слѣд.

войнѣ съ Дунайскими Булгарами, которую предпринималъ современникъ Менгу-Тимира Ногай. Противъ предположенія Карамзина, что кн. Ѳеодоръ былъ женатъ на дочери Ногая, а не Менгу-Тимира, котораго Карамзинъ въ противоположность Ногаю считаетъ фанатикомъ магометанства, возражаетъ В. В. Григорьевъ (6). „Вотъ что значитъ, говоритъ онъ, увлечься какою нибудь ложною мыслью, какъ мысль Карамзина о ревностномъ исламизмѣ Золото-ордынскихъ хановъ: вездѣ она будетъ показывать вещи не въ настоящемъ свѣтѣ и вводить въ ложныя сужденія и заключенія". Менгу-Тимуръ, по мнѣнію Григорьева, даже не былъ мусульманиномъ.

Архіепископъ Филаретъ (ib. 84, прим. 159) также опровергаетъ Карамзина: „Карамзинъ хочетъ считать Анну дочерью Ногая, но если бы онъ зналъ сочиненіе іером. Антонія (житіе кн. Ѳеодора), которое повторяетъ Степенная книга, то онъ не сталъ бы не довѣрять послѣдней и придумывать предположенія произвольныя; онъ считаетъ Менгу-Тимира фанатикомъ магометанства, а тотъ былъ язычникъ, строгій исполнитель Чингисова закона". При этомъ Филаретъ ссылается на вышеприведенное мѣсто изъ сочиненія В. В. Григорьева.

Но Филаретъ (ib. стр. 82) также говоритъ, что кн. Ѳедоръ отправлялся на войну въ Болгарію, гдѣ какой-то бродяга принялъ на себя лице человѣка, предназначеннаго небомъ освободить Болгарію отъ Татаръ; самозванецъ былъ разбитъ.

Очевидно, что Филаретъ повторяетъ здѣсь Карамзина. Затѣмъ Филаретъ (ib. прим. 155) замѣчаетъ, что Ѳедоръ около года (въ 1278 г.) провелъ въ булгарскомъ походѣ, слѣдовательно Филаретъ считаетъ булгарскимъ походомъ упоминаемую въ Никон. и Воскр. лѣтописяхъ неизвѣстную войну Татаръ.

Находится ли въ рукописномъ житіи князя Ѳедора извѣстіе объ участіи этого князя въ борьбѣ Татаръ съ Булгарами, я не знаю, но само собою разумѣется, что нельзя признавать участіе Ѳеодора въ войнахъ Менгу-Тимира и вмѣстѣ съ этимъ въ войнѣ Ногайской орды съ Дунайскими

(6) «О достовѣрности ярлыковъ», М. 1841, 48, 49. или Сборникъ статей В. В. Григорьева—«Россія и Азія», Спб., 1876, стр. 202, 203.

Булгарами, что выходитъ по Карамзину. Должно предполагать борьбу Менгу-Тимира съ Волжскими Булгарами, о которой именно и говоритъ Абуль-Гази (1).

4. **Мученикъ за Христа Ѳеодоръ.** Подъ 1323 годомъ русскія лѣтописи упоминаютъ о мученической смерти отъ Булгаръ нѣкоего Ѳеодора.

Никон. лѣтопись: „Въ Болгарѣхъ, иже на Волзѣ и Камѣ, замучиша нѣкоего крестьянина іерусалимлянина, гостя суще, много богатства имуща, и много философіи изучена, именемъ Ѳеодора; и пряшечь съ ними о вѣрѣ, они же окаяннїи не стерпѣша своего поруганія, замучиша его за православную вѣру христіанскую, мѣсяца въ 21 день“ (1).

5. **Завоеваніе Булгарской земли Пуладъ-Теймуръ-Ханомъ.** Подъ 1361 г. русскія лѣтописи говорятъ о внутреннихъ раздорахъ, о замятнѣ въ ордѣ, во время которой одному изъ ордынскихъ князей удалось завладѣть Булгарскою землею: „Замятня велика въ ордѣ: убіенъ бысть царь Хыдырь отъ своего сына Темирьхожина и сѣдь на царство, на 4 день, а на 7 день царства его темникъ Мамай замяте всѣмъ царствомъ его, и бысть великъ мятежъ въ ордѣ... А Булактемирь князь ордынскій Болгары взялъ, и всѣ городы по Волзѣ и улусы, и отня весь Вольжескій путь“ (1).

В. В. Григорьевъ (2), по поводу монетъ „блаженной памяти султана Джани-бекъ-хана“, битыхъ по повелѣнію Пуладъ Теймуръ-хана, говоритъ, что Пуладъ Теймуръ одно лицо съ упоминаемымъ въ лѣтописяхъ Булактемиромъ. По мнѣнію Григорьева, Пуладъ Теймуръ могъ быть сыномъ Джани-бека, сына Узбека; хотя это только предположенія, говоритъ Григорьевъ, но они не опровергаются никакими положительно извѣстными фактами. Если же Пуладъ-Теймуръ не былъ дѣйствительно сыномъ Джанибека, то могъ выдавать себя за его сына, подобно тому, какъ по русскимъ

(1) См. выше «Историки нашествія Монголовъ» и «Объясненіе хронологическихъ противорѣчій о походѣ Тимура и основаніи г. Казани».

(1) Никон. III 127, Львов. II, 83, Древн. лѣт. I, 112, Татищ. IV. 113.

(1) Воскр. (II. С. Л., VIII) 11; Ник. III, 217, 218; Костр I, 218, 219; Соф. I, 229, Новг. IV. 64, Супральск. рукоп. 79, Тат. IV, 194.

(2) «Описаніе клада изъ золотоордынск. монетъ, найденнаго близъ развалинъ Сарая», Зап. Археол.-Нумизм. Общ., II, 51—64.

лѣтописямъ претендентъ на ханское достоинство Кильдибекъ „творящеся сынъ Чанибека царя“ (3). Выдывая же себя за сына Джанибекова, или будучи имъ въ самомъ дѣлѣ, бить монету въ честь покойнаго отца могъ Пуладъ-Теймуръ съ тою цѣлью, чтобы среди партій, раздиравшихъ въ его время золото-ордынское ханство, снискать себѣ такимъ уваженіемъ къ памяти общечтимаго покойнаго отца своего, расположеніе и помощь со стороны всѣхъ благочестивыхъ людей въ ханствѣ. Затѣмъ Григорьевъ дастъ другое объясненіе происхожденію такихъ монетъ. Извѣстно, говоритъ онъ, что въ улусѣ Джучи, при слабыхъ государяхъ, выходили безпрестанно изъ аристократіи люди, которые, если не надѣвали царскаго вѣнца на свою голову, то распоряжали престоломъ совершенно по своему произволу, возводя на него и свергая потомъ того или другаго изъ потомковъ Чингиса, кого имъ хотѣлось. Они били монету во имя своихъ избранниковъ и оказывали имъ другія почести, принадлежащія верховной власти, но въ сущности пользовались этою властью сами, оставляя эфемернымъ ханамъ лишь тѣнь ея. Пуладъ-Теймуръ назывался въ русскихъ лѣтописяхъ не царемъ, а только княземъ ордынскимъ. Изо всего сказаннаго Григорьевъ выводитъ, что и Пуладъ-Теймуръ, будучи въ ханствѣ вельможею сильнымъ, но не имѣя правъ на престолъ, или находя удобнѣйшимъ властвовать подъ чужимъ именемъ, по примѣру Мамая и князей сарайскихъ, провозгласилъ отъ себя ханомъ нѣкоего Джанибека; а когда этотъ Джанибекъ, отъ котораго дошла до насъ монета съ 767 г., въ томъ же году умеръ, то не имѣя въ виду на мѣсто его кого-либо другого, или по другимъ, неизвѣстнымъ причинамъ, продолжалъ властвовать подъ именемъ покойнаго, какъ бы въ качествѣ его намѣстника, почему и монету билъ съ именемъ „блаженной памяти хана Джанибека“.

П. С. Савельевъ (4), по поводу этихъ объясненій Григорьева, указываетъ, что монета Джанибека 767 г. отличается по типу отъ монеты, битой Пуладъ-Теймуромъ въ честь покойнаго Джанибека. „Почему же, спрашиваетъ Савельевъ, чествуя Джанибека II, Пуладъ-Теймуръ отвергъ

(3) Ник. III, 218, Воскр. (II. С. Л. VIII), 11.

(4) «Тетюшскій кладъ» въ Труд. Вост. Отд. Арх. Общ. III, 426, 427.

оригинальный типъ его монетъ и принялъ старый типъ, довольно общій всѣмъ ханамъ? Не слѣдуетъ ли скорѣе, изъ самаго этого различія ихъ типа, заключить, что Пуладъ-Тимуръ билъ монеты, столь отличныя отъ монетъ Джанибека II, не въ честь этого Джанибека, а въ противоположеніе ему, въ честь другаго, „покойнаго“, т. е. Джанибека I, оставившаго по себѣ добрую славу во всѣхъ ордахъ?“

Нѣкоторые признаютъ, что въ извѣстіи о завоеваніи Пуладъ-Теймуромъ Булгаръ въ первый разъ упоминается городъ Булгаръ, но, по моему мнѣнію, здѣсь Болгары упоминаются въ смыслѣ народа и земли.

Въ другой разъ лѣтописи упоминаютъ о Булактемирѣ т. е. Пуладъ-Теймурѣ или Пуладъ-Тимурѣ въ 1367 г., описывая его походъ на Нижегородское княжество, послѣдствіемъ котораго было бѣгство его въ орду, гдѣ онъ былъ убитъ.

„Князь ордынскій, именемъ Булактемирь, прінде ратью Татарскою, и пограби уѣздъ весь по Волзѣ даже и до Сунтовити (5) и села княжь Борисовы, князь же Дмитрей Константиновичъ съ братомъ Борисомъ и съ дѣтьми, събравъ вои, поиде противу ему; онъ же окаянный не ста на бой, но побѣже за рѣку Піану, и гоняше по немъ много Татаръ остаточныхъ загонныхъ избиша, а иныи мнози въ рѣцѣ Піанѣ истопиша, нѣколико же ихъ по зажитьемъ избиша, а Булактемирь въ орду бѣжа и тамо убіенъ бысть отъ Азиза царя“ (6).

6. **Взятіе ушкуйниками Жукотина въ 1359** г. О враждебныхъ столкновеніяхъ Русскихъ съ Булгарами, послѣ нашествія Татаръ, лѣтописи молчатъ болѣе ста лѣтъ, до 1359 года. Въ этомъ году говорится о взятіи новгородцами Жукотина. Но это была не война какихъ-нибудь русскихъ князей съ Булгарами, а разбойничій набѣгъ новгородскихъ ушкуйниковъ. Послѣ этого, не смотря на мѣры, принятыя къ преслѣдованію разбойниковъ, такіе походы и разбойничество новгородцевъ повторяются нѣсколько разъ, до послѣдняго въ 1409 г.

(5) Р. Сундовикъ впадаетъ въ Волгу, противъ г. Макарьева.

(6) Воскр. (П. С. Л. VIII) 14, Никон. IV, 17, Львов. II, 136, Костр. I, 223, Соф. I 231, Новг. IV, 65, 66, Тат. IV, 210.

О взятіи Жукотина въ 1359 г. Никон. лѣтопись (III, 216) говоритъ подробнѣе другихъ: „изъ Великого Новагорода разбойницы пріидоша въ Жукотинъ, и множество Татаръ побиша, и богатство ихъ взяша, и за то разбойничество христіяне ограблени быша въ Болгарѣхъ отъ Татаръ. Тогожъ лѣта князи жукопстіи поидоша во Орду ко царю и биша челомъ царю, дабы царь оборонилъ себя и ихъ отъ разбойниковъ, попеже много убиства и грабленія отъ нихъ сотворяшесь безпрестани. Царь же Хидыръ посла трехъ пословъ своихъ на Русь: Уруса, Каирмека, Алтынцыбея, ко княземъ русскимъ, чтобъ разбойниковъ поимали и къ нему прислали. И бысть всѣмъ княземъ съѣздъ на Костромѣ, кн. вел. Дм. Конст. изъ Володимера, и братъ его старѣйшій князь вел. Андрей Конст. изъ Нижняго-Новгорода, и кн. Конст. Ростовскій, и поимаша разбойниковъ, и выдаша ихъ всѣхъ посломъ царевымъ и со всѣмъ богатствомъ ихъ, и тако послаша ихъ во орду“ (1).

Другой смыслъ этому набѣгу новгородцевъ придаетъ Архангелогородская лѣтопись (стр. 81), по которой смягчается разбойничій характеръ набѣга: „Болярипъ Вел. Новагор. Анфалъ Микитинъ ходилъ ратью на Каму, да взялъ г. Жукотинъ, и много Бесерменъ побилъ. Тое же зимы князи Жукотинскіе пошли во орду, били челомъ царю Киндару па русскихъ князей. И царь послалъ три послы къ русскимъ княземъ о жукотинскихъ князехъ, и многъ проторъ бысть русскимъ княземъ“.

Изъ словъ Никон. лѣтописи, по которой жукотинскіе князья жаловались на новгородскихъ разбойниковъ, что много убійства и грабежа отъ нихъ „сотворяшесь безпрестани“, видно, что это было не первое враждебное нападеніе ушкуйниковъ; мы видѣли выше, что Татищевъ причину войпъ Булгаръ съ Русскими князьями въ XII стол. объясняетъ разбойническими нападеніями Русскихъ на Булгаръ.

Въ этомъ лѣтописномъ извѣстіи, въ первый разъ упоминается г. Жукотинъ, если не считать извѣстія о немъ

(1) Тоже повторяетъ Татищевъ IV, 191, 192; Воскр. (П. С. Л. VIII) 11 говоритъ только о съѣздѣ по дѣлу разбойниковъ, но о самомъ взятіи ими Жукотина не упоминаетъ; Новг. IV, 63 и Соф. I, 229 говорятъ только о взятіи новгородцами, безъ названія ихъ разбойниками, Жукотина.

Татищева 1236 г. Арханг. лѣтопись показываетъ его на Камѣ, что подтверждается, какъ увидимъ ниже, настоящимъ мѣстонахожденіемъ городища, называемаго Жукотинскимъ.

Вмѣстѣ съ городомъ упоминаются и князья Жукотинскіе. Какъ понять нѣсколькихъ князей, принадлежащихъ одному городу? Можетъ быть, подъ жукотинскими князьями разумѣются и князья другихъ сосѣднихъ городовъ по Камѣ, напр. Кошана, Кременчуга; затѣмъ, какъ будетъ объяснено ниже, названіе Жукотина придавалось ближайшимъ сосѣднимъ укрѣпленіямъ, т. е. городкамъ, въ которыхъ могли быть особые князья.

7. Набѣги ушкуйниковъ въ 1366, 1369 и 1370 годахъ. О новомъ набѣгѣ ушкуйниковъ лѣтописи упоминаютъ подъ 1366 г.

Никон. III, 205: „Пріидоша съ Новаграда Великаго новогородцы разбойницы, и бысть ихъ двѣсти ушкуевъ, и пойдоша внизъ Волгою рѣкою и избиша Татаръ и Армянъ въ Новѣгородѣ множество, гостей сущихъ татарскихъ. Такоже и новогородскихъ и жены и дѣти ихъ избиша, и товаръ ихъ безчисленно пограбиша, и суды ихъ взя изсѣкоша, и паузки и кербасы и лодьи и учаны и мишаны и бафты и струги, и все огню предаша, а сами отидоша въ Каму; и тако Камою ходяще Болгары воююще и многихъ избиша“ (1).

Замѣчательна редакція этого извѣстія по новгородскимъ лѣтописямъ, гдѣ упоминается только о побіеніи бусурманъ и гибели подъ Нижн. Новгородамъ изъ Русскихъ только четверыхъ изъ Новгорода Великаго.

Новг. IV, 65: Пришли Новгородцы въ ушкуѣхъ, а воеводы Осифъ Валфромеевичь, Вас. Оедор., Олександръ Обакуновичь, на Нижн. Новгородъ, и много Бесерменъ избиша подъ Нижнимъ Новымъ городомъ; а нашихъ пострѣлили Филипа Утрєткова и Бориса Квашенкина да 2 человѣка... Князь Дмитрей присла въ Новгородъ, сице рекъ: „за что есте ходили на Волгу и гостей моихъ пограбили много?“ и Новгородци рѣша князю: „ходили люди молодыи на Волгу, безъ на-

(1) Тоже въ Воскр. (П. С. Л. VIII) 14, Льв. II, 134, 135 и Татищ. IV. 205.

шего слова, но твоихъ гостей не грабили, только били Бесерменъ". ([2])

Далѣе Новг. IV лѣтопись (стр. 66) упоминаетъ о походахъ ушкуйниковъ къ Булгаромъ въ 1369 и 1370 г.

1369 года „Тойже осени шло Волгою 10 ушкуевъ, а инiи шли Камою, и биша ихъ подъ Болгары".

1370 г. „Дважды шли Новгородци Волгою и много зла створиша."

8. Походъ ушкуйниковъ въ 1374 г., г. Булгаръ, Засурье. Болѣе важный походъ ушкуйниковъ былъ въ 1374 г.:

Воскрес. (П. С. Л. VIII) 21: „Идоша на низъ Вяткою ушкунцы разбойницы, 90 ушкуевъ, и пограбиша Вятку, и шедше взяша Болгары, хотѣша и городъ зажещи, и даша имъ окупа 300 рублевъ; а оттуда раздѣлишася на двое: 50 ушкуевъ поидоша на низъ по Волзѣ къ Сараю, а 40 ушкуевъ поидоша вверхъ по Волзѣ, и дошедше Обухова, пограбиша все Засурiе и Маръкваш, и перешедъ за Волгу суды всѣ изсѣкоша, а сами поидоша къ Вяткѣ на конехъ, и много селъ по Ветлузѣ идуще пограбиша" ([1]).

Въ этомъ извѣстiи русскiя лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ о г. Булгарѣ подъ настоящимъ его именемъ. Впрочемъ, по моему мнѣнiю, вообще здѣсь лѣтописи упоминаютъ объ этомъ городѣ всего только во второй разъ; въ первый разъ онъ упоминается при извѣстiи о походѣ 1164 г., подъ именемъ Бряхимова города.

Какъ я указалъ, было заявлено нѣкоторыми, что подъ Великимъ городомъ могъ упоминаться г. Булгаръ; по относительно извѣстiй о походахъ 1184 и 1220 я доказалъ, что подъ названiемъ Великаго города, можно разумѣть только Бюларъ; относительно двухъ извѣстiй о Великомъ городѣ, при описанiи татарскаго нашествiя, существуютъ нѣкоторыя основанiя для признанiя этого города тоже Бюларомъ, а не Булгаромъ; затѣмъ о Великомъ городѣ упоминается еще при извѣстiи о мученической смерти Аврамiя, при чемъ нѣтъ никакихъ данныхъ ни за, ни противъ принятiя этого города Бюларомъ, равно какъ нѣтъ никакихъ данныхъ для

([2]) Тоже Новг. Ш. 229, Соф. I, 230.

([1]) Тоже Никон. IV, 38, Львов. II, 149, Тат. IV. 230.

признанія его Булгаромъ. Послѣ 1236 г., о Великомъ городѣ, когда онъ былъ сожженъ Татарами, не упоминается, слѣдовательно лѣтописи не представляютъ никакихъ данныхъ для доказательства, что Булгаръ назывался Великомъ городомъ. Если же въ двухъ первыхъ извѣстіяхъ о Великомъ городѣ несомнѣнно подъ этимъ названіемъ должно разумѣть Бюларъ, если въ другихъ двухъ извѣстіяхъ представляются основанія къ признанію Великаго города Бюларомъ, преимущественно передъ Булгаромъ, а послѣднее извѣстіе не даетъ никакихъ данныхъ для признанія Великаго городаБюларомъ или Булгаромъ, то вмѣстѣ съ этимъ должно пасть и предположеніе о возможности, въ какомъ-нибудь изъ пяти случаевъ, разумѣть подъ Великимъ городомъ Булгаръ, но должно признать, что лѣтописи во всѣхъ данныхъ случаяхъ называютъ Великимъ одинъ и тотъ же городъ, т. е. Бюларъ, для котораго это названіе въ двухъ случаяхъ несомнѣнно. Опровергая же возможность подъ упоминаемымъ въ лѣтописяхъ Великимъ городомъ разумѣть г. Булгаръ, и не встрѣчая его ни подъ собственнымъ названіемъ, ни подъ какимъ нибудь другимъ, подобно тому, какъ онъ одинъ разъ называется—Бряхимовъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что о г. Булгарѣ лѣтописи отъ 1164 до 1374 г. не упоминаютъ.

Можно указать и причину молчанія лѣтописей объ этомъ городѣ: онъ былъ взятъ и разоренъ въ 1164 г. Андреемъ Боголюбскимъ, съ этого времени онъ долженъ былъ потерять свое значеніе Славнаго города и не могъ привлекать вниманіе лѣтописца.

Въ послѣдующихъ походахъ 1184 и 1220 г. Русскіе направлялись не противъ него, а противъ Великаго города—Бюлара, и при нашествіи Татаръ долженъ разумѣться Великій г. Бюларъ, какъ сильнѣйшій въ то время, а не разоренный Булгаръ.

Со времени нашествія Татаръ, когда былъ сожженъ Великій городъ, первенство опять переходитъ къ Булгару, который именно подъ татарскимъ владычествомъ долженъ былъ опять подняться: въ немъ чеканили монету отъ имени татарскихъ хановъ; онъ, можетъ быть, бывалъ мѣстопребываніемъ самихъ хановъ Золотой орды, во время кочевокъ на сѣверъ.

По этому понятно, почему во время татарскаго владычества не упоминается Великій городъ и говорится только

о Булгарѣ, а въ 1399 г., какъ увидимъ ниже, онъ назывался Великимъ, подобно тому, какъ прежде назывался Бюларъ.

Въ извѣстіи о походѣ ушкуйниковъ въ 1374 г. говорится, что половина ихъ поднялась вверхъ по Волгѣ, дошла до Обухова, пограбила все Засурье и Маръквашъ; потомъ эти ушкуйники перешли Волгу и пошли на коняхъ къ Вяткѣ, пограбя на пути много селъ по Ветлугѣ.

Указанныя въ лѣтописи мѣстности принадлежатъ къ Каз. губ: рѣчка Обуховка въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ, при истокѣ этой рѣки Списокъ насел. мѣстъ показываетъ село Владимірское или Бусурманово, рч. Обуховка впадаетъ въ Волгу съ правой стороны (2). Мѣстность, по которой протекаетъ Обуховка, находится за Сурою, по правую сторону ея, слѣдовательно это точно Засурье, въ отношеніи къ центральной Россіи, гдѣ писана лѣтопись. Р. Ветлуга впадаетъ въ Волгу съ лѣв. стороны, верстахъ въ 12-ти на сѣвзападъ отъ истока Обуховки, т. е. села Владимірскаго, и нижнимъ своимъ теченіемъ составляетъ границу Козмодемьянскаго уѣзда. Но что такое Маръквашъ?

Извѣстный этнографъ-чувашенинъ Михайловъ (3) говоритъ, что Маръ-квашами въ лѣтописи названы, по всей вѣроятности Черемисы, называющіе себя Мара, или Чуваша, жившіе съ ними смѣжно около р. Суры. Нынѣ слово Морквашъ существуетъ только въ названіяхъ приволжскихъ селеній Свіяжскаго уѣзда—с. Морквашъ и дер. Набережный Морквашъ, въ которыхъ живутъ уже всѣ Русскіе (4).

9. Походы: новгородскихъ ушкуйниковъ 1375 г., Вятчанъ на Арскую землю 1379 г. О походѣ ушкуйниковъ въ 1375 г. болѣе точное и подробное извѣстіе сообщаетъ IV Новг. лѣтопись, которая здѣсь уже не скрываетъ грабежа и захвата новгородцами въ плѣнъ христіанъ.

---

(2) Эта рѣчка встрѣчается съ указаніемъ имени только на рукописной картѣ Каз. губерніи.

(3) См. о немъ въ III Отд. «Р. Свіяга».

(4) Историко-статист. описаніе с. Владимірскаго - Бусурманова, Каз губ. Вѣд. 1857. № 36.

„Пришедше Новгородци, Вел. Новагорода ушкуйницы, 70 ушькуевъ, и старѣйшина бяше у нихъ Прокопъ, а другій Смолянинъ, и пришедше взяша градъ Кострому... и пограбиша его до конца.... и множство народа крестьянскаго полониша, мужей и женъ и дѣвицъ съ собою попровадиша, и отъидоша отъ Костромы. И шедше на низъ по Волзѣ, пограбиша Новгородъ Нижній, и много всякого полона взяша, и градъ зажгоша. И поидоша на низъ и повернуша въ Каму, и тамо помедлиша нѣколико время, и потомъ внидоша Камою въ Волгу. И дошедше на низъ по Волзѣ града Болгаръ, и тамо полонъ весь крестьянскій попродаша Бесерменомъ, или Костромьскій или Нижн. Новагорода, жены и дѣвици; и сами поидоша въ насадѣхъ по Волзѣ на низъ къ Сараю, гости крестьянскія грабяще, а Бесермены бьюще. И доидоша на усть Волгы близъ моря града нѣкоего Хазьторокана, и тамо изби ихъ лестью Хазитороканьскій князь, именемъ Салчій“ (1).

Въ 1379 г. лѣтописи упоминаютъ о походѣ Вятчанъ-ушкуйниковъ въ Арскую землю: Никон. IV, 84—„Вятчане шедше ратью во Арскую землю, и избиша разбойниковъ ушкуйниковъ, и воеводу ихъ изымаша Ивана Рязанца Станиславова сына и убиша“ (2).

Здѣсь въ первый разъ упоминается Арская земля, подъ которой должно разумѣть земли Вотяковъ, сосѣднія съ татарскими владѣніями, или прежде принадлежавшія Вотякамъ, потому что Татары называли Вотяковъ — Арами; впослѣдствіи упоминается Арская дорога въ собственномъ смыслѣ пути отъ Казани на сѣв-востокъ къ р. Вяткѣ, и въ смыслѣ области, по которой шла эта дорога; въ этой области у Казанскихъ Татаръ былъ городъ, который Русскіе называли Арскъ.

(1) Новг. IV. 71, 72; Новг. III, 231; Соф. I, 235; Воскр. 23, 24; Никон. IV, 44, 45; Львов. II, 153—155; Костр. I 236, 237; Тв. 435, 436; Татищ. IV, 235—237. Въ нѣкот. лѣтоп. (Новг. III, Никон., Львов., Костр., Татищ.), кромѣ количества ушкуевъ, показано, что всѣхъ разбойниковъ было 2000. Никон. и Татищ. говорятъ, что въ Астрахани князь угощалъ разбойниковъ и пьяныхъ перебилъ. Твер. говоритъ, что разбойниковъ было $1^1/_2$ тыс., что ихъ перебили на пиру, «а въ главахъ ихъ мизгить складоша».

(2) Тоже въ Воскр. 34 и у Татищ. IV, 259.

10. Походы ушкуйниковъ 1391 и 1409 гг. Города Жукотинъ и Кошанъ. О первомъ походѣ Воскр. лѣтопись (П. С. Л. VIII, 61) говоритъ: „Новгородцы и Устюжане и прочіи, къ тому съвъкупившеся, выидоша въ насадехъ и въ ушкуехъ рѣкою Вяткою на низъ и взяша Жукотинъ и Казань, и вышедше на Влъгу, пограбивше гостей всѣхъ, възвратишася“ (1).

По точному смыслу этого мѣста лѣтописи, выходитъ, что Казань вмѣстѣ съ Жукотинымъ были на Камѣ, потому что ѣхавшіе внизъ Вяткою, взявши эти города, изъ которыхъ о Жукотинѣ извѣстно, что онъ былъ на Камѣ, вышли на Волгу. Это невольно приводитъ къ необходимости подъ городомъ, который названъ здѣсь Казанью, искать другой городъ.

Этотъ городъ легко найти — въ сосѣдствѣ съ Жукотинымъ, на западъ отъ котораго, какъ было выше объяснено, на Камѣ стоялъ г. Кошанъ, который и должно разумѣть здѣсь вмѣсто Казани. Важнымъ подтвержденіемъ этому представляется то, что въ двухъ спискахъ Воскр. лѣтописи (Парижск. и Синодальн.) было написано не Казань, а „Казнь“, только въ Карамзинскомъ спискѣ стоитъ „Казань“.

Невозможно признавать случайною одинаковую описку, встрѣчающуюся въ двухъ спискахъ. Очевидно, что было написано не „Казань“ и, можетъ быть, не „Казнь“, какъ читаетъ редакторъ Воскресенской лѣтописи, а „Кажь“, „Кашь“ (Кошанъ).

У Татищева вмѣсто Казани поставленъ какой-то Ярскъ, подъ этимъ названіемъ нельзя разумѣть Арска, который находился не на Камѣ. Должно предполагать, что въ извѣстныхъ Татищеву рукописяхъ стояло названіе города, которое Татищевъ не разобралъ и по какимъ нибудь соображеніямъ поставилъ совершенно неподходящій Ярскъ.

Признавая, что въ извѣстіи о походѣ ушкуйниковъ въ 1391 г. вмѣстѣ съ Жукотинымъ упоминается Кошанъ, мы встрѣчаемся такимъ образомъ въ первый разъ въ нашихъ лѣтописяхъ съ этимъ городомъ.

---

(1) Тоже — Ник. IV, 199; Костр. I, 322; Львов. II, 195 (упоминаетъ только Жукотинъ); Тат. IV, 362.

О послѣднемъ походѣ ушкуйниковъ на Булгаръ въ 1409 г. Воскр. лѣтопись (стр. 84, 85) говоритъ: „ходилъ Анфалъ на Блъгары Камою и Влъгою, 100 насадовъ Камою, а Влъгою 150; избиша ихъ въ Камѣ Татарове, а Анфала взяша и ведоша въ орду, а Волжьскіе насады не поспѣли“ (1).

Тверская лѣтопись (стр. 485) это извѣстіе передаетъ съ большими подробностями: „Поидоша Новгородци изъ Заволочіа по Двинѣ, въ верхъ Сухоною, и вышли Костромою въ Волгу, и взяша на Костромѣ кормь, и поидоша къ Новугороду Волгою, въюючи, и взяша Новгородъ Нижній; и потомъ поидоша на усть Камы, на совѣтъ Анфалу, и не поспѣша. Анфалъ же пошелъ задними водами въ Каму, князи Болгарскіе и Жекотстіи слаша къ Анфалу, и взяша перемиріе, и даша ему окунь съ земли; Анфалъ же потому испложися къ нимъ, они же яша его лестію въ Камѣ, а дружину его изсѣкоша, а иніи разбѣгошася“.

11. **Походы Русскихъ противъ Булгаръ въ 1370 и 1376 годахъ. Мнимая Казань.** Въ Воскр. лѣтописи (стр. 17) подъ 1370 г.: „Мамай посади у себе на царство другого царя Мамантъ султана. А князь Дм. Конст. Суждалскій посла брата своего князя Бориса и сына своего князя Василіа съ многими вои, съ ними же посолъ царевъ Ачихожа, на Болгарскаго князя Асана; Осанъ же выслa противу ихъ съ челобитьемъ и съ многими дары, они же дары поимаша, а на княженіи посадиша Салтана Бакова сына, и възвратишася въсвоаси“ (1).

П. С. Савельевъ (2), по поводу монеты 771 г. (1369—1370), битой въ Сараѣ Новомъ съ именемъ Хасана хана, объясняетъ, что въ числѣ хановъ Золотой орды ни мусульманскими, ни русскими лѣтописями не упоминается Хасанъ. На основаніи же вышеприведеннаго мѣста изъ русскихъ лѣтописей, Савельевъ предполагаетъ, что русскими князьями предпринятъ былъ походъ для низверженія Асана

(1) Тоже въ Ник. V, 29, Льв. II 247, Тат. IV, 451, 452; короче—Соф. I, 257, Соф. II, 139, Новг. IV, 111, Арханг. 127.

(1) Ник. IV, 24, Тат. IV, 216.

(2) «Тетюшскій кладъ», Тр. Вост. Отд. Арх. Общ. III, 414, 415.

(Хасана), князя (бека) булгарскаго, по наущенію Мамая и въ пользу его титулярнаго царя Мамата (Мухаммеда Буляка).

На основаніи монеты съ именемъ Хасана, Савельевъ объясняетъ и причину похода противъ булгарскаго князя: монета показываетъ, что Хасанъ присвоилъ себѣ титулъ хана и завладѣлъ Сараемъ, столицею хановъ. Правитель Булгара былъ свергнутъ и на его мѣсто возведенъ Салтанъ баковъ сынъ, вѣроятно, сынъ его, бековъ сынъ.

Подъ 1376 г. Воскр. лѣт. (стр. 24, 25) говоритъ: „Посылалъ князь вел. Дмитрій Ивановичь князя Дм. Михайловича Волынскаго ратію на безбожныя Болгары, а кн. Дм. Конст. Суждлскій посла сына своа кн. Василіа и кн. Ивана, съ ними же боаръ и воя многи; и пріидоша къ Болгарамъ въ великое говѣніе, марта 16, въ понедѣльникъ на Вербной недѣли, поганіи же изыдоша противу ихъ и сташа на бой, и начашя стрѣляти, а иніи зъ города громъ пущаху страшаще Рускіе полкы, а иніи изъ самострѣловъ стрѣляху, а друзіи на велбудехъ выѣжжаша, полошающе кони Рускіе; они же никакоже сего страшахуся, но крѣпко сташа противу на бой, и устремишася единодушно на нихъ, они же окааннін побѣгоша въ градъ свой, и погониша Русь по нихъ, бьюще ихъ, и убиша ту Бесерменъ 70. Князь же Болгарьскій Асанъ и Махматъ салтанъ добиста челомъ вел. князю и тестю его князю Дм. Конст. двѣма тысячма рублевъ, а ратемъ ихъ трема тысячма рублевъ, а дарагу и таможника посадиша князя великого въ Болгарехъ, и отъидоша прочь, много зла створивше поганымъ, суды ихъ и села и зимницы пожгоша, а людей изсѣкоша“ (3).

Въ объясненіе этого мѣста П. Савельевъ (ib 415) говоритъ, что „Хасанъ, лишенный ханскаго титула и замѣненный сыномъ въ управленіи Булгаромъ, по уходѣ русскаго войска, вѣрно снова присвоилъ себѣ власть, потому что спустя 6 лѣтъ, опять находимъ его княземъ болгарскимъ вмѣстѣ съ Махмедъ-Салтаномъ, вѣроятно тѣмъ самымъ, который прежде названъ „Салтаномъ баковымъ сыномъ“.

---

(3) Ник. IV, 47, 48, Льв. II, 156, Тат. IV, 238.

Лѣтописное извѣстіе о походѣ 1376 г. имѣетъ особенно важное значеніе въ исторіи Булгарско-Казанскаго края, потому что основываясь на немъ, наши историки указываютъ, что здѣсь въ первый разъ упоминается г. Казань. Между тѣмъ въ приведенномъ нами текстѣ по Воскр. лѣтописи о Казани не упоминается, говорится о столичномъ городѣ Болгаръ, въ Львов. и у Татищева тоже самое. Откуда же заимствовали историки о г. Казани въ 1376 г. ?

Какъ сейчасъ увидимъ, это взято изъ Никон. лѣтописи; но я предпочитаю текстъ Воскр., который въ отношеніи къ этому извѣстію, является самымъ подробнымъ и по языку представляетъ доказательства большей древности, нежели Никоновскій. Послѣдняя же представляетъ позднѣйшую передѣлку основнаго текста.

Карамзинъ (V. 24, 25), не указывая источника, говоритъ: „Сыновья Димитрія Суздальскаго соединились съ полками Московскими и приближились къ Казани, городу славному въ нашей исторіи“; далѣе Карамзинъ сообщаетъ о постройкѣ города Казани, на основаніи Казанской исторіи неизвѣстнаго сочинителя.

Арцыбышевъ (II, пр. 886), ссылаясь на Никон. лѣтопись, которая говоритъ „на Болгары рекше на Казань“, заявляетъ, что здѣсь первое лѣтописное упоминовеніе о Казани.

С. М. Соловьевъ (III, 348, изд. 1862) говоритъ тоже о Казани, не ссылаясь на источники.

Очевидно, что Карамзинъ и Соловьевъ, подобно Арцыбышеву, основывались на Никон. лѣтописи.

Карамзинъ (V. пр. 39), при описаніи перваго похода 1370 г., указываетъ, что Никоновская лѣтопись говоритъ: „посла на Болгары рекше на Казань“, но это выраженіе въ лѣтописи относится къ походу 1376 г.

Затѣмъ должно замѣтить, что Никон лѣтопись и прежде не одинъ разъ употребляла подобныя выраженія въ смыслѣ объясненія, что это за Булгары: въ 1232 г. она говоритъ, что Татары зимовали не дошедши Великаго города „еже глаголется Казанскаго“; еще ранѣе, подъ 1229 г., говоритъ, что Болгары, глаголеміи Казанци, прислали къ Юрію просить о мирѣ; подъ 1230 г. говорится, что мощи Аврамія принесли изъ Болгарской земли, глаголемой Казанской.

Такимъ образомъ, если основываться на подобныхъ выраженіяхъ Никон. лѣтописи, то г. Казань, Казанскую землю и Казанцевъ должно признать до нашествія Татаръ, но ни одинъ источникъ не говоритъ о Казани ранѣе Татаръ. И такъ, выраженія Никон. лѣтописи не доказываютъ существованія Казани въ 1376 г. или ранѣе, этого не желаетъ сказать и лѣтопись, но она объясняетъ только въ позднѣйшемъ, современномъ самому лѣтописцу, смыслѣ, Булгаръ, ихъ городъ и землю.

Никоновскій лѣтописецъ подъ 1376 г. зашелъ уже очень далеко, что и могло ввести въ заблужденіе историковъ: сказавши, что Русскіе пошли на Болгары, рекше на Казань, онъ далѣе говоритъ уже прямо о Казани: „пріидоша къ Казани, Казанцыжъ изыдоша изъ града, князи Казанстіи добили челомъ, дорогу и таможники посадиша въ Казани".

Между тѣмъ, повторяю, сама лѣтопись не хотѣла говорить о существованіи будто бы тогда Казани, это доказываетъ выраженіе о булгарскомъ князѣ, при извѣстіи о походѣ 1370 г.—„на болгарскаго князя Асана, еже *нынѣ* глаголются Казанцы". И такъ, тотъ же самый князь, который называется въ 1376 г. Казанскимъ и городъ котораго называется Казань, въ 1370 г. названъ Булгарскимъ, при чемъ прибавлено только объясненіе названія „Булгарскій" въ современномъ лѣтописцу смыслѣ, т. е. въ смыслѣ—„Казанскаго".

Послѣ этого не можетъ быть сомнѣнія, что въ 1376 г. и ранѣе, въ Никон. лѣтописи не говорится о Казани. Подъ столичнымъ городомъ Булгаръ, въ которомъ жили князья булгарскіе, очевидно должно разумѣть городъ того-же названія—Булгаръ (*).

(*) П. Савельевъ (ib. 416, прим.) также замѣчаетъ, что въ Ник. лѣтописи слова «Болгаре», «болгарскій», замѣнены «Казанью» и «казанскимъ», и указываетъ, что Гаммеръ (Gesch. der gold. Horde, 323) слово «Казанцы» въ Ник. лѣтописи припялъ за прозвище Асана и сдѣлалъ изъ него кн. Хасана-Казанчи, принявъ притомъ это прозвище за тождественное съ Базарджи, упоминаемымъ у Мирхонда!

Фуксъ еще въ 1817 г. говорилъ: «переписчики ставили часто въ русск. лѣтописяхъ вмѣсто слова Болгаре—Казань, какъ болѣе извѣстное въ позднѣйшія времена имя. Отсюда произошло въ исторіи замѣшательство. У Никона II, 362 написано подъ 1229 г: «Болгары глаголемы Казанцы».

12. Постановленіе г. Курмыша въ 1372 г. Какъ оплотъ противъ вторженія въ Нижегородскую область инородцевъ засурскихъ, сосѣднихъ съ непосредственно Булгарскими землями, князь нижегородскій Бор. Конст. поставилъ въ 1372 г. Курмышъ на Сурѣ. Такимъ образомъ Русскіе подвинулись далѣе къ востоку отъ прежней, указанной въ 1229 г. Татищевымъ границы между Русскою и Болгарскою землями—р. Корейны.

Воскр. лѣтопись (VШ, 19)—„кн. Бор. Костянтиновичь постави себѣ городъ на рѣцѣ на Сурѣ, и нарече его именемъ Курмышъ“ (1).

Неизвѣстный авторъ статьи „Историч. очеркъ г. Курмыша“ (2) говоритъ, что „выборъ мѣста для построенія города объясняется довольно вѣрными стратегическими соображеніями основателя. Правый берегъ Суры, съ котораго всего болѣе можно было опасаться нападеній инородцевъ, лѣсистый и во многихъ мѣстахъ низменный; послѣ разливовъ на этихъ мѣстахъ оставались на долгое время топи, отъ того удобныхъ переправъ черезъ Суру и нынче немного, а въ то время было еще меньше. Около нынѣшняго Курмыша напротивъ могла производиться переправа весьма удобно, такъ что засурскіе инородцы, при нападеніяхъ на нижегородскія области, избирали пунктомъ для переправы черезъ Суру эту самую мѣстность. Кромѣ того для постройки города мѣстность эта была важна тѣмъ, что она имѣла естественныя защиты: городъ поставленъ на возвышенности, которую окружаетъ Сура и впадающая въ нее Курмышка“.

Далѣе въ этой же статьѣ говорится: „въ 1393 г. кн. Бор. Конст. пожаловалъ нижегородскимъ монастырямъ бобровыя гоны и рыбныя ловли отъ Курмыша по Сурѣ и разрѣшилъ имъ водворять поселенцевъ на земляхъ“. Въ 1406 г. вел. кн. Вас. Дм. въ своемъ первомъ духовномъ завѣщаніи пишетъ: „А дастъ Богъ сыну моему кн. Ивану держати Новъгородъ Нижній да Муромъ ино княгинѣ моей изъ Новагорода половина пошлинъ Новгородскихъ, да Курмышь со

Фуксъ предполагаетъ, что Казань въ первый разъ упоминается въ 1395 г., во время борьбы вел. кн. Вас. Дм. съ Симеон. Дм. кн. Суздальск. (Краткая ист. г. Казани въ Каз. Извѣст. 1817 г. и отдѣльн. оттискъ).

(1) Никон. Ш. 34, Тат. IV, 225.

(2) Матеріалы для исторіи и статистики Симб. губ., вып. Ш, 65.

всѣми селы и зъ бортью и съ путми и съ пошлинами и со всемъ, што къ нему потягло и съ Алгашемъ“ ([3]).

Подъ Алгашемъ должно разумѣть рч. Алгаши, правый притокъ Суры, которая протекаетъ въ южной части нынѣшняго Курмышскаго уѣзда. На рѣчкѣ въ настоящее время три селенія съ тѣмъ же названіемъ Алгаши.

Такимъ образомъ, подъ прикрытіемъ города Курмыша, началась колонизація по Сурѣ и даже по правой сторонѣ ея, какъ показываетъ вышеупомянутая рч. Алгаши.

13. **Грабежъ русскихъ купцовъ въ г. Булгарѣ въ 1382 г.** Воскр. (стр. 42): „Тактымышъ посла Татаръ своихъ въ Болгары, еже есть градъ на Волзѣ, и ту повелѣ торговцы Рускіа избити и гостей грабити, а суды ихъ и съ товаромъ отъимати и поправадити къ себѣ на перевозъ“.

О Болгарахъ, городѣ на Волгѣ, говорятъ и другія лѣтописи: Костр. I, 238, Новг. IV 84 ([1]); но Ник. лѣтопись говоритъ, что Тахтамышъ послалъ „во градъ нарицаемый Болгары, еже есть Казань на Волзѣ“.

Здѣсь, подъ вліяніемъ вышеобъясненныхъ стремленій этой лѣтописи къ объясненію древнѣйшаго текста, лѣтопись выражается уже совершенно неправильно, что Казань на Волгѣ называется г. Болгаромъ. Такъ г. Казань никто и нигдѣ не называетъ. Арханг. лѣтопись (стр. 103) въ этомъ извѣстіи также неправильно говоритъ о Казани—„посла въ Болгары, во градъ Казань ко княземъ, и повелѣ гостей Рускихъ изымати и разграбити, и побити“.

Это извѣстіе служитъ указаніемъ на продолжавшіяся до конца XIV стол. торговыя сношенія Русскихъ съ Булгарами, на пребываніе въ г. Булгарѣ Русскихъ по дѣламъ торговымъ.

14) **Борьба вел. кн. Василія Дмитріевича съ Семеномъ Дмитріевичемъ.** Въ борьбѣ Московскаго князя съ Суздальскимъ, послѣднему помогали Татары, это повело къ походу московскаго войска противъ Булгаръ.

Подъ 1398 г. лѣтописи говорятъ: „Вас. Дм. послалъ брата своего кн. Юрья на Казань на кн. Семена“ ([1]).

([3]) Собр. Гос. Гр. I, стр. 73.

([1]) Львов. II, 177 говоритъ о посылкѣ на Волгу и не упоминаетъ ни о какомъ городѣ.

([1]) Воскр. 72, Соф. I 251, Новг. IV 103.

Подъ 1399 г.: „князь Сем. Дм. Суздалскій прінде ратію къ Новугороду Нижнему, а съ нимъ царевичь Ентякъ съ тысячею Татаръ... взяша градъ октября 25; и быша ту двѣ недѣли, дондеже услышаша, что хощетъ на нихъ итти князь великій ратью, и побѣгоша къ ордѣ. А князь великій слышавъ се, и събра рати многы, посла брата своего кн. Юр. Дм., а съ нимъ воеводъ, и старѣйшихъ боаръ и силу многу; онъ же шедъ взя городъ Болгары Великіе, и градъ Жюкотинъ, и градъ Казань и градъ Керменчюкъ, и всю землю ихъ повоева, и много Бесермень и Татаръ побиша, а землю Татарскую плѣниша; и въевавъ три мѣсяца възвратися съ великою побѣдою и съ многою корыстію въ землю Рускую“ (2).

Новгородская IV прибавляетъ „и никто же не помнитъ толь далече воеваша Русь Татарьскую землю“.

Этотъ походъ въ Булгарской землѣ имѣлъ важное значеніе, считался важнѣйшимъ событіемъ княженія Вас. Дм., Карамзинъ говоритъ (V, 96), что Вас. Дм. слылъ съ того времени завоевателемъ Болгаріи; Герберштейнъ въ краткомъ очеркѣ событій русской исторіи говоритъ о Вас. Дм. только, что онъ „овладѣлъ Булгаріей, которая лежитъ по Волгѣ, и изгналъ изъ нея Татаръ“ (2).

Въ Никон., которая относитъ этотъ походъ къ 1396 г., подъ 1399 годомъ (IV, 278) сказано: „князь великій Василей Дм. посылалъ за княземъ за Семеномъ за Дмитріевичемъ за Суждальскимъ погонею до Казани и не угнаша“.

Подъ 1401 г. лѣтописи разсказываютъ: „кн. вел. Василій посылалъ искати княгини княже Семеновы Дмитріевича Ивана Андрѣевича Уду да Феодора Глѣбовича, а съ ними рать свою; и идоша на Мордву, наѣхаша же ю въ Татарьской земли, на мѣстѣ нарицаемѣмъ Цибирца, у святаго Николы, поставилъ бо бяше церковь ту Бесерменинъ Хазибаба, и ту изымаша княгиню Семенову Александру, и ограбивше ю приведоша на Москву и съ дѣтми; и пребысть на дворѣ Белеутовѣ, дондеже кн. Семенъ сослався покорися“ (3).

---

(2) Воскр. 72, Ник. IV, 267, Костр. I, 333—335, Соф. I, 247, 248, Соф. II 130, Новг. IV, 101, 102, Льв. II. 226.

(2) Записки о Московіи, пер. Анонимова, Спб. 1866, стр. 17.

(3) Воскр. 75, Никон. IV, 303, Льв. II 229, 230 Соф. I 253, Соф. II, 131, Новг. IV, 108, Арханг. 124, Татищ. IV, 408.

Объ этой борьбѣ Московскаго князя съ Суздальскими и о связи послѣднихъ съ Татарами говоритъ игуменъ Кириллъ въ посланіи своемъ къ Вас. Дм.: „Да слышелъ есми, господине Князь Великій, что смущеніе велико между тобою и сродники твоими Князми Суждальскими.... Слышелъ есмь, что доселѣ были у тебе въ нужи, да отъ того ся, господине, и возбранили. И ты, господине, Бога ради покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблужеиіи въ Татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались“ (4).

Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ объ этой борьбѣ, встрѣчаются 4 булгарскихъ города: Болгары Великіе, Жюкотинъ, Казань и Керменчюкъ. О мѣстонахожденіи этихъ городовъ лѣтописи въ данномъ случаѣ не представляютъ никакихъ данныхъ.

15) **Болгары Великіе, Жукотинъ, Казань? (Кошанъ), Керменчукъ, Цибирца.** Подъ Булгарами Великими, которые такъ называются въ Воскр., Костр., Львов., Соф. I и II, а въ Никон. и Новг. IV только Болгарами—должно разумѣть г. Булгаръ, который въ это время, какъ выше было указано, послѣ сожженія Великаго города—Бюлара, былъ важнѣйшимъ и величайшимъ городомъ въ Булгаріи.

Выше было указано, что Карамзинъ (V, пр. 176) на томъ основаніи, что, при извѣстіи объ этомъ походѣ, въ Троицк. лѣт., погибшей въ 1812 г., сказано: „взяша градъ Болгары“, а въ Ростовск., хранящейся въ Моск. Арх. М. Ин. Д.—„взяша градъ Болгарскій Великій“, принимаетъ, что и въ другихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ подъ Великимъ городомъ должно разумѣть г. Булгаръ. На сколько это заявленіе Карамзина вѣрно, было уже объяснено, а также объяснено, что до настоящаго случая лѣтописи не называли этотъ городъ Великимъ. Съ перемѣною обстоятельствъ, съ уничтоженіемъ прежняго значенія Бюлара, прозваніе, которое прежде принадлежало послѣднему, лѣтописи присвоили Булгару.

О городѣ Жукотинѣ настоящія извѣстія не представляютъ никакихъ новыхъ данныхъ.

О городѣ Казани, здѣсь упоминаемомъ должно сказать нѣсколько словъ.

Здѣсь ясно и единогласно во всѣхъ лѣтописяхъ называется г. Казань; относительно двухъ предыдущихъ случа-

(4) Акты Ист. I, № 12.

евъ упоминанія Казани, было доказано, что въ 1376 г. вмѣсто Казани, какъ принимаютъ наши историки, на основаніи мѣста Никон. лѣтописи, неправильно понимаемаго, несомнѣнно разумѣется г. Булгаръ; а въ 1391 г. говорится о Казани на Камѣ, т. е. въ дѣйствительности о Кошанѣ. Но въ данномъ случаѣ, при описаніи борьбы Моск. князя съ Суздальскими, нѣтъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно бы было доказать, что здѣсь разумѣется не г. Казань. Такимъ образомъ, здѣсь русскія лѣтописи упоминаютъ Казань въ первый разъ (1).

Но слѣдующія соображенія приводятъ къ предположенію, что и здѣсь разумѣется не Казань.

Если признаемъ въ этомъ извѣстіи именно Казань, то неизвѣстно, почему не упоминается о г. Кошанѣ, между тѣмъ какъ о сосѣднемъ, но болѣе восточномъ, слѣдовательно дальнѣйшемъ на пути москвичей, Жукотинѣ упоминается.

Нельзя предполагать, что о Казани, здѣсь упоминается какъ о болѣе важномъ городѣ. Въ то время Казань, какъ городъ болѣе новый и удаленный отъ центра булгарской земли, не могъ имѣть особеннаго значенія. Я имѣю при этомъ въ виду, что Казань основана въ концѣ XIII стол, послѣ похода Менгу-Тимура и, можетъ быть, въ то время существовала на мѣстѣ Старой Казани, въ 50 верстахъ отъ нынѣшней Казани, такъ какъ татарскія рукописи относятъ основаніе Новой Казани къ 1394 или 1402 г. Если же признать подъ походомъ Тимура, послѣ котораго была основана Старая Казань, походъ Аксакъ-Тимура, то придется, можетъ быть, совсѣмъ отказаться отъ признанія существованія Казани въ 1399 г., такъ какъ походъ Тимура въ Булгарію не могъ быть ранѣе 1391 г., а основаніе Казани послѣдовало не тотчасъ послѣ этого похода.

Эти соображенія приводятъ къ возможности предположенія, что лѣтописцы неизвѣстное и почти одинаковое съ Казанью названіе Кошана замѣнили одно другимъ, подобно указанному выше примѣру, когда вслѣдствіе такой замѣны Казань явилась на Камѣ.

(1) Фуксъ, какъ было выше замѣчено, также предполагаетъ, что здѣсь Казань упоминается въ первый разъ.

Возможность замѣны одного слова другимъ и въ данномъ случаѣ подтверждается стремленіемъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ объяснять болѣе древнѣйшихъ, доказательства чему представлены выше, въ отношеніи къ Никон. лѣтописи, которая, при описаніи похода 1376 г., въ своемъ стремленіи объяснить г. Булгаръ дошла до того, что два раза употребила названіе Казани вмѣсто Булгара. Такое стремленіе къ объясненію древнѣйшаго текста замѣчается въ Никон. лѣтописи и при описаніи событій 1399 г. Гдѣ въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Татары возвратились въ орду, Никон. говоритъ, что Татары возвратились въ свою землю Казанскую. Воскр. лѣтопись говоритъ, что московскій Князь послалъ свои войска, которые взяли Булгаръ и другіе города, а Никон. прибавляетъ, что послали на Казань, т. е. въ Казанскую землю.

Такія соображенія подрываютъ довѣріе къ показаніямъ лѣтописей о г. Казани въ 1399 г. и приводятъ къ предположенію, что здѣсь разумѣется г. Кошанъ.

Наконецъ, въ извѣстіи о походѣ 1399 г. русскія лѣтописи упоминаютъ въ первый разъ г. Керменчукъ, который, какъ выше объяснено, былъ на Камѣ, почти на восточныхъ предѣлахъ Булгарскихъ владѣній—этимъ объясняется заявленіе Новг. лѣтописи, что никто не помнитъ, что бы Русь такъ далеко воевала Татарскую землю.

Объ упоминаемомъ въ 1401 г. мѣстѣ Цибирца Арцыбышевъ (II, прим. 1113) говоритъ, что, „едва ли Цибирца не есть испорченное слово Симбирскъ“; С. М. Соловьевъ (1), указывая на Арцыбышева, говоритъ—„не скорѣе ли Цывильскъ?“

Между тѣмъ дер. Сибирчи (Чибирчи) встрѣчается въ Тетюшскомъ уѣздѣ около средины сѣверн. границы уѣзда, это единственное селеніе съ такимъ названіемъ въ Каз. губ. Подтвержденіемъ, что именно эта мѣстность упоминается въ лѣтописи, служитъ и сосѣдняя деревня Азбаба, на лѣв. берегу Свіяги, въ Свіяжск. уѣздѣ, верстахъ въ 12 на сѣверъ отъ Чибирчи, напоминающая Хазибабу, который поставилъ въ Цибирцѣ церковь св. Николы.

(1) Ист. Россіи, IV, прим. 3, изд. 1863 г.

Извѣстіе объ этой церкви, поставленной какимъ то бѣсерменомъ, т. е. хивинскимъ туркомъ, по Карамзину (V, стр. 76, представляетъ важное указаніе о бывшей въ XIV стол. возможности ставить христіанскія церкви въ Татарской землѣ.

16) **Вымыслы въ Тверской лѣтописи о татарскомъ походѣ 1408 г. Мнимый г. Сара Великая.** Тверская лѣтопись (стр. 484) послѣ извѣстія о нашествіи Едигея сообщаетъ о разореніи русскихъ городовъ другимъ татарскимъ царевичемъ съ помощью Булгаръ и Мордвы, при чемъ упоминается епископальный г. Сара Великая, монастыри, погосты и селы по р. Сурѣ. Такимъ образомъ, это извѣстіе имѣетъ значеніе для исторіи Булгаръ, но извѣстіе это вымышлено лѣтописцемъ, какъ видно по самому содержанію его.

„А иній царевичь прінде къ Новугороду къ нижнему и съ нимъ мнози Татарове и Болгарская сила и Мордва, взяша Новградъ Нижній.... оттолѣ окаанніи сироядци поидоша къ Городку, и городъ взяша... И поидоша отъ Городца въ верхъ по Волзѣ, воюючи обѣ страны, и быша въ Бѣлогородія, и постиже ихъ вѣсть отъ Едигѣа, и повелѣ имъ увернутися въ Орду; они же окаянніи хотѣша ити на Кострому и на Вологду, въ слѣдъ великія княины.... Поидоша взадъ къ Городцу и къ Новугороду, воююча и сѣкуча остатки людей, и поидоша отъ Новагорода воюючи Уяды и Березово поле, тако поидоша обаполъ и по лѣсомъ ищучи людей, и много люди по лѣсомъ иссѣкоша; и оттолѣ поидоша къ Сурѣ, начаша Суру воевати, Кормышъ пожгоша, и Сару Великую пожгоша, и епископы всѣ избиша, а иніе огнемъ скончашася, а люди всѣ посѣкоша, а иніе огнемъ скончашася, градъ весь сожгоша, и мѣсто града того разориша Сары Великыа, и манастыри пожгоша, погосты и села повоеваша, и все огневи предаша, полонъ акы скотъ погнаша въ свою землю, молодіи черницы и черноризицы, все обнажено, все поругано“.

Этому длинному извѣстію Тверской лѣтописи въ другихъ соотвѣтствуетъ только слѣдующее: „Воинство же татарское, распущенное Едигѣемъ, воеваша и плѣниша много, взяша же и градъ Переяславль и огнемъ сожгоша, и Ростовъ и Дмитровъ и Серпуховъ и Верею и Новъгородъ Нижній и Городецъ и власти и села поплениша и пожгоша“ (1).

(1) Никон. V, 24, Воскр. 83, Костр. I, 271, 272.

Можетъ быть, Тверской лѣтописецъ гдѣ нибудь встрѣтилъ при этомъ и указаніе на разореніе по р. Сурѣ, что весьма могло быть; но г. Сара Великая съ епископами и монастырями уже вымыселъ, такой городъ нигдѣ неупоминается. Можно объяснить и происхожденіе этого вымысла: вѣроятно представленіе о городѣ съ епископами и монастырями на Сурѣ, именно въ г. Сарѣ Великомъ, явилось подъ вліяніемъ такъ называемой Сарской православной эпархіи въ татарскихъ владѣніяхъ, мѣстопребываніе которой лѣтописцу было неизвѣстно, между тѣмъ онъ зналъ мѣстность на Сурѣ, которая называлась Сара—два лѣвыхъ притока Суры: Большая и Малая Сара, протекающіе въ нынѣшнемъ Алатырск. у. Симб. губ.; при устьѣ Большой Сары на Сурѣ стоитъ село Засарье, а на сѣв. отъ него, на той-же рѣкѣ, между устьями Большой и Малой Сары—село Сара. Неизвѣстную мѣстность Сарской эпархіи лѣтописецъ объясняетъ извѣстною ему Сарскою мѣстностью на Сурѣ, которая упоминается и въ лѣтописяхъ, какъ одинъ изъ становъ царя Ив. Вас. во время похода его на Казань въ 1552 г.

Такимъ образомъ, явилось представленіе о городѣ на Сурѣ съ епископами и монастырями.

Но, по объясненіямъ историковъ русской церкви, пастырь Сарской т. е. Сарайской эпархіи жилъ въ самомъ станѣ орды, Сараѣ (2).

О сѣверныхъ предѣлахъ этой эпархіи, пограничныхъ Рязанской эпархіи, сохранились указанія древнихъ памятниковъ, что предѣломъ этимъ была р. Ворона, впадающая въ Хоперъ, притокъ Дона (3).

7) **Бой въ Лысковѣ въ 1411 г.** Никон. лѣтопись говоритъ: (1) „Бысть бой на Лысковѣ (2) князю Петру Дмитріевичу Московскому и княземъ Ростовскимъ и Ярослав-

(2) «Ист. русск. церкви» Филарета, періодъ второй, 4 изд. Черниг. 1862, стр. 21; «Исторія Русск. церкви» Макарія, т.IV, кн. I, Спб. 1866, стр. 121.

(3) «Грамота митрополита Ѳеогноста о предѣлахъ эпархіи Рязанской и Сарайской». Акты Ист. I, № 1.

(1) Ник. V. 36, Костр. I, 278, 279, Тв. 485, Тат. IV 455.

(2) Извѣстное село въ Макарьевск. уѣздѣ Нижег. губ.

скимъ и Суждальскимъ со княземъ Даніломъ Борисовичемъ изъ Нижняго Новагорода (3), и съ его братомъ со княземъ Иваномъ и съ Болгарскими князми и Жукотенскимъ, (4) и бысть межу ихъ сѣча зла, и ту убіенъ бысть кн. (5) Данило Васильевичъ (sic), а иные многіе падоша отъ обоихъ странъ, сташаше на костехъ князи Новгородцкіе Нижняго Новагорода и князи Казанстіи".

Этотъ бой представляетъ продолженіе борьбы Московскихъ князей съ Суздальскими, о событіяхъ этой борьбы отъ 1398 до 1401 было уже указано; по прежнему и въ 1411 г. Булгары помогали Суздальскимъ князьямъ.

Послѣднее мѣсто изъ Никон. лѣтоп. служитъ новымъ доказательствомъ какъ въ этой лѣтописи понятія о Булгарѣ смѣшиваются съ понятіемъ о Казани: первоначально здѣсь упоминаются кн. Булгарскіе и Жукотинскіе, а въ концѣ говорится о Казанскихъ князьяхъ.

Въ связи съ этимъ боемъ въ Москвѣ, который происходилъ зимою, въ январѣ мѣсяцѣ, Карамзинъ (V, 118) указываетъ, что прежде, лѣтомъ того же года упомянутый Нижегородскій князь Дан. Бор. послалъ нѣсколько сотъ Русскихъ и Татаръ съ татарскимъ царевичемъ Талычемъ къ Владиміру; на этотъ городъ напали въ расплохъ и разграбили его.

Царевича Карамзинъ называетъ Казанскимъ, хотя этого ни въ какой лѣтописи, разсказывающей объ этомъ событіи (6) и не говорится, но, по смыслу отношеній князя Данінла Борисов. къ Булгарамъ, можно согласиться съ предположеніемъ Карамзина, что Талычъ былъ изъ Булгарской земли, хотя вѣроятно не изъ Казани.

18) **Походъ Булгарскихъ Татаръ къ Галичу и Костромѣ въ 1429 г.** Воскр. лѣтопись (стр. 94): „Приходиша Татарове къ Галичю, града не взяша, а волости повоеваша; на Крещеніи же пріидоша изгономъ на Кост-

(3) Въ Костр.: «Ростовскимъ и Ярославскимъ со княземъ Дан. Борис. Суждальскимъ и Нижегородскимъ».

(4) Въ Костр.—«Жукотинскими», въ Тв.—«Жукотынскыми и Мордовскыми».

(5) Въ Тв.—«Суздалскый».

(6) Воскр. 85, 86; Ник. V, 37—39; Львов. II, 248—250; Тв. 485

рому, и поплѣнше ю отѣидоша на низъ Волгою. Князь же вел. посла за ними дядь своихъ Андрѣя и Костянтина, и съ ними Ивана Дмитреевича съ своими плъки, и доидоша же до Нижнего Новагорода, и ту не угонивши ихъ възвратишася. Князь же Феодоръ Стародубскій Пестрой да Федоръ Костянтиновичь, утапся у князей да у воеводъ, и съ своими полки погнаша за Татары, и угониша да ихъ биша, Татаръ и Бесерменъ, и полонъ весь отняша, а царевича и князя Алибабы не догониша“ (1),

По направленію возвратнаго пути Татаръ внизъ по Волгѣ, за Нижн. Новгородъ, должно признать этихъ Татаръ за пришедшихъ изъ Булгаріи. Татищевъ прямо говоритъ, что „приходиша Татарове Казанскіе“. Я возражаю только противъ названія въ 1429 г. этихъ Татаръ Казанскими, когда центромъ Булгарской земли не была еще Казань; по моему, этихъ Татаръ должно называть Булгарскими до основанія Казанскаго царства сыномъ Улу-Мухаммеда.

Можетъ быть, въ Воскр. лѣтописи, гдѣ рядомъ съ Татарами поставлены Бесермены, должно различать Татаръ-пришельцевъ и завоевателей Булгаріи отъ туземцевъ Булгарской земли, которые исповѣдывали исламъ и поэтому назывались „бесерменами“, „бусурманами (2).

О царевичѣ и князѣ Алибабѣ упоминается только въ Воскр. лѣтописи.

Большинство лѣтописей (Ник., Соф. I., Арх., Цар., Тат.) говоритъ, что кромѣ Костромы, Татары взяли еще Плесо и Лукъ.

19. Завоеваніе Булгарской земли кн. Пестрымъ въ 1431 г. Воскр. (стр. 95): „Князь вел. Василей посылалъ ратью на Болгары Волжьскіе князя Феодора Давыд. Пестрого; онъ же шедъ взятъ ихъ, и всю землю ихъ плѣни“ (1).

---

(1) Льв. II, 226, 227, Ник. V 96, Соф. I. 263, Соф. II, 143. Арханг. 136, Царств. лѣт. 163, Тат. IV. 50.

(2) Послѣднее слово стоитъ вмѣсто Бесерменъ въ Карамз. спискѣ Воскр. лѣтоп.

(1) Никон. V, 98, Льв. II, 268, Соф. I, 264, Соф. II, 144, Арханг. 137, Царств. лѣт. 166, Степ. кн. II, 6, Тат, IV, 502

Къ сожалѣнію о походѣ, столь важномъ послѣдствіемъ—плѣненіе всей Булгарской земли, лѣтопись не представляетъ никакихъ подробностей.

На сколько въ дѣйствительности была завоевана Булгарская земля, въ какія отношенія она встала послѣ этого къ Москвѣ?

Эти успѣхи Москвы подавали надежду, что Булгарія скоро войдетъ въ составъ русскаго государства; но къ половинѣ XV стол. обстоятельства такъ сложились, что Москвѣ еще на 100 лѣтъ была положена преграда усиливаться на счетъ Булгаріи: на Волгѣ, въ западныхъ предѣлахъ собственно Булгарской земли, образовалось новое, сильное татарское царство—Казанское. Въ составъ этого царства вошли прежнія булгарскія владѣнія съ прибавкою новыхъ земель на сѣверѣ и юго-востокѣ, въ нынѣшнихъ Вятской и Пермской губерніяхъ и Башкиріи.

Это новое царство Москва не скоро поборола; самимъ московскимъ владѣніямъ пришлось выдержать многія разоренія отъ Казани. Завоеватель Булгаріи, вел. кн. Вас. Вас., чрезъ 14 лѣтъ послѣ удачнаго похода его войскъ въ Булгарію, былъ самъ въ плѣну у основателей Казанскаго царства.

Впрочемъ, сынъ Василія Васильевича, вел. кн. Иванъ, въ своемъ титулѣ носилъ названіе „вел. кн. Булгарскаго“, но это были пустыя слова...

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ДРЕВНІЯ УКРѢПЛЕНІЯ И МОГИЛЫ, МѢСТА НАХОДОКЪ ВЕЩЕЙ И МОНЕТЪ СЪ ОБОЗРѢНІЕМЪ НАЙДЕННЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ.

I. БУЛГАРСКОЕ ГОРОДИЩЕ.

А. *Библіографія описаній Булгарскаго Городища.*

Древнѣйшее описаніе Булгарскаго городища принадлежитъ 1712 г., когда явилась мысль о построеніи православнаго монастыря на мѣстѣ древняго городища. К. И. Невоструевъ въ Моск. Госуд. Арх. стар. дѣлъ нашелъ это описаніе въ составленной въ 1712 г. дьякомъ Михайловымъ „Выписи съ межевыхъ книгъ Успенскому монастырю". Эту выпись Невоструевъ помѣщаетъ въ ст. своей „О городищахъ"(1). Въ Выписи говорится: „прошедшаго августа 18 дня въ письмѣ преосвященнаго Тихона, митроп. Казанск. и Свіяжск. къ ближнему боярину Казанскому и Астраханскому губернатору къ Петру Матв. Апраксину, въ Казани, въ большую Губернаторскую Канцелярію писано: издревле де по плѣненіи благовѣрнаго князя Андрея Георгіевича Боголюбскаго пустѣетъ въ Казанскихъ предѣлѣхъ оное царственное Болгарское мусульманское городище, которое весьма преславно и прекрасно, иже на ономъ мѣстѣ ниже яковыхъ не точію православныхъ, но ни мусульманскихъ селеній есть, развѣ древнихъ каменныхъ зданій, иже высокодостоблаженнѣйшія памяти благочестивѣйшимъ Велик. Гусударемъ, царемъ и вел. кн. Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ, весьма любимо и почитаемо бысть, иже тогда бывшему въ Казани архіереови преосвященному Іоасафу указалъ писатися Казанскимъ и Болгарскимъ митрополитомъ, иже достодолжно оное царственное древнее мѣсто во славу Христа Бога, ради многолѣтняго здравія благочестивѣйшаго монарха нашего и благополучнаго его царствованія, возобновить и просвѣтить строеніемъ святыхъ Божіихъ церквей и населеніемъ благочестія, и состроить монастырь".

---

(1) Труды I Археол. Съѣзда.

„Дьякъ Андрей Михайловъ, пріѣхавъ на то прежде бывшее Булгарское городище, древнее строеніе, что въ окружномъ земляномъ валу нынѣ есть, описалъ".

Позднѣйшія описанія Булгарскаго городища появляются со времени отправленія извѣстной ученой экспедиціи отъ Академіи Наукъ въ царствованіе Екатерины II, сюда принадлежатъ описанія Палласа (2) и Лепехина, или правильнѣе— сопровождавшаго Лепехина студента Озерецковскаго (3).

Къ двадцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія принадлежатъ описанія Эрдмана (4) и Свиньина (5).

Затѣмъ, казанскій житель Кафтанниковъ, занимавшійся въ началѣ нынѣшняго столѣтія изученіемъ древностей Казанскаго царства, помѣстилъ въ издававшемся въ Казани въ 1832 г. „Заволжскомъ Муравьѣ" статью „Болгары или Развалины столицы сего народа", эта статья впослѣдствіи была напечатана съ поправками и дополненіями въ Иллюстраціи и въ Библіот. для Чтенія 1847 г. (6).

Въ 1840 г. Второвъ напечаталъ въ Журнал. Мин. Вн. Дѣлъ (августъ) статью: „Памятники древности въ Казанск. губ.", большая часть которой представляетъ описаніе остатковъ зданій въ Булгарскомъ городищѣ (7).

Болѣе обстоятельное описаніе памятниковъ древней булгарской столицы составилъ И. Березинъ — „Булгаръ на Волгѣ" (8).

---

(2) Reise durch verschiedene Provinzen d. Russisch. Reichs. S. Ptb., 1771, I, 121—128, въ русскомъ переводѣ: «Путешествіе по разн. провинц. Росс. Имперіи», 2 изд., Спб., 1809, I, 185—195. Я ссылаюсь на послѣднее изданіе.

(3) Дневныя Записки путешествія. Спб. 1771, стр. 265—283.

(4) Сперва въ Neue allg. Geogr Ephemeriden 1820 Bd. VII, съ рисунками, а потомъ въ особомъ приложеніи (Die Ruinen Bulghars) къ I тому сочиненія «Beiträge zur Kenntniss des Innern v. Russland». Riga u. Dorpat 1822.

(5) «Развалины г. Булгара» въ Отеч. Зап. 1824, № 48 и въ сборникѣ статей П. Свиньина «Картины Россіи», Спб., 1839. Я ссылаюсь на послѣднее изданіе.

(6) Иллюстрація 1846 № 4 и 6, «Болгара» ст. Л. Кавелина изъ бумагъ Кафтанникова, затѣмъ эта статья напечатана и въ Библ. для Чтенія 1847 г., іюнь, подъ заглавіемъ: «Древніе Болгары». Я ссылаюсь на послѣднее изданіе.

(7) Статья эта перепечатана въ Каз. Губ. Вѣд. 1843, № 37—39.

(8) Въ Учен. Запискк. Каз. унив. 1852 г., кн. III и отдѣльно. Я ссылаюсь на Ученыя Записки.

Полковникъ Риттихъ (*) также представилъ нѣкоторая новыя данныя о развалинахъ г. Булгара, разсматривая древнее городище съ спеціально военной точки зрѣнія, въ отношеніи фортификаціонномъ.

К. И. Невоструевъ въ вышеуказанной статьѣ „О городищахъ“ сравниваетъ данныя открытой имъ „Выписи 1712 г.“ съ позднѣйшими описаніями, но, какъ видно, у Невоструева не было подъ рукою всѣхъ вышеуказанныхъ описаній Булгара, напр. Эрдмана.

Я ограничиваюсь только важнѣйшими описаніями Булгарскаго городища, изъ которыхъ каждое отличается самостоятельностью и представляетъ новыя данныя, но не перечисляю всѣхъ компиляцій, изъ которыхъ болѣе подробную и лучшую представляетъ Мюллеръ въ своемъ сочиненіи „Der Ugrische Volksstam“ 1839, I, 414—426; можно упомянуть еще Лаптева: „Матеріалы для географіи и статист. Россіи. Казанск. губ.“ Спб. 1861, стр. 605—609.

Кромѣ описаній городища, должно указать на планы его и виды, изображенія развалинъ.

Старѣйшій планъ Булгарскаго городища принадлежитъ архитектору Шмиту, этотъ планъ снятъ въ 1827 г. и находится въ изданіи Шмита: „Архитектурные чертежи развалинъ древнихъ Булгаръ“. М. 1832 г.; здѣсь, кромѣ общаго плана городища, находятся и отдѣльные планы оставшихся зданій съ рисунками оныхъ.

Планъ Булгарск. городища приложенъ и къ вышеупомянутому сочиненію Риттиха; затѣмъ такой планъ, снятый въ 1869 г., находится въ „Собраніи картъ, плановъ и рисунковъ къ Трудамъ I Арх. Съѣзда“. М. 1871 г., здѣсь, кромѣ общаго плана городища, помѣщены и отдѣльные планы нѣкоторыхъ зданій.

Рисунки, виды нѣкоторыхъ важнѣйшихъ зданій Булгарскаго городища встрѣчаются у Палласа, Эрдмана, въ статьяхъ Кафтанникова въ „Заволжск. Муравьѣ“ и „Иллюстраціи“, у Шмита и Риттиха (у послѣдняго фотографическіе виды).

Лучшія въ художественномъ отношеніи рисунки булгарскихъ развалинъ были сдѣланы покойнымъ преподавателемъ

(*) Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанск. губ. Каз. 1870.

живописи при Казан. унив. Раковичемъ, но онѣ не были напечатаны и гдѣ нынѣ находятся неизвѣстно.

Статьи, относящіяся къ надгробнымъ надписямъ и находимыхъ въ Булгарѣ вещамъ и монетамъ, показаны въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

6. *Большой валъ и малый окопъ.*

1. **Земляной валъ, ровъ и городская стѣна.** Городъ Булгаръ былъ окруженъ валомъ, рвомъ и деревянною стѣною. Выпись 1712 г. опредѣляетъ длину и ширину пространства, заключающагося въ городскомъ валу: „А въ межевыхъ книгахъ писано: по осмотру и по мѣрѣ того городичнаго мѣста въ окружномъ валу длинника 926 саж., поперегъ 690 саж. трехъаршинныхъ, а десятинами 312 десятокъ $^{3}/_{4}$“. (Невостр. 529).

Послѣдующіе описатели развалинъ этого города обращаютъ вниманіе на остатки вала и рва, а новѣйшіе описатели, сверхъ того, доказываютъ существованіе деревянной стѣны.

Лепехинъ (стр. 266) заявляетъ, что этотъ городъ стоитъ на горѣ, въ обнесенномъ по оной прежними жителями земляномъ валу, цѣлую милю въ окружности имѣющемъ.

Палласъ говоритъ (стр. 185, 186), что нынѣшняя деревня Болгары построена на возвышенномъ мѣстѣ, вдоль оброслаго кустарникомъ болота; съ южной стороны весьма ровное поле, заросшее рѣдкимъ березникомъ и окруженное смолистымъ лѣсомъ. Поле въ настоящее время по большой части служитъ къ плодороднымъ пашнямъ; прежде на этомъ полѣ стоялъ городъ. Это поле обнесено кругомъ валомъ и рвомъ, который, хотя и засыпался, однако еще въ ширину до 3 саж. Это укрѣпленіе имѣетъ видъ неправильнаго полукружія, проникающаго концами къ крутому берегу, на которомъ построена деревня. Валъ длиною, по крайней мѣрѣ, на 6 верстъ.

Эрдманъ (280, 281) опредѣляетъ длину вала въ 7 верстъ и замѣчаетъ, что вышина вала не вездѣ одинаковая, мѣстами валъ заросъ кустарникомъ; кругомъ вала ровъ около 3 саж. шир.; на сѣверн. стор. вала не было, эта сторона защищается крутымъ склономъ, около котораго внутри вала помѣщается деревня.

Свиньинъ (191) замѣчаетъ, что валъ большею частію обвалился, а въ иныхъ мѣстахъ совершенно изгладился; ровъ мѣстами до 3 саж. глуб. Пространство заключающагося въ валу города Свиньинъ, сравнительно съ другими, весьма преувеличиваетъ—7 верстъ въ длину и около 4 въ ширину.

Березинъ (82, 84) предполагаетъ, что глубину рва, которая мѣстами до 3 саж., должно считать нормальною. Мѣста городскихъ воротъ въ настоящее время едвали можно опредѣлить, говоритъ Березинъ, п. ч валъ во многихъ мѣстахъ обвалился. Березинъ предполагаетъ, что, кромѣ рва и вала, городъ былъ обведенъ деревянною стѣною, это онъ доказываетъ показаніями русскихъ лѣтописей, что булгарскій городъ Ошелъ былъ укрѣпленъ высокимъ дубовымъ тыномъ и двумя оплотами, между которыми находился валъ (1). Если бы у Булгара, говоритъ Березинъ, существовала каменная стѣна, то слѣды ея гдѣ-нибудь уцѣлѣли бы; отсутствіе же всякой стѣны у столицы Булгарскаго царства невѣроятно. Пространство, обведенное валомъ, считая и сѣверный бокъ, Березинъ, по плану Шмита, показываетъ около 9 верстъ въ окружности.

Риттихъ (36—38) внутреннюю площадь вала показываетъ въ 855937 кв. саж. т. е. почти $3^1/_2$ кв. верстъ. „Нынѣ валъ не даетъ полнаго понятія о прежнихъ его составныхъ частяхъ, такъ какъ наружняя и внутренняя крутости обвалились, представляя натуральный откосъ. Толщина бруствера вмѣстѣ съ заложеніями до 15 шаговъ, а собственно бруствера 17 футъ; высота доходитъ до 9 футъ. Валъ окруженъ рвомъ, отчасти заваленнымъ и поросшимъ деревьями и кустами. Ширина его на горизонтѣ, до 12 шаг., а глубина не болѣе 7 футъ. Размѣры эти мѣняются сообразно съ большимъ или меньшимъ сохраненіемъ профилей. О подошвѣ рва нельзя составить понятіе". Затѣмъ Риттихъ разсматриваетъ укрѣпленіе г. Булгара съ спеціально-военной точки зрѣнія, въ отношеніи къ окружающей мѣстности. Риттихъ также предполагаетъ, что за валомъ шла дубовая стѣна, такъ какъ безъ этого было бы довольно трудно оборонять такую линію вала; въ подтвержденіе своего предположенія Риттихъ ссылается на Абу-Абдалаха (Андалуси), который говоритъ о городской стѣнѣ древняго Булгара.

(1) См. Выше, во II Отд. «Походъ 1220 г.»

Относительно трехъ вышепоказанныхъ плановъ Булгарскаго городища, на которыхъ обозначенъ и валъ, должно замѣтить, что старѣйшій изъ плановъ—Шмита, который, согласно вышеприведенному показанію Березина, представляетъ окружность города въ 9 верстъ, противорѣчитъ позднѣйшимъ—1869 г. и Риттиха, по которымъ, эта окружность представляется въ 7 верстъ, какъ показываетъ и Эрдманъ. О планѣ Шмита, въ отношеніи къ валу, должно еще замѣтить, что на немъ показаны и мѣста, гдѣ валъ развалился, между тѣмъ какъ послѣдніе два плана обозначаютъ валъ и кругомъ его ровъ, какъ будто-бы они сохранились на всемъ своемъ протяженіи.

Длина городища, т. е. линія съ сѣвера на югъ по всѣмъ планамъ одинаково вычисляется въ 2 версты, согласно показанію выписи 1712 г.; ширина, т. е. протяженіе съ востока на западъ, въ разныхъ мѣстахъ различна, такъ какъ городище представляется овалomъ, къ югу оно постепенно съуживается, самая широкая линія представляетъ тоже двѣ версты, а по выписи 1712 г., только 690 саж.

2. **Малый окопъ, околицы бывшаго монастыря и слободы.** Выпись 1712 г., опредѣливши пространство всего городища продолжаетъ: „и изъ того подъ строеніе того монастыря отведено земли внутрь малаго окопа, гдѣ былъ царскій домъ, длинника 80, поперегъ 60 саж. трехъ-аршинныхъ“. (Невостр. 528).

Объ этомъ окопѣ никто изъ послѣдующихъ описателей Булгара не упоминаетъ, вѣроятно, слѣды его во времена Палласа и Лепехина уже изгладились.

Но Палласъ говоритъ объ обнесенномъ деревяннымъ заборомъ монастырскомъ подворьѣ, называвшемся Успенскимъ, на восточномъ концѣ существовавшей во время Палласа деревни. Въ этомъ монастырскомъ подворьѣ, сверхъ новѣйшихъ деревянныхъ строеній и каменной церкви, по указанію Палласа, было много развалинъ древняго города, именно: 1) башня; 2) подлѣ нея, въ неправильномъ четвероугольникѣ, развалины большаго каменнаго зданія, башня примыкала къ сѣв. зап. углу этого четвероугольника; 3) на востокъ отъ башни небольшая мечеть обращенная въ церковь св. Николая; 4) въ другомъ углу монастырскаго двора остатки стараго строенія, изъ котораго сдѣланъ монастырскій погребъ. „Всѣ прочія

старинныя строенія находятся, говоритъ Палласъ, внутри вала, по внѣ монастырскаго подворья.

Лепехинъ различаетъ околицы монастыря и слободы. „Болгарскій монастырь, говоритъ Лепехинъ, длины имѣетъ съ зап. стор. 47 саж., съ сѣверн. 41 саж., съ восточн. 74, съ южной 40 саж.“ Лепехинъ въ монастырѣ показываетъ тѣже древнія строенія, которыя Палласъ упоминаетъ въ монастырскомъ подворьѣ.

Всѣ послѣдующія описанія Булгара также останавливаются на этихъ четырехъ зданіяхъ. Выпись 1712 г. показываетъ въ маломъ окопѣ эти же 4 зданія и сверхъ того 3 палаты, въ которыхъ былъ домъ прежнихъ царей; онѣ находились въ 10 саженяхъ отъ четыреугольника, слѣдовательно въ монастырской околицѣ, но объ этихъ развалинахъ не упоминаетъ ни одно изъ позднѣйшихъ описаній Булгара.

Лепехинъ, сверхъ 4 зданій въ монастырѣ, указываетъ 5 палатъ въ околицѣ Болгарской слободы. Остальныя древнія строенія и по Лепехину находятся внѣ монастыря и слободы.

Всѣ эти показанныя Палласомъ и Лепехинымъ строенія, а вмѣстѣ съ этимъ малый окопъ, въ которомъ выпись 1712 г. показываетъ монастырь, находились въ сѣверной части городища, гдѣ нынѣ расположено селеніе съ вышеупомянутою Успенскою церковью. Такимъ образомъ, опредѣляется мѣстность уже несуществующаго нынѣ малаго окопа.

Относительно нахожденія монастырской околицы внутри малаго окопа „выпись“ говоритъ положительно; въ этотъ окопъ очевидно входила и слобода, окружавшая монастырь, если не вся, то ближайшею къ монастырю частью. Принимая это въ соображеніе, можно предполагать, что и нѣкоторыя, если не всѣ, развалины, указанныя Лепехинымъ въ слободѣ и означенныя на планахъ Булгарскаго городища въ нынѣшнемъ Успенскомъ селѣ, входили въ малый окопъ.

Г. *Зданія въ околицѣ нынѣшняго села Успенскаго.*

1. Четыреугольникъ. Выпись 1712 г. говоритъ: „Да на томъ городичномъ мѣстѣ, въ окопѣ, гдѣ напредъ сего былъ тотъ царевъ домъ, древняго каменнаго строенія, по четыремъ угламъ четыре полаты круглыхъ, въ знакъ малаго городка, мѣрою полата отъ полаты по 18 саж., вышины тѣ

полаты по $1^1/_2$ саж., а внутри тѣхъ полатъ, по однимъ стѣнамъ 13, а по другимъ 15 саж“. (Невостр. 529).

Лепехинъ (270) говоритъ: „Четыре большія башни, коимъ мѣры: первой въ окружности 7 саж. съ $^1/_2$, вышины 2 саж.; второй въ окружности 8 саж. съ $^1/_2$, вышины 2 саж.; третіей въ окружн. 12 саж., вышины 2 саж. съ $^1/_2$; четвертой въ окружности 6 саж. съ $^1/_2$, вышины 1 саж. Между оными башнями, развалившимся двумъ стѣнамъ въ длину по 30, да другимъ двумъ по 11 саж.“.

Основываясь на показаніи „выписи“, Невоструевъ (539) поправляетъ Лепехина, у котораго длина стѣнамъ показана 30 саж. очевидно вмѣсто 13 саж., какъ значится въ „выписи“.

Этотъ четыреугольникъ описываютъ Палласъ (187), Эрдманъ (281, 282), Свиньинъ (192, 193), Кафтанниковъ (42, 43), Второвъ (183—185), Березинъ (90, 91), объ немъ упоминаетъ Риттихъ (39, 40).

Палласъ, навывая этотъ четыреугольникъ неправильнымъ, замѣчаетъ въ немъ развалины каменнаго зданія, можетъ быть, мечети.

Свиньинъ заявляетъ, что „нѣтъ никакого сомнѣнія, что на семъ мѣстѣ былъ отдѣльный укрѣпленный замокъ, обнесенный толстыми стѣнами, кои по всѣмъ угламъ имѣютъ низкія башни. Въ подкрѣпленіе предположенія, что въ семъ замкѣ было жилище султана или хана, археологъ увидитъ еще слѣды дворца, объ огромности коего свидѣтельствуютъ остатки фундамента, имѣвшаго до 80 фут. въ длину и ширину“.

Березинъ замѣчаетъ, что „нѣтъ никакой надобности прибѣгать здѣсь къ предположенію объ укрѣпленномъ замкѣ: все это зданіе было ничто иное, какъ сборная мечеть „джум'а джам'и“. Лучше всего это видно изъ направленія сторонъ четвероугольника. Нынѣшніе Татары утверждаютъ, что весь четвероугольникъ былъ покрытъ куполомъ: совершенно невѣроятная вещь, п. ч. и четвероугольникъ для этого весьма великъ и стѣны его очень тонки. Стѣны съ башнями, служившими для помѣщенія духовенства или для украшенія, вѣроятно, окружали, особенное зданіе мечети, отъ котораго теперь не осталось слѣдовъ или лучше,—которое засыпано упавшими стѣнами, п. ч. здѣсь мѣстность очень возвышена надъ окружающею почвою. Раскопка внутри двора, на которомъ стояла сборная булгарская мечеть, должна подтвердить это предположеніе: нельзя же думать, что моленіе совершалось,

въ такомъ суровомъ климатѣ на открытомъ воздухѣ, или подъ ничтожнымъ прикрытіемъ".

Предположеніе Березина о существованіи внутри четыреугольника мечети вполнѣ подтверждается показаніемъ выписи 1712 г., которая сдѣлалась извѣстною послѣ статьи Березина. Въ выписи упоминается столпъ около этого четыреугольника и прибавлено: „а по сказкѣ татарскаго ахуна Кадыръ-мемета, что де между тѣхъ полатъ (башенъ) была мусульманской вѣры большая мизгить (мечеть)".

Этимъ опровергается и предположеніе Свиньина о ханскомъ дворцѣ, здѣсь будтобы помѣщавшемся.

Подтвержденіемъ существованія на этомъ мѣстѣ мечети можетъ быть и указаніе Кафтанникова, что пріѣзжающіе къ развалинамъ магометане,—Казанскіе Татары, Башкирцы, Хивинцы, Бухарцы и даже Киргизы,—именно на этомъ самомъ мѣстѣ совершаютъ свое обрядное поклоненіе.

Риттихъ, подобно Свиньину, считаетъ эту постройку ханскимъ дворцемъ, который вмѣстѣ съ этимъ былъ укрѣпленнымъ мѣстомъ, цитаделью. Послѣ вышесказаннаго предположеніе Риттиха должно отвергнуть.

Изображеніе этой мѣстности встрѣчается у Эрдмана (т. II., табл. 2 и 3, фигура а).

Мѣстность эта показана на планѣ Шмита (подъ № 7)— „Развалины четырехъ башенъ, образующихъ квадратъ"; на планѣ 1869 г. (№ 1) подъ названіемъ „четыреугольника", на этомъ планѣ отдѣльно показаны и размѣры основанія четыреугольника.

На планѣ Риттиха четыреугольникъ этотъ названъ цитаделью и обозначенъ неправильно: въ немъ заключена и нынѣшняя сельская Успенская церковь, которая, какъ видно по другимъ планамъ, находилась внѣ этого четыреугольника: по Шмиту на сѣверъ отъ него, а по плану 1869 г. на востокъ.

Остатки четырехъ башенъ, составляющихъ этотъ четыреугольникъ, отчетливо видны, въ связи съ сосѣдними зданіями, на общемъ видѣ Булгара, при статьѣ Кафтанникова въ Заволжск. Муравьѣ 1833 г., т. II.

2. Большой Минаретъ. Указавши на четыреугольникъ, выпись 1712 г. продолжаетъ: „да всходный столпъ, котораго еще и нынѣ въ вышину 11 саж., а по сказкѣ татарск.

ахуна Кадыръ-мамета, что де между тѣхъ полатъ была мусульманской вѣры большая мизгить".

Лепехинъ также за четыреугольникомъ показываетъ: „Столбъ, отъ первой башни (четыреугольника) на одну сажень отстоящій, въ окружности по фундаменту 12 саж., вышины столкоже".

Этотъ столбъ описываютъ Палласъ (186, 187), Эрдманъ (282), Свиньинъ (190—192), Кафтанниковъ (43—45, 49), Второвъ (182, 183), Березинъ (89, 90).

На планѣ Шмита эта башня показана подъ № 2, подъ названіемъ „круглая башня или минаретъ, отъ жителей большимъ столбомъ называемая"; на планѣ 1869, вмѣстѣ съ четыреугольникомъ (№ 1).

Видъ этого минарета находится у Палласа (табл. VI, A), у Эрдмана (табл. 2 и 3, фиг. b), Шмитъ представляетъ изображеніе цѣлаго минарета, профиль и планъ его, въ Иллюстраціи—видъ подъ именемъ столпъ первый".

Эта башня стояла до сороковыхъ годовъ. Свиньинъ заявляетъ, что она уцѣлѣла лучше другихъ булгарскихъ зданій, благодаря заботливости Петра Вел., который, при посѣщеніи развалинъ Булгара, приказалъ верхнюю часть этой башни оковать двумя желѣзными обручами; впослѣдствіи казанск. вице-губернат. Гурьевъ покрылъ башню досчатою кровлею; въ 1837 г., по свидѣтельству Второва, пожертвованіями двухъ богатыхъ Казанскихъ Татаръ минаретъ оштукатуренъ и покрытъ, вмѣсто деревянной, желѣзною крышею. Но въ 1846 г., при посѣщеніи Булгара Березинымъ, большой столбъ уже не существовалъ; его подрыли искатели кладовъ, какъ предполагаетъ г. Березинъ. Риттихъ заявляетъ, что эта башня развалилась въ 1841 г.

3. Палата бывшая церковью св. Николая. „Да подлѣ тѣхъ четырехъ полатъ (четыреугольника), говоритъ вышись 1712 г., пятая полата круглаяжъ, въ которой нынѣ назначена Николаевская церковь; а мѣрою та полата длины и ширины по 4 саж. безъ полъаршина, вышиною 4 саж.".

Лепехинъ съ этой палаты начинаетъ вычисленіе памятниковъ, находящихся въ околицѣ Булгарскаго монастыря: „Въ монастырѣ древняго строенія: Палата, освященная въ церковь на имя Николая чудотв., въ длину и ширину по 4 саж. съ $^1/_2$, въ вышину 3 саж. съ $^1/_2$".

Эту палату описываютъ Палласъ (187, 188), Эрдманъ (283), Кафтанниковъ (52, 53), Свиньинъ (193), Второвъ (185, 186), Березинъ (91), Риттихъ (35). Палласъ предполагаетъ, что первоначально эта палата была мечетью. Свиньинъ неправильно считаетъ ее одною изъ башенъ четыреугольника; Кафтанниковъ и Второвъ, вслѣдствіе отсутствія оконъ въ этомъ зданіи, считаютъ его кладовою; Березинъ называетъ его молельней надъ гробомъ какого-нибудь мусульманина.

На планѣ Шмита эта палатка показана подъ № 1, на планѣ 1869 г.—подъ № 2, здѣсь представленъ и планъ ея.

Изображеніе этой палаты встрѣчается у Эрдмана (т. II. табл. 2, c); у Шмита, кромѣ наружнаго изображенія ея, представлены профиль и планъ, Шмитъ называетъ этотъ памятникъ древнею мечетью, обращенною въ церковь; эта палатка изображена также въ Иллюстраціи.

4. Палата бывшая монастырскимъ погребомъ. „Да посторонь тѣхъ полатъ (четыреугольника), говоритъ выпись 1712 г., еще полата четвероугольная, въ которой есть и каменья кладбищныя съ татарскою надписью, дл. и шир. по 4 саж. съ аршиномъ.“.

Лепехинъ въ 16 саж. отъ большаго минарета, примыкавшаго къ четыреугольнику, указываетъ на наугольную палату, дл. 5 саж., шир. 4 саж. съ $^1/_2$, выш. 2 саж.

Палласъ (188) упоминаетъ объ этомъ зданіи, заявляя, что въ другомъ углу монастырскаго двора находятся остатки стариннаго строенія, изъ котораго сдѣланъ монастырскій погребъ.

Свиньинъ (193) неправильно считаетъ эту палату, подобно обращенной въ церковь св. Николая, одною изъ башенъ четыреугольника.

Подробнѣе описываютъ это зданіе Эрдманъ (282, 283), Кафтанниковъ (52), Второвъ (186) и Березинъ (91, 92).

Изъ сравненія описаній Эрдмана и Кафтанникова видно, что они говорятъ объ одномъ и томъ же зданіи; хотя и представляютъ нѣкоторыя различія. Первый говоритъ, что это круглое зданіе, около 3 саж. въ поперечникѣ, къ верху переходитъ въ восьмиугольникъ, кажется, было покрыто сводомъ. Второй показываетъ, что основаніе этого зданія четыреугольное, въ поперечникѣ 4 саж. $1^1/_4$ арш., къ верху, снаружи имѣетъ восьмиугольный видъ, палатка эта была со сводомъ, который теперь уже обвалился.

И такъ, представляется разница въ обозначеніи формы и размѣровъ зданія. Обращаемся къ другимъ источникамъ, для повѣрки этихъ показаній. Выпись 1712 г. называетъ это зданіе четыреугольнымъ; у Шмита встрѣчается: видъ, профиль и чертежъ основанія этого зданія, подъ названіемъ „развалинъ палатъ близъ церкви“; видъ этой палаты ограничивается одною стороною стѣны, о формѣ которой трудно составить понятіе; основаніе зданія показано четыреугольнымъ, согласно съ Кафтанниковымъ. Въ Иллюстраціи, кромѣ наружнаго вида, встрѣчается видъ внутренности этого зданія, названнаго „Палаткою первою“; эти виды представляютъ зданіе круглымъ, согласно съ Эрдманомъ. На планѣ 1869 г. находится чертежъ основанія — четыреугольный, какъ у Шмита. Березинъ называетъ это зданіе четвероугольно—круглымъ. Соображая всѣ эти показанія, должно признать, что зданіе это въ основаніи четыреугольное, представляетъ снаружи круглый видъ, и къ верху, согласно показаніямъ Эрдмана и Кафтанникова, переходило въ восьмиугольникъ.

Относительно размѣровъ зданія должно замѣтить, что показаніе Кафтанникова подходитъ къ свидѣтельствамъ старѣйшимъ—выписи 1712 г. и Лепехина; размѣры основанія, показанныя на планахъ Шмита и 1869 г., сходятся съ Кафтанниковымъ; Эрдманъ, очевидно, уменьшилъ дѣйствительные размѣры этого зданія.

Сверхъ этихъ противорѣчій, Эрдманъ и Кафтанниковъ различно показываетъ разстояніе зданія отъ минарета и четыреугольника. Эрдманъ говоритъ, что зданіе стоитъ совершенно близко передъ минаретомъ и угольною башнею четыреугольника, только не прикасается къ нимъ; а по Кафтанникову, зданіе въ 16 саж. отъ минарета, это разстояніе показываетъ и Лепехинъ; „выпись“ выражается менѣе опредѣленно—„посторонь тѣхъ полатъ“ (четыреугольника); на планѣ 1869 г., это зданіе въ 10 саж. отъ минарета, а на планѣ Шмита—въ 40 саж., послѣдній, очевидно, показываетъ неправильно.

Березинъ предполагаетъ, что первоначально эта палата была надгробною молельнею.

Предположеніе Березина подтверждается выписью 1712 г., которая говоритъ, что въ этой палатѣ были каменья кладбищные съ татарскою надписью.

Риттихъ только упоминаетъ объ этомъ зданіи, показывая, что нынѣшняя Успенская церковь расположена между палаткою, обращенною въ церковь св. Николая и называемою, по своему виду, „чернымъ погребомъ“. На планахъ Шмита и 1869 г. церковь обозначена, дѣйствительно, между этими зданіями, изъ которыхъ первое на югъ, а второе на сѣверъ.

5. Царскій домъ. Въ заключеніе обозрѣнія зданій въ маломъ окопѣ выпись 1712 г. говоритъ: „Да противъ тѣхъ 4 полатъ (четыреугольника), отшедъ сажень съ 10, три полаты большія; въ которыхъ былъ домъ прежнихъ царей“.

Какъ видно изъ предыдущихъ словъ этой выписи, она придавала важное значеніе этому дому прежнихъ царей: малый окопъ она обозначаетъ прежде всего этимъ домомъ— „малый окопъ, гдѣ былъ царскій домъ“. Но въ настоящее время этихъ трехъ палатъ не существуетъ, вѣроятно, они давно разрушились, п. ч. объ нихъ не упоминаетъ даже Палласъ.

Невоструевъ неправильно предполагаетъ, что Палласъ упоминаетъ объ этихъ зданіяхъ, вслѣдъ за палатою, бывшею монастырскимъ погребомъ, въ словахъ: „всѣ прочія старинныя строенія, изъ коихъ еще четыре стоятъ безъ поврежденія, находятся внутри вала со множествомъ развалившихся стѣнъ и съ основаніями жилыхъ домовъ“. Эти слова Палласа, сказанныя имъ послѣ описанія зданій въ монастырскомъ подворьѣ, относятся къ находящимся внутри вала, но внѣ подворья, внутри котораго были три палаты царскаго дома, отступавшія на 10 саж. отъ четыреугольника. Вслѣдъ за этими словами Палласъ описываетъ болѣе другихъ сохранившіяся 4 зданія, въ полѣ, какъ онъ выражается, но внутри вала.

Очевидны и причины, почему о царскомъ дворѣ, бывшемъ близъ четыреугольника, не встрѣчается никакихъ указаній въ позднѣйшихъ описаніяхъ. Это объясняется новѣйшими постройками, со времени основанія здѣсь русскаго монастыря, отъ которыхъ должны были пострадать древнія строенія. Нынѣшняя сельская церковь по Шмиту на сѣверъ въ 20 саж. отъ четыреугольника, а по плану 1869 г. въ 10 саж. на вост., можетъ быть, стоитъ именно на мѣстѣ бывшаго царскаго дома.

6. Развалины, показанныя на планахъ въ селѣ и Лепехинымъ въ слободѣ. Три извѣстныя намъ плана Булгарскаго городища указываютъ среди нынѣшняго Успенск. села развалины, которыя не упоминаются въ описаніяхъ. Эти развалины можно раздѣлить на двѣ группы: одна изъ нихъ къ югу отъ зданій въ бывшемъ монастырѣ, другая на сѣверной окрайнѣ селенія.

Къ первой группѣ принадлежатъ показанныя къ юго-зап. и юго-вост. отъ самаго южнаго зданія въ бывшемъ монастырѣ, т. е. палаты, обращенной въ церковь св. Николая. На планахъ Шмита и 1869 г. показаны три развалины на юго-зап. отъ этой палаты: первая въ 50 саж.; вторая въ 80 саж. на юго-зап. отъ первой; третья въ 20 саж. отъ второй, къ юго-вост., по Шмиту, а по плану 1869 г., къ юго-зап. На планѣ Риттиха показана только первая развалина. Наконецъ, единственно только на планѣ 1869 г. показана развалина въ 30 саж. на юго-зап. отъ вышеупомянутой палаты, бывшей церковью, при юго-западн. концѣ селенія, въ 50 саж. отъ земляного вала, на крестьянскомъ дворѣ.

На юго-востокѣ отъ палаты, бывшей церковью, Шмитъ указываетъ двѣ развалины—одна въ разстояніи 70 саж., другая въ 90 саж.. обѣ развалины находятся одна противъ другой, въ 20 саж. между собою. Послѣднюю развалину Шмитъ называетъ ханскими палатами. Планъ 1869 г. указываетъ только одну развалину, находящуюся внутри крестьянскаго двора, въ 100 саж. на юго-востокъ отъ палаты, бывшей церковью; эта развалина соотвѣтствуетъ называемой Шмитомъ ханскими палатами. На планѣ Риттиха обѣ послѣднія палаты не показаны. На одну изъ этихъ палатъ, называемую Шмитомъ ханскими палатами, обращаютъ вниманіе и слѣдовавшіе за Шмитомъ описатели Булгара, о чемъ я буду говорить отдѣльно.

На планѣ 1869 г. указаны развалины по сѣверной окраинѣ с. Успенскаго, въ 5 мѣстахъ.

Во 1-хъ) въ 20 саж. на сѣверъ отъ Успенской ц.; во 2-хъ) въ 300 саж. къ западу отъ церкви, на крестьянскомъ дворѣ; въ 3-хъ) двѣ развалины при сѣверо-западн. концѣ сел., въ 50 саж. отъ земляпаго вала; въ 4-хъ) на юго-зап. отъ послѣднихъ, около самаго вала, прямо противъ сѣверной крестьянской улицы; въ 5-хъ) три развалины, при сѣверо-вост. концѣ селенія, по правую сторону начинающей-

ся здѣсь дороги въ г. Спасскъ. Въ послѣдней мѣстности планъ Шмита обозначаетъ также три мѣста, но безъ нумера, подъ которымъ указываются развалины, и не красною краскою, которою обозначаются развалины, а желтою, которою обозначаются крестьянскіе дворы; между тѣмъ на планѣ 1869 г. эти три мѣста ясно обозначены знаками, которые принадлежатъ древнимъ развалинамъ. Это противорѣчіе между двумя планами приводитъ къ возможности сомнѣнія относительно достовѣрности показаній одного изъ нихъ. Разрѣшеніе этого недоразумѣнія возможно только послѣ повѣрки плановъ на мѣстѣ.

Лепехинъ начинаетъ исчисленіе и измѣреніе булгарскихъ развалинъ съ указанія на три палаты въ околицѣ Болгарской слободы: первая дл. 6, шир. 5 саж., а вышины показать не можно, п. ч. стѣны ея развалились; вторая въ 45 саж. отъ первой, дл. и ширина 3 саж., верхъ ея тоже развалился; третья, въ 16 саж. отъ первой, видно только основаніе ея, которое въ длину и шир. по 3 саж.

Невоструевъ замѣчаетъ, что объ этихъ палатахъ въ другихъ описаніяхъ, кромѣ выписи 1612 г., не упоминается; выпись говоритъ о первой палатѣ: „Полата четвероугольная безъ своду, мѣрою длины полсеми саж. (т. е. $6^1/_2$ саж.), ширины 5 саж. съ арш., вышины $1^1/_2$; посреди съ тѣхъ двухъ сторонъ вывалилось до подошвы стѣнъ“.

Далѣе выпись продолжаетъ: „Полата четвероугольная съ одного угла до половины стѣны до своду цѣлы, мѣрою по пошвѣ длины и ширины по 3 саж., входъ въ одни двери“.

Невоструевъ предполагаетъ, что послѣдняя, упоминаемая выписью палата, можетъ соотвѣтствовать второй или третьей изъ упоминаемыхъ Лепехинымъ.

Предположеніе Невоструева о тождествѣ первой палаты у Лепехина съ первою въ выписи оправдывается одинаковымъ размѣромъ зданій, упоминаемыхъ Лепехинымъ и выписью; но относительно сопоставленія второй палаты „выписи“ со второю или третьею Лепехина, нельзя согласиться; я сопоставляю вторую палату „выписи“ съ палатою, о которой упоминаетъ только Палласъ (см. ниже „Палата описанная Палласомъ“).

Далѣя Лепехинъ, указавши на всѣ древнія строенія, находившіяся, какъ онъ выражается, въ полѣ, но внутри большаго городскаго вала, указываетъ еще на двѣ рава-

лившіяся палаты въ ономъ же валу, въ жилѣ подмонастырской Болгарской слободки: первая дл. 5, шир. 4 саж., вторая дл. и шир. равна первой.

Объ этихъ двухъ палатахъ также не упоминается въ другихъ описаніяхъ, причина этому очевидна: всѣ пять упоминаемыхъ Лепехинымъ палатъ и въ его время были уже развалившимися, съ теченіемъ времени слѣды ихъ совсѣмъ сгладились, или, по незначительности своей, не обращали на себя вниманія.

Въ числѣ этихъ 5 палатъ можно искать и ханскія палаты, указываемыя Шмитомъ, которыя находились на 90 саж. къ юго-вост. отъ самаго южнаго зданія въ монастырѣ (палата обращенная въ церковь), слѣдовательно могли входить въ околицу прежней слободы, какъ входили, по плану Шмита, въ околицу нынѣшняго села. Именно, можно предполагать, что развалины ханской палаты, по плану Шмита, дл. 7 саж. и шир. 6 саж., соотвѣтствуютъ первой упоминаемой Лепехинымъ палатѣ, дл. 6 саж. и шир. 5 саж., о которой, по предположенію Невоструева, говоритъ и выпись 1812 г.

7. Развалины ханскихъ палатъ. Шмитъ, какъ выше указано, обозначаетъ на своемъ планѣ развалины ханскихъ палатъ, въ 90 саж. на юго-вост. отъ палаты, бывшей церковью. Шмитъ представляетъ видъ этихъ развалинъ и планъ ихъ основанія. Видъ ханскій палатки встрѣчается и въ Иллюстраціи. Послѣ Шмита на ханскія палаты указывали Второвъ (194) и Березинъ (98).

Второвъ опредѣляетъ мѣсто ихъ, согласно съ Шмитомъ. По Второву, развалины ханскихъ палатъ, представляющія только груду кампей, находятся 200 саж. на сѣв. отъ Малаго минарета (см. о немъ ниже), а мѣсто, указанное для этихъ палатъ Шмитомъ, дѣйствительно отстоитъ на 200 саж отъ Малаго минарета.

Шмитомъ очевидно руководствуется и Березинъ, который говоритъ, что „въ настоящее время остаются еще фундаменты нѣкоторыхъ зданій, упоминаемыхъ Озерецковскимъ (т. е. Лепехинымъ) и показанныхъ на планѣ Шмита: такъ видны, между прочимъ, остатки такъ называемыхъ ханскихъ палатъ, т. е. дома какого-нибудь булгарскаго зажиточнаго жителя. По плану этого зданія у Шмита, слѣдуетъ заключить, что дома въ Булгаріи строились безъ особенной пра-

вильности и что внутри сводами употреблялись деревянныя перегородки. Входы, вѣроятно, были узкіе и неудобные, какъ на всемъ Востокѣ, пріемныя комнаты были въ общей связи съ домашними". И такъ, Березинъ эти палаты считаетъ богатымъ частнымъ домомъ, а не царскимъ дворцемъ.

Можетъ быть, эти ханскія палаты, какъ мы замѣтили выше, слѣдуетъ искать между пятью развалинами, упоминаемыми Лепехинымъ въ околицѣ монастырской слободы, можетъ быть, имъ соотвѣтствуетъ именно первая упоминаемая здѣсь Лепехинымъ палата.

Д. *Зданія въ полѣ, внутри вала.*

1. **Черная палата.** Далѣе мы будемъ говорить о древнихъ строеніяхъ, находившихся, по выписи 1712 г., внѣ окопа и внѣ бывшаго монастыря и монастырской слободы или нынѣшняго села, но внутри большаго городскаго вала.

Первою палатою, на которую указываетъ выпись 1712 г. послѣ зданій въ маломъ окопѣ, представляется называемая въ настоящее время Черною: „Да за окопомъ, въ большомъ окружномъ валу полата снизу четвероугольная, мѣрою всѣ стѣны по 3 саж. безъ полуаршина,—знатно была о дву жильяхъ, съ испода входъ въ одни двери, въ верхнемъ жильѣ шестеры двери, вверхъ до сводовъ осьмигранная; въ той палатѣ оконъ, въ нижнемъ ярусѣ 4 окна четвероугольные, въ верхнемъ ярусѣ 8 оконъ круглыхъ, вверху свода окно круглое. Кругъ тоя полаты придѣлы безъ сводовъ, ветхіе: съ одной стороны съ приходу отъ монастыря на правой сторонѣ два придѣла длины по 2 саж., шир. по сажени, на лѣвой сторонѣ тойже полаты одинъ придѣлъ длины 5 саж. съ арш., поперегъ сажень съ аршиномъ".

Невоструевъ предполагаетъ, что у Лепехина соотвѣтствующею этой палатѣ представляется та, на которую Лепехинъ указываетъ послѣ трехъ палатъ въ слободѣ: „палатѣ, стоящей въ полѣ, длина и ширина по 4 саж. съ $^1/_2$, а вышина 6 саж. съ $^1/_2$".

Эту палату описываютъ Палласъ (189), Эрдманъ (284—286), Свиньинъ (198, 199), Кафтанниковъ (55, 56, 58—60), Второвъ (187—189), Березинъ (86—89), Риттихъ (40, 41).

Палласъ опредѣляетъ положеніе этой палаты въ срединѣ южной стороны деревни и сообщаетъ, что мужики называютъ это зданіе „судейскимъ домомъ".

Эрдманъ приводитъ названія: Судейскій домъ и Черная палатка.

Кафтанниковъ въ подтвержденіе перваго названія приводитъ преданіе о порядкѣ суда, производившагося въ этомъ зданіи, а второе названіе, основываясь на сообщенной ему татарской повѣсти „О несгараемой болгарской царевнѣ", объясняетъ отъ закопченія дымомъ во время пожара, при взятіи города Тамерланомъ. Въ татарской повѣсти разсказывается, что во время приступа Тамерлана къ городу, ханъ Абдуллахъ, съ женами и нѣкоторыми дѣтьми заперся въ Судейской Палатѣ. Тамерланъ приказалъ завалить палату снизу до верху бревнами, облитыми горючими веществами и зажечь. Ханъ Абдуллахъ сгорѣлъ со всѣми приближенными, исключая одной изъ дочерей, которая спаслась чудеснымъ образомъ. По сожженіи палаты, ее увидѣли сидящею на сводѣ, обернутою въ бѣлой одеждѣ муллы Хисамуддины, почитавшагося тогда за святаго, гробница котораго стояла подъ одною палатою на ханскомъ кладбищѣ, близъ минарета (см. ниже). Ханская дочь, по своей набожности, цѣломудрію и добродѣтели, издавна почиталась за святую, а по необыкновенной красотѣ ее называли райскою гуріею. Когда ее представили Тамерлану, онъ удивился чудному спасенію и, прельщенный ея красотою и быстрымъ разумомъ, по отступленіи отъ города, взялъ съ собою царевну и брата ея.

Березинъ опровергаетъ предположеніе, что это зданіе было судейскимъ домомъ и принимаетъ его за мечеть; остатки фундаментовъ, примыкавшихъ къ этому зданію построекъ, г. Березинъ называетъ „утаги"—комнаты для „ходамэ" (служителей мечети), примыкавшія къ мечети; съ зап. стор. особое зданіе, по мнѣнію Березина, могло быть чѣмъ нибудь въ родѣ „медресэ" (духовное училище).

Черная палата показана на планахъ Шмита (№ 4), Риттиха и на планѣ 1869 г. (№ 6).

Видъ этой палаты находится у Палласа (табл. 6, С.); у Эрдмана—видъ (табл. 5) и планъ основанія зданія (табл. 6); у Шмита—внѣшній видъ, профиль и планы четырехъ этажей этой палаты; въ Иллюстраціи, кромѣ внѣшняго вида, представлена и внутренность Черной палаты; у Риттиха—фотографическій видъ зданія; на планѣ 1869 г.—чертежъ основанія.

Это зданіе принадлежитъ къ числу немногихъ, уцѣлѣвшихъ донынѣ.

2. **Бѣлая палата.** За Черною палатою выпись указываетъ на палату, называемую Бѣлою: „Полата крестообразная, мѣрою 5 саж., въ той полатѣ въ глубину 8 ходовъ выкладены каменьемъ, а сколь тѣ ходы глубоки и какое тамъ строеніе, того усмотрѣть за утѣснѣніемъ проходовъ не возможно; въ той же полатѣ въ стѣнахъ 4 окна круглыхъ, да сверху свода окно круглоежъ. Да въ углахъ той полаты 4 полаты, мѣрою дл. и шир. по сажени съ аршин., въ томъ числѣ въ дву полатахъ въ глубину ходъ; да во всѣхъ тѣхъ полатахъ вверху сводовъ по одному окну круглыхъ. Да съ дву сторонъ большой полаты двѣ полаты ветхи, длиною по 3 саж. съ аршин., ширин. по саж. съ аршин., у тойже полаты (первой, примыкающей къ большой, съ южной стороны, какъ объясняетъ это мѣсто Невоструевъ) въ сторонахъ двѣ полаты ветхи и своды обвалились; полата четвероугольная (вторая примыкающая къ большой, съ сѣверн. стор., по объясн. Невоструева) мѣрою длины и ширины по 3 саж. съ полуарш., ходъ въ одни двери, въ ней два окна четвероугольные, да вверху свода окно большое круглое".

Лепехинъ (268) объ этой палатѣ сообщаетъ слѣдующее: „Палата, 10 покоевъ разныхъ мѣръ въ себѣ имѣющая, дл. 30 саж., шир. по срединѣ 7 саж., а въ концахъ по 4 саж. Вышины въ двухъ стѣнахъ по 1 саж. съ $^1/_2$, да въ другихъ двухъ стѣнахъ по двѣ сажени. На оныхъ стѣнахъ сводъ вышиною въ одну сажень; а въ округѣ онаго свода 6 саж. съ $^1/_2$".

Не входя въ подробности, которыя представляютъ позднѣйшія описанія этого зданія—о внутреннемъ его устройствѣ, раздѣленіи на комнаты, о размѣрахъ и различныхъ принадлежностяхъ послѣднихъ (окна, двери и т. п.) я, на основаніи всѣхъ этихъ описаній, представлю только общее объясненіе устройства этого зданія, безъ чего трудно понять слова выписи и показаніе Лепехина о 10 покояхъ.

Это зданіе состоитъ изъ трехъ частей—средней, главной и обширнѣйшей и двухъ примыкающихъ къ средней части пристроекъ съ юга и сѣвера.

Подъ крестообразною, большею палатою выписи должно разумѣть главную, среднюю часть, которая собственно представляетъ квадратъ, но внутри его, по 4 угламъ, устроены четыре тоже квадратныя комнаты, такъ что средина большаго квадрата представляетъ крестъ. Такимъ образомъ, въ

этой средней, главной части является 5 комнатъ—среднее крестообразное пространство и 4 комнаты по угламъ.

Къ этой главной, средней части, примыкаютъ пристройки съ юга и сѣвера, по выписи: „да съ двухъ сторонъ большой полаты двѣ полаты ветхи".

Южная пристройка представляетъ, также какъ и средняя, главная часть—прямоугольный четыреугольникъ, хотя и не квадратъ,—это первая изъ двухъ ветхихъ палатъ, примыкающихъ къ большей, крестообразной; къ этой пристройкѣ съ востока и запада примыкаютъ меньшія, тоже четыреугольныя палаты, чѣмъ и объясняются слова выписи: „у той-же полаты въ сторонахъ двѣ полаты ветхи и своды обвалились".

Сѣверная пристройка--тоже прямоугольный четвероугольникъ, это будетъ вторая изъ двухъ ветхихъ палатъ, примыкающихъ къ большей; объ этой сѣверной пристройкѣ выпись говоритъ: „полата четыреугольная, мѣрою..."

Такимъ образомъ, объясняются и 10 покоевъ Лепехина—5 комнатъ главной средней части, три пристройки съ юга. и сѣверная пристройка, которая, по позднѣйшимъ описаніямъ, раздѣлялась на двѣ комнаты.

Это зданіе подробно описываютъ Палласъ (189—192), Эрдманъ (286—288), Свиньинъ (199—202), Кафтанниковъ (60—64), Второвъ (189—192), Березинъ (93—97), Риттихъ (41, 42).

Палласъ указываетъ, что это зданіе находится въ 100 саж. отъ предыдущаго (Черная палата), прямо на югъ и считаетъ его сходнымъ съ находящимися въ г. Ташкентѣ старинными строеніями, въ которыхъ отчасти были школы, а отчасти ставили тѣла умершихъ. Подтвержденіемъ послѣднему Палласъ представляетъ погребъ со сводами, бывшій подъ всѣмъ главнымъ строеніемъ, куда ставили тѣла умершихъ.

Эрдманъ открылъ подъ каменнымъ поломъ 5 параллельныхъ каналовъ, слѣды многихъ водопроводовъ въ стѣнахъ, въ одной стѣнѣ остатки желѣзной трубы, даже слѣды бассейна; все это приводитъ Эрдмана къ убѣжденію, что это была баня. Эрдманъ первый приводитъ названіе тамошними жителями этого зданія—„Бѣлая палатка". Кругомъ этого зданія Эрдманъ замѣтилъ углубленія и засыпанныя ямы, происхожденіе которыхъ онъ не берется объяснять; это, какъ замѣчаютъ позднѣйшія описанія, водохранилища (см. ниже).

Свиньинъ крестообразное расположеніе главнаго зданія считаетъ опроверженіемъ предположенія, что это была мечеть; противъ предположенія, что это была баня, указываетъ на камни съ надгробными надписями, замѣчаемыми на полу, которые бы конечно не положили въ банѣ. Свиньинъ думаетъ, что это зданіе переходило, по обстоятельствамъ изъ одного назначенія въ другое, при чемъ и дѣланы были разныя пристройки; на основаніи первоначальной архитектуры, Свиньинъ предполагаетъ, что это зданіе подходитъ къ индѣйскимъ погодамъ, что оно построено въ то время, когда индѣйцы пріѣзжали сюда по торговымъ дѣламъ и имѣли здѣсь свои храмы. Наконецъ Свиньинъ замѣчаетъ, что подземные ходы были устроены не только подъ самымъ зданіемъ, но и вокругъ онаго на большемъ пространствѣ.

Кафтанниковъ, разсматривавшій булгарскія развалины въ 1809 г., нашелъ въ стѣнахъ этого зданія глиняныя трубы и признаки бывшаго бассейна; по показаніемъ сторожиловъ, какъ говоритъ Кафтанниковъ, подъ поломъ были канавки, выложенныя дикимъ камнемъ. На основаніи этихъ данныхъ, Кафтанниковъ соглашается съ Эрдманомъ, что это была баня, и прибавляетъ, что зданіе это постройкою и расположеніемъ совершенно сходно съ банями въ Бахчи-сараѣ, какъ описываютъ послѣднія Манштейнъ и Апостолъ-Муравьевъ.

Кафтанниковъ указываетъ на главную причину гибели булгарскихъ памятниковъ вообще и Бѣлой палаты въ особенности: „Корыстолюбіе обывателей, а особливо рабочихъ существовавшаго прежде въ селеніи селитрянаго завода, много принесло вреда вообще всѣмъ уцѣлѣвшимъ зданіямъ, а этому въ особенности. Зная о существованіи подземныхъ галерей и наполняя ихъ въ воображеніи несмѣтными сокровищами, они подрывались и разрушили ихъ, поколебавъ такимъ образомъ основаніе зданія“.

Березинъ относительно крестообразнаго расположенія зданія заключаетъ, что такъ въ Персіи обыкновенно устраиваются загородныя дачи и пріемныя залы (таляръ) въ большихъ домахъ, подобная форма употребляется и въ постройкѣ мусульманскихъ бань. Мнѣніе Свиньина объ индѣйскомъ значеніи Бѣлой палаты Березинъ считаетъ не стоящимъ упоминанія. Можно принять, говоритъ Березинъ, что это была баня, но такая сложная и съ лѣпною работою постройка бани въ Булгарѣ для тогдашняго города не много роскош-

на; во-вторыхъ, величина зданія въ отношеніи къ мечетямъ представляетъ несовсѣмъ выгодную для послѣднихъ пропорцію, такъ какъ извѣстно, что въ мусульманскихъ городахъ никакія зданія общественныя не должны быть лучше мечетей.

Противъ этого сомнѣнія Березина должно указать, что бани въ Булгарѣ составляли особую достопримѣчательность, на которую указываетъ, напр. Абуль-Феда.

Риттихъ принимаетъ это зданіе за баню и объясняетъ, что совершенно бѣлый видъ ея зависитъ отъ свойства известково-мѣловой породы, изъ которой она выстроена.

Бѣлая палата показана на планахъ Шмита (№ 5), Риттиха и 1869 г. (№ 7).

У Палласа—видъ этого зданія (табл. 6, D) и чертежъ основанія (табл. 6, E); у Эрдмана два вида — съ восточн. стор. (табл. 7) и южной (табл. 8); у Шмита — видъ, профиль и планъ; въ Иллюстраціи два изображенія этой палаты — спереди и боковое, сверхъ того изображеніе внутренности средней комнаты; у Риттиха фотографическій видъ.

3. Малый минаретъ. Послѣ Бѣлой палаты, выпись указываетъ такъ называемый малый минаретъ: „Всходный столпъ вышиною 7 саж., кругомъ 8 саж.“

Лепехинъ (267) говоритъ, что въ 260 саж. отъ палаты, по его счету, четвертой (Черная) стоитъ круглый каменный столбъ въ окружности 8, и вышин. 7 саж.

Эту башню описываютъ Палласъ (188), Эрдманъ (283), Свиньинъ (197), Кафтанниковъ (53), Второвъ (192, 193), Березинъ (92), Риттихъ (42).

Этотъ столпъ, въ противоположность первому, называютъ „малымъ минаретомъ“.

Столпъ этотъ началъ было разрушаться, говоритъ г. Второвъ, но пожертвованіями Татаръ недавно исправленъ и принялъ красивую форму. Онъ покрытъ желѣзною крышею, оканчивающеюся шпицемъ съ луною. Сверхъ того, около верхняго отступа сдѣланы перилы.

Малый минаретъ показанъ на планахъ Шмита (№ 3), Риттиха и на планѣ 1869 г. (№ 5).

Видъ малаго минарета находится у Эрдмана (табл. 4, фиг. а), у Шмита—видъ, профиль и планъ, въ Иллюстраціи видъ, у Риттиха фотографическій видъ.

4. **Зданія около Мала о минарета.** Выпись 1712 г. говоритъ: „у того столба двѣ мечети четвероугольныя, безъ сводовъ, мѣрою тѣ мечети длины и шир. по 3 саж., въ томъ числѣ у одной мечети трои двери, четыре окна четвероугольныхъ, у той же мечети придѣлокъ безъ своду длины и ширины по сажени, входъ въ одни двери безъ окопъ; у другой мечети три стѣны цѣлыхъ, на тѣхъ стѣнахъ по окну четвероугольныхъ, четвертой стѣны половина до своду вывалилась. Вышины тѣ полаты по двѣ саж.“

Лепехинъ при Мал. минаретѣ указываетъ двѣ палаты, изъ коихъ одной длина и ширина по 3 саж. съ $^1/_2$, а другой ровно по 3 саж., вышина обѣихъ 2 саж.

Палласъ (188) упоминаетъ только объ одномъ зданіи около малой башни: „Недалеко отъ оной, и нѣсколько ближе къ монастырю, видно основаніе пространнаго строенія, на которомъ, можетъ быть, находилась принадлежащая къ сей башнѣ мечеть“.

Эрдманъ (283, 284) указываетъ на слѣдующія сосѣднія съ малымъ минаретомъ зданія: 1) на сѣв.-зап., въ 60 футахъ, стѣны четвероугольнаго зданія, 22 фута дл. и шир., на верху оно имѣетъ восьмиугольную форму, прежде, конечно, былъ сводъ; 2) на западн. сторонѣ отъ южнаго угла этого зданія видно основаніе другаго маленькаго четыреугольнаго зданія въ 8 фут., которое, кажется, не имѣло никакого сообщенія съ первымъ; 3) 14 футовъ далѣе на западъ, паралельно первому, четыреугольное зданіе, у котораго сѣверная и восточная стороны разрушены.

Второе зданіе, очевидно—упоминаемый въ выписи „придѣлокъ“ къ первой мечети, но Эрдманъ предполагаетъ, что онъ не имѣетъ никакого сообщенія съ большимъ зданіемъ.

Свиньинъ (197) упоминаетъ о трехъ зданіяхъ около малаго минарета: „Далѣе башни замѣтенъ фундаментъ мечети, образующій неправильный четвероугольникъ въ 3 саж. дл. Съ юга и зап. видны остатки двухъ небольшихъ отдѣльныхъ зданій“.

Кафтанниковъ (54), ссылаясь на упоминаемыя Лепехинымъ двѣ палаты, указываетъ далѣе къ востоку (?) въ 60 шагахъ отъ мал. башни два четыреугольныя зданія. У восточной (?) стѣны перваго Кафтанниковъ примѣчаетъ основаніе четыреугольнаго зданія, послѣднее, очевидно, тоже самое, которое „выпись“ и Эрдманъ показываютъ примыкаю-

щимъ къ первому зданію. Разница между Кафтанниковымъ и Эрдманомъ только въ обозначеніи странъ свѣта.

Второвъ (193, 194) указываетъ въ 15 саж. отъ малаго минарета, къ сѣв.-западу, развалины палаты, которая изъ квадрата переходитъ въ осьмиугольникъ, а потомъ въ шестнадцатиугольникъ. Очевидно, что это первое зданіе около минарета, упоминаемое Эрдманомъ и другими. Эрдманъ тоже говоритъ о переходѣ изъ четыреугольника въ осьмиугольникъ. Къ восточн. и западн. сторонѣ этого зданія примыкали, говоритъ Второвъ, строенія.

Березинъ (92, 93) указываетъ на зданіе, находящееся къ сѣв.-зап. отъ мал. минарета и на остатки зданія на западъ; оба зданія Березинъ считаетъ мечетями. „Глядя на молящихся здѣсь Татаръ, обведшихъ особенною загородкою могилы своихъ шейховъ, я согласенъ, говоритъ Березинъ, допустить на дворѣ этой мечети кладбище, на коемъ, дѣйствительно, какъ утверждаетъ татарское преданіе, были похоронены какіе нибудь булгарскіе чтимые мужи".

На планахъ Шмита, Риттиха и 1869 г. обозначены палаты около малаго минарета.

Видъ двухъ зданій около малаго минарета встрѣчается у Эрдмана (табл. 4, фиг. b, c.); у Шмита, кромѣ наружнаго изображенія, профили и планы этихъ двухъ зданій; въ Иллюстр.—двѣ палаты у втораго столпа; у Риттиха—фотографическій видъ.

5) **Кладбище.** Около малаго минарета описатели Булгара указываютъ древнее кладбище. Эрдманъ, упомянувши двѣ палаты около этаго минарета, говоритъ, что, по татарскимъ преданіямъ, здѣсь похоронены 5 святыхъ, на поклоненіе которымъ понынѣ пріѣзжаютъ правовѣрные. Имена этихъ святыхъ: Султанъ-ул-Арефинъ, Шейхъ-Хасанъ-Басрій, Шейхъ-Шибли, Мулла-Хюсанъ-уд-динъ, Шейхъ-Култи-Саманъ.

Свиньинъ, указавши на зданія около минарета, также упоминаетъ о пришествіи сюда мусульманъ для поклоненія пяти святымъ, которыхъ называетъ также какъ и Эрдманъ.

Кафтанниковъ, указавши на двѣ палаты около минарета и на признаки основаній трехъ зданій различной величины къ востоку отъ этихъ палатъ, говоритъ, что „татарскіе бытописатели и изустныя преданія передаютъ, что здѣсь было царское или ханское кладбище, гдѣ погребено 10 святыхъ

мусульманъ, и видимыя зданія—надгробные памятники умершихъ. Единовѣрцы ихъ пріѣзжаютъ сюда на поклоненіе. Въ употребляемой на этотъ случай молитвѣ сохранились имена угодившихъ пророку". Изъ этихъ именъ, приводимыхъ Кафтанниковымъ, пять упоминаются Эрдманомъ и Свиньинымъ, остальныя: Ахметъ исави, Худжа Калимъ, Саидъ Ага, Калимъ, Балямъ ходжи. „На этомъ кладбищѣ, продолжаетъ Кафтанниковъ, гдѣ одна изъ палатъ, построенная надъ прахомъ какого-то булгарскаго хана, и до сихъ поръ называется ханскою, кромѣ палатъ, были прежде разбросаны во множествѣ надгробные камни, съ надписями изъ алкорана и съ означеніемъ именъ правовѣрныхъ. Теперь, къ сожалѣнію, всѣ они сняты и только одни холмы говорятъ вамъ, что вы на кладбищѣ нѣкогда славнаго народа".

Г. Юрткульскій (1), авторъ статьи „Поѣздка въ Болгары", говоритъ, что возлѣ башенъ около малаго минарета лежитъ замѣчательный клочекъ земли „въ 40 квадр. саженъ, обнесенный рѣшеткою... Здѣсь было, по сказанію татарскихъ лѣтописцевъ (?), ханское кладбище, на которомъ погребено 10 мужей, чтимыхъ мусульманами".

Я приводилъ уже слова Березина, который предполагаетъ, что зданія около минарета были мечетями, и говоритъ, что Татары обвели здѣсь особенною загородкою могилы своихъ Шейховъ, поэтому Березинъ согласенъ допустить на дворѣ этой мечети кладбище, „на которомъ, какъ утверждаетъ татарское преданіе, были похоронены какіе нибудь булгарскіе чтимые мужи".

Риттихъ (39) также упоминаетъ около минарета съ его развалинами небольшое мѣсто, огороженное частоколомъ Татарами и очень ими чтимое. Татары говорятъ, что тутъ похоронены ихъ 5 святыхъ, имена послѣднихъ Риттихъ приводитъ, ссылаясь на Свиньина.

На планѣ 1869 г. надъ палатами, находящимися около малаго минарета надписано: „Ханскія могилы".

6. Развалины между малымъ минаретомъ и Черною палатою, улицы, бассейны. Новѣйшія описанія Булгарскаго города указываютъ на признаки многихъ зданій между мал. минаретомъ и Черн. палатою.

---

(1) Библ. для Чт. 1850, № 9, стр. 73.

Кафтанниковъ (55) по остаткамъ развалинъ указываетъ здѣсь цѣлую улицу: „Идя отъ мал. минарета къ срединѣ бывшаго города, придешь къ черной палатѣ“. Дорога къ ней ведетъ между многими каменными развалинами, расположенными въ различномъ направленіи и разстояніи; изъ-за нихъ выглядываютъ земляные бугры и ямы. Смотря на эти признаки древнихъ зданій и особенно на ихъ паралельное расположеніе, можно съ нѣкоторою достовѣрностью заключить, что здѣсь была улица, выходившая на площадь, гдѣ теперь возвышается такъ называемая черная палата“.

Березинъ (99) говоритъ, что главная и самая населенная часть города была около нынѣшней церкви, Черной палаты и близъ Мал. минарета, гдѣ безпрерывно возвышаются земляные бугры подъ погребенными зданіями, отсюда шли улицы и хорошія зданія къ цитадели (1). Улицы были кривы и нечего предполагать какую-то большую улицу около тѣхъ развалинъ, которыя сохранились донынѣ.

О сосредоточеніи населенія между Мал. минаретомъ и Черн. палатою говоритъ и Риттихъ (42): „Судя по числу отдѣльныхъ четыреугольныхъ фундаментовъ, сохранившихся въ такомъ количествѣ вокругъ Черной палаты, по направленію къ Мал. минарету, можно вывести заключеніе, что тутъ сосредоточивалось городское населеніе. Внутреннее пространство этихъ квадратныхъ и паралелограммовидныхъ основаній, всѣ (sic) углублены. При раскопкахъ, на глубину до 1 $^1/_2$ арш., въ нѣкоторыхъ найдено много угольныхъ остатковъ и золы. Такъ какъ въ то время не знали еще постройки печей, а по средне-азіатскому обычаю, жители отогреваются и живутъ въ тѣсномъ пространствѣ плетеныхъ и круглыхъ юртъ, обитыхъ войлокомъ, въ срединѣ которыхъ разводится огонь, то полагаемъ, что около Черной палаты былъ рядъ маленькихъ каменныхъ домовъ, съ куполомъ сверху и углубленіемъ внутри, по срединѣ. Въ этихъ строеніяхъ жили самые богатые и сановные люди города Болгаръ“.

На планѣ 1869 г. показана одна развалина между Мал. минаретомъ и Черн. палатою, въ 50 саж. на зап. отъ минарета; на планѣ Шмита развалины значительныхъ размѣровъ пока-

(1) Цитадель находилась при южн. окончаніи земляного вала, см. ниже «Малый городокъ».

заны въ томъ же разстояніи отъ послѣдняго, но только на сѣверъ. На общемъ видѣ булгарскихъ развалинъ, помѣщенныхъ въ Иллюстраціи, на западъ отъ Мал. минарета, далѣе двухъ ближайшихъ къ минарету, вышеупомянутыхъ палатъ, замѣтна третяя развалина, соотвѣтствующая показанной на планѣ 1869 г.

Сохранились и признаки водохранилищъ, бассейновъ. Еще Эрдманъ указываетъ, что кругомъ Бѣлой палаты замѣтны углубленія и засыпанныя ямы, происхожденіе которыхъ онъ не берется объяснить. Риттихъ (42) также обращаетъ вниманіе на ямы, которыя встрѣчаются на пути отъ Бѣлой къ Черной палатѣ, признаетъ ихъ водохранилищами. Березинъ (99) говоритъ, что въ углубленіяхъ, вѣроятно, были бассейны съ водою.

7. Развалины указанныя на планахъ къ югу отъ Черной палаты и Мал. минарета и упоминаемыя Лепехиныхъ. На трехъ извѣстныхъ намъ планахъ указано много развалинъ на югъ отъ Черн. палаты и Мал. минарета; всѣ эти развалины можно раздѣлить на двѣ главныя группы—по правую и лѣвую сторону дороги, которая идетъ на югъ изъ Успенск. села въ с. Три-озера и раздѣляетъ пространство, заключающееся въ земляномъ валу, почти на двѣ равныя половины.

По правую сторону этой дороги, на югъ отъ Черн. палаты, кромѣ извѣстной Бѣлой палаты, на планѣ Шмита, означено 4 развалины, на планѣ 1869 г. 6 развалинъ и на планѣ Риттиха девять. У Риттиха эти развалины группируются въ юго-зап. углу вала. Риттихъ (39) замѣчаетъ здѣсь остатки башни и развалинъ возлѣ нея; предполагаетъ, что здѣсь были три мечети и 3 минарета, какъ бы при въѣздѣ въ городъ; остальныя могли быть отдѣльныя каменныя постройки для муллъ, въ видѣ тѣхъ, которыя встрѣчаются близъ Бизаріи въ Алжирѣ (1).

Только на планѣ Шмита указаны развалины въ 20 саж. на сѣв. зап. отъ Бѣлой палаты, эти развалины видны и при изображеніи послѣдней палаты у Эрдмана (табл. 8).

Развалины по лѣвую сторону вышеупомянутой дороги раздѣляются также на двѣ группы—большинство развалинъ сосредоточено здѣсь между двухъ дорогъ изъ Успенскаго

(1) Manuments de tous les peuples par Breton, II, 64.

села къ с. Щербеть, затѣмъ нѣсколько развалинъ между дорогою въ послѣднее село и дорогою въ с. Три-озера.

Между двухъ дорогъ въ с. Щербеть планъ Шмита показываетъ 6 развалинъ, изъ которыхъ одна на сѣв-вост., а остальныя на вост. и юго-вост. отъ Мал. минарета; планъ 1869 г. указываетъ одну развалину на сѣв-вост. и 4 на юго-вост.; у Риттиха только 4 развалины на юго-вост. Риттихъ (39) говоритъ, что эти развалины принимаютъ за остатки ханскаго дворца; но этого мы не видимъ ни въ одномъ изъ описаній Булгара. Вѣроятно, Риттихъ имѣлъ въ виду ханскую палатку, которую, какъ мы видили, Кафтанниковъ указываетъ на кладбищѣ, бывшемъ близъ Мал. минарета, т. е. въ этой мѣстности. Самъ Риттихъ, указавши, что эти развалины принимаются за остатки ханскаго дворца, объясняетъ: „не знаю, до какой степени это вѣрно, нельзя однакожъ упустить изъ виду близость къ этому мѣсту Мал. минарета съ его развалинами, около которыхъ было древнее кладбище“.

Кафтанниковъ замѣчаетъ признаки основаній трехъ зданій различной величины на востокъ отъ двухъ палатъ при Малом. минар., затѣмъ онъ указываетъ далѣе на востокъ палаты, о которыхъ будто бы говоритъ Лепехинъ (см. ниже).

Между дорогъ въ с. Щербеть и въ Три-озера, около послѣдней, всѣ три плана показываютъ двѣ развалины; но каждый планъ представляетъ эти развалины въ различномъ разстояніи одну отъ другой.

Лепехинъ внутри вала, но внѣ монастыря и слободы, кромѣ палатъ Бѣлой и Черной, Мал. минар. и двухъ палатъ при послѣднемъ, указываетъ на 18 палатъ. Положеніе этихъ послѣднихъ, въ отношеніи къ извѣстнымъ, къ сожалѣнію, нельзя опредѣлить, хотя Лепехинъ и указываетъ разстояніе одной отъ другой и отъ извѣстныхъ—Бѣлой, Черн. и Мал. минар. Лепехинъ не показываетъ странъ свѣта, гдѣ должно искать одну палату въ извѣстномъ разстояніи отъ другой; сверхъ того числовыя данныя о разстояніяхъ, какъ оказывается, представлены Лепехинымъ ошибочно (1). Такимъ образомъ, мы лишены возможности пріуро-

(1) Напр., Лепехинъ указыв. палату по его счету восьмую, отъ которой будто бы Бѣлая отстоитъ въ 320 саж., а Черная въ 40 саж.; но

чить показанныя Лепехинымъ развалины къ означеннымъ на планахъ.

Только Кафтанниковъ (55) пріурочиваетъ 9 палатъ, которыя Лепехинъ показываетъ въ 160 саж. отъ Мал. минар., въ одну линію, при чемъ обозначаетъ только длину и ширину фундаментовъ этихъ палатъ: первой дл. 3, шир. $2^1/_2$ саж.; второй длина и шир. 3 саж.; третьей дл. и шир. $2^1/_2$ саж.; четвертой дл. 3, шир. $2^1/_2$ саж.; пятой дл. 4, шир. 3 саж.; шестой дл. $2^1/_2$, шир. 2 саж.; седьмой дл. 3, шир. $2^1/_2$; восьмой дл. и шир. 4 саж.; девятой дл. и шир. $3^1/_2$ саж. Кафтанниковъ говоритъ: „Къ востоку отъ Мал. минар., въ 100 саж., на пространствѣ, занятомъ пахотнымъ полемъ, замѣтны признаки небольшихъ, нынѣ совершенно разрушенныхъ, каменныхъ зданій, въ небольшемъ другъ отъ друга разстояніи; по основаніямъ, имѣющимъ разную величину, у Лепехина значится 9 палатъ". Относительно послѣдняго сопоставленія Кафтанниковымъ, должно замѣтить, что Лепехинъ показываетъ палаты въ разстояніи 160 саж. отъ Мал. минар., а Кафтанниковъ въ 100 саж.

Остальныя 9 палатъ, указанныхъ Лепехинымъ, слѣдующія: 1) въ 80 саж. отъ шестой (второй при Мал. минар.) палата дл. $3^1/_2$ саж., шир. $2^1/_2$, выш. 2 саж. и 2 арш.; 2) въ 70 саж. отъ предыдущей палаты, дл. и шир. по $3^1/_2$. саж.; 3) въ 200 саж. отъ девятой (Бѣлой) развалившаяся палатка по фундаменту шир. 3 саж., а дл. $3^1/_2$; 4) въ 60 саж. отъ предыдущей—по основанію дл. и шир. 3 саж.; 5) въ 80 саж. отъ предыдущей развалившаяся, дл. 4, шир. 3 саж.; 6) въ 5 саж. отъ предыдущей и въ 140 саж. отъ земл. вала развалившаяся, дл. и шир. 2 саж.; 7) въ 180 саж. отъ вала развалившаяся, дл. и ширина 3 саж.; 8) въ 280 саж. отъ предыдущей развалившаяся, дл. $3^1/_2$, шир. 3 саж.; 9) въ 80 саж. отъ предыдущей и въ такомъ же разстояніи отъ Мал. минар. развалившаяся, дл. 3 и шир. $2^1/_2$ саж.

въ такомъ разстояніи одна и таже палата не можетъ быть отъ извѣстныхъ намъ Бѣлой и Черной, п. ч. послѣднія отстоятъ одна отъ другой только на 100 саж., слѣдовательно не одна точка окружности, центромъ которой будетъ Черная палата, а радіусомъ 40 саж., т. е. разстояніе отъ послѣдней восьмой палаты, не можетъ отстоять отъ Бѣлой палаты на 320 саж. Можно представить и другія доказательства невѣрности показаній Лепехина.

Изъ этихъ 9 палатъ только одна первая представлена Лепехинымъ неразвалившеюся, т. е. показана длина, шир. и вышина этой палаты; остальныя палаты Лепехинъ называетъ развалившимися и показываетъ только дл. и шир. фундамента оныхъ. Такое состояніе этихъ палатъ въ началѣ второй половины прошедш. столѣтія объясняетъ, почему объ этихъ палатахъ не упоминаютъ послѣдующія описанія Булгара. Можно было остановиться только на первой палатѣ, отстоявшей, неизвѣстно въ какую сторону, въ 80 саж отъ второй палаты при Мал. минаретѣ. Можетъ быть, на эту палату и указываетъ Палласъ.

8. Палата описанная Палласомъ. Палласъ (188, 189) говоритъ: „Почти въ 80 саж. далѣе въ юго-зап. сторону отъ Мал. минарета стоитъ еще небольшое, изъ дикаго камня, плотно складенное четвероугольное строеніе; однако своды онаго на одной сторонѣ обвалились. Входъ сдѣланъ на западной, маленькое окошечко на южной сторонѣ. Въ западной стѣнѣ, по обоимъ сторонамъ входа, находятся два глухія окошка, и такія же два есть въ сѣверн. и южн. стѣнѣ, но нѣсколько далѣе одно отъ другаго отстоятъ. По догадкамъ, можно сказать, что и сіе строеніе ничто иное было какъ мечеть". Палласъ представляетъ и видъ этой палаты (табл. 6, B).

Невоструевъ (539) называетъ страннымъ, что ни въ „выписи", ни у прочихъ описателей не видно этого хорошо уцѣлѣвшаго и описаннаго Палласомъ квадратнаго зданія.

Я предполагаю, что скоро послѣ Палласа эта палата разрушилась; палату эту нельзя называть хорошо уцѣлѣвшею, какъ это дѣлаетъ Невоструевъ: уже Палласъ говоритъ, что своды на одной сторонѣ обвалились. Но не понятно почему, какъ заявляетъ Невоструевъ, объ этой палатѣ не упоминаетъ „выпись 1712 г."? Вопреки Невоструеву, я нахожу эту палату въ выписи—„Палата четвероугольная съ одного угла до половины стѣны до своду цѣлы, мѣрою по пошвѣ длины и ширины по 3 саж., входъ въ одни двери". Это мѣсто выписи, какъ было выше замѣчено, Невоструевъ пріурочиваетъ ко второй или третьей палатѣ, упоминаемой Лепехинымъ въ слободѣ; но о второй Лепехинъ говоритъ, что верхъ ея развалился, а относительно третьей, что видно только основаніе ея. Такимъ образомъ, третья изъ упоминаемыхъ Лепехинымъ палатъ совершенно не подходитъ къ упоминаемой въ выписи, съ трудомъ можно признать по-

слѣдпюю и за вторую Лепехинскую, верхъ которой развалился. Между тѣмъ показанія Палласа подходятъ къ словамъ выписи—форма палаты по обоимъ четвероугольная; размѣръ палаты Палласа, какъ видно изъ изображенія ея съ приложеніемъ маштаба, равняется 4 саж.; а палата, упоминаемая выписью—трехъ саженъ, но какъ замѣчаетъ Невоструевъ, выпись, сравнительно съ позднѣйшими описаніями, уменьшаетъ нѣсколько размѣры строеній; выпись упоминаетъ о двери, которая видна и на изображеніи палаты у Палласа; наконецъ, выпись говоритъ: „съ одного угла до половины стѣны до своду цѣлы“, а Палласъ: „своды на одной сторонѣ обвалились“.

Относительно опредѣленія Палласомъ положенія этой палаты въ 80 саж. на юго-зап. отъ мал. минар. должно замѣтить, что въ этомъ направленіи на 80 саж. и даже на гораздо большое разстояніе, а также и ближе ни одинъ планъ не указываетъ ни одной развалины. Должно предполагать, что послѣ паденія этой палаты, остатки ея совсѣмъ сгладились съ лица земли, поэтому не были замѣчены въ 1827 г., во время составленія плана Шмита; или не должно ли, что вѣроятнѣе, читать у Палласа, вмѣсто на „юго-западъ“,—на „юго-востокъ“, гдѣ на планѣ Шмита указаны развалины въ разстояніи 100 саж. отъ Мал. минар., а на планѣ 1869 г.—именно въ 80 саж., какъ показано у Палласа.

6. Зданія внѣ вала.

1 Греческая палата и столпъ. Выпись 1712 г. говоритъ: „Да за валомъ къ Волгѣ рѣкѣ палата четвероугольная безъ сводовъ, мѣрою длины 5 саж. съ арш.; поперегъ полчетверти (т. е. $3^1/_2$) саж., вышина сажень: входъ въ тое полату, въ одни двери, знатно, что та полата была напередъ сего церковію, потому что около ея многіе есть кладбищные каменья съ подписьми, а подписи подходили па армянскія письма. Отъ той полаты столпъ небольшой въ знакъ часовни, вышины $1^1/_2$ саж., кругомъ 3 саж“.

Лепехинъ указываетъ за валомъ, близъ учрежденной для Екатерины II дороги къ пристани (1), разстояніемъ отъ вала 67 саж., столпъ 4 саж. въ окруж.

(1) Дорога устроена передъ посѣщеніемъ Императрицею Булгара въ 1767 г. Сохранилось письмо Екатер. II отъ 3 іюня 1767 къ П. Панину

Дорога Государыни указана на планѣ Шмита, она идетъ за валомъ, отъ большой улицы села, по направленію къ сѣв.-зап.; вмѣстѣ съ этою дорогою начинается большая дорога въ г. Тетюши, которая идетъ на юго-западъ.

Въ разстояніи 79 саж. отъ столпа Лепехинъ указываетъ палату длиною и ширин. по 5 саж. Такимъ образомъ у Лепехина встрѣчаемъ столпъ и палату, упоминаемые въ „выписи“.

Объ этой палатѣ за валомъ говоритъ Палласъ (188): „За валомъ есть въ западной сторонѣ остатки знатнаго строенія, которое мужики, не знаю по какой причинѣ, называютъ Греческою палатою“.

Объ этомъ зданіи говорятъ также Эрдманъ (289) и Свиньинъ (202).

Кафтанниковъ сообщаетъ о посѣщеніи этого зданія Петромъ Великимъ (²): „Отъ большаго минарета Петръ отправился къ развалинамъ, называемымъ „Греческою палатою“ или „Греческимъ монастыремъ“. Найдя эту палату совершенно уже разрушенною, распрашивалъ о прежнемъ ея фасадѣ, но, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, приказалъ только беречь эти остатки въ воспоминаніе, что нѣкогда христіане покланялись здѣсь Творцу міра, и что прахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ тутъ покоится“. Изъ этого сообщенія видно, что въ началѣ XVIII ст. этѣ развалины считали бывшею христіанскою церковью и около нея предполагали христіанское кладбище.

Послѣ Кафтанникова упоминаютъ объ этой палатѣ Второвъ (194, 195), Березинъ (81, 97, 98), Риттихъ (43), Невоструевъ (539).

Березинъ говоритъ, что „направленіе зданія показываетъ, что это не была церковь, вѣроятно, здѣсь было скла-

---

о развалинахъ Болгаръ, напечат. въ Сборн. Русск. Ист. Общ. т. X, стр. 207.

(²) Кафтанниковъ имѣлъ особыя подробныя свѣдѣнія о посѣщеніи Петромъ с. Булгара, эти свѣдѣнія сообщены Яковкинымъ, бывшимъ профессоромъ и директ. Казанск. гимназіи. Яковкинъ получилъ эти свѣдѣнія отъ священника села Булгара, а священнику это было сообщено отъ секретаря Ушакова, который служилъ у Казанск. митрополита Тихона и во время пребыванія Петра въ Булгарѣ лично тамъ находился.

дочное мѣсто для цѣнныхъ товаровъ или жилище какого нибудь богатаго иностраннаго купца, постояннаго жителя Булгара".

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 81) Березинъ говоритъ: „Такъ какъ мусульманская религія господствовала въ Булгарѣ, то мы и можемъ утверждать, по сравненію съ другими мусульманскими городами, что внѣ городскихъ стѣнъ находились торговыя предмѣстія, населенныя большею частію не мусульманами. Что это были торговыя поселенія, то это доказывается мѣстностью ихъ, близкою къ р. Волгѣ: на восточной и южной сторонахъ города не замѣтно никакихъ остатковъ жительства, которое если и существовало здѣсь когда либо, то весьма неважное. Что предмѣстія эти были населены иновѣрцами, то въ подкрѣпленіе сему служитъ преданіе о такъ называемой „Греческой палатѣ": это названіе указываетъ на христіанъ, обитавшихъ въ нагорномъ предмѣстіи".

Риттихъ говоритъ, что „входъ въ эту палату, по крайней мѣрѣ нижняго этажа, расположенъ съ западн. стороны, слѣдовательно алтарь приходится на востокъ, въ прямой линіи съ такимъ же направленіемъ сельской церкви. Вотъ единственное доказательство, кромѣ самаго названія, о существовавшей тутъ нѣкогда греческой церкви или монастыря".

Къ этому доказательству, приводимому Риттихомъ, должно прибавить убѣжденіе, существовавшее при Петрѣ Великомъ, что это была христіанская церковь и около ея было христіанское кладбище, наконецъ показаніе выписи 1712 г.

Доселѣ не представлено никакихъ объясненій, почему эта палата называется Греческою?

Невоструевъ, основываясь на показаніи выписи, которая называетъ эту палату не мечетью, а именно церковью— „знатно, что та палата была напредь церковію", а столпъ при этой палатѣ называетъ часовнею, не соглашается съ предположеніемъ Березина.

Но, не встрѣчая никакихъ данныхъ считать эту церковь греческою, въ смыслѣ греческой народности, Невоструевъ предполагаетъ: не была ли эта церковь армянскою? Въ Булгарѣ были найдены надгробные памятники съ армянскими надписями (см. ниже), но никакихъ греческихъ памятниковъ не найдено; затѣмъ выпись 1712 г. прямо упоми-

наетъ о надгробныхъ памятникахъ около этой церкви съ надписями, которыя походили на армянскія.

Греческая палата показана на планахъ Шмита, Риттиха и 1869 г. Видъ развалинъ этой палаты и планъ фундамента ея встрѣчаются у Шмита.

О столпѣ около этого зданія, о которомъ говорятъ „выпись“ и Лепехинъ, нигдѣ болѣе не упоминается, только Шмитъ, указывая на своемъ планѣ мѣсто для греческой палаты, говоритъ, что здѣсь видны зданія съ башнями и признаки вала.

Риттихъ (43) указываетъ на слѣды четырехъугольнаго зданія около Греческой палаты, нѣсколько южнѣе; по предположенію Риттиха, это домъ священника церкви, развалины которой называются Греческою палатою.

2) **Палаты подъ горою.** Кромѣ Греческой палаты со столбомъ, „выпись“ указываетъ еще на три палаты за валомъ: „Да у другова конца тогожъ поперечника, за валомъ же, три полаты, двѣ стоятъ одна противъ другой, развалились до половины, а третья особо отъ нихъ въ 10 саж., развалилась вся“.

Невоструевъ справедливо къ этимъ палатамъ относитъ показанныя Лепехинымъ подъ горою, близъ жила (слободы), двѣ развалившіяся—первая дл. и шир. по фундаменту 4 саж., вторая дл. 3 саж., шир. $2^1/_2$; „противъ сихъ двухъ палатъ, продолжаетъ Лепехинъ, за болотомъ развалившаяся палата, дл. 7 саж., шир. 5 саж.“

Въ другихъ описаніяхъ объ этихъ палатахъ не упоминается; только Березинъ (81) замѣчаетъ, что у Булгара были предмѣстья нагорныя и подгорныя, къ первымъ относитъ онъ Греческую палату съ окружающими зданіями, ко вторымъ должно отнести палаты, упоминаемыя Лепехинымъ подъ горою. Эти палаты подъ горою находились на сѣверъ отъ села, которое располагается на горѣ; за горою на планѣ Шмита означено и болото, упоминаемое Лепехинымъ.

На планахъ Шмита и 1869 г. подъ горою обозначено мѣсто развалинъ, на планѣ Шмита такое мѣсто обозначено и за болотомъ; Шмитъ называетъ послѣднее мѣсто: „Развалины палатъ съ бывшими круглыми башнями, на возвышенномъ курганѣ, за болотомъ, гдѣ по преданію стоялъ маякъ“.

На планѣ 1869 г. означены еще развалины у самой горы, въ 150 саж. отъ первыхъ къ юго-вост. Очевидно, что

всѣ эти развалины соотвѣтствуютъ показаннымъ у Лепехина и въ „выписи“.

Относительно маяка за болотомъ Березинъ (98) замѣчаетъ только, что объ немъ сказать ничего нельзя.

3. *Малый городокъ.*

На югѣ земляного городского вала, къ городу примыкало четыреугольное укрѣпленіе, которое называется „Малымъ городкомъ“. Выпись 1712 г. объ немъ не упоминаетъ. Лепехинъ въ заключеніе обозрѣнія булгарскихъ развалинъ говоритъ: „на горѣ, за земляным валомъ, въ разстояніи отъ онаго въ 20 саж., есть называемый „малый городокъ“, валомъ обнесенный, въ дл. и шир. 40 саж. Въ немъ находятся четыре развалившіяся палаты: первая въ длину $3^1/_2$, въ шир. ровно 3 саж.; вторая, отстоящая отъ первой въ 20 саж., въ дл. и шир. имѣетъ по $3^1/_2$ саж.; третья, разстояніемъ отъ второй 3 саж., дл. въ $3^1/_2$ саж., шир. ровно въ 3 саж.; четвертая, отстоящая отъ третьей въ 40 саж., дл. въ 5, шир. въ 3 саж“.

О маломъ городкѣ упоминаютъ и позднѣйшіе писатели. Эрдманъ (289) говоритъ: „20 саженъ на югъ отъ вала видно основаніе двухъ столбовъ, которые, кажется, представляли входъ въ небольшое укрѣпленіе, которое называется Малымъ городкомъ; оно имѣло квадратную форму 40 саж. дл. и шир. и окружено валомъ“.

Свиньинъ (203) замѣчаетъ, что слѣды зданій, упоминаемыхъ здѣсь Лепехинымъ, совершенно исчезли, но въ разрѣзѣ вала, который вѣроятно служилъ входомъ въ сей городокъ, замѣтно еще существованіе каменныхъ воротъ.

На планѣ Шмита обозначены 4 развалины этого квадратн. укрѣпленія: на срединѣ сѣверн. стороны, обращенной къ земляному валу города, двѣ развалины, между которыми представляется входъ въ это укрѣпленіе; развалины на противоположной сторонѣ, прямо противъ первыхъ; развалины, примыкающія къ сѣверо-восточн. углу квадрата. Все это укрѣпленіе на планѣ Шмита показано находящимся въ другомъ четыреугольномъ укрѣпленіи, которое примыкало на сѣверѣ къ городскому земляному валу, такъ что часть послѣдняго составляетъ сѣверную сторону этого южнаго укрѣпленія. Шмитъ не опредѣляетъ качества укрѣпленной линіи— валъ это, ровъ, или то и другое вмѣстѣ? Шмитъ представляетъ виды и планы основаній трехъ изъ развалинъ Малаго городка

Второвъ (195) заявляетъ, что въ Маломъ городкѣ, кромѣ груды камней, мѣстами разсѣянныхъ, и бугровъ, составляющихъ слѣды зданій, ничего болѣе не осталось.

Болѣе подробно южное укрѣпленіе описываетъ Березинъ (82, 83): „На южномъ концѣ Булгара, имѣвшаго продолговатую форму, постепенно суживающуюся отъ сѣвера къ югу, примыкаетъ къ городскому валу продолговатый четыреугольникъ, также къ югу суженный. Онъ отдѣляется отъ главнаго мѣстонаселенія городскимъ валомъ и рвомъ, но и самъ обведенъ невысокимъ валомъ и неглубокимъ (около полусажени) рвомъ. Въ наши времена этотъ четыреугольникъ извѣстенъ подъ именемъ Малаго городка". Такимъ образомъ, Березинъ относитъ это названіе къ большому, южному земляному укрѣпленію, въ первый разъ показанному на планѣ Шмита и заключающему въ себѣ меньшее укрѣпленіе, которое Лепехинъ, Эрдманъ и Свиньинъ называютъ Малымъ городкомъ. Березинъ указываетъ и на самое качество южнаго укрѣпленія—валъ и ровъ, которые хорошо сохранились. „Малый городокъ, говоритъ Березинъ, это персидскій аркъ (arx), крѣпость, въ которой находился ханскій дворецъ".

Въ подтвержденіе этого предположенія Березинъ указываетъ на планъ Тебриза, гдѣ цитадель также выдается изъ городскихъ укрѣпленій особымъ четыреугольникомъ, цитадель въ татарской Казани также большею частію выдавалась изъ городской черты. Далѣе Березинъ предполагаетъ, что у цитадели были устроены болѣе крѣпкія и высокія стѣны, нежели у города.

То, что предыдущіе писатели называли Малымъ городкомъ, Березинъ (97) считаетъ ханскимъ дворцемъ, который былъ обведенъ особеннымъ неглубокимъ рвомъ и имѣлъ два входа—сѣверный и южный, при которыхъ находились каменныя башни. Остатки этихъ зданій сохранились донынѣ: у сѣвернаго входа стояли двѣ башни, у южнаго только одна. Къ сѣверо-восточному углу дворца примыкалъ небольшой четыреугольникъ, обведенный валомъ, здѣсь были дворцовыя службы. Такимъ образомъ, Березинъ вычисляетъ тѣже развалины, которыя показаны на планѣ Шмита. „Не смотря на то, что отъ дворца въ настоящее время остаются лишь фундаменты зданій, стоявшихъ при входѣ, я утверждаю, говоритъ Березинъ, что дворецъ булгарскихъ пра-

вителей былъ каменный, и, не смотря на крѣпость постройки, отъ него ничего не осталось по тому, что матеріалъ дворца болѣе соблазнялъ позднѣйшихъ строителей".

На планѣ 1869 г. показаны тѣже развалины, что у Шмита и Березина, только около сѣверо-восточн. угла квадрата обозначено не одно, а два зданія—одно четыреугольное, другое круглое.

Риттихъ (37, 38) представляетъ подробное описаніе Малаго городка: „Впереди срѣзаннаго южнаго угла городскаго вала сохранилось донынѣ передовое укрѣпленіе подъ названіемъ „Городище". Внутри его было другое укрѣпленіе въ видѣ цитадели съ валомъ и рвомъ". Березинъ говоритъ только о валѣ около этой цитадели, принимаемой имъ за дворецъ.

Далѣе Риттихъ указываетъ развалины на сѣверной и южной сторонѣ цитадели. Сѣверныя развалины представляютъ двѣ сплошныя груды камней, въ разстояніи одна отъ другой до $1\frac{1}{2}$ саж. Риттихъ предполагаетъ, что это были двѣ башни, связанныя аркою поверхъ деревянныхъ воротъ, впереди коихъ былъ мостъ, чрезъ существующій ровъ, одинаковыхъ размѣровъ съ рвомъ главнаго вала. Южныя развалины представляютъ одну сплошную бѣлую груду обвалившихся камней, въ видѣ вала, до 15 шаговъ дл. Сзади этой груды видны остатки фундамента 4 стѣнъ, перпендикулярныхъ къ катенному валу; слѣдовательно тутъ были три отдѣленія: среднее предназначалось для проѣзда, судя по ширинѣ пролета задней поперечной стѣны; лѣвое съ тремя пролетами въ двухъ продольныхъ и задней поперечной стѣнѣ имѣло назначеніе для стражи; а правое отдѣленіе имѣло только одинъ выходъ чрезъ заднюю поперечную стѣну и назначалось для начальника стражи. „Эта передовая развалившаяся постройка, выдвинутая нѣсколько впередъ вала, имѣла назначеніе фланкировать ровъ. Постройка эта могла состоять изъ двухъ фланкирующихъ башенъ, а между ними сплошная стѣна съ бойницами, воротами и мостомъ, непначе какъ подъемнымъ или выдвижнымъ. Подобнаго рода постройки существуютъ и теперь въ Аравіи".

На планѣ, приложенномъ къ сочиненію Риттиха, около сѣверо-восточнаго угла цитадели, гдѣ обозначены развалины на планахъ Шмита и 1869 г., и о которыхъ упоминаетъ

Березинъ, показаны развалины круглаго зданія, о которомъ Риттихъ въ текстѣ не говоритъ.

Относительно линіи всего южнаго укрѣпленія, среди котораго находится меньшее укрѣпленіе, Риттихъ, вопреки Березину, замѣчаетъ, что она имѣетъ только ровъ, но не валъ.

Наконецъ Риттихъ обращаетъ вниманіе на мочежину весьма правильной круглой формы, поросшую въ срединѣ травою, около юго-запад. угла южнаго укрѣпленія; „она, вѣроятно, была вырыта для водопоя пріѣзжавшихъ каравановъ“.

Замѣчательно, что „Замѣтки о городищахъ Казанск. губ“., составленныя, по донесеніямъ волостныхъ правленій, секретаремъ Казанск. Статист. Комитета, Вечеславомъ, Каз., 1874 г. не упоминаютъ о городищѣ древняго Булгара, въ сѣверной части котораго находится нынѣшнее село Болгары, и указываетъ только на городище въ $1^1/_2$ верстѣ отъ этого села: „Городище четыреугольной формы, лежитъ на ровномъ мѣстѣ, среди поля, площадь 680 саж. распахана подъ посѣвъ. Валы и рвы сохранились не вездѣ. Длина вала и рва 250 саж., ширина перваго 3 саж., глубина рва $1^1/_2$ саж“. Очевидно, что подъ этимъ городищемъ должно разумѣть „Малый городокъ“, который, дѣйствительно, находится отъ села въ $1^1/_2$ в. и имѣетъ въ длину 250 саж.

Второвъ (195), сказавши, какъ я выше привелъ, что послѣ зданій въ Мал. городкѣ остались только груды камней, продолжаетъ: „Въ недальнемъ разстояніи отъ подошвы горы, на которой находятся сіи развалины, за болотомъ, возвышается довольно большой бугоръ, съ кучею камней, свидѣтельствующихъ, что и на этомъ мѣстѣ было зданіе. Преданіе говоритъ, что тутъ стоялъ маякъ“. Замѣтимъ, что ни на одномъ изъ трехъ извѣстныхъ намъ плановъ никакихъ развалинъ далѣе Малаго городка не показывается; затѣмъ мы видѣли выше, что Шмитъ указываетъ на существованіе по преданію маяка, за валомъ, подъ горою, на которой нынѣ находится Успенское село.

Второвъ вообще, сравнительно съ другими описателями Булгара, представляетъ менѣе самостоятельныхъ свѣдѣній о булгарскихъ развалинахъ, вѣроятно, здѣсь онъ повторяетъ Шмита, только смѣшиваетъ мѣстности: Шмитъ говоритъ о сѣверной, а Второвъ о южной горѣ. Наконецъ, можетъ

быть, сопоставленіе Второвымъ маяка съ Мал. городкомъ явилось только вслѣдствіе неясности изложенія: вышеприведенными словами Второвъ заключаетъ обозрѣніе булгарскихъ развалинъ, поэтому слова его могутъ относиться не къ развалинамъ Малаго городка только, а вообще ко всѣмъ булгарскимъ развалинамъ, по отношенію къ которымъ мѣсто маяка и будетъ подъ горою, за болотомъ (1).

Невоструевъ (540) въ одномъ документѣ, найденномъ имъ въ Моск. Государств. архивѣ старыхъ дѣлъ, именно въ памяти 1659 г. о бывшихъ по рѣкамъ Майнѣ и Уткѣ патріаршихъ земляхъ, указываетъ мѣсто, которое будтобы говоритъ о валѣ, рвѣ и зданіяхъ Мал. городка, а также и о сосѣднемъ маякѣ: „А ѣдучи дорогою отъ Балымскаго городища (т. е. съ юга) къ Болгарскому городищу да по каменной старой татарской столбъ, а стоитъ тотъ столбъ возлѣ дороги, на правой сторонѣ, а съ того каменнаго столба направо по татарскому валу во рву береза, а съ той березы на старые татарскіе каменные на двѣ полаты, и на тѣхъ полатахъ выросла рябина, а передъ тѣми полатами стоитъ дубъ кудреватой въ долинѣ, и передъ тѣмъ дубомъ стоитъ близко третья татарская полата каменная“.

Я думаю, что послѣ представленнаго подробнаго описанія зданій Мал. городка, трудно согласиться съ Невоструевымъ, что это мѣсто относится къ Мал. городку.

3. Время, характеръ, матеріалъ и способъ булгарскихъ построекъ.

1. Время и характеръ булгарскихъ построекъ. Френъ (1) говоритъ, что представляется весьма проблематическимъ, чтобы развалины, которыя сохранились отъ прежняго главнаго города Средне-волжской страны дѣйствительно принадлежали тому времени, когда Булгары составляли еще

---

(1) Лаптевъ (Матеріалы геогр. и статист. Россіи. Казанск. губ., стр. 608), очевидно, основываясь на Второвѣ, указывая на Мал. городокъ, говоритъ: «неподалеку отъ послѣдняго мѣста показываютъ бугоръ съ слабыми слѣдами построекъ. Тутъ, по преданію, стоялъ маякъ».

(1) Die ältest. arab. Nachrichten über die W.-Bulgharen, стр. 528.

собственное государство, этѣ развалины могутъ принадлежать большею частію Монголамъ, которые тамъ владычествовали съ 1236 г.

Березинъ, заявивши, что не опредѣлены ни характеръ, ни эпоха булгарскихъ зданій, предполагаетъ, что существующіе нынѣ остатки отъ Булгара принадлежатъ всѣ безъ исключеній мусульманской эпохѣ, т. е. съ X по XV стол. по Р. Хр., притомъ преимущественно ближе къ XIII ст. Это доказывается, какъ характеромъ самихъ зданій, такъ и историческими извѣстіями: Монголы, во время нашествія, произвели большое разрушеніе въ Булгарѣ, который оправился вскорѣ послѣ своего разграбленія, какъ лѣтняя резиденція золотоордынскихъ повелителей. Далѣе Березинъ говоритъ, что уцѣлѣвшія булгарскія зданія ясно показываютъ, что первоначально строители у Булгаръ были аравитяне, которыхъ архитектурныя правила сохранились до самаго паденія Булгара.

Березинъ останавливается отдѣльно на архитектурѣ Черной палаты, Больш. минарета и Бѣлой палаты. „Архитектура Черной палаты и ея отдѣлка совершенно слѣдуютъ правиламъ арабскихъ архитекторовъ, но это зданіе представляетъ и нѣкоторыя оригинальности. Окна съ ихъ острыми сводами, тонкія пилястры съ длинными и многогранными капителями, большія звѣзды по бокамъ оконъ третьяго этажа, фальшивыя арки, переходъ изъ четвероугольнаго зданія въ круглое съ куполомъ—все это вполнѣ соотвѣтствуетъ условіямъ арабской архитектуры, притомъ месопотамской, такъ какъ Булгары состояли преимущественно въ сношеніяхъ съ Багдадомъ“. „Большой минаретъ формою своей походитъ на арабо-месопотамскіе и сирійскіе минареты небольшихъ мечетей“. Бѣлую палату Березинъ считаетъ замѣчательнѣйшею по своей архитектурѣ: „Главную часть составляетъ квадратъ, въ которомъ центръ накрытъ куполомъ, и въ четырехъ углахъ находится по отдѣльной, также квадратной комнатѣ съ куполомъ: Это необыкновенная въ нашей архитектурѣ форма въ Персіи весьма употребительна, преимущественно въ увеселительныхъ загородныхъ дачахъ или для пріемныхъ залъ, называемыхъ „таляръ“, въ большихъ домахъ и дворцахъ. Кромѣ таляровъ и загородныхъ дачъ подобная форма постройки употребляется въ мусульманскихъ баняхъ“.

Въ заключеніе обозрѣнія булгарскихъ развалинъ Березинъ говоритъ, что успѣхи архитектуры были здѣсь довольно значительны: груба лишь лѣпная работа и вообще отдѣлка зданій.

Риттихъ, какъ спеціалистъ по наукамъ военнымъ, обращаетъ вниманіе и на фортефикаціонный вопросъ, разсматриваетъ городище въ отношеніи къ средствамъ обороны.

2. **Строительный матеріалъ и способъ построекъ.** Изслѣдователи булгарскихъ развалинъ обращаютъ вниманіе и на самый матеріалъ и на способъ построекъ.

Палласъ (186) замѣчаетъ, что большой минаретъ сдѣланъ изъ отесанныхъ камней; Эрдманъ (282) говоритъ, что основаніе его сложено изъ песчаныхъ плитъ, стѣны изъ дикаго камня и голышей, твердо соединенныхъ цементомъ и оштукатуренныхъ твердою известью; лѣстница минарета изъ оточенныхъ песчаныхъ плитъ съ цементомъ.

Зданіе, развалины котораго находятся въ четыреугольникѣ, подлѣ большаго минарета, состоитъ, по замѣчанію Палласа (187), изъ неравныхъ, худо отесанныхъ, но весьма плотно складенныхъ, известковыхъ, дресвяныхъ, дикихъ и гипсовыхъ камней, которые уповательно браны на гористомъ берегу Волги.

Палласъ (188) указываетъ на небольшое изъ дикаго камня плотно складенное четыреугольное строеніе (см. выше Палата описанная Палласомъ).

О Бѣлой палатѣ Палласъ (190) говоритъ, что все строеніе, исключая верхушки, складено изъ отесанныхъ камней, которые длиною почти въ аршинъ, шириною больше полуаршина, а толщиною въ сажень; сѣверная, узкая часть, или сѣни, на фундаментѣ изъ известковыхъ плитъ, складены изъ большихъ татарскихъ кирпичей, изъ нихъ же и верхушки всего строенія. Эрдманъ (286) замѣчаетъ, что сѣверная часть, можетъ быть, пристроена позднѣе. Кафтанниковъ (61, 62) прибавляетъ, что татарскіе кирпичи сѣверной пристройки смѣшаны съ дикимъ камнемъ; стѣны главной крестообразной залы обложены бѣлыми тесанными камнями, нѣкоторые изъ нихъ длиною безъ малаго аршинъ, шириною болѣе полуаршина, а толщиною 5 и болѣе вершковъ; полъ залы выстланъ плитами изъ бѣлаго камня значительной величины. Березинъ (94) говоритъ, что Бѣлая палата построена изъ тагоже матеріала, какъ и другія зданія, но здѣсь внутри стѣнъ

онъ замѣтилъ и обломки кирпичей, чего въ другихъ зданіяхъ не видѣлъ; кромѣ того сѣверная угольная пристройка сложена изъ большихъ кирпичей, форма которыхъ напоминаетъ большіе багдадскіе кирпичи, взятые изъ Вавилона. Риттихъ (41) замѣчаетъ, что Бѣлая палата—съ виду совершенно бѣлая, по свойству той известково-мѣловой породы, изъ которой возведено это зданіе. Риттихъ (45) указываетъ и на остатки кирпичныхъ стѣнъ около Бѣлой палаты, съ превосходнымъ свѣтло-краснымъ оттѣнкомъ въ разломѣ кирпичей, при однообразной зернистой массѣ, отъ примѣси отлично перемѣшаннаго съ глиною кварцоваго песку. Известковая связь между кирпичами такъ крѣпка, что невозможно разъединить части. Размѣра кирпичей нельзя опредѣлить, за непахожденіемъ цѣльныхъ.

Черная палата, какъ говоритъ Эрдманъ (284), выстроена изъ известковыхъ камней и голышей съ цементомъ.

Палата, бывшая монастырскимъ погребомъ, по замѣчанію Кафтанникова (52), складена изъ дикаго камня значительной величины.

На строительный матеріалъ булгарскихъ зданій обратилъ особенное вниманіе Георги (1).

„Знаменитыя развалины прежней столицы Булгарскаго царства Бряхимова, говоритъ онъ, извѣстны изъ очень точнаго описанія Палласа, по этому я обратилъ вниманіе на камни стѣнъ древнихъ башень и храмовъ. Они выведены, исключая одного зданія изъ кирпичей, изъ небольшихъ, хорошо отесанныхъ плитъ съ известью, какъ употребляется въ настоящее время; плиты положены съ большею точностью и состоятъ частію изъ твердаго известняка съ окаменелостями, частію изъ твердаго гипса съ алебастромъ и частію изъ инкрустата тростника, листьевъ и мха, совершенно подобнаго встрѣчающемуся въ татарской тирмѣ на р. Діомѣ. Зданіе изъ кирпичей состоитъ изъ многихъ сводовъ, которые внутри оштукатурены гипсовою известью. Строительный матеріалъ древніе находили на ближайшихъ берегахъ Волги“.

О мѣстѣ добыванія строительнаго матеріала говорятъ Березинъ и Риттихъ. „Строительный матеріалъ, говоритъ Березинъ (85), вывозился изъ горъ на правомъ берегу Волги,

(1) «Bemerkungen einer Reise im Russisch. Reiche» II, 799.

прямо противу Булгара, гдѣ и донынѣ жители с. Успенскаго берутъ алебастръ, и, обжигая на своемъ берегу известку, продаютъ въ сосѣднія мѣста". „Матеріалъ, употреблявшійся Булгарами для своихъ построекъ, говоритъ Риттихъ (45), былъ исключительно мѣстный и отличнаго свойства. Избытокъ кремнекислаго доломита, вблизи с. Сюкеева, въ 16 верст. выше, доставлялся въ Булгаръ по теченію; тамъ подвергался обтескѣ, до превосходной чистоты плоскостей и граней, разной величины камней, которыми облицовались одни наружныя плоскости стѣнъ. Внутренность этихъ стѣнъ наполнялась бетономъ менѣе крѣпкой известковой породы съ Тетюшскихъ горъ, гдѣ встрѣчается также известковый туфъ или окаменѣлыя органическія тѣла отъ углекисло-известковыхъ наносовъ. Послѣдній матеріалъ, хотя и находится среди существующихъ развалинъ, но рѣже, не имѣя достаточной устойчивости по своей ноздреватости. Глина, известь, гипсъ, алебастръ и мѣлъ встрѣчаются также вблизи съ превосходными качествами; известь, какъ видно въ разломѣ сводовъ, представляетъ необыкновенную твердость связи, имѣя, вѣроятно, нѣкоторое свойство гидравлической извести, т. е. крѣпность на воздухѣ, при удивительной болѣзнѣ, что и послужило основаніемъ названію бани Бѣлою палатою" (2).

Вспомнимъ при этомъ вышеприведенное указаніе рукописнаго житья Андрея Боголюбскаго (см. II отдѣлъ), что изъ Булгаріи привозили строительный матеріалъ для постройки церквей въ Суздальско-Владимірской области.

Березинъ и Риттихъ обращаютъ вниманіе и на самый способъ построекъ, кладки каменныхъ зданій въ г. Булгарѣ. „Всѣ каменныя зданія въ Булгарѣ построены, говоритъ Березинъ (85), по тому же простому способу, по которому строится почти весь мусульманскій Востокъ: кладутъ по краямъ большіе необдѣланные камни съ известью, а средину стѣны наполняютъ известью съ мелкими камнями, и такимъ образомъ возводится любое зданіе. Лучшія постройки снаружи обкладываются гладко отесаннымъ камнемъ, а внутри штукатурятся; незначительныя же дома обмазываются, впрочемъ, не всегда, известью, для гладкости стѣнъ, изъ которыхъ всетаки торчатъ

(2) Выше Риттихъ объяснялъ видъ этой палаты отъ свойства известково-мѣловой породы, изъ которой построена палата.

острые углы камней. Въ большихъ зданіяхъ Булгары употребляли постоянно круглый куполъ, сводя его большею частію одинаково углубленіями въ углахъ четвероугольнаго корпуса; небольшія постройки имѣли острыя кровли, какъ должно заключать по рисунку Бѣлой палаты (3) у Палласа".

„Основанія зданій, говоритъ Риттихъ (45, 46), фундаменты, какъ видно изъ раскопокъ, очень глубоки; но были ли подъ ними ростверки неизвѣстно. Присутствіе цоколя я не замѣчалъ. Стѣны возводились толщиною отъ 1 до $1^1/_2$ арш., смотря по величинѣ зданія, утоняясь къ верху. Каковы были крыши неизвѣстно, такъ какъ сохранились лишь одни своды и куполы. Куполъ Черн. палаты весьма замѣчателенъ тѣмъ, что онъ кольцеобразный, необыкновенно тщательной кладки. Въ Бѣлой палатѣ были сложены такіеже своды. Своды изъ тесанныхъ камней, безъ желѣзныхъ связей, замковъ и ключей. Крайніе верхніе клинья образуютъ своимъ соединеніемъ правильной шовъ въ вершинѣ стрѣлы или полуциркуля. Въ Черной палатѣ восмиугольникъ четвертаго этажа, по угламъ основанія, покоится на прямыхъ сводахъ, образованныхъ изъ постепенно выступающихъ камней, соединяющихся острымъ угломъ. Правильная кладка башень съ винтообразными лѣстницами внутри, также доказываетъ степень состоянія строителнаго искусства того времени. Прочность же самой постройки, не смотря на терасообразное положеніе этажей Черной палаты и сохраненіе другихъ развалинъ, среди атмосфернаго и человѣческаго разрушенія ясно доказываютъ, что степень развитія Булгаръ была значительно впереди всѣхъ другихъ окружавшихъ ихъ народовъ и что названіе Славный (4), а по нашимъ лѣтописямъ „Великій" городъ, было не менѣе, какъ справедливо".

---

(3) У Березина сказано—«Бѣлой палаты», но здѣсь очевидно разумѣется другая, только Палласомъ упоминаемая палата.

(4) Названіе этого города «Славный» встрѣчается въ одной изъ армянскихъ надгробныхъ надписей, которая въ наст. время уже не существуетъ и извѣстна только по копіи и переводу, сдѣланнымъ при Петрѣ Вел.; но эта копія сдѣлана такъ дурно, что отъ объясненія этой надписи отказываются С. Мартинъ и Броссе; древній переводъ этой надписи С. Мартинъ называетъ произвольнымъ (см объ этомъ ниже). Впрочемъ, этотъ городъ, какъ доказано выше (см. во II отд. походъ 1164 г.) называется въ русскихъ лѣтописяхъ Славнымъ городомъ Бряхимовымъ.

II. *Курганы и надгробныя надписи.*

1. **Курганы.** Въ „Замѣткахъ о городищ. Каз. губ.“ показано въ с. Болгарахъ 6 кургановъ, изъ которыхъ 4 были раскопаны въ 1869 г. двор. Крестовичемъ, для выдѣлки селитряныхъ костей.

Лѣтомъ тогоже года бывшій профессоръ Каз. унив. Лесгафтъ, при разрытіи здѣсь одной могилы, нашелъ въ склепѣ черепъ, кости, какое-то изображеніе, высѣченное изъ известняка и часть мѣднаго сосуда съ восточною надписью (1).

Кромѣ этой могилы, Лесгафтъ разрывалъ и другія, какъ видно изъ Отчета перв. года существованія Общества естествоиспытателей при Казанск. унив., въ которомъ сказано, что въ Антропологическій Музей Общества поступили черепа, вырытые Лесгафтомъ изъ древнихъ могилъ въ с. Болгарахъ (2). Березинъ указываетъ такъ называемый „бабій бугоръ“, въ которомъ найдено много скелетовъ и монетъ (см. ниже „Извѣстія о находкахъ“).

2. Мусульманскія надгробныя надписи, существовавшія при Петрѣ Великомъ. Памятниками древняго г. Булгара, кромѣ развалинъ каменныхъ зданій, представляются надписи—мусульманскія (арабско-татарскія) и армянскія.

Палласъ (192) говоритъ, что, по указу Петра Великаго, были списаны точныя копіи со всѣхъ надгробныхъ надписей и переведены на русскій языкъ. Лепехинъ (272—283) представляетъ этотъ переводъ, сдѣланный въ 1722 г.—съ армянскихъ надписей—армяниномъ Ив. Васильевымъ, и съ арабск. письма — ахуномъ Кадыръ-Мухаммедомъ, сыномъ Сунчалеевымъ и слободскимъ переводчикомъ Юсуфомъ Ижбулатовымъ.

У Лепехина встрѣчается 46 мусульманскихъ надписей.

На эти надписи обратилъ вниманіе извѣстный оріенталистъ Клапротъ (1). „Когда я проѣзжалъ черезъ Казань, говоритъ онъ, лѣтомъ 1805 г., у меня было намѣреніе по-

---

(1) «Протоколы засѣданій Общества естествоиспытателей при Казан. унив.», годъ первый, $18^{69}/_{70}$, стр. 20.

(2) Ibid. 159.

(1) «Notice et explication des Inscriptions de Bolghari par M. Klaproth» въ Nouveau Journal Asiatique. VIII т., 1831.

сѣтитъ развалины Булгара; но всѣ бывавшіе тамъ и достойные вѣры увѣряли меня, что тамъ не видно болѣе надписей, это заставило меня измѣнить мое намѣреніе. Я считалъ однако обязанностію предложить гр. Ив. Потоцкому, который присоединился къ намъ въ Казани, попытаться получить по крайней мѣрѣ копію съ транскрипціи надписей, которая сдѣлана во время Петра Вел. и должна была находиться въ архивахъ губерніи. Не смотря на всѣ поиски, которые были сдѣланы, тогда не возможно было найти эту транскрипцію; между тѣмъ, графъ получилъ обѣщаніе, что будутъ стараться отыскать ее и представятъ ему копію, по возвращеніи его изъ Китая, куда онъ отправлялся въ свитѣ посольства графа Головкина. Въ самомъ дѣлѣ, когда я самъ возвратился изъ Кяхты въ Спб., гр. Потоцкій передалъ мнѣ желаемую копію. Къ несчастію, она была сдѣлана кѣмъ-то совершенно незнающимъ языковъ и письма надписей; армянскія надписи представлялись неразбираемыми. Только съ большимъ трудомъ и послѣ усидчиваго труда, я достигъ до возможности прочитать арабскія и туркскія надписи". Далѣе Клапротъ замѣчаетъ: „весьма счастливо, что я настоялъ, чтобы была получена копія транскрипціи, сдѣланной во время Петра Вел., п. ч. оригиналъ этой транскрипціи вѣроятно погибъ во время послѣдняго пожара въ Казани". Клапротъ представляетъ переводъ 47 надписей, изъ которыхъ 45 встрѣчаются у Лепехина, одной изъ надписей Лепехина (№ 34) не достаетъ у Клапрота, затѣмъ у послѣдняго встрѣчаются двѣ новыя надписи (№№ 19 и 28). Клапротъ располагаетъ надписи въ хронологическомъ порядкѣ, а у Лепехина онѣ расположены въ неизвѣстномъ порядкѣ.

На другой годъ послѣ появленія статьи Клапрота, казанскій ученый П. Ф. Эрдманъ (²), на основаніи текста, напечатаннаго Клапротомъ, представилъ новый переводъ мусульманскихъ булгарскихъ надписей на русскій языкъ, заявляя при этомъ, что онъ позволилъ себѣ нѣкоторыя поправки, къ коимъ, можетъ быть, могъ бы еще присовокупить и другія, еслибъ самые подлинники находились въ его рукахъ. Эрдманъ заявляетъ, что копія, полученная Клапротомъ, на-

(²) «О надгробныхъ надписяхъ въ Болгарахъ» ст. въ Заволжск. Муравьѣ 1832 г., ч. III.

ходится въ Моск. Госуд. Архивѣ, а оригиналъ транскрипціи надписей, находившійся въ Казанск. Губ. Архивѣ, сгорѣлъ въ пожаръ 1815 г.

Въ 1852 г. Березинъ въ ст. „Булгаръ на Волгѣ“ вновь перевелъ на русскій языкъ эти надписи, по тексту Клапрота. Березинъ сравниваетъ свой переводъ съ русскимъ переводомъ у Лепехина и французскимъ Клапрота. „Переводъ надписей сдѣланъ мною буквально, говоритъ г. Березинъ, (стр. 145), нѣкоторыя надписи переведены у Лепехина вѣрно, но въ другихъ переводчикъ отступилъ отъ тюркской конструкціи, которая является здѣсь въ первобытной простотѣ и безыскусственности“.

О текстѣ Клапрота Березинъ (ibid.) замѣчаетъ, что онъ представляетъ опущеніе нѣкоторыхъ словъ, что затрудняетъ переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ; о переводѣ Клапрота Березинъ (108, прим. 6) говоритъ, что въ немъ много ошибокъ.

Надписи начинаются 60 стихомъ XXV гл. алкурана, затѣмъ слѣдуетъ обозначеніе имени погребеннаго, молитвенное воззваніе о немъ и годъ смерти.

Между именами погребенныхъ встрѣчаются пришельцы изъ отдаленныхъ странъ: шейхъ Ширванскій (надп. № 29, по Берез.); какой-то Хасанъ Самаркандскій (надп. № 32); весьма почтенный, отличнѣйшій, великодушный, славнѣйшій, благороднѣйшій, воспитатель ученыхъ, подпора слабыхъ, братъ вдовъ и сиротъ Хайбетли, сынъ Мухаммеда Дженд-скаго (№ 37); сынъ шейха Кердарскаго (№ 40) и величайшій, весьма возвеличившійся, благодѣтельный Махмудъ Шамахинскій (№ 43).

По поводу именъ погребенныхъ, было замѣчено еще Палласомъ (193), что о нѣкоторыхъ объявлено, что они родомъ изъ Шамахіи, а одинъ изъ Ширвана, „изъ чего явствуетъ, что городъ посредствомъ торговъ привлекъ себѣ жителей изъ весьма дальныхъ странъ“.

Березинъ (134) говоритъ, что „изъ мусульманскихъ булгарскихъ эпитафій видно, что Булгаръ и при Монголахъ сохранялъ свою торговлю и ученое значеніе: первое доказывается похороненными здѣсь жителями Ширвана, Самарканда, Шамахи, а послѣднее именами упоминаемыхъ здѣсь шейховъ“.

Относительно жителей трехъ вышеуказанныхъ городовъ замѣтимъ, что изъ Ширвана прямо указанъ шейхъ, а не

купецъ; пришлецъ изъ Шамахи названъ величайшимъ, весьма возвеличившимся, блгодѣтельнымъ, эти эпитеты указываютъ тоже не шейха; только о Хасанѣ Самаркандскомъ, ничего не сказано, кромѣ имени.

Палласъ говоритъ не объ одномъ пришельцѣ изъ Шамахи, а о нѣсколькихъ; но при внимательномъ разсмотрѣніи надписей, находится еще только одна, гдѣ упоминается дочь какого-то Раси Шамахинскаго.

Далѣе надписи указываютъ еще пришельцевъ изъ Дженди и Кердара, послѣдній прямо называется сыномъ шейха, а первый названный воспитателемъ ученыхъ, конечно, былъ не купецъ. И такъ всѣ эти могилы указываютъ, вопреки Палласу и Березину, только на ученое, а не торговое значеніе г. Булгара. Послѣднее можетъ быть доказано не этими мусульманскими, а армянскими надписями, такъ какъ Армяне могли приходить въ Булгаръ только для торговли.

Изъ числа 47 надписей 7 принадлежатъ лицамъ женскаго пола. На женскихъ эпитафіяхъ любопытны эпитеты, прилагавшіеся къ погребеннымъ, характеризующіе въ извѣстной степени воззрѣнія мусульманъ на достоинство женщины—уважаемая, великодушная, цѣломудренная, прекрасная, чистая, невинная, набожная, безгрѣшная, милая, безпорочная, благородная, непорочная, многотерпѣливая, многопостная.

3 Хронологія надписей, „годъ пришествія угнетенія“, Древнѣйшими, многочисленнѣйшими надписями, по толкованію Клапрота, повторяемому Эрдманомъ и Березинымъ, были 1226 г. по Р. Х., 623 гиджры; къ этому году относятся 24 надписи. Клапротъ заявляетъ, что эти надписи не представляютъ никакой даты (обозначенія года), кромѣ хронограммы на арабскомъ языкѣ, которую Клапротъ обозначаетъ французскими буквами—„Тарикъ джіатъ джейуръ“, т. е. „годъ пришествія угнетенія“. Семь арабскихъ буквъ, изъ которыхъ составлены слова: „Джіатъ джейуръ“, имѣютъ слѣдующее численное значеніе: первая буква 3, вторая 10, третья 1, четвертая 400, пятая 3, шестая 6, седьмая 200; сложивши эти числа, получимъ 623, годъ, названный „пришествіемъ угнетенія“. Эта хронограмма ведетъ къ предположенію, что лица, на могилахъ которыхъ встрѣчается хронограмма, погибли жертвами нападенія Монголовъ, которыхъ побѣда была тогда не рѣшительна. Послѣ отшествія чуже-

земцовъ, ревностные мусульмане города, этимъ страннымъ хронологическимъ указаніемъ, хотѣли обозначить смерть, или, по убѣжденію ихъ, мученичество своихъ согражданъ.

Березинъ, принимая туже дату, что и Клапротъ, говоритъ: „Можно было бы усомниться въ такомъ странномъ соединеніи арабскихъ словъ, если бы эти два слова не читались очень явственно на многихъ камняхъ, особенно въ № 35 (1), гдѣ даже поставлены діактрическіе знаки. Ясно, что этотъ годъ былъ ознаменованъ какимъ то особымъ событіемъ, и притомъ не въ одномъ Булгарѣ, но и во всѣхъ булгарскихъ владѣніяхъ; ибо годъ „пришествія угнетенія„ является на нѣсколькихъ татарскихъ надписяхъ Казанск. губ., копіи которыхъ сняты врачомъ Казанск. городской больницы Толмачевымъ, и даже на одномъ камнѣ на дворѣ архіерейскаго дома подлѣ Казани. Подъ фразою: „пришествіе угнетенія“, только и можно понимать нашествіе какого нибудь завоевателя. Сложивъ буквы анаграммы, по численному ихъ значенію, мы получаемъ 623 годъ гиджры или 1226 нашего лѣтосчисленія. Этотъ годъ ясно указываетъ на нашествіе Монголовъ, хотя историческихъ доказательствъ на это не имѣемъ. Въ исторіи Рашидъ-Эддина окончательное покореніе Булгара приписано Батыю, а Ибнъ-Эльасиръ первое нашествіе Монголовъ относитъ къ 620 г., но, основываясь на указаніи эпитафій, должно заключать, что Субудай, монгольскій полководецъ, послѣ разбитія Русскихъ, поворотилъ на Булгарію и здѣсь произвелъ опустошенія, о которыхъ, по неважности болгарской экспедиціи въ исполинскихъ походахъ Монголовъ, восточные писатели выражаются неточно, а русскіе лѣтописцы были заняты только лишь бѣдствіями собственной страны. Субудай поворотилъ на Саксинъ черезъ Оренб. губ., сообщена эпитафія, вырѣзанная на камнѣ у р. Зая, близь татарск. дер. Кызылъ-Кыпчакъ, въ Мензелинск. у., гдѣ тоже читается: „лѣто пришествія угнетенія“. По отшествіи Монголовъ, которые, будучи посланы только для рекогносцировки, произвели опусто-

(1) Эта надпись указана Березинымъ въ числѣ другой категоріи надписей, именно въ числѣ сохранившихся донынѣ, о которыхъ я буду говорить ниже; между этими послѣдними надписями встрѣчаются и неопавшія въ транскрипцію и переводъ, сдѣланные при Петрѣ Вел., къ числу такихъ принадлежитъ и эта надпись.

шеніе въ Булгарѣ мимоходомъ, Булгары похоронили своихъ соотечественниковъ и придумали для эпитафій особенную анаграмму, которую Монголы, по всей вѣроятности, не тронули и послѣ совершеннаго покоренія Булгара“ (²).

Послѣ объясненій Березина, годъ „пришествія угнетенія“ или 623 долго принимался всѣми, безъ возраженій. Но въ 1863 г. послѣдовало возраженіе муллы Хусейнъ-Фейзъ Ханова въ статьѣ, напечат. въ „Извѣстіяхъ Археол. Общ.“ т. IV—„Три надгробныхъ булгарскихъ надписи“. Здѣсь разбираются двѣ надписи Симб. у. и одна Тетюшск. „Особенное вниманіе, говоритъ мулла, обращаетъ на себя во многихъ булгарскихъ надгробныхъ надписяхъ выраженіе: „джіатъ джауръ“. Обыкновенно принимаютъ эту фразу за арабскую, переводятъ ее словами: „пришествіе угнетенія“, и, придавая ей смыслъ особой эры, выводятъ изъ числоваго значенія буквъ годъ 623. По моему мнѣнію, подобное объясненіе едвали можетъ быть вѣрно. Если принимать фразу за арабскую, то читать ея должно „джайатъ джауръ“, между тѣмъ какъ на камнѣ вырѣзано весьма ясно: „джіати джюръ“. Къ тому же, прибавляетъ мулла, какъ скоро фраза—анаграмма, то куда дѣвать слѣдующія за нею числительныя слова на второй симбирской надписи: „джіаръ менышъ“ (двадцать), а на тетюшской: „джеремъ біалемъ“ (двадцать пять). Не слѣдуетъ ли, не вдаваясь ни въ какія гадательныя предположенія, читать просто „джіати джюръ“ т. е. „джити юзъ“?

Въ объясненіе, для неоріенталистовъ значенія перехода „джіатъ джауръ“ въ „джити юзъ“ и для возможности понимать дальнѣйшее объясненіе ученаго муллы, я считаю необходимымъ представить слѣдующія объясненія: читая „джіатъ джауръ“, подразумѣваютъ арабскую фразу, означающую —„пришествіе угнетенія“; а „джити юзъ“ соотвѣтствуетъ татарскому—jіде jöз, т. е. „семь сотъ“ (jіде = 7, jöз = 100). Такимъ образомъ, вмѣсто арабской фразы, въ значеніи анаграммы, получаемъ простое татарское численное обозначеніе, т. е., вмѣсто 623 года—700-ый годъ.

„Въ пользу моего мнѣнія (т. е. возможности перехода „джіати джюръ“ въ „джити юзъ“), объясняетъ мулла, говоритъ и обыкновеніе Татаръ начальное „и“ произносить и писать какъ „дж“; что касается до буквы „р“, употребленной вмѣс-

(²) Ср. выше въ I Отд. «Историки монгольскаго нашествія».

то „з“ въ словѣ джюръ, то это можно объяснить употребленіемъ чувашскихъ числительныхъ словъ въ эпитафіяхъ этого времени. Чуваши же семь называютъ „чюръ“ (3).

Такимъ образомъ, представляется другое чтеніе даты большинства булгарскихъ мусульманскихъ надгробныхъ надписей. Послѣднее чтеніе 700, вмѣсто арабской фразы, имѣющей смыслъ—„пришествіе угнетенія“, принимаетъ и почтенный арабистъ І. Ѳ. Готвальдъ, который на всѣхъ первыхъ 24 надгробныхъ надписяхъ, по тексту Клапрота, обозначилъ мнѣ, какъ дату этихъ надписей—700. По христіанскому лѣтосчисленію, это будетъ 1301 годъ.

Замѣчательно, что въ переводѣ, сдѣланномъ при Петрѣ Вел., большинство надгробныхъ надписей, которыя у Клапрота и его послѣдователей обозначены годомъ „пришествія угнетенія“, т. е. 623, показанъ также 623 годъ, хотя и безъ арабской фразы. Между тѣмъ, какъ выше объяснено,

---

(3) Статья муллы Хусейна-Фейзъ-хапова вызвала статью Н. И. Ильминскаго «О фонетическихъ отношеніяхъ между чувашскимъ и тюркскими языками» (Извѣстія Арх. Общ. т. V.), важную для исторіи чувашской народности. «Статья Хусейна-Фейзъ-хапова, гов. г. Ильминскій, интересна открытіемъ слѣдовъ чувашск. языка въ древн. магометанск. надгробіяхъ. Такимъ образомъ мы положительно имѣемъ чувашскіе факты пятисотлѣтней древности. Въ нынѣшн. чувашск. яз. много отдѣльныхъ словъ и граммат. формъ тюркскихъ, но почти всегда съ болѣе или менѣе значительными перемѣнами». Затѣмъ, г. Ильминскій представляетъ примѣры измѣненія тюркскихъ звуковъ въ чувашск. яз. «Какой же общій выводъ должно сдѣлать, спрашиваетъ г. Ильминскій, изъ формъ чувашскихъ словъ въ старыхъ надгробіяхъ? Тотъ, что особенности большей части этихъ древнихъ формъ противу нынѣшнихъ представляютъ что-то среднее, переходное между тюркскимъ и нынѣшнимъ чувашскимъ. Если предположить отношеніе чувашск. языка къ тюркскому такое же, какое находится между романскими языками и латинскимъ, т, е., что чувашскій языкъ, нѣкогда особенный финскій, въ послѣдствіи уже существенно измѣнился отъ вліянія тюркскаго языка; то вышеупомянутые памятники VIII вѣка гиджры могутъ указывать эпоху такого переворота въ чувашск. яз., эпоху довольно позднюю, когда между Татарами господствовало мусульманство. На это указываютъ нѣсколько арабскихъ и персидскихъ словъ въ языкѣ чувашскомъ. Если же чувашскій языкъ былъ такимъ искони, то фонетическія особенности надгробій были ли общи въ данную эпоху всему чувашскому языку, или принадлежали особому нарѣчію, въ послѣдствіи поглощенному татарскимъ вліяніемъ? И еще—къ какому именно изъ тюркскихъ нарѣчій чувашск. языкъ имѣетъ наибольшую близость?»

на этихъ надписяхъ читаются слова—„семь сотъ“. Интересно знать, на какомъ основаніи переводчики петровскаго времени дошли до такого чтенія?

Очевидно, что они не читали „джіати джюръ“, въ смыслѣ „джити юзъ“, т. е. jide jöz, для этого потребовались бы филологическія соображенія, сравненіе тюркскихъ формъ съ чувашскими; я предполагаю, что переводчики, не понимая смысла этихъ двухъ словъ, выраженныхъ семью арабскими буквами, т. е., не придавая имъ ни смысла мнимой арабской фразы, ни значенія—„семи сотъ“, догадались только сложить численныя значенія всѣхъ буквъ этихъ двухъ словъ, вслѣдствіе чего и вышло 623.

Такимъ образомъ, и по древнѣйшему переводу, 24 надгробныя надписи являются одного года; это заставило Палласа (129, 130) предположить, что въ этомъ году было моровое повѣтріе, или какая нибудь смертоносная болѣзнь въ городѣ. Эрдманъ (I, 300, 301) въ 1822 г., также, обращая вниманіе на множество гробницъ одного года, говоритъ, что, можетъ быть, онѣ относятся ко времени нашествія Монголовъ; „ибо, хотя г. Булгаръ былъ совершенно завоеванъ 10 лѣтъ позднѣе, при Батыѣ; но чингизиды могли дѣлать на него нападенія и ранѣе“. Впрочемъ, Эрдманъ замѣчаетъ, что и предположеніе Палласа о моровомъ повѣтріи имѣетъ не мало за собою, если вспомнить, что, по русскимъ лѣтописямъ, въ это время господствовалъ моръ (*).

Но, принимая, что въ эпитафіяхъ обозначенъ не 623, а 709 г., т. е. 1301, мы должны искать причину смертности въ этомъ послѣднемъ году; по русскія лѣтописи объ этомъ не говорятъ.

Признавая дату 24 надписей за 1301 г., а не 1223, древнѣйшими надписями мы должны будемъ признать одну 670 г., одну 690 и одну 691; затѣмъ должны слѣдовать 24 надписи 700 г., а за ними по одной: 704, 705, 710, 712, 714, 717, 719, 720, 724, 729, 734, 737 и 742 г., три 716 и двѣ 721 г. Такимъ образомъ, по христіанскому лѣтосчисленію, древнѣйшею будетъ 1272 г. и позднѣйшею 1344 г. Двѣ надписи безъ всякой даты.

(*) При этомъ Эрдманъ ссылается на Gesch. der Medicin in Russland Рихтера, гдѣ упоминается, что 1215 годъ въ новгородск. лѣтописяхъ описывается, какъ несчастный, а въ 1229 и 1230 господствовали голодъ и моръ почти по всей Россіи.

4 Мѣстонахожденіе надписей, нынѣшнее состояніе ихъ. Неизвѣстно, гдѣ находились надписи, съ которыхъ была снята копія при Петрѣ Великомъ. Памятникъ временъ Петра Вел., выпись 1712 г. упоминаетъ о надгробныхъ надписяхъ, бывшихъ въ зданіи, впослѣдствіи служившемъ монастырскимъ погребомъ, и около Греческой палаты. О первомъ зданіи выпись говоритъ: „Полата четвероугольная, въ которой есть и каменья кладбищные съ татарскою подписью“; о послѣднемъ зданіи, которое въ настоящее время называется Греческою палатою, сказано: „знатно, что та полата была напередъ сего церковію, потому что около ея многіе есть кладбищные каменья съ подписьми, а подписи походили на армянскія письма“. Изъ словъ выписи видно, что послѣднія надписи не татарскія, а армянскія, о которыхъ буду говорить особо.

Вскорѣ послѣ Петра послѣдовало уничтоженіе надгробныхъ надписей: по свидѣтельству Палласа (192), многіе старинные надгробные камни нынѣ отчасти употреблены на фундаментъ новой церкви Успенскаго монаст., а отчасти лежатъ подлѣ оной на землѣ. Это повторяютъ Эрдманъ (289) и Свиньинъ (193). Эрдманъ говоритъ, что могильные камни почти всѣ обращены на постройку церкви, встрѣчаются на стѣнахъ и на полу ея, а также и внѣ ея на землѣ. Свиньинъ заявляетъ, что въ фундаментѣ новой церкви замѣтно нѣсколько надгробныхъ камней съ надписями; они собраны сюда, какъ сказываютъ, со всѣхъ развалинъ, ибо теперь весьма трудно найти тамъ хотя одну подобную доску. Кафтанниковъ (42) заявляетъ, что надгробные памятники свезены окрестными жителями подъ фундаменты частныхъ домовъ.

Вслѣдствіе этихъ причинъ, по свидѣтельству Эрдмана (289, 290), Френъ, при посѣщеніи Булгарскаго городища, нашелъ только одну вполнѣ сохранившуюся надпись; остальныя, частію отъ вывѣтриванія, частію отъ хожденія по нимъ, очень испортились.

Кафтанниковъ (55) говоритъ о древнемъ булгарскомъ кладбищѣ, что прежде здѣсь были разбросаны во множествѣ надгробные камни, съ надписями, изъ алкурана и съ означеніемъ именъ правовѣрныхъ. Теперь, къ сожалѣнію, всѣ они сняты и только одни холмы говорятъ вамъ, что вы на кладбищѣ нѣкогда славнаго народа.

Свиньинъ (201) указываетъ на камни съ надгробными надписями на полу крестообразной залы Бѣлой палаты; это служитъ Свиньину основаніемъ опровергать предположеніе, что эта палата была баня.

Березинъ (89) говоритъ, что 1846 г. онъ видѣлъ нѣсколько небольшихъ камней съ надписью изъ алкурана, принадлежавшихъ, по словамъ караульщиковъ, упавшему Больш. минарету, но нынѣ (1852 г.) этихъ камней не существуетъ. „Впрочемъ, прибавляетъ Березинъ, надпись не заключала въ себѣ ничего историческаго, и даже, едва ли она принадлежала минарету, п. ч. никто изъ путешественниковъ, видѣвшихъ минаретъ, не упоминаетъ о ней".

Березинъ обозрѣваетъ нынѣ сохранившіяся надписи. „Въ настоящее время, говоритъ Березинъ, сохранилось въ Булгарѣ до 36 камней съ мусульманскими надписями: всѣ они представляютъ только эпитафіи. Изъ числа ихъ 10 эпитафій находятся въ снимкахъ, сдѣланныхъ по приказанію Петра Вел.; остальныя же или не были сняты въ то время или же недоступны, по своей испорченности, чтенію".

Березинъ указываетъ вопервыхъ на 8 надписей, находящихся на церковномъ дворѣ, изъ нихъ 3 не были сняты при Петрѣ Вел. и принадлежатъ: одна—лѣту „пришествія угнетенія", а другая 717 г. Только первые два камня довольно хорошо сохранились; остальные представляютъ обломки, исключая шестаго, который, хотя и представляется цѣльнымъ, но надпись на немъ очень повреждена, такъ что можно разобрать лишь немногія буквы и слова. Березинъ прилагаетъ къ своей статьѣ рисунки первыхъ двухъ надписей, такъ какъ онѣ лучше сохранились и въ почеркѣ разнообразны. Эти рисунки представляютъ уменьшенныя копіи эпитафіи, снятыя г. Толмачевымъ, типографскими чернилами, по наставленію Френа (1). Обѣ эти эпитафіи принадлежатъ къ неснятымъ при Петрѣ Вел.

Затѣмъ Березинъ указываетъ на одну надпись на паперти церковной, которую, по видимому, считаетъ 43-ею изъ

(1) Впослѣдствіи, какъ видно изъ протокола Вост. Отд. Арх. Общ. 8 янв. 1855 (Изв. Арх. Общ. т. I, стр. 44), г. Толмачевъ представилъ въ Общество сдѣланныя имъ типографскимъ способомъ снимки съ 9 арабскихъ и 2 армянскихъ надписей.

петровскихъ; сохранилась только нижняя часть этой эпитафіи.

Большинство надписей встрѣчается въ фундаментѣ церкви; „здѣсь, говоритъ Березинъ, камни поставлены бокомъ и половина каждаго находится въ землѣ, то я могу представить лишь тѣ слова, которыя находятся поверхъ земли“. Съ западн. стороны, влѣво отъ церковныхъ дверей, находится одна эпитафія; съ южн. стор., начиная отъ запада—9 надписей, изъ которыхъ одна не была снята при Петрѣ Вел. и принадлежитъ къ году „пришествія угнетенія“; съ сѣверн. стор., начиная отъ запада—13 надписей, изъ нихъ не снято при Петрѣ Вел. 6, двѣ изъ послѣднихъ принадлежатъ году „пришествія угнетенія“ и одна 697 г.

Наконецъ, 4 надписи находятся внѣ церковной ограды, но гдѣ именно, Березинъ не показываетъ, исключая послѣдней, о которой говоритъ, что, при недавнемъ исправленіи Мал. минарета, вставленъ обломокъ камня съ новѣйшею надписью. Всѣ эти 4 надписи представляютъ только по нѣсколько отдѣльныхъ словъ, по которымъ невозможно возстановить смысла.

Узнавши о такомъ состояніи мусульманскихъ надписей въ настоящее время, мы видимъ, что онѣ не могутъ представлять важнаго историческаго матеріала. Это только отломки или зарытые въ землю камни, которые представляются ученому изслѣдователю только съ одной стороны. Можетъ быть, впослѣдствіи найдутъ возможнымъ выпуть изъ церковнаго фундамента эти камни или сдѣлать розыски, по указанію Кафтанникова, о надгробныхъ камняхъ, находящихся въ фундаментахъ частныхъ домовъ.

5 Армянскія надписи. Лепехинъ напечаталъ три армянскія надписи, по переводу армянина Ивана Васильева, сдѣланному при Петрѣ Вел. Вотъ эти надписи:

1) Сей камень положенъ въ семъ славномъ городѣ надъ умершимъ армяниномъ Назаромъ и надъ женою его Мариною 986 г.

2) Сей камень положенъ надъ умершимъ армяниномъ Варламомъ Ивановымъ сыномъ 557 г.

3) Сей камень положенъ надъ умершими армяны—богоугодницемъ Артемьѣ и Киприянѣ. И кто станетъ тое подпись читать, чтобъ имъ помянать. 984 г.

Клапротъ, получивши отъ гр. Потоцкаго, вмѣстѣ съ снимками мусульманскихъ надписей, и снимки съ армянскихъ надписей, передалъ послѣднія Сенъ-Мартину, который помѣстилъ объ нихъ статью въ Азіатск. журн., рядомъ съ статьею Клапрота о мусульманскихъ надписяхъ (1).

„Копіи армянскихъ надписей изъ Булгара такъ испорчены, говоритъ Сенъ-Мартинъ, что почти невозможно разобрать ихъ, даже съ помощью русскаго перевода Ивана Васильева. То, что можно извлечь изъ армянскаго текста, весьма отличается отъ заключающагося въ русскомъ переводѣ. Должно предполагать, какъ мнѣ кажется, что оригиналы были въ весьма дурномъ состояніи во время путешествія Петра Великаго къ развалинамъ Булгара; можетъ быть также, что армянскій переводчикъ, который, кажется, былъ человѣкъ весьма мало образованный, не имѣлъ навыка читать древнія надписи заглавными буквами, необыкновенная форма которыхъ представляетъ часто сочетанія очень трудныя для разбора. Этотъ человѣкъ, не рѣшаясь обнаружить своего невѣжества, представилъ невѣрныя копіи, которыя онъ считалъ весьма достаточными для людей, которые были не въ состояніи повѣрить точность копій; онъ представилъ и вымышленные переводы, наполненные именами очевидно взятыми попроизволу, которыя не встрѣчаются въ копіяхъ, которыя вѣроятно не были и въ оригиналѣ и которыя даже неизвѣстны Армянамъ“. Относительно первой надписи Сенъ-Мартинъ заявляетъ, что копія съ нея такъ испорчена, что невозможно ее реставрировать. Противъ даты 986 г., по армянскому лѣтосчисленію, соотвѣтствующей 1537 г. п. Р. Х., Сенъ-Мартинъ возражаетъ, что она ложная, что въ оригиналѣ была другая болѣе древняя. Сенъ-Мартинъ указываетъ, что въ 1537 г. Булгаръ былъ уже въ запустѣніи.

Вторую надпись С.-Мартинъ читаетъ такъ: „Это гробница Ивана (Хованиса) сына Вартана 551 г.“ С.-Мартинъ считаетъ дату и этой надписи ложною, предлагаетъ читать 757 г., т. е. 1308 г. по Р. Х.

---

(1) «Note sur les Inscriptions arméniennes de Bolghari» въ Nouveau Journ. Asiat., ч. VIII, 1831 г.

Третюю надпись С. Мартинъ читаетъ: „Это гробница благочестиваго и милостиваго Гарутіуна (порусски Артемія) сына . . . (имя отца неузнаваемо). Вы, которые читаете это, попросите отпущеніе его грѣховъ. Годъ 984".

Далѣе С. Мартинъ говоритъ, что онъ нашелъ въ своихъ бумагахъ другую копію съ послѣдней надписи; происхожденія этой копіи С. Мартинъ не знаетъ, но получилъ онъ ее отъ Френа. Эта копія еще болѣе ошибочна и сдѣлана человѣкомъ, который на зналъ поармянски. С. Мартинъ представляетъ переводъ и съ этой копіи, отличающійся отъ предыдущаго только датою—784 г. (1335 г. по Р. Х.), вмѣсто 984 г.

На листкѣ, полученномъ отъ Френа, находится копія другой надписи, которая, кажется, сохранилась еще хуже: „Это гробница... господина . . . сына . . . Вы, которые это читаете, просите за него о отпущеніи его грѣховъ".

Въ 1838 г. обнародаваны и переведены г. Броссе (²) новыя копіи съ третьей надписи, по счету Лепехина и С. Мартина, и четвертой, полученной послѣднимъ, вмѣстѣ съ третьею, отъ Френа. Эти новыя копіи г. Броссе получилъ отъ тогоже Френа, въ трехъ экземплярахъ. Одинъ сдѣланъ черными карандашемъ, съ патуры, извѣстнымъ намъ Кафтанниковымъ въ 1836 г., и отданъ Фуксу, который передалъ его Френу; два остальные нарисованы отъ руки въ 1819 г. полковникомъ Поттомъ.

На основаніи этихъ трехъ экземпляровъ копіи съ третьей и четвертой надписей, Броссе переводитъ ихъ такъ: Третяя: Эта могила благочестиваго и
сострадательнаго барона Ошина, сына
Андоніоса Осефа. Вы, которые
читаете (сіе), помолитесь объ отпущеніи грѣховъ его.
Въ 784 года.

Броссе указываетъ, что на всѣхъ трехъ полученныхъ отъ Френа копіяхъ съ этой надписи находится внизу, съ лѣвой стороны, монограмма, въ которой почти не возможно не признать нѣсколько арабскихъ буквъ; можетъ быть, какъ это думаетъ одинъ весьма авторитетный человѣкъ, слово— „тарикъ", эра.

(²) «Note sur les inscriptions arméniennes de Bolghari» въ Bulletin scientif. de l'Acad· de S. Ptrsb., III, 1838..

Четвертая: Это могила
барона . . . еваля
. . . паломника Томаса
Варта. Вы, которые читаете (сіе),
Попросите объ отпущеніи моихъ грѣховъ
у Бога. Аминь. Это написано въ году . . .

Березинъ въ 1852 г. въ статьѣ „Булгаръ на Волгѣ“ указываетъ двѣ существующія понынѣ армянскія надписи: одна надгробная плита, почти во весь ростъ человѣческій, лежитъ у сѣверныхъ дверей церкви, а другая небольшая находится внѣ ограды, у такъ называемаго „церковнаго погреба“. Березинъ прилагаетъ и рисунки этихъ двухъ надписей, сдѣланныхъ по дагерротипнымъ (на свѣтописной бумагѣ) снимкамъ г. Толмачева, который составилъ ихъ по оттискамъ, сдѣланнымъ типографскими чернилами и провѣренныхъ по собственнымъ снимкамъ Березина, снятымъ наглядно. Оказывается, что первая существующая нынѣ надпись—третья, по предыдущему счету; а вторая еще не была публикована. Г. Березинъ препроводилъ свои копіи г. Броссе, который отвѣтилъ только, что въ первой надписи ясно читается 784 (1335) г., а во второй 770 (1321) годъ.

Въ 1862 г. г. Броссе напечаталъ новую статью „Объ Армянскихъ надписяхъ въ Болгарахъ“ въ Извѣст. Арх. Общ. т. II. Здѣсь г. Броссе заявляетъ, что покойный П. С. Савельевъ въ 1853 г. получилъ, неизвѣстно отъ кого, три снимка третьей надписи, сдѣланные по Меллинову способу, т. е. отпечатанные съ самаго камня, и два такіе же снимка съ новой, до сихъ поръ неизданной надписи (3). Савельевъ просилъ Броссе прочитать и объяснить эти надписи. Броссе въ томъ же году представилъ въ Вост. Отд. Общества разобранное имъ чтеніе новой надписи, но отлитографированіе обѣихъ надписей было замедлено Обществомъ (4). Наконецъ, г. Меллинъ снялъ съ большою точностью оба снимка, уменьшивъ ихъ въ половину противъ подлинника.

---

(3) Въ протоколѣ Вост. Отд. Арх. Общ. 8 янв. 1853 (Изв. Арх. Общ. т. I, стр. 44) показано, что П. А. Толмачевъ сообщилъ изъ Казани сдѣланные имъ типографскимъ способомъ снимки съ 9 арабск. и 2 армянск. надгробн. надписей.

(4) См. проток. Вост. Отд. Арх. Общ. 6 февр. 1856 г. въ Извѣст. Арх. Общ., т. II, стр. 115.

Эти снимки приложены къ ст. Броссе во II т. Извѣстій Арх. Общ. Броссе заявляетъ, что камень съ третьею надписью находится въ худшемъ состояніи, чѣмъ тотъ, на которомъ изображена новая надпись, но все-таки въ чтеніи третьей надписи теперь не остается больше сомнѣнія:

Здѣсь покоится боголюбящій и
милостивый господинъ Автинъ,
сынъ господина Тепера. Вы, чи-
тающіе это, просите прощеніе грѣховъ его.
Годъ 784.

Неизданная надпись, по заявленію г. Березина, читается свободно, кромѣ перваго слова пятой строки:

Гробъ этотъ заключаетъ честное тѣло Сары госпожи, которая перешла ко Христу. Вы, которые читаете это, просите у Бога прощенія грѣховъ ея.
. . . господинъ Аванъ. Годъ 770.

Броссе предлагаетъ неразобранное слово читать „отецъ“. Съ этою поправкою смыслъ послѣдней строки будетъ: „отецъ ея господинъ Аванъ“ поставилъ этотъ надгробный камень.

Послѣднія двѣ надписи—единственныя изъ армянскихъ сохранившіяся донынѣ, какъ видно изъ статьи Березина; объявленная Березинымъ новая надпись—послѣдняя, разобранная Броссе, который очевидно и отвѣтилъ Березину объ этой надписи, что она 770 года.

Ю. *Вещи и монеты, находимыя въ Булгарскомъ городищѣ.*

1. Извѣстія о находкахъ; коллекціи Неѣлова, Фукса, кн. Дадьяна, Толмачева, Березина, Ешевскаго. Старѣйшее указаніе на находимыя въ Булгарскомъ городищѣ вещи представляетъ Татищевъ: „Домы, видно, что болѣе были каменные, и въ развалинахъ много отъ украшенія наружной рѣзбы и полированной свинцомъ гончарной работы находится“ (1).

(1) Исторія Россійск. I. 350, 351

Палласъ (194, 195) говоритъ, что „здѣсь находили хорошо сдѣланныя изъ чистаго серебра или золота мелочныя вещи, какъ то серьги и проч.; но нынѣ сіе богатство почти все истощено. Ко мнѣ принесли множество мѣдныхъ и желѣзныхъ болоболочекъ и брякушекъ, также нѣсколько широкихъ и остроконечныхъ, заступу подобныхъ орудій, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣлана ручка на подобіе гвоздя; почему и думать можно, что на такую ручку насаживалось древко. Въ числѣ оныхъ вещей не видалъ я оружія, да и сказывали мнѣ, что оное едва найти можно. Напротивъ того есть много круглыхъ, изъ худой колокольной мѣди слитыхъ досокъ, величиною въ поперешникѣ до 4 дюймовъ, у которыхъ одна сторона украшена всякими литыми травами, а другая гладкая и выполирована; и сіи доски почти такія же, какія описаны у Страленберга (²). Гораздо больше находится изъ глины сдѣланныхъ и обоженныхъ, пуговицамъ подобныхъ пронизокъ, которые, можетъ быть, употреблялись у Татаръ на чотки. По большой части они кирпичнаго цвѣта, а нѣкоторыя черноваты или бѣловаты. Такъ же попадаются малыя пестрыя стеклянныя пронизки; да и находятъ иногда черепки изрядной муравленой посуды. Казанскіе Татары, обыкновенно зимою сюда пріѣзжающіе, покупаютъ собранныя здѣсь мелочныя вещи и монеты“.

Свиньинъ (203) разсказываетъ, что „весною, послѣ стаявшаго снѣгу, и послѣ каждаго дождя, часто вымываются водою на поверхность земли разнаго рода металлическія вещицы: ожерелья, зарукавья, перстни, серьги, разноцвѣтные камешки и монеты. Татары, пріѣзжая сюда на моленье, покупаютъ дорогою цѣною все, что ни приносятъ имъ изъ вещицъ, найденныхъ въ развалинахъ Болгаръ. По сей причинѣ, деревенскіе мальчики и многія старухи занимаются симъ выгоднымъ для нихъ ремесломъ. Говорятъ, въ здѣшнихъ развалинахъ найдены были два золотые идола. Драгоцѣннѣйшій изъ сихъ кумировъ перешелъ къ одной знатной особѣ, пріѣзжавшей въ Казань въ царствованіе императора Александра I, а другой вскорѣ утратился“.

(²) Здѣсь очевидно говорится о металлическ. зеркалахъ. Подъ Страленбергомъ разумѣется «Das Nord u. östliche Theil v. Europa u. Asia» v. Strahlenberg. Stockholm, 1730.

Изъ находимыхъ въ Булгарѣ древнихъ вещей составлялись цѣлыя коллекціи.

Въ 1856 г. В. К. Савельевъ сообщалъ изъ Казани въ Восточн. Отдѣл. Археолог. Общ. (3) о бывшемъ у него собраніи булгарскихъ древностей изъ 170 нумеровъ вещей, доставшихся ему послѣ смерти извѣстнаго въ Казани собирателя Д. И Неѣлова. Г. Савельевъ полагалъ, что полезно было бы издать рисунки ихъ съ описаніемъ, тѣмъ болѣе, что этому отдѣлу древностей никто еще не посвѣщалъ особаго описанія. Отдѣленіе положило просить В. К. Савельева о доставленіи рисунковъ означенныхъ древностей съ описаніемъ ихъ, которое можетъ быть дополнено гг. членами Общества по собраніямъ, имѣющимся въ Птб. (?), и такимъ образомъ составить возможно полное обозрѣніе извѣстныхъ доселѣ татарск.-булгарскихъ издѣлій.

Но собраніе г. Савельева пропало для науки безслѣдно: оно было продано г. Савельевымъ, какъ онъ мнѣ объ этомъ объяснилъ, нѣкоему барону Врангелю, сыну бывшаго почтъ-содержателя въ Казани, и съ тѣхъ поръ объ этомъ собраніи ничего неизвѣстно.

Очевидно о собраніи Неѣлова упоминаетъ вмѣстѣ съ другими собраніями П. В. Ешевскій (4): „Почти всѣ цѣнныя вещи пропадаютъ для науки, иногда даже и въ томъ случаѣ, когда онѣ были собраны человѣкомъ, интересовавшимся древностями. Богатое собраніе древней утвари и древнихъ вещей, принадлежавшее покойному доктору Фуксу, кажется, было куплено послѣ его смерти однимъ изъ казанскихъ купцовъ и едвали не переплавлено. По крайней мѣрѣ, о немъ ничего неизвѣстно. Собраніе булгарскихъ древностей г. Н....ва разошлось по разнымъ рукамъ и большею частію пропало. О собраніи древняго оружія, найденнаго въ Булгарѣ и принадлежавшаго покойному князю Дадіану ничего неизвѣстно“.

Березинъ (138, прим. 2) указываетъ, что у г. Толмачева, врача Казанск. городск. больницы, находится значительное собраніе булгарскихъ и билярскихъ вещей, найденныхъ

---

(3) Труды Вост. Отд. Арх. Общ. III, 171; тоже въ Извѣст. Арх. Общ. I, 121.

(4) «Замѣтка о Пермскихъ древностяхъ» Пермск. Сборн., I, 133.

въ землѣ, которыя могли бы доставить обильный матеріалъ для описанія и соображеній археолога.

Собраніе г. Толмачева пріобрѣтено Казанск. университетомъ и вошло въ составъ Музея этнографіи и древностей, называвшагося прежде Кабинетомъ рѣдкостей. Въ документальномъ рукописномъ каталогѣ этого кабинета означено о пріобрѣтеніи въ 1856 г. отъ г. Толмачева слѣдующихъ собственно булгарскихъ вещей (5): 1) образъ Божіей Матери на четыреугольной пластинкѣ, переломленной на двое, 2) обломокъ мѣднаго креста, 3) кольцо изъ серебряной проволки, 4) перстень съ камнемъ зеленаго цвѣта, 5) два кольца мѣдныя съ надписями, 6) зубчатое мѣдное кольцо, 7) мѣдное плоское кольцо съ украшеніемъ, 8) сломанная серебряная булавка, 9) восемь обломковъ металлическихъ зеркалъ, 10) девять вещей съ пояса или сбруи, 11) двѣ половинки замковъ въ формѣ коней, 12) три обломка мѣдной посуды съ украшеніями, 13) бронзовое украшеніе неизвѣстнаго назначенія, 14) обломокъ бронзоваго браслета, 15) семь бусъ, 16) двѣ костяныя вещи, 17) одинадцать цвѣтныхъ камней и стекляруса, 18) янтарь, 19) металлическій крюкъ, 20) неопредѣленныя вещи. Всего 55 вещей

Коллекція г. Толмачева дополнена въ Музеѣ Казанск. унив. только одною булгарскою вещью, какъ видно изъ каталога музея: мѣдная, обломанная пряжка съ изображеніемъ крыла и хвоста отъ пояса, полученная въ 1875 г. въ даръ отъ учителя Спасскаго уѣздн. училища Кутыева.

Березинъ во время кратковременнаго своего пребыванія въ Булгарѣ успѣлъ купить нѣсколько булгарскихъ древностей, описаніе которыхъ онъ представляетъ (стр. 139, 140) съ цѣлію ознакомленія съ булгарскою цивилизаціею: 1) Перстень изъ золота съ серебромъ, на бокахъ находятся рѣзныя украшенія, а на верху надпись (можетъ быть, изрѣченіе изъ алкурана, гл. 69. ст. 22). 2) Серьга изъ смѣси серебра съ мѣдью, съ кружками à jour въ срединѣ, а внизу подвѣски жемчужныя. Работа довольно грубая. Донынѣ подобныя серьги носятся чувашками 3) Серебряная сережка, позолоченная. Работа простая. 4) Финифтяный цилиндрикъ, очень кра-

(5) О билярскихъ вещахъ см. ниже «Бюларское городище».

сивый, составлявшій одну изъ бусинъ ожерелья: здѣсь по голубому фону находятся бѣлыя линіи и желтые кружки съ краснымъ и потомъ бѣлымъ обводомъ. Финифть наложена на черную, мѣстами выступающую наружу окаменѣлую массу. 5) Буса, на черной каменной мастикѣ желтыя полосы. Работа простая. 6) Буса, на черной каменной мастикѣ красныя и бѣлыя полосы. Работа простая. 7) Стекляная бѣлая буса. 8) Бусы изъ желтой, каменистой мастики, соединенныя одна съ другой. 9) Мѣдная гирька, означавшая „мискаль“ золотникъ, т. е. семь восьмыхъ нашего торговаго золотника, вѣсъ, и донынѣ господствующій на Востокѣ, только восточный мискаль нѣсколько больше золотника. 10) Мѣдная гирька, означавшая семь мискалей и равняющаяся $6^1/_8$ золот. нашего торговаго вѣсу. Такимъ образомъ булгарскій вѣсъ для цѣнныхъ вещей теперь намъ извѣстенъ.—На мискалѣ находится снизу глубокая черта вдоль, а на гирькѣ семи мискалей находятся крестъ на крестъ двѣ широкія черты. 11) Конекъ изъ сплаву мѣди, темнаго цвѣта; работа довольно чистая. Такихъ коньковъ въ Булгарѣ находятъ очень много: это были не что иное, какъ замки, запиравшіеся палочкой № 12. Каждый конекъ состоитъ изъ двухъ половинокъ. Подобные замки еще и нынѣ дѣлаются иногда русскими слесарями. 13, 14, 15) Разныя украшенія съ конской сбруи, изъ мѣднаго сплаву. 16) Мѣдная, неизвѣстная вещица съ трубочкой.

Березинъ замѣчаетъ, что вещи, подобныя №№ 2, 4, 6—8 и 11, были находимы и въ Сараѣ (Зап. Арх. Общ. II).

Къ статьѣ Березина приложена таблица съ изображеніемъ всѣхъ этихъ вещей.

„Еще имѣются у меня, говоритъ г. Березинъ, бубенчики, обломки металлическихъ зеркалъ, мѣднаго сплаву, подносиковъ съ отрывками арабской надписи вокругъ, свинцовая трубочка для очень тоненькой свѣчки. Очень многія изъ подобныхъ вещей были находимы и въ Сараѣ.

„Кромѣ того, прибавляетъ Березинъ, я видѣлъ въ с. Успенскомъ шишку булавы, съ острою гранью и подносикъ: мѣдная шишка вѣситъ $^3/_4$ фунта, а подносикъ изъ серебрянаго сплаву имѣетъ на верху изображеніе двухъ рыбъ между фигурными разводами. Подобные подносики были находимы и въ Сараѣ“.

„Изъ разныхъ находокъ видно, объясняетъ г. Березинъ, что въ Булгарѣ, кромѣ мѣди и желѣза, служившихъ для массивныхъ и мелкихъ подѣлокъ, въ большомъ употребленіи были сплавные металлы, какъ и нынѣ на Востокѣ, особенно для разныхъ вещей служило сплавное желѣзо, которое мужики Успенскіе называютъ довольно вѣрно булатомъ. Драгоцѣнные металлы служили для украшеній и талисмановъ; посуда же попадается глиняная".

Покойный С. В. Ешевскій во время кратковременнаго служенія своего въ Казанск. унив. успѣхъ собрать коллекцію булгарскихъ древностей. Ешевскій говоритъ, что ему въ краткое время, безъ особенныхъ пожертвованій, и тѣмъ менѣе раскопокъ, удалось собрать 200 вещей, найденныхъ въ Булгарѣ, въ томъ числѣ массивный мѣдный сосудъ съ странными украшеніями, образцы глиняной посуды, зеркала, серьги, перстни, различныя украшенія. Въ Булгарѣ, прибавляетъ Ешевскій, найдены были при мнѣ одновременно, обломки металлическаго зеркала съ древнею тибетскою или китайскою надписью и римскія монеты III или IV вѣка (6).

Собраніе Ешевскаго въ настоящее время принадлежитъ Румянцовскому музею въ Москвѣ.

О новѣйшемъ и очень богатомъ собраніи булгарскихъ древностей А. Ѳ. Лихачева въ г. Казани я говорю ниже отдѣльно.

Кромѣ этихъ извѣстныхъ собраній, должно принять во вниманіе булгарскія вещи, находящіяся у сосѣднихъ с. Успенскому помѣщиковъ и у Татаръ; эти вещи сохраняются, хотя неизвѣстны для науки, но очень много булгарскихъ вещей истреблено. Одинъ казанскій купецъ, торговавшій въ серебряномъ ряду, говоритъ, что на своемъ вѣку онъ переплавилъ не менѣе 7 пудъ серебр. монетъ и вещей, купленныхъ въ Болгарахъ (7).

Г. Юрткульскій, авторъ статьи „Поѣздка въ Болгары" (8), упоминаетъ о другомъ скупщикѣ булгарскихъ

---

(6) «Замѣтки о Пермскихъ древностяхъ» въ Пермскомъ Сборникѣ кн. I, 135.

(7) Труды Вост. Отдѣл. Арх. Общ. III, 169. Сообщеніе изъ Казани В. К. Савельева въ проток. засѣд. 24 дек. 1856 г.

(8) Библ. для Чт. 1850 г. № 9 стр. 81. Юрткульскій.—псевдонимъ спасскаго помѣщика П. И. Осипова, не давно умершаго.

древностей, старичкѣ, жившемъ въ г. Спасскѣ, который скупалъ постоянно наиболѣе замѣчательныя булгарскія находки, для продажи любителямъ.

Г. Юрткульскій, писавшій въ 1850 г., говоритъ, что болѣе 10 лѣтъ крестьяне ничего не отрываютъ, кромѣ мелкихъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ; но когда г. Юрткульскій заявилъ желаніе пріобрѣсти что нибудь изъ булгарскихъ древностей, одинъ изъ сопровождавшихъ его крестьянъ вынулъ изъ за пазухи десятка съ два серебряныхъ монетъ и какой-то мѣдный сосудъ, чрезвычайно страннаго вида: онъ имѣетъ форму огромной чернилицы, только безъ дна, котораго, кажется, совсѣмъ не было, и украшался кругомъ наружныхъ стѣнокъ мѣдными конусообразными шишечками.

Въ 1856 г. В. К. Савельевъ между прочимъ писалъ изъ Казани въ Археол. Общество (9): „Село Болгары, древній Булгаръ, представляетъ наибольшую добычу, какъ въ отношеніи монетъ, такъ и въ отношеніи древнихъ издѣлій. Путешественнику, проѣзжающему это историческое село, стоитъ остановиться здѣсь на нѣсколько часовъ и „кличъ кликнуть“, чтобы нанесли ему груды монетъ и вещей, безпрестанно находимыхъ крестьянами на пашнѣ, или при рытьѣ земли, или послѣ сильнаго дождя, когда мальчишки и дѣвчонки отправляются въ поиски въ сдѣлавшихся отъ ручьевъ рытвинахъ“.

Подобное повторяетъ В. К. Савельевъ и въ 1871 г. (10): „Здѣсь лѣтомъ, послѣ каждаго дождя, мальчики и дѣвочки отправляются на поиски и на всемъ пространствѣ постоянно находятъ серебряныя и мѣдныя монеты татарскія и разныя вещи, какъ-то: золотые, серебряные и бронзовые браслеты, перстни и серьги, обломки металлическихъ зеркалъ, разныя бусы, бронзовыя украшенія отъ сбруи, замки и пр. Вещи эти имѣютъ по большей части характеръ восточный, т. е. съ изображеніемъ звѣрей и птицъ, кои встрѣчаются и на монетахъ. Вещи эти, обмытыя водою, предлагаютъ посѣтителямъ Болгаръ, говоря: „не угодно ли находокъ?“, а болѣе цѣнныя сбываютъ разнымъ лицамъ по вѣсу, преимущественно серебряникамъ“.

---

(9) Труды Вост. Отдѣл. Археол. Общ. III 169.

(10) «О кладахъ Золото-ордынск. монетъ въ развалинахъ древн. г. Болгаръ». Въ Труд. I Арх. Съѣзда, стр. 492

Всѣ находимыя доселѣ вещи открывались случайно, безъ систематическихъ раскопокъ; по послѣднія, какъ предполагаетъ Березинъ (стр. 138), доставили бы не менѣе находокъ, чѣмъ и на Сарайской мѣстности: „въ этомъ отношеніи болѣе другихъ мѣстъ обращаетъ на себя вниманіе такъ называемый „бабій бугоръ“, въ которомъ найдены по сю пору многіе скелеты и значительное количество монетъ. Между прочимъ, здѣсь былъ найденъ женскій скелетъ, обернутый въ блестящую парчу, какъ и въ Сараѣ (Зап. Арх. Общ., II, 403)“.

Бывшій профессоръ Казанск. унив. Лесгафтъ сообщилъ Обществу естествоиспыт. при Казанск. унив., что лѣтомъ 1869 г. онъ посѣтилъ с. Болгары, гдѣ, при раскопкѣ одной могилы, нашелъ въ склепѣ черепъ, кости, какое-то изображеніе высѣченное изъ известняка и часть мѣднаго сосуда съ восточною надписью, которые и демонстрированы имъ въ засѣданіи Общества ([11]).

Далѣе я указываю на имѣющіяся въ печати описанія отдѣльныхъ вещей, найденныхъ въ Булгарскомъ городищѣ.

2) **Описаніе жемчужной раковины-талисмана, кинжала, золотаго бокала, золотой бляхи, металлическихъ зеркалъ и христіанскихъ иконъ.** Въ Прибавленіи къ Казанск. Вѣстнику 1828 г. стр. 310—312, помѣщена статья „Нѣчто о восточномъ талисманѣ“, гдѣ сообщается: „Въ Спасск. уѣздн. училищѣ находится половина жемчужной раковины, имѣющая почти круглую форму. Раковина сія найдена за нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ Болгарахъ, селѣ, извѣстномъ по своей древности и многимъ находимымъ въ ономъ рѣдкостямъ. Г. профессоръ восточной словесности Эрдманъ полагаетъ, что раковина сія служила у восточныхъ народовъ талисманомъ, что заключить можно по проверченной на одномъ концѣ дырѣ, для пошенія на шеѣ, гладкая сторона сей раковины испещрена многими кругами. Послѣ круга, представляющаго нѣкоторый бордюръ, слѣдуетъ другой, содержащій изъ алкорана стихъ (приводится въ подлинникѣ и переводѣ). Прочіе круги или

([11]) Протоколы Общ. естеств. при Казанск. унив., годъ I, стр, 20.

только украшенія, или такъ уже вывѣтрились, что ничего нельзя разобрать въ оныхъ".

Въ Иллюстраціи 1846 г. стр. 59, при извѣстной намъ статьѣ Кафтанникова „Болгара", вмѣстѣ съ изображеніями остатковъ древнихъ зданій помѣщенъ рисунокъ вазы, найденной въ Булгаріи.

Г. Юрткульскій (1) описываетъ замѣчательный кинжалъ, видѣнный имъ у одного сосѣдняго с. Успенскому помѣщика: кинжалъ длиною, съ ручкой и ножнами, 16 англ. дюймовъ, одна же ручка около 5 дюймовъ. Онъ сдѣланъ изъ чистой дамасской стали, темной, какъ вороново крыло. Ручка его изъ слоновой кости, украшена по бокамъ ярко-красными сердоликами, въ серебряной оправѣ. Но замѣчательная часть кинжала едвали не его ножны: вылитыя изъ чистаго серебра, украшенныя сверху тройнымъ поясомъ затѣйливыхъ арабесокъ, филиграновой работы и испещренныхъ по остальному фону фантастическими узорами, они имѣютъ такое совершенство въ отдѣлкѣ, что ихъ скорѣе можно призать за chef-d'oeuvre какого нибудь извѣстнаго нынѣ золотыхъ дѣлъ мастера, нежели за древность, найденную въ Болгарахъ и пролежавшую нѣсколько столѣтій въ землѣ: „Надобно думать, говоритъ г. Юрткульскій, что древніе Болгары обладали въ высокой степени искусствомъ соединять металлы, судя по слѣдующему обстоятельству: владѣлецъ кинжала сказывалъ мнѣ, что ножны кинжала найдены съ надломаннымъ нижнимъ концомъ, который онъ хотѣлъ припаять серебромъ же. Но два, три лучшіе серебряника въ Казани, неоднократно придѣлывая, никакъ не могли достигнуть того, чтобы припаянный ими кончикъ не отламывался при самомъ слабомъ давленіи, хотя не жалѣли серебра на спайку. Ясно, что въ серебрѣ, изъ котораго сдѣланы ножны, находится какая-то неизвѣстная подмѣсь, увеличивающая его плотность.

Изъ словъ г. Юрткульскаго видно, что онъ предполагаетъ этотъ кинжалъ мѣстной булгарской работы, но съ этимъ нельзя согласиться: извѣстно, что вещи, находимыя въ Булгарѣ, раздѣляютъ на двѣ категоріи—мѣстной работы и при-

(1) «Поѣздка въ Болгары». Библ. для Чт. 1850, № 9, стр. 79, 80.

козныя (²); описываемый кинжалъ, очевидно, принадлежитъ къ послѣднимъ.

Г. Юрткульскій разсказываетъ еще о золотомъ бокалѣ, найденномъ однимъ булгарскимъ крестьяниномъ во время пахоты. Этотъ бокалъ былъ золотой, массивный, около фунта вѣса, превосходной чеканной работы, съ барельефами и надписями; онъ купленъ гр. Н. П. Румянцовымъ, осматривавшимъ древнее городище.

П. С. Савельевъ сообщилъ въ 1851 г. (³) описаніе найденной въ Булгарѣ предшествовавшею весною золотой бляхи съ изображеніемъ и надписью:

„Этотъ листокъ битаго золота имѣетъ 1 дюймъ и $2^1/_2$ линіи въ длину, 1 дюймъ $1^1/_2$ линіи ширины, и не толще обыкновенной писчей бумаги. Какъ по величинѣ, такъ по формѣ и матеріалу, и даже по назначенію своему, онъ сходствуетъ съ бляхами, находимыми въ керченскихъ могилахъ. На одной изъ сторонъ придѣлано ушко. Въ серединѣ бляхи, въ паралелограммѣ, изображена влѣво идущая собака, съ поднятымъ хвостомъ какъ на нѣкоторыхъ монетахъ Золот. Орды, на русско-тат. деньгахъ Василія Дмитр. и на многихъ чисто русскихъ деньгахъ разныхъ князей (Подобный же геральдическій песъ, идущій вправо, изображенъ на найденной недавно во Владимірѣ старинной „печати Нестера Турова“). По четыремъ краямъ надпись арабскими буквами.

„Это—татарскій талисманъ или амулетъ, временъ Золотой Орды, употребленіе которыхъ доселѣ господствуетъ на мусульманскомъ Востокѣ. Сочинители этихъ заклятій составляютъ ихъ обыкновенно изъ стиховъ алкорана, изрѣченій святыхъ и молитвъ, примѣшивая къ этому, для большей важности, разныя кабалистическія, и безъ того никому непонятныя, а по невѣжеству ихъ, еще болѣе искажаемыя слова. Пишутся или вырѣзываются талисманы на бумагѣ, на камнѣ, на металлѣ или вышиваются на разныхъ матеріяхъ. Ихъ носятъ на шеѣ, на поясѣ, на рукѣ, смотря по назначенію талисмана; иногда надѣваютъ и на домашнюю скотину и птицъ. Богатые люди носятъ ихъ въ великолѣпныхъ мѣшеч-

(²) См., напр., ст. А. Ѳ. Лихачева «Бытовые памятники Великой Булгаріи» въ Труд. II Археол. Съѣзда.

(³) Зап. Арх. Общ. IV, 37—40.

кахъ и ящичкахъ, и вдѣлываютъ въ перстни; наши Татары обыкновенно носятъ ихъ въ мѣшечкахъ на тесьмѣ черезъ плечо. Талисманы представляютъ иногда образецъ каллиграфскаго искусства и мелкаго шрифта: цѣлая глава, даже весь алкоранъ, бываетъ написанъ такъ, что можетъ помѣститься въ грецкомъ орѣхѣ или перстнѣ. Есть особенныя руководства для сочиненія разнаго рода талисмановъ и вызыванія духовъ: въ послѣднемъ случаѣ, сочинители, оставляя въ сторонѣ алкоранъ, пишутъ только кабалистическія слова и собственныя имена тѣхъ духовъ, содѣйствіе которыхъ нужно для предназначенной цѣли".

„На талисманѣ, найденномъ въ Болгарахъ, начертано подобное же призываніе. Нечеткія буквы надписи и не твердое правописаніе не приносятъ большой чести грамотности золото-ордынскаго магика. Надпись можно читать слѣдующимъ образомъ (начиная съ той стороны, къ которой придѣлано ушко):

„Духи, херувимы"!

„Ангелы! Маляхиль! Недиса! Нехишадъ!"

„Хисая! Реббинкà!, Шарахія!".

„Астата! Кутмиръ! (или Кутрубъ), Ашарилъ!"

„Это большею частію кабалистическія имена или слова, значеніе которыхъ трудно объяснить, по искаженію ихъ и при необработанности мусульманской демонологіи, въ которую они перешли изъ еврейской каббалы (на что указываетъ и ихъ окончанія на „иль", еврейское „эль"-„боги"). Маляхиль—вѣроятно Малахіэль, кабалистическая анаграмма (темура) слова Михаэль (ангелъ воды), или Малькіэль, имя одного изъ подчиненныхъ Михаэля, также водяника; Ашариль можетъ быть водянымъ Цоріэль; Шораія составлено изъ двухъ еврейскихъ словъ, которыя значатъ „князь-господинъ". Остальныя слова повидимому другаго происхожденія. Изъ нихъ одно только извѣстно и то имя собаки: Кутмиръ была та собака, которая стерегла семь отроковъ въ пещерѣ (можетъ быть, этотъ вѣрный песъ и изображенъ на болгарскомъ амулетѣ); но и это слово написано такъ нечетко, что его можно пожалуй читать и Кутрубъ, а это имя какого-то игриваго демона (см. Herbelot, Bibl. Orient. s. v.)

Въ IV т. Зап. Археол. Общ. помѣщена статья П. В. Савельева „Описаніе двухъ металлическихъ зеркалъ съ арабскими надписями, найденныхъ близъ развалинъ Булгара".

Снимки съ этихъ зеркалъ доставлены въ музей Археол. Общества кн. М. П. Баратаевымъ.

Одно изъ зеркалъ имѣетъ куфическую надпись и относится къ X или XI в., другое съ надписью позднѣйшаго шрифта, покрайней мѣрѣ столѣтіемъ или двумя моложе перваго, можетъ быть, даже временъ Золотой Орды.

„Первое зеркало—круглое, безъ ручки, величиною въ діаметрѣ 3 вершк. Въ серединѣ два обращенныхъ въ разныя стороны четвероногихъ животныхъ съ птичьими лапами, съ крыльями, съ женскимъ лицомъ и ожерельемъ на шеѣ; оконечности крыльевъ подняты въ видѣ стебля надъ головою и оканчиваются цвѣткомъ; пустыя мѣста между передпихъ и заднихъ ногъ и между обоими животными замѣщены для симметріи арабесками. Френъ полагаетъ, что это животное представляетъ эль-Борака, кобылу съ женскимъ лицомъ, на которой, по преданію мусульманъ, Магометъ ѣздилъ на небо (1). Г. Ренò готовъ скорѣе признать этихъ сфинксовъ за другихъ баснословныхъ животныхъ, на которыхъ также ѣзжалъ и впередъ будетъ ѣздить Магометъ, мусульманскіе богословы помѣщаютъ ихъ въ раю, и описаніе ихъ наружности близко подходитъ къ изображенію на зеркалахъ (Reinaud, Monuments arabes, t. II, p, 395). Всего вѣроятнѣе, что эти сфинксы заимствованы мусульманами изъ миѳологіи другихъ народовъ, напр. древне-перской, вмѣстѣ съ разными ихъ преданіями. Какъ бы то ни было, это изображеніе—типическое на древнихъ зеркалахъ съ куфическими надписями“.

„Надпись обыкновенно бываетъ одна и таже, на арабскомъ языкѣ. Она гласитъ, какъ и на нашемъ зеркалѣ: Слава и долгоденствіе, счастіе и блескъ, возвышеніе и хвала, блаженство и высочество, власть и процвѣтаніе, могущество и божеская милость—владѣльцу его—навсегда. Эта общепринятая желательная фраза обыкновенно не содержитъ въ себѣ собственнаго имени, ни владѣльца, ни мастера,—обстоятельство, которое свидѣтельствуетъ, что такія зеркала выливались фабрикантомъ въ большемъ количествѣ „для публики“, и употребленіе ихъ было весьма распространено“.

---

(1) См. ниже «Бюларское городище».

„Гг. Френъ, Кастильони и Репо уже описывали подобныя зеркала. Экземпляръ кн. Баратаева отличается отъ описанныхъ тѣмъ только, что кромѣ полосы, заключающей въ себѣ надпись, имѣетъ такой же ширины край гладкій; на экземплярѣ Френа есть также ручка". (См. ниже „Бюларское городище"). Березинъ указываетъ на подобное описываемому зеркало, найденное въ развалинахъ Сарая, столицы Золотой Орды. Оно также съ куфическою надписью IX—XI стол., имѣетъ 3 вершка въ діаметрѣ, и любопытно по повторенію однихъ и тѣхъ же словъ въ шести поставленныхъ въ кругъ центра кружкахъ: „Слава, счастіе и долгоденствіе владѣльцу его". Эта надпись расположена въ двухъ строкахъ. Объ этомъ зеркалѣ упоминается въ III т. Зап. Археол. Общества.

Второе зеркало—круглое, грубой работы, безъ ручки. Въ серединѣ арабески или симметрически перевитыя кривыя линіи. На краю, кругомъ, арабская надпись почеркомъ несхи. Буквы довольно выпуклы, но отлились такъ слитно, что съ трудомъ можно отличить одну отъ другой. Однакожъ, судя по нѣсколькимъ, довольно явственнымъ словамъ, какъ то: „слава" и „владѣльцу его", должно заключить, что надпись не заключаетъ въ себѣ ничего иного, кромѣ обычной желательной формулы, съ надбавкою прилагательныхъ, въ такомъ родѣ: „Слава безконечная, счастіе вѣчное, жизнь долговѣчная, и пр. и пр.—владѣльцу его!"

Савельевъ указываетъ на магическое значеніе подобныхъ древнихъ зеркалъ: „Такъ напр. халифъ Аль-Хакемъ, въ концѣ X вѣка, употреблялъ въ Каирѣ магическія зеркала для застрахованія зданій отъ пожарныхъ случаевъ Наши казанскіе Татары такъ же кладутъ подобныя зеркала съ тою же цѣлію въ основаніе своихъ домовъ" (²).

„Наибольшая часть извѣстныхъ доселѣ старинныхъ металлическихъ зеркалъ съ арабскими надписями найдены въ курганахъ и почвѣ нашего отечества, въ Сибири и Поволжской сторонѣ, этихъ рудникахъ всякихъ восточныхъ древностей и монетъ. Судя по характеру куфическихъ письменъ, какими начертаны надписи, ихъ относятъ къ IX—

(²) См. ниже описаніе Френомъ зеркала, найденнаго въ Билярскѣ.

XI вѣку нашей эры,—эпохѣ торговыхъ сношеній народовъ Россіи съ халифатомъ, когда эти издѣлія багдадскихъ модъ привозились Арабами къ намъ на Волгу, вмѣстѣ съ другими статьями торговли. Такъ какъ въ первой четверти X вѣка вызваны были булгарскимъ царемъ изъ Багдада и прибыли въ Булгаръ разные мастера и художники, то очень вѣроятно, что потомъ дѣлались ими зеркала на манеръ багдадскій и въ самомъ Булгарѣ. И по паденіи булгарскаго государства отливались въ приволжскомъ краѣ подобныя же зеркала; но эти позднѣйшія подражанія тотчасъ можно распознать по шрифту надписей, который изъ куфическаго переходитъ въ новѣйшій, несхи. Татары Золотой Орды отливали свои зеркала по стариннымъ булгарскимъ образцамъ".

Въ протоколѣ Арх. Общества 30 дек. 1855 г. упоминается, что Н. А. Абрамовъ прислалъ въ даръ Обществу половину металлич. зеркала, найденнаго въ развалинахъ Булгара. Въ числѣ булгарскихъ вещей музея Казанск. унив., какъ выше показано, находится восемь обломковъ металлич. зеркалъ, они встрѣчаются и въ коллекціи г. Лихачева. Все это доказываетъ распространенность въ Булгарѣ этого рода вещей.

Кромѣ мусульманскихъ древностей по булгарской мѣстности находятъ, говоритъ г. Березинъ (138), старинные мѣдные и каменные образки русскіе; въ самой церкви есть древній мѣдный образъ. Сопровождавшій г. Березина въ путешествіи въ Булгаръ профессоръ Казанск. унив. Н. Н. Буличъ пріобрѣлъ старинный круглый образокъ Георгія побѣдоносца, мѣдный, очень неискусной работы.

Упоминаемый Березинымъ древній мѣдный образъ въ сельской церкви описалъ Свиньинъ (стр. 196, 197). „Въ церкви, говоритъ онъ, есть весьма замѣчательная древность, открытая лѣтъ за 40 въ развалинахъ Болгарскихъ: это мѣдный, вызолоченный образъ древней греческой работы; драгоцѣнность сія долго находилась въ рукахъ одного здѣшняго крестьянина и служила предметомъ особеннаго уваженія въ окружныхъ мѣстахъ, откуда безпрестанно стекались на поклоненіе сему образу усердные богомольцы. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе мѣстнаго начальства, и образъ приказано было перенесть въ церковь. Онъ имѣетъ около одного фута въ діаметрѣ и заключаетъ 10 изображеній свя-

тыхъ ликовъ, написанныхъ золотомъ по красному полю. Они расположены по пяти съ каждой стороны крестообразно и каждый нарисованъ на выпукломъ кружкѣ. Съ одной стороны въ срединѣ Іисусъ Христосъ, вверху Архангелъ Михаилъ, внизу Архангелъ Гавріилъ, съ правой стороны Богоматерь, а съ лѣвой Іоаннъ Креститель. На другой сторонѣ: въ срединѣ св. Козьма, возлѣ него св. Василій Великій и св. Николай, сверху св. Кириллъ, а внизу св. Даміанъ. Арабески, коими наполнены промежутки, выполнены съ величайшимъ искусствомъ и разнообразіемъ; но въ изображеніи ликовъ святыхъ видно, какъ и въ прочихъ византійскихъ произведеніяхъ живописи, недостаточное знаніе рисунка и перспективы. Но художники того вѣка превосходили новѣйшихъ въ химическомъ составѣ красокъ. Это доказываетъ и сія рипида; не смотря на то, что она столь долгое время находилась въ землѣ, повидомому въ известкѣ, и была подвержена дѣйствію всѣхъ стихій, краски и позолота на ней еще живы и довольно свѣжи. Образъ сей становится еще достопримѣчательнѣе, если будешь смотрѣть на него, какъ на свидѣтельство вѣроятности о существованіи греческаго монастыря въ стѣнахъ магометанскихъ Болгаръ!“

Въ числѣ булгарскихъ вещей музея Казанск. унив., какъ выше показано, находятся образъ Божіей Матери и обломокъ мѣднаго креста. Въ коллекціи А. Ѳ. Лихачева находится сабельный клинокъ, съ изображеніемъ на немъ Богоматери и греческой надписи (См. ниже).

Эти иконы и кресты должно считать принадлежавшими христіанскому населенію древняго мусульманскаго г. Булгара.

4. Коллекція А. Ѳ. Лихачева—каменныя орудія и оружіе, предметы изъ бронзы и мѣди. Каменный и бронзовый періоды Булгаріи. Новѣйшимъ и самымъ богатымъ собраніемъ булгарскихъ древностей въ настоящее время представляется принадлежащее А. Ѳ. Лихачеву въ Казани; это собраніе замѣчательно особенно потому, что составлено не только любителемъ, но и образованнымъ спеціалистомъ-знатокомъ, который опредѣляетъ значеніе пріобрѣтаемыхъ имъ вещей съ научной точки зрѣнія и старается сдѣлать свое собраніе извѣстнымъ ученому міру, описывая и ученымъ образомъ изслѣдуя его.

Въ Труд. I Арх. Съѣзда заявлено, что изъ Казани А. Ѳ. Лихачевъ прислалъ литографированные рисунки съ пред-

метовъ, найденныхъ въ развалинахъ Булгара. Двѣ таблицы представляютъ изображенія каменныхъ орудій, часть которыхъ принадлежитъ къ грубо-обтесаннымъ, другая часть орудій принадлежитъ уже ко второму періоду каменнаго вѣка—къ орудіямъ шлифованнымъ. Первыя вычислены: 1) наконечникъ отъ копья или дрота изъ весьма твердаго роговика, съ одной стороны замѣтны на немъ образовавшіеся дендриты; 2) орудіе особой формы изъ роговика—наконечникъ отъ копья, ножъ или скобелъ для выдѣлки кожъ; 3) три прямыя долота изъ кремня; 4) наконечникъ отъ стрѣлы изъ твердаго кремня; 5) наконечникъ отъ копья изъ кремня; 6) прямое долото изъ кремня; 7) клинъ или также долото изъ кремня. Между шлифованными предметами показаны: круглое долото изъ аспиднаго камня, по формѣ подобное встрѣчающемуся у Ворсо (Сѣв. Древн. № 18), и предметъ неизвѣстнаго назначенія, съ одного конца обломленный, сдѣланный изъ кварцовика и гладко отшлифованный, можетъ быть, онъ относится къ болѣе позднему времени.

Въ Трудахъ II Археол. Съѣзда напечатана интересная статья А. Ѳ. Лихачева „Бытовые памятники Великой Булгаріи“, въ которой авторъ представляетъ очеркъ культуры Великой Булгаріи и обозрѣніе памятниковъ народнаго быта Булгаръ, представляющее систематическое описаніе важнѣйшихъ предметовъ коллекціи автора, послужившей ему главнымъ матеріаломъ для опредѣленія булгарской культуры. Къ статьѣ приложено девять таблицъ съ изображеніемъ предметовъ коллекціи.

Г. Лихачевъ начинаетъ свое обозрѣніе съ каменныхъ орудій и оружія, указываетъ на предметы, о которыхъ заявлено въ Трудахъ I Археол. Общ.; сверхъ того—напрясли изъ жировика и оселки разныхъ величинъ и формъ, послѣдніе съ одного конца продыравлены, какъ будто для привѣшиванія; небольшой валунъ булыжнаго камня съ обоими истертыми концами, который могъ служить вмѣсто пестика при разстираніи хлѣбныхъ зеренъ на ручной мельницѣ; небольшой плоскій кусочекъ окаменѣлаго дерева, просверленный съ одного конца и могшій имѣть значеніе талисмана, вмѣстѣ съ назначеніемъ оттягивать ожерелья книзу.

Матеріалъ, изъ котораго выдѣланы орудія, говоритъ г. Лихачевъ, большею частію, мѣстный кремень, попадающійся въ мѣловой формаціи и доказательствомъ того, что они фа-

бриковались на мѣстѣ, могутъ служить стержни или nucleus'ы, остающіеся отъ откалыванія кусковъ кремня для орудій.

Относительно древности находимыхъ въ мѣстности Великой Булгаріи каменныхъ орудій г. Лихачевъ замѣчаетъ, что, кажется, имъ нельзя придавать той отдаленной древности, которую приписываютъ вообще европейскимъ предметамъ этого рода, ибо въ сосѣдней Азіи употребленіе каменныхъ орудій продолжалось очень долго, напр. въ Манджуріи до начала XI вѣка. Въ это время въ Булгарѣ употреблялись не только мѣдь и бронза, но и желѣзо, а потому каменный періодъ для Булгаріи можетъ быть отнесенъ, развѣ только къ первымъ вѣкамъ христіанства, если еще не позднѣе.

„Эти предметы большею частію выпахиваются въ полѣ, наровнѣ съ другими позднѣйшими памятниками быта; но точнѣйшее изслѣдованіе обстоятельствъ ихъ находокъ, быть можетъ, повело бы къ открытію, что они лежатъ ниже черноземнаго слоя земли и встрѣчаются не одни, а вмѣстѣ съ какими нибудь другими характеристическими предметами. Истинное ихъ отношеніе къ культурѣ Булгаръ не можетъ быть разъяснено безъ систематическаго разслѣдованія почвы ихъ содержащей (1); тѣже, которые были найдены по сіе время, пріобрѣтены у крестьянъ, неумѣвшихъ сообщить обстоятельствъ, сопровождавшихъ находку".

„Каменныя орудія въ почвѣ г. Булгара и его окрестностей попадаются наравнѣ съ мѣдными и желѣзными, и это обстоятельство крайне затрудняетъ при опредѣленіи дѣйствительнаго состоянія булгарской культуры. Невозможно допустить совмѣстнаго и одновременнаго употребленія всѣхъ трехъ родовъ орудій; но должно замѣтить, что бронзовыя орудія въ почвѣ Великой Булгаріи встрѣчаются рѣже, нежели каменныя. Основываясь на этомъ фактѣ, можно бы полагать, что въ Булгаріи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, періодъ собственно бронзовый, былъ очень кратковременный или, даже, его и вовсе не было, и отъ каменнаго вѣка переходъ совершился прямо къ желѣзному".

---

(1) Примѣръ подобнаго разслѣдованія почвы мѣстонахожденія двухъ каменныхъ орудій въ Свіяжск у. представляетъ г. Головкинскій. См. ниже «Правый берегъ Волги».

Нѣтъ возможности, какъ замѣчаетъ г. Лихачевъ, опредѣлить и этнографическіе признаки, принадлежность извѣстному народу не только каменныхъ орудій, но и другихъ предметовъ, находимыхъ на почвѣ Булгаріи; нельзя сказать: Булгары или же ихъ предшественники выдѣлывали встрѣчающіяся каменныя орудія.

„Бронзовый періодъ Великой Булгаріи не такъ отчетливо представленъ въ моей коллекціи, говоритъ г. Лихачевъ, какъ каменный, и хотя встрѣчаются предметы, носящіе на себѣ характеристическіе орнаменты, отличающіе издѣлія бронзоваго періода отъ бронзовыхъ же предметовъ періода желѣзнаго, но они, сравнительно, не очень многочисленны. Бронзовыя орудія и оружіе, какъ-то: топоры, ножи, кинжалы, мечи, наконечники стрѣлъ и копій и пр., въ развалинахъ Булгара еще не были находимы на моей памяти, хотя мнѣ извѣстно, что подобные предметы находили въ Пермск. губ. и на Уралѣ. Въ извѣстномъ Ананьинскомъ могильникѣ, близъ г. Елабуги, Вятск. губ., также находили бронзовые топоры и наконечники копій и стрѣлъ. Исторически эта мѣстность нѣкогда должна была входить въ область Вел. Булгаріи; однакоже предметы древняго быта, тамъ находимые, во многихъ отношеніяхъ различествуютъ отъ находимыхъ въ Казанск. губ., гдѣ, какъ уже сказано, еще не попадались бронзовые топоры и наконечники стрѣлъ“. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 21) Лихачевъ замѣчаетъ, что „случалось слышать, будто въ Казанск. губ., гдѣ-то, когда-то и кто-то находилъ бронзовые наконечники стрѣлъ. Всѣ такія извѣстія кажутся очень сомнительными, въ виду того факта, что какъ не стараюсь я добыть въ Вел. Булгаріи бронзовыхъ наконечниковъ, еще до сихъ поръ не удалось найти ни одного“. „Правда, объясняетъ г. Лихачевъ (стр. 14), что встрѣчающіеся въ Казанск. губ. курганы еще не были изслѣдованы; и, быть можетъ, они скрываютъ въ себѣ древности, подобныя тѣмъ, которыя открыты въ Ананьинскомъ могильникѣ“.

„Изъ числа наиболѣе интересныхъ бронзовыхъ предметовъ, найденныхъ въ Билярскѣ и Булгарѣ, и хранящихся въ моей коллекціи, говоритъ г. Лихачевъ, я имѣю только одно бронзовое долото, одинъ наконечникъ отъ копья изъ красной мѣди, три бронзовыя шишки отъ булавы, различно отграненныя и бронзовыя ножны отъ маленькаго ножичка. Изъ другихъ предметовъ, отличающихся характеристическими узо-

рами, въ видѣ кружка съ точкой въ центрѣ, въ моей коллекціи находятся: прекрасная бронзовая шпилька, фрагментъ бронзовой ложки, отломокъ бронзовой пластинки, висячій замочекъ въ видѣ собачки и множество другихъ, въ видѣ лошадки; фрагментъ тонкой бронзовой пластинки, украшенной концентрическими кружками на фонѣ изъ параллельныхъ линій; фрагментъ пластинки, украшенной городками и точками, и такой же —городками изъ точекъ. Кромѣ того попадаются предметы съ орнаментами въ видѣ малыхъ кружечковъ, напр., одна половинка маленькихъ щипчиковъ и браслеты. Орнаментъ въ видѣ концентрическихъ кружковъ, или кружка съ точкой по срединѣ обыкновенно считается самымъ характеристичнымъ для издѣлій бронзоваго періода. Но едва ли онъ можетъ служить характеристикой какой либо эпохи, ибо мы встрѣчаемъ его въ употребленіи въ разныя времена и у различныхъ народовъ, и онъ не всегда употреблялся, исключительно, на бронзовыхъ издѣліяхъ; встрѣчается даже на желѣзныхъ предметахъ, въ видѣ инкрустацій серебра и золота. Самыя вещи изъ бронзы, находимыя, какъ на территоріи прежней Вел. Булгаріи, такъ и по всей Россіи, на которыхъ встрѣчаются упомянутые орнаменты, русскіе археологи относятъ, большею частію, къ X стол., тогда какъ западные археологи такимъ предметамъ обыкновенно приписываютъ древность доисторическую".

„Въ Булгаріи, говоритъ г. Лихачевъ, мѣдь и бронза употреблялись въ изобиліи, и въ особенности послѣдняя, являющаяся въ различнаго вида сплавахъ, изъ которыхъ всего болѣе встрѣчается зеркальный сплавъ и обыкновенная, золотистаго цвѣта бронза. Какъ извѣстно, бронза составлялась изъ смѣси мѣди съ оловомъ и, сообразно тому, въ какихъ пропорціяхъ смѣшивали эти металлы, сплавы выходили разнообразными по своимъ свойствамъ и наружному виду. Зеркальный сплавъ, отъ преобладанія олова, получалъ темносѣрый цвѣтъ, похожій на цвѣтъ стали, въ силу чего, зеркала иногда, неправильно, называютъ булатными. Сплавъ этотъ весьма хрупокъ и потому очень рѣдко встрѣчаются зеркала въ совершенной цѣлости, но большею частію въ обломкахъ, разбитыя, и въ этомъ видѣ они попадаются весьма часто. Употребленіе ихъ въ Булгаріи повидимому было всеобщее, ибо ихъ находятъ во всѣхъ мѣстностяхъ страны, гдѣ были большія поселенія или города, но всего болѣе они встрѣ-

чаются въ самомъ Булгарѣ. Величина ихъ бывала различна: самый большій размѣръ изъ находящихся въ моей коллекціи зеркалъ доходитъ почти до 3 вер. въ діаметрѣ; самыя меньшія—$^3/_4$ вер., форма всегда круглая; но у иныхъ очертаніе круга не всегда выдѣлано отчетливо. Одна сторона этихъ зеркалъ представляетъ совершенно гладкую, тщательно отполированную поверхность, другая всегда украшена какими нибудь орнаментами, къ которымъ иногда присовокуплялись и надписи на арабскомъ языкѣ куфическимъ шрифтомъ, содержащія обыкновенно различныя пожеланія всѣхъ благъ міра обладателю зеркала. На одномъ фрагментѣ отъ зеркала находится изображеніе фантастическаго эль-Борака: подобныя зеркала были уже не разъ описываемы. На другомъ зеркалѣ представлены бѣгущими другъ за другомъ: барсъ, заяцъ, собака и кроликъ. Замѣчательно на одномъ обломкѣ зеркала изображеніе животнаго, какъ кажется, соболя или, быть можетъ, лисицы: по грубости и примитивности исполненія, также какъ и по сюжету, это зеркало есть туземное, булгарское произведеніе. На другихъ зеркалахъ замѣчательны изображенія двухъ рыбъ—можетъ быть, знакъ зодіака. Рыбы довольно часто играли роль орнаментовъ на зеркалахъ, и даже булгарскіе мастера пытались ихъ изображать на зеркалахъ своей фабрикаціи: ихъ произведенія отличаются отъ иностранныхъ тѣмъ, что изображенія животныхъ они передавали лишь очеркомъ, повидимому еще не умѣя рѣзать формы такъ, чтобы выходилъ правильный рельефъ. Зеркала съ изображеніями и надписями имѣютъ высокій ободокъ, служившій для предохраненія ихъ отъ порчи, когда зеркало клали на оборотную сторону; но это относится только до зеркалъ привозныхъ, потому что зеркала туземнаго, булгарскаго произведенія такого ободка не имѣютъ. Въ центрѣ обратной стороны, покрытой болѣе или менѣе орнаментами, у нѣкоторыхъ зеркалъ, находится скобка съ отверстіемъ для продѣванія снурка, изъ чего можно заключить, что ихъ носили у пояса. На другихъ же, съ краю, отливалось ушко съ продольнымъ отверстіемъ и такія зеркала можно было вѣшать на стѣну. Но чаще встрѣчаются зеркала безъ всякихъ подобныхъ приспособленій и эти, безъ сомнѣнія, носились, просто въ карманѣ. Лучшія и роскошнѣйшія, по отдѣлкѣ, зеркала привозились въ Булгарію съ Востока и между ними попадаются даже съ китай-

скими надписями и орнаментами. Но другія, простѣйшія, навѣрно, дѣлались въ самомъ г. Булгарѣ; встрѣчаются выдѣланныя изъ жировика и опоки формы для отливки зеркалъ".

„Изъ другихъ бронзовыхъ издѣлій, производившихся на мѣстѣ, въ Булгаріи, особеннаго вниманія заслуживаютъ предметы убранства, выдѣланные изъ мѣдной и бронзовой проволоки, на манеръ филагранновыхъ работъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Стиль этихъ работъ очень древній, ибо чаще всего здѣсь встрѣчается спиральный орнаментъ, въ видѣ улитки, характеризующій предметы бронзоваго періода. Для примѣра можно указать на привѣски, имѣющіе сходство съ находимыми въ Венгріи древностями. Фибула, или грудная застежка изъ литой проволоки особенно замѣчательна по тщательности исполненія, къ ней прикрѣплены, похожія на колокольчики привѣски на цѣпочкахъ, весьма замѣчательныхъ по фасону, который повторяется и на другихъ украшеніяхъ. Иногда характеръ бронзовой филиграни выраженъ еще опредѣленнѣе, посредствомъ напаиванія шариковъ, соединенныхъ въ пирамидки, и ближе подходитъ къ золотой, и серебряной филиграни, напр. грудная застежка; здѣсь фасонъ цѣпочекъ тотъ же; но привѣски имѣютъ видъ гусиныхъ лапокъ, болѣе или менѣе ясно обозначенныхъ. Вообще, большая часть предметовъ убранства изъ бронзы и мѣди выдѣлывались на мѣстѣ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ весьма примитивный характеръ и походятъ на предметы изъ свайныхъ построекъ; напр. браслеты, перстни изъ толстой бронзовой проволоки, свитой спиралью, при чемъ иногда проволока сваривалась на огнѣ, до спаиванія. Нѣкоторые перстни, другой формы, имѣютъ сходство съ найденными въ Лифляндіи. Есть и такіе, которые устроивались совершенно такъ, какъ упоминаетъ Крузе (Necrolivonica) т. е. они выдѣлывались изъ довольно толстой мѣдной пластинки и, вмѣсто спаиванія, концы ея спиливались такъ, что заходили плотно одинъ на другой, и такимъ образомъ могли надѣваться на пальцы различнаго объема".

„Изъ другихъ бронзовыхъ предметовъ особеннаго вниманія заслуживаетъ одинъ, назначеніе котораго загадочно. Онъ представляетъ маску человѣческаго лица, отлитую съ шеей en face; но съ боковъ этой маски находятся еще двѣ маски, въ профиль, глаза которыхъ просверлены, безъ сом-

нѣнія для того, чтобы вбить гвозди, или продѣть снурокъ. Боковые стороны профилей сглажены и обдѣланы чисто, какъ будто онѣ прилаживались къ другому такому же предмету; верхній край, надъ лбомъ, неровенъ и шероховатъ. Характеръ лица, какъ ни грубо выдѣланы его черты, кажется, изобличаетъ тюркскій типъ и напоминаетъ собою нѣкоторыя чувашскія лица. По всѣмъ соображеніямъ вещь эта должна быть отнесена къ мѣстнымъ булгарскимъ произведеніямъ; но назначеніе ея трудно опредѣлить. Конечно, она могла имѣть значеніе идола, хотя очень странно, что отъ него сохранилась только одна голова, безъ туловища. Впрочемъ въ моей коллекціи имѣется дѣйствительный идолъ, отлитый изъ красноватой бронзы, у котораго недостаетъ ступней и голеней ногъ, до колѣна, правой руки по локоть и головы съ шеей; около шеи есть дырочки, доказывающія, что голова, изъ тогоже металла, или инаго матеріала, пришивалась къ туловищу проволокой или чѣмъ другимъ. Формы туловища довольно примитивно исполнены, хотя и замѣтна нѣкоторая попытка приблизиться къ естественнымъ формамъ. Идолъ мужескій и полъ его охарактеризованъ очень рельефно. Онъ былъ найденъ въ Билярѣ". Въ примѣч. г. Лихачевъ говоритъ: „Я имѣлъ возможность убѣдиться, впослѣдствіи, что голова эта дѣйствительно отломана отъ идола, и. ч. мнѣ случилось видѣть цѣлый подобный идолъ съ тремя лицами, найденный, по словамъ того, кто мнѣ его показалъ, въ Самарск. губ. Я замѣтилъ, что въ немъ соединялись особенности обоихъ моихъ идоловъ, т. е. трехличная голова и туловище съ одной лѣвой рукой и ногами только до колѣнъ, но типъ лица былъ иной, скорѣе южный, нежели сѣверный: большіе глаза и носъ выгнутый, орлиный. Отливка этого идола чище, нежели моихъ. Можетъ быть, булгарскій идолъ, отъ котораго осталась только голова, былъ воспроизведенъ съ подобнаго иноземнаго идола".

„Слѣдуетъ упомянуть также о бронзовыхъ печатяхъ, съ рельефно-отлитыми и послѣ гравированными рѣзцемъ, изображеніями: съ одной стороны фантастическаго звѣря, въ видѣ льва; съ другой—двухъ цаплей, сидящихъ на деревѣ, съ обращенными другъ къ другу головами. Г. Эйхвальдъ приписываетъ подобному изображенію большую древность, ибо оно встрѣчалось на Алтаѣ, въ чудскихъ могилахъ.

Въ моей коллекціи эта печать имѣется въ двухъ экземплярахъ".

„Какъ въ странѣ, по преимуществу, торговой, въ Вел. Булгаріи часто встрѣчаются принадлежности вѣсовъ: различной величины бронзовыя чашечки съ отверстіями по краямъ для снурковъ или цѣпочекъ и, различнаго вида и тяжести, бронзовыя гирьки, иногда со знаками; нѣкоторыя изъ гирекъ своей формой напоминаютъ изображенныя у Крузе (Necrolivonica); но отношеніе ихъ вѣса между собою еще не удалось опредѣлить".

„Между древностями изъ бронзы и мѣди встрѣчаются также и сосуды, какъ-то: котелки, кунганы, ведерки, чаши, чарки, лампы и пр., и, конечно, простѣйшіе ихъ виды, большею частію выдѣлывались на мѣстѣ. Но встрѣчаются также обломки бронзовыхъ чашъ высокой работы, тонко отлитыхъ и прекрасно гравированныхъ, иногда съ серебряной и золотой инкрустаціей; эти предметы безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ считать привозными".

При обозрѣніи издѣлій изъ кости, въ связи съ подобными костяными вещами, г. Лихачевъ указываетъ баранью игральную кость, отлитую изъ бронзы, совершенно сходную съ античными бронзовыми игральными костями, и еще какой-то неизвѣстный предметъ изъ бронзы, очень похожій на игрушку. При обозрѣніи издѣлій желѣзныхъ, упоминаются ножи съ рукоятками изъ бронзы.

Въ заключеніе обозрѣнія бронзовыхъ издѣлій г. Лихачевъ говоритъ, что вообще бронзовыя древности Вел. Булгаріи напоминаютъ, отчасти, подобные предметы изъ свайныхъ построекъ и обнаруживаютъ всего болѣе аналогіи съ древностями Венгріи и Лифляндіи.

5. **Замѣтка о сѣверо-восточной границѣ Булгарскаго царства.** „О сходствѣ бронзовыхъ издѣлій, находимыхъ въ Булгарск. области, съ пермскими и вятскими древностями было-бы излишне упоминать, говоритъ г. Лихачевъ, такъ какъ весьма правдоподобно, что территорія теперешней Пермск. губ., быть можетъ, до самаго Урала, входила въ область Вел. Булгаріи, а Чертово городище и Ананьинскій могильникъ близъ г. Елабуги, Вятск. губ. даже и самое народное преданіе относитъ къ Булгарскому царству".

Въ другомъ мѣстѣ (прим. I, стр. 38, 39) г. Лихачевъ говоритъ, что границы Вел. Булгаріи въ древности, вѣроятно захватывали, если не всю, то большую часть Пермск. губ., что можетъ быть доказано и сходствомъ предметовъ древняго быта, находимыхъ въ Казанск. и Пермск. губерніяхъ.

Я предполагаю, что границы Булгарск. царства здѣсь представлены далѣе дѣйствительно существовавшихъ, трудно согласиться, чтобы нынѣшнія Вятск. и Пермск. губерніи входили въ составъ этого царства. Доказательствомъ принадлежности этихъ восточныхъ земель къ Булгарск. ц., по неимѣнію болѣе точныхъ указаній, могло бы быть господство въ предполагаемыхъ булгарскихъ земляхъ тойже народности и тойже культуры, которыя замѣчаются въ центрѣ Булгарск. царства; но въ послѣднемъ, какъ принимаетъ самъ г. Лихачевъ, господствующимъ элементомъ населенія были тюрки; а въ Вятск. и Пермск. губ. древнѣйшимъ населеніемъ, одновременнымъ съ Булгарск. царств., было исключительно финское: Вотяки, Пермяки, Зыряне, Остяки, Вогулы. Между этими инородцами не замѣтно никакихъ слѣдовъ ислама, который былъ отличительнымъ признакомъ Булгарскаго царства. Какія же данныя заставляютъ считать эти далекія восточныя земли Булгарскимъ царствомъ?

Указываемое г. Лихачевымъ преданіе о Чертовомъ городищѣ около Елабуги въ Вятск. губ., принадлежавшемъ Булгарскому царству, не даетъ право распространять предѣлы этого царства на нынѣшнюю Пермск. губ. до Уральскихъ горъ. Изъ нынѣшней Вятской губерніи къ Булг. царству могла относиться только южная часть.

Сходство предметовъ, находимыхъ въ центрѣ Булгарской земли и въ Вятской и Пермск. губерніяхъ, имѣетъ такое же значеніе, какъ и сходство предметовъ, находимыхъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ Казанской, Владимірской и Лифляндской. Самъ г. Лихачевъ справедливо замѣчаетъ, что нельзя сдѣлать точныхъ хронологическихъ и этнографическихъ опредѣленій предметовъ, находимыхъ въ Булгаріи, а понятіе о Булгарскомъ царствѣ, по моему мнѣнію, представляется довольно опредѣленнымъ въ смыслѣ хронологическомъ и отчасти этнографическомъ, а тѣмъ болѣе въ культурномъ, разумѣя подъ послѣднимъ исламъ.

Г. Лихачевъ принадлежность нынѣшней Пермск. губ. къ Булг. царству основываетъ на сходствѣ предметовъ, находимыхъ въ Казанск. и Пермск. губерніяхъ; но въ другомъ, вышеприведенномъ мѣстѣ, онъ самъ говоритъ, что предметы даже ближайшей, сравнительно съ Пермск. губ., мѣстности— Ананьинскаго могильника, во многихъ отношеніяхъ различествуютъ отъ находимыхъ въ Казанск. губ.

Я предполагаю, что вещи Ананьинск. могильника и другихъ мѣстностей Вятской и Пермской губерній принадлежатъ эпохѣ болѣе отдаленной, нежели Булгарское царство. Я соглашаюсь съ покойнымъ Невоструевымъ, который въ статьѣ „Ананьинскій могильникъ“ замѣчаетъ ([2]), что „не нужно почти и говорить, что могильникъ на территоріи, впослѣдствіи входившей въ составъ древне Болгарскаго и Казанскаго царствъ, не относится ко временамъ ни того ни другого. Изъ рисунковъ и описаній у Березина и другихъ, равно и слѣпковъ и подлинниковъ, имѣющихся въ Московскомъ музеѣ, видно, что вещи, найденныя въ развалинахъ Булгара на Волгѣ и Билярскѣ, сравнительно съ Ананьинскими древностями, имѣютъ совсѣмъ другой характеръ и форму—позднѣйшаго времени“.

Вопросъ можетъ быть только въ томъ, распространялись ли предѣлы той культуры, представителемъ которой является Ананьинскій могильникъ, на территорію позднѣйшаго Булгарскаго царства, т. е. является тотъ вопросъ, который ставитъ и самъ г. Лихачевъ: принадлежали ли многія находимыя въ Булгарѣ вещи Булгарамъ или предшествовавшимъ имъ въ этой территоріи народамъ? Но для разрѣшенія этого вопроса въ настоящее время не достаетъ данныхъ. Болѣе тщательное изученіе предметовъ, находимыхъ въ древней Булгаріи, и систематическая раскопка находящихся здѣсь кургановъ, можетъ быть, какъ предполагаетъ и г. Лихачевъ, приведутъ къ разрѣшенію этого вопроса.

6. **Коллекція А. Ѳ. Лихачева — предметы изъ желѣза, золота и серебра.** „Желѣзо булгарскихъ издѣлій, говоритъ г. Лихачевъ, вообще отличается чистотой и вязкостью металла. Стиль этихъ древностей особенный, благодаря, можетъ быть, вышеупомянутому свойству металла: въ

([2]) Труды I Арх. Съѣзда., стр. 628.

тонкихъ и, даже, довольно толстыхъ прутьяхъ онъ перекручивался, на подобіе спурка или веревки. Это обстоятельство, тоже, не показываетъ ли на переходную эпоху отъ бронзы къ желѣзу, ибо орнаментъ, въ видѣ спурка и спирали, чаще всего употреблялся въ бронзовыхъ издѣліяхъ? Такимъ способомъ сдѣланы многіе предметы, находящіеся въ моей коллекціи и, между прочимъ, двѣ цѣпи для вѣшанія котла въ чумахъ или юртахъ: онѣ состоятъ одна изъ 16, а другая изъ 11 продолговатыхъ звѣньевъ, цѣпляющихся одно за другое. Обѣ цѣпи, въ общей длинѣ почти равны: въ первой $2^1/_2$ арш., во втор. $2^1/_4$ арш. и работа послѣдней искуснѣе: эта цѣпь была найдена верстахъ въ 30 отъ Булгара, при распахиваніи пови изъ-подъ срубленнаго строеваго, сосноваго лѣса и потому самая древность ея должна быть относима къ значительно отдаленной эпохѣ. Подобный стиль работы представляетъ сковорода съ длинной ручкой, перекрученной въ видѣ снура и на трехъ ножкахъ".

Изъ числа полевыхъ земледѣльческихъ орудій г. Лихачевъ указываетъ мотыку, такой или довольно схожей формы съ тѣми, какія еще и нынѣ употребляются въ Средн. Азіи; лемехъ отъ небольшаго плуга; серпы и косы особой формы, не походящей на нынѣ употребляемыя. Топоры встрѣчаются въ значительномъ числѣ разныхъ размѣровъ, разнообразной формы, сходны съ найденными въ мерянскихъ могилахъ, нѣкоторые топоры продыравлены близъ лезвія.

Изъ оружія встрѣчаются еще небольшіе ножи.

„Иногда находятъ въ Булгарѣ и то странное оружіе, о четырехъ острыхъ шпилькахъ, расположенныхъ такъ, что какъ ни бросишь предметъ, всегда одна шпилька остается вертикальной; подобное оружіе, служившее для спѣшиванія непріятельской конницы, употреблялось и въ Россіи, подъ названіемъ рогульки, каракульки и рогатки".

Наконечниковъ стрѣлъ въ коллекціи Лихачева встрѣчается до 25 видовъ, многіе очень похожи на мерянскіе. „Замѣчательно, что нѣкоторые наконечники стрѣлъ своими формами и размѣрами напоминаютъ таковые же изъ бронзы; но всегда четырехгранные: трехгранныхъ еще не встрѣчалось. Всѣ желѣзные наконечники отличаются отъ бронзовыхъ способомъ прикрѣпленія къ древку: у бронзовыхъ всегда бывала втулка, въ видѣ трубочки, надѣвавшаяся на древко; у желѣзныхъ же длинный и тонкій, въ видѣ шпильки,

конецъ которой вкладывался въ расщепленный конецъ древка и заматывался проволокой, жилой или щиткой и т. п., которыя послѣ обмазывались смолой".

„Наконечники копій встрѣчаются разныхъ формъ; по степень ихъ древности трудно опредѣлить потому, что и пограничная русская стража имѣла подобное вооруженіе въ XVII и XVIII ст.".

„Изъ двухъ сабельныхъ клинковъ, почти одинаковой формы, съ незначительными различіями, одинъ имѣетъ на себѣ изображеніе Богоматери съ Предвѣчнымъ младенцомъ и греческую надпись, насѣченныя золотомъ; по шрифту буквъ, онъ можетъ быть отнесенъ къ X вѣку и безъ сомнѣнія зашелъ въ Булгарію изъ Византіи. Другой — имѣетъ насѣчки серебромъ и золотомъ, въ видѣ рунъ, которыя отчасти походятъ на скандинавскія".

Далѣе г. Лихачевъ указываетъ на кольчуги, которыя, по свидѣтельству Ибнъ Даста, носили всѣ Булгары, и которыя, по свидѣтельству Мукаддеси, вывозили изъ Булгаріи, какъ товаръ; это ведетъ къ предположенію, что кольчуги выдѣлывались самими Булгарами. Въ коллекціи двѣ кольчуги, изъ которыхъ одна очень тяжелая и съ продольнымъ разрѣзомъ спереди; другая цѣльная и легкая, составленная изъ мелкихъ и тонкихъ колечекъ. У первой кольчуги выдѣланы ластовки, какъ бываетъ у русскихъ, чувашск. и мордовск. рубашекъ.

Г. Лихачевъ упоминаетъ объ одномъ странномъ клинкѣ, который напоминаетъ извѣстіе Андалуса о какихъ-то простыхъ клинкахъ, вывозимыхъ Булгарами къ Югрямъ, для рыболовства.

Изъ предметовъ домашней утвари встрѣчаются замки, большею частію висячіе; нѣкоторые изъ нихъ воспроизводятъ формы бронзовыхъ замковъ, но на нихъ не встрѣчается характеристическаго орнамента: кружка съ точкой въ центрѣ; механизмъ замковъ и устройство ключей походятъ на бронзовые. Въ большинствѣ случаевъ замки и ключи отъ нихъ похожи во всемъ на мерянскіе.

„Особеннаго вниманія заслуживаютъ ножницы примитивнаго устройства, состоящія изъ двухъ половинъ, соединенныхъ шпенькомъ, но безъ колецъ для продѣванія пальцевъ; также очень грубой работы щипчики для выдергиванья волосъ и небольшой, хорошо сохранившійся, ножи-

чекъ, выдѣланный цѣльно съ лезвіемъ и рукоятью, и формою напоминающій подобныя орудія изъ бронзы".

„Попадаются и другія предметы изъ желѣза, иногда неизвѣстнаго назначенія, и, быть можетъ, служившіе орудіями для какихъ нибудь производствъ".

Встрѣчаются изъ желѣза и предметы убранства: перстни и кольца, формы которыхъ близки къ бронзовымъ перстнямъ, но выдѣлка ихъ грубѣе; пряжки, бусы или пронизки.

Попадаются вещи и изъ литаго желѣза, какъ напр. родъ гири, въ видѣ висячаго замка. Желѣзные гвозди бывали тщательно выдѣланы и съ высокой четырегранной головкой.

Переходя къ обозрѣнію предметовъ изъ золота, г. Лихачевъ утверждаетъ, что многія золотыя вещи были мѣстной работы, это подтверждается сохранившеюся доселѣ въ Булгарѣ надгробною надписью, на которой поименованъ: „Золотыхъ дѣлъ мастеръ Шагидулла, сынъ Мусы". Нѣкоторые предметы, какъ предполагаетъ г. Лихачевъ, выдѣлывались изъ уральскаго золота, употребленнаго безъ очистки отъ другихъ ему обыкновенно соприсутствующихъ металловъ; впрочемъ, „положительно сказать этого нельзя, ибо химическихъ изслѣдованій не было произведено".

„Наиболѣе интереснымъ предметомъ, изъ золотыхъ украшеній, должно считать массивное кольцо изъ толстой, чистаго золота, проволоки, согнутой спиралью, безъ всякихъ орнаментовъ и безъ полировки. Вѣситъ оно 4 зол. и объемъ его такъ малъ, что или оно было съ руки ребенка, или его носили на мизинцѣ ноги. Эта, очевидно, древняя форма перстня вынуждаетъ поставить его во главѣ золотыхъ вещей, найденныхъ въ Булгаріи и считать его относящимся къ началу бронзоваго періода Булгаріи, если можетъ быть положительно доказано, что таковой тамъ существовалъ. Другая замѣчательная вещь—это золотая пластинка, въ видѣ цвѣтка о шести лепесткахъ, съ рельефнымъ орнаментомъ, соотвѣтствующимъ фигурѣ пластинки, которая по наружному краю, въ промежуткахъ между лепестками, продырявлена для нашиванія на одежду. Подобныя пластинки или „дробницы" бывали находимы въ Скиоскихъ могилахъ. Третья вещь есть привѣска, быть можетъ падѣвавшаяся на ожерелье или серьгу; на ней примѣчателенъ орнаментъ, въ видѣ трилистниковъ, окруженной камкой, сдѣланной городками. Затѣмъ

слѣдуетъ упомянуть о бляхѣ съ головнаго убора, отчасти напоминающей тохьи чувашскихъ женщинъ. Замѣчательно, что эта форма бляхи съ головнаго убора, повторяется въ серебрѣ и бронзѣ, что, конечно, указываетъ на общую распространенность этой моды между всѣми классами булгарскаго населенія. Браслеты выдѣлывались изъ чистаго золота, до того мягкаго, что ихъ можно было распибать и сгибать по рукѣ. Одни изъ нихъ украшены „скапной“ работой; на другихъ къ этой работѣ прибавлялась „чернь“. Между перстнями особеннаго вниманія заслуживаетъ небольшой перстень съ овальной печатью, на которой вырѣзано вглубь изображеніе фантастическаго животнаго, съ загнутою назадъ головою и съ поднятымъ хвостомъ: работа грубая, примитивная; металлъ—чистое золото, безъ полировки. Остальные перстни выражаютъ различные стили; нѣкоторые изъ нихъ напоминаютъ формами такъ называемые древне-русскіе перстни, другіе могутъ быть отнесены къ арабскому стилю. Есть одинъ очень большой перстень, съ рельефнымъ изображеніемъ дракона; онъ цѣликомъ отлитъ въ форму, и быть можетъ, китайскаго происхожденія. Одинъ перстень имѣетъ шатонъ, выдѣланный очень изящно, изъ филиграни. Камни, вставлявшіеся въ шатоны, не принадлежатъ къ числу очень дорогихъ; иногда же, за неимѣніемъ настоящихъ камней, вставлялись поддѣльныя, напр. подъ бирюзу, изъ стекла голубаго цвѣта; изрѣдка встрѣчаются и болѣе дорогіе камни. Кромѣ черни и драгоцѣнныхъ камней, для отдѣлки украшеній изъ золота и серебра, употреблялись и другіе эмалевые, стекловатые, разноцвѣтные сплавы“.

„Въ томъ, что нѣкоторыя издѣлія изъ серебра выдѣлывались на мѣстѣ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ серебро часто попадается въ видѣ лома, не большихъ кусочковъ и слитковъ, и, кромѣ того, находятъ формы для отливки. Изъ украшеній всего болѣе обращаютъ на себя вниманіе издѣлія, въ видѣ шейныхъ обручей и браслетовъ, плетенныхъ изъ толстой серебряной проволоки. Подобныя имъ помѣщены у Ворсо, между предметами желѣзнаго вѣка. Издѣлія изъ филиграни довольно многочисленны и одни изъ нихъ исполнены тяжеловато и грубо, другія—изящно и тонко. Первыя, безъ сомнѣнія, выдѣлывались въ Булгаріи; другія, встрѣчающіяся гораздо рѣже, привозились съ Востока и, быть можетъ, изъ Индіи, ибо они весьма напоминаютъ

подобныя индѣйскія издѣлія. Замѣчательны браслеты изъ очень толстой мѣдной проволоки, обвитыя спиралью изъ тонкой серебряной проволоки; а также кольца изъ толстой серебряной проволоки, согнутой спиралью. Серьги бывали различныхъ видовъ и формъ, одинѣ изъ нихъ напоминаютъ стиль восточный, другія такъ называемую древне-русскую форму. Перстни также бывали очень разнообразны; иногда шатоны состояли изъ одной только филиграни, безъ камня: подобныя имъ были находимы во Владимірск. губ. Нѣкоторые перстни напоминаютъ древніе русскіе. Бока шатона и наружная поверхность пластинки кольца бывали украшены сквозными и рельефными орнаментами; между послѣдними встрѣчается одинъ, заслуживающій особаго вниманія: это „двойная волюта“, помѣщенная въ продолговатыхъ квадратикахъ на пластинкѣ кольца. Кажется, покамѣсть это еще единственный примѣръ употребленія этого характернстичнаго, для предметовъ бронзоваго періода, орнамента на издѣліяхъ изъ серебра. Другія кольца, формами, близки къ бронзовымъ и золотымъ, въ которыхъ замѣтенъ восточный стиль. Издѣлія изъ серебра съ чернью были уже въ большомъ употребленіи въ Булгаріи и перстни съ черневой накладкой имѣютъ даже особенный стиль. Судя по грубости исполненія и примитивности орнамента, можно полагать, что̀ и эти черневыя издѣлія производились въ Булгаріи. Для пошенія на ожерельяхъ изъ бусъ употреблялись также медальоны изъ серебряныхъ монетъ, за неимѣніемъ которыхъ, изготовляли круглыя и четыреугольныя серебряныя бляхи съ ушкомъ. Сохранились формы для отливки подобныхъ украшеній, съ вырѣзанными на одной изъ сторонъ довольно простыми орнаментами. Изъ серебра отливались также довольно тяжелые привѣски, овальновыпуклой формы съ ушкомъ, которые служили для оттягиванія ожерелья на грудь. Сохранилась одна подобная форма, выдѣланная изъ опоки. За неумѣніемъ производить тонкія и искусныя работы изъ филиграни, привозимыя съ Востока, Булгары иногда воспроизводили ихъ отливкой: въ моей коллекціи находится форма для отливки серьги, весьма похожая на одну изъ найденныхъ Савельевымъ во Владимірск. губ. и гр. А. С. Уваровымъ въ Мерянскихъ кладбищахъ. Изъ другихъ серебряныхъ издѣлій слѣдуетъ упомянуть объ украшеніяхъ съ конской сбруи, выдѣланныхъ изъ тонкихъ серебряныхъ бляхъ круг-

лыхъ и продолговато-четыреугольныхъ, на которыхъ выштампованъ узоръ въ видѣ концентрическихъ кружковъ и отчасти, какъ подражаніе филиграни, вычеканенъ узоръ въ видѣ пирамидъ изъ шишечекъ".

7 **Коллекція А. Ѳ. Лихачева—издѣлія изъ кости и керамическія.** „Болѣе всего попадаются принадлежности отдѣлки изъ кости мамонтовой, слоновой и моржовой, съ рукоятокъ ножей или небольшихъ кинжаловъ. Онѣ большею частію сдѣланы изъ бѣлой кости, но попадаются и изъ черной. Инструментъ изъ мамонтовой кости, въ родѣ небольшаго ножа, съ закругленнымъ концомъ; длина его ок. 3 вер., онъ имѣетъ клинообразную форму: назначеніе его совершенно загадочно. Еще болѣе загадочно назначеніе другаго предмета, изъ моржевой кости, имѣющаго видъ инструмента съ плоской рукояткой, по бокамъ прихотливо вырѣзанной зубцами и украшенной съ обѣихъ сторонъ орнаментомъ кружка съ точкой въ центрѣ. Самый инструментъ выдѣланъ крючкообразно, на подобіе зуба, или когтя животнаго и помѣщенъ на передпемъ концѣ рукоятки; на заднемъ же ея концѣ сдѣланъ желобокъ. Изъ другихъ предметовъ наиболѣе интересны: a) игральная кость, кубической формы, на которой счетъ обозначенъ кружками съ точкой въ центрѣ; b) конекъ отъ шахматъ, странной формы: на головѣ его также выдѣланъ орнаментъ изъ кружковъ съ точкой; c) четыреугольная палочка, длиною около 1 вер., съ нарѣзками по сторонамъ, въ родѣ бирки, представляющая или какой нибудь календарь, или счетъ, или, наконецъ какую нибудь неизвѣстную игру. Всѣ три вещи выдѣланы изъ мамонтовой кости. Остальныя костяныя издѣлія состоятъ изъ предметовъ убранства, въ родѣ пуговицъ, пряжекъ, привѣсокъ къ ожерельямъ или перевязямъ и пр. Есть одинъ цилиндръ изъ слоновой кости, неизвѣстнаго назначенія; есть пронизки изъ бѣлой и черной кости, почти совершенно превратившіеся въ камень, что свидѣтельствуетъ въ пользу ихъ очень отдаленной древности. Пуговицы, пряжки, привѣски и цилиндрикъ украшены характеристичнымъ орнаментомъ кружка съ точкой въ центрѣ".

Къ керамическимъ издѣліямъ принадлежатъ сосуды различной формы и предметы украшенія, удобства и забавы.

„Древнѣйшимъ изъ сосудовъ по формѣ, обработкѣ глины и стилю орнаментовъ, долженъ считаться горшокъ изъ

темно-сѣрой глины, тяжеловатой, пузатой формы съ плоскимъ дномъ, ничѣмъ неотдѣленнымъ отъ боковыхъ частей, которыя, округло загибаясь книзу, прямо переходятъ въ донце. Вышина его 3 вер. и діаметръ отверстія также 3 вер.; въ средней части, діаметръ доходитъ почти до 4 вер. Шейка сосуда ок. $^3/_4$ вер. высоты, идетъ почти прямо и лишь у самаго края отверстія слегка выгнута наружу. Самый край ничѣмъ не обозначенъ и равной толщины со всѣмъ сосудомъ, который весь вылѣпленъ руками, безъ пособія гончарнаго колеса и украшенъ орнаментами, въ видѣ городковъ, довольно неправильно нацарапанныхъ въ сырой глинѣ; по верхнему краю, около отверстія, тоже сдѣланы, наискось, поперечныя бороздки. Повидимому этотъ сосудъ не былъ подвергаемъ прокаливанію и глина была только высушена или на солнечномъ жарѣ, или на легкомъ огнѣ очага. Его происхожденіе очень интересно, ибо онъ былъ найденъ въ случайно открытой могилѣ, съ костями скелета, почти совершенно разложившимися и отъ соприкосновенія съ воздухомъ разсыпавшимися въ прахъ. Трупъ былъ зарытъ въ лежащемъ положеніи, лицомъ на востокъ и сосудъ былъ поставленъ около головы: въ немъ находилось нѣчто, похожее на перетлѣвшія хлѣбныя зерна; но была ли то рожь, пшеница, ячмень или полба, невозможно было распознать. Кромѣ этого сосуда, при трупѣ не было замѣчено никакихъ другихъ предметовъ; черепъ скелета былъ въ сохранности, но не былъ сбереженъ. По всѣмъ наружнымъ признакамъ, сосудъ этотъ весьма древній и могъ бы, по всей справедливости, служить образомъ древнѣйшимъ сосудамъ каменнаго періода, находимымъ въ Европѣ".

Большіе сосуды изъ красной глины, съ двумя ручками и кувшины изъ такой же глины, красивой формы, съ узкой шейкой и одной ручкой. Изъ малаго размѣра сосудовъ замѣчательны: небольшой кувшинчикъ съ одной ручкой изъ красной и темно-сѣрой глины. Глина этихъ сосудовъ замѣчательно тонка и нѣжна, въ особенности тѣхъ, которые найдены въ мѣстности г. Булгара. Глина другихъ подобныхъ кружекъ, доставленныхъ изъ г. Билляра, не такъ хороша: это служитъ доказательствомъ, что подобная посуда выдѣлывалась на мѣстѣ, и неудивительно, что качество глины сосудовъ изъ Булгара лучше, такъ какъ лучшая глина, въ районѣ Казанск. губ., находится неподалеку отъ Булгара,

на прав. стор. Волги, въ Тетюшск. у. Впрочемъ глина нѣкот. большихъ сосудовъ изъ Билярска также очень хороша, и можно думать, что они будучи выдѣлываемы въ Булгарѣ, доставлялись въ Биляръ. Встрѣчаются еще сосуды такой же не большой величины, какъ кружки, но съ узкой шейкой, въ родѣ бутылки, снабженныя также ручкой".

„Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о большихъ и малыхъ водопроводныхъ трубахъ, изъ красновато-желтой гончарной глины, которыя не рѣдко попадаются между развалинами г. Булгара, изъ чего можно заключить, что въ немъ были, вѣроятно, бассейны и даже фонтаны, куда была проведена вода изъ маленькихъ рѣчекъ Меленки и Болгарки, протекающихъ у подошвы плато, на которомъ былъ построенъ г. Булгаръ".

„Изъ прочихъ керамическихъ предметовъ должно упомянуть о маленькихъ лампахъ изъ темно-бурой глины и конусообразныхъ предметахъ, съ тонкимъ горломъ, съ низкой шейкой, въ которой продѣлано очень узкое отверстіе и съ пузатымъ, конусообразнымъ корпусомъ, внутри пустымъ; стѣнки ихъ по большей части очень толсты, сравнительно съ размѣрами самихъ предметовъ. Назначеніе ихъ совершенно загадочно и обыкновенно одни принимаютъ ихъ за сосуды, необъясняя назначенія; другія же считаютъ ихъ архитектурными украшеніями (1); но также не объясняютъ, гдѣ и въ какихъ случаяхъ, въ архитектурѣ прибѣгали къ помощи этихъ украшеній. Для сосудовъ,—отверстіе въ нихъ слишкомъ мало и стѣнки слишкомъ толсты; для архитектурныхъ же украшеній они, иногда, слишкомъ изящно выдѣланы. Кажется, что они могли бы служить лампами, въ которыя наливалось сало, а быть можетъ, даже, нефть; отверстіе въ шейкѣ сдѣлано узко для того, чтобы удержать святильню. Въ Казанск. губ. мѣстонахожденіе значительныхъ нефтяныхъ источниковъ сосредоточено вокругъ Булгара: именно на лѣвой сторонѣ Волги въ Спасск. у., близъ дер. Тепишево, въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ Булгара и на правомъ бер. Волги, въ Тетюшск. у. Мѣстонахожденіе нефти въ центрѣ Вел. Булгаріи можетъ даже имѣть большое значеніе, если справедливо, что между Булгарами, нѣкогда, было распространено огнепокло-

(1) «Въ музеѣ древностей Казанск. унив. есть такіе предметы, найденные въ развалинахъ г. Сарая, и въ каталогѣ они названы архитектурными украшеніями».

ненiе. Въ такомъ случаѣ, вышеупомянутые загадочные сосуды могли употребляться при обрядахъ огнепоклоненiя, какъ нефтяныя лампы. Нѣкоторые изъ крестьянъ-находчиковъ думаютъ, что эти предметы были ручными гранатами и, что ихъ бросали въ осажденный городъ, чтобы зажигать зданiя. Въ этомъ случаѣ, опять таки, нефть должна была играть значительную роль, такъ какъ порохъ не былъ тогда извѣстенъ. Но этой догадкѣ противорѣчитъ то обстоятельство, что большей частью всѣ эти предметы тщательно отдѣланы и украшены орнаментами, или покрыты краской, чего вовсе не требовалось для ручныхъ гранатъ".

„Большая часть посуды попадается въ черепкахъ и такихъ мелкихъ, что невозможно опредѣлить форму сосуда, къ которому они принадлежали, но по нимъ, все таки, можно судить, что посуда бывала безъ глазури и съ разноцвѣтной глазурью. Черепки безъ глазури покрыты разнообразными орнаментами, оттиснутыми вглубъ, или рельефомъ, иногда очень сложнымъ. Черепки темныхъ цвѣтовъ глины принадлежали менѣе изящнымъ сосудамъ; изъ свѣтлой глины несравненно изящнѣе: стѣнки ихъ гораздо тоньше и глина, по качеству своему, можетъ считаться пластической: она до того нѣжна, что сохранила на себѣ отпечатки эпидермы пальцевъ рукъ, лѣпившихъ эти сосуды. Разнообразiе узоровъ, выдѣланныхъ рельефомъ, на этихъ черепкахъ изумительно и при томъ они поражаютъ своею правильностью и отчетливостью Черепки съ поливой или глазурью принадлежали иногда сосудамъ большихъ размѣровъ, ибо нѣкоторые изъ нихъ значительно толсты. Полива ихъ блестяща и всѣ они отличаются яркими красками, въ которыхъ преобладаютъ цвѣта бирюзово-голубой и лазарево-синiй. Нѣкоторые изъ черепковъ принадлежали чашамъ, ибо они тонки и покрыты съ обѣихъ сторонъ поливой; другiе—блюдамъ, ибо цвѣтная и яркая полива наведена только на одной сторонѣ и черепки значительно толсты. Глина, изъ которой они выдѣланы, какая-то особенная, розоваго цвѣта, пористая и съ примѣсью зернышекъ бѣлаго песку. Обломки настоящаго фарфора изъ каолина рѣдки, хотя иногда также попадаются, но они несомнѣнно китайскаго происхожденiя. Рисунки орнаментовъ, большею частiю, своеобразны, но иногда воспроизводятъ узоры, встрѣчающiеся на черепкахъ изъ пластической глины. Одинъ черепокъ весьма замѣчателенъ, какъ кажется, составляетъ

часть отъ дна большаго блюда или плоской чаши; на днѣ этомъ были выдѣланы, на синемъ фонѣ, бѣлымъ рельефнымъ ободкомъ, медальоны, на одномъ изъ которыхъ помѣщено рельефное же изображеніе бѣлымъ и сѣрымъ тонами, человѣчка, быть можетъ, ребенка, повидимому играющаго въ какую-то игру, ибо въ поднятой и согнутой книзу, въ локтѣ, рукѣ онъ держитъ что-то, чего нельзя разгадать. Лѣвая его рука, какъ кажется, была поднята кверху, но этого утверждать нельзя, такъ какъ конецъ руки отломанъ. Одежда на человѣчкѣ состоитъ изъ короткой туники, отъ груди до колѣнъ, и нижній край ея развѣвается отъ движенія. Плечи и руки обнажены, на ногахъ, повидимому надѣты короткіе, завязанные подъ колѣнами, панталоны".

„Въ большемъ количествѣ попадаются между развалинами, какъ Булгара, такъ и Бюляра, напрясла (pèsons de fuseaux) изъ глины краснаго и чернаго цвѣта, различныхъ оттѣнковъ. Подобные предметы во множествѣ находили также въ свайныхъ постройкахъ и булгарскія чрезвычайно на нихъ походятъ, какъ по цвѣту глины, такъ и по формѣ, сохраняя однакоже нѣкоторую своеобразность. Они бываютъ разныхъ размѣровъ: иногда довольно большія и тяжелыя, иногда же очень малыя и съ узкимъ отверстіемъ. Очень можетъ быть, что крупнѣйшія изъ нихъ служили принадлежностью ткацкихъ станковъ, будучи привѣшиваемы къ основѣ, а меньшія играли роль пронизокъ для ожерельевъ. Матеріалъ и выдѣлка послѣднихъ гораздо лучше, нежели первыхъ, которыя выдѣлывались изъ простой глины и имѣютъ кирпичный цвѣтъ. Замѣчательно, что они исполняютъ роль напряслъ, иногда, еще и теперь у крестьянокъ с. Успенскаго, которыя инстиктивно разгадали ихъ значеніе и пользуются готовыми продуктами булгарской культуры".

„Между предметами керамики должно упомянуть объ игрушкахъ, называемыхъ „побрякушками": онѣ сдѣланы изъ хорошаго качества глины, свѣтло-желтоватаго цвѣта, въ видѣ шаровъ и покрыты поливой съ узоромъ, внутри же у нихъ была пустота, въ которую вкладывались мелкіе камешки, при движеніи игрушки, ударяющіеся о стѣнки ея. Кромѣ того попадаются и предметы этого рода, игравшіе, быть можетъ, роль оружія, напр. тяжелые шары изъ массивной,

крѣпко закаленной, хорошей глины, величиною съ бомбу; а также легкіе шарики изъ глины, въ родѣ пуль".

Къ керамическимъ издѣліямъ должно причислить и пронизки, попадающіяся ва Булгарѣ въ огромномъ количествѣ и большомъ разнообразіи. Преимущественно онѣ выдѣлывались изъ различныхъ стекловатыхъ сплавовъ; но встрѣчаются и сдѣланныя изъ глины, и сверху покрытыя поливой прекраснѣйшаго бирюзово-голубаго цвѣта съ пятнами синяго. Къ нимъ должно присоединить и пуговицы съ двумя отверстіями для пришиванія: онѣ покрыты точно такой-же бирюзово-голубой поливой. Также встрѣчаются покрытые той-же поливой небольшіе полушаровидные кусочки глины, очевидно бывшіе поддѣлками бирюзы. Глиняныя пронизки бываютъ различныхъ величинъ и разнообразныхъ формъ. Встрѣчаются также глиняные шарики, выкрашенные просто масляной краской краснаго цвѣта, въ подражаніе коралламъ".

„Между бусами изъ стекловатой массы, въ родѣ шлаковъ встрѣчается чрезвычайное разнообразіе, какъ по формамъ и величинѣ, такъ и по краскамъ. Нѣкоторые виды булгарскихъ пронизокъ встрѣчаются въ мерянскихъ могилахъ, другіе походятъ на скіоскіе".

Собственно стекло является въ видѣ пронизокъ и поддѣльныхъ драгоцѣнныхъ камней. „Къ сожалѣнію оно еще не встрѣчалось въ видѣ другихъ, болѣе крупныхъ предметовъ, напр. посуды изъ стекла. Только два небольшихъ осколка отъ какихъ-то сосудовъ тонкаго стекла, молочно-бѣлаго и краснаго цвѣта, хранятся въ моей коллекціи; но фрагменты эти такъ малы, что не даютъ возможности опредѣлить форму самихъ сосудовъ".

„Между стеклянными пронизками стекло является во всѣхъ цвѣтахъ. Самыя древнѣйшія выдѣланы очень примитивно, изъ нечистаго, полупрозрачнаго стекла и совершенно походятъ по формѣ, матеріалу и способу выдѣлки на найденныя въ Скандинавіи и описанныя Нильсономъ. Въ Булгаріи онѣ попадаются не очень рѣдко и судя по примитивности ихъ выдѣлки, и также и потому, что попадаются почковидные кусочки той-же стеклянной массы, можно допустить, что онѣ выдѣлывались самыми Булгарами и, какъ предметъ торговли, шли на скандинавскій сѣверъ. Встрѣчаются бусы изъ тонкаго стекла, покрытыя серебромъ и золотомъ, сверхъ которыхъ наведенъ опять тонкій слой

стёкла, имитирующія жемчугъ и напоминающія, по способу производства, извѣстную византійскую мозаику. Такія бусы также бывали находимы въ кладахъ, вмѣстѣ съ другими предметами, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и также считаются относящимися къ X—XII стол. Весьма быть можетъ, что Булгары получали ихъ отъ византійскихъ Грековъ".

„Между поддѣльными камнями изъ стекла, встрѣчаются прекрасныя поддѣлки изумруда, сафира, бирюзы и янтаря".

„Изъ стекла выдѣлывались также нѣкоторые другіе предметы, по всей вѣроятности, игравшіе роль амулетовъ, напр. что-то въ родѣ птичьихъ головъ, съ длиннымъ клювомъ. Есть даже одна головка попугая, а можетъ быть и совы".

Изъ стекла выдѣлывались браслеты и кольца. „Первые еще до сихъ поръ не встрѣчались въ совершенной цѣлости и попадаются всегда въ обломкахъ разной величины и потому нельзя безспорно судить относительно ихъ устройства. Они бывали различной толщины, круглые или, иногда, въ видѣ снура изъ стекла различныхъ цвѣтовъ: чернаго, синяго и бирюзово-голубаго. Съ тѣми браслетами изъ стекла, которые были находимы въ Мерянскихъ курганахъ булгарскіе не сходны".

„Перстни и кольца также выдѣлывались изъ тѣхъ же цвѣтовъ стеклянной массы. Форма ихъ бывала или просто круглая, или чаще, съ печатью на верху, при чемъ эта послѣдняя, иногда выдѣлывалась изъ массы другаго цвѣта. Величина ихъ различна. Кольца съ печатью похожи на найденныя въ Мерянскихъ могилахъ",

Пронизки бывали и изъ различныхъ натуральныхъ камней, изъ большихъ раковинъ и жировика. „Янтарь, повидимому, получался необдѣланный, въ кускахъ и уже на мѣстѣ изъ него выдѣлывали различной формы пронизки и пуговицы: это доказывается тѣмъ, что вмѣстѣ съ обдѣланными вещами, попадаются цѣльные куски янтаря и пронизки въ недодѣланномъ видѣ. Встрѣчаются въ недодѣланномъ видѣ пронизки и пуговицы изъ сердолика, агата и горнаго хрусталя. Изъ твердыхъ камней и въ особенности изъ восточнаго сердолика и совершенно чистаго, прозрачнаго горнаго хрусталя попадаются прекрасно выдѣланныя пронизки и пуговицы, а изъ сердолика и перстни восточнаго происхожденія. Къ таковымъ-же должно причислить и предметы

изъ лазилута, изъ котораго выдѣлывались подвѣски къ четкамъ и ожерельямъ. Работа грубая и камень только отшлифованъ, но не полированъ и это, можетъ быть, указываетъ на другую, болѣе отдаленную эпоху, или на иную мѣстность, нежели изящно выдѣланные пронизки и перстни. Главнымъ мѣсторожденіемъ лазилута почитается Бухарія; но онъ встрѣчается и на Уралѣ. Между пронизками попадаются иногда и сдѣланныя изъ натуральныхъ, разной величины галекъ изъ драгоцѣнныхъ камней (рубинъ, аметистъ). Кораллы и жемчугъ также являются въ числѣ украшеній, преимущественно въ видѣ отдѣлки на серьгахъ; иногда же кусочки коралла оправлялись въ браслеты и пр.

Роль жемчуга на серьгахъ иногда исполняли пронизки изъ перламута, которыя, какъ кажется, выдѣлывались изъ раковинъ рѣчныхъ маллюсковъ мѣстной фауны. Извѣстная же маленькая раковина, cyprea moneta, и въ Булгаріи, какъ еще и доселѣ у мѣстныхъ инородцевъ, употреблялась въ числѣ другихъ предметовъ убранства".

8. Монеты. Палласъ (стр. 193, 194) говоритъ: „Можно еще о великомъ его (Булгара) торгѣ заключить изъ серебряныхъ и мѣдныхъ малыхъ монетъ, которыя еще и нынѣ собираютъ крестьянскія дѣти на тамошнихъ пашняхъ. Въ числѣ серебряныхъ нерѣдко попадаются съ изрядною арабскою и куфинскою надписью; и такія монеты чеканены изъ чистаго серебра; при томъ они нарочито толсты, и величиною не больше ногтя большаго пальца. Но есть много изъ худаго и хрупкаго серебра, да и чеканены очень тонко и не чисто. У сихъ монетъ на одной сторонѣ находятся либо звѣздочки, или другія украшенія, а на другой сторонѣ высокія точки и кружокъ, въ которомъ изображенъ произвольный знакъ, почти такой же какой Башкирцы и другіе безграмотные народы еще нынѣ употребляютъ вмѣсто своеручной подписи. Но на мѣдныхъ монетахъ находится такихъ знаковъ гораздо больше и обыкновенно въ тройномъ треугольникѣ". Палласъ прилагаетъ и изображенія такихъ монетъ—двухъ серебряныхъ и одной мѣдной. О времени чеканки этихъ монетъ было сказано выше (1).

---

(1) См. въ I Отд. «Г. Булгаръ. Нумизматическія показанія».

Свиньинъ (стр. 203) разсказываетъ, что весною, послѣ стаявшаго снѣгу, и послѣ каждаго дождя, часто вымываются водою на поверхность земли разнаго рода металлическія вещицы и монеты. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, одна крестьянка нашла здѣсь нѣсколько серебряныхъ палочекъ. По словамъ ея, двѣ изъ нихъ были въ три и болѣе вершка длины и толще большаго пальца; вѣроятно, это были древніе рубли русскіе. Она продала ихъ Татарамъ, которые пріѣзжали сюда на моленье".

Подобно тому, какъ изъ вещей, найденныхъ въ Булгарѣ, составлялись цѣлыя коллекція, такъ и монеты, здѣсь находимыя, входили въ составъ нѣсколькихъ нумизматическихъ коллекцій.

Старѣйшею коллекціею представляется принадлежавшая г. Потто, обозрѣніе которой Френъ представилъ еще въ 1813 г.—„Numophylacium Orientale Pototianum" (²).

Впослѣдствіе монеты изъ коллекціи Потто пріобрѣтены Казанскимъ университетомъ за 7000 р. ассиги. и вошли въ описаніе нумизматическаго кабинета Казанск. университ., изданнаго профессоромъ этого университета Эрдманомъ въ 1834—„Numi Asiatici Musei Universitatis Casanensis".

Коллекція профессора Казанск. унив. Фукса, также пріобрѣтенная университетомъ, была описана тоже Эрдманомъ и Френомъ.

Въ 1826 г. Эрдманъ издалъ въ Казани сочиненіе „Numophylacium Universitatis Casanensis Orientale". Какъ видно изъ предисловія къ этому сочиненію, въ коллекціи Казанск. университета, кромѣ монетъ, купленныхъ у Татаръ и принесенныхъ въ даръ, главную часть составляла коллекція Фукса, въ этомъ году пріобрѣтенная университетомъ. Къ сочиненію Эрдмана приложены три таблицы съ изображеніемъ монетъ.

Болѣе подробное описаніе монетъ коллекціи Фукса представляетъ извѣстное сочиненіе Френа, изданное въ Спб. въ 1832 г.—„Die Münzen der Chane v. Ulus Dschutschi's oder v. d. Goldenen Horde, nebst denen verschiedener anderen muhammedanischen Dynastien im Anhange; aus d. ehemaligen Samm-

(²) Это было первое латинское сочиненіе, напечатанное въ Казани.

lung d. Hr. Professors v. Fuchs zu Kasan, jetzt der kaiserl. Universität daselbst gehörig (3).

Въ предисловіи Френъ говоритъ, что онъ 15 лѣтъ тому назадъ занимался въ Казани, незадолго передъ отъѣздомъ оттуда, изслѣдованіемъ и приведеніемъ въ порядокъ оріентальнаго собранія монетъ, которое Фуксъ составилъ „съ достойною похвалы ревностію и чрезвычайно счастливымъ успѣхомъ. Нѣкоторые замѣчательные экземпляры изъ этого собранія я обозрѣвалъ съ весьма обстоятельнымъ комментаріемъ въ 1816 г. (4)".

Френъ убѣдилъ Фукса вырѣзать на мѣди всѣ достопримѣчательности его кабинета. Было приготовлено 18 таблицъ, изъ которыхъ 14 относятся къ такъ называемой Золотой Ордѣ и представляютъ монеты этихъ хановъ въ полномъ преемственномъ порядкѣ, отъ Батыя до Мухаммеда Хана, или отъ половины XIII до половины XV ст.; на остальныхъ 4 таблицахъ представлены образцы восточныхъ монетъ разнообразныхъ видовъ. Френъ удостовѣряетъ, что на изображенія монетъ можно положиться. Таблицы гравировались подъ наблюденіемъ самого Френа, исключая двухъ таблицъ (XII и XIII), которыя приказалъ гравировать самъ Фуксъ, послѣ отъѣзда Френа изъ Казани,—первую, чтобы на ней показать нѣкоторыя позднѣйшія свои пріобрѣтенія, вторую, чтобы представить различныя встрѣчающіяся на монетахъ Золотой Орды тамги и другія фигуры.

Переходъ Френа изъ Казани въ Спб. замедлилъ окончаніе предпринятой Френомъ работы. Появившееся въ 1832 г. сочиненіе, какъ говоритъ самъ Френъ, представляетъ необходимыя, краткія объясненія къ указаннымъ таблицамъ. Сочиненіе, какъ и таблицы, распадается на два отдѣла: первый, главный относится къ монетамъ Джучидовъ, вмѣстѣ съ монетами Хановъ-Гиреевъ; второй, или прибавленіе, занимается монетами другихъ восточныхъ государствъ, изображенными на 4 послѣднихъ таблицахъ. „Какъ таблицы,

(3) Въ этомъ же году въ Спб. былъ изданъ и переводъ на русскій языкъ этого сочиненія, сдѣланный Мих. Волковымъ.

(4) De numorum Bulgharicorum forte antiquissimo libri duo. Accedit hujus aliorumque aliquot Musei Fuchsiani qui data occasione illustrantur numorum tabula aenea. Casani. 1816.

говоритъ Френъ, не исчерпываютъ всего содержанія собранія, такъ не представляетъ этого и объясненіе, хотя оно нѣсколько превышаетъ содержаніе таблицъ. Что я здѣсь представляю, составляетъ главное содержаніе того, что я нашелъ въ собраніи 1817 г. съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ пріобрѣтеній, о которыхъ владѣлецъ сообщалъ мнѣ въ Спб., въ первый годъ моего здѣсь пребыванія. Что пріобрѣлъ владѣлецъ послѣ этого, я не знаю. Но я здѣсь не исчерпываю даже и всего прежняго состава коллекціи. Джучидскія монеты представляю я почти вполнѣ, за исключеніемъ совершенно незначительныхъ экземпляровъ. Относительно прибавленія, я имѣлъ въ виду почти совершенно ограничиться тѣми монетами, изображенія которыхъ находятся въ таблицахъ".

Собраніе Фукса Френъ дополняетъ нѣкоторыми другими монетами, преимущественно джучидскими, изъ другихъ кабинетовъ; изъ этихъ монетъ одни издаются въ первый разъ, другія служатъ къ объясненію прежде изданныхъ; въ числѣ другихъ кабинетовъ Френъ указываетъ на кабинетъ Неѣлова въ Казани (5).

Собраніе Фукса, какъ заявляетъ Френъ, куплено Казанск. университ. въ 1823 г. за 12.000 р. ассигн.

Относительно предшествовавшаго Френу вышеуказаннаго описанія монетъ изъ коллекціи Фукса, сдѣланнаго Эрдманомъ въ 1827 г., Френъ замѣчаетъ, что у Эрдмана встрѣчается только часть монетъ, которыя составили собраніе Фукса. Въ заключеніе предисловія Френъ замѣчаетъ, что онъ нигдѣ не ссылался на это сочиненіе Эрдмана, желая избѣжать всякаго повода къ критикѣ, который тамъ повсюду представляется.

Черезъ два года послѣ появленія сочиненія Френа, въ 1834 г. явилось новое описаніе Эрдманомъ нумизматическаго кабинета Казанск. университета (6), въ который вошли и монеты, пріобрѣтенныя отъ Фукса. На этотъ разъ Френъ не воздержался отъ возраженій Эрдману. П. С. Савельевъ

---

(5) Остальныя: въ Сарептѣ Цвика; въ Спб: Императ. Акад. Наукъ, гр. Өед. Андр. Толстова, Шпревица, гр. Мантеуфеля; Харьковскаго унив.; Рюле ф. Лиліенштейна въ Берлинѣ и Гейдекена въ Генуѣ.

(6) Numi Asiatici Musei Universitatis Casanensis. Casani 1834.

въ біографіи Френа (7) говоритъ: „Всегда столь воздержанный въ печати, Френъ не могъ однажды не отступить отъ строгости своихъ ученыхъ правилъ и невольно послѣдовалъ остроумному Тютюнджю-Оглу (8) въ критикѣ на нумизматическія творенія бывшаго казанскаго профессора Эрдмана. Эта полемическая брошюра издана въ Лейпцигѣ въ 1836 г. подъ псевдонимомъ доктора Адерисона".

Новый каталогъ нумизматическаго кабинета Казанск. университета былъ напечатанъ въ Казани г. Березинымъ, въ 1855 г. (9). Въ предисловіи Березинъ, кромѣ коллекцій Пото и Фукса, вошедшихъ въ составъ кабинета Казанск. унив., указываетъ коллекцію европейскихъ и азіатскихъ монетъ Клауса, бывшаго фармацевтомъ при Казанск. унив., а послѣ профессоромъ въ Дерптѣ, пріобрѣтенную университетомъ въ 1827 г. за 9000 р. ассигн. О коллекціи Клауса упоминаетъ и Эрдманъ въ обоихъ своихъ нумизматическихъ сочиненіяхъ.

Эрдманъ въ предисловіи къ первому своему сочиненію (Numophylacium) упоминаетъ также о пріобрѣтеніи у Татаръ и о монетахъ полученныхъ въ даръ; въ другомъ сочиненіи (Numi Asiatici) Эрдманъ упоминаетъ о монетахъ булгарскихъ, пожертвованныхъ университету, о пожертвованіяхъ попечителя Мусина-Пушкина, губернатора Стрекалова и каз. помѣщика Мод. Молоствова.

Березинъ въ предисловіи къ каталогу упоминаетъ о покупкѣ въ 1837 г. у г. Ушакова европейскихъ и азіатскихъ монетъ, въ 1849 г. у Аристова, въ 1850 г. у Артемьева и въ 1851 г. у вдовы сенатора Скалона. Кромѣ пріобрѣтенныхъ покупкою, Березинъ указываетъ на пожертвованія ректора Симонова, профессоровъ университета, учителей гимназіи и многихъ другихъ лицъ, имена которыхъ записаны въ каталогѣ кабинета.

Изъ всѣхъ этихъ описаній коллекцій, вошедшихъ въ составъ нумизматическаго кабинета Казанскаго университета и исчисленія пріобрѣтеній и пожертвованій для кабине-

---

(7) «О жизни и ученыхъ трудахъ Френа». Зап. арх. Общ. VI 367, 368.

(8) Критика Сенковскимъ сочиненія Гаммера — «Sur les origines russes».

(9) Catalogue des monnaies et des médailles du cabinet numismatique de l'université de Casan.

та, нельзя точно указать какія именно найдены въ той или другой мѣстности бывшаго Булгарскаго царства, но множество этихъ монетъ найдено въ г. Булгарѣ. „Нумизматическій кабинетъ Казанскаго университета, говоритъ Березинъ, не уступаетъ по своему богатству такимъ кабинетамъ Московскаго, Харьковск. и Кіевск. университетовъ, и превосходитъ всѣ кабинеты обиліемъ монетъ Джучидовъ, естественное послѣдствіе сосѣдства Казани съ развалинами древняго Булгара и мѣстъ кочевки Татаръ Золотой Орды".

Въ заключеніе предисловія къ своему каталогу г. Березинъ замѣчаетъ, что монеты и медали греко-римскія, русскія и европейскія остались въ кабинетѣ Казанск. университета, но всѣ другія переданы въ Спб. унив. Это произошло съ переводомъ восточнаго факультета изъ Казанск. унив. въ Спб.; вмѣстѣ съ монетами были переданы и всѣ восточныя рукописи Казанск. унив. и даже печатныя книги, которыя имѣютъ значеніе и для неоріенталистовъ.

Современное богатое собраніе монетъ, найденныхъ въ Булгарѣ, принадлежитъ А. Ѳ. Лихачеву, который приготовляетъ къ предстоящему въ Казани IV Археол. Съѣзду описаніе джучидскихъ монетъ изъ своей коллекціи.

Огромное количество монетъ, найденныхъ въ Булгарскомъ городищѣ, разошлось безвѣстно, будучи распродано безчисленному множеству лицъ. О такой распродажѣ въ Булгарѣ древнихъ монетъ разсказываетъ въ 1850 г. Артемьевъ ([10]): „Доселѣ еще тамъ находятъ крестьяне, при распахиваніи полей, ордынскія монеты въ значительномъ количествѣ. Нельзя не замѣтить здѣсь, что жители села Болгаръ продаютъ собираемыя ими монеты почти всегда по опредѣленной таксѣ: „мѣдяшки" т. е. мѣдныя—по копѣйкѣ серебромъ за штуку, а „узбековскія", такъ называютъ они монеты серебряныя, п. ч. въ числѣ ихъ чаще попадаются хана Узбека, отъ 10 до 20 коп. сер. съ экземпляръ, и всегда ссылаются въ этомъ случаѣ на „Карла Ѳедоровича Фукса" и „Господина Барона"—подъ этимъ послѣднимъ именемъ сохранили они воспоминаніе о знаменитомъ А.

([10]) «Прогулка по Казани—Университетскій Нумизматическій Кабинетъ» въ Каз. Губ. Вѣд. 1850 г. № 33.

Гумбольдтѣ, о которомъ разскажутъ еще, что онъ, осматривая ихъ развалины, забылъ свою чернильницу и пр.“

Въ 1856 г. В. К. Савельевъ сообщалъ изъ Казани въ Вост. Отдѣл. Археол. Общ. ([11]), что главное мѣстонахожденіе джучидскихъ монетъ—с. Болгары: „Путешественнику, проѣзжающему это историческое село, стоитъ остановиться здѣсь на нѣсколько часовъ и „кличь кликнуть“, чтобы нанесли ему груды монетъ и вещей, безпрестанно находимыхъ крестьянами на пашнѣ, или при рытьѣ земли, или послѣ сильнаго дождя“. Пробывъ здѣсь нѣсколько часовъ, г. Савельевъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ на выборъ до 200 монетъ болѣе или менѣе примѣчательныхъ. Чаще другихъ попадаются въ Булгарѣ, по заявленію В. К. Савельева, мѣдныя монеты безъ именъ хановъ: Новосарайскія съ изображеніемъ цвѣтка и надписью „шестнадцать денегъ“ и „Булгарскій пулъ“; всего чаще „шестнадцать денегъ“, на сто принесенныхъ монетъ едва ли не придется ихъ 75.

Въ примѣчаніи къ сообщенію В. К. Савельева покойный П. С. Савельевъ прибавляетъ, что онъ въ бытность свою въ Булгарахъ въ 1854 г., кромѣ мѣдныхъ, пріобрѣлъ много серебряныхъ джучидскихъ монетъ.

Въ числѣ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, пріобрѣтенныхъ В. К. Савельевымъ въ с. Болгарахъ, нашелся небольшой обломокъ золотой монеты, которыя находятъ тамъ чрезвычайно рѣдко, такъ что, въ двадцать лѣтъ, едва извѣстно было о двухъ такихъ находкахъ. Какого разряда были эти золотыя монеты, неизвѣстно; можетъ быть, джучидскія, чеканенныя въ Харезмѣ, которыхъ извѣстно 4 экземпляра (см. Френа Recensio стр. 296, 297, 652, 653), или же другой династіи, какъ напримѣръ индійскихъ Патановъ, какія найдены были въ развалинахъ Сарая (см. ст. В. В. Григорьева во II т. Записокъ Арх. Общ., 336—351). По незначительности обломка, пріобрѣтеннаго нынѣ въ Болгарахъ, трудно съ достовѣрностью заключить объ этой монетѣ, тѣмъ болѣе‘ что самый чеканъ, на одной сторонѣ, вышелъ неясенъ отъ двойнаго удара штемпелемъ. По мнѣнію П. С. Савельева, это можетъ быть динаръ Джанибека, чеканенный въ Харезмѣ. Видны слова: Джани и Эльд(инаръ).

([11]) Труды Вост. Отд. Арх. Общ. III, 168—171.

Березинъ ([12]) указываетъ на такъ называемый „бабій бугоръ“, гдѣ находили много скелетовъ и монетъ.

Въ протоколахъ Арх. Общ. 1855 указано, что г. Евлентьевъ прислалъ въ даръ для музея Арх. Общества 4 мѣдныя монеты Джучидовъ, пріобрѣтенныя имъ въ с. Болгарахъ. По отзыву П. С. Савельева, монеты эти принадлежатъ къ числу весьма часто встрѣчаемыхъ ([13]).

Въ каталогѣ музея этнографіи и древностей Казанск. унив. значатся полученныя въ даръ въ 1875 г. отъ учителя Спасск. уѣздн. училища Кутыева пять мѣдныхъ булгарскихъ монетъ и одна серебряная, джучидская.

А. Ѳ. Лихачевъ сообщаетъ Арх. Обществу: ([14]) „На развалинахъ древняго города Булгара, въ селѣ Успенскомъ (Болгары) и въ его ближайшихъ окрестностяхъ кромѣ джучидскихъ монетъ находятъ и современныя имъ афганскія монеты; такъ напр. въ 1860 г. тамъ былъ найденъ и теперь находится въ моей коллекціи, золотой динаръ афганскаго султана Индіи Мухаммеда I съ надписью на одной сторонѣ: „Эль-Хакемъ Беамри-лляхъ“, съ другой: „Абуль-Аббасъ-Ахмедъ“—совершенно подобный найденному въ развалинахъ Сарая въ 1849 г. и описанному В. В. Григорьевымъ (См. Зап. Арх. Общ. II, 337). Въ Recensio Френа также описана подобная монета (стр. 178 № 6). Въ 1863 г. тамъ же былъ найденъ еще афганскій золотой динаръ Кутбъ эд-дина Мубареке, чеканенный въ Дегли—„мѣстопребываніи халифата“, какъ сказано на монетѣ, въ 718 г. (1318 по Р. Х.). Эта монета находится теперь въ моей коллекціи; она замѣчательна по своей четвероугольной формѣ и кажется принадлежитъ къ числу неизданныхъ. Но кромѣ того тутъ встрѣчаются и болѣе древнія монеты. Такъ въ 1862 г. были найдены три саманидскихъ диргема, также поступившіе въ мою коллекцію. Одинъ изъ нихъ съ именами халифа Эль-Муктефи билляха и Исмаила, сына Ахмедова, чеканенъ въ Самаркандѣ въ 287 г. (900 по Р. Х.). Другой съ

([12]) Булгаръ на Волгѣ, стр. 134.

([13]) Труды Вост. Отд. Арх. Общ. III, 153.

([14]) Въ Извѣстіяхъ Арх. Общ. т. VI. «Извѣстіе о нѣкоторыхъ кладахъ восточныхъ монетъ въ Казанск. губ.»

именами халифа Эль-Муктедиръ биллаха и Насра (II) сына Ахмедова чеканенъ въ Самаркандѣ въ 324 г. (935,6 по Р. Х.). Третій, въ видѣ половинки; имена халифа и правителя печетки; чеканенъ въ Нисабурѣ".

Въ Булгарѣ находили и древнія римскія монеты: Ешевскій сообщаетъ, что при немъ найдено одновременно обломки металлическаго зеркала съ древнею тибетскою или китайскою надписью и римскія монеты III или IV вѣка ([15]).

Новѣйшее извѣстіе о находкахъ въ Булгарѣ монетъ сообщаетъ Е. Соловьевъ: ([16]) „Во время весенней пашни въ 1876 г. мѣстный крестьянинъ нашелъ глиняный кувшинъ съ 3900 серебр. пятачками. Имя его скрываютъ. Пятачки эти крестьянинъ продаетъ мѣстнымъ серебряникамъ въ г. Спасскъ и въ Казань. Весною же 1876 г. одинъ крестьянинъ нашелъ древнія серебряныя монеты въ видѣ столбиковъ, числомъ болѣе 30 ([17]). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мѣстныя крестьянскія дѣвушки около такъ называемаго Капитанскаго колодца нашли весьма значительное количество золотыхъ и серебряныхъ монетъ.

Подобно древнимъ вещамъ, много монетъ пропало безвозвратно, будучи расплавлены серебряниками. Выше было приведено указаніе казанскаго купца, торговавшаго въ серебряномъ ряду, что, на своемъ вѣку, онъ переплавилъ не менѣе 8 пудъ серебряныхъ монетъ и вещей, купленныхъ въ Болгарахъ.

II. ЛѢВЫЙ БЕРЕГЪ ВОЛГИ НИЖЕ УСТЬЯ КАМЫ.

1. **Ага-Базаръ** Не одинъ разъ вышеприводимая выпись 1712 г., послѣ описанія булгарскихъ зданій, исчисляетъ межи и грани отведенной монастырю земли; здѣсь говорится, что грани стоятъ въ углу подлѣ увалу и рѣчки Меленки, по конецъ стараго татарскаго селища, гдѣ напредъ сего бывалъ ихъ татарскій Яга-Базаръ (Невостр. 539).

([15]) «Замѣтка о Пермскихъ древностяхъ» въ Пермск. Сборн. I, 135.

([16]) «Древности Казанской губерніи» Каз. 1877, стр. 18.

([17]) Не знаю, что должно разумѣть здѣсь подъ «пятачками»; монеты въ видѣ столбиковъ, можетъ быть, древнерусскіе рубли.

Мѣстность Ага-Базаръ извѣстна до настоящаго времени на Волгѣ, въ 7 верстахъ отъ с. Булгаръ и считается пристанью древняго Булгара.

Кафтанниковъ (стр. 50, 51) указывая, что, по народнымъ сказаніямъ, здѣсь было торжище, и признавая, что Волга прежде протекала около самаго Булгара (см. объ этомъ ниже), говоритъ, что „легко допустить, что впослѣдствіи, по удаленіи отъ города рѣки, промышленные, богатые его жители имѣли здѣсь судовую пристань. Но напрасно любопытный взоръ изыскателя будетъ искать здѣсь вѣроятныхъ слѣдовъ ея: онъ замѣтитъ только возвышенное и удобное мѣсто для пристани, да найдетъ слабые признаки человѣческой дѣятельности: ямы отъ бывшихъ строеній, расположенные другъ отъ друга въ недальнемъ разстояніи; вдоль берега къ Волгѣ и по всему возвышенію разбросанные черепки красной глиняной посуды и мѣстами камень и кирпичь“.

Авторъ статьи „Поѣздка въ Болгары и Билярскъ“ (1) указываетъ здѣсь ямы и остатки деревянныхъ строеній.

Березинъ (Булгаръ на Волгѣ стр. 80) говоритъ, что у Булгара пристанью служило урочище Ага-Базаръ, нынѣ извѣстное также подъ именемъ Молоствовской пристани. По удостовѣренію жителей с. Успенскаго, въ этомъ урочищѣ выкапываютъ по временамъ остатки старыхъ строеній. Такая пристань, какъ Ага-базаръ, закрытая съ трехъ сторонъ, была весьма удобна для Булгара; при томъ же въ весенній разливъ суда могли подходить къ самому Булгару: еще не такъ давно небольшія расшивы приставали въ весеннее половодье къ селу Успенскому.

2. Предполагаемое теченіе Волги около г. Булгара. Одинъ изъ старѣйшихъ описателей Булгара Палласъ (стр. 185) замѣтилъ, что по справедливости должно дивиться, что столь знатный и хорошо построенный городъ имѣлъ въ отношеніи къ водѣ столь худое положеніе: воду нельзя имѣть иначе, какъ только изъ вырытыхъ колодцевъ, изъ которыхъ и нынѣшняя деревня довольствуется водою. Хотя низкое мѣсто простирается отъ деревни въ сѣверную сторону къ Волгѣ, однако не вѣроятно, чтобы сія рѣка прежде имѣла свое теченіе близъ онаго города.

---

(1) Заволжскій Муравей 1833, т. I, стр. 87.

Мы видѣли, что нѣкоторые мусульманскіе источники: Таварихъ-удъ-давайръ, Раузъ-сль-Митаръ и сочиненія Ибнъ-эль-Варди и Шерефъ-эддина-Булгари говорятъ, что Волга протекала прежде около самаго г. Булгара. Первый источникъ указываетъ на перемѣну теченія Волги, спустя 54 г. послѣ нашествія Тимура, а послѣдній гораздо ранѣе въ 1005 г. по Р. Хр.

Изслѣдователи мѣстности Булгарскаго городища послѣ Палласа, вопреки послѣднему, указывали на признаки прежняго теченія Волги около города, подтверждая свои предположенія ссылкой на первыхъ трехъ мусульманскихъ писателей, послѣдній (Шерефъ - эддинъ) сдѣлался извѣстенъ позднѣе.

Эрдманъ (Beiträge, стр. 298), приведя вышеуказанное мѣсто изъ Палласа, говоритъ: „между тѣмъ мѣстность склона передъ развалинами города имѣетъ вполнѣ форму высокаго рѣчнаго берега, это допускаетъ предположеніе о протекавшей здѣсь рѣкѣ. Подобныя измѣненія теченія рѣкъ не рѣдки: у г. Вятки рѣка того же названія измѣнила свое теченіе такимъ же образомъ за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, въ этомъ я самъ убѣдился на мѣстѣ“. Эрдманъ указываетъ и на трехъ мусульманскихъ писателей, свидѣтельствующихъ о измѣненіи Волгою своего теченія.

Кафтанниковъ (стр. 45, 46, 51), указывая на тѣхъ же писателей, говоритъ, что съ высоты большаго минарета ясно видно уклоненіе рѣки вправо верстъ на 10, а черное болото, поросшее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кустарникомъ и весьма низкое мѣстоположеніе, испещренное озерами и болотами, указываютъ на древнее ея логовище, доказываемое историческими писателями Востока. Отступъ имѣетъ совершенно видъ высокаго берега рѣки и во многихъ мѣстахъ попадаются признаки теченія рѣки, какъ-то: раковины, гальки, истлѣвшіе въ пескѣ пеньковые и мочальные канаты и влажная низменность, обросшая мохомъ, лѣсомъ и кустарникомъ. Далѣе Кафтанниковъ обращаетъ вниманіе на дорогу къ мѣсту Ага-Базаръ, на всемъ протяженіи которой видно влажное русло обширной рѣки, заросшее мохомъ, кустарникомъ, камышемъ и осокою, и кое-гдѣ выказываются небольшія озера и болота.

„Берега по обѣ стороны этого русла возвышенны и мѣстами круты, покрыты лѣсомъ, и идутъ по наклонности

отъ Булгаръ къ самой Волгѣ. Не по этому ли руслу нѣкогда текла рѣка, омывая подошву горы, на которой былъ расположенъ древній городъ?“

Указывая опять на вышеупомянутые признаки рѣки у подножія горы, Кафтанниковъ уже утвердительно говоритъ, что „здѣсь текла рѣка, но спросятъ, отчего она измѣнила теченіе? Отвѣчу фактомъ: извѣстно, что многіе изъ прежнихъ приволжскихъ и камскихъ городовъ, расположенныхъ на самыхъ рѣкахъ, теперь отстоятъ отъ нихъ на нѣсколько верстъ“.

Подобное Кафтанникову говоритъ Свиньинъ (189, 190): „Болгары—большое селеніе, расположенное по хребту горы, который можетъ быть, ни что иное, какъ прежній берегъ Волги, протекавшей здѣсь въ древнія времена, а нынѣ уклонившейся на 9 верстъ къ западу. Ежегодные извороты сей рѣки въ ея теченіи дѣлаютъ правдоподобнымъ сіе предположеніе. Съ большой башни ясно видно уклоненіе рѣки, черное болото, поросшее мѣстами кустарникомъ, а въ другихъ прерываемое озерами, указывающими на древнее ея русло.“ При этомъ Свиньинъ ссылается на трехъ мусульманскихъ писателей.

Позднѣйшій писатель, особенно тщательно изслѣдовавшій Булгарское городище, Березинъ (стр. 78—81), не смотря на указанія мусульманскихъ писателей, соглашается съ Палласомъ, потому что нѣсколько возвышенное положеніе вверхъ по теченію Волги отъ Булгара представляетъ препятствіе волжскому руслу. „Въ весеннюю пору и нынѣ волжскій разливъ подходитъ по низменному руслу рч. Меленки къ с. Успенскому довольно близко, а съ другой стороны по низменности волжскія воды пробираются къ большой Спасской дорогѣ, по эти пути открываются для воды снизу вверхъ и пересѣкаются природными возвышенностями. Старое русло Камы, извѣстное подъ именемъ Старой Камы, ничего не доказываетъ: и въ настоящее время не рѣдко такъ называемыя воложки или рукава Волги становятся главнымъ русломъ. Замѣчаютъ, что скатъ, на вершинѣ котораго расположено с. Успенское, песчанистъ и что въ болотѣ внизу находятъ иногда рѣчныя гальки: противъ этого можно сказать и то, что ручей Меленка могъ быть въ прежнее время го-

раздо значительнѣе (1). Затѣмъ Березинъ обращаетъ особенное вниманіе на древнія строенія подъ горою, на низменной равнинѣ. Послѣднее обстоятельство, по мнѣнію Березина, представляетъ явное доказательство, что Волга здѣсь не протекала во время существованія Булгара, и если что нибудь подобное существовало, то до временъ на памяти исторіи: геологія показываетъ, что арало-каспійскій бассейнъ достигалъ даже до Спасска, гдѣ было и устье тогдашней Волги („The geology of Russia in Europe“ by R. Murchison, 324, 650).

Существуютъ, говоритъ Березинъ, еще два замѣчанія о неудобствахъ булгарской мѣстности: во первыхъ, Палласъ удивляется, что такой значительный городъ, какъ Булгаръ, обходился колодезной водой; во вторыхъ, находятъ эту мѣстность неудобною для торговли, по удаленности отъ Волги.

Въ отношеніи къ Палласу Березинъ указываетъ на сказанное о ручьѣ Меленкѣ и на то, что на Востокѣ встрѣчаются даже столицы, терпящія нужду въ водѣ, какъ напр. Тегеранъ. Для торговли служила пристань Ага-Базаръ.

---

(1) А. О. Лихачевъ (Бытовые памятники Вел. Булгаріи въ Труд. II Арх. Съѣзда, стр. 30), указывая на сохранившіеся остатки водопроводныхъ трубъ въ Булгарѣ, предполагаетъ существованіе въ этомъ городѣ бассейновъ и фонтановъ, въ которыхъ была проведена вода изъ маленькихъ рѣчекъ Меленки и Болгарки, «Фактъ существованія въ Булгарѣ водопроводовъ доказываетъ, что городъ въ свое время былъ достаточно снабженъ водою, слѣдовательно напрасно было изумленіе Палласа, какъ могли существовать жители, довольствуясь одною колодезной водой».

Относительно самыхъ рѣчекъ Меленки и Болгарки, г. Лихачевъ замѣчаетъ, что «въ настоящее время обѣ эти рѣчки почти совершенно превратились въ болото, но, судя по очертаніямъ ихъ береговъ, можно думать, что онѣ въ прежнее время могли быть судоходны, для небольшихъ рѣчныхъ судовъ, и Меленка имѣетъ такіе прямолинейные берега, что кажется похожей на искусственно вырытый каналъ: это тѣмъ болѣе правдоподобно, что направленіе ея тянется къ Волгѣ, въ которую нѣкогда она, быть можетъ, и впадала; но, какъ съ теченіемъ времени средній или меженный уровень воды въ Волгѣ сталъ ниже, то и Меленка совершенно обмелѣла и превратилась въ болото. Замѣчательно, что въ одномъ мѣстѣ этой рѣчки, около самого Булгара она вдается въ возвышенность, на которой стоялъ городъ и образуетъ правильную, небольшую бухту. Очень возможно, что и бухта эта была нарочно вырыта въ горѣ для приходившихъ съ Волги судовъ».

Изъ всего доселѣ представленнаго о предполагаемомъ теченіи Волги видно, что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ геологіею.

Новѣйшій геологъ Головкинскій указываетъ (2) относительно приволжской мѣстности въ Каз. губерніи на 4 эпохи: мамонта и носорога, степи, лѣсовъ и современную. Въ современную эпоху высшій уровень Волги упалъ по крайней мѣрѣ на 15 фут., сравнительно съ предшествующею эпохою. При положеніи уровня Волги на 15 фут. выше настоящаго, должна потопляться средняя терраса лѣваго края долины Волги, т. е., между прочимъ, вся низменная часть города Казани и мѣсто занимаемое городомъ Спасскомъ. При этомъ вода необходимо подходила къ с. Болгарамъ, древней столицѣ Болгарскаго царства. По характеру мѣстности весьма возможно, что при Казани и Болгарахъ даже въ межень существовали тогда непересыхавшіе рукава Волги, или русла ея притоковъ. Въ Казани можно считать за остатокъ такого протока Булакъ и три Кабана, въ Болгарахъ болотистую низменность подъ самой горой.

Эти замѣчанія, говоритъ профессоръ Головкинскій, можетъ быть, дадутъ возможность историку подойти къ вопросу съ своей стороны.

Историкъ во первыхъ можетъ спросить, какъ давно современная эпоха смѣнила предшествовавшую, эпоху лѣсовъ?

Статья Головкинскаго представляетъ нѣкоторый отвѣтъ и на этотъ вопросъ: эпоха лѣсовъ характеризуется употребленіемъ металлическаго орудія, между тѣмъ какъ древнѣйшая — эпоха степи была временемъ употребленія только каменныхъ орудій. Слѣдовательно предшествовавшая современной эпоха принадлежала ко времени неособенно отдаленному, когда въ Казанскомъ приволжскомъ краѣ встрѣчались уже металлы.

3. Предполагаемое теченіе Камы и Бездны около Булгара. С. Мельниковъ въ одной изъ своихъ статей (1) говоритъ, что „Чертыкъ впадаетъ въ Волгу, противъ пристани Ага-Базаръ. Чертыкъ можно считать рукавомъ Камы, лѣтомъ по Чертыку ходятъ суда и пароходы. Вблизи этого

(2) «Древніе остатки человѣка въ Каз. губ.» въ Трудахъ I Съѣзда русск. естествоиспытателей.

(1) «Замѣчат. мѣстности по Волгѣ» Каз. Губ. Вѣд. 1859, № 8.

мѣста, по другую сторону Кабаньяго острова, въ прежнее время протекала небольшая рѣка, называемая Воложка, которая впадала въ Волгу нѣсколько выше Тетюшъ. Эта Воложка, по народному преданію, существующему какъ у Русскихъ такъ и у инородцевъ нагорной стороны Волги, осталась послѣ теченія Камы, которая будто-бы въ глубокой древности впадала въ Волгу выше Тетюшъ. Слѣдя положеніе этой Воложки и находя очень много болотъ и озеръ, расположенныхъ въ прямомъ направленіи при подошвѣ горнаго кряжа, на которомъ стоитъ с. Успенское или Болгары, нельзя не согласиться, что преданіе народное о томъ, будто Кама текла когда-то вблизи, или подъ самыми Болгарами, весьма правдоподобно".

Для знакомаго съ этою мѣстностью изложеніе Мельникова представится не яснымъ: что разумѣетъ онъ подъ Чертыкомъ и Воложкою?

На Спеціальной картѣ Европ. Россіи Стрѣльбицкаго показаны два рукава Волги съ названіемъ Чертыкъ—на зап. и сѣв. отъ с. Болгары; еще далѣе на сѣверъ показанъ рукавъ, который названъ Старая Кама, послѣдній огибаетъ нынѣшнее устье Камы, т. е. впадаетъ въ Волгу ниже послѣдняго. Между Чертыкомъ, находящимся на западѣ отъ с. Болгаръ, и Волгою находится островъ Кабаній.

Очевидно, что подъ Чертыкомъ Мельниковъ разумѣетъ второй Чертыкъ, который впадаетъ въ Волгу на сѣв. отъ Болгаръ и принимаетъ въ себѣ рч. Бездну; подъ Воложкою по другую сторону Кабаньяго острова должно разумѣть Чертыкъ на западѣ отъ Болгаръ, который огибаетъ Кабаній островъ и впадаетъ въ Волгу нѣсколько выше Тетюшъ. Мельниковъ говоритъ, что онъ слѣдилъ направленіе этой воложки, находилъ много болотъ и озеръ при подошвѣ горнаго кряжа, на которомъ стоитъ с. Болгары. Здѣсь разумѣется перерывъ между двумя Чертыками, котораго дѣйствительно можетъ быть прежде не было, также какъ между вторымъ Чертыкомъ и рукавомъ, который называется Старою Камою, такъ что дѣйствительно Кама тогда, протекая около г. Булгара, впадала въ Волгу около Тетюшъ.

Болѣе ясно, сравнительно съ Мельниковымъ, тоже самое о древнемъ теченіи Камы говоритъ Артемьевъ (²): „Пра-

(²) Предисл. къ Сп. насел. мѣстъ Каз. губ., стр. XIII.

вый берегъ Камы постоянно высокъ, лѣвый берегъ преимущественно плоскій, а мѣстами даже вовсе низменный. Въ пору весеннихъ разливовъ Кама естественно устремляется преимущественно на лѣвый берегъ и захватываетъ огромныя пространства, особенно въ уѣздахъ Лаишевск. и Спасскомъ. Во время разливовъ можно иногда проплыть прямо отъ Мурзихи къ устью Бездны, т. е. почти къ Спасску. Вся эта мѣстность, въ сущности, должна быть признана Камскою дельтою: здѣсь проходитъ протокъ, называемый „Старою Камою", указывающій на то, что теченіе рѣки уклонилось отъ прежняго пути. Дѣйствительно Кама нынѣ преимущественно напираетъ на правый берегъ, и на памяти многихъ жителей дер. Епанчиной (3) крайніе къ рѣкѣ дома неоднократно вынуждаемы были къ перенесенію на другія мѣста. Развѣтвленія Волги, начинающіяся противъ устья Камы, и въ особенности протокъ Чертыкъ, принимающій въ себя рч. Бездну, не безъ основанія нѣкоторые признаютъ принадлежащими Камѣ. По этому, быть можетъ, и сказаніе восточныхъ писателей о томъ, что Волга (Итиль) протекала около Булгарской столицы, нужно относить собственно къ Камѣ, которая у нихъ точно также носитъ названіе Итиля (Чулманъ или Чулматъ-Итиль т. е. Бѣлая рѣка).

Выше было указано, что въ „Ферхенгъ-Наме" береза булгарская называется чулманскою, слѣдовательно окрестности Булгара назывались чулманскими. Основываясь на всемъ этомъ, я выше призналъ, что указаніе нѣкоторыми лѣтописями Булгара (Бряхимова) на Камѣ не противорѣчитъ показанію другихъ лѣтописей объ этомъ городѣ на Волгѣ. Но при этомъ должно замѣтить, что русскія лѣтописи въ 1220 г. указываютъ устье Камы тамъ же, гдѣ оно находится и въ настоящее время (см. выше).

Являлось предположеніе и о томъ, что около города Булгара протекала р. Бездна.

Второвъ (4) говоритъ, что мнѣніе жителей нынѣшняго с. Болгаръ о томъ, что село ихъ стояло при рѣкѣ подало поводъ многимъ утверждать, что тутъ текла р. Бездна, ко-

(3) Деревня при впаденіи р. Мёши въ Каму.

(4) «Памятники древности въ Каз. губ.» Ж. М. Вн. Дѣлъ, 1840, т. 40, 180, 181.

торой сосѣдственные помѣщики, въ послѣдствіи времени, дали направленіе по своимъ владѣніямъ и что будто бы и теперь видно то мѣсто, гдѣ сдѣлана сія преграда ея теченію.

Березинъ (стр. 79) находитъ такое предположеніе вѣроятнымъ: „можетъ быть, говоритъ онъ, здѣсь дѣйствительно протекала рч. Бездна, о которой говорятъ будто бы теченіе ея было отведено отъ этого русла для пользы другихъ селеній".

Такое предположеніе противорѣчитъ древнѣйшему русскому атласу 1745 г., который не представляетъ никакихъ слѣдовъ, чтобы Бездна протекала ближе къ Болгарамъ.

4. Балымерское городище. Тождественность названій Балымеръ. Балыматъ, Бюларъ, Билярскъ. Въ памяти 1659 о бывшихъ за Патріаршимъ Домомъ на рѣкахъ Майнѣ и Уткѣ рыбныхъ ловляхъ, землѣ и покосахъ упоминается близъ Утки „на высокой горѣ татарское Балымерское городище. Отъ болгарскаго городища и до Балымерскаго городища хоромнаго сосноваго лѣсу и съ бортными ухожаи на 12 верстъ, поперекъ 4 версты" (1).

Это Болымерское городище соотвѣтствуетъ нынѣшнему сельцу Болымери (Булымерь) близъ Волги. При этомъ селеніи Артемьевъ (Предисл. къ Сп. насел. мѣстъ Каз. губ. XXXII) указываетъ городище; оно также упоминается въ статьѣ Эрдмана „О восточныхъ зеркалахъ" (2), гдѣ говорится о зеркалѣ, найденномъ близъ деревни Зеленовки, которая въ 7 верстахъ отъ городища Бюлимеръ (Билярскъ).

С. Мельниковъ говоритъ (3), что названіе Балымеръ напоминаетъ болгарскій г. Балыматъ, отданный въ числѣ прочихъ приданныхъ городовъ вел. кн. Ѳеодору Ростовскому, тѣмъ болѣе, что въ древнихъ документахъ на земли деревня Балымеръ называется иногда и Балыматъ.

По поводу такого сближенія этихъ названій, должно замѣтить, что названіе Балыматъ можетъ относиться и къ болѣе извѣстному булгарскому городу Бюлару, нынѣ назы-

(1) Ст. Невоструева «О городищахъ» въ Труд. I Археол. Съѣзда 340, 341.

(2) Зав. Муравей 1832, т. I, стр. 276.

(3) «Замѣчательныя селенія по Волгѣ». Каз. губ. Вѣд., 1858, № 15.

ваемому Билярскъ, потому что городище этого города называлось въ древнихъ русскихъ актахъ также Булымерскимъ и наоборотъ городище нынѣшней деревни Болымеръ Эрдманъ называетъ иначе Билярскомъ.

Очевидно что названія Бюларъ, Булымеръ, Балыматъ и Билярскъ тождественны.

Укажемъ еще, что названіе Балатъ является вмѣсто названія Булгаръ; на это указываетъ Гаммеръ, который приводитъ слѣдующія слова Нейли, комментатора извѣстнаго персидскаго историка Вассафа, жившаго въ началѣ XIV ст.: „Итиль течетъ въ Балатъ, называемый также Булгаръ“ (4).

5. Валы на востокъ и югъ отъ Булымера. Остатки древнихъ укрѣпленій около приволжскаго Булымера исчисляетъ только Мельниковъ: „къ востоку отъ деревни тянется большой земляной валъ, вѣроятно окружавшій въ древности бывшій здѣсь городъ“ (1). На сѣверѣ отъ с. Никольское—Полянки, которое лежитъ къ югу отъ Булымера версты на двѣ, слѣдовательно на югъ отъ послѣдняго, Мельниковъ указываетъ (2) другой земляной валъ, который, можетъ быть, окружалъ въ древности булгарскій г. Балымеръ.

Впрочемъ, самое село Полянки или Никольское, какъ указываетъ Мельниковъ, называется въ древнихъ русскихъ документахъ острогомъ и Полянскимъ городкомъ. Мельниковъ думаетъ, что здѣсь былъ основанъ городокъ или острожекъ, когда царь Борисъ Годуновъ проводилъ Закамскую черту. Но такъ называемая Старая Закамская линія проведена нѣсколько позднѣе, въ царствованіе Мих. Θед.; потомъ она здѣсь не проходила: начиналась южнѣе и шла на сѣверо-востокъ по Малому Черемшану, слѣдовательно далеко на востокъ отъ берега Волги и описываемой мѣстности. Названіе села Полянки городкомъ, можетъ быть, происходило отъ сосѣдняго укрѣпленія Балымера; но, можетъ быть, и къ самому этому селу принадлежали древнія укрѣпленія, не принадлежавшія къ Балымеру, куда, можетъ

(4) Gesch. d. gold. Horde, стр. 8.

(1) «Замѣчат. селенія по Волгѣ» Каз. губ. Вѣд. 1858, № 15.

(2) Таже ст. въ предыдущемъ нум. (№ 14) Каз. Г. Вѣд. 1858.

быть относится и земляной валъ на сѣверѣ отъ с. Полянки, который Мельниковъ причисляетъ къ укрѣпленіямъ Балымера; наконецъ, можетъ быть, здѣсь былъ устроенъ острогъ, городокъ вскорѣ послѣ завоеванія Казани, прежде проведенія извѣстной Старой Закамской линіи.

6. Насыпь и могильные курганы около Булымера. „Повыше селенія и ближе къ берегу Волги, Мельниковъ указываетъ (1), на „шеломъ", огромнѣйшую насыпь вышиною до 10, а въ окружности до 200 саженъ, на которой видно нѣсколько ямъ. Народное преданіе говоритъ, что въ боку этого насыпнаго кургана былъ видѣнъ проходъ и въ немъ желѣзныя двери, но нынѣ ничего этого и слѣдовъ нѣтъ. Охотники до чудесъ и кладовъ разсказываютъ, что въ шеломѣ этомъ зарыты большія сокровища, вывезенныя изъ Болгарскаго царства".

Въ „Замѣткахъ о городищахъ" указывается одинъ курганъ въ с. Балымерахъ.

Мѣстные жители указали г. Стоянову на группу небольшихъ куполообразной формы кургановъ, расположенную на высокой мѣстности, поросшей рѣдкимъ дубовымъ лѣсомъ и лежащихъ въ верстѣ къ сѣверо-западу отъ деревни Булымеръ. Мѣстные жители считаютъ курганы мордовскимъ кладбищемъ и разсказываютъ, что Булымеръ и ближайшая къ нему деревня Аржиловка, въ которой по настоящее время насчитываютъ около 15 дворовъ потомковъ Мордвы, въ старину были исключительно заселены Мордвою.

Окружность наибольшаго кургана 34,0 m,—чрезъ вершину 8, 5 m. Г. Стояновъ раскопалъ шесть кургановъ, которые всѣ представляютъ насыпи песка, перемѣшаннаго съ черноземомъ. Въ каждой изъ нихъ на глубинѣ 0,8 m.—0,9 m. были находимы зола, уголь и обгорѣлыя кости большихъ домашнихъ животныхъ; но затѣмъ, не смотря на то, что рыли болѣе чѣмъ на 2, 5 m. въ глубь и въ стороны,—въ курганахъ ничего не найдено (2).

(1) Каз. губ. Вѣд. 1858, № 13.

(2) «Отчетъ о раскопкахъ древнихъ могилъ и кургановъ». Прилож. къ проток. засѣданія 21 апр 1871 г. Общества естествоиспыт. при Каз. унив.

7. Монеты, найденныя въ полѣ Булымера и около села Полянки. Эти находки вмѣстѣ съ другими описалъ А. Ѳ. Лихачевъ (1). Осенью въ 1862 г. въ полѣ сц. Булымеръ, при распахиваніи одной межи, былъ найденъ зарытый не глубоко въ землю глиняный сосудъ съ монетами. Горшокъ отъ удара сохой разбился въ черепки, а монеты присутствовавшіе на мѣстѣ находки крестьяне подѣлили между собою. Кладъ старались утаить, но А. Ѳ. Лихачеву удалось пріобрѣсти изъ него 48 цѣльныхъ монетъ и нѣсколько обломковъ: т. е. разрубленныхъ на части монетъ въ видѣ половинокъ и четверинокъ. Весь кладъ состоитъ изъ такой смѣси и всѣ монеты оказались бувейгидскими, по большей части стертыми и нечеткими. Г. Лихачевъ показывалъ свои монеты І. Ѳ. Готвальду, который опредѣлилъ болѣе четкіе экземпляры. Изъ нихъ оказались: 4 монеты Моизъ-эд-дауле, двѣ изъ нихъ цѣльныя и двѣ въ половинкахъ, на одной изъ послѣднихъ можно прочесть имя халифа Таи-лилляха. Двѣ монеты Ададъ-эд-дауле, двѣ Рокнъ-эддауле, на одной имя того же халифа; 14 монетъ Фахръ-эддауле, на двухъ изъ нихъ имя тогоже халифа. Двѣ монеты, на которыхъ можно прочесть имя халифа Кадыръ-лилляха, имена правителей не четки.

Весною 1859 г. въ с. Полянкахъ былъ найденъ около самаго селенія на обрывѣ оврага, вымытый дождевымъ потокомъ саманидскій диргемъ. По разсмотрѣніи оказалось, что диргемъ этотъ принадлежалъ Исмаилу, сыну Ахмедову, и выбитъ во время халифа Муктефи-билляха въ Шашѣ, въ 290 г. (903 по Р. Х.). Эта находка была довольно странна, говоритъ г. Лихачевъ, потому что при ней, кромѣ вышеупомянутой монеты, ничего другого не оказалось. Диргемъ находится въ коллекціи г. Лихачева.

8. Городокъ и древнее кладбище въ 6 верстахъ отъ дер. Булымеръ. Мельниковъ указываетъ въ 6 верстахъ отъ дер. Булымеръ земляной городокъ, окруженный валами и заросшій густымъ лѣсомъ (1).

---

(1) «Извѣстіе о нѣкоторыхъ кладахъ восточныхъ монетъ въ Казанск губ.» Извѣстія Арх. Общ., VI, 244.

(1) Каз. губ. Вѣд. 1858, № 15.

„Замѣтки о городищахъ въ Каз. губ.“ упоминаютъ о городкѣ въ 5 верстахъ отъ этой деревни, вѣроятно это тоже укрѣпленіе, которое Мельниковъ указываетъ въ 6 верстахъ. „Городокъ на горѣ, четыреугольной формы, въ окружности 116 саж. Валы и рвы сохранились не вездѣ; длины вала 41 саж., шир. 3 саж., глубина рва 1 саж.„

Къ сожалѣнію Мельниковъ и „Замѣтки“ не даютъ болѣе точнаго опредѣленія мѣстоположенія этого городка, неизвѣстно въ какую сторону должно считать 6 или 5 верстъ отъ дер. Булымеръ.

Близъ городка Мельниковъ указываетъ урочище „Мазарки“ съ ямами, называемое мордовскимъ кладбищемъ.

9. Дер. Тенищевка—мѣсто находокъ древнихъ вещей. Г. Евлептьевъ (1) заявляетъ, что при дер. Тенищевкѣ, которая находится на сѣверъ отъ Булгара, при Чертыкѣ, попадаются татарско-булгарскія древности.

III ПРАВЫЙ БЕРЕГЪ ВОЛГИ, НИЖЕ УСТЬЯ КАЗАНКИ.

Въ предыдущей главѣ о лѣвомъ берегѣ Волги я говорю только ниже Камы, потому что выше устья Камы, на этомъ берегу не встрѣчается никакихъ остатковъ древнихъ укрѣпленій; но относительно праваго берега я долженъ былъ взять другой конечный пунктъ—устье р. Казанки, потому что на этомъ берегу, между устьями Казанки и Камы, были указаны одно городище и мѣстонахожденіе древнихъ каменныхъ орудій и глиняныхъ издѣлій.

1. Городище ок. с. Теньки. Объ этомъ приволжскомъ селеніи, находящемся въ Свіяжск. уѣздѣ, неизвѣстный авторъ статьи въ Каз. Губ. Вѣд. 1847 г. (1) говоритъ, что „эта деревня (тогда еще не село) имѣетъ также остатки древнихъ валовъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія здѣсь видимы были и остатки самыхъ зданій, но теперь все разрыто, распахано и скоро самые валы сравняются совершенно съ поверхностью земли“. Послѣ этого никто не упоминаетъ о валахъ въ этомъ селеніи; вѣроятно они болѣе и не

(1) «Планъ Археологич. Музеума въ Булгарѣ» Труды I Археол. Съѣзда, стр 94.

(1) № 14 «Замѣчат. мѣста въ отнош. археологич. въ Свіяжск. уѣздѣ».

существуютъ, т. е. предсказаніе неизвѣстнаго автора оправдалось. Изчезновеніе этого городища на правомъ берегу Волги, выше Камы, даетъ поводъ предполагать, что, можетъ быть, такимъ образомъ были уничтожены, разрыты и распаханы и другія бывшія по обѣимъ сторонамъ Волги городища. Скорѣе другихъ должны были пострадать именно древнія укрѣпленія по Волгѣ, гдѣ была древнѣйшая и особенно усиленная колонизація Русскихъ, особенно въ указанномъ пространствѣ между Камою и Казанкою. Нельзя объяснить полное отсутствіе здѣсь городищъ на томъ же основаніи, по которому можно объяснять это въ отношеніи къ Волгѣ, выше Казанки,—что эти мѣстности не принадлежали къ Булгарской землѣ въ тѣсномъ смыслѣ, что это была земля инородцевъ, только находившихся въ извѣстной степени подчиненія Булгарамъ. Если выше Камы по Волгѣ не было значительныхъ городовъ, что подтверждается и молчаніемъ объ этомъ русскихъ лѣтописей, то все таки необходимо предполагать существованіе по Волгѣ, между устьями Камы и Казанки пограничныхъ небольшихъ укрѣпленій, сторожевыхъ пунктовъ, тѣмъ болѣе, что далѣе на востокъ по Свіягѣ, городища встрѣчаются.

Предположеніе мое объ исчезновеніи городищъ особенно около древнѣйшихъ центровъ русскаго населенія подтверждается указаніемъ древнѣйшей Свіяжск. писцовой книги, которая упоминаетъ древнее городище около самаго нынѣшняго Свіяжска, но никакихъ слѣдовъ этого городища въ настоящее время не существуетъ (²).

2. Мѣстонахожденіе каменныхъ орудій около с. Буртасъ (Рождественское). Профессоръ Головкинскій говоритъ (¹), что въ августѣ 1867 г. онъ пріобрѣлъ отъ крестьянина этого села Верхоглядова, такъ называемую громовую стрѣлу (кусокъ кварцита). Настоящей шлифовкѣ кусокъ рѣшительно не подвергался. Достаточно было одного взгляда, чтобы узнать въ немъ древнее оружіе. Оно было найдено крестьяниномъ лѣтъ 15 или 20 назадъ, на нашнѣ его загона, приблизительно въ $3^1/_2$ верст. на юго-зап. отъ с. Буртасъ или въ $4^1/_2$ отъ Волги. Спустя нѣсколько дней

(²) См. ниже «Р. Свіяга и ея притоки».

(¹) «Древніе остатки человѣка въ Каз. губ.» въ Труд. I Съѣзда Русскихъ Естествоиспытателей.

по пріобрѣтеніи г. Головкинскимъ этого оружія, ему принесли другое, чисто кремневое, отчасти иного вида и размѣра. Послѣднее найдено года 3 или 4 назадъ, тоже на пашнѣ, почти въ томъ же разстояніи отъ Волги, по версты на $1^1/_2$ сѣв.-западнѣе мѣстонахожденія кварцитоваго оружія (2). „Хотя описанныя оружія не шлифованы, но внимательный осмотръ не позволяетъ поставить ихъ параллельно съ грубыми произведеніями древнѣйшаго отдѣла каменнаго періода. Уже не разъ справедливо замѣчено, что раздѣлять этотъ періодъ на эпохи, руководствуясь тѣмъ—ошлифованы, или просто выколочены каменныя издѣлія—ошибочно, что способъ ихъ выдѣлки много зависитъ отъ свойствъ матеріала: такъ свѣжій кремень легко обколачивается и нѣтъ существенной надобности терять время на его шлифовку, а другія породы непремѣнно требуютъ шлифовки. Впрочемъ не смотря на вѣрность такого замѣчанія, было бы несправедливо давать ему черезъ-чуръ большой вѣсъ и отрицать хронологическое значеніе этой черты въ отдѣлкѣ оружій. Въ Даніи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ большая часть этихъ вещей сдѣлана изъ кремня и тѣмъ не меньше, многія изъ нихъ шлифованы. Мы имѣемъ солидныя основанія относить всѣ датскія издѣлія, какъ шлифованныя, такъ и выколоченныя, къ позднѣйшей эпохѣ каменнаго періода, къ эпохѣ сѣвернаго оленя и, мнѣ кажется, не шлифованныя издѣлія этой страны, въ большинствѣ случаевъ, могутъ быть безъ труда отличаемы отъ древнѣйшихъ произведеній искусствъ изъ эпохи мамонта и носорога, напр. отъ аміэнскихъ, хотя послѣднія тоже выколочены изъ кремня: датскія представляютъ большее разнообразіе формъ и, соотвѣтственно этому, болѣе тщательную отдѣлку. Я думаю, что оружія, найденныя въ Буртасахъ, всего ближе подходятъ къ этимъ не шлифованнымъ издѣліямъ эпохи сѣвернаго оленя. Я никакъ не хочу сказать, что они принадлежатъ къ этой эпохѣ; напротивъ, считаю болѣе вѣроятнымъ, что границы различныхъ періодовъ въ Россіи не совпадаютъ съ западно-европейскими".

„По формѣ буртасскія оружія всего скорѣе походятъ на наконечники легкихъ копій, острогъ и т. п., для топо-

(2) Первому Археол. Съѣзду были присланы изъ Казани фотографическіе отписки обоихъ этихъ орудій, помѣщенные въ «Собр. картъ, плановъ и рисунковъ къ Труд. I Арх. Съѣзда». (табл. III, рис. 13 и 14).

ровъ они слишкомъ легки и непрочны, для ножей—имѣютъ слишкомъ крутое лезвее. Оба оружія лежатъ приблизительно на одномъ горизонтальномъ уровнѣ около 450 фут. надъ Волгой".

„Значительныхъ высотъ, господствующихъ надъ мѣстностью, нѣтъ на разстояніи многихъ верстъ. Это положительно убѣждаетъ, что оружія не были принесены сюда водою въ недавнее время, а найдены на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ оставлены они владѣльцами (достовѣрность мѣстонахожденія, указаннаго Верхоглядовымъ, такъ мало подвержено сомнѣнію, что я готовъ принять ее на свою отвѣтственность)".

„Далѣе предстоитъ рѣшить вопросы: лежали ли оружія въ черноземѣ, изъ котораго были выпаханы, или въ нѣкоторомъ слоѣ ниже его, или, наконецъ, выше, т. е. на поверхности почвы?"

Г. Головкинскій считаетъ не возможнымъ согласиться съ двумя послѣдними предположеніями и считаетъ болѣе вѣроятнымъ принадлежность оружія къ черноземy. „Но, говоритъ профессоръ, если бы мы даже убѣдились, что оружія лежали на черноземѣ, то все еще оставалось бы неизвѣстнымъ: ближе ли они къ эпохѣ этого слоя, или къ современной? Только изучая послѣдовавшія за черноземомъ образованія, и найдя въ нихъ или такія же каменныя или металлическія вещи, мы отдѣлили бы эпоху нашихъ оружій отъ эпохи чернозема, или соединили съ ней. Съ цѣлію достигнуть разъясненія вопроса этимъ путемъ г. Головкинскій тщательно обслѣдовалъ всю окрестность, а въ особенности долину и наносы рч. Янасалки, при которой найдено кварцитовое оружіе.

Результатомъ разслѣдованія является показаніе, что подъ черноземомъ и надъ пермскими породами лежала тонко-песчанистая глина свѣтлаго желтовато-бураго цвѣта. Крутизны надъ рч. Янасалкою представляютъ эту глину, не покрытую черноземомъ, къ этимъ крутизнамъ примыкаетъ терраса темно-бурой глины, возвышающаяся до 17 фут. надъ лѣтнимъ уровнемъ рѣчки, чернозема на ней нѣтъ; у основанія этой террасы лежитъ современная заливная равнина, состоящая изъ глины шоколаднаго цвѣта, съ галькой, возвышающаяся отъ 1 до 3 фут. надъ уровнемъ Янасалки.

Что терраса темно-бурой глины новѣе главной массы поверхностной глины (свѣтлой), въ этомъ убѣждаютъ многія обнаженія, показывающія наложеніе первой на вторую.

„Такъ какъ эта терраса есть древнѣйшее образованіе въ долинѣ, и розмываніе послѣдней слѣдовало за отложеніемъ чернозема, или даже было съ нимъ одновременно, то терраса темно-бурой глины является ближайшимъ къ эпохѣ чернозема геологическимъ памятникомъ. Основываясь на такомъ соображеніи, я обратилъ на этотъ наносъ особенное вниманіе, пытаясь найти въ немъ разрѣшеніе задачи".

„Вся масса темно-бурой глины, часто перемѣжающейся съ пескомъ и галькой, содержитъ большое число хрупкихъ раковинъ нынѣ живущихъ видовъ; также истлѣвшія, съ поверхности обуглившіяся вѣтви деревьевъ. Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, я нашелъ въ слоѣ гравія, на шестомъ футѣ выше уровня рѣчки, обломокъ глиняной посуды. Онъ сдѣланъ изъ темно-сѣрой, дурно промѣшанной глины, въ массѣ которой видна значительная примѣсь частичекъ угля. Длина обломка около 2″, шир. 1¼″, толщ. 3‴. Неподалеку отыскалъ я другой подобный черепокъ, а во многихъ мѣстахъ, особенно въ основаніи и въ верхней части обрыва, многочисленные небольшіе куски древеснаго угля. Саженяхъ въ 15 ниже по теченію рѣчки, въ самомъ основаніи террасы темно-бурой глины, непосредственно на пермскомъ известнякѣ, нашелъ я обрубокъ дубоваго дерева 2′9″ длиною и около 1′ въ діаметрѣ". Хотя древесина истлѣла, а съ поверхности во многихъ мѣстахъ обуглилась, однако можно было ясно разсмотрѣть, что дерево съ обоихъ концовъ ровно обрѣзано пилою. На одной сторонѣ его находятся двѣ недодѣланныя, широкія, симметрично расположенныя зарубки, которыхъ бока такъ гладки, что были, безъ сомнѣнія, сдѣланы металлическимъ оружіемъ. Это обстоятельство, очевидно, говоритъ не въ пользу эпохи каменныхъ оружій и я напрасно задавалъ себѣ вопросъ: не попалъ ли описанный кусокъ дерева въ древній наносъ послѣ его образованія. На такомъ предположеніи нельзя было останавливаться долго: прослойки гравія лежали надъ обрубкомъ такъ правильно, что введеніе его въ основаніе террасы послѣ того, какъ она отложилась, оказывается совершенно невозможнымъ".

„Находка эта разъясняетъ многое. Зная, что терреса темно-бурой глины принадлежитъ ко времени употребленія металловъ, мы можемъ, почти не рискуя ошибиться, отнести наши каменныя оружія къ предшествовавшей геологической эпохѣ, т. е. ко времени размыванія долины и отложенія на высотахъ чернозема (нѣтъ никакого повода раздѣлять во времени эти два явленія). Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти послѣдовательныя эпохи—чернозема и террассы темно-бурой глины—соотвѣтствуютъ двумъ весьма различнымъ состояніямъ страны: по изслѣдованіямъ академика Рупрехта, черноземъ есть произведеніе степной растительности, между тѣмъ въ террасѣ темно-бурой глины встрѣчается много древесныхъ вѣтвей и даже обломки толстыхъ стволовъ. Лѣса, бѣдные остатки которыхъ сохранились до настоящаго времени, заняли прежнюю степь и, можетъ быть, весь долгій промежутокъ времени, который необходимъ для такой смѣны растительности, отдѣляетъ наши каменныя оружія отъ старой террассы Янасалки“.

„Для яснаго представленія эпохи чернозема требуется знать время образованія главной массы поверхностной глины, на которую онъ налегаетъ. На лѣвой сторонѣ Волгѣ, за заливной равниной и средней террасой, возвышается до 100′ надъ уровнемъ рѣки верхняя или древняя терраса, состава преимущественно песчанаго; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ верхняя часть болѣе или менѣе глиниста; глина эта часто очень сходна съ поверхностной глиной праваго берега Волги. Поверхность террасы, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ находится глина, покрыта сѣрымъ черноземомъ, въ 1′ и $1^1/_2{}'$ толщины. Въ этой формаціи, особенно въ основаніи, встрѣчаются въ изобиліи кости мамонта и носорога. Съ другой стороны, въ западной части Каз. губ., въ долинахъ маленькихъ рѣчекъ, находятся древнія, преимущественно глинистыя террасы, тоже покрытыя футовымъ или $1^1/_2$ футовымъ черноземомъ и тоже содержащія во множествѣ кости названныхъ животныхъ“.

„Слѣдовательно черноземъ въ нашей странѣ налегаетъ на образованія эпохи мамонта и носорога; потому весьма вѣроятно, что поверхностная глина, лежащая при долинѣ Янасалки подъ черноземомъ, принадлежитъ къ той же эпохѣ. Дѣйствительно въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ оврагахъ, не представляющихъ по склонамъ ничего, кромѣ поверхностной

глины и пермскихъ породъ, были не разъ находимы кости мамонта".

Такимъ образомъ г. Головкинскій представляетъ слѣдующія эпохи: 1) эпоха мамонта и носорога; 2) эпоха степи, образованія черпозема, употребленія каменныхъ оружій; 3) эпоха лѣсовъ, время употребленія металлическихъ орудій; 4) современная эпоха, высшій уровень Волги по крайней мѣрѣ на 15 фут. ниже, чѣмъ въ предшествовавшую эпоху.

3. Нахожденіе древнихъ глиняныхъ издѣлій ок. с. Красновидова. Это село находится при Волгѣ, версты на двѣ ниже с. Буртасъ. Г. Головкинскій въ вышеуказанной статьѣ говоритъ: „много обломковъ грубыхъ глиняныхъ издѣлій, нерѣдко украшенныхъ довольно страннымъ, по крайней мѣрѣ на мой не археологическій взглядъ, барельефнымъ узоромъ, собиралъ я на песчаной косѣ праваго берега Волги, недалеко отъ с. Красновидова. Это почти противъ устья долины Янасалки, съ ½ версты ниже по теченію Волги. Не принесены ли эти обломки весеней водою или весеннимъ льдомъ изъ тойже террасы темно-бурой глины?" Г. Головкинскій разумѣетъ здѣсь террасу Янасалки, гдѣ, какъ выше указано, находятся подобные черепки.

4. Городокъ въ 640 саж. отъ дер. Уразлиной. Въ „Замѣткахъ о городищ. Каз. губ." показанъ городокъ въ 640 саж. отъ дер. Уразлиной, которая находится на лѣвомъ берегу р. Алгаши, которая впадаетъ въ Волгу верстъ 6 ниже Камы (на картѣ Стрѣльбицкаго эта р. названа Алгыма).

Городокъ стоитъ на той-же рѣкѣ Алгашѣ или Кармалкѣ, какъ говорится въ „Замѣткахъ", гдѣ прибавлено, что Алгаша старинное названіе Кармалки. Это мѣстоопредѣленіе не достаточно, не извѣстно на какомъ берегу Алгаши городище и въ какую сторону отъ дер. Уразлиной въ 640 саж., вверхъ или внизъ по рѣкѣ?

Городокъ кругообразной формы, площадь равняется 270 с.; окруженъ валомъ въ 320 с. дл. и 3 саж. шир., валъ отчасти разрушается полой водой.

5 Городокъ въ 2 верст. отъ с. Большія Кляри. Это село, иначе называемое Малавка, находится тоже на р. Алгашѣ, выше дер. Уразлиной, но на другомъ правомъ берегу. „Замѣтки" указываютъ, опять малоопредѣленно—въ 2 верст. отъ села, городокъ овальной формы, имѣющій въ

окружн. 327 саж.; онъ лежитъ при подошвѣ горы, на берегу безъименной рѣчки и окруженъ валомъ и рвомъ, которые не вездѣ, впрочемъ, сохранились по той причинѣ, что во время половодья ежегодно подмываются помянутой рѣчкой; сверхъ того валъ во многихъ мѣстахъ перерытъ ямами или перехватами. Длина вала и рва равняется 46 саж., въ шир. валъ 3 саж; ровъ глуб. 5 саж., а шир.—4 с. Поверхность ровная и распахивается подъ посѣвы.

6 **Предполагаемое укрѣпленіе при дер. Карамановъ Починокъ.** Г. Золотницкій въ своемъ Корневомъ Чув.-русскомъ словарѣ подвергаетъ филологическому анализу названія многихъ мѣстностей Каз. губ. и доказываетъ, что смыслъ этихъ названій указываетъ, что данная мѣстность была укрѣпленіемъ, городкомъ. Филологическіе выводы г. Золотницкій часто подтверждаетъ указаніями на существующіе остатки укрѣпленій этихъ мѣстностей. Ниже намъ придется указывать на такія объясненія г. Золотницкаго, а въ настоящемъ мѣстѣ мы остановимся на названіи находящагося на сѣв. отъ дер. Уразлиной селенія „Карамановъ Починокъ“. Въ Сп. насел. мѣстъ Каз. губ. это селеніе показано на р. Алгашѣ, а на рукописной картѣ конца прошедшаго столѣтія верстахъ въ 2-хъ на сѣв. отъ рѣки. Указаніе здѣсь селенія подъ этимъ именемъ важно потому, что на другихъ картахъ, напр. Стрѣльбицкаго, на томъ же мѣстѣ показано это селеніе подъ другимъ именемъ „Малые Кармалы“. Г. Золотницкій (стр. 261, 162) совершенно правильно объяснилъ, что „карманъ“, „кярмянь“, „кирмень“ значитъ огражденный, укрѣпленный, т. е. городокъ; затѣмъ онъ указываетъ урочища въ Каз. губ. съ этимъ названіемъ, между ними и вышеупомянутый Карамановъ Починокъ. Карамановъ Починокъ на картахъ называется Малые Кармалы, на сѣв.-зап. отъ него обозначено—Б. Кармалы, по картѣ Стрѣльбицкаго, а по рукописной картѣ и по Сп. насел. м.—Ст. Кармалы; это объясняетъ, что Карамановъ Починокъ или М. Кармалы, именно починокъ, выселокъ изъ селенія Бол. или Ст. Кармалы. Но, не смотря на это, онъ, будучи называемъ нѣкоторыми по имени своего родоначальнаго селенія (Мал. Кармалы), въ большинствѣ случаевъ носитъ свое собственное названіе „Укрѣпленнаго починка“, по смыслу объясненій г. Золотницкаго, что указываетъ на существовавшее на мѣстѣ починка укрѣпленіе. Но все это не

даетъ возможности положительно указывать здѣсь существованіе городка. Затѣмъ я имѣю замѣтить, что всѣ приводимыя г. Золотницкимъ урочища съ названіями „карманъ“ и т. п., такъ правильно всѣми и называются; а данный починокъ называется не Починокъ „Карманъ“ что было бы совершенно правильно, а Кармановъ, такъ что это названіе приводитъ и къ такому предположенію: не называется ли онъ Кармановъ, вмѣсто Кармалова, т. е. починка изъ селенія Старые Кармалы?

7. Городокъ на горѣ Соколъ. Мельниковъ (1) указываетъ на высокую насыпь, въ видѣ маяка, обнесенную валами, на горѣ Соколъ, при спускѣ которой находится с. Кирельское (Воскресенское, Туба) на самой Волгѣ, гдѣ въ послѣднюю впадаетъ р. Кляра, селеніе находится по прав. сторону устья.

Названіе горы происходитъ, какъ объясняетъ Мельниковъ, отъ водившихся здѣсь въ старину соколовъ, которые ловились для государя. Противъ устья Кляры или села Кирельскаго на картѣ Стрѣльбицкаго обозначенъ на Волгѣ островъ „Соколенокъ“.

Въ „Замѣткахъ о городищахъ Каз. Губ.“ въ полуверстѣ отъ с. Кирельскаго, на нагорномъ берегу Волги, показана земляная насыпь полукруглой формы дл. въ 70 саж., окруженная рвомъ. Эта насыпь очевидно соотвѣтствуетъ упоминаемой Мельниковымъ на горѣ Соколъ.

8. Городокъ Янтиковскій. С. Мельниковъ (1) въ дачахъ с. Кирельскаго указываетъ городокъ Янтиковскій, окруженный земляными валами въ 2 ряда, весною онъ омывается водами Волги съ вост. и южн. стороны, на немъ въ древнее время былъ базаръ и кабакъ государевъ.

Въ „Замѣткахъ“ очевидно объ этомъ городкѣ, хотя онъ и не называется здѣсь Янтиковскимъ, говорится подробнѣе. Онъ показанъ въ полуверстѣ отъ с. Кирельскаго, т. е. въ томъ же разстояніи, что и предыдущая насыпь. Городокъ четыреугольной формы, въ окружн. 362 саж., расположенъ на ровномъ мѣстѣ и окруженъ съ одной стороны безымянной рѣчкой (2), а съ другой заливомъ р. Волги. Валъ и рвы со-

---

(1) «Замѣчат. мѣстности по Волгѣ» Каз. Губ. Вѣд. 1859, № 9.

(1) ibid.

(2) Въ свѣдѣніяхъ волостныхъ правленій, говоритъ редакторъ «Замѣ-

хранились съ сѣв. и зап. сторонъ; валъ въ шир. 1 саж., окопанъ съ обѣихъ сторонъ рвами, ширина которыхъ равняется 3 саж., а глуб. $1^1/_2$ с., въ длину валъ и ровъ занимаютъ 181 с.

Относительно опредѣленія мѣстоположенія этого городка является только вопросомъ: по какую сторону р. Кляри, т. е. на сѣв. или югъ отъ с. Кирельск., находится этотъ городокъ? Этотъ вопросъ разрѣшается показаніемъ путешествовавшаго по той мѣстности въ прошедшемъ столѣтіи Георги, который говоритъ, что близъ Кирельскаго села, при устьѣ Кирелки, на лѣв. берегу рѣки существуетъ еще неразрушившійся валъ 2 саж. выш., который замыкаетъ прирѣчное четыреугольное пространство въ 65 саж. (1). С. Кирельское находится при устьѣ Кляры по прав. сторону, а городокъ по лѣв. сторону, т. е. на сѣв. отъ села. Такимъ образомъ въ одинаковомъ разстояніи отъ села, въ полуверстѣ—съ одной стороны, черезъ р. Кляру, находится городокъ, а съ другой стороны—насыпь на горѣ, при спускѣ съ которой находится с. Кирельское. Съ востока отъ городка и насыпи протекаетъ Волга. Это древнее укрѣпленіе Георги называетъ остаткомъ татарскаго г. Ашлы или Ошель, о которомъ, какъ мы видѣли, упоминаютъ русскія лѣтописи въ 1220 г. и подробно описываютъ его укрѣпленія.

9 Сѣрный городокъ. С. Мельниковъ (1) указываетъ на югъ отъ с. Сюкеева, которое лежитъ въ 3 верстахъ отъ Волги, сѣрную поляну, гдѣ въ древнее время, вѣроятно, вырабатывалась горючая сѣра, потому что въ царскихъ грамотахъ XVI и XVII в. и другихъ древнихъ документахъ это мѣсто называется сѣрною поляною, сѣрнымъ городищемъ и сѣрн. пустошью; и въ настоящее время жители иногда выпахиваютъ здѣсь небольшія гнѣзда самородной сѣры. Я могу указать на грамоту временъ Михаила Ѳеодоровича, въ которой говорится, что свіяжскій служилый татаринъ Ямбулатъ показываетъ: „есть де за рѣкою за Волгою, за Чертыкомъ, противъ сѣрнова городища пустошные сѣнные покосы

токъ», рѣчка эта названа Дубравой, по такой рч. ни на картахъ, ни въ Сп. насел. м. Центр. стат. Комит. не оказывается въ Тетюш. уѣздѣ

(1) Bemerkungen einer Reise im Russich. Reich, II 801.

(1) «С. Троицкое-Сюкеево» Каз. Губ. Вѣд. 1857, № 41.

лежатъ въ пустѣ; а межа тѣмъ сѣннымъ покосамъ—верхняя межа Бездна нижняя, а нижняя межа Кривое озеро“ (²). Чертыкъ, Бездна и Кривое оз. (означенное на рукописной картѣ Каз. ун.) находятся по лѣв. сторону Волги, противъ с. Сюкеева.

Такимъ образомъ опредѣляется мѣсто и причина такого названія сѣрпаго городища; но нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя указывали бы на какіе нибудь современные остатки этого городища.

10 Городокъ на дачахъ Сюкеева, называемый Татарскимъ жилищемъ. С. Мельниковъ (¹) указываетъ на дачахъ с. Сюкеева урочище, называемое Татарскимъ жилищемъ. Это, говоритъ Мельниковъ, ни что иное, какъ не большой древній булгарскій городокъ, расположенный между двухъ глубокихъ суходоловъ на мысу и огражденный сзади двумя земляными валами саж. въ 3 шир., въ этомъ городкѣ находятъ небольшія мѣдныя монеты, изъ коихъ нѣсколько экземпляровъ оказались Хызръ-Хана, битыя въ Гюлистанѣ въ 762 г. (1360 по Р. Хр.). Эти монеты весьма хорошо сохранились.

11. Признаки древняго жилья на мѣстѣ г. Тетюши. Неизвѣстный авторъ помѣстилъ въ 1847 г. въ Каз. Губ. Вѣд. № 21 статью подъ заглавіемъ „Тетюши“, гдѣ говоритъ, что нѣтъ никакаго сомнѣнія, что на мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ г. Тетюши и въ самыя древнѣйшія времена находились какія нибудь поселенія. Доказательствомъ этому въ нѣкоторой степени можетъ служить и то, что мѣсто для основанія города выбрано не совсѣмъ выгодное, и по высокому своему положенію, выгодное только для наблюденія за окрестностями. Дѣйствительно, есть преданіе, что на мѣстѣ Тетюшъ находился какой то булгарскій городъ и въ немъ, также какъ и въ самой булгарской столицѣ, развалины которой въ 18 верст. отъ Тетюшъ, былъ выстроенъ высокій столбъ или башня, служившія телеграфами между столицею и этимъ городомъ. На сѣверной сторонѣ за Тетюшами указываютъ даже неясные признаки когда то существовавшихъ

(²) «Акты Историч. и Юридич. Казанской и другихъ сосѣдств. губерній», собр. Ст. Мельниковымъ, т. I, Каз. 1859, стр. 15, 16.

(¹) «Село Троицкое-Сюкеево» Каз Г. Вѣд. 1857, № 41.

укрѣпленій, но остатковъ какихъ нибудь строеній не замѣтно. Конечно и Русскихъ побудило основать на этомъ мѣстѣ крѣпость то обстоятельство, что здѣсь и прежде существовала подобная же. Кафтанниковъ (1) говоритъ, что по преданіямъ, жители разсказываютъ, что г. Тетюши получилъ наименованіе отъ какого то татарскаго князя Тетюша. На самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится каменная церковь, замѣтно было нѣсколько основаній каменныхъ зданій; говорятъ, будто здѣсь былъ домъ этого князя. При рытіи для церкви фундамента, было открыто нѣсколько гробницъ, такъ же отыскано довольно татарскихъ монетъ и разныхъ женскихъ украшеній, ремень съ серебряными, по мѣстамъ покрытыми позолотою бляхами, который вѣроятно служилъ для пояса или сабельной портупеи.

Преданіе объ основаніи Тетюшъ какимъ то княземъ и существованіи этого города до основанія здѣсь русскаго города подтверждается вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ Шерефъ-Эддина Булгарскаго объ основаніи Тетюшъ послѣ нашествія Тимура и о бывшемъ здѣсь проповѣдникѣ ислама Бадамѣ сынѣ Шаха Селимова, который здѣсь и погребенъ.

Есть предположеніе, что названіе Тетюши напоминаетъ Булгаръ Тимтюзи, упоминаемыхъ въ русскихъ лѣтописяхъ въ концѣ XII ст., объ этомъ напр. заявляетъ неизвѣстный авторъ выше указанной статьи въ Каз. Губ. Вѣд. 1847 о г. Тетюши; но я уже говорилъ о возможномъ объясненіи названія Тимтюзи. Отождествленіе Тимтюзей XII ст. съ Тетюшынами противорѣчитъ и свидѣтельству булгарскаго историка объ основаніи города послѣ нашествія Тимура— Аксакъ Тимура въ концѣ XIV ст., или, какъ выше было объяснено, Менгу-Тимура въ концѣ XIII ст. Если всѣ эти сказанія о нашествіи Тимура не признаемъ историческимъ фактомъ, то все-таки преданіе о появленіи города послѣ того или другого Тимура показываетъ, что поселеніе Тетюши считали новѣйшимъ, сравнительно съ другими, напр. Булгаромъ, Бюларомъ, Кошаномъ, слѣдовательно въ концѣ XII стол. не могла часть населенія булгарскаго царства называться по имени этого города.

---

(1) Выше привед. статья «Древніе Болгары» стр. 45.

12. Преданія о мѣстоположеніи Старыхъ Тетюшъ (Богородицкій рынокъ). Окрестные Чуваши и Мордва указываютъ на мѣсто Старыхъ Тетюшъ верстъ 7 ниже нынѣшняго города.

С. Мельниковъ (1) говоритъ, что въ 7 верст. ниже Тетюшъ, на правомъ берегу Волги, гдѣ обрывистыя горы, отодвигаясь отъ рѣки нѣсколько къ сѣв., оставляютъ на берегу ея ровныя площадки, поросшія небольшимъ лѣсомъ, находится деревянная часовня. Народъ это мѣсто называетъ Стар. или Нижними Тетюшами и Богородицкимъ рынкомъ.

Относительно перваго названія у Чувашъ и Мордвы существуетъ преданіе, что будто бы г. Тетюши находился прежде на этомъ мѣстѣ. „Но судя по настоящему положенію площадки, едвали можно согласиться съ этимъ преданіемъ: она имѣетъ, правда, неопредѣленную длину, но поперечникъ ея составляетъ лишь нѣсколько саженъ, и съ каждымъ годомъ становится все уже, потому что быстрое теченіе весеннихъ водъ постоянно отрываетъ небольшія глыбы земли".

На это замѣчаніе Мельникова редакторъ Каз. Губ. Вѣд. А. Михайловъ возражаетъ: „но потому и можно думать, что встарину эта площадь была гораздо шире, такъ что на ней легко могъ помѣститься небольшой городокъ. Помѣщался же тутъ въ послѣдствіи монастырь." Этотъ монастырь Никольскій, какъ вновь построенный, упоминается въ грамотѣ 1589 г., помѣщенной Мельниковымъ въ той же статьѣ.

Здѣсь же Мельниковъ говоритъ, что этотъ монастырь, по народному преданію, былъ сожженъ разбойниками въ половинѣ XVII в.; въ концѣ прошедшаго столѣтія здѣсь былъ найденъ чудотворный образъ Каз. Божіей Матери, поставленный въ Тетюшскомъ соборѣ, а на мѣстѣ обрѣтенія образа выстроена часовня.

О другомъ названіи этой мѣстности „Богородицкій рынокъ" ходитъ, говоритъ Мельниковъ, у живущихъ около Русскихъ древнее преданіе. Въ цвѣтущія времена булгарскаго владычества въ здѣшнихъ мѣстахъ какойто булгарскій царь ходилъ воевать русскую землю, и въ числѣ огромной и бо-

(1) «Замѣчат. мѣстности по Волгѣ» Каз. губ. Вѣд. 1859, № 2.

гатой добычи, доставшейся ему послѣ кровавой битвы съ Русскими, привезъ взятую въ плѣнъ русскую княжну, красоты неописанной. Царь сдѣлалъ плѣнную княжну своей женою, уговаривая ее перемѣнить вѣру, но послѣ многихъ напрасныхъ убѣжденій, позволилъ ей остаться христіанкою и даже исполнять нѣкоторые христіанскіе обряды. Когда наступалъ постъ, царица удалялась въ другую сторону Волги, именно на это самое мѣсто, гдѣ нынѣ часовня, и тутъ, живя въ небольшой кельѣ, постилась и молилась Богу, а когда оканчивалось время поста, она возвращалась въ Болгары къ своему мужу.

Названіе данной мѣстности Богородицкимъ рынкомъ, вмѣсто этого, во всякомъ случаѣ интереснаго, по нѣкоторымъ своимъ подробностямъ, преданія, не объясняется ли существовавшимъ здѣсь рынкомъ около часовни въ честь Богородицы?

13. Древнее кладбище въ 1½ в. отъ Урюма. Мулла Хусейнъ Фейзъ-хановъ (1) указываетъ въ юго-вост. углу Тетюшск. уѣзда въ 6 верст. отъ Волги, въ 1½ верстѣ отъ мордовскаго села Урюмъ и саж. въ 60 отъ такъ называемой въ томъ краю Тетюшской дороги, камень съ надписью, близъ котораго много другихъ маленькихъ камней, на которыхъ нѣтъ слѣдовъ надписей. Камень съ надписью около 2 арш. выш. и 15 вершк. шир, опъ стоитъ на фундаментѣ, сложенномъ изъ нѣсколькихъ камней. Самый памятникъ сохранился очень хорошо. Затѣмъ приводится надпись въ оригиналѣ и въ русскомъ переводѣ (къ ст. муллы прилагается и снимокъ съ надписи):

Власть Богу высокому, великому
Ахмедъ Аганъ Эльгихисъ
Ютей. Это его могила. Да помилуетъ его
Господь св. великою милостью.
Смерть его
лѣта 700
25 году, мухаррема
въ 28 день приключилась.

(1) «Три надгробныхъ болгарскихъ надписи» въ Изв. Археол. Общ IV, стр. 402.

Обозначенный на этой могилѣ 725 г. гиджры соотвѣтствуетъ 1325 г. по Р. Хр.

IV. РѢКИ АХТАЙ, БЕЗДНА, УТКА И МАЙНА

А. Ахтай.

Всѣ городища на этой рѣкѣ и ея притокахъ описаны только въ „Замѣткахъ о городищахъ Каз. губ.“, о двухъ изъ этихъ городищъ Артемьевъ (Предисл. къ Сп. насел. м. Каз. губ., XXXII) только упоминаетъ. Я долженъ былъ ограничиться „Замѣткими“; но мнѣ пришлось дѣлать разслѣдованія для болѣе точнаго опредѣленія мѣстоположенія этого городища, такъ какъ „Замѣтки“ въ этомъ отношеніи отличаются часто большею неопредѣленностью; затѣмъ я представляю эти городища въ другомъ порядкѣ: въ „Замѣткахъ“ они расположены по волостямъ, а я представляю ихъ, по порядку нахожденія ихъ по р. Ахтаю, вверхъ противъ теченія этой рѣки.

Показанія замѣтокъ и Артемьева я дополняю еще свѣдѣніями, сообщенными мнѣ мѣстнымъ землевладѣльцемъ А. А. Демидовымъ.

1. Городище въ 2 верстахъ ниже дер. Христофоровки. Эта деревня, иначе называемая Измери, лежитъ на лѣвомъ берегу Ахтая. Городище показано въ двухъ верст. отъ дер., тоже на луговомъ (лѣвомъ) берегу Ахтая, но неизвѣстно—выше или ниже деревни? Слѣдующее соображеніе приводитъ къ признанію этого городища ниже деревни: вверхъ по рѣкѣ, верст. въ двухъ, находится уже с. Пичкасъ, въ 6-ти верст. отъ котораго „Замѣтки“ показываютъ другое городище на рч. Грязнухѣ; вѣроятно, что если бы первое городище находилось на 2 версты вверхъ отъ Христофоровки, то оно, какъ находящееся около с. Пичкасъ, было бы показано при этомъ селеніи, а не при Христофоровкѣ.

Артемьевъ упоминаетъ о городищѣ при дер. Измери, но не при той, которая называется иначе Христофоровка, а при дер. Измери Татарскіе, которая лежитъ рядомъ съ предыдущею, вверхъ отъ нея. Если признавать городище, согласно показанію Артемьева, возлѣ дер. Измери Татар-

скіе, то оно будетъ вверхъ отъ Христофоровки и рядомъ съ с. Пичкасъ. Но я предполагаю болѣе вѣрнымъ показаніе мѣстнаго волостнаго правленія, послужившаго источникомъ для „Замѣтокъ“; предполагаю, что Артемьевъ смѣшалъ два селенія съ одинаковыми названіями.

„Городище находится на возвышенномъ мѣстѣ; оно дугообразной формы, 540 саж. въ окружн.; валы и рвы сохранились съ трехъ сторонъ: вост., южн. и зап., а съ сѣв. разрушены теченіемъ р. Ахтая; длина вала и рва до 430 с., а шир. до $2^1/_2$ с.; въ этомъ городкѣ крестьяниномъ с. Буракова Ив. Архиповымъ были найдены (время не показано) жерновые камни“.

2 Дер. Татарскіе Измери—мѣсто находокъ древнихъ вещей. Г. Евлентьевъ[1] заявляетъ, что татарско-булгарскія древности попадаются при дер. Измери (почтовая станція на р. Оготай).

Указаніе на почтовую станцію опредѣляетъ, что г. Евлентьевъ говоритъ о вышеупомянутой дер. Тат. Измери, при которой находится станція, а не о дер. Измери (Христофоровка).

3. Городище въ 6 верст. отъ с Пичкасъ на рч. Грязнухѣ. Городище показано на луговой сторонѣ этой рѣки. Рѣчка этого названія встрѣчается только на рукописной картѣ Каз. губ., она впадаетъ съ правой стороны въ р. Бездну, верховье ея въ сторонѣ къ р. Ахтаю, т. е. на зап. отъ р. Бездны; по масштабу рукописной карды, с. Пичкасъ (Никольское) верстахъ въ пяти отъ верховья Грязнухи. Въ „Замѣткахъ“ городище показано на этой рѣкѣ въ 6 верст. отъ села.

„Городище четырехъугольной формы, на низменномъ ровномъ мѣстѣ, въ окружн. до 240 саж., окружено валомъ и рвомъ съ насыпями по угламъ въ видѣ кургановъ. Длина валовъ и рвовъ 250 саж; а шир. ихъ 2 с“.

Артемьевъ (ibid) упоминаетъ о городищѣ при с. Пичкасъ.

4. Валъ отъ с. Буракова до Спасска. С. Бураково расположено по обоимъ берегамъ Ахтая. Мѣстный зем-

---

(1) «Планъ Археологич. Музеума въ Булгарѣ». Труды I Археол Съѣзда, стр. 94.

левладѣлецъ А. А. Демидовъ сообщилъ мнѣ, что отъ этого села до г. Спасска, т. е. на протяженіи 20 верстъ тянется старинный земляной валъ.

5. Городокъ на р. Ахтаѣ, въ одной верстѣ отъ с. Ямкина и Татарское жилье около этого села. С. Ямкино на лѣвомъ, луговомъ берегу Ахтая, а городокъ показанъ въ „Замѣткахъ“ на высокомъ берегу Ахтая, слѣдовательно на противоположной сторонѣ, но выше или ниже на одну версту отъ села—неизвѣстно.

„Городокъ трехъугольной формы, площадь его 560 с.; валъ и рвы сохранились только съ двухъ сторонъ; длина ихъ 200 саж., шир. вала—3 саж., а рва—1 саж“

Мѣстный землевладѣлецъ А. А. Демидовъ сообщилъ мнѣ, что около с. Ямкина находится такъ называемое Старое Татарское жилье, представляющее мѣстность, заростающую лѣсомъ, на которомъ виднѣется нѣсколько десятковъ вырытыхъ ямъ.

6 Городокъ на Ахтаѣ въ 100 саж. отъ дер. Средняя Войкина. Деревня Средн. Войкина лежитъ на правомъ берегу Ахтая. Городокъ показанъ на высокомъ, слѣдовательно на томъ же правомъ берегу, по неизвѣстно—ниже или выше дер? Городокъ четырехъугольной формы, площадь 250 саж., съ сѣв. и зап. сторонъ сохранились валы, обведенные рвомъ, длина валовъ и рвовъ 180 с., шир. вала 3 с., глуб. рва 1 саж.

7. Городокъ въ одной верстѣ отъ с. Короваева. (Маринин кладъ). С. Короваево расположено по обѣимъ сторонамъ Ахтая, какъ обозначено на картѣ Стрѣльбицкаго, слѣдовательно обозначеніе этого городка только тѣмъ, что онъ въ верстѣ отъ этого села, не только не показываетъ выше или ниже этотъ городокъ отъ села, но неизвѣстно и на какомъ берегу Ахтая онъ находится.

„Площадь городка 130 саж.; формы его, за разрушеніемъ городка искателями кладовъ, опредѣлить не возможно; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранился валъ, выш. въ 1 саж. и ямы отъ 2 до 3 саж. шир. Этотъ городокъ получилъ названіе Маринин кладъ отъ того, что женщина, по имени Марина, начала первая искать здѣсь клады“.

А. А. Демидовъ также сообщилъ мнѣ объ имѣющемся около с. Короваева въ лѣсу укрѣпленіи.

8. Курганъ и находки около сц. Демидовка. Мѣстный землевладѣлецъ А. А. Демидовъ сообщаетъ, что около принадлежащаго ему сц. Демидовки, находящагося верстахъ въ двухъ на зап. отъ лѣваго берега Ахтая, стоитъ отдѣльно въ полѣ холмъ (курганъ), очевидно искусственнаго происхожденія; г. Демидовъ также сообщаетъ и о томъ, что въ дачахъ его деревни были вырыты изъ земли скелеты вооруженнаго всадника и лошади. Изъ этой находки стрѣлы хранятся у г. Демидова, а мечъ подаренъ имъ А. Ѳ. Лихачеву. Сверхъ того, по заявленію г. Демидова, въ дачахъ его деревни не однократно находили разныя древнія вещи, изъ которыхъ нѣкоторыя у него хранятся.

9. Городокъ въ 3½ верст. отъ дер. Каргополь. Указаніе „Замѣтками“ мѣстонахожденія этого городка представляется уже почти совершенно неопредѣленнымъ, тѣмъ болѣе что и селеній съ названіемъ Каргополь два, которыя лежатъ одно противъ другого на противоположныхъ берегахъ Ахтая—Каргополь или Репьевка на лѣвомъ берегу, а Каргополь или Актачи на правомъ берегу.

„Городокъ въ окружн. 40 с., въ выш. 4 арш., по срединѣ круглая яма въ 1½ с. шир.“ Какъ увидимъ ниже, тоже самое, слово въ слово, повторяется при описаніи слѣдующаго городища, въ 4 верстахъ отъ дер. Бабаевыхъ Челновъ.

10. Городокъ въ 4 в. отъ дер. Бабаевы Челны. Мѣстоположеніе этого городка представляется тоже почти неопредѣленнымъ. Дер. Бабаевы Челны въ Сп. насел. мѣстъ Каз. губ. показана на рч Челнинкѣ; на картѣ Стрѣльбицкаго—на правомъ берегу безыменной рч., которая впадаетъ тоже въ безыменную рѣчку, притокъ Ахтая съ правой стороны. На рукописной картѣ объ эти рѣчки обозначены по именамъ—Малая Челна, впадающая въ Бол. Челну. „Городокъ въ окружности 40 саж., въ выш. 4 арш., посрединѣ находится яма въ 1½ с. ширины“.

Описаніе этого городища представляется тождественнымъ съ описаніемъ предыдущаго городища, что явно указываетъ на ошибку, на повтореніе два раза одного и того-же. Остается неизвѣстнымъ, къ какому изъ двухъ городищъ относится это описаніе.

11. Городокъ на Ахтаѣ, 100 саж. ниже с. Матакъ. Это первое изъ находящихся по р. Ахтаю городищъ,

мѣстоположеніе котораго вполнѣ опредѣлено въ „Замѣткахъ“. Оно показано на высокомъ берегу рѣки въ 100 саж. отъ с. Матакъ, по направленію къ дер. Базарнымъ Матакамъ.

С. Матакъ находится на правомъ берегу Ахтая, а дер. Базарный Матакъ расположена по обоимъ берегамъ, внизъ отъ перваго, слѣдовательно городокъ находится въ 100 саж. ниже с. Матакъ.

„Городище кругообразной формы, въ окружн. 350 саж., съ южн. и вост. сторонъ окружено р. Ахтаемъ, съ сѣв. оврагомъ, а съ зап.—двумя валами и рвомъ, лежащимъ между ними. Валы и рвы не вездѣ сохранились. Длина внутренняго вала—415 саж., шир. 2 саж., выш. 2 саж.; ширина рва 8 с., глубина его 2 с.; длина внѣшняго вала 530 саж., шир. 1 с., выш. $1^1/_2$ с. Большая часть этого городка распахана подъ посѣвъ, а меньшая занята кладбищемъ. Преданій о построеніи этого городища не сохранилось, раскопокъ произведено не было“.

12. Городокъ на рѣкѣ Нахратъ. Рч. Нахратъ встрѣчается только на рукописной картѣ, эта рѣчка впадаетъ съ правой стороны въ рч. Салманъ, которая съ лѣвой стороны впадаетъ въ Ахтай. Городище показано на высокомъ берегу рч Нахратъ, въ одной верстѣ отъ дер. Старый Нахратъ, которая находится при верховьѣ этой рѣчки, на правомъ берегу ея.

„Городище кругообразной формы, площадь 400 саж. Поверхность городища ровная, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изрыта искателями кладовъ. Городище окружено съ сѣв. стороны рч. Нахратъ, съ вост. и зап. оврагами, а съ южн. и юго-зап. тремя валами и двумя рвами, которые не вездѣ сохранились. Внутренній валъ имѣетъ въ дл. 330 саж., въ шир. 1 саж., въ выш. $1^1/_2$ с.; ширина рва 7 саж., глуб. $1^1/_2$ с; средній валъ имѣетъ въ дл. 370 с., въ шир. 1 саж., въ выш. $1^1/_2$ с.; ровъ шир. 2 с., глуб. $1^1/_2$; внѣшній валъ въ дл. 190 с. (онъ болѣе всѣхъ разрушенъ), въ шир. 1 с. Преданій о построеніи этого городища не сохранилось, раскопокъ произведено не было“.

8. *Бездна.*

1 Валы. Неизвѣстный авторъ статьи „О первоначальномъ мѣстѣ г. Спасска“ въ Каз. Губ. Вѣд. 1847. № 44 указываетъ на огромный валъ, который идетъ къ Спасску

отъ с. Куралова на р. Бездне, верстахъ въ 4 на сѣв.-вост. отъ г. Спасска; черезъ валъ пролегаетъ почтовая дорога; часть вала входитъ въ самый Спасскъ и застроена домами. Авторъ этой статьи считаетъ валъ остаткомъ г. Сувара, который такимъ образомъ является на мѣстѣ нынѣшняго г. Спасска. На сколько справедливо это предположеніе, указано выше.

Валъ отъ с. Куралова до г. Спасска былъ пограничный, а не частью какого нибудь одного города. Должно разслѣдовать дальнѣйшіе слѣды этого вала, продолжается ли онъ далѣе нынѣшняго г. Спасска?

Мѣстные жители указываютъ на земляной валъ, который идетъ отъ самаго Булгарскаго городища на востокъ къ селу Красная Слобода и на сѣв. отъ послѣдней къ с. Щербеть; показываютъ этотъ валъ идущимъ отъ Булгара еще далѣе къ р. Камѣ. Такимъ образомъ является основаніе считать и валъ отъ г. Спасска до с. Куралово частію этого вала; остается неизвѣстною только часть линіи этого вала отъ г. Булгара до Бездны или с. Куралова—между Щербетью и г. Спасскомъ, верстъ на пять. О существованіи вала на этомъ послѣднемъ пространствѣ у меня нѣтъ данныхъ.

Выше было указано на земляной валъ, который идетъ верстъ на 20 къ сѣв. отъ г. Спасска до с. Буракова на р. Ахтаѣ. Это продолженіе тогоже вала по направленію къ Камѣ.

2. Г. Спасскъ. Авторъ вышеуказанной статьи о мѣстоположеніи г. Спасска заявляетъ о признакахъ древнѣйшаго поселенія на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ г. Спасскомъ; но ни какихъ доказательствъ этому, кромѣ вышеуказаннаго вала, не представляетъ.

Профессоръ Головкинскій въ 1865 г. нашелъ близъ Спасска на берегу Бездны кусокъ кремня, имѣющій видъ обломка ножа (couteau), какъ называютъ такіе кремни въ сѣв.-зап. Франціи. „Но, замѣчаетъ Головкинскій, значеніе это подобные кремни имѣютъ только потому, что встрѣчаются вмѣстѣ съ топорами (haches); найденные отдѣльно, въ отдаленной мѣстности, въ особенности, одиночно, подобные осколки не могутъ быть принимаемы съ достаточною вѣроятностью за произведенія человѣка“ (1).

(1) «Древніе остатки человѣка въ Каз. губ». въ Трудахъ I Съѣзда русскихъ естествоиспытателей.

Въ 1869 г. въ Археол. Комм. (²) доставлены найденный близъ г. Спасска мѣдный кувшинъ и разныя находившіяся въ немъ серебряныя или позолоченныя, большею частью филигранныя издѣлія,—повидимому восточнаго происхожденія, относящіяся къ IX—XI в., какъ то: четыреугольный серебряный съ чернью футляръ, на серебр. цѣпочкѣ, украшенный съ обѣихъ сторонъ куфическою надписью и служившій вѣроятно для храненія какого нибудь талисмана; 5 браслетовъ изъ крученой серебр. проволоки (3 изъ нихъ съ сердоликами); 2 серебр. и 2 золотыхъ серьги изъ довольно толстой проволоки, на которой нанизаны по 3 овальныхъ репья; 2 ожерелья, состоящія изъ золотыхъ цѣпочекъ, одной съ круглыми, другой съ продолговатыми желудообразными привѣсками, золотая застежка или запонка въ видѣ птицы, помѣщенная по срединѣ толстаго кольца, съ висящими на цѣпочкахъ привѣсками; 3 серебр. перстня, изъ которыхъ на одномъ находится подковообразное изображеніе, исполненное чернью, и наконецъ до 50 толстыхъ, серебр., частію свернутыхъ въ трубку, частію разрубленныхъ слитковъ, различной величины и отъ 11—47 золотниковъ вѣсу.

3. **Куралово городище.** Село Куралово въ Сп. насел. м. Каз. губ. иначе называется Городище, въ Предисл. къ Сп. (стр. XXXII) показано при этомъ селѣ городище.

На подробной картѣ 1805 г. это селеніе называется Городище тожъ Куралово.

Объ остаткахъ древняго укрѣпленія въ этомъ селѣ упоминаетъ и авторъ вышеупомянутой статьи о первоначальномъ мѣстоположеніи г. Спасска.

Между тѣмъ въ „Замѣткахъ о городищахъ Каз. губ“. городище при с. Кураловѣ не показано; невѣроятно, чтобы мѣстное волостное правленіе могло пропустить это городище, очень хорошо извѣстное каждому мѣстному жителю. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи текста „Замѣтокъ“, открывается, что это городище описано здѣсь довольно подробно, но показано при с. Щербетъ.

Въ „Замѣткахъ“ указано городище въ 3 верст. отъ с. Щербети и въ 4 верст. отъ г. Спасска, городище

(²) Отчетъ Археолог. Коммисіи за 1869 г. стр. XX.

и окружающіе его валы пересѣкаются проѣзжей дорогой изъ с. Щербеть въ с. Куралово и почтовымъ трактомъ отъ станціи Измери къ г. Спасску.

Каждый, знакомый съ данною мѣстностью, заявитъ, что указанное здѣсь мѣсто для городища ошибочное: с Куралово находится отъ г. Спасска верст. въ 4 на сѣв.-вост., Измери еще далѣе на сѣв., а с. Щербеть на югъ верстъ пять, слѣдовательно дорога отъ Измери къ Спасску идетъ съ сѣв. на югъ; а дорога отъ с. Щербеть къ с. Куралову, въ отношеніи къ г. Спасску, будетъ южная, только съ версту продолжается она на сѣв.-востокѣ отъ послѣдняго, до пересѣченія почтовою дорогою изъ Измери, около самого Куралова (См. карту Стрѣльбицкаго).

Какимъ же образомъ мѣсто пересѣченія этихъ дорогъ, которое указано около с. Куралова, т. е. на сѣв.-востокѣ отъ г. Спасска, можетъ быть на одну версту ближе къ с. Щербети, нежели къ г. Спасску, отъ котораго с. Щербеть отстоитъ на 5 верстъ къ югу?

Очевидно, что здѣсь въ „Замѣткахъ“ ошибка; понятно и происхожденіе этой ошибки. Мѣстное (Щербетское) волостное правленіе указывало на Куралово городище и правильно опредѣлило мѣстоположніе его, при пересѣченіи двухъ вышеупомянутыхъ дорогъ; затѣмъ оно хотѣло показать и разстояніе этой мѣстности отъ двухъ важнѣйшихъ пунктовъ—отъ уѣздн. города и мѣстопребыванія волости. правленія. Первое разстояніе обозначено правильно—4 в., а при обозначеніи втораго явилась ошибка, можетъ быть, только описка или типографская ошибка. Мѣсто пересѣченія двухъ указанныхъ дорогъ отстоитъ отъ с. Щербети не въ 3, а въ 8 верстахъ.

Принимая во вниманіе правильное обозначеніе городища при пересѣченіи двухъ дорогъ, т. е. около с. Куралова, сказанное въ „Замѣткахъ“ о неизвѣстномъ городищѣ должно отнести къ Куралову городищу.

„Замѣтки“ сообщаютъ о городищѣ слѣдующее: оно на высокомъ мѣстѣ, четыреугольной формы, въ дл. и шир. по 160 саж., окружено двумя валами, между которыми находится ровъ. Длина внѣшняго вала 752 саж., а внутренняго 722, ширина валовъ до 5 саж. Кромѣ пересѣченія городища и его валовъ двумя дорогами, оно распахивается подъ посѣвы.

На Подробной картѣ рядомъ съ селеніемъ Городище или Куралово показано къ сѣв., тоже на р. Бездиѣ—Косяково Куралово городище тожъ. Объ остаткахъ древняго укрѣпленія около с. Косякова нѣтъ никакихъ указаній, но названіе этого селенія приводитъ къ предположенію, что продолженіе укрѣпленій Куралова городища было и при с. Косяковѣ (1).

Г. *Утка.*

Городища и курганы по этой рѣкѣ я разсматриваю отъ зап. къ востоку, т. е. вверхъ противъ теченія этой рѣки.

1. **Городокъ близъ Зеленовки.** Сельцо Зеленовка находится на лѣв. берегу Утки, верстахъ въ двухъ отъ Волги. Артемьевъ (Предисл. къ Сп. насел. м. Каз. Губ. XXXII) указываетъ при этомъ сельцѣ городокъ.

Въ дачѣ этого сельца было найдено крестьяниномъ, при распашкѣ земли, металлич. зеркало, описанное проф. Эрдманомъ (1).

Въ срединѣ зеркала (т. е. на оборотной, не полированной сторонѣ его) — арабески, которыя затѣмъ идутъ еще кругомъ этой средины, а по краю зеркала идетъ кругъ арабскихъ куфическихъ надписей, которыя Эрдманъ переводитъ такимъ образомъ: „Величіе и власть и блескъ и благословеніе Божіе и богатство и мудрость.... и хвала и отличіе и могущество и долголѣтіе и сила и.... владѣтельницѣ сего“.

---

(1) *Статья свящ. Фанагорійскаго о древнихъ укрѣпленіяхъ въ Спасскомъ уѣздѣ.* Въ протоколѣ Археол. Общ. 30 дек. 1835 г. (Извѣст. Археолог. Общ. I, 32) указано, что священникъ с. Щербета Каз. губ. Нав. Фанагорійскій прислалъ статью, заключающую въ себѣ описанія земляныхъ валовъ, городищъ и кургановъ, которые находятся въ Спасск. уѣздѣ, въ окрестностяхъ означеннаго села. Эта статья, сказано въ протоколѣ, разсмотрѣна П. С. Савельевымъ и, по его мнѣнію, она, въ настоящемъ своемъ видѣ, не можетъ быть издана въ свѣтъ, но заключающіяся въ ней свѣдѣнія могутъ служить дополненіемъ другихъ статей о той же мѣстности, если таковыя будутъ присланы въ Общество.

(1) «О восточ. зеркалахъ» въ Заволжск. Муравьѣ 1832 г. т, Т. I. Здѣсь приложенъ и видъ зеркала. Статья Эрдмана перепечатана въ Каз. Губ. Вѣд. 1845 г. № 44.

Это зеркало представляетъ сходство съ другими восточными зеркалами, на которыя было выше указано, при описаніи вещей, найденныхъ въ Булгарѣ.

2. Два городка въ деревнѣ Волосниковкѣ. На эти городки указываетъ С. Мельниковъ (1), который говоритъ, что дер. Волосникова получила начало назадъ тому лѣтъ 12, это выселокъ изъ с. Волосникова (Знаменское). Въ Сп. насел мѣстъ оба селенія показаны рядомъ, при одномъ и томъ же болотѣ Починномъ; на картѣ Стрѣльбицкаго обозначено только с. Волосниково, верст. въ 4 на югъ отъ дер. Зеленовки, на р. Уткѣ. Дер. Волосникову должно считать рядомъ съ селомъ того-же названія, къ югу отъ послѣдняго, если примемъ во вниманіе порядокъ селеній въ Сп. насел. мѣстъ Каз. губ., гдѣ селенія по правую сторону Симбирскаго коммерческаго тракта, къ которымъ принадлежатъ и оба вышеупомянутыя, перечисляются отъ сѣв къ югу, а дер. Волосникова показана послѣ села того же названія.

Внутри деревни, говоритъ Мельниковъ, на самомъ краю возвышеннаго кряжа, находятся два городка, обнесенные земляными валами, въ видѣ полукруглаго квадрата, въ 70 саж. дл. и шир.; въ нихъ находятъ желѣзныя стрѣлы и копья, да горшки красной глины. Жители разсказываютъ, что при этихъ городкахъ въ старину были битвы Русскихъ съ невѣрными (Тат.); Русскіе нападали съ поля, съ южн. стороны селенія, и, послѣ долгой битвы, побѣдили и прогнали всю невѣрную силу.

3. Городокъ въ с. Волосниковѣ. Мѣстонахожденіе этого села уже опредѣлено. „Замѣтки указываютъ при этомъ селѣ городище полукруглой формы, въ дл. 400 с., въ шир. 150 с.; оно лежитъ на холмѣ и обнесено валомъ, который дл. 1000 саж., шир. 2 саж.; ровъ не сохранился.

4. Городокъ въ 4 верстахъ отъ с. Волосникова на юго-востокъ. Это городище показано только въ „Замѣткахъ“: на ровномъ мѣстѣ, обнесенномъ валомъ до 2 саж. шир.; длина вала и пространство площади городища не означены; городище распахивается подъ посѣвы.

---

(1) «Замѣчат. селенія по Волгѣ» въ Каз. Губ. Вѣд. 1858 № 11.

Можетъ быть, этому городищу соотвѣтствуетъ мѣстность, которая показана подъ именемъ „Городокъ“ на картѣ Подробной—въ 3 верст. къ юго-востоку отъ с. Волосникова, а на картѣ Стрѣльбицкаго—въ 2 верст. отъ этого села къ юго-западу. Ни въ одномъ изъ списковъ поселеній Каз. губ. не показано въ Спасскомъ уѣздѣ селенія съ названіемъ Городокъ; а встрѣчающееся на картѣ поселеніе съ этимъ названіемъ не можетъ соотвѣтствовать никакому другому, которое было бы извѣстно подъ другимъ названіемъ, потому что всѣ 15 селеній, принадлежащихъ къ этой волости (Жедяевской), показаны на картѣ Стрѣльб., исключая шестнадцатой дер. Волосниковой, но сверхъ того является еще Городокъ.

5. Городокъ, курганъ и кладъ близъ дер. Маклашеевки. Дер. Маклашеевка или Утка находится на правомъ берегу р. Утки, въ верстѣ къ востоку отъ с. Никольскаго (Полянки), при самомъ сѣверномъ изгибѣ р. Утки.

С. Мельниковъ (1) указываетъ близъ этого селенія конусообразный городокъ, отрѣзанный отъ материка поперечнымъ валомъ, противъ него три земляныхъ насыпи, довольно высокія. Укрѣпленіе это было вѣроятно русское, предполагаетъ Мельниковъ, неизвѣстно на какомъ основаніи. „Преданій у жителей никакихъ не сохранилось и археологическихъ находокъ здѣсь не встрѣчается“.

Напротивъ, какъ увидимъ ниже, документы XVII ст. говорятъ объ этомъ городищѣ подъ именемъ Уткинскаго, называя его Татарскимъ городищемъ.

„Замѣтки“ указываютъ въ 300 саж. отъ дер. Маклашеевки на берегу р. Утки—курганъ.

А. Ѳ. Лихачевъ (2) разсказываетъ о кладѣ, найденномъ лѣтомъ 1856 г. на землѣ сц. Маклашеевки, недалеко отъ поселенія, при проведеніи въ полѣ канавы. Кладъ состоитъ изъ значительнаго числа бувейгидскихъ монетъ Какъ извѣстно, всѣ такія находки до сихъ поръ сопровождаются страшной таинственностью, такъ что о нихъ боятся говорить громко и обыкновенно бываетъ очень трудно собрать положительныя и точныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ и подробностяхъ находки;

---

(1) «Замѣчат. селенія по Волгѣ» Каз. Г. Вѣд. 1858, № 13.

(2) «Извѣстіе о нѣкоторыхъ кладахъ вост. монетъ въ Каз. губ.» Изв. Арх. Общ., т. VI, 243, 244.

ещё рѣже удается получить доступъ къ самому кладу и пріобрѣсти что нибудь изъ него. Г. Лихачеву однакожъ удалось добыть одну монету изъ этого клада и собрать кое-какія свѣдѣнія. Монета оказалась принадлежащей Ададъ-эд-дауле, Абу-Мансуръ-Бувейгу, годъ и мѣсто чеканки неясны. По разсказу, монеты эти были зашиты въ сгнившую кожу и ихъ было такъ много, что одинъ изъ рабочихъ, первый открывшій кладъ, наполнилъ ими свой кафтанъ, въ которомъ ихъ и завязалъ; остальными воспользовались другіе. Сначала этимъ кладомъ очень дорожили и молчали о немъ, или говорили шепотомъ, чтобы земская полиція или окружный не провѣдали о находкѣ и не отобрали; но такъ какъ бувейгидскія монеты обыкновенно чеканены изъ весьма дурнаго серебра, то ихъ сочли за оловянныя и вѣроятно продали какому нибудь мѣднику за безцѣнокъ.

6. **Городокъ въ 1 верстѣ отъ с. Танкѣевки.** Это село находится при оз. Селитрепомъ въ 2 верстахъ на сѣв. отъ праваго берега Утки, въ 4 верст. на сѣв.-вост. отъ дер. Маклашеевки. Городище показано въ верстѣ отъ этого села только въ „Замѣткахъ“. „Городище на горѣ, имѣетъ ровную поверхность, распаханную подъ посѣвъ; четыреугольной формы; площадь 300 саж.; валы и рвы сохранились не на всемъ его протяженіи; дл. вала 85 саж., шир. 4 саж.; глуб. рва 2 с.“.

Это городище упоминается подъ именемъ Селитрепаго въ документахъ XVII в. (см. ниже).

7. **Городище въ 80 саж. отъ сц. Шмелевки.** Это сельцо находится на правомъ берегу р. Ясачки, правомъ притокѣ Утки, на юго-вост. отъ с. Танкѣевки въ 4 верстахъ.

„Замѣтки“ говорятъ о городищѣ въ 80 с. отъ этого сельца слѣдующее: „городище круглой формы, въ окружн. 580 саж., расположено на низкомъ мѣстѣ и окружено валомъ и рвомъ, дл. до 600 саж., а шир. до 4 с.; городище невполнѣ сохранилось, потому что распахивается подъ посѣвы“.

8. **Городище въ 3 верстахъ отъ сц. Шмелевки.** Это городище встрѣчается только въ „Замѣткахъ“ и здѣсь мѣстоположеніе его показано крайне неопредѣленно, въ какой сторонѣ городище это въ 3 верст. отъ сельца?

„Городище полукруглой формы, площадь 1400 саж., помѣщается на горѣ и окружено двумя валами, между ко-

торыми находится ровъ, длина валовъ до 1500 саж., шир. 4 с., шир. рва 6 саж.“

9. Город. при с. Кокряты. Это село иначе называется Кокрятское Городище, оно находится на прав. берегу Утки; городище упоминается здѣсь Артемьевымъ (Предисл. къ Сп. насел. м. Каз. губ., XXXII) и описывается въ „Замѣткахъ“.

„Город. полукруглой формы, площадь равняется 1 верстѣ 300 саж., оно помѣщается на высокомъ мѣстѣ и окружено двумя валами, между которыми лежитъ ровъ шир. 6 саж.; дл. валовъ 840 с., шир. 4 с.; городище сохранилось не вполнѣ, такъ какъ распахивается подъ посѣвы“.

Это городище упоминается въ отводныхъ книгахъ 1668 г. (см. ниже).

10. Курганы въ окрестностяхъ сц. Грибовки. Это сельце лежитъ на сѣв. отъ с. Кокряты, верст. въ шести. Владѣлецъ сельца Н. О. Грибовскій сообщилъ мнѣ, что въ дачахъ этого сельца въ верстѣ, на юго-западъ отъ усадьбы, находится большой курганъ; въ 3 верстахъ на юго-вост. отъ Грибовки, въ дачахъ Кокряти, другой большой курганъ; въ 2 верст. на сѣверъ отъ Грибовки, въ дачахъ этого сельца, два кургана поменьше, послѣдніе два кургана находятся въ верстѣ одинъ отъ другаго.

11. Городище въ ¼ версты отъ дер. Даниловки. Эта деревня на прав. берегу Утки.

„Замѣтки указываютъ въ ¼ в. отъ этой дер. городище на ровномъ мѣстѣ, около болота, кругообразной формы; въ окружн. 2 версты, валъ и ровъ сохранились съ сѣв., вост. и южн. сторонъ, съ зап. же городокъ окруженъ болотомъ. Длина вала и рва около 1200 саж., шир. 3 саж., шир. рва 10 саж. Въ этомъ городкѣ были находимы человѣческія кости.

12. Металлическое зеркало, найденное въ с. Петропавловскомъ. Это село на правомъ берегу Утки.

Кн. М. П. Баратаевъ, какъ видно изъ протокола засѣданія Арх. Общ. 25 апр. 1851 г., (1) представилъ въ Общество снимки съ двухъ металлическихъ зеркалъ съ арабскими надписями, изъ которыхъ одно найдено въ с. Петро-

(1) Зап. Арх. Общ., IV, 63.

павловскомъ. Къ протоколу приложено и подробное описаніе обоихъ зеркалъ, составленное П. Савельевымъ (2), при чемъ сказано, что оба зеркала найдены близъ развалинъ Булгара, такимъ образомъ неизвѣстно, которое изъ этихъ двухъ зеркалъ—Петропавловское. Объ этихъ зеркалахъ см. выше—описаніе вещей, найденныхъ въ Булгарѣ.

Д. *Майна.*

Р. Майна только въ нѣкоторыхъ частяхъ принадлежитъ Спасскому уѣзду Каз. губ., большею частью она протекаетъ по Симб. губ. Древнія укрѣпленія по этой рѣкѣ, я разсматриваю, какъ и по Уткѣ, съ зап. на вост., противъ теченія.

1. Город. между Старою и Новою Грязнухою. Старая Грязнуха или с. Никольское находится съ версту на сѣв. отъ праваго берега Майны, сц. Новая Грязнуха стоитъ на самомъ правомъ берегу Майны, верст. въ двухъ на юго-вост. отъ перваго села.

С. Мельниковъ (1) говоритъ, что къ югу отъ с. Грязнухи есть древній земляной городокъ, принадлежавшій прежде, по разсказамъ жителей, Булгарамъ; но преданій о немъ никакихъ нѣтъ и даже названія его не сохранилось.

Въ „Замѣткахъ“ въ 1 верстѣ отъ сц. Нов. Грязнухи показанъ городокъ. Это тотъ-же самый городокъ, о которомъ упоминаетъ Мельниковъ, потому что городокъ долженъ находиться на сѣв. въ 1 верстѣ отъ Нов. Грязнухи, такъ какъ послѣдняя, находится на самой южной границѣ Спасскаго уѣзда, слѣдовательно мѣстность на 1 версту къ югу отъ этого сельца принадлежитъ уже Самарск. губ. Мѣстность же на 1 версту къ сѣв. отъ Нов. Грязнухи будетъ на югъ отъ с. Грязнухи, гдѣ Мельниковъ и показываетъ этотъ городокъ

Въ „Замѣткахъ“ это городище описано такъ: овальной формы, расположено на горѣ, площадь равняется 1 верстѣ; оно окружено валомъ и рвомъ, которые не вездѣ сохрани-

(2) ibid., стр. 71—78.

(1) «Замѣчат. сел. по Волгѣ» въ Каз. г. Вѣд. 1858, № 11.

лись, валъ и ровъ имѣютъ въ дл. 280 с., шир. вала простирается до 4 с., а ширина рва до 6 саж.; городище распахивается подъ посѣвы.

2. Городища въ окрестностяхъ Ст. Барана. Старый Баранъ находится не на самой Майнѣ, какъ сказано въ Сп. насел. мѣстъ, а на правомъ притокѣ Майны—Баранѣ, какъ видно на рукописной картѣ Каз. губ.

Въ 3 верст. отъ Ст. Барана, въ верховьѣ р. Барана, Рычковъ (1) указываетъ на старинный городокъ среди густаго лѣса. Городокъ укрѣпленъ валами. Пространство окружающихъ его валовъ равняется съ тѣми, которые находятся при с. Кандалахъ; но крутость и возвышеніе оныхъ уступаетъ первымъ.

О городищѣ при с. Кандалахъ, которое принадлежитъ уже Самарск. губ., Рычковъ говоритъ выше: валы послѣдняго городища составляютъ въ полуокружіи 350 саж. „Городокъ при верховьѣ Барана обросъ весь травою и внутри его не видно ничего примѣчанія достойнаго".

Въ 4 верстахъ отъ сего укрѣпленія, говоритъ Рычковъ, находится такой же городокъ двойными валами обнесенный, а недалеко отъ него есть еще другой, сему подобный. Городокъ въ 4 верст. отъ верховья Барана, можетъ быть, относится къ находящемуся, по указанію Артемьева (2), городищу при дер. Налеткиной, которая находится въ 4 верст. на юго-вост. отъ верховья р. Барана (см. ниже).

Артемьевъ (ibid.) также упоминаетъ о городищѣ при Ст. Баранѣ.

3. Город. при дер. Налеткиной. Дер. Налеткина находится на правомъ берегу Мал. Майны, небольшаго праваго притока Майны, при самомъ верховьѣ послѣдней. При этой деревнѣ указываетъ городокъ только Артемьевъ (ibid), выше сказано, что это, можетъ быть, городище, упомянутое Рычковымъ въ 4 верст. отъ верховья р. Барана.

4. Валъ между дер. Налеткиной и Верх. Альмурзиной. Деревня Верхнее Альмурзино находится на лѣ-

---

(1) «Журналъ путешествія», стр. 4, 5.

(2) Сп. насел. мѣстъ Каз. губ. Предисл., XXXII.

вомъ притокѣ Мал. Черемшана – Юхмачкѣ, верст. въ 10 на сѣв.-вост. отъ дер. Налеткиной.

Между этими двумя деревнями „Замѣтки“ показываютъ валъ, дл. 200 саж., который съ обѣихъ сторонъ окопанъ рвами, шир. въ 3 с.; валъ этотъ въ разныхъ мѣстахъ, примѣрно, чрезъ каждыя 10 саженъ, прорытъ канавами (перехватами).

6. *Старыя укрѣпленія по Уткѣ и Майнѣ, упоминаемыя въ актахъ XVII стол.*

С. Мельниковъ (1) приводитъ мѣсто изъ царскаго указа 1669 г., гдѣ сказано: „а на которыхъ мѣстахъ и на рѣкахъ на Майнѣ и на Уткѣ бывали старыя городища и валы и осыпи со всякими крѣпостьми, и тѣхъ мѣстъ шляхтѣ однолично-бъ не давать, потому что въ тѣхъ мѣстахъ построены будутъ по прежнему городы и всякія крѣпости“.

К. И. Невоструевъ (2) приводитъ мѣста изъ двухъ актовъ, въ которыхъ исчисляются городища по Уткѣ и Майнѣ: 1) память 1659 г. о бывшихъ по этимъ рѣкамъ за Патріаршимъ Домомъ рыбныхъ ловляхъ, землѣ и покосахъ; 2) отводныя книги 1668 г. объ измѣреніи и описаніи земли по этимъ рѣкамъ, особенно же старыхъ городищъ, валовъ, осыпей и бывшихъ крѣпостей съ цѣлію отдать сіи земли плѣнной польской шляхтѣ, а бывшія городища и всякія крѣпости обновить.

Послѣдній актъ стоитъ въ связи съ приводимымъ Мельниковымъ царскимъ указомъ.

Въ памяти 1659 г. указаны слѣдующія 3 городища, кромѣ Булымерскаго, о которомъ уже говорили:

1) Межъ рѣкъ Майны и Утки Маинское городище, въ дл. саж. 50, поперекъ саж. 40

2) Старое татарское городище, близко Утки рѣки, словетъ Кокрышское, а нынѣ на томъ городищѣ варятъ селит-

(1) «Примѣчат. селенія по Волгѣ», Каз. губ. Вѣд., 1858, № 13.
(2) Труды I Археол. Съѣзда, 540, 541.

ру про государевъ обиходъ, а того Кокрышскаго городища по мѣрѣ въ длину на полверсты, поперекъ тожъ.

3) Отъ Волги версты съ двѣ, а отъ Балымерскаго городища версты съ 4, близко Утки рѣки, другое татарское городище, словетъ Утинское (чит. Уткинское, какъ въ другихъ мѣстахъ), а около того городища ровъ, глуб. въ саж., а по мѣрѣ того селища (т. е., какъ изъ послѣдующаго видно, бывшаго тутъ села Никольскаго-Полянки) въ длину 70 саж. и поперекъ на 40 саж.

Въ отводныхъ книгахъ 1668 г.:

1) По Волгѣ рѣкѣ и за Майною рѣкою (отведено сѣнныхъ покосовъ) отъ Вышняго городища, вверхъ по Майнѣ рѣкѣ (это городищѣ далѣе названо Высокимъ, видно, по возвышенному своему положенію, около него пишется ровъ).

2) По другую сторону Утки рѣки городище, а въ немъ осыпь, а кругъ осыпи 3 рва, а по обѣ стороны того городища селище, что прежъ сего было патріаршее село.

3) За тѣмъ болотомъ городище и на немъ прежде сего варепа селитра, а кругъ того городища валъ да два рва.

4) А отъ того Селитренаго городища ѣдучи вверхъ по-Уткѣ рѣкѣ надъ Уткою-жъ рѣкою городище, словетъ Кокря.

При всемъ стараніи, говоритъ Невоструевъ, и перепискѣ съ разными лицами, мы не могли добиться свѣдѣній о настоящемъ положеніи всѣхъ сихъ городищъ. Не смотря на это, Невоструевъ представляетъ нѣкоторыя объясненія о мѣстоположеніи этихъ городищъ. Имѣя въ настоящее время болѣе данныхъ, неизвѣстныхъ Невоструеву, мы находимся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. На основаніи новыхъ данныхъ—„Замѣтокъ о город.“ и статей С. Мельникова, послѣднія хотя были напечатаны до статьи Невоструева, но не были ему извѣстны, я опредѣляю настоящее положеніе трехъ изъ 4 или 5 упоминаемыхъ въ актахъ городищъ.

1. Уткинское городище соотвѣтствующее город. близъ дер. Маклашеевки. Память 1659 г. упоминаетъ о городищѣ Уткинскомъ, это третье город., по памяти, а по отводнымъ книгамъ 1668 г.—второе. Невоструевъ также эти два городища считаетъ за одно, но не можетъ опредѣлить настоящее его мѣстоположеніе. Память говоритъ, что город. въ 2 верст. отъ Волги и въ 4 отъ Булымерскаго городища. Дер. Маклашеевка ровно въ 4 верст. отъ Бу-

лымера и въ 3 верстахъ отъ Волги. По памяти и отводнымъ книгамъ, городище сосѣдитъ съ с. Полянки, дер. Маклашеевка стоитъ рядомъ съ этимъ селомъ, на вост. отъ него.

Городище по памяти близъ р Утки и называется Уткинскимъ, дер. Маклашеевка на р. Уткѣ и называется иначе Утка.

Такимъ образомъ видно, что называемое въ документахъ XVII ст. Уткинскимъ городищемъ соотвѣтствуетъ находящемуся нынѣ близъ дер. Маклашеевки.

2. **Селитреное — соотвѣтствующее городищу въ 1 верстѣ отъ с. Танкѣевки.** Память говоритъ о Кокрышскомъ городищѣ, на которомъ варятъ селитру, отводныя книги тоже упоминаютъ объ этомъ город. и называютъ его „Селитреномъ".

Память указываетъ это городище близъ р. Утки, а отводныя книги за болотомъ. Очевидно, что это городище—вышеуказанное въ 1 верстѣ отъ с. Танкѣевки, которое находится при Селитреномъ оз., въ 2 верст. на сѣв. отъ р. Утки.

Площадь этого городища по Замѣткамъ 300 с., а по „памяти" полверсты въ дл. и шир. Такимъ образомъ сходятся и размѣры этихъ городищъ.

Но „память" называетъ это городище Кокрышскимъ, т. е., какъ указываетъ Невоструевъ, Кокрятскимъ (Кокря), а городище съ послѣднимъ названіемъ встрѣчается въ настоящее время на р. Уткѣ, верстъ на 10 къ юго-востоку отъ с. Танкѣевки или отъ Селитренаго озера. Невоструевъ, которому было извѣстно только Кокрятское городище, по указанію его на Подробной картѣ, и неизвѣстно городище близъ с. Танкѣевки (Селитреное, Кокрышское), принимая во вниманіе названіе городища, гдѣ варятъ селитру, Кокрышскимъ, считаетъ его за нынѣ существующее Кокрятское; но отводныя книги отличаютъ Селитреное городище отъ Кокрятскаго. Это противорѣчіе Невоструевъ примиряетъ замѣчаніемъ, что такъ какъ въ Кокрышскомъ городищѣ варили селитру, то особо упоминаемое Селитреное городище есть ничто иное, какъ продолженіе того-же Кокрятскаго.

Послѣднее предположеніе Невоструева невѣрно. Селитреное городище не можетъ быть непосредственно продолженіемъ Кокрятскаго, такъ какъ они отстоятъ одинъ отъ другого на 10 верстъ. Это два отдѣльныхъ городища; прини-

мать нынѣ существующее Кокрятское городище за Селитреное нѣтъ основаній. Но откуда названіе Селитренаго городища Кокрышскимъ, т. е. Кокрятскимъ, если это не ошибка „памяти“? Отвѣтомъ на это можетъ служить нѣсколько примѣровъ, встрѣчающихся въ Казанск. губ., что разныя городища носятъ одно и тоже названіе, напр. Жукотинское, Кызъ-Кола и пр.

3. Кокрятское городище. Городище, упоминаемое въ отводныхъ книгахъ подъ именемъ Кокря, находившееся надъ р. Уткою, вверхъ отъ Селитренаго, очевидно соотвѣтвѣтствуетъ вышеуказанному Кокрятскому.

4. Неопредѣленныя городища Маинское и Высокое. Невоструевъ первыя упоминаемыя въ памяти и отводныхъ книгахъ городища, т. е. Маинское и Высокое, считаетъ за одно и тоже и указываетъ, какъ на соотвѣтствующее ему нынѣ, на „Городокъ“, показанный на Подробной картѣ.

Но Маинское городище показано въ памяти между Уткою и Майною, а отводныя книги совсѣмъ не опредѣляютъ мѣстоположенія Высокаго городища, здѣсь только говорится объ отводѣ сѣнныхъ покосовъ „по Волгѣ и за Майною рѣкою отъ Вышняго городища вверхъ по Майнѣ рѣкѣ“.

Невоструевъ, отождествляя Маинское город. съ Городкомъ между Майною и Уткою, очевидно имѣлъ въ виду показаніе „памяти“, что Маинское город. находится между этими двумя рѣками, а на этомъ пространствѣ Невоструевъ не зналъ другаго городища, кромѣ Городка.

Но на пространствѣ между рр. Уткою и Майною Мельниковъ, прежде статьи Невоструева, указалъ на два городка въ дер. Волосниковѣ, а послѣ статьи Невоструева, сдѣлались извѣстными изъ „Замѣтокъ“ городище при с. Волосниковѣ и въ 4 верст. отъ послѣдняго (можетъ быть Городокъ). Такимъ образомъ для отождествленія съ Маинскимъ городищемъ представляется на выборъ 3 или 4 городища, если считать Городокъ не за одно съ городищемъ въ 4 верст. отъ села Волосникова. Для совершенія этого выбора недостаетъ данныхъ: Маинское город. въ „памяти“ показано въ дл. 50 с., поперегъ 40 саж.; а городки въ дер. Волосниковой имѣютъ 70 саж. въ дл. и шир.; тѣмъ болѣе не подходитъ къ Маинскому городище въ с. Волосниковѣ, которое имѣетъ въ дли-

ну 400 с., а въ шир. 150 с.; длина валовъ и пространство площади городища въ 4 верст. отъ с. Волосникова не показаны.

V. МАЛЫЙ ЧЕРЕМШАНЪ И ЕГО ПРИТОКИ.

Древнія укрѣпленія и курганы по Мал. Черемшану и его притокамъ я разсматриваю съ юга на сѣверъ, т. е. противъ теченія Малаго Черемшана, начиная такимъ образомъ съ мѣстности сосѣдней верховьямъ Майны и Утки. Древнія укрѣпленія, находящіяся на Мал. Черемшанѣ и его притокахъ, состоятъ въ связи съ предыдущими, составляя восточную линію укрѣпленнаго пространства, укрѣпленною линіею котораго на западѣ представляются—оба берега Волги, на югѣ—рѣки Утка и Майна, на сѣверѣ—рѣки Бездна и Ахтай.

1) **Город. на р. Большой Шіѣ.** Въ 3 верстахъ отъ дер. Чибашъ Рычковъ (1) указываетъ город. на р. тогоже названія. Дер. Чибашъ соотвѣтствуетъ дер Шибаши (Рысова Поляна), которая находится на р. Большой Шіѣ, впадающей съ правой стороны въ Мал. Черемшанъ. Названіе деревни означаетъ—верховье Шіи, слѣдовательно Рычковъ, по недоразумѣнію, назвалъ и самую рѣку Чибашъ (Шибашъ); рѣка называется Шія, а дер. при верховьѣ ея—Шибашъ.

„Это старинное жилище, говоритъ Рычковъ, такъ порядочно укрѣплено, что должно справедливо похвалу приписать искусству древняго сего мѣста обитателей. Три возвышенныхъ вала и столько же глубокихъ каналовъ окружаютъ оный замокъ и представляютъ видъ дугѣ подобный. Съ зап. стороны не имѣетъ онъ никакого укрѣпленія; да и не было въ томъ ни малой нужды: ибо тутъ въ довольно крутыхъ берегахъ течетъ рч. Чибашъ, а позади ея находятся мѣста очень балотистыя, которыя могутъ жителей защищать въ случаѣ непріятельскаго нападенія“.

„Во всѣхъ старинныхъ укрѣпленіяхъ сіе больше примѣчанія достойно, что труды ихъ соотвѣтствуютъ самой природѣ и выборы укрѣпляемыхъ ими мѣстъ были всегда такъ начинаемы, чтобы согласить ихъ съ намѣреніемъ своимъ“.

---

(1) «Журналъ путешествія» стр. 6, 7.

„Измѣряя пространство древняго сего замка, нашелъ я, что широта его 86, дл. 91, а кругомъ 354 саж., и также, какъ и другихъ, двои земляныя ворота, сдѣланныя по широтѣ строенныхъ валовъ, которыхъ возвышеніе, считая и съ глубиною рва, близъ 3 саж.“

„Обыкновенія и искусство древнихъ народовъ состояло въ томъ, что, укрѣпляя валами жилища свои, наблюдали они всегда, чтобы наружный валъ уступалъ возвышенію втораго, а оный превосходилъ бы высотою внутри стоящій валъ“.

„Наружныхъ зданій внутри замка сего нынѣ не видно; но находится множество бугровъ, которые раскапывая нашелъ я, что были основанія какихъ нибудь каменныхъ зданій. Сіи бугры состоятъ изъ краснаго кирпича и изъ бѣлаго дикаго камня, которые покрывала земля погодой нанесенная и растеніями умноженная“.

„Проѣхавъ ворота замка, видно еще множество ямъ и на поверхности земли лежащихъ камней. Признаки развалинъ занимаютъ мѣста на 120 саж., и такъ, должно думать, что сіе служило предмѣстіемъ валами укрѣпленнаго замка. На конецъ сихъ видимыхъ ямъ находится рч. Качей, выходящая съ восточной стороны и впадающая въ рч. Чибашъ, которая защищаетъ замокъ своими болотистыми берегами. Проѣхавъ оную видны еще знаки прежде стоявшихъ зданій во всемъ подобные выше находящемуся предмѣстію. Знатно, что и тутъ была часть жилища сего городка“.

„Нынѣшніе жители сея страны не знаютъ, кѣмъ мѣста оныя были прежде сего обитаемы, и нѣтъ между ними никакого повѣствованія, изъ чего бы можно было имѣть хотя малое познаніе; но вѣроятно, что всѣ оныя мѣста принадлежали или старобытнымъ Скоамъ или Болгарамъ, послѣ ихъ въ сей странѣ обитавшимъ“.

Рычковъ прилагаетъ и планъ этого укрѣпленнаго мѣста.

Артемьевъ (1) указываетъ также при дер. Шибашн городокъ, называемый „Круглый“; вѣроятно это тотъ-же городокъ, который описываетъ Рычковъ, названіе „Круглый“ соотвѣтствуетъ формѣ этого городища, указываемой Рычковымъ — дугообразной.

(1) Предисл. къ Сп. насел. м. Каз. губ., XXXII.

2. Город. близъ дер. Нижн. Качеевой. Эта дер. находится на той же р. Шіѣ, ниже дер. Шибашъ. Город. при этой деревнѣ указываетъ только Артемьевъ (ibid).

3. Окопъ въ $1^1/_2$ верстѣ отъ дер. Верхн. Качеевой. Дер. Верхн. Качеева находится на прав. берегу Мал. Шіи, которая впадаетъ съ лѣв. стороны въ Б. Шію.

Объ этомъ окопѣ упоминается только въ „Замѣткахъ“, но мѣстоположеніе его здѣсь опредѣлено неправильно: онъ показанъ въ $1^1/_2$ версты отъ дер. Верхн. Качеевой, „близъ рѣкѣ (sic?) Шіи и Майны, въ разстояніи отъ послѣдней на 200 саж.“. Но мѣстность въ $1^1/_2$ версты отъ дер. Верхн. Качеевой, по направленію къ р. Майнѣ, будетъ отъ послѣдней не ближе 16 верстъ. Здѣсь очевидная ошибка, можетъ быть, вмѣсто „близъ рѣчки Шіи и Майны“, должно читать „близъ Шіи Малой, въ разстояніи отъ послѣдней въ 200 саж.“ „Окопъ круглой формы, площадь котораго занимаетъ 3 десятины; съ сѣв., зап. и вост. онъ окруженъ валомъ и рвомъ, длина которыхъ до 300 с., шир. вала около 2 саж., а рва 6 саж.“

4. Город. въ 1 верстѣ отъ дер. Чув. Бродъ. Это городище показано въ „Замѣткахъ“ въ 1 верстѣ отъ дер. Чувашскій Бродъ, которая лежитъ на правомъ берегу Мал. Черемшана, по направленію къ сц. Садикову, которое лежитъ выше первой деревни, на лѣв. берегу Мал. Черемшана.

Городище лежитъ на высокомъ мѣстѣ, на берегу Мал. Черемшана, четыреугольной формы, въ дл. 75 саж., а въ шир. 45 с.; поверхность городища ровная и распахивается подъ посѣвы; окружено со всѣхъ сторонъ валомъ и рвомъ, которые впрочемъ не вездѣ сохранились; длина ихъ 160 с., ширина вала 2 с., глубина рва 4 саж.“

5. Курганъ между деревень Борискиной и Ямкиной показанъ въ „Замѣткахъ“, при чемъ сказано, что въ народѣ онъ называется маръ и раскопокъ въ немъ произведено не было. Дер. Борискина на лѣв. берегу Мал. Черемшана, Ямкина при верховьѣ Абзерки (по Сп. насел. мѣстъ, а на рукописной картѣ—Янзирка), притока Мал. Черемшана съ лѣв. стороны. Отъ вышеупомянутаго с. Садикова дер. Борискина на сѣв. въ 2 верст., а дер. Ямкина на вост. въ 4 верст.

6. Курганы при дер. Нижн. Алькѣевой. Эта дер. находится на прав. берегу р. Атаси, которая впадаетъ

съ прав. стороны въ М. Черемшанъ, въ 2 верстахъ отъ устья Атаси, которое находится между вышеупомянутыми селеніями Борискиной и Садикова.

При дер. Нижней Алькѣевой три кургана показаны въ „Замѣткахъ“ вмѣстѣ съ предыдущимъ курганомъ, при чемъ прибавлено относящееся и къ предыдущему кургану, что курганы называются марами и что они не были раскопаны.

7. Город. въ ½ верстѣ отъ дер. Ерякиной. Дер. Ерякина (Ст. Ишгубаево) на прав. берегу р. Атаси, выше дер. Нижн. Алькѣевой.

Объ этомъ городищѣ въ „Замѣткахъ“ сказано, что оно расположено на низкомъ мѣстѣ, на берегу р. Атаси, въ ⅓ верстѣ отъ дер. Ерякиной, четыреугольной формы, въ дл. 74 с., въ шир. 67 с.; окружено со всѣхъ сторонъ валомъ и рвомъ, которые однако сохранились не на всемъ его пространствѣ: въ дл. валъ и ровъ—180 с., шир. вала 2 с., глуб. рва 4 саж. Поверхность городища ровная и распахана подъ посѣвы. Въ город. находимы были желѣзн. пики, а лѣтъ 50 тому назадъ, найдено оружіе, въ видѣ сабли, въ арш. съ небольшимъ длиною (это оружіе находится у крестьянина Максима Иванова).

8. Город. въ 3 верст. отъ дер. Волховки. Дер. Болховка (Нов. Кузнечиха) показана въ Сп. насел. мѣстъ на р. Атасѣ, но ни на одной картѣ это селеніе не обозначено.

„Замѣтки“ показываютъ въ 3-хъ верст. отъ этой деревни городище кругообразной формы, на ровномъ мѣстѣ, близъ оврага, въ окружн. 1½ версты; ровъ и валъ сохранились съ вост., южн. и зап. сторонъ, съ сѣв.-же находится оврагъ. Дл. вала и рва ок. 900 с., шир. вала—3 с., шир. рва—6 с.

9. Город. при дер. Ст. Камкина. Эта деревня на правомъ берегу Мал. Черемшана.

„Подъ самымъ жительствомъ ея, говоритъ Рычковъ (ibid. стр. 8), на верху крутой горы, находится старинный городокъ, валами укрѣпленный. Онъ, такъ какъ и всѣ выше сего описанныя древнихъ народовъ обиталища, сдѣланъ на подобіе дуги или полукружія; но прекрасное положеніе и натуральное укрѣпленіе сего мѣста другія превосходитъ, ибо сверхъ означенныхъ валовъ съ одной стороны укрѣпляетъ оный городокъ глубокая долина, съ другой крутость той самой горы, на верху которой находятся валы, и близъ коей течетъ р. Черемшанъ, имѣя лѣсистые берега. Окружность

сихъ валовъ составляетъ болѣе 300, а возвышеніе оныхъ, считая и съ глубиною рва, близъ 3 саж. Внутри сего огражденнаго мѣста, хотя и не видно ни какихъ наружныхъ зданій, но находится довольно дикаго камня и кирпича, которые, думаю, составляли нѣкогда какія нибудь каменныя зданія".

Объ этомъ городищѣ въ 1812 г. упоминаетъ Кондыревъ въ Рапортѣ Совѣту Каз. университета о своемъ археологич. путешествіи—„на высотѣ близъ р. Мал. Черемшана и дер. татарской Камкино, отъ Билярска верст. въ 30" (1).

„Замѣтки" указываютъ на это городище, опредѣляя его мѣстоположеніе при дер. Стар. Камкиной и выселкѣ Студенцѣ (2), близъ Мал. Черемшана. „Городище четыреугольной формы, площадь его равняется 3 десятинамъ, оно лежитъ на высокомъ мѣстѣ. Валы и рвы сохранились не вездѣ. Дл. вала 80 с., шир. 2 с., шир. рва 5 саж. Раскопки хотя и были производимы, но неизвѣстно кѣмъ".

Артемьевъ (ibid.) указываетъ городокъ, который называется „Нугай-Кала" при Камкиной, но не при Старой, а при Камкиной, которая иначе называется Нов. Меляшъ и лежитъ на р. Меляшѣ, которая впадаетъ въ Мал. Черемшанъ съ прав. стороны, выше дер. Стар. Камкиной.

Такое обозначеніе мѣстоположенія городища очевидно ошибочно.

Нугай (3) Кала значитъ Укрѣпленный Городъ.

10. Городище и курганы по р. Мурасѣ (1). Р. Мураса—лѣв. прит. Мал. Черемшана, на прав. берегу Му-

---

(1) См. Приложеніе I.

(2) Выселокъ Студенецъ, неозначенный ни на одной картѣ, должно отличать отъ села Студенецъ, находящагося на югъ отъ Стар. Камкиной на Мал. Черемшанѣ, и деревни Татарскаго Студенеца, находящейся на востокъ отъ Ст. Камкиной (см. Естеств. приращеніе сельск. населенія Каз. губ., т. I, стр. 322, 323. Свѣдѣнія о числѣ верстъ отъ селеній до уѣздн. и губерн. гор. Каз. губ., стр. 11, рукоп. карта Каз. губ. и Подробная). Сп. насел. мѣстъ упоминаетъ только село Студенецъ, карта Стрѣльб. также обозначаетъ только этотъ Студенецъ.

Выселокъ Студенецъ, очевидно, находится между с. Студенецъ и дер. Ст. Камкина.

(3) Ныкъ — твердый, ныгай — укрѣпиться. «Словарь нар.-тат. яз.» Остроумова.

(1) Всѣ доселѣ указан. мѣстности по Мал. Черемшану и его притокамъ принадлежатъ къ Спасскому уѣзду, нижеслѣдующія — Чистоп. уѣзда.

расы стоитъ дер. Нов. Альметево, при этой дер. Артемьевъ (ibid.) и „Замѣтки“ указываютъ городище.

Артемьевъ называетъ это город. „Гирей-Кала“ (объясненіе этого названія см. ниже), „Замѣтки“ указываютъ мѣсто городища при этой дер., на рч Мурасѣ. Город. кругообразной формы, въ окружн. 260 с., оно застроено въ настоящее время крестьянскими дворами, или же занято гумнами и огородами. Валы и рвы не вездѣ сохранились, такъ какъ изъ нихъ крестьяне начали добывать глину; длина ихъ на 260 с., шир. вала болѣе одной саж., а рва отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 с. Раскопокъ въ этомъ городищѣ произведено не было и преданій объ его устройствѣ не существуетъ“.

Кондыревъ очевидно упоминаетъ объ этомъ городищѣ, указывая городокъ на равнинѣ, въ татарск. дер. Алметево (2).

Это городище упоминается въ „данной 1690 г. вожамъ дер. Таборъ на пустую землю по рч. Мурасѣ“ (3). Въ „данной“ сказано, что вожи указываютъ; „есть де за Камою рѣкою пустая порозшая земля, дикое поле ковыла, а селище той ихъ пустоши на устье Карей рѣчки, противъ стараго городища... а ниже Карея рѣчки, Мураса рѣка“.

Дер. Нов. Альметево, при которой находится вышеуказанное городище, лежитъ на р. Мурасѣ, при впаденіи въ нее р. Гарей—по картѣ Стрѣльб. и Сп. насел. м., а по Подробной картѣ—Гирей. Данная 1690 г. указываетъ городище именно при устьѣ Карея (Гарей, Гирей). Этимъ объясняется и названіе этого городища, приводимое Артемьевымъ—„Гирей Кала“.

„Замѣтки“ указываютъ при дер. Нов. Альметево, кромѣ городища, земляную насыпь (маръ).

Подобныя земл. насыпи, называемыя народомъ марами, по „Замѣткамъ“, встрѣчаются еще при дер. Ст. Альметево (4) 5 маровъ, при дер. Кульбаева Мураса (5) одинъ маръ, при дер. Нов. Амзя (6) — 2 мара, при дер. Курналяхъ (7) — одинъ маръ.

(2) См. прилож. I.

(3) Акты, собр. Ст. Мельниковымъ I, стр. 97, 98.

(4) Тоже при р. Мурасѣ, противъ дер. Нов. Альметевой, на противоп. лѣв. берегу Мурасы.

(5) На лѣв. берегу Мурасы, ниже двухъ предыдущ. деревень.

(6) На рч. Амзя, лѣв. притокѣ Гарея.

(7) На рч. Курнали, прав. притокѣ Гарея.

Всѣ эти насыпи, говорятъ „Замѣтки“, расположены на высокихъ мѣстахъ, въ поляхъ, и вдали отъ рѣчекъ. Раскопокъ здѣсь не производили.

11. **Городища около Билярска.** Объ нихъ см. отдѣльно — „Бюларское городище“.

12. **Городище при с. Изгаръ.** Это село, иначе называемое Никитино Городище, Рождественское, находится на лѣв. берегу рч. Изгаръ, которая съ прав. стороны впадаетъ въ Мал. Черемшанъ.

„Замѣтки“ говорятъ, что городище находится въ 200 с. отъ с. Изгаръ, по направленію къ г. Чистополю; оно четыреугольн. формы, по 70 саж. въ дл. и шир.; поверхность город. ровная, распахивается подъ посѣвъ и окружено со всѣхъ сторонъ рвомъ и валомъ; дл. ихъ равняется 500 с., а шир. того и др. до $1^1/_2$ с. О сооруженіи этого городища преданій никакихъ не сохранилось, раскопокъ производимо не было.

Городище при с. Изгаръ указываетъ и Артемьевъ (ibid.).

VI. БЮЛАРСКОЕ ГОРОДИЩЕ СЪ СОСѢДНИМИ КЛАДБИЩАМИ.

1. **Старинный планъ городища**, по уменьшенной копіи съ плана, хранящагося въ архивѣ Инженерн. управленія, помѣщенъ въ VI т. Изв. Арх. Общ., стр. 246.

Городище представляетъ видъ почти прямоугольнаго четыреугольника, который образуется рядомъ трехъ четыреугольн. валовъ: первый, внѣшній, идетъ въ протяженіи почти 10 верстъ; второй, средній, отступаетъ отъ перваго вездѣ одинаково — саж. на 50; третій, внутренній, отстоитъ отъ втораго на сѣв. сторонѣ, саж. на 200, и на южной—на 300. Въ длину и шир. городище простирается на $2^1/_2$ версты. Къ сѣверо-зап. углу городища течетъ съ юго-вост. р. Билярка, которая пересѣкаетъ внѣшній и средній валы на вост. сторонѣ, огибаетъ внутренній валъ, протекая на протяженіи двухъ верстъ, между этимъ валомъ и среднимъ, потомъ опять пересѣкаетъ средній и внѣшній валы на сѣв. сторонѣ и течетъ далѣе на сѣв., впадая въ Мал. Черемшанъ

Въ пространствѣ между среднимъ и внутреннимъ валами, на сѣв.-востокѣ, надъ сѣв.-восточнымъ угломъ внутренняго четыреугольника, въ Билярку впадаетъ р. Серебрянка, кото-

рая течетъ съ сѣв. на югъ, вмѣстѣ съ Биляркою, между средн. и внутрен. валами, пересѣкая средн. и внѣшн. валы на сѣв.-зап. сторонѣ.

На южн. сторонѣ, между среднимъ и внѣшн. валами протекаетъ рч. Голшанка.

Пригородъ Билярскъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ р. Билярки, на зап. — до внутренняго вала городища, а на вост. продолжается далѣе внѣшн. вала. Такимъ образомъ, внѣшній и средн. валы проходятъ нѣкоторыми частями, съ сѣв. на югъ, черезъ пригородъ.

На площади внутренняго четыреугольника въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показана пепахатная бугристая земля, остальная земля пахатная; въ сѣв.-вост. углу — мѣсто прежней чувашской деревни; изъ зданій показанъ только развалившійся каменный столбъ; у сѣв.-зап. угла площади — древнее кладбище по обѣимъ сторонамъ сѣверной линіи внутренняго четыреугольника, черезъ кладбище протекаетъ вышеупомянутая рч. Серебрянка.

Внѣ площади внутрен. четыреугольника, но около западн. вала его показаны въ двухъ мѣстахъ — группы землян. бугровъ. Сверхъ того группа такихъ бугровъ встрѣчается въ юго-западн. углу средн. четыреугольника и двѣ группы на самомъ югѣ городища, между р. Голшанкою и южн. внѣшн. валомъ. Эти землян. бугры вѣроятно могильные курганы.

2. Валы и рвы. Рычковъ представляетъ „Описаніе достопамятн. развалинъ Болгарск. г. Булумера, въ пригородѣ Билярскѣ находящихся“ (1).

„Пригородокъ, говоритъ Рычковъ, поселеніемъ своимъ занимаетъ часть самого того мѣста, гдѣ былъ древній городъ обитавшихъ въ сей странѣ народовъ. Укрѣпленіе его состоитъ въ трехъ глубокихъ рвахъ и въ толикомъ же числѣ возвышенныхъ валовъ, обнесенныхъ вокругъ градскихъ развалинъ. Достойны они особливаго примѣчанія и удивленія по сему, что не смотря на весьма отдаленную древность, понынѣ ничѣмъ еще не поколебимы и находятся въ такой неразрушимой твердости, что сравнивая ихъ съ нынѣшними земляными укрѣпленіями, можно почесть ихъ въ числѣ лучшихъ и порядочныхъ крѣпостей“.

(1) «Журн. путешествія», стр. 11—22.

„Первый валъ начинается съ сѣверо-вост. стороны отъ рч. Билярки, текущей посреди сего мѣстечка, и сочиняетъ окружность болѣе 12 верстъ; потомъ находится другой, отдѣленный довольнымъ разстояніемъ отъ перваго. Послѣдній валъ, гораздо лучше укрѣпленный, подаетъ поводъ думать, что былъ онъ замкомъ сего древняго города".

Авторъ статьи „Поѣзда въ Болгары и Билярскъ" (2), говоритъ, что городъ былъ окруженъ тремя рвами и валами, возвышавшимися на 3 саж. отъ поверхности земли. Валъ сей, частію разсыпавшійся, мѣстами поросшій лѣсомъ и одною стороною проходящій сквозь нынѣшнее селеніе, обнимаетъ собою болѣе 15 верстъ въ окружности, а въ поперечникѣ простирается по крайней мѣрѣ на 5 верстъ. Изъ сего заключить можно, сколько пространенъ былъ самый городъ".

Размѣры городища здѣсь, сравнительно съ вышеуказаннымъ старымъ планомъ, значительно увеличены.

Второвъ (3) о внутреннемъ валѣ замѣчаетъ, что „онъ укрѣпленъ гораздо лучше прочихъ, онъ мѣстами раздвояется, образуя родъ засадъ, въ которыхъ входы съ внутреннихъ сторонъ. Опаснѣйшій пунктъ для города, безъ сомнѣнія, былъ съ сѣвера; отсюда грозили ему набѣги Русскихъ. Отъ того и укрѣпленія съ этой и частію съ западн. стороны принимаютъ видъ оборонительный".

Артемьевъ (4) говоритъ, что „городище Билярское укрѣплено тройнымъ и весьма сильнымъ рядомъ валовъ, въ иныхъ мѣстахъ какъ бы съ батареями или шанцами и ретраншаментами; впрочемъ, можетъ быть, это и позднѣйшія прибавки: Билярскъ стоитъ на линіи, по которой въ XVII в. проведенъ былъ большой валъ, извѣстный подъ именемъ Закамской Черты; не мудрено, что, когда устроивалась эта черта, древнія укрѣпленія дополнены были новыми".

3. Столбъ и древнія развалины. Первый, который указалъ на остатки древнихъ зданій въ Бюларск. городищѣ, былъ Татищевъ (1). Онъ принимаетъ, что имя Билировъ

(2) Заволжскій Муравей 1833. I, стр. 196.

(3) «Памятн. древн. въ Каз. губ.» Ж. М. Вн. Д., 1840, ч. 37, стр. 203.

(4) «Древн. Булг. г. Жукотинъ», Ж. М. Вн. Д. 1851, ч. 33. стр. 68.

(1) «Исторія Россійск.» I, 354.

было собственное и общее всѣхъ Булгаръ, „ибо и Татары, испортя Булиры, а Русскіе отъ града Болгары именовали“.

„Билировъ же имя городъ Билярскъ на р. Черемшанѣ сохраняетъ, гдѣ еще нѣколико древняго зданія каменнаго, а особливо порталъ или врата великаго храма и столбы видимы“.

На остатки каменныхъ строеній указываетъ потомъ Рычковъ (ibid. 12, 13): „Остатки каменныхъ развалинъ, окружающіе пространные и порядочные валы, суть ясные свидѣтели огромныхъ тѣхъ строеній“.

Затѣмъ Рычковъ упоминаетъ о множествѣ знаковъ каменныхъ развалинъ между внѣшн. и внутрен. валами и на площади внутрен. вала. На послѣдней, между различными разрушенными зданіями, находится еще и донынѣ преогромный каменный столбъ, построенный посреди сего замка изъ краснаго кирпича, смѣшаннаго съ дикимъ камнемъ Не смотря на то, что нуждающіеся камнями пынѣшніе жители пригородка Билярска завсегда его разрушаютъ, увозя каменья для домоваго своего употребленія, вышиною онъ 5 арш. съ $^1/_4$, толщ. 7, а круг. его 24 арш. По сторонамъ его видно множество развалившихся каменныхъ зданій“.

Одинъ престарѣлый житель Билярска разсказывалъ Рычкову (ibid., 18), что при началѣ ихъ поселенія (чему уже было 30 лѣтъ)(²), каменный столбъ былъ преогромной величины. Возвышеніе его представляло видъ обыкновенной колокольни, и находилось по немъ нѣсколько окошекъ и множество каменныхъ палатъ, стоявшихъ вокругъ его.

Этотъ сторожилъ Билярска передалъ Рычкову и преданіе о сокровищахъ, скрытыхъ подъ столбомъ. Въ городѣ когда то жилъ храбрый государь, который очень обогатился военною добычею. Государь этотъ не считалъ своихъ потомковъ достойными наслѣдовать его сокровища, поэтому построилъ этотъ столбъ и подъ нимъ подземную палату, куда и скрылъ всѣ свои сокровища.

Старикъ, замѣчаетъ Рычковъ, вѣрилъ, что всѣ сокровища и донынѣ находятся въ этой палатѣ, но взять поклажу, заклятую отъ невѣрнаго, невозможно. „Нѣкоторые люди, по словамъ старика, пытались подрыться къ заклятой храминѣ;

(²) Рычковъ былъ въ Билярскѣ въ 1769 г.

по приближаясь увидѣли при самомъ входѣ ужасную черную собаку, прикованную на цѣпяхъ и стрегущую сокровища. Собака бросилась на похитителей съ великою яростью, и ужасный голосъ ея принудилъ ихъ возвратиться въ домы свои, куда пришедъ увидѣли себя лишенныхъ чувствъ и разума".

„Такія чудныя повѣсти, объясняетъ Рычковъ, безъ сомнѣнія, выдуманы Татарами, дабы устрашить тѣхъ, которые похотятъ разрыть остатки ихъ древняго жилища. Но не много помогла имъ сія ужасъ наводящая сказка: жители пригородка разрушили всѣ сіи зданія до основанія, и нынѣ уже находятся тамъ одна пустота и развалины".

Билярскія развалины потерпѣли отъ тамошнихъ жителей еще болѣе булгарскихъ и скорѣе послѣднихъ сдѣлались даже нераспознаваемы. Кондыревъ, бывшій въ Билярскѣ въ 1812 г., упоминаетъ развалины и валы вокругъ Билярска (3); но посѣтившій древнее городище въ 1831 г. нашелъ здѣсь только кучи камней, только слѣды одного столба были довольно еще видимы. „По этимъ слѣдамъ, должно заключить, что столбъ, можетъ быть, также служившій минаретомъ, былъ гораздо обширнѣе булгарскаго. Провожавшій насъ житель Билярска увѣрялъ, что за нѣсколько предъ симъ лѣтъ столбъ возвышался по крайней мѣрѣ на 5 арш. отъ основанія, но совершенно разрушенъ самими же ими, ибо многіе камни отъ сего строенія свезены подъ церковь и на другія надобности" (4).

Второвъ (ibid. 203, 204) говоритъ, что слѣды каменныхъ зданій заключаются въ однихъ только буграхъ и ямахъ съ грудами камней, во множествѣ разсѣянныхъ внутри укрѣпленій. Отъ столба не осталось ничего, кромѣ бугра, изъ котораго вырыты даже камни, служившіе фундаментомъ зданію. Съ зап. стороны столба видны признаки примыкавшаго къ нему четвероугольн. строенія, можетъ быть, мечети, имѣвшей около 7 саж. дл. и 4 шир.

4 Мѣстодобываніе строительнаго матеріала. Рычковъ (ibid. 21, 22) обращаетъ вниманіе на этотъ вопросъ.

„Не знаю, говоритъ онъ, откуда бы древніе обитатели сихъ мѣстъ могли доставать на строенія свои дикій камень.

(3) См. Приложеніе I.

(4) «Поѣздка въ Болг. и Билярскъ», Зав. Мур., 1833, I, 196.

Вся сія страна, начиная отъ Симбирска до Билярска, такъ скудна каменными мѣстами, что нигдѣ почти оныхъ не видно. Старые жители г. Буляра употребляли особливой величины каменья, какъ для простаго строенія, такъ и для могилъ своихъ. Они не имѣли иного способа доставать ихъ, какъ только съ р. Камы, до которой отъ Билярска близъ 40 верстъ. Тамъ каменистыхъ мѣстъ довольно; но перевозъ столь ужасныхъ громадъ, думаю, былъ гораздо труденъ: ибо кромѣ сухаго пути никакого другаго сообщенія не находится".

5. Развалины и кладбище на горѣ Балынгузъ. Объ этихъ развалинахъ я уже упоминалъ, обозрѣвая мусульманскіе источники о г. Бюларѣ. Я представилъ письменныя свидѣтельства и преданія о погребенныхъ тамъ святыхъ.

„Противу самыхъ развалинъ стариннаго города, говоритъ Рычковъ (ibid. 15), отъ Билярска верстахъ въ трехъ къ сѣв. сторонѣ, на верху высокой горы другіе остатки каменныхъ зданій, сдѣланные на подобіе палатъ. Корыстолюбивые искатели подземныхъ сокровищъ, признавая во всѣхъ древнихъ мѣстахъ богатства, разрушили и сіи зданія до основанія".

Второвъ говоритъ (ib. 204), что къ сѣв., верстахъ въ трехъ отъ Билярск. селенія, за р. Мал. Черемшанъ, стоитъ гора, называемая здѣшними жителями Балангузъ. На ней, какъ замѣтно, находилось также нѣсколько каменныхъ зданій.

„Вокругъ видимыхъ нынѣ развалинъ, говоритъ Рычковъ (15, 16), находится множество стоящихъ и въ землю утвержденныхъ камней, которыхъ вышина составляетъ $2^1/_2$ арш. и прочія части камней соотвѣтствуютъ сей стоящей громадѣ. Всѣ они исписаны арабскими и татарскими словами, которыя знаменовали имена землѣпреданныхъ и обыкновенныя ихъ надгробныя молитвы. Всѣ оные камни поставлены изображенными на нихъ словами противу восхода солнца. Большая часть изъ сихъ могильныхъ знаковъ лежала повержена на землѣ и разбита нынѣшними жителями Билярска, да и самые тѣ, которые стоятъ еще донынѣ цѣлы, опустились въ землю, и видимы испортившіяся слова отъ древности ихъ. Любопытство и желаніе, чтобъ узнать имена на камняхъ изображенныя, принудили меня списать слова на тѣхъ камняхъ написанныя. Сіе кладбище называютъ здѣшніе жители Балынъ-Гусъ".

Рычковъ (ib. 21) показывалъ списанныя имъ надгробныя надписи ученому муллѣ изъ дер. Чертожъ, но мулла не могъ ихъ хорошо разобрать, заявляя, что буквы повреждены, да и писаніе старинное отлично отъ нынѣ употребляемаго. Однако мулла указалъ на поставленіе одного камня 592 года до настоящаго времени (1769 г.), а другаго 335. Прочіе камни, замѣчастъ Рычковъ, какъ я уже показалъ, отъ долговременной древности, опустившись въ землю, сокрыли слова на нихъ написанныя.

Если справедливы показанія муллы, то двѣ надгробныя надписи принадлежатъ 1173 и 1434 г.; первая превосходитъ древностью всѣ булгарскія.

Въ 1831 г. надгробныхъ камней уже не существовало. Какой-то любитель древностей, говоритъ авторъ вышеуказанной статьи въ Заволжскомъ Муравьѣ, многіе изъ камней перевезъ въ свою деревню для фундамента подъ домъ, а другіе камни угодили на печи.

8. Рвы и валы позади развалинъ на горѣ Балынгузъ. „Позади священныхъ развалинъ, говоритъ Рычковъ (ibid. 18), находятся глубокіе рвы съ возвышенными по нихъ валами, кои тѣмъ больше достойны удивленія, что не смотря на многовременную древность, понынѣ такъ еще круты, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ превеликою трудностью взойти на нихъ возможно Они начинаются на самой высотѣ, отъ каменныхъ гробницъ саженяхъ въ 30, и, обошедъ извилинами вокругъ горы, кончаются у весьма крутаго буерака, гдѣ находится болото и множество ключей изъ него текущихъ. Внутри укрѣпленія сего не видно никакихъ развалинъ. Кажется, что оные валы служили защитою каменныхъ гробницъ и внизу стоящаго города“.

8. Могила святаго въ 3 верст. отъ горы Балынгузъ. Въ вышеупомянутой статьѣ Заволжс. Муравья (стр. 199, 200) указывается, что въ трехъ верст. отъ горы Балынгузъ находится Св ключъ, который выбивается изъ одной горы, къ этому ключу бываютъ изъ Билярска крестные ходы (1).

(1) П. Б., авторъ статьи въ Каз. Г. Вѣд. 1861 г., № 43 «Пригородъ Биллрскъ», указываетъ и на причины почитанія того ключа: здѣсь была найдена чудотворная икона, которая нынѣ стоитъ въ церкви Билярска.

Невдалекѣ множесво ямъ, гдѣ Татары, пріѣзжая на богомолье, останавливаются и приготовляютъ себѣ пищу. На разстояніи нѣсколькихъ саженей отъ ключа возвышается утесистый холмъ, нынѣ поросшій лѣсомъ и окруженный глубокимъ, вѣроятно, парочно ископаннымъ рвомъ. На самой вершинѣ сего холма, говорятъ, прежде была какая-то палатка, а нынѣ видно только мѣсто, гдѣ находилась могила, по мнѣнію Татаръ, также одного изъ угодившихъ ихъ пророку.

Кондыревъ въ 1812 г. упоминаетъ два мѣста, отдаленныя между собою—мѣсто за 4 версты отъ Билярска, откуда течетъ вода, называемая святою, и мѣсто моланія Татаръ. Подъ послѣднимъ должно разумѣть гору Балынгузъ. Затѣмъ Кондыревъ говоритъ, очевидно, о томъ же самомъ, нѣсколько иначе: „отъ Билярска въ 4 верст. на горахъ, 4 городка вмѣстѣ“ ([2])

8. Два городища въ 2 верст. отъ Билярска, показанныя въ „Замѣткахъ о город. Каз. губ“: городище при с. Никольскій Баранъ „Замѣтки“ указываютъ два городища, расположенныя на высокихъ мѣстностяхъ въ двухъ верстахъ отъ Билярска. Площадь каждаго городища 360 саж. и распахивается подъ посѣвы. Рвы и валы сохранились только отчасти, такъ какъ во многихъ мѣстахъ попорчены искателями кладовъ, а также добываніемъ камня и песку. Въ этихъ городищахъ нѣкоторыми изъ крестьянъ были находимы разныя вещи.

Указывая на эти два городища въ 2 верстахъ отъ Билярска, „Замѣтки“ не упоминаютъ городища, въ которое входитъ часть самого Билярска. Указаніе мѣстоположенія двухъ городищъ отличается неопредѣленностью: неизвѣстно въ какой сторонѣ они находятся въ 2 верст. отъ Билярска. Можетъ быть, одно изъ этихъ городищъ—вышепоказанное на горѣ Балынгузъ; но нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ для отождествленія этихъ городищъ.

Можетъ быть, къ одному изъ этихъ городищъ относится и указываемое Артемьевымъ ([1]) при с. Никольскій Ба-

([2]) Приложеніе I.

([1]) Предисл. къ Сп. Казан. мѣсть XXXII.

ранъ, которое находится съ версту отъ прав. берега Мал. Черемшана, верст. въ 4 на сѣв.-зап. отъ пригорода Билярска. Можно предполагать, что городище, упоминаемое при с. Никольскій Баранъ, соотвѣтствуетъ городищу на горѣ Балынгузъ, которое, по указанію Второва, стоитъ въ верст. 3 отъ Билярска, за р. Мал. Черемшанъ.

9. Находки вещей. Рычковъ (ib. 13) говоритъ, что по сторонамъ большаго столба видно множество развалившихся каменныхъ зданій, гдѣ онъ нашелъ зеленые и синіе изразцы гончарной работы и ржавое желѣзо, показывающее долговременное начало.

Въ развалинахъ одной каменной палаты Рычковъ нашелъ малое желѣзное орудіе, замѣчательное тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ 5 различныхъ потребностей: буравъ, теслу, пилку, огниво и клещи, что все такъ хорошо сдѣлано и соединено, что занимаетъ мѣста не болѣе, какъ обыкновенный ножикъ.

Сія простая вещь, говоритъ Рычковъ, довольно значитъ, что древніе сего мѣста жители въ художествахъ и выдумкахъ были не неискусны. Что они были земледѣльцы, то свидѣтельствуютъ землепахотныя орудія, находимыя въ градскихъ развалинахъ и на поляхъ окружавшихъ ихъ жилища. Они не разнятся ничѣмъ отъ тѣхъ орудій, которыя донынѣ между земледѣльцами въ употребленіи.

Кондыревъ въ 1812 г. пріобрѣлъ мѣдную ступку съ надписями, по свидѣтельству г. профессора Френа, на тангутскомъ языкѣ; подобныя ступки употребляютъ Монголы для куренія благовоніями въ храмахъ. Пріобрѣтенная Кондыревымъ ступка выпахана въ Билярскѣ, вмѣстѣ съ другою подобною ей. Затѣмъ Кандыревъ пріобрѣлъ желѣзную кольчугу и нѣкоторыя мелкія вещи. ([2]).

Френъ въ 1822 г. напечаталъ подробныя описанія мѣдныхъ сосуда съ крышкою и зеркала, найденныхъ въ Билярскѣ ([3]).

([2]) ibid.

([3]) Въ Mémoires de l' Acad de S. Petersbourg т. VIII—«De Lampade Cufica Bylăriensi», «De Speculo Aereo Bylăriensi».

Сосудъ былъ найденъ между развалинами Билярска 5 или 6 лѣтъ передъ описаніемъ его въ 1822 г., когда онъ принадлежалъ уже Азіатск Музею Академіи Наукъ.

Это ручной сосудъ съ крышкою древней работы, какъ показываетъ весь видъ его. На крышкѣ изображена куфическая надпись: „на благополучіе, благословеніе, удовольствіе и счастіе владѣльца". Характеръ куфич. письменъ указываетъ, что надпись не ранѣе XIII и не позднѣе XIV ст., по нашему лѣтосчисленію.

Съ обѣихъ сторонъ сосуда изображены по двѣ человѣческихъ фигуры, изъ которыхъ одна играетъ на арфѣ, другая—на лирѣ, третья держитъ въ рукѣ бокалъ, а четвертая—яблоко; между человѣческими фигурами—цвѣты и другія украшенія, которыя встрѣчаются и на ножкѣ сосуда.

Къ статьѣ Френа приложена особая таблица, на которой съ разныхъ сторонъ представляется изображеніе этого сосуда.

Во время пребыванія Френа въ Казани, лѣтъ за 7 до 1822 г., Каз. Духов. Академія сообщила ему для изслѣдованія дискъ съ рукояткою изъ смѣшанной мѣди (бронзы), найденный въ развалинахъ Билярска.

Одна сторона диска—чистая, полированная; на другой сторонѣ изображены фигуры и надпись.

На срединѣ диска видны двѣ совершенно одинаковыя фигуры четвероног. животныхъ, которыя подпялись на заднія ноги, спинами одно къ другому, съ боковъ поднимаются крылья, такъ что концами крылья одного сходятся съ крыльями другаго. Лицо человѣчье, голова съ особенными украшеніями, длинный хвостъ усѣянъ жемчугомъ, который окружаетъ также шею, идетъ по животу и встрѣчается на ногахъ.

Френъ принимаетъ эти фигуры за изображеніе кобылицы Боракъ, столь прославленной въ сказкахъ мухаммеданъ, на которой Мухаммедъ съѣздилъ въ одну ночь изъ Мекки въ Іерусалимъ, оттуда поднимался до седьмаго неба и опустился на землю. Кругомъ двухъ фигуръ, по краю диска, идетъ куфич. надпись: „Слава, долгоденствіе, счастіе, блескъ, знатность, похвала, счастливое состояніе, величіе, власть, приращеніе имущества, могущество и благословеніе—владѣльцу его на вѣки".

Френъ указываетъ на подобные метал. диски, встрѣчающіеся въ „Description of the East“ Покока и въ „Voyage from England to India“ Ивеса. Послѣдній найденъ около Багдада, а первый Френъ называетъ египетскимъ.

Далѣе Френъ указываетъ дискъ, полированный съ одной стороны, а на другой съ изображеніемъ собакъ, зайца, лисицы, серны и съ надписью, подобною вышеприведенной. Этотъ дискъ былъ найденъ у Остяковъ, недалеко отъ Самарова. и изображенъ въ книгѣ Страленберга „Das Nord. u Oestliche Theil v. Europa u Asia.

Всѣ эти диски, по мнѣнію Френа, назначались для одного употребленія. Ивесъ багдадскій дискъ принимаетъ за покрышку глиняныхъ сосудовъ; Пококъ египетскій дискъ считаетъ картиною; по Страленбергу—это военный значекъ, который татарскіе полководцы носили на груди, спинѣ и по обоимъ плечамъ.

Френъ эти диски считаетъ метал. зеркалами, которыя были въ обыкновенномъ употребленіи на востокѣ.

Но эти зеркала, объясняетъ Френъ, могли служить и талисманами. Это подтверждается тѣмъ, что Френу, во время его пребыванія въ Казани, былъ доставленъ бронзовый четыреугольникъ, съ одной стороны полированный, а на другой сторонѣ съ надписью, подобно встрѣчающейся на всѣхъ выше указанныхъ дискахъ; это, говоритъ Френъ, талисманъ, который Татары кладутъ въ фундаменты своихъ домовъ въ предохраненіе отъ пожаровъ (4). Къ статьѣ Френа приложены изображенія Билярск. зеркала и послѣдняго талисмана.

Въ прибавленіи къ своей статьѣ Френъ указываетъ зеркало, находящееся въ Миланск. музеѣ, подобное найденному въ Билярскѣ.

Березинъ (5) указываетъ, что у врача Толмачева находится значительное собраніе булгарск. и билярскихъ вещей. Въ инвентарномъ каталогѣ Кабинета рѣдкостей Казанск. университета показаны слѣдующія пріобрѣтенныя въ 1856 г. у г. Толмачева билярскія вещи:

(4) Объ этомъ см. выше, при описаніи металлич. зеркалъ, найденныхъ въ Булг. городищѣ.

(5) Булгаръ на Волгѣ, стр. 138, прим. 2.

1) серебряный браслетъ, витой изъ 6 проволокъ безъ застежки, вѣсу 1 унцъ и 9 гранъ; 2) грубая пластинка серебра, свернутая въ трубку и разбитая на двое, вѣсу 2 унца 4 др. 40 гр.; 3) бронзовая лампа съ узкимъ горломъ и отломленной ручкой; 4) чашка бронзовая съ дырочками на днѣ; 5) трубка бронзовая съ прибавкой сбоку; 6) бронзовый шаръ съ бородовчатыми въ 3 ряда по бокамъ и съ ушкомъ на верху; 7) отрывокъ мѣди. цѣпи изъ 4 витыхъ колецъ; 8) бронзовое украшеніе съ ушкомъ на верху и тремя подвѣсками; 9) мѣдная половина замка въ формѣ коня съ тамгой; 10) бронзовая фигура въ родѣ птицы; 11) бронзов. фигура въ видѣ лошади съ кольцами внизу для подвѣсокъ, похожа на № 233 каталога (6); 12) передняя часть лошади съ крестообразною вырѣзкой сбоку, по всей вѣроятности, замокъ (бронзовый); 13) пластинка въ $1^1/_4$ вершка длины съ украшеніями и повидимому съ надписью; 14) мѣдная прорѣзная пуговица; 15) мѣдный бубенчикъ; 16) три мѣдныя вещи въ родѣ ложекъ съ ушками, изъ которыхъ двѣ цѣльныя и одна изломанная; 17) два звѣна мѣдной цѣпи; 18) круглая подвѣска съ украшеньемъ съ одной стороны и съ ушкомъ; 19) обрывокъ трубчатой цѣпочки изъ мѣдной проволоки; 20) пять украшеній съ пояса или сбруи; 21) родъ ключа; 22) два крючья; 23) три круглыя вещи съ отверстіями по срединѣ изъ сплава; 24) два мѣдныя кольца грубой работы; 25) бронзовая круглая пластинка съ украшеніемъ на одной сторонѣ и обломкомъ ушка на другой; 26) вещь изъ сплава, въ родѣ скамеечки дл. нѣсколько менѣе 1 вершка; 27) мѣдная небольшая трубочка; 28) привѣски съ крючкомъ; 29) два желѣзныхъ четыреугольника, можетъ быть, разновѣсъ, вѣсу $3^1/_2$ унца и $1^1/_3$ др.; 30) бронзовый сегментъ шара; 31) пять обломковъ металлическихъ зеркалъ; 32) девять желѣзн. наконечниковъ стрѣлъ различной формы; 33) гиря съ ушкомъ (1 ф. 2 унц. 50 гр.); 34) шаръ желѣзный (1 ф. 3 унц. 50 гр.); 35) семь желѣзныхъ кубовъ разнаго вѣса (три въ 1 унцъ 5 др. 40 гр. каждый, два въ 3

(6) Подъ этимъ нумеромъ показанъ принесенный въ даръ свящ. Ласточкинымъ: Вотякскій идолъ, въ видѣ мѣднаго дракона, съ привѣшенными къ нему бубенчиками, найденный Вятской губ. бл. Елабуги, въ с. Сараляхъ.

драхмы 50 гр., одинъ въ 7 др. 30 гр. и одинъ 6½ др.); 36) отрывокъ желѣзной цѣпи; 37) четыре желѣзныхъ инструмента; 38) желѣзная чашечка съ ручкой и рѣшеткой, вмѣсто дна; 39) кольцо; 40) два обломка желѣзныхъ чашечекъ съ тремя ножками каждая; 41) восемь неопредѣленныхъ и сомнительныхъ вещей; 42) мелкія вещи; 43) 12 бусъ; 44) янтарь; 45) 15 костяныхъ вещей. Всего 108 вещей.

Покойный Ешевскій, вмѣстѣ съ булгарскими вещами, пріобрѣлъ нѣсколько вещей и изъ Билярска. Коллекція Ешевскаго, какъ выше было указано, въ настоящее время входитъ въ составъ Румянцовскаго музея въ Москвѣ.

Ешевскій говоритъ (7), что „ни въ одномъ музеѣ нѣтъ сколько нибудь значительнаго собранія Билярскихъ древностей, а ихъ находимо было очень много. По разсказу протоіерея В. М. Орлова, около полувѣка прожившаго въ Билярскѣ и недавно умершаго, тамъ найдено было, лѣтъ 20 тому назадъ, серебряное блюдо и какая-то большая круглая металлическая вещь на древкѣ, которую мѣстные грамотеи признали за знамя Александра Македонскаго. Гдѣ онѣ находятся въ настоящее время—неизвѣстно. Изъ Билярска онѣ были отправлены къ начальству. Въ настоящее время въ Билярскѣ находки сдѣлались довольно рѣдки и безъ особеннаго случая трудно пріобрѣсти ихъ“. Разбирая пермскія древности, Ешевскій указываетъ (ib. стр 140) вещи, находимыя въ Казанск. и Вятск. губерніяхъ и всего чаще въ Билярскѣ: 1) Изображеніе изъ желтой мѣди какой-то птицы, внутри пустота. 2) Пѣтухъ изъ красной мѣди; внизу двѣ цѣпочки, отъ которыхъ сохранилось по одному звѣну; внутри пустота. 3) Изображеніе какого-то фантастическаго животнаго изъ желтой мѣди; внизу кольца. Судя по подобному же изображенію, находящемуся въ кабинетѣ древностей Казанск. университета, хотя и найденному не въ Пермской губ., къ этимъ кольцамъ прикрѣплены были бубенчики. Внутри пусто. 4) Изъ желтой мѣди изображеніе какого-то животнаго. Низъ отломанъ. Затѣмъ, Ешевскій, указывая найденное на дачахъ Ижевскаго завода на р. Камѣ украшеніе изъ красной мѣди, въ родѣ якоря, съ уш-

(7) «Замѣтка о Пермскихъ древностяхъ» въ Перм. Сборн. I, стр. 134.

комъ на верху, прибавляетъ, что точно такія же вещи находятся въ Билярскѣ (ib. 142). Всѣ эти вещи изображены на рисункахъ, приложенныхъ къ статьѣ Ешевскаго.

А. Ѳ. Лихачевъ указываетъ [8]) находящіеся въ отдѣленіи билярск. и булгарск. древностей Румянцовск. музея, принадлежавшихъ Ешевскому: 1) небольшой, желѣзный топорикъ, совершенно сходный по формѣ съ меряпскимъ и также близъ лезвія продыравленный; 2) другой топорикъ съ двумя лезвіями, между которыми, во втулкѣ, утверждалось древко; съ обѣихъ сторонъ покрытъ очень красивою инкрустаціею изъ серебра. Подобная форма оружія встрѣчается между бронзовыми боевыми молотами въ Венгріи. Оба топорика были найдены въ Билярѣ.

Въ коллекцію г. Лихачева также вошло много билярскихъ древностей, которыя владѣлецъ, въ описаніи своей коллекціи, не всегда отличаетъ отъ булгарскихъ вообще. Въ извлеченіи изъ статьи г. Лихачева выше было указано, вмѣстѣ съ находимыми въ г. Булгарѣ: нѣкоторые бронзовые предметы, въ томъ числѣ и идолъ, глиняные сосуды и напрясли. Кромѣ того, г. Лихачевъ указываетъ нахожденіе именно въ Билярскѣ бронзовой рукоятки, въ видѣ бараньей головки, съ закрученными назадъ рогами. Она, повидимому, состояла изъ двухъ половинокъ, но изъ нихъ сохранилась только одна. Эта вещь, по мнѣнію г. Лихачева, должна относиться къ мѣстнымъ произведеніямъ булгарской индустріи: стиль и характеръ работы очень походитъ на одну вещицу изъ Анаьинскаго могильника, поэтому ей слѣдовало-бы приписать древность очень отдаленную.

Упоминается о нахожденіи въ Билярѣ небольшихъ, короткихъ цѣпей, въ 2—3 звѣна, служившихъ для запиранія дверей жилищъ; небольшихъ топориковъ и бердышей различной формы. Послѣдніе, говоритъ г. Лихачевъ, по всей вѣроятности, менѣе древни, чѣмъ топоры.

Затѣмъ г. Лихачевъ упоминаетъ о вещахъ, найденныхъ въ одной могилѣ около Билярска: различные сосуды изъ красной мѣди и глины, кочергу и подобное же орудіе особой формы, обѣ послѣднія вещи переломлены; шесть дере-

---

([8]) «Бытовые памятники Великой Булгаріи» въ Труд. II Археол. Съѣзда.

вянныхъ ложекъ. Послѣднимъ г. Лихачевъ придаетъ особенное значеніе, п. ч. онѣ представляются единственными образцами булгарскихъ деревянныхъ издѣлій. Ложка, какъ кажется, изъ липоваго дерева и сохранили на себѣ, мѣстами, слѣды окраски. Четыре изъ этихъ ложекъ овальныя, одна круглая и одна поперечно-овальная; изъ первыхъ одна гораздо менѣе прочихъ и, вѣроятно, была дѣтской ложкой. Всѣ онѣ отличаются стремленіемъ къ нѣкоторому изяществу въ формахъ и въ обдѣлкѣ; ручки ихъ выгнутыя и одна на концѣ даже была фигурно обточена. Могила, въ которой найдены эти вещи, была вырыта такъ глубоко въ материкѣ, что нижняя ея часть была залита водой. Ложка лежала въ глиняномъ сосудѣ, тоже наполненномъ водою, и это обстоятельство помогло ложкамъ сохраниться.

Въ 1861 г. было заявлено, что около башни въ Билярскѣ прежде довольно часто находили монеты, оружіе, домашнюю утварь и пр., но куда все это дѣвалось неизвѣстно (7).

Въ 1859 г. П. И. Галкинъ прислалъ въ даръ Археол. Общ. старинный серебр. браслетъ, найденный въ Спасск. уѣздѣ въ окрестностяхъ Билярска. Такъ значится въ протоколѣ Общества 28 янв. 1860 (8). Спасскій уѣздъ здѣсь стоитъ по ошибкѣ, вмѣсто Чистопольск.

10. **Находки монетъ.** Кромѣ различныхъ вещей, въ Билярскѣ постоянно находили древн. монеты.

Кондыревъ въ 1812 г. говорилъ, что онъ старался отыскать въ Билярскѣ находимыя тамъ древнія монеты, досталъ 2 серебр. монеты, изъ коихъ одна татарская 747 г. (1347 г.) (1)

В. К. Савельевъ указываетъ главнымъ мѣстонахожденіемъ джучидск. монетъ, послѣ с. Болгаръ, пригородъ Билярскъ. Въ числѣ монетъ, получаемыхъ изъ Билярска, говоритъ Савельевъ, часто встрѣчаются мѣдныя поддѣльныя, отчасти посеребряныя: поддѣлка, вѣроятно, старинная, а не нынѣшняя. По работѣ онѣ похожи на старин. русск. серебр. копѣйки; изображенія на нихъ весьма не ясны и вмѣсто надписи какія то уродливыя черты (2).

---

(7) «Пригородъ Билярскъ», ст. И. Б, въ Каз. г. Вѣд. 1861, № 43.
(8) Изв. Археол. Общ., III, 174.
(1) См. Прилож. I.
(2) Изв. Арх. Общ. I, 119, 120.

Выше я приводилъ указаніе статьи „Пригородъ Билярскъ“, гдѣ упоминается о находимыхъ около башни, вмѣстѣ съ разными вещами, монетахъ.

Кромѣ джучидск., здѣсь находили и болѣе древнія куфич. монеты.

Въ 1853 г. были найдены близъ Билярска куфическія монеты, которыя въ числѣ 31 были сообщены на разсмотрѣніе И. С. Савельеву изъ Казани отъ В. К. Савельева.

И. С. Савельевъ въ особенной запискѣ сообщаетъ Археол. Обществу, что монеты эти—серебряныя, арабскія, отъ 121 до 293 г. гиджры (739—906 по Р. Хр.), изъ нихъ 12 халифскихъ, 13 саманидскихъ и 6 подражаній саманидск. типу. Одна изъ саманидск. монетъ оказалась еще пездапною (293 г.). Ни одна изъ монетъ не просверлена для ношенія; слѣдовательно, онѣ обращались въ торговлѣ. Затѣмъ И. С. Савельевъ представляетъ списокъ ихъ, въ хронологическомъ порядкѣ ([3]).

Въ 1857 г. была сдѣлана новая находка куфич. монетъ близъ Билярска, 5 монетъ изъ этой находки В. К. Савельевъ представилъ въ Арх. Общ. И. С. Савельевъ такъ опредѣлилъ ихъ: одна аббасидская 163 г., одна соффаридская между 259—265 г., три саманидскихъ—282, 290 и 292 г.

VII. Р. БОЛЬШОЙ ЧЕРЕМШАНЪ И ЕГО ПРИТОКИ.

1. **Кладбище на Больш. Черемшанѣ.** Мѣстный мировой судья г. Лекгеръ сообщилъ мнѣ, что версты двѣ ниже усадьбы дер. Больш. Чулпановой, которая находится на лѣв. берегу Б. Черемшана, на противоположномъ, прав. берегу этой рѣки, вода размыла берегъ, на которомъ обнаружилось мѣсто бывшихъ здѣсь погребеній, т. е. костяки, а вмѣстѣ съ ними горшки, мѣсто это называется „кереметь“.

2. **Билярскія мѣстности, Караульная гора.** На вост. отъ дер. Б. Чулпановой и на югъ отъ р. Б. Черемшанъ встрѣчаются селенія, названія которыхъ имѣютъ археолог. значеніе. Четыре селенія, по Сп. насел. мѣстъ,

([3]) Труды Вост. Отд. Арх. Общ., III, 147.

называются „Биляръ“, указывая такимъ образомъ на принадлежность свою къ Булгарскому царству.

Верст. въ 4 на сѣв.-вост. отъ дер. Б. Чулпановой—с. Биляръ-Озеро (Преображенское) при оз. Биляръ; съ версту на сѣв. отъ с. Биляръ-Озера — дер. Нов. Биляръ Озеро (Абдрахманово, Гайтанкина) при оз. Биляръ; верст. въ 4 отъ перваго (с. Биляръ-Озеро) на юго-вост.—дер. Степное Биляръ-Озеро (Абдрахманово) при оз. Русскомъ, вѣроятно такъ названномъ уже Русскими, въ противоположность прежняго его названія Биляръ, или въ отличіе отъ сосѣдняго оз. Биляръ; верстъ на 8 къ югу отъ послѣдней дер. (Степное Биляръ-Озеро)—Новое Биляръ-Озеро (Абдряхманово, По рч. Аксумсѣ) при озерѣ Степномъ.

Названія этихъ четырехъ селеній указываютъ на необходимость болѣе тщательныхъ розысковъ въ этой мѣстности памятниковъ древняго Булгар. царства, указываемое г. Лекгеромъ древнее кладбище, неизвѣстное по другимъ источникамъ, подаетъ надежду, что эти розыски останутся не безъ результатовъ, полезныхъ для науки.

Затѣмъ я обращаю вниманіе на названіе деревни при устьѣ Менчи, впадающей съ лѣв. стороны въ Б. Черемш., на востокъ отъ мѣстности съ Билярскими селеніями—Караульная Гора (Клявлина).

Названіе этой дер. указываетъ на возможность предполагать, что здѣсь была булгарская или татарская сторожка или сторожевое укрѣпленіе, такъ какъ „караул“ (отъ кàра—смотрѣть) значитъ—сторожка, караулъ (1).

3. Курганъ въ 300 саж. отъ дер. Ср. Челны. Эта деревня находится по обоимъ берегамъ р. Челны, впадающей съ лѣв. стороны въ Б. Черемшанъ, на вост. отъ вышеупомянутой р. Менчи.

Въ „Замѣткахъ“ въ 300 саж. отъ дер. Средн. Челны показанъ курганъ на высокомъ мѣстѣ, четыреуг. формы, 47 саж. въ окружности, въ вышину 2 саж., съ ямою по срединѣ. Раскопокъ здѣсь производимо не было.

4. Два кургана при дер. Нов. Аделяковой. Эта дер. на лѣв. берегу Тарханки, лѣв. притока Б. Черемшана, на вост. отъ предыдущей р. Челны.

---

(1) Словарь народно-тат. яз. Остроумова, стр. 85.

При этой деревнѣ, сказано въ „Замѣткахъ“, находятся два кургана, называемые въ народѣ марами. Оба кургана лежатъ на высокомъ мѣстѣ—одинъ среди поля, а другой въ лѣсу. Преданій о нихъ не сохранилось и раскопокъ не было.

5. Якимовъ маръ. С. Мельниковъ упоминаетъ (1), что въ дачахъ с. Сидельцина, которое находится на Бол. Черемшанѣ, на право отъ устья Тарханки, встрѣчается Якимовъ маръ (могильная насыпь)—большая конусообразная возвышенность, получившая названіе отъ кладоискателя Якима, который долгое время ухаживалъ за маромъ, наконецъ въ ночное время разрылъ средину его и въ награду за безъуспѣшные свои поиски, оставилъ въ памяти народа свое имя.

6. Город. при дер. М. Сульчелеевой. Эта дер. на лѣв. берегу Бол. Сульчи, праваго притока Б. Черемшана. Городище при этой дер. упоминаетъ только Артемьевъ (2) и называетъ его Кызъ-Кала (Дѣвичій Городъ)

Можетъ быть, объ этомъ городищѣ сообщилъ мнѣ А. Н. Островскій, арендаторъ имѣнія с. Успенскаго (Мамыково) на правомъ берегу. Больш. Сульчи, что въ нѣсколькихъ верстахъ на вост. отъ этого села, по другой сторонѣ Б. Сульчи, находится большое городище на горѣ. Мал. Сульчелеево находится на сѣв.-вост., верстахъ въ трехъ отъ с. Успенскаго, на противоположномъ (лѣвомъ) берегу Б. Сульчи.

7. Городище и мѣстонахожденіе монетъ при дер. Карасѣ. Эта дер. на прав. берегу Мал. Сульчи, которая съ прав. стороны впадаетъ въ Больш. Сульчу.

В. К. Савельевъ въ письмѣ изъ Казани къ секретарю Арх. Общ. П. С. Савельеву указалъ на главныя мѣстонахожденія джучидск. монетъ въ Каз. губ.: с. Болгары, Билярскъ, Савинъ городокъ, дер. Донауровка и дер. Караса. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, прибавляетъ В. К. Савельевъ, сохранились и остатки древнихъ городищъ или валовъ (3).

8. Два городища при рч. Щербень. Артемьевъ (ibid.) указываетъ на городища при дер. Нов. Демкино и Щербень.

---

(1) Описаніе нѣкоторыхъ замѣчательныхъ селеній Чистоп. уѣзда», Каз. г. Вѣд. 1855, № 45.

(2) Предисл. къ Сп. насел. м. Каз. губ. стр. XXXII.

(3) Изв. Археол. Общ., I, 119.

Дер. Нов. Демкина находится при впаденіи рч. Щербень въ рч. Кереметь, на прав. берегу послѣдней, которая впадаетъ съ правой стороны въ Мал. Сульчу.

Дер. Щербень находится на вышеуказанной рч Щербень.

Город. при дер. Щербень Артемьевъ называетъ Кала-Тау (Городская гора).

9. Город. въ 3 верст. отъ с. Аксубаева. Это село находится на прав. берегу Мал. Сульчи.

Въ „Замѣткахъ“ въ 3 верст. отъ этого села показано городище среди поля, четыреуг. формы, площадь 4050 саж. Городище имѣетъ ровную поверхность. Рвы и валы сохранились только съ южн. стороны, съ сѣв. же оно окружено оврагомъ. Длина рвовъ и валовъ 50 с., а шир. 2 с. По преданіямъ городокъ этотъ сооруженъ Башкирами для защиты.

Послѣднее преданіе мало вѣроятно, очевидно городище болѣе древняго происхожденія.

10. Город. при дер. Тарханкѣ. Артемьевъ (ibid) указываетъ городище, которое называется „Старое Жило“, при дер. Тарханкѣ, на рч. Токмаклѣ. Списокъ насел. мѣстъ указываетъ еще дер. Тарханку на рч. Бол. Уншѣ; но другіе Списки селеній Каз. губ., напр. въ изданіи г. Вечеслава 1875 г. „Естественное приращеніе сельскаго населенія Каз. губ.“ и въ напечатанныхъ, по приказанію Казанск. губернатора, „Свѣдѣніяхъ о числѣ верстъ отъ селеній до губернскаго и уѣздныхъ городовъ Каз. губ.“, а также и на самыхъ подробныхъ картахъ встрѣчается только одна дер. Тарханка въ Чистоп. уѣздѣ—на рѣчкѣ того же названія, которая впадаетъ съ прав. стороны въ Мал. Сульчу.

11. Город. при дер. Енарускинѣ показываетъ Артемьевъ (ibid). Деревень съ такимъ названіемъ въ Чистопольскомъ уѣздѣ двѣ: Енарускина Чувашская и Енаруспна Господская, обѣ на Мал. Сульчѣ и въ Сп. насел. м. показаны рядомъ.

Артемьевъ называетъ это городище „Хола-вырнъ-кереметь“. Это названіе чувашское и значитъ „кереметь на городскомъ мѣстѣ“ (1).

---

(1) Хола=городъ, вырнъ=мѣсто. См. Чув. Словарь Золотн.

Въ другой статьѣ Артемьевъ (2) замѣчаетъ, что „городища Старо-Никиткинское (при Шешмѣ, см. ниже) и Енарускино, совершенно неизвѣстныя по исторіи, обведены, подобно Жукотинскому, тремя высокими валами, межу тѣмъ городища Ст. Казани и Булгара имѣютъ только по одному валу".

12. **Город. при дер. Стар. Ибрайкинѣ** указываетъ Артемьевъ (1). Эта деревня на правомъ берегу Мал. Сульчи. Артемьевъ приводитъ названіе этого городища Хиръ—Калѣ, что можетъ значить Дѣвичій городъ, такъ какъ хиръ—дѣвица; это названіе можетъ значить и Береговой Городъ, такъ какъ хирь—берегъ; наконецъ это названіе можетъ значить и Полевой, Степной Городъ, такъ какъ хирь также значитъ—поле, степь, пустыня.

VIII. Р. ШЕШМА И ЕЯ ПРИТОКИ.

1. **Разница между древнѣйшими земляными укрѣпленіями и новѣйшими.** Р. Шешма течетъ въ Чистоп. уѣздѣ Каз. губ., изъ Уфимской, и впадаетъ въ Каму съ лѣвой стороны. Старинныя земляныя укрѣпленія по р. Шешмѣ особенно замѣчательны тѣмъ, что они принадлежатъ къ двумъ различнымъ эпохамъ—древнѣйшей, вѣроятно, булгарской, и ко времени царя Михаила Ѳедоровича, къ устроенной тамъ Стар. Закамской линіи.

Еще Рычковъ въ 1770 г. (1) замѣтилъ, что „великое различіе можно найти между валами, укрѣплявшими древнихъ народовъ жилища, и между тѣми, которые составляютъ Закамскую линію. Начало сихъ новыхъ укрѣпленій считается до сего времени не болѣе 41 лѣтъ, но уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва можно распознать бывшіе тутъ валы: напротивъ того древніе до сего дня стоятъ въ твердости непоколебимой. Сіе различіе не отъ чего иного происходитъ, какъ отъ того, что народы, прежде сего въ сихъ мѣстахъ обитавшіе, рачительнѣе трудились, дѣлая укрѣпленія жилищамъ своимъ".

---

(2) «Древн. г. Жукотинъ», въ Ж. Мин. Вн. Д., 1854, г. XXXIII, стр. 68.

(1) Предисл. къ Сп. насел. м. Каз. губ. стр. XXXII.

(1) «Журналъ» стр. 25.

Рычковъ говоритъ это по поводу вала въ 4 верст. отъ Новошешминска и смѣшиваетъ здѣсь Стар. Закамскую линію, болѣе древнюю, съ Новою Закамск. линіею, построеніе которой начато въ 1732 г. Послѣдняя линія не проходила по нынѣшней Каз. губ.

О Закамскихъ линіяхъ имѣется особая подробная статья Иванина въ Вѣст. Геогр. Общ. 1851 г. ч. I „Описаніе Закамскихъ линій".

„На осмотрѣнной мною части Стар. Закамской линіи, говоритъ Иванинъ, отъ слободы Екатерининской въ Чистоп. уѣздѣ до окончаніе я у р. Ика въ Мензелинскомъ, кромѣ укрѣпленій, принадлежащихъ къ ней, найдены мною въ Чистоп. уѣздѣ еще другія, которыя, по образу устроенія и по виду валовъ и рвовъ, принадлежатъ къ другой эпохѣ, гораздо отдаленнѣйшей отъ занятія нами этого края".

„Отличительныя черты этихъ укрѣпленій состоятъ въ слѣдующемъ: 1) валъ ихъ веденъ не по прямой линіи, а неправильными изгибами, подобно нашимъ проселочнымъ дорогамъ; 2) ровъ сдѣланъ съ обѣихъ сторонъ вала. Глубокую древность этихъ укрѣпленій можно вывести изъ слѣдующаго: валъ ихъ потерялъ крутость и превратился въ отлогія насыпи; всѣ углы и неровности вала и рва згладились, заросли дерномъ и приняли точно такой видъ, какой принимаютъ скаты отлогихъ горъ или овраговъ; рвы этихъ валовъ почти совсѣмъ засыпались. Между количествомъ земли вала должна быть соразмѣрность, объемъ вала долженъ быть почти равенъ объему рва; на Старой и Новой Закамскихъ линіяхъ это почти на всѣхъ профиляхъ видно. Здѣсь видимъ противное: величина и ширина оставшихся насыпей показываетъ, что изъ рвовъ должно быть вынуто значительное количество земли, между тѣмъ какъ рвы едва замѣтны, и такъ они должно быть занесены постороннею землею. На ровныхъ мѣстахъ отъ воды не можетъ быть большихъ наносовъ, потому рвы эти засорились отъ пыли, нанесенной вѣтромъ, отъ согнивающихъ растеній и древесныхъ листьевъ и пр.; но сколько для этого нужно вѣковъ? Самое устройство этихъ укрѣпленій, чуждое нашимъ понятіямъ о способѣ обороны, показываетъ отдаленную эпоху ихъ устроенія".

„Но къ какой эпохѣ принадлежатъ эти укрѣпленія? Спрашиваетъ Иванинъ. Не болгарскія ли они? не составляли ли

они пограничныхъ ихъ крѣпостей, а валъ—пограничную черту ихъ, измѣнявшуюся нѣсколько разъ?"

Вопросъ этотъ г. Иванинъ не разрѣшаетъ. Обозрѣніе городищъ, валовъ и пр. по Шешмѣ и ея притокамъ я располагаю по теченію этой рѣки съ юга на сѣв. въ Каму.

2. **Валъ между Нижн. Каменкой и Ивашкиной.** Между этими деревнями (1) Иванинъ (стр. 75) показываетъ валъ, упирающійся съ лѣв. стороны въ лѣсъ, а съ прав. въ р. Шешму, и имѣющій протяженіе верстъ 15. По увѣренію жителей, говоритъ Иванинъ, валъ переходитъ р. Шешму и теряется въ лѣсу, растущемъ на правомъ берегу этой рѣки.

Должно замѣтить, что Шешма, протекая между двухъ этихъ деревень, составляетъ сначала границу Чистопольскаго уѣзда, потомъ поворачиваетъ на востокъ и принадлежитъ уже Мензелинск. у. Уфимск. губ. Иванинъ не говоритъ, гдѣ именно валъ упирается въ Шешму,—можетъ быть, уже въ Мензелинскомъ уѣздѣ.

3. **Предполагаемый сторожевой пунктъ при дер. Карамышъ,** которая лежитъ на одной рѣкѣ (1) съ дер. Ивашкиной, на сѣв.-вост. отъ нея и на сѣв.-зап. отъ дер. Нижн. Каменки, въ одинаковомъ отъ обѣихъ разстояніи.

Н. И. Золотницкій (2) названія селеній Карамышъ и Карачы считаетъ обозначающими „сторожевые пункты", отъ джигат-тат. глагола „кара" (чув. „хора")—смотрѣть, сторожить.

Мѣстоположеніе данной дер. Карамышъ на линіи идущей съ юга на сѣверъ между двумя деревнями, между которыми Иванинъ указываетъ проходящимъ по направленію къ Шешмѣ земляной валъ, можетъ служить подтвержденіемъ предположенія г. Золотницкаго. А если признаемъ, что валъ проходилъ именно чрезъ дер. Карамышъ, то такимъ образомъ опредѣляется болѣе точно и направленіе этого вала.

4. **Городище при дер. Кутемѣ.** Объ этомъ городищѣ упоминаетъ, не описывая его, только Артемьевъ въ

---

(1) Нижн. Каменка находится на Каменкѣ, прав. притокѣ р. Кутемы, впадающей съ лѣв. стороны въ Шешму, Ивашкино находится на лѣв. притокѣ Кутемы—Курамшѣ.

(1) На Курамшѣ, какъ называется она въ Сп. насел. мѣстъ.

(2) Чув. Словарь, 271, 272.

предисл. къ Сп. насел. м. Каз. губ. (стр. XXXII). Дер. Кутема на р. того-же названія, впадающей въ Шешму, находится именно между деревнями Нижн. Камепкой и Ивашкиной, къ югу отъ нихъ, по этому можно предположить, что Артемьевъ подъ городищемъ у дер. Кутемы разумѣлъ выше упомянутый валъ между этими двумя деревнями.

5. Курганъ при слободѣ Черемуховой показанъ въ „Замѣтк. о город. Каз. губ.“ Слобода Черемухова находится при р. Черемушкѣ, прав. притокѣ р. Секенеса, впадающей въ Шешму.

6. Древнее укрѣпленіе у Екатерининской слободы на лѣвомъ берегу р. Секенеса. Иванинъ называетъ это укрѣпленіе болѣе другихъ замѣчательнымъ и подробно описываетъ его.

„Оно имѣетъ отъ 3 до 6 рядовъ вала, а рвовъ еще болѣе; по серединѣ имѣетъ перекопъ изъ двойнаго вала; сверхъ того особыя вѣтви вала. Изъ нихъ одна теряется въ лѣсу, другія двѣ доведены до берега рѣки, не въ дальнемъ разстояніи отъ укрѣпленія, а послѣдняя доходитъ до берега рѣки, деревни Ивановой, (1) и какъ въ этомъ мѣстѣ берегъ высокъ и крутъ, составляя до 30 и болѣе градусовъ, то все пространство, охваченное этими вѣтвями и берегомъ, можно считать какъ-бы внѣшнею оградою укрѣпленія. Пространство это довольно значительное; кромѣ цѣли—усилить оборону, не служили ли эти вѣтви для прикрытія скота, пригоняемаго внутрь ихъ въ ночное время? Не было ли пространство, заключенное между другими вѣтвями и берегомъ рѣки, назначено для посѣва хлѣба, или для пастьбы скота во время опасности? Курганы, судя по виду ихъ, должны быть насыпные; двѣ ямы показываютъ, что земля, выпутая изъ нихъ, служила для этихъ насыпей. Если предположить, что здѣсь были колодцы, то земли въ насыпяхъ будетъ слишкомъ много—поэтому не были ли эти подземные ходы къ водѣ?“

„Тройной, а мѣстами пятерной рядъ валовъ, показываетъ, что укрѣпленіе это назначено было для упорной обороны; перекопъ изъ двойнаго вала подтверждаетъ эту догадку. Но къ чему могло служить это сплетеніе одного вала съ другимъ, раздѣленіе ихъ на двое или соединеніе двухъ

(1) Нов. Иванаево на р. Секенесѣ (Сп. насел. м. Каз. губ. № 3298).

валовъ въ одинъ? Разсматривая перекопъ, раздѣляющій укрѣпленіе на двѣ части, мы видимъ по срединѣ его, вмѣсто двухъ валовъ, одинъ валъ; не служилъ ли онъ для того, чтобъ непріятелю, овладѣвшему частью вала, нельзя было распространиться по всему валу? Посему соединеніе и раздѣленіе вала въ другихъ частяхъ укрѣпленія не служило ли для этой же цѣли? Или общая часть вала, или отдѣльныя его части не имѣли ли назначенія подобнаго нашимъ капонирамъ, или не были ли жилищами, подобно нашимъ оборонительнымъ казармамъ? курганы не были ли ходами изъ одной ограды вала въ другую? Множество дорогъ, пересѣкающихъ это укрѣпленіе, разрушившихъ валъ тамъ, гдѣ онъ, можетъ быть, былъ цѣлъ, запутываютъ еще болѣе всѣ предположенія".

„Разсматривая профиль этого укрѣпленія, видимъ, что два внутреннie его вала ниже внѣшнихъ. Это совершенно противно нашимъ понятіямъ объ оборонѣ укрѣпленныхъ мѣстъ, допуская, что въ то время метательное оружіе было извѣстно. Впрочемъ, чтобы вывести объ этомъ заключеніе вѣрнѣе, то надобно сдѣлать разъисканія подробныя, съемку полнѣе и въ большемъ масштабѣ".

7. **Курганъ въ Екатерининской слободѣ** упоминается въ „Замѣткахъ о город. Каз. губ."

8. **Городище Сухая Елховка**. „Замѣтки" указываютъ старинныя укрѣпленія, которыя находятся по дорогѣ между Екатерин. слобоою и Новошешминскимъ пригородомъ съ перерывами различной величины. Дальнѣйшее отъ Новошешминскаго укрѣпленіе, слѣдовательно ближайшее отъ Екатерининск. слободы, будетъ—показанное въ 9 верст. отъ Новошешминска и называемое Сухая Елховка; оно должно находиться не далѣе одной версты отъ слободы, потому что послѣдняя отстоитъ отъ Новошешм. на 10 верстъ. Это укрѣпленіе имѣетъ площадь въ 320 саж. на ровномъ мѣстѣ; обведено двумя параллельными валами 4 саж. шир., между валами ровъ 3 саж. глуб.; форма трехъ-угольная; поверхность распахана подъ посѣвъ.

9. **Городище при вершинѣ рч. Елховки** съ зап. стороны, въ 5 верст. отъ Новошешм., кратко описывается въ „Замѣтк. о город. Каз. губ.".

Р. Елховка обозначена на рукописн. атласѣ конца прошлаго столѣтія впадающею ниже Новошешминска въ Шешму.

Площадь этого городища 430 саж. на ровномъ мѣстѣ; обведено двумя параллельными валами 4 саж. шир., между валами ровъ 3 саж. глуб.; форма городища трехъугольная; поверхность его распахана.

Къ этому городищу можетъ относиться сказанное Иванинымъ (стр. 75, 77, 78) о древнихъ укрѣпленіяхъ изъ трехъ рядовъ вала, изъ которыхъ крайній, вѣроятно, также какъ въ укрѣпленіяхъ Екатер. слободы, говоритъ Иванинъ, былъ назначенъ для загона въ него скота ночью; профиль его едва замѣтна, изъ профили прочихъ двухъ видно, что внутренній валъ командовалъ внѣшнимъ.

Это укрѣпленіе Иванинъ показываетъ за лѣсомъ, близъ древняго вала, въ 5 верст. отъ слободы, слѣдовательно въ такомъ же разстояніи и отъ Новошешм., потому что послѣдній отстоитъ отъ слободы на 10 верстъ; а въ 5 верст отъ Новошешминска, по дорогѣ къ Екатер. слободѣ, показано въ „Замѣткахъ“ городище при верх. Елховки. Такимъ образомъ укрѣпленія, упоминаемыя Иваниным и въ „Замѣткахъ“, можно считать за одно и тоже.

10. Городище въ 2 верст. отъ Новошешминска съ юго-зап. стороны кратко описывается въ „Замѣткахъ о город. Каз. губ.“ Площадь этого городища 410 саж. на ровномъ мѣстѣ; обведено двумя параллельными валами 4 саж. шир., между которыми ровъ въ 3 саж. глуб.; форма кругообразная; поверхность распахана.

11. Араповъ городокъ. „Замѣтки“ такъ называютъ городище въ 3 верст. отъ Новошешминска съ юго-вост. стороны. Площадь 183 саж. на высокомъ мѣстѣ обведена двумя параллельными валами 4 саж. шир., между которыми ровъ въ 3 саж. глуб.; форма кругообразная; поверхность заросла лѣсомъ.

Артемьевъ въ предисл. къ Сп. насел. м. Каз. губ“, (стр. XXXII) упоминаетъ при Новошешм. „Арапъ городокъ“ и „Урва—городокъ“. Первый оказывается по „Замѣткамъ“ въ 3 верст. отъ Новошешм. Какое городище должно разумѣть подъ „Урва—городокъ“ не извѣстно, можетъ быть—городище, упоминаемое въ „Замѣткахъ“ въ самомъ пригородѣ Новошешминскѣ.

12. Валъ между лѣсомъ слободы Екатерин. и Ново-Шешминскомъ. Иванинъ (стр. 75 78), указывая на этотъ валъ, называетъ его древнимъ и отличаетъ отъ Стар. За-

камскаго, замѣчая, что древній валъ совпадаетъ съ послѣднимъ. Объ этомъ древнемъ валѣ упоминается ниже, при описаніи укрѣпленія противъ Новошешминска, гдѣ сказано, что по этому валу проведенъ послѣ валъ Старо-Закамской линіи.

13. Укрѣпленіе на Шешмѣ противъ Новошешминска. Иванинъ (75, 78) указываетъ на древнее укрѣпленіе на лѣв. берегу Шешмы, противъ пригорода Ново-Шешминска. Оно состоитъ изъ одного ряда вала, часть его была примкнута къ валу, направленному отъ лѣса слободы Екатерин. до р. Шешмы, по которой проведенъ послѣ валъ нашей Ст. Закамской линіи.

Въ этихъ мѣстахъ, по увѣренію жителей, находили прежде кольчуги, серпы какого-то особеннаго устройства и пр.

14. Смѣшеніе древнихъ укрѣпленій съ Старо-Закамскою линіею. О всѣхъ послѣднихъ 4 городкахъ (Сухая Елховка, при верш. Елховки, въ 2 верст. отъ Новошешм. и Араповъ) „въ Замѣтк.“ сказано, что они идутъ отъ Новошешминскаго по направленію къ слободѣ Екатерининской съ перерывами различной величины.

Ширина и длина валовъ этихъ 4 городковъ и глубина рва между ними для всѣхъ четырехъ показана вмѣстѣ: ширина двухъ параллельныхъ валовъ 4 саж., глубина рва между ними 3 саж., а дл. валовъ—перваго (внутр.) $5^1/_2$ верстъ съ перерывами, длина втораго вала (внѣшн.)—6 верстъ съ перерывами; по этому я не могъ говорить о длинѣ валовъ каждаго изъ этихъ городищъ, упоминая о нихъ отдѣльно. Очевидно, что редакторъ „Замѣтокъ“ г. Вечеславъ имѣлъ въ виду непрерывность этихъ городищъ по одной линіи, именно онъ считаетъ рядъ этихъ укрѣпленій Старо-Закамскою линіею. Послѣ описанія городищъ г. Вечеславъ дѣлаетъ замѣчаніе: „изъ этого описанія можно заключить, что Стар. Закамская линія шла отъ пригорода Ново-Шешм. къ слободѣ Екатерининской и состояла изъ двухъ параллельн. валовъ, между которыми находился ровъ“.

Но пограничный валъ и укрѣпленія, сосѣднія одно съ другими—не одно и тоже. Въ самыхъ „Замѣтк.“ показано о кругообр. формѣ одного городища и трехъугольной остальныхъ трехъ. Выше были приведены объясненія Рычкова и Иванина о различіи древнѣйшихъ укрѣпленій отъ новѣйшихъ, наконецъ Иванинъ описываетъ два городища—въ 5 верст.

отъ Екатерин. слободы и противъ Новошешминска, отличая ихъ отъ Старо-Закамской черты и указываетъ на древній валъ, который противополагаетъ Старому Закамскому.

15. Укрѣпленія Ст. Закамской линіи отъ Екатерин. слоб. до границы Мензелинск. уѣзда. Чтобы предупредить на будущее время смѣшеніе укрѣпленій двухъ совершенно различныхъ эпохъ, я укажу и на укрѣпленія, оставшіяся отъ Старой Закамской черты, по Иванину (стр. 58, 59), который осмотрѣлъ послѣднюю отъ слободы Екатерин. до окончанія ея у р. Ика.

Укрѣпленія, составляющія Старую Закамскую линію слѣдующія:

У слободы Екатерин., версты на двѣ находится ровъ съ валомъ, по обѣимъ сторонамъ р. Секенса, упирающійся оконечностями своими въ лѣсъ, окружающій слободу.

Далѣе за лѣсомъ, верст. въ 4-хъ, начинается опять верстъ на 12 валъ, имѣющій направленіе на пригородъ Новошешминскъ. Изъ этого же лѣса выходитъ еще другой валъ и соединяется съ валомъ линіи; но онъ древнѣе нашего (см. объ этомъ древн. валѣ выше). Старо Закамскій валъ по переходѣ р. Шешмы упирается опять въ лѣсъ. Профиль этого вала, до соединенія его съ древнимъ валомъ, одинаковъ съ профилью вала при слободѣ Екатерининской, но далѣе, по соединеніи съ нимъ, до р. Шешмы, профиль его гораздо выше.

На правомъ берегу р. Шешмы, по самой линіи вала, на возвышенности видны остатки редута, саж. 50 въ сторонѣ.

Отъ Новошешминска до дер. Романовской (1), верстъ на 15 простирается лѣсъ, за которымъ опять, поперегъ долины р. Кичуя, версты на три, идетъ валъ до лѣса, лежащаго на правомъ берегу этой рѣки.

При пересѣченіи большой дороги, идущей изъ Бугульмы въ Казань, съ валомъ симъ, видны остатки редута почти такой же величины и профили, какъ и у Ново-Шешминска; внутри его, саженъ 5 отступя отъ бруствера, находится

(1) Ракашево, Романовка при безымн. ключѣ (Сп. насел. мѣстъ № 3185); на картѣ Стрѣльбицкаго въ верстѣ отъ лѣв. берега Кичуя, праваго притока Шешмы.

ровъ, неизвѣстно для чего вырытый, ширины саженн 2 и глуб. съ 1½ арш.

Отъ дер. Романовской до пригорода Заинска верстъ на 30 идетъ лѣсъ....

Пригородъ Заинскъ находится въ Мензел. уѣздѣ Уфимск. губ. и выходитъ изъ разсматриваемой нами территоріи.

16. **Древнія укрѣпленія, показанныя на Подробной картѣ и въ документахъ 1664** г. Изданная въ 1805 г. Подробн. (столистенная) карта представляетъ для изслѣдуемой мѣстности между Екатерин. слободою и Новошешм. особенное исключеніе: она изображаетъ на этой мѣстности разныя древнія укрѣпленія, не указывая на нихъ въ другихъ мѣстахъ.

При верховьѣ р. Секенеса, гдѣ стоитъ слобода, по обѣимъ сторонамъ рѣки проведены ломанныя линіи: по прав. сторонѣ изъ 9 небольшихъ прямыхъ (по масштабу карты въ 1 версту и менѣе), по лѣвой изъ 6, сверхъ того къ одной изъ послѣднихъ проведена прямая съ зап. на вост.; затѣмъ по обѣимъ сторонамъ средины теченія вышеупомянутой рч. Елховки, впадающей въ Шешму, ломанныя линіи: по правой сторонѣ изъ 8 прямыхъ, а по лѣвой изъ 4; на сѣв. отъ послѣдней, съ востока на западъ, ломанная изъ 10 прямыхъ; на зап. отъ послѣдней изображено пространство, огороженное съ трехъ сторонъ прямыми линіями, еще далѣе на западъ отъ послѣдняго огороженнаго пространства—маленькій четыреугольникъ; къ сѣверо-востоку между двумя послѣдними укрѣпленіями—небольшая прямая линія (по масшабу карты версты въ 1½); на вост. отъ послѣдней, что будетъ на сѣв. отъ линій по лѣв. сторону р. Елховки—ломанная линія верстъ на 6, т. е. изъ трехъ прямыхъ, въ 2 версты каждая; послѣдняя линія съ версту не доходитъ до берега р. Шешмы.

Я указываю на эти изображенія Подробн. карты, какъ на новый матеріалъ для ознакомленія съ древними укрѣпленіями разбираемой мѣстности; при тщательномъ сравненіи этихъ изображеній съ другими свѣдѣніями о здѣшнихъ укрѣпленіяхъ, очевидно, откроется, какія изъ этихъ изображеній принадлежатъ къ вышеупомянутымъ древнѣйшимъ укрѣпленіямъ и остаткамъ Стар. Закамской линіи.

Въ данной 1664 г. смоленскимъ иноземцамъ на земли упоминаются на разбираемомъ пространствѣ слѣдующія ук-

рѣпленія: „а межи и урочища той земли отъ Шешминскаго городка, за Шешму рѣку, на луговую сторону, а отъ Шешмы рѣки подлѣ валъ степью, къ черному лѣсу до засѣки и отъ вала подлѣ засѣки къ Сюкпяжскому (Секенескому, при рч. Секенесъ), да мимо Сюкпяжскаго городища подлѣ валъ къ рѣкѣ Секенеса прямо (1)".

17. Городище и курганъ въ Новошешминскѣ. Въ самомъ пригородѣ Ново-Шешминскѣ „Замѣтки о город. Каз. губ." показываютъ кругообразное городище вокругъ церкви, на горѣ, обведенное двумя параллельными валами 4 саж. шир., между ними ровъ въ 3 саж. глуб.; площадь городища 210 саж.

Затѣмъ „Замѣтки" упоминаютъ въ пригородѣ курганъ.

18. Валы ниже дер. Ракашева. Въ 15 верст. на сѣв.-востокъ отъ Новошешминска, въ разстояніи версты отъ лѣв. берега Кичуя, стоитъ вышеупомянутая деревня Ракашево (Романовка), ниже которой Иванинъ (стр. 75) указываетъ два древніе вала, пересѣкающіе долину р. Кичуя и упирающіеся своими концами въ лѣсъ.

19. Валъ и городокъ въ 4 в. на сѣв.-зап. отъ с. Ямаши. Это село находится на правомъ берегу Кичуя, къ востоку отъ вышеупомянутой дер. Ракашевой версты на 3.

На сѣв. зап. отъ с. Ямаши въ 4 верст. проходитъ, говоритъ С. Мельниковъ (1), земляной валъ, пограничная линія, на которой при р. Кичуѣ сдѣланъ земляной острожокъ или городокъ. Расположеніе его почти квадратно. Длина отъ рч. Кичуя, съ вост. на западъ, 60 саж., а шир. 40 саж. Кругомъ возвышеннаго сажени на двѣ вала вырытъ ровъ, глубиною до $4^1/_2$ арш. Валы значительно осыпались и опустились.

20. Курганъ на юго-западѣ отъ с. Ямаши верст. въ двухъ. По словамъ Мельникова (ibid), здѣсь „находится древній маръ, замѣчательный величиною. Это ничто иное, какъ могильная насыпь надъ прахомъ покойника самыхъ отдаленныхъ временъ".

21. Валъ 5 верстъ ниже Новошешминска между лѣсомъ и лѣв. берегомъ Шешмы указываетъ Иванинъ (стр. 75).

(1) «Акты историч.», собр. Ст. Мельниковымъ, I, 61, 62.

(1) «С. Рождественское—Ямаши» въ Каз. губ. Вѣд. №. 30.

22. Городище при дер. Шахмайкиной. Эта дер. находится при верховьѣ Челны, лѣв. притока Шешмы. Артемьевъ (Предисл. къ Сп. насел. м. Каз. губ. XXXII) указываетъ здѣсь городище.

23. Город. Кызъ-Тау. Рычковъ (1) упоминаетъ городище „не въ великомъ разстояніи отъ дер. Чертожъ"; городище называется Татарами Кызъ Тау, т. е. Дѣвичья Гора. Дер. Чертожъ нынѣ называется Чертушкина и находится на лѣвомъ притокѣ вышеупомянутой Челны, впадающей въ Шешму. Притокъ Челны названъ понмени только въ рукописн. картѣ — Чертушка. Дер. Чертушкина находится отъ предыдущей Шахмайкиной въ 2 верст. на зап. Указаніе Рычковымъ мѣстоположенія городища неопредѣленно: можетъ быть, подъ „невеликимъ разстояніемъ отъ дер. Чертожъ", разумѣется предыдущее городище при дер. Шахмайкиной или, принимая въ соображеніе почти одинаковое названіе, нижепоказанное городище при дер. Верхн. Никиткиной, которая отстоитъ отъ Чертушкина верстахъ въ 10 и называется Кызъ-Кала (Дѣвичій Городъ), послѣднее названіе соотвѣтствуетъ упоминаемому Рычковымъ. Оба послѣднія городища показываются на высокихъ мѣстахъ.

Рычковъ о своемъ городищѣ говоритъ, что „на верху одной горы находится старинное мѣсто, валами укрѣпленное. Отъ чего происходитъ названіе его Кызъ-Тау Татары не знаютъ никакого повѣствованія. Внутрь сего укрѣпленія не видно ничего примѣчанія достойнаго, кромѣ валяющихся посреди сего мѣстечка камней, которые суть знаки прежде стоявшихъ зданій".

24. Городище при дер. Верхн. Никиткиной. „Замѣтки о город. Каз. губ." указываютъ на городище около дер. Верхн. Никиткиной, на лѣв. берегу р. Шешмы, по направленію къ слободѣ Архангельской, т. е. вверхъ по теченію Шешмы.

Городище кругообр. формы, имѣетъ въ окружн. 500 саж., оно лежитъ на высокомъ мѣстѣ и окружено съ вост. р. Шешмой, а съ прочихъ сторонъ валами и рвами. Валы и рвы имѣютъ въ дл. 350 саж., а въ шир. 3 саж. Преданій объ учрежденіи этого городища не сохранилось, раскопокъ производимо не было.

(1) «Журналъ путешествія» стр. 25.

Артемьевъ (Предисл. къ Сп. насел. м. Каз. губ., XXXII) указываетъ, очевидно, на это городище, хотя называетъ Старое Никиткино (1). Артемьевъ приводитъ и татарское названіе этого городища „Кызъ-Кала" т. е. „Дѣвичій Городъ". Въ другой статьѣ (2) Артемьевъ упоминаетъ, что это городище, менѣе извѣстное, сравнительно съ Жукотинымъ, имѣетъ тройной валъ, а Жукотино только — одинъ.

25. **Город. при дер. Горшковой.** Эта дер. на лѣв берегу Шешмы, о городищѣ здѣсь упоминаетъ только Артемьевъ (Предисл. къ Сп. насел. м. Каз. губ., XXXII).

26. **Город. при дер. Елантово.** Эта дер. на прав. берегу Шешмы, городище здѣсь указываетъ только Артемьевъ (ibid.).

27. **Деревня Городище.** Эта деревня, иначе называемая Красный Колокъ, на лѣв. берегу Шешмы, противъ предыдущей. На городище здѣсь указываетъ только Артемьевъ (ibid.), но самое названіе деревни можетъ служить подтвержденіемъ этого показанія.

28. **Город. при дер. Новопоселенный Средній Толкишъ.** Эту деревню Списокъ насел. мѣстъ, называя иначе Токмакла, показываетъ при р. Толкишкѣ, на которой показываетъ также тѣ селенія, которыя, какъ оказывается по картамъ, находятся на той-же рѣкѣ, которую Списокъ называетъ Толкишъ (лѣвый притокъ Шешмы). Дер. подъ именемъ Новопоселенный Средній Толкишъ не встрѣчается ни на одной картѣ. Но принимая въ соображеніе другое названіе этой деревни, оказывается, что она не на самомъ Толкишѣ, а на притокѣ его, который обозначенъ по имени только въ рукописной картѣ — Елшапка; карта Стрѣльб. на этомъ притокѣ, не обозначая его по имени, показываетъ деревню Татарская Токмакла, что и соотвѣтствуетъ другому названію

---

(1) Старое Никиткино на картахъ Подробн. и Стрѣльб. не показано, здѣсь обозначены только Верхнее и Нижнее Никиткино; но кромѣ Списка насел. м. Каз. губ., Стар. Никиткино показано и въ Вѣдомости о распред. сельск. населенія Каз. губ. по приходамъ (Естеств. приращеніе сельск. насел. Каз. губ. т. I. Каз. 1875). Въ Спискѣ и въ Вѣдомости Старое Никиткино показано рядомъ съ Верхн. Никитк., вѣроятно по этому оба эти селенія на картахъ и обозначены подъ однимъ названіемъ.

(2) «Древній Болгарскій г. Жукотинъ» стр. 68.

деревни Новопоселенный Средній Толкишъ. Эта послѣдняя дер. въ новѣйшемъ спискѣ селеній Каз. губ. „Свѣдѣнія о числѣ верстъ отъ селеній до уѣзднаго и губернск. города". Каз. 1876 г. называется Новопоселен. Средній Татарскій Толкишъ и показана въ 30 верст. отъ г. Чистополя; на такомъ именно разстояніи отъ послѣдняго, по картѣ Стрѣльб., оказывается дер. Тат. Токмакла. При этой дер. Артемьевъ (ibid) указываетъ городище.

29. **Город. при сц. Токмакла.** Это сельцо карта Стрѣльбицкаго показываетъ подъ именемъ Русской Токмаклы, на притокѣ Толкиша, не обозначая названія этого притока, но на рукописн. картѣ онъ названъ „Средній Толкишъ". При этомъ сельцѣ также только Артемьевъ (ibid.) указываетъ городище и называетъ его, какъ и находящееся при дер. Стар. Никитк., „Кызъ-Кала", т. е. „Дѣвичій Городъ".

30. **Валъ при с. Малый Толкишъ.** Это село находится на самомъ Толкишѣ, лѣвомъ притокѣ Шешмы. „Замѣтки" указываютъ близъ этого села валъ, обведенный рвомъ, дл. вала 130 саж., шир. 5 саж.; ровъ 1 саж. шир. и на пространствѣ 80 саж. засыпанъ землею. Валъ этотъ съ обѣихъ сторонъ упирается въ овраги.

31. **Валы въ 4 в. отъ с. Сарсаса.** Это село находится верст. въ 5 отъ р. Толкиша на сѣв. Въ разстояніи отъ села на 4 версты „Замѣтки" показываютъ два вала, къ сожалѣнію, здѣсь нѣтъ никакихъ болѣе опредѣленныхъ показаній о мѣстонахожденіи этихъ валовъ: въ какой сторонѣ отъ села, у какой рѣчки и т. п. Кругомъ этого села на 4 версты не встрѣчается мѣстности, на которой какіе нибудь другіе источники указывали бы укрѣпленіе, слѣдовательно остается довольствоваться только „Замѣтками". Послѣднія говорятъ, что эти два вала расположены между двухъ враговъ, въ которые они упираются своими концами. Первый валъ дл. 50 саж., шир. 6 саж.; второй дл. 30 саж., шир. 5 саж.; между валами канава 5 саж. шир.

32. **Город. при дер. Ачи.** Эта дер. на картѣ Стрѣльб. — при р. Ашѣ, прав. притокѣ Шешмы. Артемьевъ (ibid.) указываетъ при этой деревнѣ городище.

33. **Валъ на р. Ашѣ.** „Замѣтки" указываютъ на этомъ притокѣ Шешмы, въ 6 верст. отъ Стар. Шешминска валъ полукругл. формы, дл. 77 саж. Поверхность его поросла

лѣсомъ; а народное преданіе говоритъ, что онъ сооруженъ для защиты отъ нападеній Ногайскихъ Татаръ и Башкиръ.

Можетъ быть этотъ валъ одно и тоже съ городищемъ, показаннымъ Артемьевымъ при дер. Ачи, хотя послѣдняя въ 4 верст. отъ Стар. Шешминска, а валъ, по показанію „Замѣтокъ", въ 6 верст. отъ этого пригорода.

34. **Преданіе о булгарскихъ валахъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ.** Древнія укрѣпленія по Шешмѣ и ея притокамъ представляются конечными на юго-востокѣ Казанской губ., но далѣе на востокѣ продолжаются древнія укрѣпленія и въ Мензелинскомъ уѣздѣ Уфимской губ. Какъ свидѣтельствуетъ мѣстный, трудолюбивый изслѣдователь и знатокъ древностей своего края Р. Игнатьевъ, о древнихъ валахъ въ Менз. уѣздѣ у тамошнихъ Башкиръ есть преданіе, что валы устроены Булгарами, для защиты отъ набѣговъ разныхъ инородческихъ племенъ (1).

Это преданіе Башкиръ Менз. у., очевидно, еще съ большею вѣроятностью, относится къ древнимъ укрѣпленіямъ на юго-вост. границѣ Каз. губ. и вообще ко всѣмъ остальнымъ, болѣе близкимъ къ центру Булгарскаго царства, древнимъ укрѣпленіямъ.

IX. НИЗОВЬЕ КАМЫ И ГОРОДИЩЕ КОШАНА СЪ ЕГО ОКРЕСТНОСТЯМИ.

1. **Городокъ бл. устья Камы.** А. А. Кочуевъ сообщилъ во II кн. Временника Моск. Общ. Ист. и Древн. (1), что „Казанской губ. въ Спасск. уѣздѣ, близъ устья р. Камы, на лѣв. берегу, выше развалинъ древняго, обозрѣннаго Петромъ Великимъ, города Болгаръ 30 верстъ, а пониже с. Епаншина верстъ 7, находится мѣсто, именуемое городокъ; кругомъ обрыто рвомъ и ограждено толстымъ валомъ, сей валъ и теперь на сѣв. сторонѣ со дна рва возвышается до 6 арш. Мѣра этого городка съ восточной стороны 30 саж., на которую чрезъ валъ и ровъ сдѣланъ проѣздъ, а возлѣ проѣзда сдѣланъ круглый обрытый рвомъ бугоръ, вы-

(1) «Памятники доисторической древности въ Уфимской губ.», въ Памятн. кн. Уфим. губ. 1873 г.

(1) «Свѣдѣнія о древностяхъ въ Оренб. и Казанск. губерніяхъ».

шиною равный валу, мѣрою же кругомъ его по рву до 25 саж. Южная сторона дл. 38 саж., на юговосточн. углу второй бугоръ, подобный первому, и возлѣ него также значится бывшій проѣздъ. Западная сторона длиною 32 саж., на юго-западномъ углу два подобные сказаннымъ бугра, и между ихъ находится также изъ городка проѣздъ. Послѣдняя, сѣверная сторона дл. 36 саж., въ недальнемъ разстояніи отъ городка, на этой сторонѣ находится длинное озеро именуемое Краснымъ (2). Какъ съ сѣверн. такъ и съ западн. сторонъ, городокъ ежегодно изъ соединившихся въ томъ мѣстѣ рѣкъ Камы и Волги, обливается вѣшнимъ полноводіемъ".

Мѣстонахожденіе этого городка опредѣлено близъ устья Камы, на лѣв. берегу послѣдней, въ 7 верст. ниже Епанчина, которое лежитъ на прав. берегу Камы, въ верстѣ ниже устья Мешы, и въ 30 верст. выше Булгара. Мѣстность ниже Епанчина на 7 верстъ дѣйствительно представляется на картахъ въ 30 верст. выше с. Булгаръ, слѣдовательно противъ вѣрности обозначенія этого пункта нельзя ничего сказать; но здѣсь кромѣ Кочуева никто въ новѣйшее время не указываетъ остатковъ какого-нибудь укрѣпленія, было даже высказано мнѣніе, что по самымъ топографическимъ условіямъ здѣсь никогда не могло быть никакого города.

Послѣднее было заявлено Артемьевымъ, противъ Татищева, который указываетъ г. Жукотинъ на устьѣ Камы, на луговой, лѣвой сторонѣ, гдѣ будто бы въ его время было видно пустое великое городище съ остатками каменнаго строенія (3).

Артемьевъ (4) говоритъ, что „кто бывалъ близъ самаго устья Камы, тотъ едва ли будетъ искать здѣсь остатковъ Жукотина или другаго какого нибудь города. Берега Камы,

(2) Длинное оз. Красное, въ которое впадаетъ р. Ахтай, обозначено на картахъ рукописн. и Стрѣльбицк., но оно верстъ на 5 къ вост. отъ устья Камы; поэтому нельзя утвердительно сказать, что это озеро тоже, которое упоминается на сѣв. сторонѣ городка, хотя Кочуевъ говоритъ о разстояніи озера отъ городка неопредѣленно: «въ недальнемъ разстояніи».

(3) Исторія Россійск. I, 551; III прим 643.

(4) «Древн. Болг. г. Жукотинъ» въ Ж. М. Вн. Д. т. XXXIII.

при впаденіи ея въ Волгу, и самый берегъ Волги — очень низменны: во время половодія разливъ Камы при устьѣ распространяется, особенно въ лѣвую сторону, почти на 30 верстъ въ ширину. Конечно, Кама широко разливалась и за 500 лѣтъ до настоящаго времени. На такой мѣстности Булгары не могли основать города".

Между тѣмъ ясное и опредѣленное указаніе Кочуева свидѣтельствуетъ, что здѣсь былъ городокъ. Можетъ быть, объ этомъ городкѣ и было извѣстно Татищеву, который назвалъ его Жукотинымъ, хотя послѣднее несправедливо: городище Жукотина лежитъ на Камѣ гораздо выше. Кочуевъ тоже говоритъ, что городокъ ежегодно подмывается разливомъ Волги и Камы.

2. Древнее селеніе на мѣстѣ г. Лаишева. Въ самомъ городѣ Лаишевѣ и около него никто не указываетъ никакихъ признаковъ древняго укрѣпленія, но существуютъ основанія для признанія на этомъ мѣстѣ древняго поселенія: Никон. лѣтопись (VII, 284) подъ 1557 г. говоритъ, что „писалъ изъ Казани кн. Петръ Ивановичь Шуйскій: велѣлъ Арскимъ и Побережнымъ Татарамъ поставити на Камѣ въ Каишевѣ (Лаишевѣ) городъ". Смыслъ выраженія лѣтописи указываетъ, что мѣсто, гдѣ былъ основанъ новый русскій городъ, извѣстенъ подъ названіемъ Лаишева. Шерефъ-эддинъ сообщаетъ, что послѣ разгрома г. Булгара Тамерланъ разогналъ оттуда жителей, многіе выселились въ другія мѣстности. „Старикъ Лаишъ съ своимъ поколѣніемъ очутился на берегу Бѣлой р. (Камы), стало селеніе Лаишъ". Доказательствомъ древняго селища на этомъ мѣстѣ можетъ служить и находка здѣсь стараго глинянаго кубка, хранящагося въ Музеѣ этногр. и древностей Каз. университета. Въ каталогѣ этого музея (№ 436) показанъ доставленный въ 1870 г. профессоромъ Ѳирсовымъ старый глиняный кубокъ, найденный въ г. Лаишевѣ, при разрытіи земли подъ фундаментъ зданія.

3. **Городокъ на Камѣ въ 8 верст. ниже г. Лаишева.** Кочуевъ въ той же статьѣ вслѣдъ за укрѣпленіемъ близъ устья Камы говоритъ: „Укрѣпленное мѣсто находится еще на томъ же берегу (лѣв. берегу Камы), повыше впаденія Камы въ Волгу, разстояніемъ отъ предыдущаго города около 15 верстъ". Эта мѣстность лежитъ уже въ Лаишевск. уѣздѣ верстъ на 8 ниже г. Лаишева.

Кромѣ Кочуева, здѣсь никто не указываетъ на какіе нибудь остатки древняго укрѣпленія.

4. **Городокъ около с. Шуранъ** (г. **Кошанъ**). С. Е. Мельниковъ (1) говоритъ, что „повыше с. Шуранъ на р. Камѣ, между волнистыми падями и береговыми долинами возвышается небольшой дубовый лѣсокъ, господствующій надъ кустарникомъ. Этотъ лѣсокъ окруженъ земляными валами въ два ряда. Здѣсь, по татарскимъ древнимъ таварихамъ, былъ древній булг. городъ Кошанъ. Въ самомъ городкѣ и въ окрестностяхъ, на пашнѣ, находили прежде весьма много и нынѣ находятъ почти каждое лѣто, древнія серебряныя и мѣдныя монеты, разныя вещи и украшенія. Внутренность городка еще не распахана, народъ боится разрушать татарскую вѣковую святыню. Здѣсь, какъ говорятъ, являются запоздалымъ спутникамъ разныя чудовища и женщины-татарки въ древнихъ азіатскихъ костюмахъ, поэтому здѣсь никогда нельзя встрѣтить пѣшеходовъ. Пониже городка, на томъ же берегу Камы, возвышается с. Шуранъ".

Кондыревъ (1) упоминаетъ два городка Кирюшкинъ и Кошанскій, на высотахъ берега р. Камы, но къ сожалѣнію не представляетъ никакихъ болѣе подробныхъ объясненій мѣстоположенія этихъ городковъ. Названіе Кирюшкинъ не встрѣчается ни въ Спискахъ селеній Каз. губ., ни на картахъ.

Въ „Краткой Историч. Запискѣ по Казанск. унив. за 1821—1822 академич. годъ" указано, что профессоръ Кондыревъ пожертвовалъ въ Кабинетъ рѣдкостей кольчугу, найденную имъ во время путешествія, на мѣстѣ древняго городка Кошана.

5. **Городокъ возлѣ дер. Именьковой.** Далѣе въ той же статьѣ Мельниковъ говоритъ, что „ниже Шурана, за 12 верстъ, за большими полями, находится деревня Именькова, недоѣзжая которой, съ лѣв. стороны почтовой дороги находится древній городокъ, окруженный двумя земляными валами; онъ напоминаетъ о древнихъ жителяхъ здѣшней мѣстности Булгарахъ".

---

(1) «Отъ Чистополя до с. Богородскаго» въ Каз. Губ. Вѣд. 1862 г. № 36.

(1) См. Приложеніе I.

Объ этомъ городкѣ вѣроятно упоминаетъ Кондыревъ — „городокъ неизвѣстнаго имени, близъ Шурана, по дорогѣ къ нему изъ Казани“ (1).

6. **Именьковскій курганъ.** Мельниковъ въ той же статьѣ упоминаетъ о курганѣ возлѣ дер. Именьковой. Громадный земляной курганъ находится, по показанію Мельникова, на другой, сравнительно съ предыдущимъ городкомъ, сторонѣ деревни, на берегу р. Мал. Меши. „Татары разсказываютъ о величайшихъ сокрытыхъ въ немъ богатствахъ; по моему мнѣнію, прибавляетъ Мельниковъ, это земляная насыпь надъ могилою какого-нибудь старѣйшины или вождя древнихъ, доисторическихъ народовъ“.

Болѣе подробно этотъ курганъ описываетъ г. Стояновъ: „Далеко господствуя надъ окрестностью, именьковскій курганъ лежитъ въ верстѣ и къ сѣв.-западу отъ татарскаго села Именьково, въ 12 верст. отъ г. Лаишева и влѣво отъ большой Лаишевской дороги на Шуранъ. Съ сѣвера, сѣверо-востока и востока курганъ окруженъ извилистой рѣчкой Брысой; съ юга и запада суходоломъ. Сѣверной стороной курганъ вплотную примыкаетъ къ крутому лѣвому берегу р. Брысы, между тѣмъ, какъ съ сѣв.-вост. стороны, между курганомъ и окраиной берега рѣки, которая образуетъ въ этомъ мѣстѣ колѣно, остается возвышенная площадка шириною въ 25,56 m. и длиною въ 96,56 m. По формѣ курганъ представляетъ усѣченный конусъ. Окружность кургана (у подошвы) около 227,0 m. Высота (по откосу) съ сѣв.-зап. стороны 25,0 m.; съ сѣв.-вост. 14,2 m. Вершина кургана представляетъ круглую площадку съ воронкообразнымъ углубленіемъ по срединѣ; мѣстами на площадкѣ замѣтны слѣды когда-то производившихся раскопокъ“.

„Курганъ, по сохранившимся въ с. Именьковѣ преданіямъ, составляетъ хранилище кладовъ и драгоцѣнностей. Какъ разсказываютъ старожилы и мулла с. Именькова, мѣстные жители неоднократно приступали къ раскопкамъ кургана съ цѣлію открытія кладовъ, но попытки были всегда неудачны; искатели кладовъ, по словамъ муллы, внезапно заболѣвали корчами съ сильнѣйшимъ разстройствомъ кишекъ и въ испугѣ покидали курганъ“ (1).

---

(1) Ibid.

(1) «Отчетъ о раскопкахъ въ Лаишев. и Спасск. уѣздахъ». Прилож.

Г. М. Ш. сообщаетъ въ Каз. Губ. Вѣд. 1875 г. (¹) объ этомъ курганѣ, что онъ величиною поболѣе обыкновенной крестьянской избы, отдѣляется отъ полей рвомъ и частію обращенъ на рч. Брысу. „О курганѣ этомъ извѣстно въ народѣ слѣдующее преданіе: давно и притомъ такъ, что даже нельзя и приблизительно опредѣлить время, шла большая рать подъ предводительствомъ какого-то богатыря. Рать эта неустанно направлялась на сѣв.-зап. Наконецъ предположено было рати остановиться; по этому случаю ратники, желая увѣковѣчить мѣсто своей стоянки, идучи по дорогѣ, набрали въ свои наголовники (шлемы) землю и высыпали ее на томъ мѣстѣ, гдѣ была стоянка; изъ земли этой образовался курганъ; но такъ какъ, по соображенію соорудителей, слѣдовало сдѣлать его въ большемъ видѣ, то увеличили его чрезъ прибавку земли, отъ выемки которой образовался упоминаемый ровъ".

„Народная память сохранила преданіе еще и о другомъ бывшемъ въ этой же мѣстности курганѣ; услыхать послѣднее преданіе можно только отъ Татаръ. Преданіе таково: нѣкогда шелъ по этимъ мѣстамъ человѣкъ съ чистою душею (праведный). Шествіе его сопровождалось необыкновенными дѣяніями: обутъ онъ былъ въ лапти, которыя отъ далекаго пути наполнились пылью, уставши, путникъ остановился, сѣлъ на землю, и разувшись, выколотилъ пыль изъ лаптей, когда же пыль осѣла, то изъ нея сдѣлался изрядной величины курганъ, существовавшій много времени, но изчезнувшій впослѣдствіи неизвѣстно какимъ образомъ".

По заявленіямъ, сообщеннымъ мнѣ мѣстными жителями, около этого кургана находятъ монеты.

7. **Находки на пространствѣ между Камою и устьемъ Брыссы (мѣсто предполагаемаго города).** На пространство между долиною Камы и устьемъ Брысы, расположенное къ юго-западу отъ кургана, именьковскій мулла, основываясь на преданіяхъ, указываетъ, какъ мѣсто, гдѣ существовалъ когда-то большой татарскій городъ, составлявшій резиденцію хана. При распашкахъ на мѣстѣ

къ протоколу засѣданія 21 апр. 1871 г. Общ. естествоиспытателей при Каз. унив., стр. 4, 5.

(¹) № 16 «Преданіе о двухъ курганахъ».

бывшаго татарскаго города именьковцы находили неоднократно: стрѣлы, глиняные горшки, кирпичи, монеты (1).

8. **Древнее кладбище около Именьковскаго кургана.** Все это пространство, лежащее между Камой и устьемъ Брысы, въ настоящее время распахано, за исключеніемъ небольшаго участка земли, который расположенъ съ восточ. сторонѣ, на лѣв. берегу Брысы, въ полуверстѣ и къ юго-востоку отъ кургана. Онъ остается не распаханнымъ по завѣту отъ предковъ съ незапамятныхъ временъ. Именьковцы убѣждены, что пахать на этомъ мѣстѣ грѣшно; но объяснить, чѣмъ руководились ихъ отцы и дѣды, при запрещеніи распахивать этотъ участокъ земли, и какія имѣли на то основанія, именьковцы не знали, такъ какъ касательно этого предмета въ селѣ не существуетъ никакихъ опредѣленныхъ преданій.

Этотъ участокъ земли представляетъ треугольную, поросшую мелкой травой, площадь, вершиною обращенную къ юго-востоку; длина участка 100,0 m., наибольшая ширина — 50,0 m.

При внимательномъ осмотрѣ, на немъ замѣтны рядами расположенныя, длиною почти въ ростъ человѣка, корытообразныя, мелкія ямки, какъ бы выбоины, продольнымъ своимъ размѣромъ лежащія отъ сѣв.-запада къ юго-востоку. Такихъ выбоинъ насчитывается до 250.

Такъ какъ именьковскій мулла и нѣкоторые изъ Татаръ склонялись къ убѣжденію, что описываемый участокъ земли есть мѣсто кладбища существовавшаго когда-то между Камою и устьемъ Брысы татарскаго города, о которомъ въ селѣ Именьковѣ сохранились преданія, и такъ какъ мѣсто своимъ видомъ допускало возможность такого предположенія, то было приступлено, говоритъ Стояновъ, къ раскопкамъ — и мѣсто дѣйствительно оказалось кладбищемъ.

Раскопки производились на мѣстахъ вышеозначенныхъ выбоинъ, ямы рыли длиною, примѣрно, въ ростъ человѣка. Пока еще не дошли до мѣста, гдѣ ожидали найдти костякъ, рыли лопатками и заступами,—затѣмъ самое вскрытіе гробницъ и очистка отъ земли скелетовъ производилась ножами, чѣмъ вполнѣ сохранялось положеніе костяка и возможность измѣренія роста человѣка. Разрыто 9 могилъ.

(1) ibid. стр; 5.

Всѣ эти могилы были съ отвѣсными стѣнами, которыя г. Стояновъ называетъ „прямыми“, въ отличіе отъ тѣхъ могилъ, которыя онъ встрѣтилъ въ дер. Тангачахъ, гдѣ могилы формою своею напоминали русскую печку и гдѣ костяки, на извѣстной глубинѣ были заложены въ южной стѣнѣ могилъ. Послѣднія могилы, въ отличіе отъ первыхъ, г. Стояновъ называетъ „печкообразными“.

Стѣнки одной могилы, повидимому, были обложены дубовыми бревнами; въ другой могилѣ были найдены куски истлѣвшихъ узкихъ дубовыхъ бревенъ.

Погребаемаго помѣщали на спинѣ на днѣ могилы, повидимому, на голой землѣ, головою на сѣв.-западъ, ногами на юго-вост.; черепъ въ четырехъ могилахъ лежитъ на правомъ вискѣ, лице обращено на юго-зап., а въ двухъ могилахъ черепъ на лѣвомъ вискѣ, лице обращено на сѣв.-востокъ; руки вытянуты вдоль тѣла, только въ одной могилѣ лѣвая рука на лобкѣ, правая вытянута вдоль тѣла; въ другой могилѣ правая рука вытянута вдоль тѣла, лѣвая на животѣ. Особенно неправильное расположеніе костей въ одной могилѣ даетъ поводъ думать, что погребаемому иногда придавали сидячее положеніе.

Средняя глубина могилъ (до костяка) 1,16 m. Средній ростъ костяковъ — отъ макушки до нижняго конца внутренней ладышки — 1,553 m. (1).

9. **Городокъ около с. Алексѣевскаго.** Должно предполагать, что укрѣпленія, принадлежавшія къ древнему городу Кошану, переходили и на другую, лѣвую сторону Камы; Кошанскій округъ простирался по обѣимъ сторонамъ этой рѣки. Подтвержденіемъ этому можетъ служить и названіе одного селенія Спасск. у., на границѣ съ Лаишевскимъ — Кошаново. Это селеніе старинное, оно встрѣчается въ атласѣ 1745 г. Я даже думаю, что къ Лаишевскому уѣзду, расположенному по правую сторону Камы, приписана небольшая полоса земли и по лѣвому берегу Камы, въ силу исторической связи послѣдней мѣстности съ землями по правую сторону Камы. Иначе, чѣмъ объяснить такую особенность размежеванія, только въ отношеніи къ Лаишевскому уѣзду, когда далѣе на вост. р. Кама разграничиваетъ Чистоп.

(1) ibid. 5—9.

уѣздъ отъ Мамадышскаго, исключая двухъ небольшихъ мѣстностей, изъ которыхъ одна продолжаетъ за Каму Чистопольскій уѣздъ на сѣверѣ, а другая продолжаетъ Мамадышск. уѣздъ на югъ черезъ Каму. Еще далѣе на востокъ р. Кама отдѣляетъ Вятскую губ. отъ Уфимской.

Прибавка къ Лаишевск. уѣзду небольшой полосы по другую сторону Камы встрѣчается со времени первоначальнаго образованія этого уѣзда, это видно, напр., на атласѣ Россійск. Имперіи 1796 г.; съ того времени границы нѣкоторыхъ другихъ уѣздовъ Каз. губ. весьма измѣнились.

Въ предполагаемомъ мною Кошанскомъ округѣ по лѣвую сторону Камы въ „Замѣткамъ о город. Каз. губ.“ показанъ городокъ въ 1 верстѣ отъ с. Алексѣевскаго. „Онъ лежитъ на старомъ руслѣ р. Камы, имѣетъ ровную поверхность и распаханъ подъ посѣвы. Съ вост. и запада городище окружено оврагами, съ сѣв.—русломъ р. Камы, а съ юга—рвомъ и валомъ. Длина вала и рва 200 саж., шир. вала 1 саж.; ширина рва 2 саж. Въ очень давнее время было выпахано здѣсь нѣсколько сошниковъ (сабанъ) по 30 фунт. вѣсомъ. Преданій объ устройствѣ этого города не сохранилось“.

10. **Сц. Городокъ** (**Казыкъ**). На юго-зап. отъ с. Алексѣевскаго, верст. въ 8 на югъ отъ Мурзихи, противъ которой по другую сторону Камы, какъ было выше указано, стоитъ Кошановская гора, (1) и въ такомъ же 8 верстномъ разстояніи на сѣв. отъ селенія Кошаново, находится владѣльческое сц. Городокъ (Казыкъ). Самое названіе показываетъ, что это селеніе находится на мѣстѣ какого-то городища, въ печати о послѣднемъ нигдѣ не заявлено, но мѣстные жители утверждаютъ, что здѣсь находится городище.

X. Р. МЁША И ЕЯ ПРИТОКИ.

Рѣка Мёша съ зап. и сѣв. огибаетъ вышепоказанныя мѣстности Кошанскаго округа, укрѣпленія на этой рѣкѣ представляются продолженіемъ предыдущихъ; это, можетъ быть, пограничныя укрѣпленія на сѣверѣ Булгарскаго царства. Далѣе на сѣверъ неизвѣстно никакихъ укрѣпленій.

---

(1) въ I Отд. «Г. Кошанъ».

Древнія укрѣпленія и кладбища по р. Мёшѣ и ея притокамъ я разсматриваю съ юга на западъ, противъ теченія Мёши (1).

1. **Курганъ и кладбище около дер. Ташкирмень.** Эта дер. на правомъ берегу Мёши, рядомъ съ нею на югъ дер. Макаровка.

С. Мельниковъ (1) говоритъ, что близъ самой дер. Макаровки, по тракту изъ Лашева, на берегу Мёши находится громаднѣйшій земляной курганъ въ видѣ городка, коихъ не встрѣчается во всей губерніи.

Болѣе точное опредѣленіе мѣстоположенія и описаніе этого кургана представляетъ Стояновъ, (2) который называетъ этотъ курганъ Ташкирменскимъ.

„Курганъ возведенъ на прав. берегу р. Мёши и лежитъ позади татарской дер. Ташкирмень, въ 200 шагахъ отъ усадьбы помѣщика Деларю (3). Юго-восточной, южной и юго-западной сторонами курганъ обращенъ къ Мёшѣ; съ сѣвера и сѣв.-востока курганъ окруженъ ручьемъ, притокомъ Мёши, протекающимъ въ глубокомъ оврагѣ; сѣв.-зап. сторона кургана обращена на дорогу, идущую изъ с. Ташкирмень на усадьбу Деларю“.

Форма кургана коническая, съ плоскою въ 105, 15 m. въ діаметрѣ вершиной, которая съ юго-вост. и зап. обведена валомъ такъ, что остается не замкнутой только съ сѣв. стороны, обращенной къ дер. Ташкирмень и къ глубокому оврагу, въ которомъ протекаетъ ручей. Высота кургана (по откосу) 25, 29 m., окружность 357, 84 m.; высота вала окаймляющаго вершину кургана 2, 13 m. У подошвы кур-

(1) Относительно названія этой и другихъ рѣкъ съ подобнымъ названіемъ должно замѣтить, что нѣкоторые производятъ это названіе отъ русскаго слова «межа». Такимъ образомъ придаютъ этимъ рѣкамъ смыслъ пограничныхъ рѣкъ, что можетъ повести къ неправильнымъ заключеніямъ, потому что это слово татарское какъ видно изъ Словаря Остроумова (стр. 102), гдѣ сказано: «Мишя, Мёша—рѣка въ Лашевск. уѣздѣ и вообще большая рѣка».

(1) «Отъ Чистополя до с. Богородскаго» Каз. Г. Вѣд. № 36.

(2) «Отчетъ о раскопкахъ». Прилож. къ протоколу 21 апр. 1871, стр. 9.

(3) Усадьба дер Макаровки, принадлежащей Деларю.

на съ вост., южн. и западной его сторонъ—канава; сѣверной же стороной подошва кургана вплотную примыкаетъ къ глубокому оврагу, въ которомъ расположенъ вышеупомянутый ручей.

Въ „Замѣтк. о город. Каз. Губ". объ этомъ курганѣ только сказано, что „при дер. Макаровкѣ находится земляная насыпь (курганъ); раскопокъ здѣсь производимо не было".

Мельниковъ сообщаетъ о курганѣ слѣдующее народное преданіе: „Здѣсь окопавшись, защищалась съ своимъ войскомъ бѣжавшая отъ татарскаго князя дочь-дѣвица, противъ разгнѣваннаго и разъяреннаго отца. Битва, говорятъ, была такъ жестока, что ожесточенные воины, съ обѣихъ сторонъ изрубили другъ друга; наконецъ преступная дочь, убивъ отца своего стрѣлою, въ послѣдствіи лишила себя жизни. Оставшееся послѣ нея имущество, деньги и вещи до сихъ поръ находятся въ подземельяхъ этого громаднаго городища".

Г. Стояновъ замѣчаетъ, что Ташкирменскіе Татары-старокрещенцы имѣютъ кой-какія преданія и свѣдѣнія о курганѣ, но не желали ихъ сообщить; имъ было извѣстно о существованіи близъ кургана татарско-магометанскаго кладбища, на которомъ г. Стояновъ сдѣлалъ раскопки. На этомъ кладбищѣ погребали до крещенія жителей Ташкирменя, послѣ чего магометанское кладбище было упразднено, такъ какъ усопшихъ ташкирменцевъ стали хоронить на православномъ кладбищѣ въ с. Мансуровѣ, куда ташкирменцы состоятъ приходомъ. Не безъизвѣстно имъ было и то, что курганъ, на которомъ, какъ существуетъ преданіе, стоялъ когда-то укрѣпленный замокъ хана, и примыкающее къ нему древнее кладбище считаются у окрестныхъ Татаръ святымъ мѣстомъ, что къ кургану ежегодно приходятъ и пріѣзжаютъ на богомолье изъ разныхъ мѣстностей Татары, которые убѣждены, что близъ кургана почиваетъ святой.

Сами Ташкирменцы, состоящіе православными со времени Іоанна IV, до такой степени вѣруютъ существованію св. мощей на древнемъ татарск. кладбищѣ, что на второй день производимыхъ г. Стояновымъ раскопокъ отказались отъ работы съ просьбою—запретить раскопку.

При внимательномъ осмотрѣ кургана и окружающей его мѣстности, съ юго-восточной его стороны, близъ амбара г. Деларю, обнаружился небольшой участокъ земли по ха-

рактеру рѣзко подходящій къ древнему кладбищу, близъ с. Именькова (см. выше). Г. Стояновъ приступилъ здѣсь къ раскопкамъ и разрылъ 9 могилъ.

По формѣ могилы прямыя (съ отвѣсными стѣнками). Средняя глубина могилъ 1, 12 m. Погребаемаго клали, повидимому, на голой землѣ, на днѣ могилы, головою на с. з., черепъ на прав. сторонѣ (только въ одной могилѣ на лѣвой сторонѣ), ногами на ю. в., въ большинствѣ случаевъ съ вытянутыми вдоль тѣла руками (только въ одной могилѣ правая рука на верхнихъ поясничныхъ позвонкахъ, лѣвая на крестцѣ). Средній ростъ костяковъ отъ макушки до нижняго конца внутренней ладыжки 1,567 m. Погребеннаго покрывали бревнами, досками или лубкомъ, остатки которыхъ встрѣчаются въ могилахъ.

Никакихъ вещей въ могилахъ не найдено, кромѣ окаменѣвшаго остраго конца деревянной стрѣлы въ одной могилѣ; въ этой же могилѣ найдены вмѣстѣ съ костякомъ человѣка осколки длинныхъ костей животныхъ.

Одна могила представляетъ особенность: ее рыли до глубины 1,35 m., но кромѣ осколковъ костей животныхъ, черепковъ, золы и угля, заложенныхъ на глубинѣ 1,02 m., ничего не найдено.

Въ каталогѣ Музея этнографіи и древности при Каз. унив. обозначенъ (№ 425) доставленный профессоромъ Ѳирсовымъ въ 1870 г. осколокъ стрѣлы изъ кости, найденный при разрытіи старинныхъ могилъ въ Ташкирменѣ.

По объясненію г. Золотницкаго, названіе Ташкирмень значитъ „каменное укрѣпленіе“ и вполнѣ соотвѣтствуетъ чувашскому Чол-гола, и отчасти туркестанскому Таш-кентъ и алтайскому Таш-тура (каменный городъ) (4).

К. И. Невоструевъ (5) указываетъ на писцовую книгу 1648 г., въ которой упоминается это городище: „въ ясашной деревнѣ Тащь-Кирмень, на р. Мёшѣ, что у Татарскаго стараго городища“.

Невоструевъ предполагаетъ, что это тотъ городокъ, который упоминается въ русск. лѣтописяхъ, при описаніи возмущенія инородцевъ въ 1553. Городъ былъ поставленъ воз-

(4) Чувашскій слов. стр. 261, 262.
(5) Труды I. Археол. Съѣзда, стр. 573.

мутившимися на р. Мёшѣ, въ 70 верст. отъ Казани, но Русскіе сожгли и разорили его.

Съ предположеніемъ Невоструева нельзя согласиться: городокъ, поставленный инородцами, былъ временное и никакъ не каменное укрѣпленіе, т. е. не Ташкирмень; инородческое укрѣпленіе было сожжено и разорено; писцовая книга не могла называть временнаго укрѣпленія инородцевъ „старымъ татарскимъ городищемъ“; такое названіе приписывается обыкновенно болѣе древнимъ и важнымъ остаткамъ укрѣпленій; наконецъ Ташкирмень отстоитъ отъ Казани не на 70, а только на 50 верстъ.

2. Земляная насыпь въ дер. Сенгила. Эта дер. верст. въ 10 на сѣв.-зап. отъ дер. Ташкирмень, верст. въ 5 на зап. отъ р. Мёши.

Мельниковъ (ibid.) говоритъ, что эта деревня кн. Сингилея, участвовавшаго при защитѣ Казани, но проживавшаго на крутой горѣ, на правомъ берегу Волги, близъ г. Сингилея Симб. губ. Въ деревнѣ показываютъ могилу Сенгилея съ большею земляною насыпью. Всѣ сопоставленія Мельникова этой деревни и города Сенгилея съ татарскимъ княземъ основываются только на одинаковыхъ названіяхъ; но изъ словъ Мельникова открывается положительный фактъ, что въ этой дер. есть древняя земляная насыпь.

3. Городище и древн. кладбище въ дер. Тангачи, которая находится прямо на сѣв., съ версту отъ предыдущей деревни

Въ „Замѣткахъ“ показано, что въ этой дер., близъ почтовой дороги въ г. Спасскъ, находится городище четыреугольн формы на ровномъ мѣстѣ, въ окружн. 246 саж., рвовъ и валовъ не сохранилось. Раскопки были здѣсь производимы въ 1870 г. неизвѣстно кѣмъ и найденныя кости отвезены въ Казань (1). Въ этомъ году, прибавлено въ „Замѣткахъ“, пріѣзжалъ въ Казань для раскопокъ членъ Моск. Арх. Общ. г. Керцелли.

Г. Стояновъ (ibid.) указываетъ на результатъ своихъ раскопокъ въ дер. Тангачи.

---

(1) Это говорится вѣроятно о г. Стояновѣ.

Старое кладбище расположено въ широкой улицѣ юго-восточной стороны деревни. Длина кладбища 257,0 m., ширина 42,0 m.

Въ настоящее время въ этой деревнѣ живутъ Русскіе, поселенные здѣсь изъ Пензен. губ. въ концѣ прошедшаго столѣтія; прежде здѣсь жили Татары, которые съ приходомъ Русскихъ перебрались въ Уфимскую губ., а отчасти въ ближайшую татарск. деревню Сенгели. Въ настоящее время отъ Татаръ осталось только названіе деревни и старое кладбище.

Во время водворенія Русскихъ старое татарское кладбище примыкало къ деревни, но, по мѣрѣ размноженія населенія, мало по малу застроиваясь, кладбище вошло въ улицу. Въ настоящее время все кладбище, на протяженіи 257,0 m., занято широкою улицею юго-вост. стороны деревни, такъ что при раскопкахъ приходилось открывать древнія могилы не болѣе какъ въ 3,0 или 4,0 отъ фасада избъ.

Г. Стояновъ разрылъ 12 могилъ, большинство которыхъ оказалось печкообразными, въ которыхъ костяки клались въ южной стѣнѣ могилы. Средняя глубина могилъ—1,3 m., обыкновенное положеніе костяковъ на спинѣ головою на зап; черепъ на прав. вискѣ, а въ трехъ могилахъ лица обращены вверхъ; ногами на вост., съ вытянутыми вдоль тѣла руками.

Средній ростъ костяковъ отъ макушки до нижняго конца внутрен. ладыжки—1,551 m.

Положеніе костяка въ одной могилѣ допускаетъ возможность думать, что погребавшаго иногда помѣщали въ сидячемъ положеніи, прикрывая сдѣланное для него помѣщеніе въ стѣнѣ могилы лубкомъ или досками.

Вещей въ могилахъ не найдено.

4. Древнія кладбища и курганъ около с. Рождественскаго (Укречь), которое лежитъ на правомъ берегу Мёши, верст. въ двухъ отъ предыдущей дер. Тангачи.

Въ 1866 г., говоритъ проф. Головкинскій (1), осматривалъ я древнія могилы на бер. Мёши, версты $1^1/_2$ къ сѣв.

(1) «Древніе остатки человѣка въ Каз. губ.» въ Труд. I Съѣзда русск. естествоиспыт. и Сообщеніе объ этомъ же профессора Якобія I Археол. Съѣзду (Труды I Арх. Съѣзда, стр. LXXXIII, LXXXIV).

зап. отъ села Укречь. Почти отвѣсный обрывъ прав. берега рѣки возвышается здѣсь до 30 фут. надъ ея уровнемъ и обнаруживаетъ песчаную формацію, прикрытую 2 фут. чернозема. Въ этотъ черноземъ и, частію, въ нижележащій песчанистый слой врѣзываются довольно правильныя, въ разрѣзѣ четыреугольныя ямы, выполненныя темною смѣсью чернозема и глины. Глубина ихъ около 4 фут., шир. около 3. Поверхность почвы надъ ними совершенно ровная и занята пашней. Только въ одномъ мѣстѣ, возвышается надъ одною изъ такихъ ямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надъ краемъ обрыва, остатокъ правильно выпуклаго кургана, имѣющій до 15 фут. въ вышину и до 50 въ основаніи. Слой чернозема непрерывно и правильно тянется подъ курганомъ".

Головкинскій извлекъ изъ нѣкоторыхъ ямъ кости быка, лошади, зубъ свиньи, черепъ собаки, обломокъ посуды и древесный уголь. Костей человѣческихъ, кромѣ упомянутаго куска челюсти, сверхъ ожиданія, говоритъ Головкинскій, не найдено, хотя это были, очевидно, могилы. Впрочемъ, прибавляетъ Головкинскій, я оставался на мѣстѣ не болѣе $^1/_2$ часа и не раскопалъ правильно ни одной ямы, такъ какъ было ясно, что это памятникъ скорѣе чисто археологическій, чѣмъ геологическій.

На протяженіи не болѣе $^1/_2$ версты по берегу г. Головкинскій насчиталъ 28 могилъ.

„Въ слѣдующемъ 1867 г., прибавляетъ Головкинскій, проф. Якобій досталъ въ одной изъ прежде осмотрѣнныхъ мною могилъ хорошо сохранившійся человѣческій черепъ, котораго положеніе показываетъ, что трупъ лежалъ ногами на востокъ (остальныя части скелета были раньше подмыты рѣкою и снесены)".

Проф. Якобій (2) указываетъ, кромѣ могилъ на $1^1/_2$ версты отъ с. Укречь къ сѣв.-зап., могилы на половину версты къ югу отъ этого села, на томъ же правомъ берегу Мёши. Чернобурый цвѣтъ могилъ рѣзко выдается на красновато-желтомъ грунтѣ обрывистаго берега. При поверхностномъ осмотрѣ нѣкоторыхъ могилъ, г. Якобій нашелъ сломанныя кости животныхъ (трубчатыя кости лошади, остистый отро-

(2) Труды I Арх. Съѣзда, LXXXIV.

стокъ спиннаго позвонка, кажется лося), неполный скелетъ человѣка и много черепковъ глиняной посуды (нѣкоторые очень грубой работы).

„По собраннымъ свѣдѣніямъ, говоритъ Якобій, оказалось, что на обоихъ сказанныхъ мѣстахъ (въ $1^1/_2$ в. къ сѣв. и въ $^1/_2$ в. на югъ отъ села) окрестные жители не запомнятъ никогда никакого поселенія.

„На холмѣ (курганъ сѣверн. кладбища) кто-то, говорятъ, нашелъ, должно быть, бронзовый обломокъ, по мнѣнію нашедшаго, кусокъ колокола. Обломокъ былъ представленъ въ Казань, гдѣ онъ затерялся".

Вышеупомянутый холмъ или курганъ болѣе подробно описываетъ г. Стояновъ (ib. 2—4).

Рождественскій курганъ лежитъ, по показаніямъ Стоянова, въ лѣво отъ большой лашевск. дороги, не доѣзжая версты до с. Рождественскаго. Курганъ возведенъ на правомъ возвышенномъ и обрывистомъ берегу Мёши.

Восточная сторона кургана, обращенная къ рѣкѣ, вѣроятно, подъ вліяніемъ полой воды и вывѣтриванія—разрушилась, такъ что въ настоящее время курганъ представляетъ остроконечный полуконусъ, вплотную прилегающій къ обрыву рѣки. Окружность сохранившейся части кургана 33,65 m., высота 8,41 m. Землю для насыпи брали къ зап. отъ подошвы кургана, гдѣ видны слѣды широкой канавы. Въ западн. сторонѣ кургана, почти у его подошвы, вырыта землянка.

Въ „Замѣткахъ" объ этомъ курганѣ сказано: „въ 2 в. отъ с. Укречь, на высок. берегу р. Мёши, курганъ, имѣющій въ окружн. 15 саж.; курганъ ежегодно обмывается полой водой и обваливается; въ курганѣ были замѣчаемы человѣческія кости".

Шесть лѣтъ томъ назадъ, говоритъ Стояновъ, на бер. Мёши, въ обвалахъ кургана найдены были 3 осколка мѣди въ 8 пудъ 36 ф., а вскорѣ затѣмъ—кусокъ желѣза въ $1^1/_2$ пуда. При распахиваніи близъ кургана крестьяне нерѣдко находили человѣч. кости. Въ 35 саж. отъ кургана, къ югозап., въ размытомъ берегу Мёши, на глубинѣ 0,53 m. были найдены г. Стояновымъ прекрасно сохранившіяся человѣческія кости: двѣ плечевыхъ, двѣ лучевыхъ и одна локтевая. При сличеніи кости оказались отъ одного костяка.

Такая находка, говоритъ Стояновъ, допускала возможность предположенія, что около кургана когда-то производились погребенія; разсказы же священника села, что на этомъ мѣстѣ существовала до 1728 г. татарская деревня, жители которой ушли въ Уфимскую губ., положительно вели къ тому, что близъ кургана есть древнее татарское кладбище.

Но за посѣвами на кладбищѣ гречихи, г. Стояновъ не могъ приступить къ раскопкѣ.

Г. Стояновъ сообщаетъ и преданія объ этомъ курганѣ, въ связи съ другими курганами на Мёшѣ.

Рождественскій курганъ, а также и другіе курганы на Мёшѣ, по понятію мѣстныхъ жителей, возникли въ вѣкъ гигантовъ или великановъ. Другія преданія гласятъ, что курганы на Мёшѣ возведены или какъ памятники надъ гробницами именитыхъ людей или составляютъ хранилища кладовъ драгоцѣнностей и оружія.

О Рождественскомъ курганѣ существуетъ слѣдующее преданіе: когда-то правымъ берегомъ Мёши шелъ изъ далека великанъ, ростомъ выше самаго высокаго дуба. Рыхлая земля, набиваясь въ лапти, мѣшала свободно идти путнику. Онъ присѣлъ, чтобы вытряхнуть набившуюся въ лапти землю; земли въ лаптяхъ оказалось такъ много, что изъ нея образовался цѣлый курганъ.

Подобное преданіе объ образованіи кургановъ существуетъ, какъ мы видѣли и увидимъ ниже, и въ другихъ мѣстностяхъ Каз. губ.

О вышеупомянутой землянкѣ въ курганѣ г. Стояновъ сообщаетъ, что въ ней 5 или 6 лѣтъ тому назадъ поселился одинъ молодой крестьянинъ, чуждаясь общества; но скоро къ нему явился ночью сѣдовласый старецъ—Татаринъ съ требованіемъ покинуть землянку, угрожая иначе смертью. „Было ли это видѣніе, галлюцинація, или фанатикъ-Татаринъ сосѣдней деревни, взявшій на себѣ обязанность очистить дорогое и священное для Татаръ мѣсто, осквернённое присутствіемъ Русскаго“?

5. Предполагаемый сторожевой пунктъ при дер. Карамышъ (Уланово), которая находится на лѣв. берегу Сулы, прав. притока Мёши, въ 2 верст. отъ устья Сулы, въ мѣстности, принадлежащей Каз. уѣзду, по которому Мёша протекаетъ незначительною частью. Предположеніе здѣсь сторожеваго пункта основывается, какъ выше было объясне-

но, на самомъ названіи селенія. Предположеніе г. Золотницкаго о существованіи сторожеваго пункта, только на основаніи названія селенія, относительно Карамыша въ Чистоп. у., подтверждается другими данными (см. выше), но относительно Карамыша близъ Мёши мы не можемъ ничего сказать ни за, ни противъ предположенія Золотницкаго (Чув. Словарь, стр. 272).

6. **Древнее кладбище близъ дер. Читы**, которая лежитъ на лѣв. берегу Мёши, гораздо выше разобранныхъ мѣстностей, при среднемъ теченіи рѣки съ вост. на западъ.

Г. Стояновъ (ib. 16) въ $^3/_4$ в., къ юго-зап. отъ этой дер. и въ 5 в. отъ Мёши указываетъ древнее кладбище.

Здѣсь представляется невозможнымъ согласить разстояніе кладбища въ $^3/_4$ в. отъ деревни и въ 5 верст. отъ рѣки, когда деревня находится на самомъ берегу рѣки.

Это кладбище расположено на высокой, открытой мѣстности и на краю глубокаго оврага. Длина кладбища 71,0 m., шир. 39,8 m.

На срединѣ западной окраины кладбища стоитъ сооруженый изъ известковаго плитняка памятникъ съ надписями, сдѣланными, по увѣренію читинскаго муллы, на тат. и арабск. языкахъ. По формѣ памятникъ представляетъ плоскій параллелепипедъ съ закругленной вершиной. Высота памятника 1,42 m., ширина узкихъ сторонъ 0,2 m.; широкихъ 0,49 m.

Надписи соотвѣтствуютъ южной, зап. и сѣверн. сторонамъ памятника, но до такой степени пострадали отъ времени, что муллы Читы, послѣ долгаго осматриванія памятника и совѣщаній между собою, могли разобрать только надпись, соотвѣтствующую южной сторонѣ, гдѣ написано на арабск. яз. извѣстное изрѣченіе изъ корана: „Богъ одинъ, нѣтъ другаго Бога; Мухаммедъ истинный пророкъ его“.

Древнее кладбище и стоящій на немъ памятникъ почитаются Татарами, какъ святыня.

Къ какому времени относится кладбище читинцы не могли опредѣлить.

Стояновъ разрылъ здѣсь 14 могилъ. По формѣ всѣ онѣ прямыя (съ отвѣсн. стѣнками); средняя глубина могилы 1,05 m.; средній ростъ костяковъ отъ макушки до нижн. конца внутрен. ладыжки 1,508 m.

Костяки лежатъ на спинѣ, головой на сѣв.-зап., ногами на юго.-вост., черепъ на прав. искѣ (только одинъ на лѣвомъ искѣ, а другой на затылкѣ). Расположеніе рукъ въ этихъ могилахъ болѣе разнообразное: правая рука на груди, лѣвая на животѣ; въ двухъ могилахъ—вдоль тѣла; въ другихъ двухъ—на тазу; въ одной—лѣвая на груди, правая надъ нижнею челюстью

Въ двухъ могилахъ было найдено истлѣвшее дерево; въ трехъ могилахъ найдены при концахъ предплечій обѣихъ рукъ оторочки отъ рукавовъ рубашекъ, изъ грубой, краснаго цвѣта, ткани, вышитыя позументомъ; въ одной могилѣ, на уровнѣ сосцевиднаго отростка правой височной кости—сердоликовая бусина.

Послѣдняя могила принадлежитъ мужскому костяку, по этому поводу читинскіе Татары говорятъ, что въ старину мужчины Татары имѣли обычай носить серьгу въ правомъ ухѣ.

7. Два кладбища бл. дер. Бичуриной. Эта деревня, иначе называемая Мал. Меретяки, находится на прав. берегу Нырсы, притока Мёши съ лѣв. стороны.

Н. И. Ильминскій (1) указываетъ влѣво отъ дороги въ Бичурино изъ с. Карабаянъ, находящагося на противоположномъ берегу Нырсы, верст. въ 4 отъ дер. Бичуриной, небольшое огороженное старое кладбище, съ нѣсколькими старыми березами, изъ которыхъ иныя упали отъ ветхости и гніютъ ни кѣмъ не тронутыя.

Это мѣсто называется Іолката. На немъ два камня, на одномъ изъ нихъ надпись:

„Во имя Бога премилостиваго и милосердаго. Всякая душа вкуситъ смерть; потомъ вы къ намъ (Богу) возвратитесь. Сказалъ пророкъ,—да будетъ надъ нимъ миръ! Могила есть или одинъ изъ садовъ райскихъ, или одна изъ пропастей геены. Лѣтосчисленіе 847 (1442 п. Р. Х.). Въ первый день мѣсяца сафара Юсуфъ ибнъ Шейхъ переправился изъ сего тлѣннаго селенія въ селеніе вѣчное—да отпуститъ ему Богъ всѣ грѣхи его".

На другомъ камнѣ, говоритъ Ильминскій, надписи не разобралъ я. Впрочемъ, кажется, ее можно прочитать.

---

(1) «Татарскія надписи изъ временъ Казанск. царства въ Лаиш. у.» Зап. Археол. Общ., т. Ш.

Близъ того же мѣста г. Ильминскій видѣлъ еще камень, надпись котораго почти совершенно изгладилась.

Есть еще камень на кладбищѣ, гдѣ теперь жители Бичуръ погребаютъ своихъ покойниковъ. Легенда на немъ такая же, какъ на предыдущемъ камнѣ, на который онъ походитъ кромѣ того и почеркомъ и составомъ своимъ.

8. Кладбище бл. дер. Нырсы на прав. берегу р. Нырсы, рядомъ къ востоку съ дер. Бичуриной.

Близъ этой дер. Ильминскій (ibid.) указываетъ древнее кладбище и на немъ нѣсколько камней съ надписями, которыя большею частью невозможно было, по ветхости, разобрать. Нырсынскій мулла такъ объяснилъ г. Ильминскому одну лучше другихъ сохранившуюся надпись, руководясь при этомъ воспоминаніемъ:

„Лѣтосчисленіе: въ году 1108, положенъ сей камень въ чаяніи молитвъ правовѣрныхъ мусульманъ. Мое имя Тюмекь Суфи сынъ Янтая. О правовѣрные! Не будьте безпечны. Пророкъ (да будетъ надъ нимъ миръ!) сказалъ: міръ — часъ, употребляй его на благочестіе“.

Указанный на надписи 1108 г. принадлежитъ къ позднѣйшему времени, это 1707 г. по Р. Х., слѣдовательно эта надпись не памятникъ Казанск. царства.

9. Надгробный камень бл. дер. Тямти на прав. берегу Нырсы, верст. въ 6 отъ предыдущей деревни Нырсы.

Эта деревня находится уже въ Мамадышск. у., хотя г. Ильминскій упоминаетъ объ ней въ статьѣ о надписяхъ въ Лаишевскомъ у.

Близъ дер. Тямти, говоритъ Н. И. Ильминскій, стоитъ камень высотою въ ростъ человѣка. Нѣкоторые изъ жителей Тямтей считаютъ себя потомками нѣкоего Асапъ-Бея, который будто бы былъ крещенъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и за службу жалованъ землями. Надъ его то прахомъ, по словамъ ихъ, поставленъ этотъ камень. Но по разсмотрѣніи самаго камня открылось другое. Онъ былъ со всѣхъ сторонъ покрытъ надписями, но задняя сторона весьма пострадала; на бокахъ можно разобрать нѣсколько отрывочныхъ словъ, передняя сторона сохранилась хорошо. Въ верху высѣчена какая то правильная, но многосложная и замысловатая фигура. Все поле, занимаемое надписью, раздѣлено на 7 ровныхъ прямоугольниковъ, раздѣленныхъ выпуклыми, поперечными, въ палецъ толщиною, линіями.

Надпись сдѣлана прекраснымъ шрифтомъ. Вотъ ея содержаніе:

„Сказалъ Богъ Всевышній и Преблагословенный: всѣ на ней (на землѣ) тлѣнны, а вѣченъ только Господь твой, которому принадлежитъ слава и честь. Лѣтосчисленіе: 954 (1547 по Р. Х.), въ мѣсяцѣ благословенномъ рамазанѣ, скончался на 30 году жизни Абызъ, Рикима Черемиса сынъ, Язнашъ".

10. **Предполагаемое укрѣпленіе при дер. Таукирмень** на прав. берегу Нырсы, ниже всѣхъ вышеуказанныхъ селеній по этой рѣкѣ. Г. Золотницкій (Чув. словарь 265) указываетъ на это селеніе, которое своимъ названіемъ (нагорная крѣпость), ведетъ къ предположенію, что здѣсь было укрѣпленіе.

11. **Кладбище между дер. Верхн. Кибякози и Крещенныя Кибякози.** Обѣ дер. находятся на правомъ берегу р. Максы, которая съ прав. стороны впадаетъ въ М. Мёшу, притокъ Больш. Мёши съ прав. стороны.

На древнемъ кладбищѣ между этими двумя селеніями г. Ильминскій видѣлъ два камня: одинъ глубоко вросшій въ землю, другой прислоненный къ нему, довольно большой обломокъ. Первый имѣетъ сверху закругленную форму; на немъ виднѣется изображеніе солнца въ лучахъ, а подъ нимъ слова, которыя г. Ильминскій приводитъ въ подлинникѣ, а по переводу І. Ѳ. Готвальда: „Онъ—живый, вѣчный". По словамъ мѣстныхъ Татаръ, тутъ погребенъ какой-то проѣзжій князь.

12. **Укрѣпленія въ окрестностяхъ Зюри.** Артемьевъ (Предисл. къ Сп. насел. м., XXXII) указываетъ остатки укрѣпленій въ окрестностяхъ Зюри, Сабы и Арняша.

Дер. Стар. Зюри лежитъ на лѣв. берегу Мёши, выше этой дер. версты на 4 въ Мёшу съ прав. стороны впадаетъ р. Саба (1), на которой встрѣчаются нѣсколько селеній тогоже названія; нѣсколько селеній съ названіемъ Арняшъ находится при верховьяхъ Берсута, впадающаго въ Каму, верховья Берсута находятся близъ р. Мёши.

Всѣ эти селенія находятся въ Мамадышскомъ уѣздѣ.

(1) См выше, при описаніи похода 1184 г.

Дер. Стар. Зюри была одна изъ важнѣйшихъ въ Каз. краѣ, по имени этой деревни называлась дорога, шедшая изъ Казани по направленію къ этому селенію.

На остатки укрѣпленія около дер. Ст. Зюри было показано еще въ 1828 г. въ Прибавл. къ Казанск. Вѣстн. № 46. Здѣсь сказано, что въ Мамад. у. около дер. Стар. Зюри есть остатки рва, концы котораго примыкаютъ къ р. Мёшѣ, на берегу рѣки земляная насыпь, на которой поставленъ камень довольной величины съ высѣченными будто бы арабскими буквами. По симъ примѣтамъ полагаютъ, что тамъ былъ въ древности столичный городъ какого то хана. Но время сгладило съ камня буквы, а насыпь обратило въ дно рѣки. Вѣроятнѣе кажется назвать сіе мѣсто городищемъ или мольбищемъ, пбо по слухамъ Татары окрестныхъ селеній съѣжаются туда и понынѣ въ извѣстное время для моленія".

XI. ЖУКОТИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

А. *Жукотинское Городище.*

1. Опредѣленіе мѣстоположенія городища. Въ русскихъ лѣтописяхъ, какъ мы видѣли, встрѣчается г. Жукотинъ и жукотинскіе князья; но въ лѣтописяхъ не встрѣчается точнаго опредѣленія мѣстоположенія этого города. Кромѣ Архангелородской, лѣтописи даже не говорятъ, на какой рѣкѣ стоялъ этотъ городъ.

Въ Архангелогород. (стр. 81) подъ 1360 г. сказано, что „боляринъ Великаго Новагорода Аѳоалъ Микитинъ ходилъ ратью на Каму, да взялъ г. Жукотинъ". Изъ описанія похода новгородцевъ и устюжанъ въ 1392 г. также должно предположить, что Жукотинъ былъ при Камѣ: ушкуйники пошли Вяткою, взяли Жукотинъ и Казань, и, вышедши на Волгу пограбили гостей (1). Очевидно, что плывшіе внизъ по р. Вяткѣ сперва появились на Камѣ, гдѣ и взяли Жукотинъ, потомъ вышли на Волгу.

---

(1) Воскресен. П. С. Л. VIII, 61.

Наконецъ въ Каз. исторіи неизвѣстнаго сочинителя, по одному изъ моихъ списковъ, какъ я выше указывалъ, сказано, что Жукотинъ и Кременчугъ были при Камѣ.

Но гдѣ именно на Камѣ должно искать Жукотинское городище?

Татищевъ (2), неизвѣстно на какомъ основаніи, говоритъ, что „на устьѣ Камы на луговой сторонѣ Жукотинъ, сказываютъ, великія развалины остались". Въ другомъ мѣстѣ Татищевъ (3) говоритъ, что „Жукотинъ—на устьѣ Камы на лѣв. сторонѣ пустое великое городище, гдѣ и каменнаго строенія останки многіе видимы". Татищева повторяетъ Карамзинъ (4): „Болгарскій г. Жукотинъ существовалъ близъ устья Камы, въ Лаишевск. округѣ, гдѣ еще видны остатки древнихъ укрѣпленій".

Кондыревъ еще въ 1812 г. указалъ городокъ Жюкотино на высотѣ берега р. Камы, въ 10 верст. отъ г. Чистополя къ Казани. Мѣстоопредѣленіе городка Кондыревымъ, какъ увидимъ ниже, совершенно правильно, но оно не было доселѣ извѣстно (5).

Авторъ статьи" Поѣзда въ Болгары и Билярскъ" въ Заволжскомъ Муравьѣ 1833, т. I, говоритъ только: „Жукотинъ нынѣ село Жукотино на берегу Камы". Это сопоставленіе древняго булгарскаго города съ нынѣ существующимъ селомъ Жукотино, какъ увидимъ далѣе, совершенно вѣрно.

Второвъ въ 1840 г. такимъ образомъ говоритъ о мѣстоположеніи Жукотина: „Хотя извѣстно изъ исторіи, что при устьѣ Камы былъ Жукотинъ, однакожъ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ, по которымъ бы можно было заключить о существованіи его на семъ мѣстѣ. Только находящееся тутъ село носитъ на себѣ имя сего города" (6)

Артемьевъ (7) возражаетъ Второву, что у него здѣсь почти въ каждомъ словѣ по ошибкѣ. Артемьевъ указываетъ, что

(2) Исторія Россійск., I, 351.

(3) ibid. III, 528, прим. 643.

(4) Ист. Госуд. Росс. IV, прим. 396.

(5) См. Приложеніе I.

(6) «Памятники древности въ Каз. губ.» Ж. М. Вн. Д., 1840, т. 37, стр. 205.

(7) «Древній Болг. г. Жукотинъ» въ Ж. М. Вн. Д., 1851, т. 33.

нынѣшнее село Жукотино находится отъ устья Камы далѣе 70 верстъ. Затѣмъ Артемьевъ объясняетъ, что въ мѣстности около устья Камы, по топографическимъ условіямъ, не могло быть никакого города.

Это мѣсто изъ Артемьева я уже приводилъ выше, гдѣ указано, что близъ устья Камы существовалъ городокъ, хотя и не Жукотинъ.

Артемьевъ указываетъ на городище, лежащее въ дачахъ дер. Донауровки, которая такъ называется по имени владѣльцевъ гг. Донауровыхъ и носитъ еще названія Высокого-Городка, Савина-городка и Жукотина. „Отъ чего называется это городище Савинымъ, мы допытаться не могли, говоритъ Артемьевъ; но Высокимъ называется оно, очевидно, по весьма возвышенному положенію своему на крутомъ берегу Камы, Жукотинымъ—потому, какъ говорятъ и окрестные крестьяне, что здѣсь былъ въ старину „певѣрный“ городъ Жукотинъ“.

Относительно этого опредѣленія мѣстоположенія древняго Жукотина должно только замѣтить, что Артемьевъ смѣшиваетъ здѣсь два сосѣднія селенія, изъ которыхъ одно на самой Камѣ и называется Никольское, Жукотино, Савинъ городокъ, а другое Донауровка или тоже Жукотино—верст. въ 2 отъ перваго, при безъименномъ ключѣ, по Сп. насел. м. Каз. губ., а по картѣ Стрѣльбицкаго,—при безъименной рѣчки, впадающей въ Каму.

Какъ видно изъ описанія Артемьевымъ городища, оно находится именно на сѣв-вост. отъ дер. Донауровки, у самой р. Камы.

Согласно съ послѣднимъ и въ „Замѣтк. о город. Каз. губ.“ показано городище въ 1 верстѣ отъ дер. Данауровки, а не отъ села Жукотина (Никольское, Савинъ городокъ).

Принадлежность этихъ мѣстъ къ древнему Жукотину доказываютъ и письменные акты, которые приводитъ Невоструевъ ([8]).

Въ казанскихъ писцовыхъ книгахъ 1648 г. пишется: „по Нагайской дорогѣ село Нов. Никольское, Жукотино тожъ, въ вотчинѣ за Саввою Тимоѳеевымъ сыномъ Аристова,

([8]) «О городищахъ,» Труды I Арх. Съѣзда.

у рѣчки Жукоти.“ По поводу принадлежности села Жукотина Саввѣ Аристову, Невоструевъ объясняетъ, что названіе этого селенія Савинъ городъ происходитъ отъ имени этого владѣльца. Въ отказныхъ книгахъ.... Аристову: „отказано ему отписное помѣстье Саввы Аристова с. Никольское, Жукотино тожъ, за Камою рѣкою“ (въ отношеніи къ Казани); близъ него значатся дер. Кривуша, Кубердѣева тожъ, и Жукотинскій острогъ на рч. Жукоткѣ, близъ Камы рѣки.

Въ выписи съ межевыхъ книгъ, данной Моск. Донскому монастырю въ 1686 г. на рыбныя ловли и перевозъ по р. Камѣ: „перевозъ по Камѣ рѣкѣ, на Бол. Берсутѣ (другой) перевозъ Жукотинскій, а по мѣрѣ отъ перевозу до перевозу 7 верстъ 700 саж. (?), а островъ Нагайскій данъ къ селу Никольскому, Жукотинское тожъ, на животинный выпускъ.“

И такъ въ сосѣдствѣ съ с. Жукотинымъ или Никольскимъ въ этихъ актахъ показаны: рч. Жукоть и на ней Жукотинскій острогъ, дер. Кривуша, Кубердѣева тожъ, перевозъ на Камѣ, въ разстояніи 8 верстъ отъ послѣдняго перевозъ Жукотинскій на Больш Берсутѣ и островъ Нагайскій.

Г. Невоструевъ замѣчаетъ только о дер. Кривуши, что противъ с. Жукотина находится рѣчка и деревня—Кріуша. Но по Списку насел. мѣстъ такой деревни здѣсь не встрѣчается, она не показана и ни на одной картѣ, но р. Кривуша показана на Подробной картѣ, такъ называемой столистненной; эта карта была главнѣйшимъ пособіемъ Невоструеву, какъ это видно изъ другихъ мѣстъ его статьи. Въ Сп. насел. мѣстъ и на картѣ Стрѣльбицкаго эта рѣка называется Суша. Она впадаетъ въ Каму съ прав. стороны, т. е. противоположной с. Жукотину, двумя рукавами: ближайшій къ Жукотину рукавъ называется на картѣ Стрѣльбицкаго „Старая Кама,“ верст. въ двухъ отъ Жукотина; дальнѣйшій, западный рукавъ, въ разстояніи отъ этого села верстахъ въ 6.

Названіе Кубердѣева въ Сп. насел. мѣстъ не встрѣчается.

О рч. Жукоти и Бол. Берсутѣ Невоструевъ не говоритъ. Первая, особенно важная для насъ, показана только на принадлежащей Каз. унив. рукописной картѣ Каз. губ

Здѣсь подписано названіе „Жукотинка“ на рѣчкѣ, которая впадаетъ съ лѣвой стороны въ Каму, никакихъ селеній на этой рѣчкѣ не показано; но карта Стрѣльбицкаго на рѣчкѣ, которая не названа, но соотвѣтствуетъ по мѣстоположенію своему Жукотинкѣ, показываетъ дер. Донауровку. Эта рѣчка, по Артемьеву, называется Каменный мостъ, при ней именно и находится Жукотинское городище. Такимъ образомъ мы нашли и рѣчку Жукоть, о которой упоминаютъ документы XVII стол.

Рѣка Бол. Берсутъ такъ называется и въ Сп. насел. м. и на рукописной университетской картѣ, на Подробной картѣ она безъ названія, на картѣ Стрѣльбицк называется Берсула. Она впадаетъ въ Каму съ прав стороны, верстъ 25 ниже р. Жукоть.

Такимъ образомъ видно, что, подобно Кошанскому округу, разныя мѣстности вокругъ г. Жукотина носили названіе этого города: с. Никольское или Жукотино, дер. Донауровки или Жукотино, р. Жукоть, перевозъ Жукотинскій на Б. Берсутѣ, верст. въ 9 отъ рч. Жукоти, наконецъ увидимъ ниже, что и городище Зміево, верст. въ 8 отъ Жукотинскаго, называется тоже Жукотинскимъ, островъ на Камѣ, противъ послѣдняго городища, называется тоже Жукотинскимъ.

Получаемъ, подобно Кошанскому, Жукотинскій округъ.

2. Описаніе Жукотинскаго городища. Подробное описаніе этого городища представляетъ Артемьевъ. „Оно расположено на высокомъ, крутомъ мысѣ, образуемомъ съ сѣвера Камою, а съ зап. ручьемъ Каменный-мостъ (р. Жукоть), Обѣ эти стороны обрыты, а съ сѣверной даже сдѣлался небольшой ровъ. Съ востока и юга городище обведено тремя валами, изъ которыхъ средній самый высокій. Валы образуютъ неправильный полукругъ восточная половина котораго, или правильнѣе, юго-вост. уголъ, раздѣленъ на 4 отдѣльныя части. Два изъ этихъ разрывовъ, проходящіе черезъ всѣ 3 вала, какъ видно, служили воротами, сообщали крѣпость съ предмѣстьями, потому что съ восточн. стороны и частію съ южной, замѣтны признаки бывшихъ строеній: попадаются кирпичи, черепки, куски перегнившаго дерева. Самыя большія ворота, лучше другихъ сохранившіяся, находятся почти посреди полукруга валовъ, въ юго-вост. углу городища. Валы и рвы болѣе двухъ саж. шир.; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они начинаютъ заростать березня-

комъ. Болѣе трехъ-четвертей, кромѣ сѣв.-зап. угла, городище распахано. На всѣхъ мѣстахъ выпахиваются кирпичи и черепки, но болѣе въ углу сѣв.-восточномъ. Здѣсь находятся также и куски перетопившагося стекла и обгорѣлые камни, что заставляетъ предполагать, что разрушеніе города произведено было также и огнемъ. Признаки дѣйствія огня видны и со внѣшней стороны валовъ, въ направленіи къ востоку до самаго лѣса, который ростетъ въ недальномъ разстояніи отъ валовъ. Въ этомъ лѣсу весьма много ямъ: крестьяне называютъ ихъ „батареями“ и полагаютъ, что съ этой стороны были дѣлаемы нападенія на городъ. Это вѣроятно, потому что съ другихъ сторонъ крѣпость, при тогдашнемъ состояніи осаднаго искусства, была неприступна. Но эти ямы могли произойти и отъ выниманія земли на дѣланіе валовъ, которые, судя по высотѣ ихъ, нельзя было образовать только одною землею изо рвовъ.“ „Вотъ все, что осталось отъ Жукотина, повидимому, нѣкогда крѣпкаго города. Три вала, окружающіе крѣпость, показываютъ его значеніе. Тремя валами, какъ думаютъ, укрѣплялись резиденціи сильнѣйшихъ князей, тогда какъ прочіе города обводимы были только однимъваломъ. Впрочемъ, такому объясненію противорѣчатъ городища Иски-Казанъ и Булгарское, имѣющія также по одному валу. Напротивъ, городища Старо-Никиткинское и Енарускино, совершенно неизвѣстныя по исторіи, обведены, подобно Жукотинскому, тремя высокими валами. Городище Билярское, простирающееся на нѣсколько верстъ въ окружности, укрѣплено также тройнымъ рядомъ валовъ.“

Въ „Замѣтк. о город. Каз. губ.“ сказано только, что „въ 1 верстѣ отъ дер. Данауровки, по направленію къ г. Чистополю,—укрѣпленіе трехъ-угольной формы: въ длину оно 150 саж., однимъ концомъ упирается въ р. Каму, а другимъ въ р. Клечеевку (?), окружено валомъ шир. въ 5 саж.“

3. Монеты и вещи, найденныя въ Жукотинскомъ городищѣ. Артемьевъ разсказываетъ, что, посѣщая лѣтомъ 1846 г. Жукотинское городище, онъ встрѣтилъ близъ городища пастуховъ, которыхъ распрашивалъ: нѣтъ ли у нихъ какихъ нибудь вещей, находимыхъ въ землѣ, и они отвѣчали, что здѣсь нерѣдко выпахиваются „невѣрныя деньги“, да ихъ отдаютъ играть ребятишкамъ или продаютъ въ

Чистое-Поле мѣднику. Артемьевъ самъ исходилъ все городище, но кромѣ черепковъ ничего не нашелъ. Ямщикъ его былъ счастливѣе, онъ нашелъ одну мѣдную монету, но очищая ее о камень и о подошву сапога, содралъ съ нея всю надпись. Монета эта величиною съ двухкопѣечникъ, но значительно тоньше; по типу близка къ халифскимъ; надпись сдѣлана куфическими буквами; и кажется одинаковая съ обѣихъ сторонъ.

С. Е. Мельниковъ (1) говоритъ, что на крутой горѣ городища и при подошвѣ ея въ окрестностяхъ по берегу Камы много находятъ древнихъ вещей и монетъ татарскаго владычества.

В. К. Савельевъ въ письмѣ изъ Казани къ секретарю Вост. Отд. Арх. Общ. указываетъ вмѣстѣ съ другими мѣстами, гдѣ обыкновенно находятся джучидскія монеты—дер. Данауровку (2).

Невоструевъ говоритъ, что онъ владѣетъ тремя татарскими монетами, найденными на Жукотинскомъ городищѣ. Одна изъ нихъ серебряная хана Узбека, другая мѣдная Хидыря (полов. XIV в.). третья мѣдная же—пуло татарское, бита въ Нов. Сараѣ.

4. **Жукотинское кладбище**. „Противъ городища, говоритъ Артемьевъ, на другомъ берегу ручья, находилось кладбище, или, какъ принято въ Каз. губ. называть по татарски, „мазарки“ (1). На немъ еще въ недавнее время стояли надгробные камни; нынѣ нѣтъ ни одного, потому что ихъ растаскали окрестные крестьяне на каменки и подъ фундаментъ; оставшіеся же увезены Татарами, которые чтутъ мѣста погребенія предковъ. Ручей называется Каменнымъ-мостомъ; можетъ быть, кладбище и дѣйствительно соединено

---

(1) «Отъ Чистополя до с. Богородскаго,» Каз. губ. Вѣд. 1862, № 35.

(2) Изв. Арх. Общ. I, 119.

(1) При этомъ Артемьевъ замѣчаетъ, что слово «мазарки» употребляется въ нашемъ краѣ иногда и въ географическомъ значеніи: мазарками называютъ здѣсь рядъ естественныхъ бугровъ на землѣ. Одинокая могила, или отдѣльный бугоръ, здѣсь не именуется курганомъ, какъ принято въ другихъ мѣстахъ, но марокъ, марочекъ, мара.

было съ городищемъ посредствомъ каменнаго моста, впослѣдствіи обрушившагося: догадка эта, кажется, не лишена вѣроятности, потому что переносеніе умершихъ съ одного берега на другой по такимъ обрывистымъ крутизнамъ, было невозможно безъ моста.

Другое названіе этого ручья, какъ я выше объяснилъ, Жукоть.

В. Жукотинскій округъ по лѣвую сторону Камы.

1. **Савинъ-городокъ—мѣсто находокъ древнихъ монетъ.** Артемьевъ говоритъ, что „верстахъ въ двухъ ниже городища, по скату берега, раскинута деревня гг. Аристовыхъ—Городокъ, названная такъ, безъ сомнѣнія, по ея близости къ Жукотинскому городищу.“ Сказанное Артемьевымъ объясняется тѣмъ, что онъ, какъ выше было указано, смѣшиваетъ село Никольское, Савинъ Городокъ или Жукотино съ дер. Данауровкою или Жукотино. Артемьевъ и названіе Данауровки присоединяетъ къ первымъ тремъ названіямъ села, говоря о городищѣ около этого села; но городище въ дѣйствительности, согласно описанію самаго Артемьева, находится около дер. Данауровки, а село съ тремя названіями—ниже версты на двѣ, гдѣ Артемьевъ указываетъ деревню „Городокъ“ гг. Аристовыхъ. И такъ это не деревня Городокъ, а село Савинъ Городокъ, Никольское, Жукотино. Въ числѣ другихъ владѣльцевъ села „Савинъ Городокъ“ были и Аристовы (1).

Артемьевъ говоритъ, что названіе этого селенія Городокъ происходитъ отъ близости его къ Жукотинскому городищу; но можно предполагать, что и около этого селенія находились укрѣпленія, хотя объ нихъ нигдѣ не было заявлено.

Въ остававшихся доселѣ неизвѣстными свѣдѣніяхъ объ археологическомъ путешествіи Кондырева въ 1812 Савинъ городъ упоминается отдѣльно и рядомъ съ Жукотинымъ городкомъ (2).

(1) «Извлеченіе изъ описаній помѣщ. имѣній Каз. губ.», отдѣльн. оттискъ Матеріаловъ Редакц. Коммиссій по освобожденію крестьянъ.

(2) См. Приложеніе I.

Доселѣ это село было извѣстно въ археологическомъ отношеніи только потому, что здѣсь часто находятся джучидскія монеты. По заявленію В. К. Савельева, здѣсь находятъ преимущественно мѣдныя монеты безъ именъ хановъ ([3]).

2. **Городище при дер. Березовкѣ.** Объ этомъ городищѣ говоритъ только С. Е. Мельниковъ ([1]). Дер. Березовка находится на Камѣ, ниже с. Никольскаго или Жукотина версты на 4, это допускаетъ признать Березовское городище за принадлежащее къ жукотинскимъ укрѣпленіямъ.

„Въ дачахъ дер. Березовки, говоритъ Мельниковъ, близъ берега, есть земляной городокъ, постепенно разрушающійся. Въ 1855 г., когда я занимался археологическими изслѣдованіями по Каз. губ., приходилъ ко мнѣ одинъ березовскій мужикъ-кладоискатель. Онъ убѣдительно, со слезами, просилъ меня, чтобы я помогъ ему вынуть кладъ, зарытый въ городкѣ невѣрными бусурманами, который, по его разсказамъ, состоитъ изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей и старыхъ денегъ. Самъ онъ вещей и денегъ не видалъ, но видѣлъ его сосѣдъ, который не идетъ самъ доставать этотъ кладъ, потому что боялся смерти. Сжалясь надъ старикомъ, я на другой день отправился осмотрѣть заколдованную мѣстность.“

„Выходитъ-де, батюшка, каждый мѣсяцъ на полную луну, то дѣвкой въ бѣломъ платьѣ, съ распущенными волосами, то сѣдымъ старикомъ, и вотъ де все сидитъ на крутомъ берегу, да любуется водами Камы. Вотъ, батюшка, здѣсь сидятъ всегда привиденія, говорилъ крестьянинъ, указывая на береговую возвышенность, вотъ сюда уходятъ, видно кладъ будетъ тутъ.“ Среди небольшаго орѣховаго кустарника, находилось два склона, а въ концѣ ихъ, къ самому берегу, двѣ глубокія рытвины, ежегодно размываемыя весеннею водою и поросшія также орѣшникомъ. Между склонами дѣйствительно идутъ къ берегу два земляные вала, представляющіе полукружіе, раздѣленное не большимъ ровнымъ пространствомъ. Ниже валовъ съ обѣихъ сторонъ были глубокіе овраги. Пространство внутри этого вала было

([3]) Изв. Арх. Общ. I, 119, 120.

([1]) «Отъ Чистополя до с. Богородскаго.» Каз. губ. Вѣд. 1862, № 35.

покрыто густою дубовою порослью. Несчастный кладоискатель увѣрялъ меня, что въ срединѣ есть подвалъ, въ которомъ сохраняются сокровища и деньги. Мужикъ опускалъ въ разныхъ мѣстахъ въ землю на аршинъ и болѣе свой желѣзный щупъ, но все напрасно, насыпи и пустоты нѣтъ никакой!"

Кромѣ Мельникова о Березовскомъ городищѣ никто не упоминаетъ.

3. **Городище въ 3½ в. на югъ отъ Березовки**, по направленію къ дер. Сосновкѣ, показано въ „Замѣткахъ о город. Каз. губ." Сосновка лежитъ на притокѣ Камы, Большой Бахтѣ, на югъ отъ дер. Березовки верстъ на 9. „Городище трехъ-угольной формы, окружено валомъ, шир. въ 6 саж., въ дл. 55 саж., а въ шир. 45 саж."

4. **Городище около дер. Утяковой.** Это городище, какъ и предыдущее, показано только въ „Замѣткахъ." Мѣстоположеніе его опредѣлено въ 300 саж. отъ дер. Утяковой, по направленію къ дер. Данауровкѣ, на берегу р. Б. Бахты. Дер. Утяково лежитъ тоже на Больш. Бахтѣ, на юго-зап. отъ дер. Данауровки верст. въ 10.

Городище продолговатой формы, въ дл. 145 саж., въ шир. 100 саж.; оно лежитъ между оврагами и съ двухъ сторонъ окружено валомъ со рвами по обѣимъ сторонамъ. Валы 5 саж. ширины."

5. **Зміево Городище.** Невоструевъ приводитъ изъ отказныхъ книгъ 1694 г. Ив. Змѣеву слѣдующее мѣсто: „да по Ивану Змеову въ Каз. уѣздѣ по Нагайской дорогѣ за Камою рѣкою въ степи пустое дикое поле, словетъ Змѣево городище, а Жукотинское тожъ, по Ирыклѣ и по инымъ степнымъ рѣчкамъ,—да противъ того городища на Камѣ рѣкѣ сѣнные покосы Жукотинскій островъ" (1).

На подробной картѣ с. Воскресенское, Зміево Городище тожъ, показано на притокѣ Камы—Прость, при устьѣ впадающей въ послѣднюю рч. Ерыклы; противъ этого села на Камѣ означенъ островъ. Село Зміево находится въ 8 верст. на сѣв-вост. отъ городища при р. Жукоть.

(1) Труды I Археол Съѣзда, стр. 375.

Основываясь на названіи Зміева городища Жукотинскимъ, Невоструевъ предполагаетъ, что и оно относилось къ Жукотинскимъ укрѣпленіямъ, составляя, можетъ быть, предмѣстіе или цитадель города.

С. Е. Мельниковъ возражаетъ признающимъ Жукотинское городище въ двухъ верстахъ ниже с. Жукотина, что, по имѣющимся у него письменнымъ документамъ, видно, что Жукотинское городище было при р. Ерыклѣ, а на вышеуказанномъ мѣстѣ такой рѣки нѣтъ (2). Очевидно, что документы г. Мельникова говорятъ о другомъ Жукотинскомъ городищѣ, именно о томъ, которое иначе называется Змѣевымъ.

Въ другой статьѣ (3) Мельниковъ сообщаетъ слѣдующія данныя о Змѣевомъ городищѣ: „Мѣстность с. Зміева представляетъ видъ укрѣпленнаго бастіона, широкая и ровная площадь котораго въ поперечникѣ перерѣзана двумя, саженн въ 3 шир., уже опустившимися валами; за ними на югозападъ возвышается круглый холмъ. Въ настоящее время площадь эта занята крестьянскими дворами, на высокомъ холмѣ построенъ господскій домъ съ службами, и на самыхъ валахъ, иначе, въ срединѣ селенія, красуется каменная церковь.“

Въ „Замѣткахъ о город Каз. губ.“ сказано, что „въ самомъ селѣ Зміевѣ—валъ съ канавами по обѣимъ сторонамъ, валъ и канавы имѣютъ дл. 60 саж., а шир. валъ 4 с., а канавы 10 саж.“

6. Камень съ надписью около Зміева городища, предположеніе о друидизмѣ. С. Е. Мельниковъ указываетъ, что „по нижней луговой къ Зміеву дорогѣ изъ Чистополя и переѣхавъ рч. Ерыклу, у самой подошвы возвышаются скалы, съ лѣвой стороны дороги, лежитъ нѣсколько огромныхъ камней, свалившихся, какъ видно, съ возвышенности, изъ коихъ самый величайшій обращаетъ на себя вниманіе. Лежитъ онъ однимъ концомъ на другомъ камнѣ гораздо меньшаго размѣра, отчего поверхность его обнаруживается съ дороги одностороннимъ скатомъ, покрытымъ вѣковымъ мхомъ. Верхняя половина, расположенная къ востоку, имѣетъ видъ полуциркульный, а нижній конецъ конусообразный, отчего

(2) «Отъ Чистоп. до с. Богородскаго.» Каз. г. Вѣд. 1862 № 35.
(3) «Село Зміево» Каз. губ. Вѣд. 1855, № 21.

кругъ камня весьма похожъ на воздушный шаръ; величина его въ длину отъ конуса до верхней средины полуциркуля 9 ар. 10 верш., а въ поперечникѣ 9 арш., толщиною же въ діаметрѣ 2 арш. 13 вершк. На этомъ камнѣ двѣ овальныя, какъ бы ращелины сверху и два такихъ знака на боку. Первый знакъ начинается и оканчивается отъ конуса въ 6 четвертяхъ той и другой стороны и потомъ черезъ 13 вершк. повторяется правильнымъ полуциркульнымъ направленіемъ, такъ что послѣдняя линія составляетъ длину пояса въ $4^1/_2$ арш.; въ такихъ же размѣрахъ проведены поясы на боку, какіе со стороны южной, глубина которыхъ доходитъ отъ 4 до $4^1/_2$ верш.; знаки эти обнаруживаются искусственною ихъ насѣчкою, въ особенности съ южнаго бока. Свойство камня— сѣропещанникъ мелкой дресвы".

Это описаніе знаковъ я нахожу темнымъ и малопонятнымъ.

Мельниковъ говоритъ, что знаки на камнѣ не могли быть одною случайностью; не могли они также образоваться сами собою отъ ската дождевыхъ водъ или чего другаго; а въ особенности двѣ боковыя овальныя линіи, указывающія искусственную и нарочитую нарѣзку.

Далѣе Мельниковъ объясняетъ, что въ древнихъ запискахъ XVII в. упоминается о дѣланныхъ при межеваніи пограничныхъ знакахъ изсѣченіемъ крестовъ, коронъ и проведеніемъ пояса—черты чрезъ камни, которые въ такомъ видѣ и нынѣ въ разныхъ мѣстахъ находятся.

Такимъ образомъ, Мельниковъ дастъ какъ будто основательное объясненіе происхожденія этихъ надписей, но вслѣдъ за этимъ онъ продолжаетъ:

„Нельзя ли отнести знаковъ на зміевскомъ камнѣ ко временамъ св. Владиміра, который ходилъ на Болгаръ. Вѣроятно, вел. князь, спустившись Вяткою, потому что древній путь Новгородцевъ къ Болгарамъ пролегалъ по рѣкамъ Вяткѣ и Камѣ, и разоривъ первые на Камѣ Болгарскіе городки, въ Елабугѣ и Зміевѣ, заключилъ миръ съ Болгарами, на послѣднемъ мѣстѣ сраженія, т. е. въ Зміевѣ, замѣтивъ слѣды своего завоеванія, нарѣзками на камнѣ 4 овальныхъ знаковъ въ память вѣковъ грядущихъ"

Конечно послѣднее объясненіе Мельникова не заслуживаетъ даже серьезнаго опроверженія.

Наконецъ Мельниковъ указываетъ, что о существованіи этого камня въ XVI стол. говоритъ Казанская исторія неизвѣстнаго сочинителя, когда упоминаетъ о рыболовахъ на Волгѣ, подъ горами Дѣвичьими и до Зміева камня и до Увѣказа 1000 верстъ отъ Казани. Самъ Мельниковъ объясняетъ, что Дѣвичьи горы находятся въ Сенгилеевскомъ у., подъ Змѣевымъ камнемъ разумѣетъ онъ вышеописанный, а Увѣказъ ищетъ на Камѣ, въ предѣлахъ Пермск. губ.

Такимъ образомъ Мельниковъ соединяетъ мѣстность Сенгил. уѣзда съ мѣстностями Чистоп. уѣзда и Пермской губ. Между тѣмъ 15 лѣтъ до статьи Мельникова знаменитый нашъ академикъ Френъ (1) объяснилъ всѣ эти мѣстности. Подъ Увѣказомъ оказывается должно разумѣть Укекъ или Увѣкъ, бывшій монгольскій городъ, остатки котораго лѣжатъ на югъ отъ Саратова въ 8 верст.; Дѣвичьи горы находятся на правомъ берегу Волги между Хвалынска и Волжска; Змѣевы горы верстъ 30 выше Саратова, между Рыбнаго и Волжска. Послѣ всего этого странно, что Риттихъ (2) о предположеніи Мельникова, что надписи на камнѣ принадлежали св. Владиміру, говоритъ только: „не знаемъ, на чемъ основано такое предположеніе, но вѣрно то, что камень этотъ былъ извѣстенъ нашимъ лѣтописцамъ XVI в.“

Мельниковъ сообщаетъ также, что съ этимъ камнемъ соединено мѣстное преданіе о обитавшемъ здѣсь когда-то огнепномъ змѣѣ.

Риттихъ, указывая на этотъ камень и заявляя, что положеніе картъ у Черемисъ сильно напоминаетъ обязанность друидовъ, относитъ этотъ камень къ памятникамъ друидскаго періода, которые составляютъ на столько же собственность извѣстной эпохи, какъ орудія доисторическихъ временъ составляютъ единственную собственность каменнаго и бронзоваго вѣковъ.

„Архитектура друидовъ очень проста и требуетъ только нѣкоторой наблюдательности въ расположеніи камней и навыкъ отличать естественное и природное отъ дѣяній руки человѣка. При этомъ открытіи оказалось бы, можетъ быть, что недошедшее до насъ о жизни человѣка на островѣ Рю-

(1) «О бывшемъ монг. городѣ Укекѣ», перев. въ Трудахъ Россійск. Акад. ч. III, Спб., 1840 г.

(2) «Матеріалы для этногр. Россіи. Казанская губ.» II, 161.

генѣ и въ другихъ мѣстахъ, получило бы возможное разъясненіе въ черемисскихъ дебряхъ Казанской, Вятской и др. губерній. Мнѣ кажется, что между этими чорговыми городищами, между этими глыбами камней, которыхъ встрѣтить тутъ не рѣдкость, непремѣнно найдутся и друидскіе остатки. Эти предположенія подтверждаются изустными разсказами о нѣкоторыхъ Черемисахъ, поклоняющихся особымъ камнямъ, которые они считаютъ за святыню, по толкованію картовъ".

7. Городокъ въ 3 верст. отъ с. Зміева показанъ въ „Замѣткахъ". Къ сожалѣнію, обозначеніе мѣстоположенія этого городка ограничивается этимъ неопредѣленнымъ показаніемъ; неизвѣстно, гдѣ именно городокъ этотъ въ 3 верст. отъ Зміева, въ какую сторону отъ послѣдняго и т. д.

„Площадь этого городка 194 саж. Онъ имѣетъ кругообразную форму и ровную поверхность, распахиваемую подъ посѣвъ. Валъ и ровъ сохранились только съ южной стороны, имѣютъ дл. 90 саж., а ширины—первый 3 саж., второй—5 саж. По преданію, городокъ этотъ сооруженъ для обороны жившей тутъ орды и недалеко отъ вала найденъ былъ камень, съ неизвѣстною надписью, находящійся и теперь въ с. Зміевѣ, шириною камень $^1/_2$ арш. 2 вершка, длиною $1^1/_2$ ар. 2 в.; вѣроятно это могильный памятникъ, такъ какъ подъ нимъ оказываются человѣческія кости".

8. Городище при с. Булдырь. Это городище упоминается только, но не описывается Артемьевымъ въ предисловіи къ Сп. насел. мѣстъ Каз. губ. (стр. XXXII). С. Булдырь (Рождествено) находится на сѣв.-вост. отъ с. Зміева въ 8 верст. Такое положеніе этого городища, также какъ и предыдущаго, находящагося только въ 3 верст. отъ Зміева или Жукотинскаго городища, даетъ основаніе причислять ихъ къ Жукотинскому округу. Городище при с. Булдырь находится на югъ отъ Камы, въ 6 верст., прямо противъ устья Больш. Берсута, на которомъ, какъ выше было указано, находился Жукотинскій перевозъ.

Г. *Жукотинскій округъ по правую сторону Камы.*

1. Чаллынское городище. Это городище упоминается въ писцовыхъ книгахъ, выписки изъ которыхъ представляетъ Невоструевъ (1).

Въ дозорныхъ книгахъ Чаллынской пустоши, что близь Чаллынскаго городища, 1619 г. пишется: „по указу ѣздилъ изъ Казани Григорій Кузминскій по Зюрейской дорогѣ на пустошь, что бывало Чаллынское городище, близко деревни Чалловъ.... Было изстари городище Чаллынское на рч. Чаллынской вверхъ Мамы рѣчки, по обѣ стороны, а та де пустошь Татарская изстари отъ Казанскова взятья лежитъ впустѣ.... И Григорій, пріѣхавъ на пустошь, взялъ съ собою тутошнихъ и сторонніхъ людей деревень Шихазды, Пимерь, Мослякъ, Біюртъ (чит. Скіюртъ), Верхнихъ Чалловъ Новыхъ и Нижнихъ Чалловъ, и тѣми людьми дозналъ про тое пустошь, что бывало изстари Татарское городище и отъ Казанскова взятья лежитъ впустѣ. По смѣтѣ на томъ городищѣ пашни паханые 20 чети, да перелогу на 200 чети".

Желая опредѣлить мѣстонахожденіе упоминаемыхъ въ дозорныхъ книгахъ 1619 г. селеній, Невоструевъ указываетъ на Казанскую писцовую книгу 1648 г., которая показываетъ на р. Сулѣ дер. Чаллы и сельце Чаллы по обѣ стороны рѣки, за Кадрейкомъ мурзою. Затѣмъ пишется деревня Нов. Мамла—выставокъ изъ ясашной старой деревни Мамлы на рѣкѣ Мешлякѣ. Эта деревня, замѣчаетъ Невоструевъ, указываетъ въ предыдущемъ актѣ на Маму рѣку. На Сулѣ также пишется с. Большая Шихазда и выставка изъ него Мал. Шихазда. Затѣмъ Невоструевъ замѣчаетъ, что на Подробной картѣ близъ этихъ селеній показана и дер. Пимерь, упоминаемая въ дозорной книгѣ. С. Шихазда на этой картѣ показано на одной безъименной рѣчкѣ, впадающей въ Мёшу; эта безъименная рѣчка, какъ думаетъ Невоструевъ,—Сула, на которой стоятъ и два селенія Чаллы. Основываясь на этомъ, Невоструевъ говоритъ, что на вышеозначенной рѣчкѣ надобно полагать Чаллынское городище, „о мѣстоположеніи и настоящемъ состояніи котораго, хотя мы и сносились, но не получили никакого свѣдѣнія".

---

(1) Труды I Археол. Съѣзда, стр. 571—573.

На картѣ Стрѣльбицкаго указанная рѣчка дѣйствительно называется Сула, но все таки, какъ оказывается, Чаллынское городище было совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

Изъ самыхъ данныхъ, которыми пользовался Невоструевъ, можно было только заключить, что два селенія Чаллы и Шихазда находятся на одной и той же рѣкѣ Сулѣ; но про городище въ дозорной книгѣ прямо сказано, что оно на рѣчкѣ Чаллынской, вверхъ Мамы рѣки, близко деревни Чалловъ. Очевидно, что Невоструевъ сдѣлалъ свой выводъ на послѣднемъ указаніи о близости городища отъ деревни Чалловъ, которая, по его мнѣнію, на Сулѣ, впадающей въ Мёшу.

Разбирая упоминаемыя въ дозорной книгѣ, сосѣднія съ городищемъ селенія, мы видимъ, что, кромѣ двухъ селеній Чаллы, здѣсь упоминаются Шихазда, Пимеръ, Мослякъ и Скіюртъ; о мѣстоположеніи послѣднихъ двухъ Невоструевъ не говоритъ. Шихазда находится въ Каз. у. на правомъ притокѣ Мёшы Сулѣ, какъ указываетъ Невоструевъ; Пимеръ далѣе на востокъ, близъ праваго берега Мёши, уже въ Лаишевск. у.; Скіюртъ, очевидно — Иски-юртъ, находится прямо противъ предыдущей деревни, по другую сторону р. Мёшы; дер. Мослякъ соотвѣтствуетъ тремъ сосѣднимъ между собою деревнямъ — Бол. Машлякъ, Машлякъ (Томасовъ Починокъ) и Верхн. Машлякъ, на рѣкѣ того же названія, которая впадаетъ съ лѣвой стороны въ р. Шумбутъ; три послѣднія селенія находятся уже въ Мамадышск. у., на границахъ съ Лаишевскимъ.

Такимъ образомъ, разбирая по дозорной книгѣ 1619 г. селенія, сосѣднія съ Чаллынскимъ городищемъ, мы прошли по прямой линіи, съ зап. на вост., черезъ весь нынѣшній Лаишевскій у., отъ границы Казанскаго до границъ Мамадышск. уѣзда.

Что восточнымъ пунктомъ здѣсь представлялась рѣка Машлякъ, это подтверждается тѣмъ, что на этой рѣкѣ находится въ настоящее время дер. Мамла, о которой упоминаетъ Невоструевъ по писцовой книгѣ 1648 г. и которая по этой книгѣ находилась на р. Мешлякѣ. Невоструевъ указываетъ на это селеніе, какъ сосѣднее городищу, и для объясненія, какъ говоритъ онъ, упоминаемой въ дозорной книгѣ 1619 г. рч. Мамы, вверхъ которой лежало городище. Эта деревня

въ настоящее время называется Мамли Козяково Челны или Казакларъ (²).

Такимъ образомъ мы подошли къ р. Шумбуту, около которой въ Лаишевск. уѣздѣ показано 11 селеній съ названіемъ Челны или Чаллы; здѣсь должно искать и Чаллы, упоминаемыя въ писцовой книгѣ 1648 г.; здѣсь должно было находиться Чаллынское городище. Въ мѣстности, указываемой Невоструевымъ, т. е. около Сулы, впадающей въ Мёшу, селеній съ такимъ названіемъ нѣтъ ни одного.

Но гдѣ же р. Сула, на которой два селенія Чаллы? Такъ называется одинъ изъ правыхъ притоковъ Шумбута, на которомъ „Сп. насел. м. Каз. губ.“ показываетъ дер. Кодряковы Челны (³); прозваніе этихъ Челновъ Кодряковыми объясняется тою-же писцовою книгою 1648 г., гдѣ сказано, что сельцо Чаллы по обѣимъ сторонамъ Сулы, за Кадрейкомъ мурзою. Кромѣ этого сельца Чаллы, писцовая книга на этой же рѣкѣ указываетъ деревню Чаллы. Подъ послѣднею должно разумѣть Кутлубакашевы Челны, которыя находятся при устьѣ Сулы, уже на самомъ Шумбутѣ. Дозорная книга, не опредѣляя мѣстоположенія, упоминаетъ о селеніяхъ Верхн. Чаллы Новыя и Нижн. Чаллы. Эти названія представляютъ подтвержденіе правильности указанныхъ мною двухъ селеній на Сулѣ, притокѣ Шумбута: Верхнія Чаллы Новыя соотвѣтствуютъ именно Кодряковымъ Челнамъ, которыя стоятъ по Сулѣ, выше Кутлубакашевыхъ, находящихся при устьѣ Сулы; затѣмъ именно послѣднимъ должно принадлежать названіе Старыхъ, потому что, какъ мы видѣли выше, объ нихъ упоминаетъ Шерефъ-эд-динъ въ половинѣ XVI стол., какъ объ старинномъ аулѣ.

И такъ два селенія Чаллы, упоминаемыя въ дозорной и писцовой книгахъ, находятся на Сулѣ, притокѣ Шумбута, а не на Сулѣ, притокѣ Мёши.

Но гдѣ же самое Чаллынское городище? Оно было на рч. Чаллынской, вверхъ Мамы рѣки, близъ двухъ селеній

(²) Мамли во всѣхъ спискахъ (Естеств. приращ. сельск. насел. Каз. губ., Вѣдомость разстоянія селеній отъ городовъ, Списки инородч. сел. Каз. учебн. округа), кромѣ Сп. насел. м Каз. губ., гдѣ по ошибкѣ стоитъ Мамки.

(³) На картахъ эта рѣчка не означены по имени, кромѣ рукописн. карты, гдѣ названа Сугла.

Чаллы на р. Сулѣ; слѣдовательно должно искать Чаллынскую рѣчку, т. е. рѣчку Чаллы, Челны. Между селеніями Чаллы Списокъ насел. м. указываетъ дер. Челнысашъ, т. е. Чаллынское верховье, верховье рч. Чаллы. По Списку, эта дер. при безъимен. ключахъ, по на Рукописн. и Подр. картахъ она показана при верховьѣ рѣчки, впадающей въ Шумбутъ, ниже Сулы, съ той же правой стороны, слѣдовательно рѣчка, при которой стоитъ деревня Челнысашъ, и есть Чаллы. Эта рѣчка и та, въ которую она впадаетъ, на Подробн. картѣ не обозначены по имени; а на Рукописн., около дер. Челнысашъ, подписана р. Елнысашъ, т. е. Челнысашъ, или правильнѣе просто Челны, потому что названіе Челнысашъ можетъ относиться только къ деревнѣ, находящейся въ верховьѣ рѣчки Челны.

Такимъ образомъ найдена и рч. Чаллынская, на которой стояло городище.

Большая рѣка, въ которую впадаетъ послѣдняя рѣчка, и на Рукописн. картѣ безъ имени; Сп. насел. мѣстъ двѣ деревни, находящіяся на этой рѣчкѣ, показываетъ на рч. Мордовкѣ; рч. Чаллы впадаетъ въ нее въ верховьяхъ, это ведетъ къ предположенію, что р. Мордовка называлась также Мама, вверхъ которой на Чаллынской рч. стояло городище, по показанію дозорной книги 1619 г.

Вышепоказанная дер. Мамла, находящаяся на Мешлякѣ, вопреки предположенію Невоструева, не имѣетъ никакого отношенія къ р. Мамѣ.

Указывая мѣстонахожденіе Чаллынскаго городища, по даннымъ дозорной и писцовой книгъ, должно замѣтить, что въ найденной для этого городища мѣстности никто не указываетъ никакихъ признаковъ его; но какъ оказывается этихъ признаковъ и не должно искать. Дозорныя книги не говорятъ о городищѣ, какъ существующемъ, а указываютъ на пустошь, что „бывало“ городищемъ, на этой пустоши 20 четв. пахатной пашни и 200 четв. перелогу. О другихъ городищахъ, напр. вышеуказанныхъ по Уткѣ и Майнѣ, писцовыя книги выражаются иначе, какъ о существующихъ. Все это ведетъ къ заключенію, что Чаллынское городище уже не существовало и въ началѣ XVII стол.

Мѣстность Чаллынск. городища на притокѣ Шумбута можетъ быть причислена къ Жукот. округу, если, какъ выше показано, на р. Бол. Берсутъ, который находится отъ

Жукотинскаго городища далѣе Шумбута на востокъ, былъ Жукотинскій перевозъ.

Невоструевъ, указавши неправильно мѣстонахожденіе Чаллынск. городища, объясняетъ, что это городище было упоминаемо на р. Мёшѣ во время возмущенія инородцевъ, послѣ взятія Казани. Ссылаясь на Карамзина и Соловьева, Невоструевъ говоритъ, что это городище было разрушено боярнымъ Морозовымъ въ 1556 г.; но Карамзинъ и Соловьевъ говорятъ о разрушеніи не Чаллынскаго, а Чалымскаго городка, который находился въ нынѣшнемъ Козмодемьянск. у. (см. ниже). Невоструевъ говоритъ еще, что Морозовъ сжегъ Чаллынскій городокъ, повоевавши и побивши затѣмъ многихъ людей, которые встрѣтили его на Мёшѣ; такимъ образомъ Невоструевъ сопоставляетъ Чаллынск. городище съ р. Мёшею, но въ дѣйствительности дѣло было не такъ: Никон. лѣтопись (VII, 262, 263) указываетъ на два отдѣльныхъ похода Морозова — прежде на Чалымскій городокъ, а потомъ на Арское и за Арскимъ на Мёшу рѣку.

По самому смыслу названія Чаллынск. городища изстариннымъ татарскимъ, нельзя уже было смѣшивать его съ городкомъ, который поставили на Мёшѣ возмутившіеся инородцы; послѣдній городокъ былъ временное укрѣпленіе, острогъ, а подъ татарскихъ городищемъ разумѣется бывшій татарскій городъ.

Городъ, поставленный инородцами, во время ихъ возмущенія, на Мёшѣ, преслѣдовалъ Невоструева: выше было указано, что онъ и городище при дер. Ташкирмень считаетъ также неправильно этимъ городкомъ.

2. Надгробные камни близъ дер. Казакларъ указываетъ Н. И. Ильминскій [1] и такъ опредѣляетъ мѣстоположеніе этой деревни: въ 30 верст. по направленію къ г. Чистополю отъ с. Карабаянъ, находящагося близъ лѣв. притока Мёши, Нырсы, въ окрестностяхъ котораго г. Ильминскій прежде указалъ на нѣсколько надгробныхъ камней [2]. Но въ такомъ разстояніи отъ Карабаянъ дер. Казакларъ не встрѣчается.

---

[1] «Татарскія надписи изъ временъ Каз. царства въ Лаишевск. у.» Зап. Археол. Общ. III.

[2] См. выше «Р. Мёша и ея притоки».

Въ Сп. насел. мѣстъ показаны два селенія съ названіемъ Казакларъ—одно (№ 983) при рч. Максѣ, прав. притокѣ Мёши, другое (№ 1073) при рч. Сулѣ, прав. притокѣ Шумбута, впадающаго въ Каму. Первое селеніе не подходитъ къ указанному Ильминскимъ, потому что находится на сѣв. отъ с. Карабаянъ, слѣдовательно не по дорогѣ къ Чистополю; второе же на югъ отъ села, на одной изъ дорогъ къ г. Чистополю, но только не въ 30, а въ 15 верст. отъ с. Карабаянъ.

Но какъ оказывается изъ дальнѣйшаго изложенія г. Ильминскаго, подъ дер. Казакларъ должно разумѣть и не это второе селеніе, а третье—на притокѣ Шумбута Мешлякѣ; это селеніе, какъ выше указано, въ Сп. насел. м. называется неправильно—Мамки Коряковы Челны (Казларъ), въ другихъ же спискахъ селеній Каз. губ.—Мамли Козяковы Челны, а на всѣхъ важнѣйшихъ картахъ (Рукописн., Подробн. и Стрѣльбицк.)—Казакларъ.

Послѣднее селеніе находится по дорогѣ въ Чистополь изъ с. Карабаянъ, верст. въ 20 отъ послѣдняго, по прямому разстоянію. Подъ селеніемъ, упоминаемымъ Ильминскимъ, должно разумѣть Казакларъ на рч. Мешлякѣ на томъ основаніи, что около этого селенія онъ указываетъ могилу Идриса Хальфа, а по показаніямъ Шерефъ-эддина-Булгари (см. выше), намѣстникъ Идрисъ сынъ Зуль-Мухаммедовъ былъ изъ аула Терберды Чаллы и умеръ тамъ. Сел. Тербердины Челны въ настоящее время находятся рядомъ съ дер. Казакларъ на р. Шумбутѣ.

Близъ селенія Казакларъ, говоритъ Ильминскій, два, одинъ подлѣ другаго стоящіе камня, съ довольно хорошо сохранившимися надписями, но г. Ильминскій не списалъ ихъ, потому что видѣлъ мимоѣздомъ, поздно вечеромъ. Татары признаютъ ихъ принадлежащими могиламъ святыхъ.

Можетъ быть, здѣсь должно искать могилу третьяго преемника намѣстничества послѣ выше упомянутаго Идриса—Шаама сына Иштеряка Ахуна, который, по свидѣтельству Шерефъ-эддина Булгари (см. выше), былъ изъ казацкаго аула, недалеко отъ Чаллы (т. е. Терберды Чаллы), а „могила его теперь въ Терберды-Чалли у Казаковъ“. Казаки въ Терберды-Чалли—это въ настоящее время дер. Казакларъ, рядомъ съ дер. Тербердиновы Челны.

О могилѣ Идриса г. Ильминскій говоритъ: „На другой сторонѣ того-же селенія (Казакларъ) есть могила Идриса Хальфа, къ которому на поклоненіе приходятъ Татары изъ отдаленныхъ даже деревень. Надъ этою могилою камня нѣтъ, а построена новая деревянная избушка. Послѣ Идриса, по разсказамъ Татаръ, остались кое-какія вещи, какъ-то палка, шапка и другія, которыя, какъ святыня, хранятся у одного изъ его потомковъ".

3. Укрѣпленная рѣка (Кирмень). Въ заключеніе обозрѣнія древнихъ укрѣпленій, которыя могли входить въ Жукотинскій округъ, я укажу на р. Кирмень, которая впадаетъ съ прав. стороны въ Каму, выше Шешмы.

Названіе этой рѣки означаетъ, какъ выше было объяснено, крѣпость, поэтому я называю ее „Укрѣпленною".

На этой рѣкѣ встрѣчаются три селенія съ тѣмъ-же названіемъ: Русскій Кирмень, Средній (Тат.) Кирмень и Мал. Кирмень.

Артемьевъ (Предисл. къ Сп. насел. м., XXXII) указываетъ остатки древнихъ укрѣпленій въ дачахъ этихъ трехъ селеній.

Эти укрѣпленія можно считать крайнею сѣв.-вост. укрѣпленною линіею Булгарскаго царства, потому что далѣе по р. Вяткѣ подобныхъ укрѣпленій уже не встрѣчаемъ.

Есть основаніе принимать эти укрѣпленія за упоминаемый въ русскихъ лѣтописяхъ подъ 1398 г. гор. Кременчукъ (Кирменчукъ — крѣпостца). Выше было указано, что одинъ изъ принадлежащихъ мнѣ списковъ Каз. исторіи показываетъ гг. Жукотинъ и Кременчукъ на Камѣ. Четвертая Новгор. лѣтопись, какъ выше указано, разсказывая о походѣ 1399 г., прибавляетъ, что никто не помнитъ, чтобы Русскіе ходили такъ далеко въ татарскую землю. Это заявленіе лѣтописи объясняется далекимъ мѣстонахожденіемъ на востокѣ, на украинѣ булгарск. земли, г. Кременчуга, до котораго въ 1399 г. въ первый разъ доходило собственно русское войско. Ушкуйники же, отправлявшіеся внизъ по Вяткѣ, шедшіе потомъ Камою и Волгою, должны были встрѣчать на своемъ пути изъ первыхъ укрѣпленій — Керменчукъ, который они брали и разоряли вмѣстѣ съ Жукотинымъ, о взятіи ушкуйниками послѣдняго лѣтописи говорятъ въ 1359 и 1391 г.

Вѣроятно, подъ Жукотинымъ здѣсь разумѣется и Керменчукъ, потому что иначе было бы странно, почему въ

1391 г., когда ушкуйники взяли крѣпости Жукотинъ и Кошанъ, т. е. укрѣпленія болѣе важныя, оставили въ покоѣ Кременчукъ.

XII. РѢКА КАЗАНКА.

А. *Старая Казань.*

1. Описанія городища Старой Казани я представляю въ хронологическомъ порядкѣ.

Рычковъ (1), бывшій здѣсь въ 1770 г., говоритъ, что въ 40 в. отъ Казани по Арской дорогѣ, на берегу рѣки Казанки, гдѣ русская дер. Князь Камаева, находится мѣсто, которое Татары понынѣ зовутъ Иски-Казань, т. е. старая Казань (2). Нынѣ видимы только валы, но были-ли тутъ какія нибудь зданія, о томъ нѣтъ никакого извѣстія, ниже остатковъ каменныхъ развалинъ.

Георги (3) говоритъ о Ст. Казани подробнѣе, онъ указываетъ, что противъ русской дер. Искамаевой, находящейся на лѣвомъ берегу Казанки и при устьѣ р. Урмата, на высокомъ берегу Казанки, находятся валы Ст. Казани (по тат. Иски-Казань).

Казанка дѣластъ здѣсь небольшую дугу и высокій берегъ составляетъ уголъ, 15 саж. выше поверхности рѣки.

Укрѣпленіе состоитъ изъ двойнаго вала и рва, хорошо сохранившихся. Внутренній валъ, отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ саж. выш., внѣшній гораздо меньше; ровъ между ними глубиною соотвѣтствуетъ землѣ, употребленной для валовъ. Въ двухъ мѣстахъ валы прорѣзаны и ровъ наполненъ; вѣроятно здѣсь были ворота. Внѣ вала на юго-зап. сторонѣ много маленькихъ ямокъ въ два ряда. Здѣсь должна быть торговая площадь. Городское мѣсто и валъ представляютъ нѣсколько деревьевъ, которыми наполненъ и весь ровъ; многія растенія украшаютъ валы и мѣсто этого древняго города. Но нигдѣ не видать

(1) Продолж. журн. капит. Рычкова, Спб., 1772, стр. 1, 3.

(2) По Сп. насел. м. Каз. губ. (№ 71), Князь Камаево, иначе называемое Иски-Казань, находится въ 47 верст. отъ Казани, при р. Казанкѣ.

(3) Bemerkungen einer Reise im Russisch. Reich, Спб. 1775 г., II. 810, 811.

каменнаго мусора. Форму, прибавляетъ Георги, положеніе и величину древняго города показываетъ прилагаемый при семъ планъ. Этотъ планъ находится въ концѣ книги Георги на табл. VI.

Далѣе въ 1817 г. было замѣчено о Старой Казани издателемъ Казанскихъ Извѣстій (№ 17) въ примѣчаніи къ статьѣ „Казанскія записки“ Д. Зиновьева. Здѣсь указываются слѣды каменныхъ построекъ:

„Мѣсто, гдѣ находилась прежняя Казань, извѣстно нынѣ подъ именемъ Иски-Казань, т. е. Старая Казань. Оно лежитъ на высокомъ прав. берегу р. Казанки, противъ русскаго селенія Искаманова и возлѣ татарскихъ деревень: Нижн. Айши и Верхн. Айши. Безполезенъ будетъ трудъ того, кто вздумалъ бы описать развалины Иски-Казани: теперь едва примѣтны слѣды древняго ея существованія. Взору любопытнаго путешественника представится токмо валъ, окруженный рвомъ, множество разной величины камней, слабые признаки мѣстъ, гдѣ находились городскія башни, нѣкоторыя строенія и часть каменной лѣстницы, идущей къ Казанкѣ. Валъ имѣетъ видъ полукружія, дл. до 400 саж., выш. до 2 саж. и осѣненъ растущими по немъ дубами, по засохшимъ вершинамъ коихъ можно заключить, что деревья сіи были нѣкогда свидѣтелями величія города. Ровъ, идущій вокругъ вала, глуб. теперь не болѣе $1^1/_2$ саж., а шир. около сажени“.

Въ 1833 г. Рыбушкинъ помѣстилъ въ издаваемомъ имъ журналѣ Заволжскій Муравей (№ 21) статью подъ заглавіемъ „Поѣздка въ Стар. Казань“. Рыбушкинъ начинаетъ свою статью переводомъ татарскаго отрывка о построеніи Ст. Казани, доставленнаго ему заслуженнымъ профессоромъ И. Ф. Яковкинымъ. На этотъ отрывокъ я уже указывалъ. Далѣе Яковкинъ прибавляетъ о самомъ городищѣ, что развалины Ст. Казани и по сіе время еще видны; рвы, находящіеся внутри и внѣ города, известка, разрушившіяся зданія и ихъ глубокія ямы, могилы, надгробные камни съ изображеннымъ на нихъ лѣтосчисленіемъ находятся во множествѣ. Надгробные камни очевидно относятся къ сосѣднему съ городищемъ кладбищу, о которомъ я говорю вслѣдъ за описаніемъ самаго городища.

Самъ Рыбушкинъ, послѣ собственнаго посѣщенія Старой Казани, говоритъ, что „она, должно думать, была расположена по обѣ стороны Казанки, ибо и донынѣ на лу-

говой сторонѣ ея находится селеніе Городище или Искамапово (испорченное слово отъ Иски-Казань), а на самой высотѣ горы, вѣроятно, находилась крѣпость. По каменистой почвѣ съ немалымъ трудомъ взобрались мы на вершину утеса, гдѣ были крѣпостныя строенія. Хотя нынѣ, вопреки Яковкину, не видно уже ни развалинъ, ни ямъ, ни надгробныхъ камней; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ находилось укрѣпленіе. Глубокій ровъ и высокій валъ, простирающіеся полумѣсяцемъ до 1000 шаговъ, еще сохранились въ цѣлости".

Въ 1855 г. въ V т. Записокъ Импер. Арх. Общ. напечатана статья священника П. Малова „Городище Ст. Казань и г. Арскъ".

Священникъ Маловъ говоритъ, что городище находится на крутизнѣ горнаго берега Казанки около 12 саж. выш. Поверхность городища ровная, къ югу отъ р. Казанки нѣсколько покатая. Въ дл. оно будетъ около 140 саж., а въ поперечникѣ, по рву съ сѣв.-вост. около 120 саж. Со всѣхъ сторонъ городище ограждено искусственными рвами, т. е. какъ по берегу Казанки, такъ вдоль западныхъ овраговъ и по ровному мѣсту съ сѣв.-вост. Въ остромъ углѣ городища, между рвами западнымъ и южнымъ, сдѣланъ еще не большой, саж. въ 9 дл., перекопъ. Рвы городища казапочный (южный) и западный (овражный) проходятъ почти по самому хребту горы. По разсказамъ окрестныхъ жителей, особенно глубокъ ровъ сѣв.-восточный; онъ, какъ говорятъ, и по сіе время будетъ еще съ печатную саж. глубиною. Преданіе еще указываетъ мѣста городскихъ воротъ. Лѣтъ 50 тому назадъ, это городище обращено въ пахотную землю дер. Князь Камаевой, а лѣтъ сто тому назадъ все оно было покрыто сосновымъ и дубовымъ лѣсомъ. Въ этомъ лѣсу, по разсказамъ старожиловъ, окрестные жители скрывались отъ Пугачевскихъ шаекъ.

Принимая въ соображеніе сказанное Георги, который былъ здѣсь въ 1774 г., т. е. въ годъ нашествія Пугачева, нельзя признавать существованія въ это время лѣса на пространствѣ всего городища.

Въ „Замѣтк. о городищахъ Каз. губ." указано, что городище въ 1 верстѣ отъ дер. Иски-Казань, оно лежитъ на высокомъ берегу р. Казанки; городище кругообразной формы, площадь занимаетъ до 500 саж.; оно окружено валомъ

и рвомъ, которые не вездѣ сохранились, длина вала и рва 400 саж., вышина перваго 2 саж. Поверхность городища ровная и въ настоящее время распахивается подъ посѣвъ. Здѣсь попадается много разной величины камней, замѣтны слабые признаки мѣстъ, гдѣ находились городскія башни, нѣкоторыхъ строеній и часть каменной лѣстницы, идущей къ р. Казанкѣ.

2. Кладбища. Рычковъ (стр. 4, 5) говоритъ, что въ поляхъ, лежащихъ вокругъ Ст. Казани, находятся старыя татарскія кладбища, которыя являютъ камни въ землю утвержденные и исписанные арабск. и татарск. словами. Татары, живущіе въ дер. Урсякъ (1), находящейся недалеко отъ кладбищъ, говорятъ, что тутъ погребены два знатнѣйшіе ихъ князя, изъ которыхъ одного называютъ они Бакъ-Шанда, а другаго Смелинъ. Они оба жили предъ нѣсколькими годами до разрушенія царства Казанскаго.

Вблизи валовъ, говоритъ Георги (стр. 811), на лѣв. берегу Казанки стоитъ дер. Ашлы (Аяши) (2), при которой находится древнее кладбище со многими могильными камнями. Всѣ эти могильные камни, которые по одиночкѣ встрѣчаются и въ степи, глинистые песчаники, до 5 фут. дл., 3 фут. шир., менѣе 1 фута толщины. Древніе ставили ихъ обыкновенно прямо. Одинъ изъ этихъ камней означаетъ гробницу тат. князя Бакшинды, а другой кн. Смелина.

Затѣмъ Георги указываетъ на своемъ планѣ, не упоминая объ этомъ въ текстѣ, на юго-зап. отъ дер. Иски-Казань, по р. Казанкѣ, поле, на которомъ виднѣются разсѣянными могилы древнихъ жителей. Кромѣ того на планѣ Георги показаны два кладбища по обѣимъ сторонамъ Казанки: на прав. сторонѣ, на вост. отъ городища, противъ

(1) Сп. насел. м. Каз. губ. показываетъ дер. Кодряково (Урсякъ) на рч. Урсякъ (№ 38); Спеціальная карта Европ. Россіи Стрѣльбиц. указываетъ на рч., впадающей съ лѣв. стороны въ Казанку, верст. въ 7 отъ дер. Иски-Казань, на сѣв.-вост., рядомъ двѣ дер.: Урсякъ Кодряково 1 и Урсякъ Кодряково 2.

(2) На планѣ, приложенномъ къ соч. Георги, эта дер. называется правильнѣе—Айши, по Сп. насел. м. Каз. губ.—Нижн. Аяши (№ 66); эта дер. на картахъ показывается въ $1^1/_2$ в. отъ городища на сѣв.-вост., на другомъ, лѣвомъ берегу Казанки.

дер. Нижн. Аяши; на лѣвомъ берегу Казанки—на югъ отъ той же дер. Н. Аяши. Георги говоритъ въ текстѣ очевидно о послѣднемъ.

Издатель Каз. Извѣстій 1817 г. прибавляетъ къ своему описанію городища Ст. Казани, что возлѣ него лежитъ бывшее нѣкогда кладбище татарское, гдѣ можно видѣть нѣсколько надгробныхъ камней, на коихъ хотя и примѣтны надписи, однакожъ буквы такъ худо видны, что почти ничего невозможно прочитать.

Рыбушкинъ и свящ. Маловъ различаютъ два кладбища около Ст. Казани—ближнее и дальнее.

„Съ версту отъ Ст. Казани, говоритъ Рыбушкинъ, по протяженію того-же утеса, на которомъ стоитъ городище, находится кладбище, которое не должно быть общимъ: на немъ только три надгробные камня, одинъ прислоненъ къ загородкѣ могилы, другой къ дереву, третій-же разбитый лежитъ на землѣ. Это кладбище почитается между Татарами мѣстомъ священнымъ. Они пріѣзжаютъ сюда для богомолья изъ отдаленныхъ мѣстъ. Замѣчательно, что почти изъ-подъ самой могилы, огороженной заборомъ, бьетъ изъ горы прекрасный ручей чистѣйшей воды, который, съ шумомъ катясь съ высоты, впадаетъ въ Казанку“.

Свящ. Маловъ говоритъ, что съ полверсты отъ городища на берегу находится древнее, усаженное березами, должно быть, Казанское кладбище. При немъ два ключа: одинъ довольно чистый и большой, считаемый у татаръ ключемъ священнымъ, потому что возлѣ него, болѣе 300 лѣтъ тому назадъ, положенъ ламаицами (?) Мулла Хазей; второй, небольшой ключь, находится немного повыше перваго и именуется Ханъ-ключь. Къ первому ключу набожные изъ Татаръ, изъ ближнихъ городовъ и деревень пріѣзжаютъ на богомолье.

Выше я приводилъ преданіе объ этомъ святомъ муллѣ, встрѣчающееся въ „Повѣсти о несгараемой царевнѣ“.

О дальнемъ кладбищѣ Рыбушкинъ говоритъ, что общее кладбище для покойниковъ Старой Казани вѣроятно было на полѣ, принадлежащемъ деревнѣ Урматъ (1), гдѣ нахо-

(1) Старый Урмать, по Сп. насел. м. Каз. губ. (№ 19), при колодцахъ; на картѣ же Стрѣльбицкаго—на югъ отъ дер. Иски-Казань, на рѣчкѣ, впадающей съ лѣв. стороны въ Казанку, противъ городища, т. е. на рѣчкѣ Урматъ, по вышеприведенному показанію Георги.

дятся также надгробные камни, и, какъ кажется, древнѣйшіе видѣнныхъ нами на нагорномъ кладбищѣ.

Подъ этимъ кладбищемъ можно разумѣть показанное на планѣ Георги на юго-зап. отъ дер. Иски-Казань, потому что дер. Урматъ лежитъ именно на югъ отъ первой.

Свящ. Маловъ указываетъ на сѣв.-вост., около $1^1/_2$ в. отъ городища Старой Казани, противъ русской деревни Ишей (²), другое древнее татарское кладбище. Здѣсь, по татарскому преданію, лежитъ сестра Муллы-Хазея Гайша-Бикя. Татары ее тоже очень почитаютъ; Русскіе же, какъ ее, такъ и брата ея, считаютъ волшебниками, а потому и говорятъ, что никакимъ образомъ нельзя разработывать землю вблизи того или другаго кладбища; если же кто на это рѣшится, то волшебники того изуродуютъ.

Кафтанниковъ (стр. 59), указавши, на основаніи „Повѣсти о несгараемой царевнѣ", могилу Муллы Хозятаза въ Ст. Каз., прибавляетъ, что могилу сестры его указываютъ въ нынѣшней русской деревни Айши, она безъ всякаго памятника.

Вспомнимъ наконецъ показаніе булгарскаго историка объ аулѣ Айшѣ Бекѣ, названномъ по имени послѣдовательницы сподвижниковъ пророка, и объ ея отцѣ и братѣ, могилы которыхъ на берегу р. Казанки.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что около Стар. Казани встрѣчаются три кладбища: первое на горѣ, на которой стоитъ и самое городище; второе на юго-зап. отъ дер. Иски-Казань, третье на югъ отъ дер. Нижн. Аяши.

3. **Мѣста древнихъ поселеній: дер. Иски-Казань и Урматъ, селище Чакмасы.** Дер. Иски-Казань, говоритъ свящ. Маловъ, можетъ быть, въ старину составляла слободу самаго города. Выше было приведено замѣчаніе Рыбушкина, что Стар. Казань была расположена по обѣимъ сторонамъ Казанки; было указано также древнее кладбище на юго-зап. отъ дер. Стар. Казань.

(²) Такой деревни ни на картахъ, ни въ Сп. насел. м. не встрѣчается; очевидно это дер. Нижн. Аяши, при которой Георги показываетъ кладбище. По показанію Кафтанникова (стр. 59), въ русск. деревнѣ Айши похоронена сестра Муллы Хазея, а по Малову могила послѣдней на кладбищѣ противъ дер. Ишей; изъ этого очевидно, что дер. Ишей тоже, что дер. Нижн. Аяши.

Свящ. Маловъ говоритъ, что съ версту отъ дер. Иски-Казань на югъ, на Сибирской дорогѣ, гдѣ нынѣ расположена дер. Урматъ, на правомъ берегу, по теченію рч. Урматки, по преданію, былъ татарскій, казанскій пригородокъ, что подтверждается находящимися тутъ небольшими ямами. Здѣсь были находимы и татарскія монеты, по свидѣтельству Рыбушкина (см. ниже).

На юго-востокъ отъ дер. Иски-Казань, говоритъ свящ. Маловъ, верстахъ въ 3, находится селище Чакмасы. Оно обращено нынѣ въ пахотную землю, находится на лѣвой сторонѣ рч. Чуринки. Здѣсь на разстояніи полуверсты замѣтны слѣды прежняго жилья, какъ-то ямы и кирпичи отъ печей. По разсказамъ старожиловъ, здѣсь жили, назадъ тому лѣтъ съ 300 или болѣе, крещеные изъ Татаръ, которые въ какую то заразу всѣ вымерли. Въ настоящее время замѣтны на селищѣ пни отъ срубленныхъ деревъ; а вокругъ его и теперь находится лѣсъ. Преданіе старожилъ подтверждается находкою однимъ крестьяниномъ 20 лѣтъ тому назадъ, неподалеку отъ селища изъ подъ пня, кувшина мелкихъ татарскихъ серебрян. монетъ; на этомъ же селищѣ тотъ же крестьянинъ нашелъ половинку складнаго креста.

4. **Находки монетъ.** При обработкѣ земли и уборкѣ хлѣба, говоритъ свящ. Маловъ (стр. 117), на городищѣ Стар. Казани крестьяне находятъ мелкія серебряныя монеты. Доставленныя въ Археологическое Общество 4 изъ нихъ оказались весьма худо сохранившимися и, по объясненію П. С. Савельева, принадлежатъ Хану Пуладу (между 801 и 815 г. гиджры), на одной сохранилось названіе мѣста чеканки—Булгаръ.

Въ 1857 г. В. К. Савельевъ прислалъ на разсмотрѣніе Археол. Общества 22 серебр. джучидскія монеты, изъ дер. Иски-Казань. По замѣчанію П. С. Савельева, онѣ—любопытны, потому что представляютъ монеты лишь послѣднихъ хановъ послѣ Тохтамыша, начиная отъ Шадибека до Ахмеда; въ числѣ ихъ оказалось и нѣсколько неизданныхъ; большинство ихъ чекапено въ Булгарѣ (1).

Затѣмъ В. К. Савельевъ представилъ въ Общество еще 40 монетъ изъ числа найденныхъ близъ Иски-Казани. Онѣ

---

(1) Извѣстія Археол. Общ. т. I, 246, 247.

также принадлежатъ исключительно послѣднимъ ханамъ послѣ Тохтамыша, именно Шадибеку, Пуладу, Тимуру, Дервишу, Керимбирди и Мухаммеду; между ними оказалось и нѣсколько неизданныхъ видовъ (²).

Рыбушкинъ купилъ у крестьянина дер. Урматъ 19 серебр. монетъ, которыя найдены были этимъ крестьяниномъ, во время запашки земли, въ числѣ 5 фунтовъ.

Рыбушкинъ передалъ эти монеты на разсмотрѣніе профессору Эрдману, по удостовѣренію котораго, нѣкоторыя изъ этихъ монетъ довольно рѣдки. Рыбушкинъ прилагаетъ и подробное описаніе этихъ монетъ, сдѣланное Эрдманомъ. Оказалось, что монеты чеканены отъ 711 (1310) до 761 г. (1359) въ Нов. Сараѣ и Гюлистанѣ.

Свящ. Маловъ (стр. 120) говоритъ, что одинъ крестьянинъ дер. Иски-Казань, лѣтъ 20 тому назадъ, при обработкѣ земли, неподалеку отъ селища Чакмасы, выпахалъ изъ подъ пня кувшинъ мелкихъ татарск. серебр. монетъ, которыя онъ обмѣнялъ на 103 рубля ассигнаціями у какого-то казанскаго купца. Маловъ представилъ въ Общество двѣ изъ найденныхъ монетъ—одну серебр., другую мѣдную. Первая оказалась битая въ Сараѣ Новомъ при султанѣ Кульпѣ-Ханѣ, въ 760 г., вторая 761 или 762 г. Хыдръ-Хана, бита въ Гюлистанѣ.

5. **Находки вещей.** Свящ. Маловъ (117) указываетъ, что на городищѣ Стар. Казани находятъ также мѣдные складные кресты-тельники, весьма древніе. Какъ появились сіи кресты на мѣстѣ обитаемомъ мусульманами? спрашиваетъ Маловъ и объясняетъ, что не остались ли они отъ Русскихъ, бывшихъ, можетъ быть, въ Казани плѣнниковъ, или, отъ отряда нашего войска, стоявшаго на сторонѣ городища, при взятіи нынѣшней Казани.

Свящ. Маловъ указываетъ еще (стр. 120), что крестьянинъ, нашедшій въ селищѣ Чакмасы монеты, нашелъ тамъ же половину складнаго креста.

Можетъ быть, эти кресты, по самому происхожденію своему—памятники не татарскіе, не могли принадлежать ко времени самостоятельнаго Казанскаго царства и по времени положенія ихъ въ землю; а относятся уже къ позднѣйшему времени.

(²) Ibid. стр. 233.

В. *Новая Казань.*

1. Старое Городище, Збойловы ворота, Поганое озеро. Въ русскихъ лѣтописяхъ, при описаніи приступа къ Казани въ 1552 г., упоминается Старое Городище.

Извѣстіе объ этомъ въ лѣтописяхъ представляется въ двухъ редакціяхъ: одна редакція въ Царственной книгѣ (стр. 299), Никон. (VII 173) и Львов. (IV. 412); другая въ Казанской исторіи неизвѣстнаго сочинителя (стр. 213) и въ Отрывкѣ русской лѣтописи (П. С. Л. т. VI, 310), который, какъ я объясняю въ особомъ приложеніи о „Казанской Исторіи", былъ главнымъ источникомъ первой.

Царственная книга говоритъ, что, приготовляясь къ приступу, царь Иванъ Васильевичъ поставилъ отрядъ войска подъ предводительствомъ князя Ромодановскаго за р. Казанкою на Галицкой дорогѣ, т. е. по правую сторону Казанки, близъ Бежболды, нынѣ Адмиралтейской слободы, находящейся на лѣвой сторонѣ Казанки; да за рѣкой же Казанкою отрядъ подъ начальствомъ Воронова; „вверхъ по Казани, у стараго городища, головѣ Михайлѣ Петрова Головина".

Въ Отрывкѣ русской исторіи: „А отъ Нижнихъ воротъ, отъ стараго городища, сіи рѣчь отъ Збойловыхъ воротъ, идѣже нынѣ стоитъ храмъ Николы чудотворца, и изъ Поганыхъ озерокъ приступиша ертоулъ да передовой полкъ".

И такъ мѣстность стараго городища опредѣляется слѣдующими данными: она у р. Казанки вверхъ отъ города, близъ бывшихъ Збойловыхъ воротъ, гдѣ во времена составителя Отрывка стоялъ храмъ Николы чудотворца, и Поганыхъ озерковъ.

Для опредѣленія положенія этихъ сосѣднихъ между собою мѣстностей важнѣйшимъ источникомъ представляется „Списокъ съ писцовыхъ книгъ по гор. Казани окольничева Никиты Борисова, да Дм. Кикина 7074, 7075 и 7076", извлеченіе изъ котораго составлено покойнымъ К. И. Невоструевымъ и по смерти его досталось Казанской Духовной Академіи. Къ сожалѣнію, списокъ, изъ котораго дѣлалъ извлеченіе Невоструевъ, безъ начала и конца, недостаетъ нѣсколькихъ листовъ и въ срединѣ. Казанская Духовная Академія предполагаетъ напечатать это извлеченіе къ будущему въ г. Казани IV Археол. Съѣзду, но предпрія-

тіе это я считаю неудачнымъ, потому что для печати, вмѣсто извлеченія изъ неполнаго списка, можно было бы воспользоваться подлинникомъ этой книги и двумя копіями съ нея, хранящимися въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи (1).

Извлеченіемъ изъ писцовой книги я пользовался по подлиннику, принадлежавшему Невоструеву, который былъ доставленъ Казанской Духовной Академіей въ Предварительный Комитетъ IV Арх. Съѣзда, товарищемъ предсѣдателя котораго я имѣю честь состоять.

Въ писцовой книгѣ Збойловыя ворота упоминаются нѣсколько разъ:

„Въ городѣжъ у Збойловыхъ воротъ, что нынѣ Дмитріевскія ворота, церковь Дмитрія Селунскаго". Дмитріевскія ворота существуютъ понынѣ. Такъ называются, по свидѣтельству автора статей въ Каз. губ. Вѣд. 1856 „Какой видъ имѣла Казань въ XVI столѣтіи?", ворота противъ Пятницкой церкви. Эти ворота стоятъ рядомъ съ пересылочнымъ казаматомъ, на горѣ, на которую надобно подниматься отъ Пятницкой церкви, по довольно крутому и длинному спуску, по этому ворота эти служатъ преимущественно для пѣшеходовъ и мало извѣстны; они ведутъ въ узкій крѣпостный переулокъ, который выходитъ на главную улицу крѣпости, между домами архіерейскимъ и духовной консисторіи.

Дмитріевскія, т. е. Збойловыя ворота, упоминаются еще при опредѣленіи протяженія города (крѣпости) Казани въ длину и поперекъ: „Внутри города, да межъ Воскресенскихъ и Никольскихъ воротъ отъ городовые стѣны, черезъ царевъ старый дворъ, а отъ двора большею улицею, прямо мимо Государевъ дворъ, до Спасскихъ воротъ, вдлину 310 саж., а поперекъ, между Преображенскихъ и Никольскихъ воротъ отъ городовые стѣны, отъ круглые деревянные башни, по Тезицкому врагу, до другіе городовые деревянные стѣны до Дмитровскихъ воротъ 137 саж."

Въ третій разъ Дмитріевскія ворота упоминается, при указаніи дворовъ внутри города, вдоль городской стѣны: „Отъ Дмитріевскихъ воротъ къ Воскресенскимъ воротамъ, подлѣ городовые стѣны дворы, отъ Воскресенскихъ воротъ

(1) Описаніе документовъ и бумагъ хранящихся въ Моск. Архивѣ Министерства Юстиціи, кн. I, Спб. 1869, стр. 81, 82. №821.

къ Никольскимъ дворы, отъ Никольскихъ къ Преображенскимъ воротамъ дворы".

На основаніи двухъ послѣднихъ мѣстъ писцовой книги можно опредѣлить и положеніе другихъ упоминаемыхъ здѣсь воротъ.

Длина крѣпости вычисляется отъ Спасскихъ воротъ, которыя существуютъ понынѣ и очень хорошо извѣстны каждому казанскому жителю—это главный въѣздъ въ крѣпость, съ Воскресенской улицы, до противуположной стѣны крѣпости, т. е. обращенной къ р. Казанкѣ; послѣдняя стѣна показывается въ писцовой книгѣ между Никольскими и Воскресенскими воротами. Никольскими воротами, какъ свидѣтельствуетъ авторъ вышеуказанныхъ статей о Казани въ XVI стол. (ibid), называются болѣе извѣстныя подъ именемъ Тайничныхъ, на углу стѣны, обращенной къ Казанкѣ, слѣдовательно Воскресенскими воротами будутъ находящіяся на противоположномъ углу стѣны въ томъ же направленіи (²), за которыми слѣдуютъ, уже по другому направленію стѣны, именно перпендикулярно къ р. Казанкѣ, Дмитріевскія ворота. Такимъ положеніемъ Воскресенскихъ воротъ вслѣдъ за Дмитріевскими объясняется показаніе писцовой книги дворовъ отъ Дмитріевскихъ воротъ къ Воскресенскимъ. Отъ Никольскихъ воротъ или Тайничныхъ показаны дворы до Преображенскихъ воротъ, слѣдовательно послѣднія ворота находились вслѣдъ за Никольскими, именно по направленію стѣны по Булаку, впадающему въ Казанку, противъ Никольскихъ воротъ. Преображенскія ворота, очевидно, принадлежали Спасо-Преображенскому монастырю, понынѣ существующему въ юго-западномъ углу крѣпости. Отъ городской стѣны между Никольскими и Преображенскими воротами, именно отъ круглой деревянной башни, до Дмитріевскихъ воротъ на противоположной сторонѣ, вычисляется ширина крѣпости. Этимъ также подтверждается, что подъ Дмитріевскими, т. е. Збойловыми воротами, должно разумѣть вышепоказанныя противъ Пятницкой церкви, потому что и въ настоящее время самою широкою линіею крѣпости представляется проведенная отъ

(²) Подтвержденіемъ положенія Воскр. вороть противъ Казанки служитъ другое мѣсто писцовой книги, гдѣ говорится: «на городѣжъ, у р. Казанки, на каменныхъ Воскресенскихъ воротахъ, церковь каменна Воскресеніе Христово». Въ настоящее время этой церкви не существуетъ.

послѣднихъ воротъ до одной изъ каменныхъ башенъ, находящихся на противоположной сторонѣ; послѣдняя башня во время составленія писцовой книги была деревянною, подобно тому, какъ и та часть стѣны, въ которую входили Дмитріевскія ворота.

Опредѣливши такимъ образомъ положеніе Збойловыхъ, нынѣ Дмитріевскихъ воротъ, относительно упоминаемой въ лѣтописяхъ возлѣ этихъ воротъ Никольской церкви, должно замѣтить, что подъ этою церковью разумѣется нынѣ существующая Пятницкая, потому что писцовая книга упоминаетъ въ этомъ мѣстѣ церковь Николая Чудотворца Зарайскаго съ придѣломъ пятницы пречистыя Парасковіи.

Эта церковь показана близъ городской стѣны, подъ горою. Въ связи съ этою церковью упоминается въ писцовой книгѣ и Поганое озеро, которое, и по лѣтописи, находилось близъ этой церкви. Описывая стѣну Казанскаго посада, которая примыкаетъ къ городской (крѣпостной) стѣнѣ, около Воскресенскихъ воротъ, писцовая книга говоритъ: „Вороты острожные выше Воскресенскихъ городовыхъ воротъ, противъ Нижняго Поганова озерка, близко Николы чудотворца Зарайскаго“. Въ другихъ мѣстахъ писцовая книга указываетъ дворы отъ церкви Николы Зарайскаго, на право на большую улицу, къ банѣ къ Поганому озеру, въ проулкѣ у Поганова озерка у бани; отъ бани 12 дворовъ, послѣдній дворъ у церкви Воздвиженія честнаго креста. Баня на Поганомъ озеркѣ показывается въ другомъ мѣстѣ писцовой книги именно на Воздвиженской улицѣ. Упоминаемая въ писцовой книгѣ Воздвиженская церковь соотвѣтствуетъ нынѣ существующей при 1 Казанской гимназіи.

Такое мѣстоположеніе Поганаго озера противорѣчитъ смыслу лѣтописнаго показанія, по которому эта мѣстность была близъ рѣки Казанки, внѣ древней татарской Казани, а данная мѣстность принадлежала самому городу (посадъ) татарской Казани. Курбскій показываетъ Поганое оз. возлѣ самой рѣки Казанки. Описывая мѣстоположеніе Казани, онъ говоритъ, что отъ р. Булака „ровъ копанъ зѣло глубокій, ажъ до озерка, реченнаго Поганаго, еже лежитъ подлѣ самую Казань рѣку“ (3). Какъ увидимъ ниже, ровъ этотъ предполагаютъ

(3) «Сказанія кн. Курбскаго», 3 изд. 1868 г. стр. 16, 17.

шедшимъ отъ Булака по нынѣшней Рыбнорядской черезъ Николаевскую площадь къ Касаткиной улицѣ.

Кажущееся противорѣчіе писцовой книги съ показаніями лѣтописи и Курбскаго объясняется тѣмъ, что подъ именемъ Поганаго разумѣлось нѣсколько озеръ, такъ напр. сама писцовая книга говоритъ: „отъ города, противъ Спасскихъ воротъ, съ площади—улица Спасская, отселѣ на лѣво въ переулокъ, а изъ него къ Поганому озеру, да къ другому Поганому озерку".

Подъ послѣдними озерами можно разумѣть нынѣ существующее Черное озеро, соотвѣтствующее по смыслу названія—Поганому, и лежавшее возлѣ него, нынѣ засыпанное Банное, которое, по указанію нѣкоторыхъ казанскихъ старожилъ, называлось также Поганымъ. Очевидно, что подъ послѣднимъ должно разумѣть то Поганое озеро, при которомъ, по писцовой книгѣ, находилась баня, откуда и произошло названіе этого озера Баннымъ. Тождественность этого озера съ упоминаемымъ въ писцовой книгѣ подтверждается и тѣмъ, что оно находится возлѣ Воздвиженской церкви, близъ которой показано Поганое оз. съ банею и по писцовой книгѣ.

Отрывокъ Русской лѣтописи и Казанская исторія упоминаютъ о Поганыхъ озеркахъ, а не объ одномъ озерѣ; наконецъ писцовая книга Поганое озеро близъ церкви Николы Зарайскаго называетъ Нижнимъ, очевидно въ противоположность другому Верхнему. Это-то Нижнее Поганое оз. и находилось около Казанки, т. е. отъ церкви Николы Зарайскаго (Пятницкой), не на югъ, гдѣ встрѣчается другое Поганое озеро (Банное), а на сѣверъ.

Гдѣ именно находилось это озеро, или озерко, положительно опредѣлить невозможно, существуютъ объ этомъ только предположенія.

Неизвѣстный авторъ статей о Казани въ XVI стол. говоритъ: „Нельзя не обратить вниманія, что между улицами Касаткиной и Поповой горой, по задамъ домовъ, проходитъ нынѣ оврагъ, который простирается до улицы Нижне-Ѳедоровской; такой же оврагъ, скрытый домами, есть и на противоположной сторонѣ Поповой горы: два эти оврага могутъ вести къ разнымъ предположеніямъ, которыя мы не высказываемъ, потому что не можемъ дать имъ вѣроятныхъ

оснований. Неоспоримо только то, что Поганое оз. лежало въ этой сторонѣ и защищало Казань съ сѣв.-востока".

На старыхъ рукописныхъ планахъ г. Казани не только конца XVIII стол., но двадцатыхъ или начала тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, на сѣверо-востокъ отъ Пятницкой церкви сажепяхъ въ 200, между Нижне-Ѳедоровскою улицею и р. Казанкою, подлѣ самой рѣки, показаны три озерка, которыя по своему мѣстонахожденію подходятъ къ Поганымъ озеркамъ, упоминаемымъ близъ самой Казанки и Пятницкой церкви (Николы Зарайскаго).

Можетъ быть, оврагъ, на который указываетъ авторъ статей о Казани въ XVI стол., который идетъ между улицами Касаткиной и Поповой горой до Нижне-Ѳедоровской, представляетъ продолженіе указанныхъ мною озерковъ; наконецъ, можетъ быть, и озеро, нынѣ находящееся за театромъ, принадлежитъ къ ряду этихъ Поганыхъ озерковъ. Послѣднее озеро на старинныхъ планахъ показано въ видѣ только оврага, а не озера.

О Поганомъ озерѣ упоминаютъ русскія лѣтописи, напр. подъ 1506 г., при описаніи несчастнаго похода подъ Казань, когда Русскіе были разбиты Татарами и множество Русскихъ потоплено въ Поганомъ озерѣ; но въ этомъ лѣтописномъ извѣстіи нѣтъ никакихъ данныхъ для опредѣленія мѣстности этого озера (4).

Затѣмъ Поганое озеро упоминается при первомъ походѣ царя Ивана Васильевича въ 1550 г.; русскія войска были расположены кругомъ Казани такимъ образомъ: самъ царь стоялъ у оз. Кабана, большой и передовой полкъ на Арскомъ полѣ, царевичъ Едигеръ, правая и лѣвая рука, сторожевой полкъ за р. Казанкою, нарядъ большой на устьѣ Булака, другой нарядъ у Поганова озера. Здѣсь также нѣтъ данныхъ для опредѣленія мѣстонахожденія озера (5).

Мѣстоположеніемъ Збойловыхъ воротъ, Никольской церкви и Поганыхъ озеръ опредѣляется мѣстность Стараго городища, упоминаемаго въ лѣтописяхъ.

Писцовая книга показываетъ Старое городище въ этой же мѣстности: „Въ Казани же около Казанскова всего по-

(4) Воскр. 346, Никон. VI, 175, 176, Львов. III 287—289, Костр. II 249—252, Соф. I, 51, Соф. II, 245.

(5) Царств. кн. 157, Никон. VI 68, 69, Лѣв. IV 216.

саду крѣпости отъ города Казани отъ городовые деревянные дубовые стѣны, выше Воскресенскихъ воротъ, отъ Нижняго Поганова озерка, горою и по Арскому полю, мимо Стараго Городища и до Булака до Большева".

„Ворота острожные Тульскіе противъ Стараго Городища, на воротахъ башня". Тульскія ворота находились очевидно противъ церкви Николы Тульскаго, находившейся близъ церкви Николы Зарайскаго (Пятницкой), нѣсколько на сѣверо-востокъ; нынѣ церковь Николы Тульскаго входитъ въ ограду Дѣвичьяго монастыря.

Доказательствомъ, что бывшая церковь Николы Тульскаго входитъ нынѣ въ ограду Казанск. Дѣвичьяго монастыря, можетъ служить показаніе „Описанія церквей въ г. Казани", составленнаго бывшимъ профессоромъ Казанск. унив. Солнцовымъ. Описаніе это я нашелъ въ сборникѣ рукописей, принадлежащемъ Дм. Ил. Образцову. Здѣсь сказано о Покровской церкви, что въ ней, по уничтоженіи Николы Тульской церкви, хранятся метрическія тетради, а на мѣсто оной сооружена церковь во имя Чудотв. Николая въ Казанск. Дѣвичьемъ монастырѣ.

Церковь Николы Тульскаго имѣетъ особенную извѣстность въ исторіи Казани, потому что подлѣ нея, на пепелищѣ дома одного воина Онучина, сгорѣвшаго въ великій пожаръ 23 іюня 1579 г., былъ найденъ 8 іюля (того-же года) столь знаменитый чудотворный образъ Божіей Матери, называемой Казанской. На мѣстѣ обрѣтенія иконы, по повелѣнію царя Ивана Васильевича, была построена церковь во имя Богородицы и положено здѣсь начало дѣвичьему монастырю.

О старомъ городищѣ Казани упоминаетъ и Пестриковъ въ описаніи Казани 1739 г. (6): „Монастырь мужеской, на

(6) Геодезистъ Пестриковъ былъ посланъ въ Казань для описанія ея, извѣстнымъ историкомъ В. Н. Татищевымъ, бывшимъ Оренбургскимъ начальникомъ. Выписки изъ «Описанія» Пестрикова напечатаны Рычковымъ въ его «Опытѣ Каз. исторіи» Спб. 1767 и въ Каз. Губ. Вѣд. 1844 № 43 и 46. Но при этомъ должно замѣтить, что первоначальный, подлинный текстъ Пестрикова, является здѣсь съ позднѣйшими дополненіями: въ числѣ училищъ упомянута гимназія: «а для дворянскихъ дѣтей съ потребнымъ числомъ учителей учреждена нынѣ гимназія подъ дирекціею Моск. Императ. Университета». Пестриковъ писалъ за 16 лѣтъ до основанія Москов. унив.

старомъ Казанскомъ городищѣ. Въ немъ церковь Живоначальныя Троицы, освящена 7208 г. Придѣлъ великомученика Ѳеодора Стратилата". Это нынѣ упраздненный Ѳедоровскій монастырь, который находится тоже въ описанной мѣстности на берегу Казанки.

Артемьевъ предполагаетъ, что именно здѣсь, у этого монастыря, стоялъ отрядъ Головина при началѣ приступа къ Казани ([7]).

2. Старое городище на мѣстѣ Зилантова монастыря, по предположенію Арцыбышева. Въ 1822 г. Арцыбышевъ въ „Вѣстникѣ Европы" № 21 помѣстилъ статью подъ заглавіемъ „О старомъ Городищѣ Казани", въ которой доказываетъ, что городище было на мѣстѣ нынѣшняго Зилантова монастыря.

Арцыбышевъ основывается на вышеприведенномъ мѣстѣ Казанской исторіи объ основаніи Казани, послѣ истребленія змѣй, при чемъ сказано: „и симъ образомъ очистивъ мѣсто царь Саинъ и возгради на мѣстѣ томъ градъ Казань".

„Сіе баснословное преданіе, говоритъ Арцыбышевъ, не истребилось еще и нынѣ; если спросить у казанскихъ простолюдиновъ: гдѣ жилъ нѣкогда большой змѣй? То они укажутъ на пещеру, бывшую при Зилантовомъ монастырѣ. Пещера нынѣ осыпалась, а была къ сѣверу, за оградою монастыря, въ горѣ, на которой онъ стоитъ" ([1]).

Съ этимъ извѣстіемъ Казанской исторіи, подтверждаемымъ преданіемъ, Арцыбышевъ неправильно соединяетъ извѣстіе лѣтописей объ отрядѣ Головина у стараго городища на р. Казанкѣ, который, какъ сказано въ лѣтописяхъ, стоялъ выше отряда кн. Ромодановскаго, за Казанкою близь Бежбольды; а Зилантовъ монастырь, какъ поясняетъ Арцыбышевъ, по теченію Казанки выше Бежбольды.

Арцыбышевъ ограничивается только этимъ извѣстіемъ лѣтописей о старомъ городищѣ и не обращаетъ вниманія на болѣе подробное объясненіе мѣста отряда у стараго городи-

---

([7]) «Нѣчто для исторіи Казани». Каз. Губ. Вѣд. 1844, № 15.

([1]) Самое названіе монастыря Зилантовымъ указываетъ на это преданіе: зиланъ=змѣя, тау=гора. Рыбушкинъ (Ист. Каз. 1 изд. стр. 68, 2 изд. 89, 90), кромѣ пещеры, въ которой жилъ змѣй, указываетъ на озеро, называемое Змѣинымъ, которое существуетъ понынѣ подъ горою съ сѣв. стороны и называется потому, что змѣй утолялъ въ немъ жажду.

ща, хотя объясненіе это встрѣчается и въ Казанской исторіи, изъ которой онъ заимствовалъ извѣстіе объ основаніи Казани.

Затѣмъ Арцыбышевъ, согласно съ Казанскою исторіею, указываетъ на взятіе и разореніе Казани кн. Юріемъ Дмитріевичемъ и возникновеніе ея при Улу Мухаммедѣ, послѣ того, какъ она сорокъ лѣтъ была почти непаселенною.

Выше было приведено опроверженіе этого г. Вельяминовымъ-Зернювымъ.

Казанская исторія говоритъ, что Улу Мухаммедъ „поставя себѣ древяный градъ крѣпокъ на новомъ мѣстѣ, крѣпчайшій стараго, педалече отъ старыя Казани, раззоренныя отъ Московской рати". Арцыбышевъ поясняетъ, что городъ на новомъ мѣстѣ—настоящая Казань, недалеко отъ Старой: отъ Зилантова монастыря до Казани почти 4 версты.

Объяснивши мѣсто стараго городища Казани, на основаніи показаній писцовой книги и Нестрикова и указавши на неправильное объясненіе Арцыбышевымъ мѣста городища, должно объяснить и то, въ какомъ смыслѣ должно разумѣть это старое городище, потому что извѣстно, что старымъ городищемъ Казани была Иски-Казань.

Артемьевъ (²) говоритъ: „одни полагаютъ, что Казань возникла первоначально тамъ, гдѣ теперь красуется Зилантовскій монастырь; другіе думаютъ, что она развивалась съ противоположнаго конца, именно отъ того мѣста, которое называется старымъ Городищемъ и гдѣ нынѣ стоитъ Ѳедоровская церковь, до 1842 г. бывшая монастыремъ. А между тѣмъ, въ 40 верст. отъ нынѣшней Казани есть урочище извѣстное какъ Русскимъ, такъ и Татарамъ, подъ именемъ Старой Казани (Иски-Казанъ)".

Это заявленіе Артемьева я нахожу совершенно лишнимъ: городище при Ѳедоровской церкви или Зилантовомъ монастырѣ никто не сопоставлялъ съ Иски-Казань. Послѣдняя была древнѣйшимъ мѣстомъ жилища тѣхъ, которые впослѣдствіи переселились ближе къ устью Казанки, на мѣсто нынѣшней Казани; подъ Старымъ городищемъ Казани разумѣется мѣсто первоначальнаго города, т. е. укрѣпленія переселенцевъ изъ Иски-Казань, замѣненное впослѣдствіи

(²). «Древній г. Жукотинъ». Ж. М. Вн. Дѣлъ 1851, ч. XXXIII. стр. 60, 61.

новымъ, которое, какъ увидимъ, соотвѣтствовало нынѣшней крѣпости.

3. Городъ и посадъ до послѣдней осады Казани. Въ первый разъ о Казанскомъ посадѣ лѣтописи упоминаютъ при описаніи похода 1469 г.: „И вышедъ изъ судъ, поидоша на посадъ, а Татаромъ Казанскимъ всѣмъ еще спящимъ, и повелѣша трубити, а Татаръ начаша сѣчи, и грабити и въ плѣнъ имати; а что полонъ былъ туто на посадѣ христіанской, Московской и Рязанской, Литовской, Вятской и Устюжской, и Перьмской и иныхъ прочихъ городовъ, тѣхъ всѣхъ отполониша; а посады ихъ всѣ съ всѣ стороны зажгоша. Мнози же Бесермени и Татара не хотяще ся дати въ руки христіаномъ, а блъшее желяще по мнозѣмъ богатствѣ своемъ и запирающеся надъ своимъ добромъ въ храмѣхъ своихъ и съ женами и зъ дѣтьми и съ свѣмъ, что у нихъ есть, и тако изгорѣша. Погорѣвшимъ же посадомъ и рать отступи отъ города“ (1).

Изъ этого мѣста лѣтописи видно, что посадъ или посады Казани были съ большимъ населеніемъ; здѣсь помѣщались дома богатыхъ казанцевъ.

Посадъ былъ не укрѣпленъ, поэтому его легко было взять врасплохъ.

Подъ посадомъ въ собственномъ смыслѣ въ древней Россіи разумѣли часть города въ обширномъ смыслѣ, прилегающую къ городскому укрѣпленію, крѣпости, кремлю, городу въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ. Но иногда и посады укрѣплялись валами, рвами, стѣнами, острогами. Древнерусскій посадъ соотвѣтствовалъ тому, что на западѣ называется city, cité, Stadt, miasto, mesto; а городъ въ собственномъ смыслѣ соотвѣтствовалъ—Bourg, hrad, grod. Русскіе придавали и частямъ татарскаго города Казани названія города и посада; Курбскій, писавшій подъ вліяніемъ польскаго языка, противополагаетъ въ Казани градъ—мѣсту, т. е. посаду (польск. miasto), мѣскій, посадскій (польскій mieski)—градскому.

Но рядомъ съ употребленіемъ названія города въ тѣсномъ смыслѣ лѣтописи употребляютъ это названіе и въ обширномъ смыслѣ, такъ напр. въ указанномъ мѣстѣ лѣтописи: „Погорѣвшимъ же посадомъ и рать отступила отъ города“. Наконецъ иногда называли городомъ посадъ.

(1) Воскр. 156, Ник. VI, 10, 11.

Подъ 1500 г., при извѣстіи о приходѣ подъ Казань Нагайцевъ, лѣтописи говорятъ: „стояху подъ городомъ три недѣли. Царь же Казанскій повелѣ около города нарядити острогъ, и по вся дни выходя изъ града съ Ногаи бой твориху“ (2). Здѣсь подъ городомъ, укрѣпленнымъ острогомъ, разумѣется посадъ.

При послѣдующихъ походахъ Русскихъ лѣтописи говорятъ объ укрѣпленномъ Казанскомъ посадѣ.

При описаніи похода 1530 г.: „Выидоша (Татары) противо ихъ (Русскихъ) изъ града, и бысть бой великъ между обоихъ, и Божіею милостію великаго князя въеводы царя побили, и острогъ у нихъ по Булаку взяша, и многыхъ людей Казанскихъ побиша, а иныхъ живыхъ перемаша; такоже въ острозѣ многыхъ Татаръ и женъ ихъ и дѣтей и Черемисы безчисленно побиша, а иныхъ плѣниша, и пушки и пищали у нихъ поимаша, а царь не въ мнозѣ утече въ градъ. И въеводы великаго князя сташа около града и повелѣша по граду изъ пушекъ и пищалей бити; и выѣхаша изъ града бити челомъ“ (3).

Здѣсь острогъ въ смыслѣ укрѣпленнаго острогомъ посада противополагается городу. Такимъ образомъ видимъ, что подъ названіемъ, собственно принадлежащемъ укрѣпленію, разумѣется пространство, заключающееся въ этомъ укрѣпленіи, подобно тому какъ и названіе городъ въ смыслѣ населеннаго мѣста происходитъ отъ города, въ смыслѣ укрѣпленія, городьбы.

Извѣстіе о казанскомъ острогѣ или посадѣ въ 1530 г. представляетъ опять доказательство огромнаго населенія въ посадѣ; затѣмъ это извѣстіе опредѣляетъ и мѣстонахожденіе острога или посада—по р. Булаку.

Подробности о взятіи казанскаго острога или посада въ 1530 г., передаваемыя „Казанскою исторіею“, представляютъ границы посада, опредѣляя его мѣстонахожденіе (4).

„И слышавъ казанскій царь Сафагирѣй великихъ воеводъ московскихъ въ велицей силѣ идущихъ, и посла во

(2) Воскр. 240, Никон VI, 163.

(3) Воскр. 273, Ник. VI 235.

(4) При передачѣ этихъ подробностей, кромѣ печатной Казанской исторіи, я пользовался своими рукописями. Текстъ я передаю по одной изъ древнѣйшихъ и исправнѣйшихъ моихъ рукописей.

вся улусы казанскіе по князей и мурзъ, веля имъ въ Казань собиратися изъ вотчинъ своихъ и приготовившимся сѣсти въ осаду... Загна же и Черемису ближнюю многую и повелѣ имъ дѣлати подле Булаку острогъ и по Арскому полю, отъ Булака же до Казани рѣки, и кругъ его ровъ копати по за острогу (5), да въ немъ сядеть Черемиса съ прибылыми вои, яко граду помощь будетъ и посады отъ запаленія огня цѣлы будутъ... Градъ бо Казань за умаленія пространствія своего всего народу своего не може въ себѣ вмѣстити съ прибылыми людьми. И содѣлану бывшу острогу повелѣніемъ царевымъ крѣпку и велику, съ каменіемъ и землею, двѣма же концами ко граду притчеку (въ другомъ спискѣ: „приведену бывшу“) (6), и собравшеся воеводы казанскіе сѣдоша въ немъ съ силою своею, съ Нагап и Черемисою; а царь во градѣ затворися съ народомъ градскимъ и со избранными бойцы съ немногими“.

Затѣмъ „Исторія“ сообщаетъ, что московское войско, послѣ сильной битвы съ Татарами, стояло цѣлое лѣто подъ городомъ, дѣлая каждый день приступы „къ городу и острогу“, къ вечеру Русскіе удалялись въ свои станы. Но однажды ночью, когда одинъ сторожъ на стѣнѣ крѣпко уснулъ, 10 русскихъ юношей, взявши съ собою пороху, подползли къ стѣнѣ, подложили порохъ и подожгли его; острогъ загорѣлся. Тогда русскія войска бросились на острогъ, проломили ворота; спавшіе въ острогѣ вскочили въ испугѣ, множество ихъ перебито—6000 Казанцевъ, Черемисы и Ногасъ. Крѣпкій острогъ былъ взятъ, посады погорѣли.

Далѣе разсказывается о гибели сильнаго татарскаго воеводы, который наводилъ страхъ на русское войско, Аталыка. Во время нападенія Русскихъ онъ спалъ въ шатрѣ съ женою на дворѣ своемъ; въ одной сорочкѣ, безъ оружія онъ бросился на коня, „хотя въ градъ убѣжати, и понесъ конь его изъ острога на Булакъ, на поле, аки крылатъ рѣку прелетѣ; онъ же отъ страха не удержался и спаде съ коня своего.... и ту на брезѣ убиша Аталыка“.

---

(5) Въ другомъ моемъ спискѣ: «дѣлати острогъ подлѣ рѣки Булака около посадовъ и по Арскому полю, отъ Булака же рѣки и до рѣки Казанки, и позади острогу крутыя горы выкопати».

(6) Въ печатномъ изданіи Казанской исторіи не упоминается о томъ, что острогъ двумя концами примыкалъ къ городу.

Царь казанскій бѣжалъ изъ города. Русскіе воеводы, взявши выходы и оброки со всего Казанскаго царства впередъ за три года, отступили отъ Казани. Взяли только острогъ, говоритъ неизвѣстный сочинитель, но могли бы взять и городъ: „стояше бо градъ три дни отворенъ и пустъ“. Сочинитель объясняетъ, что главный воевода взялъ съ Казанцевъ взятку.

Изъ разсказа Казанской исторіи видно, что острогъ шелъ около посада по Булаку и отъ Булака до Казанки по Арскому полю; со стороны, противоположной послѣднему— по Казанкѣ, острогъ не упоминается, слѣдовательно здѣсь не было надобности въ его устройствѣ, здѣсь стоялъ городъ въ собственномъ смыслѣ, уже съ готовыми и болѣе сильными укрѣпленіями, къ которымъ съ двухъ сторонъ примыкалъ острогъ. Изъ разсказа о гибели Аталыка видно, что за Булакомъ начиналось поле.

Далѣе посадъ, въ противоположность городу, Казанская исторія упоминаетъ подъ 1546 г., говоря, что когда въ Казань пришель Шахъ-Али съ русскимъ воеводою, послѣднему „дали дворы стояти за городомъ на посадѣ“, и не пускали воеводу ѣздить къ царю.

Подъ 1551 г. русскія лѣтописи говорятъ о нападеніи на Казанскій посадъ одного изъ отрядовъ русскаго войска, отправившагося для основанія новаго г. Свіяжска. Русскіе напали на посадъ врасплохъ, „безвѣстно“, побили многихъ людей и живыхъ попмали и полону русскаго много отполонили (7).

Когда Казанцы въ 1552 г. просили въ Москвѣ послать оттуда для управленія Казанью царскихъ намѣстниковъ, то говорили, что бы Государь „кому велитъ въ городѣ и на посадѣ жити, про тѣмъ жити, а инымъ всѣмъ по селамъ“ (8).

Но когда, по просьбѣ Казанцевъ, русскіе воеводы прибыли въ Казань, оказалось, что тамъ послѣдовала измѣна. Когда бояре пріѣхали къ городу, ихъ встрѣтили на Булакѣ и извѣстили о измѣнѣ; когда бояре пріѣхали къ царевымъ воротамъ, ворота были заперты, а люди бѣжали на го-

(7) Царств. кн. 166., Никон. VII, 76, Лѣв. IV, 230.

(8) Царств. кн. 194, Ник. VII, 96, Лѣв. IV, 267, 268.

родъ. Бояре посылали въ городъ спросить: за что такъ измѣнили? и указывали на свою правду: „мы на чемъ дали, на томъ и нынѣ, на посадѣ въ тѣ поры со всѣми животы люди живутъ, и бояре не хотя погрѣшить крестнаго цѣлованія ни одному человѣку лиха не учинили“. Бояре простояли у воротъ весь день, до полудня ссылались съ городомъ; наконецъ пошли назадъ, „а посаду не жгли и не воевали“ (9).

4. Посадъ и городъ во время осады Казани въ 1552 г. Ровъ со стороны Арскаго поля и Тезицкій ровъ. Мѣстными историками было заявлено, что въ послѣдній походъ Грознаго о посадѣ нигдѣ не упоминается. „Какъ будто эта многолюдная, говоритъ авторъ статей о Казани XVI стол., хотя и не укрѣпленная часть древней Казани, вовсе не существовала: это молчаніе лѣтописцевъ объясняется только тѣмъ предположеніемъ, что Казанцы, начиная послѣднюю борьбу съ Русскими, сами сожгли свои посады, прежде чѣмъ Московскіе полки пришли къ стѣнамъ города“ (1).

Противъ этого заявленія должно замѣтить во первыхъ, что предположеніе о возможности сжечь многолюднѣйшую и обширнѣйшую часть города представляется невозможнымъ; во вторыхъ, изъ всѣхъ предыдущихъ извѣстій о посадѣ видно, что онъ былъ укрѣпленъ острогомъ и рвомъ, а не былъ неукрѣпленною частью города, какъ говоритъ авторъ; въ третьихъ, существуютъ несомнѣнныя доказательства о существованіи посада и во время осады 1552 г.

Курбскій постоянно противополагаетъ градъ мѣсту, т. е. посаду, называя послѣдній по польски (miasto). Курбскій опредѣляетъ мѣстоположеніе мѣста и града (стр. 16, 17); говоритъ, что Русскіе обступили мѣсто и градъ (стр. 18), что „дѣла“ (пушки) были поставлены близъ граду и мѣста (стр. 19), что „вежа“ (башня) вредила мѣсту и граду (стр. 25), что русское войско во время послѣдняго приступа ударило на мѣсто и градъ (стр. 26) (2).

(9) Царств. кн. 199—201, Ник. VII, 99, 100, Лъв. IV, 275—277.

(1) Каз. Губ. Вѣд. 1856, № 44. Тоже повторяетъ авторъ статьи «Историческій очеркъ Каз. губ.» въ Памятн. кн. Каз. губ. на 1861 и 1862 г.

(2) Но иногда Курбскій употребляетъ названіе градъ въ обширномъ смыслѣ (стр. 20, 25, 29); одинъ разъ онъ употребляетъ и слово мѣсто въ обширномъ смыслѣ города (стр. 16).

И въ русскихъ лѣтописяхъ посадъ упоминается одинъ разъ во время послѣдней осады: „Царю благочестивому, съ нимъ князю Владимеру Андреевичу съ своими полки стати противъ царскихъ воротъ на посадѣ отъ кладбища“ (3).

Курбскій (стр. 16, 18) такъ опредѣляетъ мѣстоположеніе Казани: „Стоитъ оный градъ и мѣсто не на Волгѣ, но рѣка подъ нимъ, Казань реченная, отъ нея жъ и пареченъ.... Егдажъ пріидохомъ близу мѣста Казанскаго еже въ великой крѣпости лежитъ: съ востоку отъ него идетъ Казань рѣка, а съ западу Булакъ рѣчка, зѣло типовата и непроходима подъ самое мѣсто течетъ и впадаетъ подъ угольную вежу въ Казань рѣку; а течетъ изъ озера Кабана глаголемаго, не малаго, которое озеро кончится аки полверсты отъ мѣста; и якъ преправитися тую нужную рѣчку, тогда между езеромъ и мѣстомъ лежитъ съ Арскаго поля гора зѣло прикрая и ко восхожденію нужная. А отъ тое рѣки, около мѣста, ровъ копанъ, зѣло глубокій, ажъ до езерка, реченнаго Поганаго, еже лежитъ подлѣ самую Казань рѣку; а отъ Казани рѣки гора такъ высока, иже окомъ воззрити прикро: на ней же градъ стоитъ и палаты царскія и мечети зѣло высокія, мурованныя, идѣже ихъ умершіе царіе клались числомъ памятамися пять ихъ“.

Сравнивая это описаніе Курбскаго съ извѣстіемъ „Казанской исторіи“ объ острогѣ по Булаку и Арскому полю, который упирался двумя концами въ укрѣпленія города, мы видимъ, что Курбскій и Казанская исторія одинаково описываютъ мѣстоположеніе Казани. Тотъ и другая указываютъ и на особенныя укрѣпленія по р. Казанкѣ, на городъ въ собственномъ смыслѣ.

Казанская исторія говоритъ о рвѣ, который шелъ кругомъ всего острога, а Курбскій обращаетъ вниманіе на ровъ только отъ Булака до р. Казанки, по Арскому полю. Русскія лѣтописи, согласно съ Казанскою исторіею, при описаніи осады 1552, упоминаетъ еще ровъ и около стѣны по Булаку; но особенное значеніе ровъ долженъ былъ имѣть именно со стороны Арскаго поля, гдѣ не было естественныхъ преградъ, подобныхъ Казанки и Булаку. По этому, особенно къ этой мѣстности относятся слова одного списка Казанской исторіи: „и позади острогу крутыя горы выкопати“.

(3) Царств. кн. 298, Пик. VII 172.

Вѣроятно, преимущественно со стороны Арскаго поля, старались объ углубленіи рва; послѣ 1530, къ которому относятся слова Казанской исторіи, этотъ ровъ къ 1552 г., можетъ быть, еще болѣе углубленъ.

Казанка, Булакъ, Кабанъ, Арское поле—извѣстны; должно только опредѣлить направленіе рва отъ Булака до Погапаго озера; мѣстоположеніе послѣдняго было уже опредѣлено.

Авторъ статей о Казани въ XVI стол. говоритъ, что „даже теперь еще можно прослѣдить направленіе рва: онъ шелъ вдоль Рыбнорядской улицы, чрезъ Николаевскую площадь, между почтовой конторой и театромъ, къ улицѣ Косаткиной; на этомъ пространствѣ мы видимъ нынѣ рядъ углубленій, идущихъ между двумя возвышенностями: эти-то углубленія и есть древній ровъ, который въ послѣдствіи мѣстами былъ разширенъ, мѣстами засыпанъ. Но около Косаткиной улицы слѣдъ его теряется, и чтобъ опредѣлить его дальнѣйшее направленіе, надобно знать, гдѣ находилось Поганое озеро“ (4).

Курбскій (стр. 27) такъ описываетъ мѣстоположеніе г. Казани: во время приступа, когда Русскіе вошли со стороны Арскаго поля въ городъ, т. е. собственно посадъ, „царь Казанскій съ дворомъ своимъ уступя, аки въ половину мѣста, застановился на Тезицкомъ рвѣ (по нашему, на купецкомъ), біющесь крѣпцѣ съ христіаны; бо того мѣста двѣ части, аки на равпинѣ, на горѣ стоятъ, а третія часть зѣло удольна, аки въ пропасти; а поперегъ, аки въ половину мѣста, отъ стѣны Булака ажъ до дольныя части мѣста, ровъ не малый. А мѣсто оно не мало: мало что отъ Виленскаго мнѣйше“.

„Мы узнаемъ эту мѣстность и теперь, говоритъ авторъ статей о Казани въ XVI стол.: двѣ возвышенныя части города, раздѣленныя рвомъ, занимали ту длинную гору, на которой расположены нынѣшній кремль нашъ и Воскресенская улица; только эта гора теперь значительно обрыта (особенно при съѣздахъ съ Воскресенской улицы), тогда какъ въ древности она далеко простиралась въ ширину, преимущественно въ направленіи къ Булаку, и оканчивалась крутизнами, слѣды чего можно видѣть еще и нынѣ.

(4) Каз. Губ. Вѣд. 1856, № 43.

Ровъ, раздѣлявшій эту гору на двѣ почти равныя половины, шелъ, по выраженію Курбскаго, „отъ стѣны Булака“ (отъ стѣны, идущей по берегу Булака), между Іоанновскимъ монастыремъ и Спасскою башнею, къ такъ называемому Банному озеру, которое теперь засыпано. Трудно сказать, былъ ли этотъ ровъ искусственный, или—что намъ кажется справедливѣе—это было естественное углубленіе, раздѣлявшее двѣ горы. Третія „удольная“ часть города лежала къ востоку отъ горной части, занимая пространство между Николаевскою площадью (прежде—Кузнечнымъ рядомъ), улицей Касаткиной и церквами Евдокіинской и Пятницкой“ ([5]).

Тезицкій ровъ видѣнъ на планахъ конца прошедшаго столѣтія и двадцатыхъ или начала тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, черезъ этотъ ровъ на планахъ показанъ каменный мостъ, передъ въѣздомъ въ крѣпость, черезъ Спасскія ворота.

Рыбушкинъ говоритъ: „нынѣ ровъ этотъ уничтоженъ, по случаю спуска горы отъ Іоанновскаго монастыря на Проломную улицу“ ([6]).

5. Воображаемая Каницомъ и другими окружная черта татарской Казани. Каницъ, составляя планъ осады Казани въ 1552 г. ([1]), скоро замѣтилъ трудность сво-

([5]) Ibid.

([6]) «Казанская Исторія г. Казани», 2 изд., стр. 69.

([1]) Каницъ былъ директоромъ Казан. гимназіи во время нашествія Пугачева. Планъ его хранится въ Военно-топогр. Депо и въ уменьшенномъ размѣрѣ приложенъ къ сочиненіямъ Курбскаго («Сказанія кн. Курбскаго» Спб. 1868). Прежде этотъ планъ былъ напечатанъ при первомъ изданіи соч. Рыбушкина «Краткая исторія г. Казани», Каз. 1834 г. Рыбушкинъ не говоритъ, откуда онъ получилъ этотъ планъ, и сообщаетъ только, что Каницъ передалъ его Казанскому митрополиту Веніамину. Неизвѣстный авторъ статей въ Каз. Губ. Вѣд. 1856 г. о Казани въ XVI стол. говоритъ, что, не смотря на всѣ старанія, онъ не могъ отыскать въ Казани другаго экземпляра этого плана (Каз. Губ. Вѣд. 1855, № 34); затѣмъ онъ говоритъ: «мы видѣли еще планъ другой Казани, тотъ же самый, что и Рыбушкина, только большаго размѣра. По частнымъ извѣстіямъ, онъ приписывается Яковкину, бывшему директору Казанск. гимназіи». Изъ послѣднихъ словъ неизвѣстнаго автора видно, что онъ нашелъ въ Казани планъ Каница, названіе же Яковкина вмѣсто Каница представляется только недоразумѣніемъ, смѣшеніемъ одного директора Каз. гимназіи съ другимъ.

его предпріятія, по недостатку данныхъ, которыя опредѣляли бы древнее положеніе г. Казани. Онъ говоритъ: „городъ, по завоеваніи не менѣе одного столѣтія, троекратно почти весь сгорѣлъ, съ коимъ 1734 г. погорѣла также и древняя архива; послѣ каждаго пожара получалъ онъ перемѣнный видъ; сіи перемѣны и наконецъ злоключеніе въ 1774 г. сдѣлали древнее его состояніе совсѣмъ безъизвѣстнымъ; у здѣшнихъ жителей не сохранилось никакихъ достовѣрныхъ извѣстій; старѣйшіе изъ нихъ только знали еще показать нѣкоторыя мѣста, гдѣ прежде стояли остатки древнихъ башенъ и воротъ; преданія здѣшнихъ Татаръ были весьма невѣроятны и баснословны“ (²).

Указаніемъ направленія древней татарской городской стѣны, по Каницу, служитъ направленіе крестныхъ ходовъ съ чудотворною иконою, приносимою изъ Седміозернаго монастыря. „Ходъ съ симъ образомъ начатъ былъ во время мороваго повѣтрія, вкругъ деревянныхъ стѣнъ города, которыя тогда еще въ совершенномъ своемъ состояніи были; а когда тое повѣтріе миновалось, то получили они навсегда письменное учрежденіе, чтобъ ежегодно около города съ образомъ одинъ разъ точно тою жъ дорогою обходить, и у каждыхъ воротъ онаго служить литію; а какъ они сіе древнее учрежденіе донынѣ съ точностью исполняютъ, и каждаго лѣта моленіе совершаютъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ были прежнія ворота: то чрезъ сіе получено первое надежное вѣдѣніе къ познанію окружности древняго города“.

Крестный ходъ съ чудотворною иконою бываетъ два раза: 2 и 20 іюля. Въ первый разъ идутъ изъ крѣпости

Каницъ составилъ и «Изъясненіе» къ своему плану, эта статья Каница взошла въ составъ «Сборника древностей Каз. епархіи» Платона Любарскаго и напечатана въ Православномъ Собесѣдникѣ 1868 г., августъ.

Сравнивая «Изъясненіе» съ планомъ въ «Сказ. кн. Курбск.», встрѣчаемъ на послѣднемъ тѣ нумера и буквы, которыми обозначаетъ Каницъ въ своемъ «Изъясненіи» разныя мѣстности; но къ сожалѣнію—только не всѣ нумера и буквы, вслѣдствіе чего положеніе нѣкоторыхъ мѣстностей остается безъ объясненій Каница.

У Рыбушкина встрѣчается обозначеніе на планѣ только городскихъ воротъ и при томъ не подъ тѣми знаками, которые употребляетъ самъ Каницъ.

(²) «Краткое Изъясненіе плана» въ Правосл. Собесѣдн. 1868, авг.

къ Іоанновскому монастырю и мимо его за Булакъ, гдѣ совершаются литіи противъ соборовъ Успенскаго и Владимірскаго; затѣмъ, поворотя въ проулокъ, выходятъ на Варлаамскую улицу, идутъ мимо Варлаамской церкви, пройдя ее, поворачиваютъ на Сѣнную площадь, гдѣ бываетъ также литія; черезъ Сѣнную площадь идутъ за Татарскій мостъ, на Проломную, гдѣ противъ церкви Богоявленія, поютъ литію; по Проломной возвращаются въ Іоанновскій монастырь.

Двацатаго іюля крестный ходъ останавливается для литіи у Спасскихъ воротъ и направляется по Проломной на Рыбную площадь, гдѣ, противъ дома г. Перцова, поютъ литію; затѣмъ чрезъ Николаевскую и Театральную площади, останавливаясь на послѣдней для литіи, идутъ къ Ѳедоровскому монастырю, въ которомъ бываетъ литія и совершается литургія; по окончаніи послѣдней, крестный ходъ возвращается въ крѣпость по Нижне-Ѳедоровской и Засыпкиной.

Сообразно съ направленіемъ перваго крестнаго хода, Каницъ представляетъ на своемъ планѣ древнюю Татарскую Казань по обѣимъ сторонамъ Булака, стѣны и башни ея выходятъ далеко за Булакъ.

Но я уже приводилъ извѣстіе „Казанской исторіи“, что въ 1530 г. за Булакомъ начиналось поле, что острогъ шелъ по Булаку; тоже мы видимъ и во время осады 1552 г.: Русскіе стали по рву города и утвердили туры „за 50 саж. отъ города, отъ р. Булака и поворота“, подкопъ сдѣлали между Аталыковыхъ и Тюменскихъ воротъ отъ Булака рѣки (3).

Курбскій говоритъ, что Булакъ протекалъ подъ городомъ, а не среди города, какъ показано на планѣ Каница.

Все это показываетъ, что татарскія укрѣпленія оканчивались передъ Булакомъ, а по другую сторону его не было никакой стѣны, вопреки предположенію Каница и тѣхъ, которые его повторяли (Рыбушкинъ). Съ этимъ вмѣстѣ оказывается, что планъ осады Казани, составленный Каницомъ, въ отношеніи къ мѣстности за Булакомъ не вѣренъ, обозначенная на этомъ планѣ стѣна съ воротами находилась по другую сторону Булака.

---

(3) Царств. кн. 272, 284; Никон. VII, 157, 163.

Ошибка Капица произошла по недоразумѣнію: Капицъ основывался на направленіи крестнаго хода кругомъ древней городской стѣны; но онъ не принялъ во вниманіе, что моровая язва, со времени которой начались крестные ходы, была въ 1654 г., черезъ 100 лѣтъ послѣ завоеванія Казани, въ то время стѣна Казани могла проходить за Булакомъ, по указанному направленію; но изъ этого не слѣдуетъ, что и стѣна татарской Казани до 1552 г. шла въ томъ же направленіи, что и въ 1654 г.

На этихъ же данныхъ возражаетъ Капицу и Рыбушкину авторъ статей о Казани XVI стол., который предполагаетъ, что Булакъ весь находился впѣ городской стѣны. „Близкій къ крѣпости при впаденіи своемъ въ Казанку, такъ что протекалъ почти подъ самою стѣною, онъ, чѣмъ болѣе приближался къ Кабану, тѣмъ болѣе отдалялся отъ него“ (4).

Въ другомъ мѣстѣ неизвѣстный авторъ такъ представляетъ очертаніе древняго татарскаго города: „Почти отъ самаго угла, образуемаго впаденіемъ Булака въ Казанку, то поднимаясь на крутизны, то опускаясь въ увалы, шла темная деревянная стѣна древней крѣпости съ своими тяжелыми воротами, деревянными башнями и стрѣльницами; къ югу, вверхъ по Булаку, но отклоняясь отъ него влѣво по мѣрѣ приближенія къ Кабану, она простиралась до Богоявленской церкви; къ востоку, по берегу Казанки, и также постепенно отступая отъ нея—до церкви Евдокіинской. Отъ Богоявленской церкви она поворачивала на сѣверовостокъ и шла вдоль Рыбнорядской улицы и черезъ Николаевскую площадь, до улицы Покровской (5), гдѣ были Ар-

---

(4) Каз. Губ. Вѣд. 1856, № 43. Въ другомъ № 41 онъ спрашиваетъ: «Дѣйствительно ли крестный ходъ, во время существованія древней крѣпости, совершался подлѣ самыхъ стѣнъ ея, и не отклонялся ли онъ иногда въ сторону, или отъ расположенія улицъ въ посадахъ и слободахъ, или для того, чтобы пройти мимо какой нибудь церкви или монастыря, которые могли быть и внѣ городскихъ стѣнъ. Направленіе этихъ ходовъ, въ теченіи времени, не подверглось ли измѣненіямъ? Напр. прежде дѣлали поворотъ на Сѣнную площадь отъ Варлаамской церкви, но въ нынѣшнемъ году священное шествіе прошло мимо этой церкви въ прямомъ направленіи до церкви Тихвинской и черезъ ея ограду и узкій переулокъ, вышло на площадь».

(5) Эта улица прежде называлась Арскою.

ская башня и Арскія ворота; отъ Евдокіинской ц. она также дѣлала поворотъ на юго-востокъ, и въ этомъ направленіи простиралась до тѣхъ же Арскихъ воротъ“ ([6]).

Позднѣйшіе мѣстные изслѣдователи казанской старины повторяютъ слово въ слово неизвѣстнаго автора, не указывая на него ([7]).

6. Посадъ—предполагаемый на Арскомъ полѣ и за Булакомъ. Все указанное пространство древней Казани неизвѣстный авторъ статей о Казани въ XVI ст. считаетъ городомъ въ собственномъ смыслѣ и отыскиваетъ еще мѣстонахожденіе посада, который, по его мнѣнію, былъ сожженъ самими Татарами, передъ послѣднимъ походомъ Русскихъ.

„Гдѣ именно находился казанскій посадъ до 1552 г., на это мы не имѣемъ ясныхъ указаній: всего естественнѣе та мысль, что онъ занималъ часть Арскаго поля, слѣдовательно находился на мѣстѣ нынѣшнихъ улицъ Старой Горшечной, Рядской и Красной; другая часть посада могла находиться за Булакомъ, именно въ той чертѣ, гдѣ Каницъ, Рыбушкинъ и другіе мѣстные историки наши проводили стѣну древней крѣпости“. Подтвержденіемъ своему предположенію авторъ считаетъ выраженіе Казанской исторіи „дѣлати острогъ около посаду и по Арскому полю“, и употребленное въ этой исторіи слово посадъ во множественномъ числѣ, что указываетъ на отдѣльныя группы домовъ около городскихъ стѣнъ. Затѣмъ авторъ указываетъ на данную грамоту 1555 г. архіепископу Гурію ([1]), въ которой упоминаются городъ и посадъ, на послѣднемъ архіепископу дано мѣсто—„у Николы чудотворца за торгомъ, къ Петру

([6]) Каз. Губ. Вѣд. 1856, № 46

([7]) Напр. авторъ статьи» Историч. очеркъ Каз. губ.» въ Памятн. кн. 1861 г., который только, вмѣсто направленія стѣны по Рыбнорядской улицѣ, говоритъ, что она шла мимо университета и клиники. Но послѣднее не справедливо, не только по соображенію съ направленіемъ крестнаго хода, но и выше указанными по Рыбнорядской слѣдами рва, который составлялъ границу татарскаго города. Автора статьи въ Памятн кн. повторяетъ слово въ слово авторъ «Археол замѣтокъ» въ 1 вып. «Трудовъ Каз. статист. комитета» 1869 г.

([1]) Акты истор. I, № 162.

Святому". Подъ послѣднею церковью авторъ разумѣетъ нынѣ находящуюся на Булакѣ церковь Московскихъ чудотворцевъ, которая, по Пестрикову, освящена, въ 1653 г. Но авторъ предполагаетъ, что церковь эта существовала и до 1653 г. и въ этомъ году только снова освящена послѣ перестройки. „Въ нашемъ предположеніи, что подъ именемъ „Петра Святаго" надобно разумѣть именно эту церковь, мы утверждаемъ особенно тѣмъ, что во всѣхъ извѣстіяхъ о церквахъ древней Казани, изъ которыхъ многія нынѣ уже не существуютъ, мы не находимъ никакой другой церкви, освященной во имя св. Петра (Петропавловскій соборъ построенъ позднѣе, освященъ въ 1726 г.)". Такъ какъ въ грамотѣ по близости церкви св. Петра упоминается церковь Николы чудотворца, то авторъ объясняетъ, что нижній храмъ двухъ-этажной церкви Московскихъ чудотворцевъ освященъ во имя Николы; поэтому будто бы можно предполагать, что двѣ отдѣльныя, по близкія другъ къ другу церкви, соединены въ одну. Или, что кажется автору даже вѣроятнѣе, подъ церковью Николы можно разумѣть находящуюся по другую сторону Булака, но очень близко къ церкви Московскихъ чудотворцевъ—такъ называемую Николовешниковскую (²).

Если бы даже эти предположенія неизвѣстнаго автора, представленныя имъ для доказательства существованія въ 1555 г. посада за Булакомъ, о тождествѣ упомянутыхъ въ грамотѣ церквей съ нынѣ существующими на Булакѣ, оказались справедливыми, то все это доказывало бы только существованіе въ 1555 г. русскаго посада за Булакомъ, но не татарскаго, до завоеванія Казани. Русскіе въ первые же годы могли расширить предѣлы древней Казани за Булакъ. О посадѣ за Булакомъ говоритъ и древнѣйшая писцовая книга г. Казани.

Но какъ оказывается, всѣ предположенія неизвѣстнаго автора должны пасть, послѣ ясныхъ указаній писцовой книги о церквахъ Николы чудотворца за торгомъ и Петра Святаго, упомянутыхъ въ грамотѣ Гурію. По писцовой книгѣ подъ первою разумѣется церковь Николы Гостинаго, стоявшая противъ Гостинаго двора: „Въ Казани, за городомъ, на посадѣ, противъ городскихъ Спасскихъ воротъ,

---

(²) Каз. Губ. Вѣд. 1856 г. № 44.

на площади, близъ гостина двора, изба таможенная. Да противъ же города, посторонь Спасской улицы, дворъ гостинъ, а отъ городскіе каменные стѣны до гостина двора площади порожего мѣста 52 саж. На гостиномъ дворѣ анбары—отъ Спасскія улицы изъ Псковскаго ряду, вышедъ на гостинъ дворъ, отъ большихъ воротъ на лѣво; на право на вымлѣ, среди двора въ два ряда, одинъ рядъ вдоль по двору, лицомъ къ городу, другой лицомъ къ Николу гостину".

Вблизи Гостинаго двора и у Николы Гостинаго показана и церковь Петра Святаго: „Улица Воскресенская отъ переулка съ вымла къ торгу къ Гостину двору . . . ., да съ Воскресенской улицы къ Петру Святому направо въ переулкѣ". Съ другой стороны писцовая книга показываетъ переулокъ отъ Петра Святаго къ Проломнымъ воротамъ: „Да отъ Петра Св. къ Проломнымъ воротамъ на лѣво въ переулкѣ".

Такимъ образомъ по писцовой книгѣ гостиный дворъ и церкви Николы Гостинаго и Петра Святаго показаны приблизительно на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ находятся и нынѣ гостиный дворъ и церкви Николы Гостинодворскаго и апостоловъ Петра и Павла, хотя послѣднія въ томъ видѣ, какъ они являются въ настоящее время, и позднѣйшаго происхожденія.

Такимъ образомъ, о существованіи татарскаго посада за Булакомъ и на Арскомъ полѣ нѣтъ никакихъ данныхъ. Писцовая книга упоминаетъ только на Арскомъ полѣ, противъ Арскихъ воротъ, которыя были въ концѣ Арской, нынѣ Покровской улицы, „дворъ татарскій отыненъ". Это служитъ также доказательствомъ, что здѣсь укрѣпленіе посадское, острогъ окапчивался, поэтому выходящій изъ посада, отдѣльно стоявшій въ полѣ дворъ должно было укрѣпить тыномъ.

Неизвѣстный авторъ статей о Казани въ XVI ст. впадаетъ въ ту же ошибку, которую онъ указываетъ у Каница: онъ принимаетъ русскій посадъ 1555 г. за существовавшій до завоеванія Казани, подобно Каницу, который стѣны 1654 г. принялъ за существовавшія въ 1552 г.

Татарскіе городъ и посадъ вмѣстѣ входили въ черту, описанную тѣмъ же неизвѣстнымъ авторомъ; это подтверждается многими данными. Изъ вышеприведенныхъ мѣстъ лѣтописей и Казанской исторіи видно, что острогъ совпада-

етъ съ представленными авторомъ границами города. Острогъ былъ устроенъ по Булаку и со стороны Арскаго поля, около посадовъ, а не около города; двумя концами острогъ прикасался къ городу.

Изъ разсказа объ Аталыкѣ мы видѣли, что городъ и посадъ находились до р. Булака, за которой было уже поле. Курбскій городъ и посадъ (мѣсто) также показываетъ въ пространствѣ между Казанкою, Булакомъ и рвомъ отъ Булака до Казани; мѣстности, относящіяся въ этомъ пространствѣ собственно къ посаду, а не къ городу, Курбскій постоянно называетъ „мѣскія“, а не „городскія“.

7. Существовавшіе въ XVIII стол. остатки деревянной стѣны и рва. Каницъ указываетъ на существовавшіе въ его время остатки древней городской стѣны: „Изъ малыхъ остатковъ древней городской стѣны, изъ коей весьма мало на поверхности земли едва видно, а прочіе остатки, гдѣ они по инымъ мѣстамъ еще находятся, можно было точно примѣтить, что сія городская стѣна съ воротами и башнями, какъ въ иныхъ древнихъ манускриптахъ сказано, вездѣ была построена изъ чрезвычайно толстыхъ дубовыхъ бревенъ, что деревянная стѣна ширины имѣла болѣе 4 саж., что она была двойная, что внутреннее ея разстояніе трехъ саженъ съ половиною наполнено было камнями, пескомъ и засохшею глиною; связь бревенъ сей старой стѣны, какъ изъ остатковъ видно, была сдѣлана крестъ на крестъ, и весьма твердымъ образомъ“ (1).

Каницъ не указываетъ въ какихъ именно мѣстностяхъ г. Казани встрѣчались эти остатки, между тѣмъ, какъ выше указано, Каницъ и стѣну древняго русскаго посада считаетъ татарскою; поэтому нельзя положительно признавать эти остатки за татарскую стѣну. Затѣмъ трудно предполагать, чтобы какія нибудь части татарской деревянной стѣны сохранились до временъ Каница, когда, съ первыхъ годовъ русскаго владычества, Казанскій посадъ значительно расширился и слѣдовательно потребовалъ новыхъ укрѣпленій, построенныхъ уже Русскими. Но описаніе Каницомъ остатковъ стѣны напоминаетъ татарскую стѣну, какъ описыва-

(1) «Изъясненіе плана» въ Правосл. Собесѣдн. 1868 г., авг., стр. 118, 119.

ютъ се русскія лѣтописи и „Казанская исторія“. Царственная книга (стр. 296) и Никон. (VII, 171): „Бѣ бо весь градъ насыпанъ землею хрящемъ“. Въ Казанской исторіи: „Градъ же Казань твердъ бяше паче мѣры, подобенъ каменной горѣ, стѣна дубовая рубленая въ цѣлыхъ древесѣхъ, а въ городкѣ сыпанъ плъ да хрящъ“.

Каницъ ссылается на какіе то древніе манускрипты, но на какіе именно не извѣстно, выше Каницъ указалъ, что нѣкоторые онъ получалъ изъ библіотеки казанскаго митрополита, изъ окрестъ лежащихъ монастырей и другихъ мѣстъ. Говоря о рвѣ кругомъ деревянной стѣны, Каницъ указываетъ глубину и ширину его „по описанію“. Какое это „описаніе“? Въ лѣтописяхъ о размѣрахъ рва нигдѣ не упоминается.

Объ остаткахъ рва Каницъ говоритъ, что онъ въ описаніи города (?) подъ литерою С показанъ, что, по описанію, онъ шелъ вокругъ деревянной стѣны и былъ въ 7 саж. глубины и 3 въ ширину. Ровъ этотъ, прибавляетъ Каницъ, донынѣ еще находится, хотя не вездѣ въ прежнемъ совершенствѣ.

Выше было указано на слѣды рва по Рыбнорядской улицѣ и Николаевской площади.

Должно еще замѣтить, что со времени завоеванія Казани городъ совершенно измѣнился не только вслѣдствіе пожаровъ, новыхъ построекъ, уничтоженія старыхъ и т. п., но и вслѣдствіе измѣненія самой почвы города, напр. уничтоженія Тезицкаго рва, Банная озера, уравненія поверхности земли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, срытія возвышеній, наполненія рвовъ. Къ искусственнымъ измѣненіямъ присоединились и естественныя, вслѣдствіе дѣйствій силъ самой природы въ продолженіе 300 лѣтъ.

Подобное заявляетъ авторъ статей о Казани XVI стол.: „Указанія письменныхъ свидѣтельствъ мы теперь уже не въ состояніи примѣнить къ мѣстности, потому что, вмѣстѣ съ наружностью города, много измѣнилась и самая почва, на которой стоитъ онъ“ (1).

3. Городъ. Царевъ Дворъ. Елбугины ворота. Выше было доказано, что въ древней Казани посадъ противо-

(1) Каз. Губ. Вѣд. 1856, № 36.

полагался городу; но лѣтописи не представляютъ данныхъ для болѣе точнаго опредѣленія мѣстоположенія города и характера его укрѣпленій. Только, на основаніи „Казанской исторіи“, видно, что городъ находился надъ рѣкою Казанкою, на противоположной Арскому полю сторонѣ; къ городу двумя концами примыкалъ острогъ, устроенный по Булаку и со стороны Арскаго поля. Затѣмъ Курбскій говоритъ о городѣ, стоявшемъ на высокой горѣ, надъ р. Казанкою; здѣсь же на горѣ были царскія палаты и очень высокія, каменныя мечети, гдѣ хоронили умершихъ царей казанскихъ, мечетей было числомъ пять.

Указываемая мѣстность соотвѣтствуетъ нынѣшней каменной казанской крѣпости.

Болѣе данныхъ встрѣчается для опредѣленія мѣстоположенія царскаго укрѣпленнаго двора.

Курбскій (стр. 26, 27) разсказываетъ, что во время приступа къ городу онъ былъ посланъ къ „нижайшимъ воротамъ, съ верху Казани рѣки“; когда Русскіе ворвались въ городъ съ этой стороны, Татары бѣжали отъ городскихъ стѣнъ „на великую гору, ко двору цареву: бѣ бо зѣло крѣпокъ, между палатъ и мечетей каменныхъ, оплотомъ великимъ обточенъ“.

Мѣсто, гдѣ стоялъ Курбскій и откуда Русскіе ворвались въ городъ, опредѣляется положеніемъ нижайшихъ воротъ, какъ называетъ ихъ Курбскій. Въ лѣтописяхъ показано, что Курбскій во время приступа стоялъ у Елбугиныхъ воротъ: „А въ Елбугины ворота отъ Казани рѣки воеводѣ кн. Андрею Мих. Курбскому“ (1).

Елбугины ворота Каницъ (2) на своемъ планѣ обозначаетъ между Збойловыми и Муралеевыми, въ углу крѣпости, противъ Казанки. Мѣстоположеніе Збойловыхъ воротъ уже опредѣлено; Муралеевы, по объясненію того же Каница, соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ Тайничнымъ (3), или, по Писцовой книгѣ, Никольскимъ, слѣдовательно Елбугины ворота соотвѣтствуютъ Воскресенскимъ, по Писцовой книгѣ, т. е.

---

(1) Царств. книга, стр. 299.

(2) «Краткое изъясненіе плана» въ Правосл. Собесѣдн. 1868 г., авг., стр. 128 и планъ Каница въ «Сказаніяхъ кн. Курбскаго», 3 изд. 1868 г.

(3) О Муралеевыхъ воротахъ см. ниже.

нынѣшней угольной сѣверо-западной башни крѣпости. Названіе Курбскимъ Елбугиныхъ воротъ „нижайшими“ соотвѣтствуетъ ихъ положенію: соотвѣтствующая имъ въ настоящее время угольная башня размывается разливомъ Казанки. Эти ворота въ „Отрывкѣ русской лѣтописи“, который я считаю важнѣйшимъ источникомъ такъ называемой Казанской исторіи неизвѣстнаго сочинителя (4), названы, очевидно, по ихъ положенію въ отношеніи къ Казанкѣ, „Водяными“: „А съ Казани рѣки къ стѣнѣ приступиша правая рука отъ Водяныхъ воротъ“ (5).

Подтвержденіемъ, что подъ Елбугиными воротами должно разумѣть нынѣ существующую угольную башню между Збойловыми (Дмитріевскими) и Муралеевыми (Тайничными) воротами, можетъ служить и порядокъ перечисленія этихъ воротъ въ Царств. книгѣ (стр. 299): здѣсь, при расписаніи отрядовъ, назначенныхъ къ приступу, упоминаются сначала Збойловыя ворота, потомъ Елбугины и за ними Муралеевы.

Такимъ образомъ царевъ дворъ представляется на горѣ отъ сѣверо-западн. угольной башни нынѣшней каменной крѣпости.

Далѣе, по Курбскому, положеніе царскаго двора опредѣляется за Тезицкимъ рвомъ, на сторонѣ противоположной Арскому полю.

Когда Русскіе начали врываться въ городъ со всѣхъ сторонъ, „Татаровя запрошась на царевѣ дворѣ, а дольную часть мѣста покинули“. Самъ царь Казанскій отступилъ отъ Арскаго поля, откуда взорвало подкопъ, къ Тезицкому рву; но вновь подступившія русскія войска погнали царя „ажъ до мечетей, яже близу царева двора стоятъ“. Тогда на встрѣчу Русскимъ вышли моллы съ верховнымъ Кулшерифъ-моллою, вступили въ битву, но были всѣ перебиты.

„Царь же со всѣми остатными затворился во дворѣ своемъ, пача бранитися крѣпцѣ, аки еще на полторы годины біющеся. Егда же видѣвъ, яко не возможе уже помощи себѣ, тогда на едину сторону отобраша женъ и дѣтей своихъ, въ прекрасныхъ и въ преиспещрепныхъ одеждахъ, околько десять тысящей, и сташа на единой странѣ великаго пред-

(4) См. Приложеніе II.
(5) П. С. Р. Л. VI, 310.

реченнаго двора царева, уповающе, яже прельстится войско христіанское на красоту ихъ и живити ихъ будетъ. Сами же Татаровя со царемъ ихъ отобрашась во единъ уголъ и умыслиша не датися живымъ въ руки, точію бы царя живаго соблюсти и поидоша отъ царева двора на дольную сторону мѣста къ нижайшимъ вратамъ, идѣже азъ сопротивъ ихъ у царева двора стояхъ".

По русскимъ лѣтописямъ, Татары бѣжали къ Елбугинымъ воротамъ; это служитъ подтвержденіемъ тождества нижайшихъ воротъ, о которыхъ говоритъ Курбскій, съ Елбугиными: „И Татаромъ собравшимся на Царевѣ дворѣ и видѣша свою конечную погибель . . . . И побѣгоша всѣ къ Елбугинымъ воротамъ, и нача съ града метаться, и въ ворота пробиваться" (Царств. кн. 307).

Русскія лѣтописи, также согласно съ Курбскимъ, показываютъ Царевъ дворъ за Тезицкимъ рвомъ, т. е. въ нынѣшней крѣпости.

Въ Царств. книгѣ (стр. 306, 307) и въ Никон. (VII, 178) говорится, что когда христіане приблизились къ мечети къ Кулшерифу, къ Тезицкому врагу, тутъ произошла битва со многими моллами. Русскіе одолѣли и Татары побѣжали на Царевъ дворъ. Православные воины приблизились къ Цареву двору „и сѣчаху нещадно нечестивыхъ мужей и женъ". Татары, собравшись на Царевомъ дворѣ, видѣли свою конечную погибель, рѣшили бѣжать изъ города и побѣжали къ Елбугинымъ воротамъ.

Затѣмъ Царевъ дворъ упоминается еще при извѣстіи о въѣздѣ Ивана IV въ городъ: для этого очищена улица отъ Муралеевыхъ воротъ до Царева двора (6).

Эта улица, очевидно, шла въ гору, отъ Муралеевыхъ, нынѣшнихъ Тайничныхъ воротъ. Такимъ образомъ мѣстность царскаго двора представляется на горѣ, противъ Казанки, между двухъ городскихъ воротъ, которыя находились подъ горою.

Мѣстность царскаго двора опредѣляетъ и Писцовая книга 1566 г., изъ которой видно, что этотъ дворъ стоялъ въ концѣ крѣпости, въ сторонѣ къ р. Казанкѣ, потому что Писцовая книга исчисляетъ длину крѣпости отъ стѣны ме-

(6) Царств. кн. 311, Ник. VII, 163, 164.

жду Воскресенскими и Никольскими воротами, т. е. нынѣшними Тайничными воротами, и угольною башнею на другомъ углу стѣны, обращенной къ Казанкѣ, „черезъ царевъ старый дворъ, а отъ двора большею улицею, прямо мимо Государевъ дворъ до Спасскихъ воротъ“. Затѣмъ подтвержденіемъ существованія царскаго двора въ этой мѣстности служитъ слѣдующее показаніе Писцовой книги: „Впутрижъ города у царскаго двора церковь Введенія Пречистые, а въ придѣлѣ церковь Николы чудотворца. Да у Введенія мѣсто, что былъ царевъ дворъ, а на мѣстѣ двѣ палаты стырыя, да передъ царскимъ дворомъ палата стараяжъ, до подлѣ царскагожъ двора палата“. Церковь Введенія въ настоящее время не существуетъ, но она показана на старомъ планѣ г. Казани, находящемся на рукописной картѣ Казанск. губерніи конца прошедшаго столѣтія. Эта церковь показана здѣсь на мѣстѣ нынѣшней дворцовой церкви, примыкающей къ такъ называемой Сумбекиной башнѣ. Послѣдняя также обозначена на этомъ планѣ на правой сторонѣ комендантскаго дома, который стоялъ рядомъ съ Каѳедральнымъ Благовѣщенскимъ соборомъ. Какъ увидимъ ниже, ворота Сумбекиной башни служили въѣздомъ въ Комендантскій домъ. На мѣстѣ нынѣшняго дворца, слѣдовательно рядомъ съ церковью Введенія, на планѣ обозначено зданіе, но безъ названія; также обозначено еще не извѣстное зданіе на право отъ церкви Введенія и Сумбекиной башни, около самой стѣны, на лѣво отъ Тайничныхъ воротъ. Послѣднія два зданія, вѣроятно, остатки вышеупомянутыхъ въ писцовой книгѣ палатъ на царскомъ дворѣ и около него.

Второвъ (7) также около Сумбекиной башни указываетъ развалины Сумбекина дворца. Второвъ говоритъ, что „за сѣв.-западными воротами Сумбекиной башни еще въ недавнее время находились развалины такъ называемаго Сумбекина дворца, нынѣ ихъ уже нѣтъ“.

Георги (8) указываетъ другое мѣсто бывшаго царскаго двора: „Прежній ханскій дворецъ обращенъ въ консисторію и военную школу, здѣсь можно видѣть прочный стиль и пышность Татаръ“.

---

(7) «Памятники древности въ Каз. губ.» Ж. М. Вн. Дѣлъ, 1840 т. XXXVII.

(8) Bemerkungen einer Reise, стр. 814.

Консисторія помѣщается нынѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ она показана и на рукописномъ планѣ г. Казани конца XVIII стол., т. е. тамъ же, гдѣ она была и во времена Георги; по военной школы въ крѣпости ни на этомъ, ни на другихъ планахъ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія не показано. Солдатская школа на планѣ, приложенномъ къ сочиненію Эрдмана 1825 г. (9), показана на Воскресенской улицѣ, на мѣстѣ нынѣшнихъ казармъ и помѣщенія Военнаго суда; на планѣ конца XVIII стол. о школѣ совсѣмъ не упоминается, а вышеуказанное мѣсто на Воскресенской обозначено подъ названіемъ бывшей Банковой конторы.

На мѣстѣ нынѣшней консисторіи можно предполагать, если не царскій дворъ, то другія татарскія постройки: Писцовая книга указываетъ мечеть и палату противъ Благовѣщенія, а домъ консисторіи приходится напротивъ собора Благовѣщенскаго.

Но въ нынѣшнемъ зданіи духовной консисторіи нельзя искать какихъ нибудь остатковъ древняго татарскаго зданія, хотя духовная консисторія помѣщается и въ настоящее время тамъ же, гдѣ помѣщалась при Георги: въ знаменитый пожаръ 1815 г. зданіе консисторіи сгорѣло вмѣстѣ съ сосѣдними присутственными мѣстами и архіерейскимъ домомъ (10), слѣдовательно осталось только тоже мѣсто, но не самое зданіе.

Фуксъ въ „Краткой Исторіи г. Казани“ говоритъ (11), что въ 1807 г. разломанъ въ здѣшней крѣпости ханскій дворецъ, послѣдній остатокъ татарской архитектуры. Гдѣ находился этотъ дворецъ Фуксъ не объясняетъ.

Изъ всего вышеприведеннаго видно, что царевъ дворъ и городъ въ собственномъ смыслѣ соотвѣтствовали по мѣстоположенію нынѣшней каменной крѣпости, о построеніи которой встрѣчается царское распоряженіе въ 1555 году (12).

(9) «Beiträge zur Kenntniss des Innern. v. Russland».

(10) «Кр. Ист. Казани» Рыбушкина, 2 изд., II. 11. и особ. прибавленіе къ II тому соч. Эрдмана »Beiträge»—Beschreibung des Brandes der St. Kasan im I. 1815», стр. 235.

(11) Казан. Извѣстія 1817. № 67 и отдѣльный оттискъ.

(12) Гр. царя Ив. Вас. въ Доп. къ Акт. Ист., I, № 82.

Нѣкоторые считаютъ нынѣ существующую каменную крѣпость за построенную Татарами.

Георги говоритъ, что древняя татарская крѣпость въ Казани занимаетъ западныя горныя вершины, состоитъ изъ очень высокой и широкой стѣны, которая служила и валомъ, и многихъ башенъ; стѣна, подобно развалинамъ въ Болгарахъ, выведена изъ гипсовыхъ, глиняныхъ и известковыхъ камней ([13]).

Рыбушкинъ заявляетъ даже, что, какъ надобно полагать, нынѣшняя каменная крѣпость построена при перенесеніи Казани на новое мѣсто Улу-Мухаммедомъ ([14]); хотя въ Каз. исторіи неизвѣстнаго сочинителя прямо сказано, что Улу-Мухаммедъ „постави себѣ *древяный* градъ крѣпокъ на новомъ мѣстѣ, крѣпчайшій стараго“.

„Грунтъ земли подъ крѣпостными стѣнами, говоритъ Рыбушкинъ, состоитъ изъ дикаго камня, расположеннаго плитами, а это доказываетъ, что такое возвышеніе болѣе искусственное, нежели природное“. Я думаю, что послѣднее указываетъ только, что каменная стѣна возведена на мѣстѣ прежнихъ каменныхъ татарскихъ построекъ.

О каменной крѣпости въ Казани, до завоеванія ея, не встрѣчается опредѣленныхъ указаній. Только при описаніи въ лѣтописяхъ взорванія тайника во время послѣдней осады Казани говорится, что московскому царю было сообщено о тайникѣ у Татаръ „отъ Казани отъ рѣки у Муралеевыхъ воротъ ключь къ берегу, а ходятъ къ нему по подземелью... Отъ подкопу взорвало тайникъ и съ людьми казанскими, которые по воду ходили, и стѣна городная оплѣла и обрушилась, и множество въ городѣ Казанцовъ побило *каменіемъ*, и бревны съ высоты великія падающе, еже зеліемъ взорвало“ ([15]).

Авторъ статей о Казани въ XVI стол. возражаетъ тѣмъ, которые принимаютъ нынѣшнюю каменную крѣпость за татарскую и не соглашается съ предположеніемъ, что нынѣшняя крѣпость соотвѣтствуетъ упоминаемому въ разныхъ

([13]) «Bemerkungen einer Reise» стр 814.

([14]) «Краткая Исторія Каз.» I, 69, 70.

([15]) Царств. кн. 284—286, Никон. VII, 163, 164.

источникахъ Цареву двору: „Древнія свидѣтельства не говорятъ намъ ни о какой каменной крѣпости въ Татарской Казани, упоминая только объ укрѣпленномъ царскомъ дворѣ, который, можетъ быть, обнесенъ былъ и каменною стѣною, но заключался весь внутри деревянныхъ стѣнъ города: онъ, кажется, дѣйствительно находился на той самой горѣ, гдѣ теперь стоитъ нашъ Казанскій кремль, и многіе здѣсь въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что этотъ кремль и есть тотъ царскій дворъ, о которомъ говорится въ исторіи. Но мы не можемъ согласиться и съ этимъ мнѣніемъ, и должны сказать, что нынѣшній кремль нашъ не имѣетъ ничего общаго съ укрѣпленнымъ дворомъ царей Казанскихъ, который исчезъ совершенно, такъ что мы вовсе не можемъ опредѣлить теперь его объема и положенія. Онъ долженъ былъ имѣть меньшій объемъ, и положеніе его не могло совпадать съ положеніемъ нынѣшней крѣпости. Тайничныя ворота въ сѣверной сторонѣ нашего кремля, ведущія къ Казанкѣ, занимаютъ тоже, или почти тоже мѣсто, гдѣ въ древнемъ городѣ находились ворота Муралеевы; но, когда взятъ былъ городъ, царь приказалъ отъ этихъ воротъ очистить улицу къ двору царскому, который слѣдовательно находился не на краю города“ ([16]).

Я думаю, что нельзя отрицать соотвѣтствія, по мѣстоположенію, татарской крѣпости съ нынѣ существующей, хотя и нѣтъ данныхъ къ положительному признанію, что стѣны татарской крѣпости шли совершенно по тому же направленію, какъ идутъ нынѣшнія стѣны, и что послѣднія тѣже самыя каменныя стѣны, которыя существовали и до взятія Казани. Послѣднее предположеніе опровергается показаніемъ Писцовой книги, что въ 1566 г. не было каменной стѣны по всей окружности крѣпости, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣна была деревянною, а въ настоящее время кругомъ всей крѣпости каменная стѣна. Но нѣтъ также данныхъ отрицать, что каменная стѣна, напримѣръ, по направленію къ Казанкѣ, представляется остаткомъ древней татарской. Царское распоряженіе 1555 г. о построеніи каменной стѣны около казанской крѣпости не можетъ быть доказательствомъ, что такой стѣны не было у Татаръ: распоряженіе 1555 г. мог-

([16]) Каз. Губ. Вѣд. 1856, № 40.

ло относиться къ распространенію каменной стѣны, гдѣ ея не было прежде, и къ нѣкоторымъ поправкамъ, вслѣдствіе поврежденія стѣны, послѣ осады и штурма Казани.

Послѣ вышеуказанныхъ данныхъ, нельзя повторять сказаннаго неизвѣстнымъ авторомъ въ 1856 г., что мы вовсе не можемъ опредѣлить теперь объема и положенія двора царей Казанскихъ. Мѣстоположеніе послѣдняго опредѣляется на крѣпостной горѣ противъ Казанки, между двумя угольными башнями. Такимъ образомъ царскій дворъ находился, хотя не на самомъ краю города, какъ предполагаетъ и неизвѣстный авторъ, т. е., не около самой городской стѣны, или не составлялъ собою каменной городской ограды, но отдѣлялся отъ городской стѣны только спускомъ горы, подъ которой шла стѣна и стояли двое воротъ: Муралеевы и Елбугины. Улица отъ Муралеевыхъ воротъ къ царскому дому проходила на существующемъ понынѣ спускѣ къ Тайничнымъ (Муралеевымъ) воротамъ.

9. Муралеевы ворота (Тайничныя) и Муралеева мизгить (Сумбекина башня). Курбскій (стр. 25—27) упоминаетъ о великой вежѣ (башнѣ), которая стояла близъ того мѣста, гдѣ Русскіе подорвали тайникъ:

„Подъ вежу великую и подъ тайники подкопано, откуды они на весь градъ воду брали, а пороховъ подставлено, аки двадесять бочекъ великихъ: башню и вырвало“. При этомъ издатель „Сказаній кн. Курбскаго“ Устряловъ объясняетъ, что здѣсь слово „башня“ прибавлено изъ одного изъ 9 списковъ сочиненій Курбскаго, которые имѣлъ Устряловъ подъ рукою (1).

Прибавка эта, по моему мнѣнію, совершенно лишняя, искажающая смыслъ Сказанія: взорвало только тайникъ, какъ это видно изъ лѣтописей, которыя не упоминаютъ, что бы была взорвана великая башня.

Въ Царственной книгѣ (284—286) и Никон. (VII 163, 164) сказано, что московскому царю было сообщено, что у Татаръ есть „тайникъ отъ Казани отъ рѣки у Муралеевыхъ

(1) Въ принадлежащемъ мнѣ спискѣ соч. Курбскаго, полученномъ мною отъ одного изъ моихъ слушателей изъ Пермской губ., въ указанномъ мѣстѣ также нѣтъ слова «башня»—«подъ башню и подъ тайники подкопано, откуду они на весь градъ воду брали и пороху подставлено, аки двадесять бочекъ великихъ, и взорвало».

воротъ ключь къ берегу; а ходятъ къ нему по подземелью..." Послѣ долгихъ розысковъ, Русскіе напали на слѣдъ тайника, подкопались подъ мостъ, куда съ водою ходятъ; слышали голоса Татаръ, которые ходятъ черезъ нихъ. Тогда подъ тайникъ поставили 11 бочекъ пороху и взорвали его, „отъ подкопу взорвало тайникъ и съ людьми казанскими, которые по воду ходили, и стѣна городная билѣла и обрушилась, и множество въ городѣ Казанцевъ побило каменіемъ и бревны съ высоты великія падающе, еже зеліемъ взорвало". Такимъ образомъ видимъ, что лѣтописи подробно описываютъ послѣдствія взрыва, но о башнѣ не упоминаютъ.

Изъ этихъ извѣстій Курбскаго и лѣтописей видно, что великая башня, которая стояла близъ тайника, въ лѣтописяхъ называется Муралеевыми воротами. Эти ворота на планѣ Каница показаны на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ нынѣшнимъ Тайничнымъ воротамъ.

Каницъ (ib. 126) такъ говоритъ о подкопѣ подъ тайникъ: „И какъ государь увѣдомился, что внутрь большой башни, стоящей надъ Муралеевыми воротами, находится изрядная лѣстница изъ тесаннаго камня съ сводомъ, на срединѣ коей (т. е. башни) и понынѣ еще видно, что была хорошая горница, по оной лѣстницѣ осажденные Татары сходятъ на Казанку за водою: то сіе тотчасъ и пресѣчено подкопомъ".

Надъ Муралеевыми воротами, т. е. нынѣшними Тайничными, доселѣ существуетъ довольно большая комната, съ нѣсколькими окошками, въ которой въ настоящее время помѣщается архивъ Казанской Казенной палаты; но слѣдовъ лѣстницы изъ этой башни къ тайнику въ настоящее время не видно.

Историческій ключъ, къ которому существовалъ подземный ходъ, видѣнъ и въ настоящее время въ нѣсколькихъ саженяхъ на право отъ Тайничныхъ воротъ, обращаясь къ берегу Казанки, подъ горою, на которой идетъ городская стѣна; во время весенняго разлива мѣсто ключа затопляется водою.

Прежде этотъ ключъ былъ обложенъ каменнымъ бассейномъ, нынѣ уже не существующимъ. Въ 1847 г. Баженовъ (1) указывалъ на каменный бассейнъ, наполненный этимъ клю-

(1) «Казанск. Исторія» Каз. 1847, III, 25.

чемъ и говорилъ, что Татары, почитая воду священною, умываются ею, для благополучія и здоровья.

Посѣтивши на дняхъ этотъ ключъ, я увидалъ молящихся передъ нимъ Татарокъ.

На горѣ, противъ Тайничныхъ воротъ, стоитъ такъ называемая Сумбекина башня.

О происхожденіи этой башни давно высказываются разныя противоположныя предположенія: одни считаютъ ее памятникомъ татарской старины, а другіе построенною послѣ завоеванія Казани: при Иванѣ IV, Алексѣѣ Михайловичѣ, даже при Аннѣ Ивановнѣ.

Прежде представленія этихъ разнообразныхъ мнѣній, я укажу на важнѣйшія описанія ея.

Эрдманъ (3) говоритъ о ней: „высокая пирамидальная башня, выложенная изъ кирпичей съ четырьмя уступами и русскимъ орломъ на своей вершинѣ; она своею формою имѣетъ нѣкоторое сходство съ египетскою пирамидою съ четырьмя уступообразными этажами. Внутри ея находятся двѣ залы со сводами, съ немногими узкими и высокими окошками —одно надъ другимъ; кругомъ каждаго уступа идетъ съ внѣшней стороны ходъ съ низкою стѣною, на каждый изъ нихъ можно взойти только извнутри. Впрочемъ, въ настоящее время можно достичь только до перваго уступа, потому что лѣстницы, которыя ведутъ выше, упали“.

Другое, тоже довольно подробное описаніе помѣщено въ Живописномъ Обозрѣніи (1838 г. IV, 94—96), вмѣстѣ съ видомъ башни и прилегающаго къ ней зданія. Это описаніе и видъ сообщены издателю Живописнаго Обозрѣнія викомтомъ де Жюльвекуромъ, который много путешествовалъ по Россіи, снималъ виды замѣчательныхъ предметовъ и составлялъ описаніе ихъ, на мѣстѣ, руководствуясь письменными памятниками и народными преданіями.

Жюльвекуръ говоритъ: „Башня Сумбеки вся кирпичная: она построена съ совершенствомъ римскимъ. Составляя квадратъ въ нѣсколько этажей, она величественно возвышается своимъ легкимъ, изящнымъ штилемъ. Въ этомъ родѣ, она самая высокая каменная башня, изъ всѣхъ извѣстныхъ. Вы отыщете на Востокѣ шпили, столько же высокіе, но надоб-

(3) Beiträge, I, 193, 194.

но замѣтить, что оконечность ихъ всегда бываетъ изъ бѣлаго или кованаго желѣза. Войдя въ башню, вы видите себя подъ великолѣпнымъ сводомъ. Четыре отверстія, въ родѣ входныхъ дверей, пробиты въ концѣ сводовъ, футовъ въ 5 или 6 надъ землею; подлѣ нихъ замѣтны 4 лѣстницы, во всѣ этажи башни. И башня, и соединенная съ нею мечеть, покинуты почти совершенно; однако до сихъ поръ онѣ мало потерпѣли отъ времени. Трава и кустарники растутъ въ нихъ почти вездѣ, но старый татарскій цементъ противится небреженію побѣдителей".

Рыбушкинъ представляетъ размѣры башни: 42 фута въ большемъ и 36 ф. въ меньшемъ діаметрѣ четыреугольнаго основанія, высота 244 фута. Сдѣланные вокругъ ходы, по предположенію Рыбушкина, служили для наблюденія за движеніями окружавшихъ г. Казань иновѣрческихъ и непріязненныхъ народовъ. Такъ говоритъ онъ въ первомъ изданіи своего сочиненія (I, 66), въ которомъ онъ эту башню считаетъ построенною Татарами; а во второмъ изданіи (I, 86), гдѣ онъ считаетъ башню русскою, онъ говоритъ, что эти ходы служили для наблюденія за движеніями окружавшихъ Казань иновѣрцевъ, невполнѣ еще постигшихъ дѣйствія русскаго оружія.

Второвъ (*) показываетъ тѣже размѣры башни въ саженяхъ: въ большемъ діаметрѣ четыреугольнаго основанія —6 саж., въ маломъ діаметрѣ—5, вышина около 35 саж. Относительно ярусовъ, изъ которыхъ состоитъ башня, Второвъ говоритъ нѣсколько иначе, сравнительно съ Эрдманомъ: „Башня состоитъ изъ 7 ярусовъ, изъ коихъ первые 3 четыреугольные, а остальные—осмиугольные". Это же число ярусовъ и такая же форма ихъ представляется на изображеніи этой башни въ Живописномъ Обозрѣніи. Наконецъ Второвъ еще указываетъ сквозныя ворота подъ башнею.

Изъ старинныхъ видовъ Сумбекиной башни, до приведенія ея въ настоящее состояніе, вмѣстѣ съ возобновленіемъ бывшей около нея церкви и съ построеніемъ рядомъ съ этою церковью дворца, я укажу на „Виды г. Казани Турнерели" и „Перспективные виды Казани" Турина, М. 1834.

На дняхъ я осмотрѣлъ внутренность башни и представляю ея описаніе:

(*) «Памятн. древн. въ Каз. губ.» Ж. М. Вн. Д. 1840, XXXVII, 213.

Какъ видно снаружи, башня представляетъ 7 этажей, надъ которыми поднимается шпицъ. Первые три этажа четыреугольные, а послѣдніе восьмиугольные.

Въ срединѣ перваго этажа находится проѣздъ, съ правой и лѣвой сторонъ котораго, внутри зданія, проведены одинаковыя каменныя лѣстницы, освященіемъ которыхъ служатъ по два круглыхъ окна. Входъ на эти лѣстницы черезъ наружныя двери съ обѣихъ противоположныхъ сторонъ зданія.

Каменныя лѣстницы приводятъ въ четыреугольную залу, составляющую второй этажъ; съ двухъ противоположныхъ сторонъ залы по два окна, а въ другихъ двухъ стѣнахъ по одной впадинѣ. Около этой залы снаружи, по первому, выступающему впередъ уступу башни, идетъ обходъ съ невысокою стѣнкою; входа въ эту внѣшнюю галерею изъ залы не имѣется, если не считать оконъ, черезъ которыя можно перелезть на галерею. Въ двухъ углахъ залы пробиты входы на каменныя внутреннія лѣстницы, которыя ведутъ на второй наружный обходъ, идущій по второму этажу зданія, выступающему передъ третьемъ, и во вторую внутреннюю комнату, которая отдѣляется отъ первой вновь устроеннымъ деревяннымъ поломъ. Во второй комнатѣ, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, по два окна, эта комната покрыта каменнымъ сводомъ. Принимая въ соображеніе, что вторая, верхняя комната отдѣляется отъ первой, нижней, только новымъ деревяннымъ поломъ, должно признать, что обѣ эти, въ настоящее время отдѣльныя залы, составляли прежде одну съ каменнымъ сводомъ, съ окошками въ два ряда, въ двухъ ярусахъ, изъ которыхъ верхній уже нижняго, и съ двумя наружными обходами кругомъ, ко второму обходу приводили внутреннія каменныя лѣстницы, которыя въ настоящее время приводятъ сверхъ того во вторую, вновь образовавшуюся залу.

Отъ средины пола второй комнаты устроена новая деревянная лѣстница, которая выходитъ на третій наружный обходъ, который идетъ по третьему этажу зданія, выступающему передъ четвертымъ.

Пройдя нѣсколько по третьему внѣшнему обходу, вступаешь въ дверь, которая ведетъ въ восьмиугольную залу, покрытую каменнымъ сводомъ, въ ней 4 окна. Эта зала снизу будетъ третьею. Отъ средины этой залы устроена по-

вая деревянная лѣстница, подобная находящейся во второй залѣ; эта лѣстница ведетъ на внутреннюю небольшую каменную лѣстницу, которая приводитъ въ пятый этажъ зданія, или въ четвертую внутреннюю комнату.

Четвертая компата покрыта деревяннымъ потолкомъ; она, какъ и предыдущая,—восьмиугольная, въ ней 8 оконъ. Отъ средины этой комнаты идетъ деревянная лѣстница, подобная двумъ предыдущимъ — во второй и въ третьей комнатахъ. Эта лѣстница идетъ въ шестой этажъ зданія или въ пятое внутреннее помѣщеніе, которое отдѣляется отъ предыдущаго только деревяннымъ поломъ и покрыто деревяннымъ потолкомъ. Внутренность пятаго внутренняго помѣщенія или шестаго этажа зданія вся занята деревянною лѣстницею, которая идетъ четырьмя уступами. Это помѣщеніе, т. е. лѣстница, въ немъ заключающаяся, освѣщается 4 круглыми окнами, по два съ каждой стороны.

Послѣдняя лѣстница приводитъ въ шестую, самую верхнюю комнату или къ седьмому уступу зданія. Верхняя компата — осьмиугольная, подобно послѣднимъ тремъ помѣщеніямъ, съ 8 окнами, но очень маленькая — около трехъ шаговъ въ длину и ширину; отъ предыдущаго помѣщенія она отдѣляется деревяннымъ поломъ и покрыта каменнымъ сводомъ, надъ которымъ устроенъ шпицъ башни.

Такъ какъ пятый этажъ зданія, или четвертая внутренняя комната отдѣляется отъ четвертаго этажа, или третьей комнаты — каменнымъ сводомъ, а отъ шестаго этажа — только деревяннымъ, недавно устроеннымъ потолкомъ, шестой этажъ отъ седьмаго, т. е. отъ послѣдней верхней комнаты, отдѣляется также только такимъ же новымъ, деревяннымъ потолкомъ, то должно признать, что послѣднія три комнаты, находящіяся нынѣ одна надъ другою, прежде составляли одну высокую залу, постепенно съуживающуюся къ верху, образуясь изъ трехъ уступовъ башни, съ окнами въ каждомъ уступѣ.

Такимъ образомъ внутренность башни прежде представляла только три залы, одна надъ другою, нижняя и верхняя были высокія, а средняя низенькая.

Татарское происхожденіе башни основываютъ на татарскихъ преданіяхъ: Татары говорятъ, что подъ Сумбекиною башнею похороненъ благочестивѣйшій мухаммеданинъ,

а вышеупомянутый тайничный ключъ бьетъ изъ его черепа; по пятницамъ Татары приходятъ молиться къ этой башнѣ (5).

Другіе говорятъ, что башня остатокъ дворца татарскихъ царей; утверждаютъ также, что это мечеть, построенная Сумбекой, которая похоронила въ ней своего мужа (Сафа-Гирея); прибавляютъ даже, что тамъ, подлѣ его могилы, Казанцы взяли Сумбеку, когда надобно было отдать ее Русскимъ.

Послѣднія преданія передаетъ виконтъ де Жюльвекуръ, который говоритъ, что послѣдній разсказъ самый народный въ Казани, и отъ него башня получила свое названіе. Жюльвекуръ считаетъ его и вѣроятнѣе другихъ, но объясняетъ: „Отнюдь не принимаю его вполнѣ, и никакъ не могу согласиться, чтобы въ одно и тоже время башня служила мечетью и надгробнымъ памятникомъ. На востокѣ есть обычай, изъ котораго никогда не бывало исключенія: никто не могъ быть похороненъ въ мечети. Но я думаю, что только башня была могилою, а мечеть находилась въ примыкающемъ къ ней зданіи, явно одинакаго стиля и одной эпохи: оно имѣетъ и всю наружность мечети".

У Татаръ существовало еще убѣжденіе, что въ яблокѣ на шпицѣ этой башни, ярко вызолоченномъ, хранятся какія то таинственныя для нихъ бумаги; но въ 1830 г. былъ снятъ этотъ позолоченный шаръ. Онъ оказался латуннымъ, внутри пустымъ (6).

Эрдманъ (ibid. 194), не извѣстно на какомъ основаніи, говоритъ, что башня построена царемъ Ив. Вас. изъ развалинъ мечети.

При Аннѣ Ивановнѣ близъ этой башни построенъ такъ называемый Комендантскій домъ, въѣздомъ въ который служила эта башня; это повело къ предположенію, что и башня получила свое начало въ это же время.

Рыбушкинъ въ первомъ изданіи „Исторіи Казани" (I, 65, 66) говоритъ, что „основаніе сего зданія нѣкоторые изыскатели старины относятъ ко временамъ татарскаго владычества, другіе къ царствованію Анны Іоанновны. Но за

(5) «Казанск. Ист.» Н. Баженова III, 25.

(6) «Кр. Исторія Каз.» Рыбушкина 2 изд., стр. 86, 87; «Казанская Исторія» Н. Баженова III, 24.

достовѣрное, кажется, можно положить, что башня сія, не безъ основанія, носитъ на себѣ названіе татарской; а въ царствованіе Анны Іоанновны на шпицѣ сей башни поставленъ россійскій государственный гербъ. Находящіяся подъ оною ворота должны были служить въѣздомъ въ домъ Оберъ-Комендантскій. Мѣсто позади сей башни съ ветхимъ каменнымъ строеніемъ до сего времени именуется Комендантскимъ дворомъ".

Во второмъ изданіи своего сочиненія (I, 86, 87) Рыбушкинъ говоритъ уже другое: „Этотъ остатокъ могущества Орды, предметъ любопытства и сомнѣнія, слѣдуя молвѣ народной, относится ко временамъ татарскаго владычества, а по нашему предположенію, къ эпохѣ царствованія Анны Іоанновны. Положимъ, что, судя по вкусу стиля, хотя и можно бъ было отнести построеніе этой башни къ татарскому господству; но могла ли уцѣлѣть она, когда покоритель Казани приказалъ истребить здѣсь не только дома, но даже разметать молитвенные храмы и гробницы царей?"

Второвъ (7) указываетъ и на то основаніе, которое приводятъ въ доказательство русской постройки этого зданія: „Указываютъ на впадину въ стѣнѣ башни, служившую будто бы мѣстомъ для образа, и на пилястры, которые, какъ полагаютъ, не были извѣстны Татарамъ". „Но, прибавляетъ Второвъ, если обратить вниманіе на то, что въ Бухаріи, съ которою Казань находилась въ сношеніяхъ, нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ зданій обставлены тонкими колоннами, какія видимъ на сей башнѣ; то нѣкоторымъ образомъ можно согласиться съ первымъ мнѣніемъ, что она принадлежитъ къ числу остатковъ отъ древняго царства Казанскаго".

Баженовъ (ib. III, 24) считаетъ башню татарскаго происхожденія, на основаніи совершенно азіатскаго вкуса ея постройки, „при томъ, говоритъ Баженовъ, Русскимъ не было никакой цѣли — строить ее внутри крѣпости".

Предположеніе о постройкѣ башни во времена Алексѣя Михаловича явилось на томъ основаніи, что, при возобновленіи церкви, стоящей рядомъ съ этою башнею и построенной будто бы на одномъ съ нею основаніи, въ землѣ найдены были монеты царей Мих. Θед. и Алексѣя Михаловича,

(7) «Памятники древн. въ Каз губ.» Ж. М. Вн. Д. XXXVII, 212, 213.

вѣроятно, положенныя тутъ при закладкѣ зданія (8). Но чтобы согласиться съ этимъ предположеніемъ, должно доказать, кромѣ того, что башня и церковь построены на одномъ основаніи, что вѣроятно, такъ какъ церковь эта образовалась изъ прежней мечети, построенной, вѣроятно, въ одно время съ башнею, но что и монеты русскія положены здѣсь, при первоначальномъ основаніи этихъ зданій, а не позднѣе, при обращеніи бывшей мечети въ церковь.

Подтвержденіемъ татарскаго происхожденія Сумбекиной башни можетъ служить показаніе Казанской Писцовой книги о татарскихъ зданіяхъ, именно въ той мѣстности, гдѣ стоитъ эта башня. Выше было указано на свидѣтельство Писцовой книги о двухъ палатахъ на мѣстѣ бывшаго царскаго двора, объ одной передъ царскимъ дворомъ и объ одной подлѣ царскаго двора. Мѣсто царскаго двора указано у церкви Введенія, которая, какъ выше объяснено, соотвѣтствовала нынѣ существующей церкви, примыкающей съ одной стороны къ Сумбекиной башнѣ, а съ другой къ дворцу. Такимъ образомъ около Сумбекиной башни представляются мѣсто бывшаго царскаго двора и остатки татарскихъ зданій.

Непосредственно за зданіями около бывшаго царскаго двора Писцовая книга упоминаетъ мизгить, что была Муралеева. Къ сожалѣнію, Писцовая книга не представляетъ возможности точно опредѣлить положеніе этой мизгити, она говоритъ только, что мизгить находилась у двора, принадлежащаго Зилантову монастырю.

Покойный Невоструевъ, которому принадлежала рукопись извлеченія изъ Писцовой книги, при этомъ съ боку собственною рукою написалъ: „Сунбекина башня“?

Предположеніе Невоструева должно признать имѣющимъ значеніе. Представляются данныя для признанія зданія, примыкающаго къ Сумбекиной башнѣ, т. е. нынѣшней дворцовой церкви, за бывшую мечеть.

Жюльвекуръ, какъ мы видѣли, примыкающее къ башнѣ зданіе считаетъ мечетью; онъ говоритъ, что это зданіе имѣетъ всю наружность мечети и явно одинаковаго стиля и одной эпохи съ башнею.

---

(8) «Историч. очеркъ Каз. губ.» въ Памятн. кн. Каз. губ. 1861 г. стр. 28.

Баженовъ это полуразрушенное въ его время зданіе называетъ бывшею прежде главною мечетью, впослѣдствіи обращенною въ церковь, которая во время Баженова была упразднена (9). Въ 1849 г., во время постройки нынѣшняго дворца, въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (10) было сказано объ этомъ зданіи, тогда тоже возобновляемомъ, что „въ немъ дотолѣ хранился назначенный въ продажу порохъ, но назадъ тому сотню лѣтъ съ небольшимъ, помѣщалась церковь. Нынѣ оно реставрируется въ прежнемъ видѣ и предназначено для помѣщенія дворцовой церкви". По поводу послѣдняго заявленія, должно только замѣтить, что въ этомъ зданіи была церковь не за сто слишкомъ лѣтъ до 1849 г., а ранѣе: на планѣ г. Казани временъ Павла I, какъ выше указано, эта церковь показана существовавшею.

Наконецъ въ изъясненіи плана Казани, приложеннаго къ „Перспективнымъ видамъ Казани" Турина 1834 г., это зданіе съ примыкающею Сумбекиной башнею названо: „ветхая мечеть древнихъ казанскихъ царей, и при ней башня съ подъѣздомъ".

И такъ нынѣ примыкающая къ Сумбекиной башнѣ дворцовая церковь была первоначально мечетью; послѣ завоеванія Казани обращена въ православную церковь Введенія; въ началѣ нынѣшняго столѣтія упразднена и зданіе служило пороховымъ магазиномъ; въ пятидесятыхъ годахъ бывшая первоначально мечеть опять стала христіанскимъ храмомъ.

Это зданіе можно считать именно мизгитью (мечетью) Муралеевою. Одинаковое имя съ мечетью носили и сосѣднія городскія ворота. Писцовая же книга очевидно относитъ это названіе къ башнѣ, бывшей при мизгити, такъ какъ сама послѣдняя была уже въ то время церковью Введенія, слѣдовательно предположеніе Невоструева, который назвалъ Сумбекину башню мизгитью Муралеевою, оправдывается. Только должно замѣтить, что мечетью въ точномъ смыслѣ было примыкающее къ башнѣ зданіе, нынѣ дворцовая церковь, а башня была минаретомъ этой мечети, подобно тому, какъ напр., въ Болгарахъ, большой и малый минареты примыкали къ находившимся около нихъ мечетямъ (см. выше).

(9) «Казанск. Исторія», III, 26.
(10) № 32 «Новыя прогулки по Казани».

Возможность предполагать мечеть возлѣ двора Казанскихъ царей подтверждается показаніемъ Курбскаго о Царевомъ дворѣ: „бѣ бо зѣло крѣпокъ. между палатъ и мечетей каменныхъ, оплотомъ великимъ обточенъ".

Вышеприведенное замѣчаніе Рыбушкина, что башня не можетъ считаться татарскою, потому что покоритель Казани приказалъ истребить здѣсь не только домы, но даже разметать молитвенные храмы и гробницы царей, не имѣетъ значенія, потому что Писцовая книга указываетъ на нѣсколько татарскихъ палатъ и двѣ мечети—Муралеева и противъ Благовѣщенія. Татарскія каменныя зданія были не разрушены, но имъ дано другое назначеніе, такъ напр. мечеть Муралева обращена въ христіанскій храмъ и т. п.

Сверхъ этихъ доказательствъ о татарскомъ происхожденіи Сумбекиной башни, важнымъ основаніемъ для признанія этой башни за памятникъ татарскій, представляются татарскія преданія, потому что было бы невѣроятно, чтобы Татары предъявили свои права на этотъ памятникъ и стали бы придавать ему священное значеніе, если бы онъ былъ русской постройки, о чемъ не могли не знать Татары, передъ глазами которыхъ должно было строиться это новое русское зданіе ([11]).

10. Мусульманскіе надгробные камни въ гор. Казани и окрестностяхъ ея. В. В. Вельяминовъ-Зерновъ ([1]) указываетъ въ Казани падгробный памятникъ, па-

([11]) О Сумбекиной башнѣ и сосѣдней церкви упоминается въ «Извѣстіи о древн. памятникахъ, находящихся въ вѣдомствѣ Гл. Управл. путей сообщенія и публичн. зданій», напечатанномъ въ Извѣст. Археол. Общ. III, 287, 288.

«Въ г. Казани: а) башня Сююмбеки, каменная, находящаяся въ Казанской крѣпости, по правую сторону военно-губернат. дома. Основаніе башни четвероугольное и вокругъ нея уступы или ходы. На поддержаніе въ существующемъ видѣ предполагается составить проэктъ и смѣту; в) церковь Сошествія Св. Духа, каменная, находящаяся возлѣ военно-губернаторскаго дома, отдѣланная въ 1854 г., безъ измѣненія существующаго фасада».

Это извѣстіе указываетъ на возможность искать въ вѣдомствѣ Министр. путей сообщенія или въ Строительномъ отдѣленіи Казанск. Губернск. Правленія, образованнаго изъ Строит. Коммиссіи, между архивными дѣлами, какихъ нибудь объясненій происхожденія этихъ зданій.

([1]) «Изслѣдованія о Касимовск. царяхъ и царевичахъ» I 548—563.

поминающій наружнымъ видомъ своимъ, величиною и вырѣзанными на немъ надписями касимовскіе камни. Г. Бельяминовъ-Зерновъ узналъ о существованіи казанскаго камня изъ письма, полученнаго въ 1860 г. муллою Хусейнъ Фейзъхановымъ отъ казанскаго муллы Шегаб-ед-дина сына Бега ед-дина ель Мерджанія. Бельяминовъ-Зерновъ приводитъ это письмо въ подлинникѣ и переводѣ:

„Въ нашей мечети (мечеть, о которой пишетъ Шегабъ-ед-динъ, есть такъ называемая первая каменная мечеть) находится камень; въ длину онъ имѣетъ два аршина безъ вершка, въ ширину — 3 четверти, въ толщину — 5 вершк. Верхъ его съуженъ. Надпись въ 6 строкахъ. Въ суженномъ, въ видѣ треугольника, верху ничего не написано. Надписи вообще явственны; только лѣвый край обломался. Выходитъ вотъ что: „Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: Все, что ни есть въ мірѣ, то должно погибнуть; вѣчно одно лицо Господа твоего, полное величія и славы. Въ 936 (т. е. въ 1530) г. сынъ Шахъ-Мухаммедъ-бика, Мухаммедъ-Али-бикъ, въ мѣсяцѣ зуль-кааде (т. е. въ іюнѣ, или въ іюлѣ), (погибъ) мученикомъ отъ руки невѣрныхъ“. На правомъ краѣ надпись: „Сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ міръ: жизнь человѣческая скоропреходяща; употребляй ее на дѣла угодныя Богу“. На лѣвомъ краѣ надпись обломалась; остались только слово „сказалъ“, и буквы „а“ и „л“. Не кроется ли въ этихъ буквахъ слово „альпеби“ (пророкъ)? На оборотной сторонѣ камня надпись: „памятникъ этотъ поставилъ сынъ, Тенгри-кулы-бикъ“... И такъ въ могилѣ, надъ которою поставленъ былъ описанный мною памятникъ, похороненъ былъ нѣкто, по имени Мухаммедъ-Али-бикъ, сынъ Шахъ-Мухаммеда-бика; погибъ онъ мученикомъ отъ руки невѣрныхъ въ мѣсяцѣ зуль-кааде 936 г. По всей вѣроятности, лишился онъ жизни въ одной изъ войнъ, бывшихъ до покоренія Казани Русскими: онъ былъ казненъ, либо убитъ (2). Памятникъ надъ нимъ, какъ видно, поставилъ, т. е. камень поставить и надпись вырѣзать велѣлъ его же

(2) Именно 16 іюля 1530 г., какъ сказано въ «Каз. Ист.», взятъ былъ казанскій острогъ, при чемъ погибло много Казанцевъ. Это совершенно согласуется съ датою памятника—зуль кааде, т. е. іюнь или іюль 1530 г.

Мухаммедъ Али-бики сынъ, Тенгри-кулы-бикъ.—Я распрашивалъ о памятникѣ прихожанъ нашей мечети, стариковъ лѣтъ 60 и 70; всѣ они объявили, что съ самаго ихъ дѣтства памятникъ всегда лежалъ въ мечети; когда же онъ былъ принесенъ туда—не знаютъ. Въ томъ числѣ находился и Саидъ муэззинъ, человѣкъ лѣтъ 60; отецъ его и дѣдъ были муэззинами при этой же мечети, и самъ онъ съ ребячества чуть ли не жилъ въ ней. Говорятъ только: одни, что камень былъ перенесенъ въ мечеть съ Сѣннаго базара, и другіе, что онъ былъ прежде въ Гостиномъ ряду. Впрочемъ все это—однѣ предположенія.

Живетъ здѣсь старикъ лѣтъ 90, по имени Ахмедъ, сынъ Исмаила; онъ бодръ еще умомъ, пережилъ на своемъ вѣку много, и хорошо помнитъ всѣ происшествія. Съ давнихъ поръ онъ прихожаниномъ къ нашей мечети. Разсказываетъ онъ вотъ что: „камень этотъ открылся нашимъ взорамъ въ 1798 г. христіанскаго лѣтосчисленія, когда взрыли въ верхней части города въ Гостиномъ ряду уголъ чайнаго ряда, обращенный къ Черному озеру; въ это время я торговалъ тамъ сапогами и башмаками. Потомъ Ибрагимъ, сынъ Ходжаша, котораго звали Эфендіемъ, перенесъ камень и положилъ его въ мечети“. Ибрагимъ-Эфенди былъ третьимъ имамомъ въ нашей мечети послѣ ея построенія“.

В. В. Вельяминовъ-Зерновъ указываетъ, что камень этотъ былъ извѣстенъ еще въ 1817 г. Фуксу. Въ своей Краткой исторіи г. Казани, стр. 42, 43, въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ „Арабская надпись на камнѣ, найденномъ въ Казанскомъ Гостиномъ ряду“, онъ сообщаетъ переводъ съ одной надгробной надписи. „Если сличить, говоритъ Вельяминовъ-Зерновъ, этотъ переводъ съ подлинникомъ, списаннымъ Шегаб-ед-диномъ, то увидимъ тотчасъ же, что рѣчь у обоихъ идетъ объ одномъ и томъ же камнѣ. Переводъ Фукса не вѣренъ; тѣмъ не менѣе онъ не лишенъ значенія. Изъ заголовка надъ нимъ, мы узнаемъ, что камень дѣйствительно былъ найденъ, какъ сообщилъ о томъ Шегаб-ед-дину, Ахмедъ Исмаиловъ, въ Гостиномъ ряду; вѣроятно при Фуксѣ онъ еще и лежалъ тамъ, такъ какъ о мечети не сказано у него ни слова“.

Другой надгробный мусульманскій камень лежитъ въ загородномъ архіерейскомъ домѣ, такъ называемомъ Новомъ Іерусалимѣ, находящемся недалеко отъ Казани.

П. Васильевъ въ сообщеніи Первому Археологическому Съѣзду ([3]) говоритъ, что камень находится при входѣ въ монастырскія ворота, направо, онъ весь истрескался, надпись на татарскомъ языкѣ такъ истерта, что разобрать ее нѣтъ возможности. Длина камня 2 аршина, вышина 5 верш. По разсказу старожиловъ, подъ этимъ памятникомъ похороненъ какой-то Казанскій татарскій пророкъ (?), особенно чтимый Казанскими Татарами, которые постоянно приходятъ покланяться праху этого пророка. Но кто этотъ пророкъ—никому не извѣстно.

Осмотрѣвши этотъ камень, я считаю сообщеніе г. Васильева неточнымъ: камень имѣетъ 5 арш. дл. и 1 арш. 5 вершк. ширины, онъ лежитъ верхнею частью къ дорогѣ; верхняя часть обозначается обсѣченною на камнѣ дугою, внутри которой находится надпись, продолжающаяся и ниже обсѣченнаго пространства, строками; можно ясно различить 10 строкъ, послѣднія двѣ строчки очень стерты, а далѣе буквъ уже не видно; можетъ быть, надпись здѣсь оканчивалась или нижняя половина очень стерта.

Кромѣ этой надписи, уже въ самомъ полисадникѣ, разведенномъ передъ архіерейскимъ домомъ, возлѣ колокольни, лежитъ другой небольшой камень, почти квадратный—14 верш. въ длину и 13 въ ширину; въ одномъ углу этого камня видно нѣсколько буквъ. Возлѣ послѣдняго камня лежитъ еще третій треугольный осколокъ въ $14^1/_2$ вершк. въ длину, 11 верш. въ шир., но никакихъ буквъ на немъ незамѣтно. Ко второму камню, также какъ и къ первому, Татары приходятъ молиться.

Г. Березинъ ([4]), указывая на камни, на которыхъ встрѣчается обозначеніе года „пришествія угнетенія“ ([5]) говоритъ, что этотъ годъ является и на одномъ камнѣ на дворѣ архіерейскаго дома подлѣ Казани. На основаніи опредѣленія Березинымъ положенія камня, не передъ воротами архіерейскаго дома, а на самомъ дворѣ, подъ камнемъ, упоминаемымъ Березинымъ, должно разумѣть второй мною указываемый. Какимъ образомъ попали сюда камни—неизвѣстно.

([3]) Труды I Археол. Съѣзда CXXV.

([4]) «Булгаръ на Волгѣ» стр. 132.

([5]) См. объ этомъ ниже «Мусульманскія надписи въ Булгарѣ».

Въ протоколахъ Археологическаго Общества 1856 г. указано, что адъюнктъ арабскаго языка въ Спб. университетѣ Навроцкій сообщилъ снимокъ и объясненіе двухъ мусульманскихъ надгробныхъ надписей, находящихся близъ Казани и любопытныхъ, какъ въ палеографическомъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніяхъ (6).

Гдѣ находятся эти надгробія неизвѣстно; должно предполагать, что здѣсь говорится о двухъ вышеуказанныхъ камняхъ, изъ которыхъ одинъ подлѣ воротъ архіерейскаго дома, а другой около колокольни.

Въ протоколѣ 5 декабря 1859 г. сказано, что В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, на котораго возложено было разсмотрѣніе статьи г. Навроцкаго: „О двухъ древне-мусульманскихъ могильныхъ памятникахъ, находящихся близъ Казани“, представилъ о ней свое мнѣніе. Положено: напечатать эту статью, выписавъ предварительно изъ Казани болѣе точные и полные рисунки надписей (7).

О дальнѣйшей судьбѣ статьи г. Навроцкаго мнѣ неизвѣстно.

11. Клады русскихъ монетъ въ Казани и близъ ея. Эти клады, хотя состоятъ изъ русскихъ монетъ, но принадлежатъ, по времени своего положенія въ концѣ XV стол., къ Татарской Казани, и указываютъ, что въ то время въ Казани были капиталы изъ русскихъ денегъ.

Объ этихъ кладахъ сообщаетъ В. К. Савельевъ: „Лѣтомъ 1861 г., въ крѣпости, производились работы по передѣлкѣ крыльца у казанскаго каѳедральнаго собора; при копаніи земли для фундамента, найдены серебряныя русскія деньги (копѣйки); землекопы (поденьщики), работавшіе тутъ и нашедшіе кладъ, на другой день разбѣжались. Кладъ состоялъ изъ монетъ вел. кн. Василія Васильевича и современныхъ ему князей, большинство же составляли монеты вел. кн. Іоанна III, при которомъ, по всей вѣроятности, онѣ и попали въ землю. Тутъ также были новгородскія и псковскія.

Деньги эти большею частію скипѣлись между собою, очень почернѣли и ломались, вѣроятно, отъ вліянія сѣрнаго газа (какъ увѣряли меня серебр. дѣлъ мастера). Лучшіе и

(6) Извѣстія Арх. Общ. I, 116.

(7) Ibid. II, 262.

четкіе экземпляры разбрелись по разнымъ рукамъ, но за всѣмъ тѣмъ мнѣ удалось пріобрѣсти значительную часть монетъ, хотя не совсѣмъ хорошо сохранившихся“ (1).

Другой подобный кладъ изъ монетъ того же времени былъ найденъ въ 1854 г. близъ Казани. О послѣднемъ кладѣ В. К. Савельевъ сообщаетъ: „Лѣтомъ 1854 г., невдалекѣ отъ Казани, найденъ былъ кладъ русскихъ серебряныхъ денегъ. Подробности находки мнѣ неизвѣстны. Кладъ былъ весьма значителенъ и заключалъ въ себѣ монеты вел. кн. Вас. Вас. Темнаго и современныхъ ему князей русскихъ; также новгородскія, псковскія и великаго князя Іоанна III, въ царствованіе котораго,—вѣроятно во время войнъ съ Казанью,—деньги эти были положены или случайно попали въ землю. Заключеніе это я вывожу изъ того, что всѣ монеты Василія Васильевича и современныхъ ему князей болѣе или менѣе потерты, т. е. потерпѣли отъ обращенія, а монеты новгородскія, псковскія и Іоанна III, исключая нѣкоторыхъ, сохранились такъ хорошо, какъ будто недавно вышли изъ подъ монетнаго станка“.

Г. Савельевъ пріобрѣлъ значительное число монетъ изъ этого клада, но, при всемъ стараніи, не успѣлъ пріобрѣсти кладъ въ полномъ его составѣ (2).

Г. *Арскъ.*

Заштатный г. Арскъ, находящійся на правомъ берегу Казанки, въ 63 верст. отъ Казани, считается построеннымъ на мѣстѣ древняго татарскаго города Арска, упоминаемаго въ русскихъ лѣтописяхъ (1); указываютъ обыкновенно на

---

(1) Изв. Археол. Общ. V, 373.

(2) Зап. Арх. Общ. IX, 188.

(1) Если не считать извѣстія Степ. кн. о данныхъ кн. Өед. Ростиславичу городахъ, гдѣ упоминается Арскъ, и упоминанія Татищевымъ въ 1391 г. «Ярска», вмѣсто котораго, какъ выше было объяснено, должно разумѣть «Кошанъ», въ первый разъ объ Арскомъ городкѣ упоминается въ 1496 г., когда противъ него ходилъ Мамукъ съ своими Ногаями. Затѣмъ объ немъ говорятъ лѣтописи и Курбскій, описывая послѣднюю осаду г. Казани въ 1552 г., при этомъ упоминается и Арскій князь.

сохранившіеся здѣсь остатки древняго укрѣпленія, но при этомъ нерѣшительно относятъ ихъ ко времени татарскаго владычества, считаютъ возможнымъ признавать ихъ и за остатки древняго русскаго укрѣпленія.

Я думаю, что послѣднее совершенно справедливо: это видно и изъ древнѣйшаго описанія Арска Рычковымъ (²).

Послѣдній говоритъ, что имя этого города происходитъ отъ древнихъ его обитателей, называемыхъ Татарами „Ары". „Но мы находимъ остатки сего народа въ Вотякахъ. Говорятъ, что тутъ живали древніе владѣтели вотскаго народа, и что сіе мѣсто было первенствующимъ ихъ жилищемъ. Остатковъ древностей нынѣ никакихъ тамъ не находится, кромѣ стариннаго вотскаго кладбища и ихъ керемети, или молитвеннаго мѣста, видимаго при восточномъ концѣ пригородка, посреди отрощенныхъ березовыхъ деревъ. Чтожъ касается до нынѣшняго состоянія сего мѣстечка, то въ немъ ничего болѣе не видно, какъ только обветшалый замокъ, внутри коего построены двѣ деревянныхъ церкви и 100 обывательскихъ домовъ".

По смыслу этого мѣста, видно, что Рычковъ не считаетъ обветшалый замокъ памятникомъ вотскаго владычества; слѣдовательно замокъ принадлежалъ къ позднѣйшимъ русскимъ укрѣпленіямъ, которыя, какъ видно изъ другихъ мѣстъ сочиненія Рычкова, послѣдній отчетливо отличалъ отъ болѣе древнихъ.

Но что такое обветшалый замокъ, упоминаемый Рычковымъ? На картѣ Казанской губ. конца прошедшаго столѣтія показанъ земляной валъ въ южн. части города Арска, а въ южномъ углу вала старинная ветхая башня; среди вала показана соборная церковь, деревянныя казенныя строенія и присутственныя мѣста. Георги (³) указываетъ на деревянную крѣпость въ Арскѣ.

Вѣроятно, Рычковъ подъ замкомъ разумѣлъ этотъ валъ и деревянную крѣпость, но не считалъ ихъ памятниками до-русскаго владычества въ этомъ краѣ.

Георги (ibid) объ Арскѣ говоритъ только, что онъ представляетъ открытое, маленькое мѣстечко, съ маленькою де-

(²) «Продолженіе журнала», стр. 5.

(³) «Bemerkungen, стр. 809·

ревянною крѣпостью. О древности этой крѣпости Георги не представляетъ никакихъ замѣчаній.

Послѣдующіе описатели обращали вниманіе на остатки этого, очевидно, позднѣйшаго укрѣпленія.

„Къ числу остатковъ отъ народовъ иноплеменныхъ можно, кажется, говоритъ Второвъ (4), отнести и древнюю деревянную башню, находящуюся въ заштатномъ г. Арскѣ". Затѣмъ г. Второвъ описываютъ эту башню, архитектура которой будто бы служитъ доказательствомъ глубокой древности. „Преданіе говоритъ, что такихъ башень было здѣсь нѣсколько, и что между ними находились деревянныя стѣны, которыя всѣ уже разрушились".

Второвъ представляетъ и размѣры этой башни.

Артемьевъ въ статьѣ „Арскъ" (Каз. Губ. Вѣд. 1847 № 10) говоритъ, что отъ временъ древнихъ въ Арскѣ уцѣлѣли часть земляныхъ укрѣпленій, валы, между которыхъ теперь стоятъ церкви. Кромѣ того тутъ же стоитъ деревянная башня. Аремьевъ повторяетъ Второва, что, по преданію, такихъ башень было нѣсколько и что между ними находились деревянныя стѣны; и прибавляетъ, что остатки стѣнъ можно видѣть еще и понынѣ, по окраинѣ рва, съ двухъ сторонъ, сѣверной и восточной; затѣмъ Артемьевъ повторяетъ, что архитектура башни носитъ признаки глубокой древности, и представляетъ описаніе башни, которое отличается отъ описанія Второва измѣреніемъ размѣровъ ея. „Башня годъ отъ году ветшаетъ, известковая гора, на которой она воздвигнута, обваливается болѣе и болѣе".

Болѣе подробное описаніе древностей Арска представляетъ свящ. Маловъ (5). Онъ говоритъ, что гора, на которой стояла крѣпость, съ юга составляетъ горный берегъ Казанки, съ вост. и запада крѣпость ограждена природными оврагами, лежащими отъ сѣв. къ югу, или къ Казанкѣ, отъ вершины перваго оврага до вершины другаго дугою сдѣланъ искусственный ровъ. На поверхности горы замѣтны бороздки крѣпостныхъ стѣнъ. Арская крѣпость въ стѣнахъ своихъ имѣла семь башень: слѣды ихъ на землѣ видны и по

(4) «Памятники древности въ Каз. губ.» въ Ж. М. Вн. Д., 1840, т. 40.

(5) «Городище Ст. Казани и г. Арскъ», въ V т. Зап. Археол. Общ.

сіе время. Маловъ подробно описываетъ одну уцѣлѣвшую башню и указываетъ слѣды остальныхъ шести. „Іоанномъ-ли Васильевичемъ IV построена была Арская крѣпость, или осталась она отъ татарскаго владычества, объ этомъ, говоритъ Маловъ, у окрестныхъ жителей нѣтъ преданія; есть только преданіе, что въ этой крѣпости Русскіе защищались отъ Татаръ, нѣсколько разъ нападавшихъ на нихъ".

Послѣднее преданіе указываетъ, что это русская крѣпость. Кромѣ того Маловъ приводитъ другія показанія жителей, которыя представляютъ это укрѣпленіе русскимъ и недавнимъ. „Поверхность горы Арской крѣпости ровная, только противъ алтаря Божьяго храма, который стоитъ на срединѣ самой горы, находится небольшая ложбинка, оставшаяся, какъ говорятъ, отъ какого-то подвала, существовавшаго въ то время, когда Арскъ былъ городомъ штатнымъ". „Было ли что промежду сторонъ крѣпостной стѣны, старожилы не помнятъ; но знаютъ, что стѣна была изъ сосноваго прочнаго лѣса, сверху въ одинаковую высоту съ внутреннею стѣною, въ прямушку (горизонтально) покрытая досками".

Невѣроятно, чтобы деревянная стѣна, со времени татарскаго владычества, сохранялась такъ хорошо, что современные жители указываютъ на подробности ея устройства.

Можетъ быть, только искусственный ровъ, упоминаемый однимъ Маловымъ, а также и земляной валъ, о которомъ послѣдній не упоминаетъ, принадлежали болѣе древнему времени; но, какъ мы видѣли, Рычковъ и Георги не говорятъ о древнихъ валахъ и рвѣ.

Наконецъ въ 1873 г. И. А. Износковъ сообщилъ Отдѣлу антропологіи и этнографіи Общества естествоиспытателей при Каз. университетѣ (6), докладъ объ Арской башнѣ, во исполненіе полученнаго имъ предложенія Отдѣла. Докладъ свой г. Износковъ начинаетъ выпискою мѣста, относящагося къ этой башнѣ, изъ сочиненія Лаптева „Матеріалы для географіи и статистики Каз. губ." На послѣднее сочиненіе я не указывалъ, потому что относительно казанскихъ древ-

(6) См. протоколъ засѣданія Отдѣла 7 ноября 1873 г.

ностей оно представляетъ только извлеченія, часто очень краткія, изъ другихъ, болѣе самостоятельныхъ трудовъ. Объ Арской башнѣ Лаптевъ повторяетъ сказанное Второвымъ. Затѣмъ г. Износковъ представляетъ настоящее состояніе этой башни и замѣчаетъ, что она очень ветха и не падаетъ бладаря только подпоркамъ. „Башня стоитъ недалеко отъ обрыва горы, съ котораго, по всей вѣроятности, въ скоромъ времени она скатится".

Д. *Надгробные памятники и признаки городищъ по р. Казанкѣ.*

Георги говоритъ (ib. 810), что при многихъ татарскихъ деревняхъ, по обѣимъ сторонахъ р. Казанки, лежатъ отдѣльно или помногу древніе могильные камни съ арабскими и татарскими надписями. Георги давалъ болѣе видныя читать деревенскимъ мулламъ, которые съ трудомъ могли правильно перевести имя умершаго и годъ смерти, считая отъ бѣгства Мухаммеда; открылось, что камни покрываютъ незнатныя могилы и были поставлены незадолго до покоренія Казани или послѣ этого.

Фуксъ въ Краткой исторіи г. Казани указываетъ на небольшое число надгробныхъ камней, тамъ и сямъ попадающихся въ верховьяхъ Казанки (1).

1. **Древнія могилы около дер. Собакиной.** Профессоръ А. Н. Бекетовъ, владѣлецъ дер. Собакиной (Янчурино), находящейся въ 24 вер. отъ г. Казани на сѣв.-вост. и въ 4 верст. къ югу отъ лѣв. берега Казанки (на большой Сибирск. дорогѣ), сообщилъ мнѣ, что къ югу отъ его деревни, въ верховьѣ рч. Янчурки, которая течетъ на сѣв., впадая въ Казанку, находится мѣстность называемая „стрѣлкою".

Мѣстность эта представляетъ островъ, окруженный ручьями, изъ которыхъ сливается рч. Янчурка. На этомъ островѣ находится нѣсколько десятковъ древнихъ татарскихъ могилъ, которые Татары почитаютъ священными; проѣзжающіе черезъ деревню Татары останавливаются передъ эти-

(1) Казанск. Извѣстія 1817, № 67; отд. оттискъ.

ми могилами для моленій и обмываются водою изъ одного изъ вышеупомянутыхъ ручьевъ, который также почитаютъ священнымъ.

2. **Город. около дер. Бимери**, находящейся въ 30 верст. отъ г. Казани, на сѣв.-вост., въ 5 верст. на сѣв. отъ вышеуказанной дер. Собакиной, въ верстѣ отъ праваго берега Казанки. Профессоръ Бекетовъ, землевладѣлецъ сосѣдній съ дер. Бимери, сообщилъ мнѣ, что на горѣ около этой деревни замѣтны нѣкоторые признаки городища (земл. валы) и что на этомъ мѣстѣ иногда находятъ нѣкоторыя татарскія вещи и монеты.

3. **Городище около дер. Уньбы**, находящейся на правомъ притокѣ Казанки, который названъ по имени только на рукописной картѣ конца прошедшаго столѣтія—Шемяковка, верст. въ 10 отъ устья этой рѣки или отъ праваго берега Казанки. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ И. А. Износковымъ, въ этой дер. встрѣчаются признаки древняго городища. Около дер. находится лѣсъ, въ которомъ попадаются фруктовыя деревья; по преданію, это былъ садъ бывшихъ владѣтелей (царей?) городища.

4. **Предполагаемое укрѣпленіе при дер. Карамышъ.** Г. Золотницкій (Чув. Слов. 272) указываетъ на дер. Карамыш-Казанбашъ, на р. Казанкѣ, 12 верстъ выше г. Арска. Названіе Карамышъ, какъ мы уже видѣли, Г. Золотницкій считаетъ указаніемъ на сторожевой пунктъ. Предположеніе Г. Золотницкаго относительно нѣкоторыхъ селеній съ такимъ названіемъ подтверждается другими данными; относительно Карамыша въ верховьяхъ Казанки, можно только сказать, что мѣстоположеніе этого селенія, ниже котораго по Казанкѣ начиналась самая населенная и богатая часть Казанскаго царства, а выше, на сѣверѣ, жили не всегда спокойные Черемисы и Вотяки, представляется весьма подходящимъ для устройства здѣсь сторожеваго пункта.

XIII. СѢВЕРНАЯ УКРАЙНА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

1. **Древняя могила въ дер. Ядигаръ.** Эта деревня находится въ сѣв.-западномъ углу Мамад. у., верст. въ 7 отъ границы Вятск. губерніи.

С. Мельниковъ (1) говоритъ, что, по народному преданію, казанскій царь Едигеръ (правильнѣе Ядигаръ), отъ котораго и деревня эта получила свое названіе, еще до покоренія Казани, вслѣдствіе какихъ то распрей бѣжалъ и поселился здѣсь, съ своими приверженцами, которые впослѣдствіи обокрали его и бѣжали. Ядигаръ съ семействомъ и нѣсколькими оставшимися крестьянами дожилъ вѣкъ свой въ величайшей бѣдности. Указываютъ могилу, обнесенную высокими земляными валами, у которой, говорятъ, находится камень съ надписью, но повѣрить и посмотрѣть это г. Мельниковъ не могъ по зимнему времени.

Это преданіе можетъ служить однимъ изъ лучшихъ доказательствъ полной недостовѣрности татарскихъ преданій. Судьба казанскаго царя Ядигара, взятаго Русскими въ плѣнъ въ 1552 г., очень хорошо извѣстна изъ русскихъ лѣтописей. Очевидно, что только на основаніи сомненнаго названія этой деревни явилось это преданіе. Но сообщеніе Мельникова всетаки указываетъ на существующую въ этой деревнѣ древнюю могилу, обнесенную высокими земляными валами и съ могильнымъ камнемъ, на которомъ есть надпись.

2. Древняя могила въ д. Карадуванъ на р. Шошмѣ, которая течетъ отсюда далѣе на сѣв.-вост. и впадаетъ въ р. Вятку въ Малмыжскомъ у. Вятской губ. Деревня стоитъ на самой границѣ Казанскаго уѣзда съ Малмыжскимъ.

Н. Ф. Юшковъ (1) сообщаетъ о древней могилѣ въ этой деревнѣ: „Въ срединѣ деревяннаго четыреугольнаго сруба, которымъ обыкновенно окружаютъ могилы татарскія, растетъ дерево громадной толщины, доказывающей многолѣтіе; возлѣ дерева стоитъ вкось большой камень. „За темнотою г. Юшковъ не разсмотрѣлъ надписи, но при ощупываніи чувствовалась надпись“.

Г. Юшкову сообщили, что у муллы сосѣдней деревни Тавзарова объ этой могилѣ есть какая-то рукопись. Мулла былъ вызванъ для распросовъ въ Карадуванъ, но, говоритъ г. Юшковъ, „вѣроятно, муллу кто-нибудь напугалъ, что его

---

(1) «Почин. Шемарданъ и дер. Едигерова» Каз. губ. Вѣд. 1862, № 18.

(1) Протоколы засѣданій Общ. естествоиспыт. при Каз. унив., годъ IV.

требуетъ чиновникъ, потому что было замѣтно, что мулла видно стѣснялся меня, при моихъ распросахъ. Онъ на отрѣзъ отказался отъ того, чтобъ у него была какая либо рукопись объ этой могилѣ, сообщилъ только, что могила эта точно пользуется уваженіемъ у мухаммеданъ не только окрестныхъ, но и дальнихъ, пріѣзжающихъ сюда на молитву; что похороненъ въ ней великій святой—„Аулеа“ (²), что онъ здѣсь похороненъ еще во время покоренія Казани грознымъ царемъ, что на памятникѣ есть какая-то надпись, но что самъ онъ ее читать не умѣетъ, а что былъ у нихъ одинъ старый мулла, нынѣ умершій, который ее разбиралъ“.

Татары этой деревни сообщили Юшкову слѣдующее преданіе: „Когда г. Казань былъ взятъ царемъ Ив. Вас., то одинъ князь, а по другимъ—мулла, но происходившій изъ княжескаго рода, былъ убитъ въ Казани, гдѣ ему-де была отрублена голова по приказу царя, по однимъ, и просто—во время сраженія, по другимъ. И что вотъ голова эта покатилась изъ Казани, а за нею, на нѣкоторомъ разстояніи, потащилось и туловище. Что наконецъ голова, прикатившись къ тому мѣсту, гдѣ теперь могила, остановилась; тутъ же остановилось и туловище, почему де трупъ и былъ зарытъ на этомъ мѣстѣ. Что могила эта пользуется точно большимъ почетомъ у мухаммеданъ и что на поклоненіе ей съѣзжаются изъ разныхъ, даже весьма отдаленныхъ мѣстъ, что поклоняющіеся ей оставляютъ на памятникѣ деньги, которыя собираютъ муллы сосѣднихъ 4 татарскихъ деревень и онѣ идутъ на нужды мечетей“.

Въ г. Арскѣ прежде указывали г. Юшкову на эту могилу и сообщили о рукописи, имѣющейся у муллы дер. Тавзарова; и говорили, что ходятъ-де разсказы, что въ этой могилѣ похороненъ одинъ мулла, которому велѣлъ отрубить голову Пугачевъ.

Такимъ образомъ русское преданіе противорѣчитъ татарскому. При этомъ должно замѣтить, что Русскіе обыкновенно пріурочиваютъ разные памятники древности, часто весьма отдаленной, къ царю Ив. Вас. и Пугачеву, къ личному посѣщенію ими этихъ мѣстностей; между тѣмъ, какъ

(²) Аулея, арабское слово, значитъ «святой».

оказывается, ни царь, ни Пугачевъ никогда тамъ не бывали.

3. Древняя могила въ селѣ Хотнѣ на прав. притокѣ Шошмы, къ юго-западу отъ предыдущей дер. Карадуванъ. Г. Юшковъ (ibid) сообщаетъ, что въ помѣщичьемъ саду с. Хотни, принадлежащемъ гг. Перцовымъ, находится гротъ, выложенный большими камнями, изъ котораго выбѣгаетъ ручей, стекающій въ озеро по руслу, тоже высланному камнями. Оказывается, что прежде земля эта была татарская, на мѣстѣ нынѣшняго сада было татарское кладбище, въ гротѣ похороненъ великій святой, изъ его могилы бьетъ ручей.

Эта земля стала принадлежать гг. Перцовымъ съ 1812 г., при покупкѣ земли было постановлено условіемъ, чтобы гг. Перцовы дозволяли правовѣрнымъ пріѣзжать для поклоненія на могилу ихъ святому, что и исполняется доселѣ. Г. Юшковъ сообщаетъ, что онъ самъ встрѣтилъ здѣсь пилигримовъ, пріѣхавшихъ изъ Астрахани (?).

Сверхъ того Юшковъ узналъ, что надъ этой могилой мухаммедане заставляютъ клясться того, отъ кого желаютъ узнать истинную правду, взять клятву нерушимую.

4. Древнія кладбища въ дер. Уджумъ и въ 2 верстахъ отъ нея. Объ этихъ кладбищахъ передалъ г. Вельяминову-Зернову (1) мулла Хусейнъ Фейзъ-хановъ сообщеніе, полученное въ 1861 г. отъ казанск. муллы Шегабед-дина: „Казанской губерніи въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, на берегу р. Ашитъ, на кладбищѣ дер. Уджумъ, находятся надгробные камни съ красивыми надписями, и съ искусно подобранными въ заголовкѣ ихъ стихами изъ курана и хадисами. Поневолѣ приходишь къ заключенію, что въ то время люди здѣсь жили хорошо образованные. Не смотря на это, имена собственныя и обороты рѣчи, всѣ—чисто татарскіе. Такъ, на большей части памятниковъ, въ заголовкѣ написано: „Всякая душа должна вкусить смерти; не вѣдаетъ никто въ какой странѣ онъ умретъ“. Въ числѣ могилъ находятся и двѣ рядомъ, которыя отстоятъ верстахъ въ $1^1/_2$ или 2 отъ помянутаго селенія Уджумъ, и слывутъ подъ именемъ могилъ мучениковъ. Надъ одной изъ нихъ послѣ заголовки

(1) Изслѣдованіе о Касимовск. царяхъ и царевичахъ, I, 534, 536, 537.

написано: „Это могила султана .... великаго“. Надъ словомъ султана, есть еще одно слово мудреное, котораго я не могъ разобрать. За тѣмъ значится; „Въ 947 (1540) году сынъ Баймурзы Даима Ядигаръ погибъ отъ руки невѣрныхъ“. Есть еще одинъ камень, на которомъ написано: „Въ 948 (1542) г., въ мѣсяцѣ зиль-кааде, сынъ Неджимъ бая Четышъ, проѣзжая дорогой, отшелъ отъ сего міра. Господь всевышній да помилуетъ его“. Вмѣсто „проѣзжая дорогой“, можно читать еще „проѣзжая въ Ору“; Ору есть большое селеніе, лежащее въ недальномъ разстояніи, не болѣе какъ въ 6 верст. отъ дер. Уджума. Еще на одномъ камнѣ, который находится въ нынѣшнемъ кладбищѣ сел. Уджумъ, написано: „Въ 1018 (1610) г. въ благословенномъ мѣсяцѣ зиль-хиджже, Шедякова сына Мамая, Господь всевышній да помилуетъ. Аминь. Владыко вселенной“. Какъ самый камень, такъ и почеркъ надписи красивы.

Еще на одномъ камнѣ значится: „Въ 950 (1543,4) г., въ шеввалѣ случилось то, что Неджимъ-бая (или бика) сынъ Судалъ-бай скончался“.

Имѣется еще камень съ слѣдующею надписью: „Въ 1020 (1611) г., въ благословенномъ мѣсяцѣ мухарремѣ, Ючузи сынъ Муса...“

Памятники нынѣшняго кладбища дер. Уджума 1610 и 1611 г. принадлежатъ уже ко времени владычества здѣсь Русскихъ, но находящійся здѣсь камень 1543 г. указываетъ, что это кладбище началось до завоеванія Казани, слѣдовательно принадлежитъ къ памятникамъ Казанскаго царства.

5. Валъ между дер. Бол. Кубякъ и Ашьезъ въ Царевококш. у., къ юго-зап. отъ предыдущей дер. Уджумъ, указалъ Эрастъ Фадѣевъ еще въ 1848 г. (1). Валъ на возвышеніи отъ поверхности рѣки Ашитъ, служащей границей между Царевококш. и Казанскимъ уѣздами. Валъ саж. въ 30 (?), онъ опоясываетъ крутизну берега со внутренней стороны, концами сходитъ къ обрыву; длина вала саж. 300 (?). Вокругъ его съ наружной стороны идетъ ровъ, глуб. арш. 3 Валъ, какъ видно, состоялъ изъ глины и уничто-

(1) «Повѣрья и преданія крестьянъ Царевококш. у.» въ Каз. Губ. Вѣдом, 1848 г., № 43.

женныхъ временемъ кирпичей, по этому можно думать, что на валу была стѣна. Съ сѣв. и южной сторонъ есть выѣздъ шир. арш. 4. По сказанію жителей (Татаръ) сосѣднихъ деревень, на этомъ мѣстѣ былъ татарскій городъ, гдѣ жилъ ихъ князь или ханъ; имя его неизвѣстно, какъ и имя города. Основаніе города полагаютъ ранѣе основанія Казани.

Артемьевъ (Предисл. къ Сп. насел. м. XXXIII) также указываетъ на этотъ валъ, вкратцѣ повторяя сообщеніе г. Фадѣева.

6. **Курганы около дер. Туруновой**, находящейся верстъ на 5 къ востоку отъ г. Царевококшайска. Въ „Замѣткахъ“ показана насыпь въ 50 саж. отъ дер. Туруновой и въ такомъ же разстояніи отъ рч. Семеновки, на ровномъ мѣстѣ, въ полѣ. Насыпь въ окружн. 25 саж., а въ выш. 1 саж., въ народѣ она называется курганомъ.

Г. Стояновъ заявляетъ,[1] что близъ этой деревни онъ раскопалъ три кургана; онъ сообщаетъ и о результатахъ своихъ изслѣдованій, но при этомъ онъ представляетъ все то, что добылъ отъ раскопокъ этихъ могилъ и въ нагорной сторонѣ Козмодемьянскаго уѣзда, такъ что нѣтъ возможности опредѣлить, что найдено въ той или другой мѣстности[2]. Г. Стояновъ указываетъ на коллекцію около 40 черемисскихъ череповъ, коллекцію монетъ временъ Іоанна Грознаго, Бориса Годунова, Дим. Самозванца и др. и на коллекцію топоровъ, ножей, стрѣлъ, колецъ, серегъ, браслетъ и проч.

7. **Курганъ при с. Цибикнуръ**, находящемся въ 12 верст. къ сѣверу отъ г. Царевококш. и въ такомъ же разстояніи отъ сѣв. границы Царевококшайскаго уѣзда. Курганъ при этомъ селѣ указываетъ И. А. Износковъ („Древности Каз. губ“, сост. Е. Соловьевъ, стр. 65).

8. **Луговая сторона Козмодемьянск. и Чебоксарскаго уѣздовъ.** Эти два уѣзда располагаются по обѣимъ сторонамъ Волги: по правой, горной, и по лѣвой, луговой, т. е. на югъ и сѣверъ отъ Волги. Въ южныхъ нагорныхъ частяхъ этихъ уѣздовъ, какъ мы увидимъ ниже, мѣстные археологи указываютъ на нѣкоторые остатки древнихъ укрѣпленій, курганы и древнія кладбища; но о сѣвер-

---

[1] «Предварительный отчетъ объ антропологической экскурсіи лѣтомъ 1871 г.» А. Стоянова. Протоколы Общ. естествоиспыт. при Каз. унив., третій годъ.

[2] См. ниже «Козмодем. уѣздъ».

ныхъ, луговыхъ частяхъ этихъ уѣздовъ нѣтъ никакихъ археологическихъ свѣдѣній, хотя и здѣсь предполагаютъ существованіе кургановъ т. е. земляныхъ насыпей. Только въ Чебокс. у., верст. въ 3 отъ лѣв. бер. Волги, ок. дер. Нов. Алексѣевки, указываютъ городище и стар. кладбище (см. ниже „Чебоксарскій уѣздъ“).

Встрѣчаются особенныя препятствія къ изслѣдованію кургановъ въ этихъ мѣстностяхъ. Г. Стояновъ (ibid) говоритъ, что „въ луговой сторонѣ Козмодемьянск. уѣзда Черемисы вездѣ на отрѣзъ отказывались указать какое бы то ни было старое жило, древнія могилы или курганы; самому же отыскать ихъ не было никакой возможности, такъ какъ въ луговой сторонѣ, богатой растительностью, подъ вліяніемъ энергично разрастающагося лѣса, не далѣе какъ въ 30 лѣтъ, исчезаютъ всѣ слѣды стараго жила, кладбищъ и т. п.“

XIV. СВІЯГА И ЕЯ ПРИТОКИ.

А. *Свіяжскій уѣздъ.*

1. Городище, бывшее около г. Свіяжска. Свіяжская писцовая книга, хранящаяся въ библіотекѣ Казанск. университета, указываетъ на городище близъ самаго города Свіяжска: „Сельцо Городище на Кривомъ озерку, на долгомъ, близко рѣки Свіяги .... Учинена межа приписной землѣ, лугамъ и лѣсу Троицко-Серг. монастыря, что въ Свіяжскѣ, внутри города, сельца Городища .... съ городскою землею, отъ верховья вражка и до р. Свіяги“.

Рукописная карта конца XVIII столѣтія показываетъ Кривое оз., при которомъ писц. книга упоминаетъ сельцо Городище—на сѣв. отъ города, ближе къ Волгѣ.

Въ настоящее время никто не указываетъ на слѣды этого городища.

2. Два городища на р. Сулицѣ, правомъ притокѣ Свіяги, указываетъ только Артемьевъ (Предисл. къ Сп. насел. м., XXXII). Одно городище при с. Кураловѣ, расположенномъ по обѣимъ сторонамъ Сулицы; другое при с. Улановѣ, находящемся версты на 2 къ вост. отъ Сулицы, на почтовомъ трактѣ изъ Свіяжска въ г. Буинскъ.

3. Могилы святыхъ въ дер. Маматкозиной и Сеитовой. Первая деревня находится къ вост. версты на

двѣ отъ Сулицы, а вторая къ сѣв. отъ первой, верстахъ въ 4, на почтовой дорогѣ изъ Свіяжска въ г. Буинскъ

Въ этихъ деревняхъ указываетъ могилы святыхъ неизвѣстный авторъ статьи въ Каз. Губ. Вѣд. 1847, № 14" (1). „Эти деревни, говоритъ онъ, имѣютъ въ дачахъ своихъ древніе надгробные камни, къ которымъ Татары ближайшихъ селъ приходятъ поклоняться. Здѣсь, по словамъ Татаръ, погребены великіе, благочестивые имамы Сентъ-Хоззя и Маметъ-Хоззя, которыхъ они признаютъ святыми. Кладбища по татарски называются „мазаръ", и потому въ Сентовѣ гора, гдѣ находится могила Сентъ-Хоззя, именуется и Русскими Мазарскою горою".

Изъ этихъ словъ видно, что обѣ эти деревни носятъ названія святыхъ, здѣсь погребенныхъ.

4. **Городище близъ дер. Тавлиной.** Эта деревня лежитъ на зап. отъ р. Свіяги, верст. въ 4 отъ границы Цивильскаго у. Близъ этой деревни, говоритъ неизвѣстный авторъ вышеуказанной статьи, на довольно крутомъ и высокомъ холмѣ сохранились слѣды бывшаго нѣкогда укрѣпленія. Какъ называлось это поселеніе—неизвѣстно, но жители увѣряютъ, что здѣсь нѣкогда живали казанскіе цари. Это преданіе подтверждается тѣмъ, что въ жалованныхъ грамотахъ на земли этой мѣстности говорится, что онѣ принадлежали нѣкогда царю Мухаммедъ-Аминю. Въ окрестностяхъ этого селенія выпахиваются еще и понынѣ, впрочемъ, годъ отъ году рѣже, разныя желѣзныя вещи, копья, наконечники со стрѣлъ, бердыши, кирпичи, черепица и т. п. Объ этомъ городищѣ упоминаетъ и Артемьевъ (ibid).

5. **Городище на сѣв. отъ дер. Тавлиной.** Съ версту отъ дер. Тавлиной на сѣв. стоятъ три селенія: с. Кирмели (Спасское), дер. Нов. Кирмели и с. Троицкое (Косяково); первыя два рядомъ, а послѣднее версты на двѣ къ вост. отъ первыхъ.

Артемьевъ (ibid.) указываетъ при этихъ селеніяхъ городища, но болѣе никто объ нихъ не упоминаетъ.

6. **Городище при с. Утяковѣ** на прав. берегу Свіяги, почти въ срединѣ теченія ея по Свіяжскому уѣзду.

---

(1) «Достопримѣчат. мѣста Свіяжск у. въ отношеніи археологическомъ».

Это село Списокъ насел. мѣстъ называетъ иначе Городищи, а Артемьевъ (ib.) указываетъ здѣсь остатки древняго укрѣпленія; но другіе списки селеній Каз. губ. (1) приводятъ только одно названіе этого селенія—Утяково и сверхъ того показываютъ рядомъ съ нимъ дер. Городище; тоже самое мы видимъ и на картѣ Стрѣльбицк.: на сѣв. отъ с. Утякова въ двухъ верстахъ, на томъ же берегу Свіяги, обозначена дер. Городище. Въ Сп. насел. м. Каз. губ. деревня съ послѣднимъ названіемъ въ Свіяжск. у. не упоминается, но между тѣмъ она существуетъ, какъ видно изъ другихъ источниковъ, и ея мѣстоположеніе, вѣроятно, и опредѣляетъ городище, указанное Артемьевымъ при с. Утяковѣ.

Существованіемъ при дер. Городище остатковъ древняго укрѣпленія подтверждается предположеніе Н. И. Золотницкаго о значеніи въ смыслѣ сторожеваго пункта названія дер. Карамышихи, которая стоитъ прямо противъ дер. Городище, на другомъ, лѣвомъ берегу Свіяги. О дер. Городище, находящейся противъ Карамышихи, г. Золотницкому не было извѣстно.

Дер. Карамышиха могла быть передовымъ сторожевымъ пунктомъ укрѣпленія, находившагося на другомъ берегу Свіяги.

7. Япанчино-городище на р. Кубнѣ, лѣвомъ притокѣ Свіяги, въ 1 верстѣ отъ дер. Луковской, находящейся на правомъ берегу Кубни.

Въ „Замѣткахъ“ въ этой мѣстности показаны двѣ землян. насыпи въ видѣ валовъ, идущія параллельно другъ другу: однимъ концомъ онѣ упираются въ Кубню, а другимъ въ болото, и раздѣлены канавою, глуб. отъ 2—3 саж.; точно также эти насыпи обрыты канавой и съ другой стороны, но глубина ея менѣе лежащей между валами.

Длина валовъ простирается до 100 саж., а ширина 2 саж. Валы имѣютъ форму ломанной линіи, а поверхность—холмистую, одинъ изъ нихъ въ настоящее время распахивается подъ посѣвъ; со стороны Кубни валы постепенно осыпаются.

---

(1) «Вѣдомость о приращ. сельск. населенія Каз. Губ.» и «Свѣдѣнія о разстояніяхъ сел. отъ гг. уѣзднаго и губ».

Близъ валовъ, съ обѣихъ сторонъ, по берегу рѣки, были находимы человѣческія кости, а въ 1873 г.—рогъ неизвѣстнаго животнаго (онъ распиленъ на двѣ части), имѣющій дугообразную форму, дл. 2 арш. 11 вершк., въ діаметрѣ $1^1/_2$ в., вѣсомъ 31 фунтъ; въ нижнемъ концѣ находится пустота на $^1/_4$ арш.

Насыпи эти извѣстны въ народѣ подъ именемъ Япанчина городища, но преданій о нихъ никакихъ не сохранилось.

Послѣднее заявленіе „Замѣтокъ“ объ отсутствіи преданій объ этомъ городищѣ опровергается нижеслѣдующимъ.

Г. Шарловскій (1) указываетъ на бывшій нѣкогда городъ, которому принадлежали городище близъ сц. Луковскаго и упоминаемое Артемьевымъ близъ с. Утякова.

Г. Шарловскій говоритъ, что сосѣднія деревни Наратли (Русскія и Татарскія), Шушерма, Луговское и Городищи (Утяково) нѣкогда были слободами, лежащими около одного города, неизвѣстнаго теперь по имени, мѣсто котораго находилось между деревнями Русск. Наратлеями и Луговскомъ.

Обѣ деревни Наратлы находятся почти рядомъ на прав. берегу Кубни; сц. Луковское, какъ оно называется всѣми, кромѣ г. Шарловскаго, а не Луговское, находится выше этихъ селеній, на противоположномъ берегу Кубни; дер. Шушерма къ югу отъ дер. Русск. Наратлы версты на двѣ; Утяково на сѣв. отъ Луковской верстъ на шесть. Такимъ образомъ пространство этого города представляется весьма значительнымъ, но г. Шарловскій далѣе замѣчаетъ, что, послѣ завоеванія этого города Русскими, слободы Шушерма и Утякова были перенесены на другое мѣсто.

„Основателемъ этого города былъ Абдушъ-Ансалямовъ, царемъ же, по сказанію нѣкоторыхъ, былъ Канъ“. Относительно названія царя Каномъ, должно замѣтить, что если здѣсь разумѣется не ханъ, а, дѣйствительно, Канъ, то это совершенно неправильно, потому что Канъ, Каанъ назывался царь царей, верховный владыка всей Монгольской имперіи, въ составъ которой входила и Золотая Приволжская Орда (2).

(1) «Изюлеевская волость въ Свіяжск. у «Каз. Губ. Вѣд. 1873 № 31.

(2) «Сравнит. Словарь тур.-тат. нарѣчій» Будагова, т. II, стр. 1.

Далѣе г. Шарловскій объясняетъ названія слободъ этого города: Наратли—купеческая слобода, отъ слова наратъ—сосна, такъ звали основателя ея—купца; Шушерма названа по имени основателя своего, который носилъ такое имя; Луговская называлась тогда Саладчи, отъ саладчи—солодъ, ее основалъ по ремеслу солодовникъ, теперь эта слобода носитъ названіе отъ большаго количества луговъ въ ея окрестности; въ Утяковой слободѣ жили кузнецы, основатель ея былъ кузнецъ. Сверхъ этихъ слободъ и прежде поименованныхъ, г. Шарловскій присоединяетъ здѣсь дер Бурундуки, основателемъ которой былъ старикъ Бурундукъ. Бурундуки въ настоящее время находятся верст. въ 4 на вост. отъ дер. Луковской, на притокѣ Свіяги Бирля.

Подобное объясненіе названій этихъ селеній напоминаетъ прежде господствовавшее производство названій народовъ и городовъ отъ личныхъ именъ—родоначальниковъ или основателей городовъ; затѣмъ приведенное производство названій представляетъ очевидныя ошибки: Наратлы дѣйствительно отъ слова „наратъ“—сосна значитъ мѣсто, гдѣ много сосны; Саладча значитъ именно солодовникъ, а не солодъ.

Существуютъ ли личныя имена Шушерма и Бурундукъ?—я не знаю.

Названіе Утякъ не имѣетъ никакой связи съ тюркскимъ словомъ, обозначающимъ кузнеца: выше въ той же статьѣ г. Шарловскій объясняетъ названіе этого селенія отъ основателя—вотяка.

Наконецъ и объясненіе русскаго названія сц. Луковскаго не справедливо, потому что оно происходитъ не отъ „лугъ“, а „лукъ“, я предполагаю, что это названіе произошло отъ того, что селеніе находится при рѣкѣ, гдѣ она изгибается въ формѣ лука.

„Одинъ русскій царь, продолжаетъ г. Шарловскій, неизвѣстный по имени, пришелъ съ войскомъ къ этому городу и сдѣлалъ приступъ, тогда Канъ, чтобы укрѣпить городъ, обвелъ его канавой, которая и теперь еще находится, пропустилъ въ эту канаву воду изъ р. Кубни, но, не смотря на это, городъ былъ взятъ и разрушенъ до основанія съ прочими слободами. Послѣ этого разрушенія, Шушерминская и Утяковская (Городищи) слободы перенесли въ настоящія мѣста. Послѣ пасхи, въ девятую пятницу, бываетъ на мѣстѣ прежняго города гулянье или праздникъ, въ

которомъ участвуютъ Татары, праздникъ этотъ установленъ въ честь погибшаго города".

Относительно перенесенія слободы Утяковской (Городищи) на другое мѣсто представляется возраженіемъ то, что это селеніе на своемъ настоящемъ мѣстѣ называется Городищемъ и при настоящемъ мѣстонахожденіи его, или, еще далѣе на сѣв., при дер. Городище, Артемьевъ указываетъ остатки древняго укрѣпленія.

„Есть, заключаетъ г. Шарловскій свою статью, нѣкоторыя еще преданія про этотъ городъ, но онѣ довольно сбивчивы, почему и требуютъ большой разработки, слѣдовательно и времени".

Выше я приводилъ по Френу (3) мѣсто изъ татарскаго разсказа „Дастанъ Аксакъ Тимиръ", гдѣ говорится, что одна вдова съ своими сыновьями получила отъ завоевателя тарханство и переселилась съ старшимъ сыномъ на р. Кубню. Далѣе въ этомъ разсказѣ передается: „Инсанъ бикъ, сопровождаемый матерью, достигъ горъ, гдѣ на берегу р. Кубни основалъ жилище. У этого Инсанъ-бика родился сынъ, котораго имя—Сулейманъ. Сынъ его—Кадръ, сынъ Кадра—Надиръ (или Нуръ)-Даулетъ, сынъ послѣдняго Нуръ Хассанъ, сынъ его Нуръ-Абдулъ, у него сынъ Кутушъ, у него Мактюмъ, сынъ послѣдняго Икнай, сынъ его Мухаммедъ, сынъ его Худзха-Мухаммедъ, сынъ его Тукель (Гевакеллъ), сынъ его Иишъ (Бишъ), сынъ его Улмасъ, сынъ его Чукашеръ, сынъ его Ямъ-булай, сынъ его Бикъ-Мухаммедъ, сынъ его Абдуръ Рахманъ Мулла, сыновья этого—Абдулъ Азисъ и Мухаммедъ-Шерифъ, сыновья Абдулъ-Азиса были Абдуллахъ и Абдулъ Саламанъ".

Но переименованный здѣсь рядъ потомковъ выходца изъ Бюлара не представляетъ, ни имени Абдушъ-Апсалямова, который, по Шарловскому, былъ основателемъ города на Кубнѣ, ни Япанчи, именемъ котораго можно было бы объяснить названіе Луковскаго городища Япанчинымъ, какъ оно названо въ „Замѣткахъ".

---

(3) «Bülariae urbis origo atque fata» въ Fundgruben des Orients, т. V. 210—212.

Только послѣдній упоминаемый изъ потомковъ Инсанъбика, переселившагося изъ Бюлара,—Абдулъ Саламъ, можетъ быть, соотвѣтствуетъ Абдушъ-Ансалямову.

Нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ считать Луковское городище за городъ, основанный на Кубнѣ Бюларскими переселенцами, тѣмъ болѣе, что р. Кубня протекаетъ на довольно значительномъ разстояніи, начиная съ сѣв. предѣловъ Буинскаго уѣзда, чрезъ Цивильскій, Чебоксарскій и Свіяжскій уѣзды, впадая въ послѣднемъ въ р. Свіягу. Но другихъ городищъ по теченію Кубни не извѣстно.

Наконецъ должно указать, что таже статья Шарловскаго, объясняя названія другихъ сосѣднихъ селеній, представляетъ преданіе о переселеніи въ здѣшнюю мѣстность изъ Булгара, подтверждая такимъ образомъ татарское письменное сказаніе объ этомъ.

„Нѣкто Маметъ (Мамадышъ), говоритъ г. Шарловскій, поселился въ здѣшней мѣстности, со своимъ семействомъ, состоящимъ изъ 5 сыновей и одной сестры, имена ихъ по старшинству слѣдующія: Маметъ-Куль (Акилъ), Тяугильди (Танай), Абдулъ-Галекъ (Багати), Арсланъ, Гурди и сестра Салтыкъ (Сагантыкъ)".

„Маметъ-Куль основалъ Мамадышъ-Акилово, Тяугильди—Мамадышъ Тявгильдино (Танаево), Абдулъ Галекъ—Багаево, Арсланъ—Арасланово, Гурди—Гордѣево, Салтыкъ—Салтыганово".

Я не разбираю вѣрности передаваемыхъ здѣсь именъ и правильности объясненія объ основаніи 6 селеній; и то и другое, очевидно, не выдерживаетъ критики, но важно указаніе на существующее преданіе о переселеніи сюда съ вост., изъ Булгара.

8. Город. при дер. Улановой, находящейся на р. Бирлѣ, лѣв. притокѣ Свіяги. При этой деревнѣ упоминаетъ городище только Артемьевъ (ibid.).

6. *Тетюшскій уѣздъ.*

1. Городище около дер. Деушевой, которая находится на лѣвомъ берегу р. Свіяги. Въ 36 саж. отъ этой деревни „Замѣтки" показываютъ городище кругообразной формы, 900 саж. въ окружности, оно лежитъ на высокомъ мѣстѣ, близъ озера; съ вост., юга и запада окружено ва-

ломъ и рвомъ, а съ сѣв. стороны, со стороны озера—оврагомъ. Длина вала и рва 900 саж., шир. перваго 3 саж., втораго 6 саж. Поверхность площади городка ровная и распахивается подъ посѣвы.

2. Древнее кладбище около дер. Кулганъ, находящейся на лѣвомъ берегу Свіяги, двѣ версты выше дер. Деушевой.

Въ переданныхъ мнѣ Н. И. Золотницкимъ „Свѣдѣніяхъ учителя чувашина Ал. Никиф. Доброхотова" показано около дер. Кулганъ кладбище, на которомъ до 10 камней съ надписями. Существуетъ преданіе, что здѣсь схоронены военоначальники, павшіе въ бывшемъ около этого мѣста сраженіи Татаръ съ Русскими (1). Татары изъ сосѣдней деревни Куштовой часто посѣщаютъ это кладбище и тамъ читаютъ коранъ.

3. Древнее кладбище около дер. Куштовой и Ханская гора. Деревня Куштова находится въ двухъ верстахъ на западъ отъ предыдущей деревни Кулганъ и лѣваго берега р. Свіяги.

А. Н. Доброхотовъ въ вышеупомянутыхъ „Свѣдѣніяхъ" указываетъ, что въ „Историч. Актахъ" Мельникова (стр. 10) упоминается земля „за засѣкою за Булинскими вороты, за горою Куштовою". Г. Доброхотовъ объясняетъ, что онъ лично обозрѣвалъ Куштовскую гору или возвышенность, видѣлъ на ней татарское кладбище съ едва замѣтными насыпями, гдѣ похоронены Татары, павшіе во время сраженія съ Русскими (когда было сраженіе неизвѣстно). Сопровождавшій г. Доброхотова мулла дер. Куштова объяснилъ, что тутъ родственникъ его солдатъ во время пашни нашелъ кольчугу, которая имъ распродана за дорогую цѣну по частямъ родственникамъ и знакомымъ; что кольца эти Татары пришиваютъ къ тюбетейкамъ дѣтей для предохраненія ихъ отъ сглаза; такая пришивка есть и у сына муллы.

Съ горы Куштовой, отъ кладбища прямо къ востоку, за р. Свіягой, видна часть горы, съ которой, по объясненію муллы, татарскій ханъ во время сраженія дѣлалъ свои распоряженія; по этому эта гора называется Ханскою горой.

О лѣсной засѣкѣ и Булинскихъ воротахъ преданій не сохранилось.

---

(1) См. объ этомъ сраженіи подъ слѣдующимъ нумеромъ.

4. **Город. близъ с. Больш. Фролова**, находящагося на правомъ берегу Чирки, правомъ притокѣ Свіяги.

С. Мельниковъ (1) въ 700 саж. отъ этого села къ зап., на прав. берегу р. Чирки, на небольшомъ холмѣ указываетъ городокъ. Это конусообразная возвышенность, окруженная съ сѣв. безыменнымъ суходоломъ, а съ востока двумя валами въ 3 саж. выш. Дл. его 30, а шир. 20 саж. Валы, окружающіе городокъ, довольно обвалились.

С. Мельниковъ объясняетъ, что въ древнее время эта мѣстность была занята неизвѣстнымъ народомъ, послѣ котораго остался этотъ городокъ. Это мѣсто, по древнимъ, сохранившимся у жителей документамъ, называлось „Мяри-Тюбякъ". Въ первой половинѣ XVII стол. здѣсь былъ починокъ, что на Мяръ-Тюбякѣ.

Слово тюбякъ, прибавляетъ Мельниковъ, на чувашскомъ и мордовскомъ языкахъ значитъ коренное жилище, а Мяри не указываетъ ли на имя народа—Мери?

Если послѣднее объясненіе г. Мельникова справедливо, то оно указываетъ, что здѣсь искони жила Меря, т. е. Черемисы, которые сами себя называютъ Мари.

Въ настоящее время въ уѣздахъ Свіяжскомъ, Тетюшск., Чебоксарск., Цивильск. и Ядринскомъ нѣтъ ни одного черемисскаго селенія, но прежде на пространствѣ всѣхъ этихъ уѣздовъ встрѣчались вмѣстѣ съ другими инородческими селеніями и черемисскія. Артемьевъ (2) говоритъ, что изъ различныхъ актовъ XVI и XVII в. видно, что Черемисы были тогда въ Цивильск. и Ядринскомъ уѣздахъ. Еще не обнародованная Свіяжская писцовая книга, на которую я уже ссылался не одинъ разъ, представляетъ несомнѣнныя доказательства, что Черемисы жили также въ нынѣшнихъ Свіяжскомъ и Тетюшскомъ уѣздахъ. Наконецъ доказательства этому представляютъ нѣкоторыя хорографическія и топографическія названія селеній во всѣхъ этихъ уѣздахъ (см. ниже мнѣніе Сп. Михайлова, высказанное по поводу названія р. Сундырки, о проживаніи прежде Черемисъ въ нынѣшнихъ чувашскихъ мѣстностяхъ).

---

(1) «С. Никольское—Бол. Фролово тожъ», Каз. Губ. Вѣд. 1856 г. № 50 и 51.

(2) Предисл. къ Сп. насел. М. Каз. губ., стр. LXVII.

Кромѣ Мельникова, на городокъ около с. Б. Фролова указываетъ еще только Артемьевъ (ib. XXXII).

Объ этомъ городищѣ упоминается въ царской грамотѣ 1637 г. (3) объ отводѣ земли свіяжскому служилому татарину Бекбулаткѣ Колчурину, въ которой сказано, что Колчуринъ билъ челомъ: „да намъ же бы его пожаловать, въ Свіяжск. уѣз. деревни Большой Чирки въ полянкѣ Большой на 10 четей, да полянкою Уразъязью, на 7 четей, и рубежъ де полянкѣ Уразъязѣ верхній—Старое городище близъ Свіяги рѣки".

Изъ этой грамоты видно, что Старое городище находилось близъ р. Свіяги и деревни Большой Чирки. Въ настоящее время 9 селеній съ названіемъ Чирки, всѣ онѣ въ Тетюшск. уѣз., который прежде входилъ въ составъ Свіяжскаго уѣзда, всѣ близъ р. Свіяги, въ сосѣдствѣ между собою и близъ с. Бол. Фролова, которое лежитъ на р. Чиркѣ. Но одно изъ селеній съ названіемъ Чирки, именно Большія Озерныя Чирки (Чирки Гришино) находятся на самой р. Свіягѣ и ближе другихъ Чирковъ къ Бол. Фролову, здѣсь, очевидно, и было городище, такъ какъ оно показано въ грамотѣ именно близъ р. Свіяги и деревни Бол. Чирки.

5. Город. въ ½ в. отъ с. Шунгутъ, находящагося на правомъ берегу Улемы, при впаденіи ея съ прав. стороны въ Свіягу, показано въ „Замѣткахъ". Оно тоже на берегу Улемы, четыреугольной формы, на низкомъ мѣстѣ, поверхность его ровная, 400 саж. въ окружн. Валъ и ровъ не сохранились, такъ какъ городокъ размывается полой водою и распахивается подъ посѣвы.

6. Город. на р. Табаркѣ, въ 3 в. отъ д. Стар. Енали. Рѣка Табарка съ лѣв. стороны впадаетъ въ Улему (она обозначена по имени только въ рукописн. картѣ), деревня Ст. Енали къ югу отъ Табаркп, по ближайшему разстоянію на 3 версты, слѣдовательно городище, показанное въ „Замѣткахъ", находится на рѣкѣ Табаркѣ, прямо на сѣв. отъ дер. Ст. Енали. Город. на высокомъ берегу рѣки, кругообразной формы, ровной поверхности, 280 саж. въ окружн., валъ и ровъ до 290 саж. въ дл. и до 5 саж. въ шир.

7. Городище въ 100 саж. отъ дер. Танай Тураевой, находящейся на лѣв. берегу Улемы. Городище, по-

(3) «Акты историч. Каз. губ.». изд. Мельникова, I, 16, 17.

казанное здѣсь въ „Замѣтк.“, лежитъ на низкомъ мѣстѣ на берегу Улемы, ровной поверхности, въ окружн. 285 саж.. окружено валомъ и рвомъ, дл. до 300 саж., а шир.—4 саж,

8. Город. при Мертюбяковомъ Починкѣ (Мал. Атрясы), который лежитъ на Елховкѣ, прав. притокѣ Улемы.

Городище при этой деревнѣ упоминаетъ только Артемьевъ (ibid. XXXII), но оно встрѣчается въ неизданной Писцовой кн. Свіяжск. уѣзда.

Въ Писцов. книгѣ показано: „да въ Свіяжскомъ же уѣздѣ отъ крымскихъ полумежъ татарскихъ и чувашск. селъ и деревень на дикомъ полѣ рвы круглые, а бывало городище старое, а имени тому городищу не знаетъ никто, а около того городища отъ татарскихъ земель, отъ Казыевскихъ дубравъ, по обѣ стороны рч. Чикрили, а порусски Ольховыя, да отъ двухъ Бурдасовъ, да отъ новой деревни Енасалы до рч. до Улемы, да чрезъ рѣчку перешедъ и отъ рч. Улемы, противъ тѣхъ татарскихъ и чувашск. земель, до Черныя деревни Кары, да до Болгора до Кривова, да до татарскихъ же деревень межъ рѣчки Шехъяны и межъ Клеровскаго и польскаго лѣсу, до вершины Шихъянскіе, дикаго чистаго поля и покосовъ и дубравъ чистыхъ по смѣтѣ въ длину 10 верстъ, а поперекъ отъ Клеровскаго большаго лѣса, мимо городища, до рч. до Шаряна на 10 верстъ“.

Городище показано близъ рѣки, по татарскому названію,—Чикрили, а порусски—Ольховая, т. е. пыпѣшняя Елховка (1); за тѣмъ всѣ указанныя въ писцовой книгѣ урочища встрѣчаются и нынѣ около Елховки, на которой показано городище Артемьевымъ. Два Буртаса (Бол. и Мал.) находятся на Сух. Улемѣ, который впадаетъ ниже Елховки въ Улему; Бол. Янасалы на прав. притокѣ Сух. Улемы; Караталка, которая, вѣроятно, соотвѣтствуетъ называемой въ писцовой книгѣ по русски Черною, а по тат. Кара, находится въ верстѣ отъ праваго берега Сух. Улемы и въ 4 верст. къ западу отъ Бол. Буртаса; рч. Шакіянъ впадаетъ съ лѣвой стороны въ Сух. Улему и вершина ея почти подходитъ къ вершинамъ Елховки; на рч. Шакіянѣ въ настоящее время двѣ деревни Болгояры (Бол. и Мал.); Клеровскій лѣсъ, очевидно, относится къ р. Кляри, вершины

(1) Въ Тат. Слов. Остроумова: чиршы-ель, елка.

которой къ сѣв.-вост. отъ вершинъ Елховки и которая течетъ на востокъ, впадая въ Волгу.

Городище на Елховкѣ, при Мертюбяковѣ Починкѣ напоминаетъ одноименный починокъ, существовавшій въ XVII ст., близъ нынѣшняго села Бол. Фролова, при которомъ выше указано городище. Нынѣ существующій Мертюбяковъ Починокъ, подобно существовавшему въ XVII ст., указываетъ на жительство здѣсь когда-то Черемисъ.

9. Три кургана при дер. Бол. Турмѣ, находящейся въ 2 верст. отъ лѣв. берега Улемы къ вост. Эти курганы (земляныя насыпи) показаны въ „Замѣтк.“ на ровномъ мѣстѣ; при семъ сказано, что они распахиваются подъ посѣвъ, находокъ здѣсь не встрѣчалось, по татарски называются Аланъ-Аякъ.

Я думаю, что здѣсь должно читать не Аланъ-Аякъ, что можетъ значить „нога на лѣсной полянѣ“ (1), а Алыбъ-Аякъ или чув. Олыпъ Ора—Нога Великана, потому что послѣднее названіе имѣетъ прямое отношеніе къ земляным насыпямъ. Подъ словомъ „Олыпъ“ (великанъ) г. Золотницкій (Словарь, стр. 19) говоритъ, что о происхожденіи бугровъ сказка разсказываетъ, что одинъ великанъ ходя дѣлалъ по 7 верстъ каждый шагъ и потому попадалъ ногою въ грязныя и болотныя мѣста, послѣ подобныхъ случаевъ онъ отряхалъ ногу, и грязь съ нея образовывала цѣлый бугоръ. При этомъ Золотницкій указываетъ на чуваш. выраженіе „олып тупры“ и татарск. „алыб тупрагы“ въ смыслѣ холма, бугра, но въ буквальномъ переводѣ эти выраженія значатъ—„земля великана“.

10. Город. въ 200 саж. отъ дер. Починка Лья-шева, находящейся на прав. берегу Улемы, показано въ „Замѣткахъ“. Город. четыреугольной формы, на ровномъ мѣстѣ, 324 саж. въ окружн.; окружено валомъ, не вездѣ сохранившимся, длина котораго простирается до 166 саж., а шир. до 2 саж.; слѣдовъ рва не замѣтно. Поверхность городища ровная и распахивается подъ посѣвъ. Во время пашни здѣсь находятъ не мало черепковъ глиняной посуды.

11. Город. въ 2 верст. отъ дер. Зеленовки, находящейся на прав. берегу Улемы, показано въ „Замѣт-

(1) Татарскій словарь Остроумова: аланъ=поляна въ лѣсу, аякъ=нога.

кахъ". Оно лежитъ на низкомъ мѣстѣ, кругообразной формы, съ вост. стороны упирается въ озеро, въ дл. и шир. по 80 саж.; валы и рвы сохранились не вездѣ, въ длину они простираются на 320 саж.; шир. вала 2 саж., а рва 5 саж. Ровная поверхность городища распахивается подъ посѣвъ.

12. **Город. въ 1½ в. отъ дер. Федоровки**, которая лежитъ по лѣв. сторону Улемы; въ „Замѣтк." показано это город. на р. Горожанкѣ. Послѣдняя рѣка—лѣв. притокъ Улемы, означена по имени въ рукописной картѣ. „Это город. кругообразной формы, расположено на ровномъ мѣстѣ, 3600 саж. въ окружн. Валъ и ровъ не вездѣ сохранились. Валъ сдѣланъ изъ кирпича и простирается въ дл. на 2400 саж., а въ шир. на 2 саж., шир. рва 5 саж. Ровная поверхность городища распахивается подъ посѣвъ.

Объ этомъ город. говорится въ Каз. писцовой книгѣ 1648 г., въ переписной книгѣ 1617 г. и въ дозорныхъ книгахъ помѣстнымъ и порозжимъ землямъ около Тетюшъ 1619 г. (1).

Въ книгѣ 1648 г. сказано: „Государево дворцовое село Ѳедоровское, Нов. Усадъ тоже, на р. Улемѣ, тогожъ села пустошь Городище, что бывалъ городокъ Татарской на рч. Городищѣ".

Въ книгахъ 1617 и 1619 г.: Государева дворцоваго села Ѳедоровскаго, что подъ Тетюшами, крестьяне владѣютъ сѣнными покосы на дикомъ полѣ до р. до Брусянки, а отъ Брусянки до Татарскова стараго городища". Р. Брусянка также показана на рукописной картѣ впадающею въ Улему рядомъ съ Горожанкою, ниже послѣдней.

Невоструевъ упоминаемое въ писцовыхъ книгахъ городище считаетъ за одно съ укрѣпленіями, признаки которыхъ видны на сѣв. отъ Тетюшъ, по указанію неизвѣстнаго автора статьи „Тетюши" (2). Но неизвѣстный авторъ разумѣетъ укрѣпленія возлѣ самаго города на сѣв., а городище на р. Горожанкѣ къ юго-зап. отъ г. Тетюшъ и не ближе 12 верстъ.

Затѣмъ Невоструевъ говоритъ, что, вѣроятно, этоже городище значится и въ актѣ у Мельникова 1636 г. въ ме-

(1) Ст. Невоструева «О Городищахъ» въ Труд. I Археол. Съѣзда, стр. 545.

(2) Каз. Губ. Вѣд. 1847. № 21.

жахъ дер. Чирковъ, близъ р. Свіяги. Но и это—не вѣрно; выше было объяснено, что подъ послѣднимъ городищемъ разумѣется вышеописанное близъ с. Бол. Фролова (3).

13. Надгробные памятники въ с. Байтеряковѣ, которое находится на р. Мал. Булѣ, близъ впаденія ея въ Б. Булу, лѣвый притокъ Свіяги.

„С. Байтеряково, говоритъ г. Золотницкій (1), носитъ имя чувашина Байтеряка, помогавшаго Русскимъ во время послѣднихъ походовъ ихъ на Казань, за что онъ былъ пожалованъ царемъ Ив. Вас. землями. Въ приходѣ этого села въ поляхъ и даже на церковной оградѣ есть нѣсколько надгробныхъ памятниковъ VIII в. гиджры, которые писаны по арабски, но заключаютъ въ текстѣ нѣкоторыя формы чувашскія. Снимки съ нѣкоторыхъ памятниковъ я имѣю у себя".

О чувашскихъ формахъ на древнихъ могильныхъ надписяхъ было уже указано выше (Мусульм. надписи въ Булгарѣ).

14. Курганы и древнее татарское селеніе около дер. Бол Яльчики, находящейся въ двухъ верстахъ на сѣв. отъ р. Мал. Булы.

„Свѣдѣнія" А. Н. Доброхотова, переданныя мнѣ Н И. Золотницкимъ, указываютъ въ полѣ этой дер., возлѣ оврага „Хирле Сырма" (Красный оврагъ), за Байтеряковской мукомольной мельницей курганы (могилы?), на нихъ камни съ арабск. надписями. Къ вост. отъ этихъ кургановъ, черезъ оврагъ, саж. около 2000, на постепенно возвышающемся

---

(3) *Город. на лѣв. бер. Улемы, упоминаемое Георги.* Въ «Bemerkung. einer Reise» стр. 801. 802 Георги говоритъ, что въ 15 верст. отъ Салтыкова перевоза черезъ Волгу, находящагося ниже приволжской дер. Антоновки, на лѣв. берегу сильнаго притока Свіяги—Улемѣ находится двойной валъ разрушеннаго Тамерланомъ города; это городище, говоритъ Георги, кажется. вдвое болѣе Ашлы (см. выше Янтиково городище, древній Ошелъ). По даннымъ Георги, нѣтъ возможности пріурочить это городище къ одному изъ находящихся нынѣ на лѣв. бер. Улемы, тѣмъ болѣе, что эта рѣка отъ указанной Георги мѣстности находится на разстояніи вдвое большемъ (30 верстъ), затѣмъ на Улемѣ мы не встрѣчаемъ въ настоящее время городища значительнаго размѣра, съ двойн. валомъ, какъ указываетъ Георги. Самое большое городище на лѣв. сторонѣ Улемы близъ дер. Федоровки совершенно не подходитъ къ указанному Георги, п. ч. находится верст. въ 40 отъ Салтыкова перевоза.

(1) Чув. Словарь, стр, 229, прим. 6.

холмѣ крестьяне дер. Бол. Яльчикъ во время пашни сохами выпахивали разныя вещи и посуду. Изъ этого заключаютъ, что тутъ нѣкогда было татарское селеніе. Находящіяся здѣсь могилы Татары называютъ „изгелäр кабере“ (кладбище, собственно—могилы святыхъ). Мѣстные муллы полагаютъ, что тутъ было татарское селеніе, названіе котораго не сохранилось. По ихъ объясненію, подъ двумя камнями похоронены двое хаджи (пилигримы въ Мекку и Медину) Муса и Искакъ. Муллы и Татары, посѣщая могилы ихъ, читаютъ на нихъ коранъ.

15. Город. въ 1 верстѣ отъ дер Ст. Енашева (Андреевка), которая находится на рч. Тоябѣ, впадающей съ лѣв. стороны въ Мал. Булу.

Городище это, какъ сказано въ „Замѣткахъ“, кругообразной формы, на ровномъ мѣстѣ, 200 саж. въ окружн., съ двухъ сторонъ окружено оврагами. Остатки вала видны съ сѣв. и вост., въ дл. городище до 60 саж., окружено рвомъ—шир. въ 1 саж. Поверхность городища ровная и распахивается подъ посѣвъ.

16. Город. въ 360 саж. отъ с. Бол. Тояба и валъ отъ этого села къ г. Буинску. Село Б. Тояба находится на рч. Тоябѣ, выше предыдущейдеревни Ст. Епашевой.

Городище это, по указанію „Замѣтокъ“, расположено на берегу рѣки Тоябы, на высокомъ мѣстѣ, при впаденіи въ Тоябу безыменнаго ключа, протекающаго въ глубокомъ оврагѣ. Городище четыреугольной формы, площадь его 1000 сажень, оно окружено валомъ и рвомъ, которые не вездѣ сохранились, въ длину валъ 920 саж., въ шир. валъ 2 саж., а ровъ – 4 саж. Поверхность городища ровная и распахивается подъ посѣвы.

Это городище въ 1856 г. было описано С. Мельниковымъ (1), который говоритъ, что въ дачахъ с. Покровскаго (Б. Тояба), къ вост. отъ селенія, находится древній городокъ, окруженный земляными валами. Расположеніе его полуквадратно, такъ что сѣв. и вост. стороны представляютъ прямыя линіи квадрата, а южная и западная части полукруг-

(1) «С. Покровское—Бол. Тояба тожъ». Каз. Губ. Вѣд. 1856. № 39.

лы, съ изгибами, вдающимися во внутренность городка; длина его отъ сѣв. на юго-вост. 252, а шир. отъ сѣверовост. на юго-зап. 240 саж. На южной сторонѣ, подъ самыми валами протекаетъ рч. Тояба, на восточной Уларъ-Хви (2), а къ сѣв-вост. течетъ ручей—Киви сіолъ (3). Валы, въ два ряда окружающіе городокъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышаются отъ 3 до 5 саж., и, кажется, разрыты при разореніи его (вѣроятно Русскими), что особенно замѣтно на той сторонѣ городка, которая обращена къ селенію.

Чуваши называютъ городокъ Хола-ду (4), но никакихъ преданій о немъ не разсказываютъ, кромѣ того, что въ прежнее время выпахивали на его площади чугунныя пули и покрытые ржавчиною большіе желѣзные бердыши.

Въ „Замѣткахъ“ сказано, что въ народѣ сохранилось преданіе, что городокъ этотъ построенъ войсками, дѣйствовавшими противъ Пугачева. Но это преданіе, очевидно, не достовѣрно. Наконецъ въ „Замѣткахъ“ сказано, что находокъ здѣсь не встрѣчалось. Это противорѣчитъ показанію Мельникова

И. А. Изпосковъ сообщилъ мнѣ, что отъ села Больш. Тояба идетъ валъ къ г. Буинску, недалеко отъ дороги.

17. Предполагаемыя укрѣпленія въ юго-зап. углу Тетюшскаго уѣзда (Полевой Сундырь и три Буа или Буинска). Г. Золотницкій къ числу названій селеній, которыя указываютъ на бывшія при нихъ укрѣпленія причисляетъ Сундырь и Буа (Буинскъ).

„Селеній съ названіемъ Сундырь, говоритъ г. Золотницкій (Словарь 267), 17, всѣ они находятся только въ Казанской губ. и при томъ всѣ по правую сторону Волги—именно въ уѣздахъ: Козмодемьянскомъ 8, Цивильск. 5, Чебоксарскомъ 2., Тетюшскомъ 1 и Ядринск. 1. Почти всѣ Сундыри расположены въ мѣстностяхъ низменныхъ, но близъ значительныхъ возвышенностей, отъ которыхъ, по нашему мнѣнію, и произошло самое названіе ихъ. Названіе это почувашски Сьӳндэрь, Сьӳпдӳрь, по черемиски Шӳндерь, есть казанско-татарское сӳндэрэ, луговое черемисское синдäря—„полати“, чувашск. сендерь—пóлка, полица. А такъ

(2) Можетъ значить—тальникъ на пчельникѣ. Одаръ=пчельникъ, Хва=тальникъ. Чув. Слов. Золотн. 18, 92.

(3) Киве сьоль=старая дорога.

(4) Хола-ду=городская гора.

какъ на нѣкоторыхъ изъ этихъ возвышенностей доселѣ сохранились рвы и валы, то слѣдуетъ заключать, что эти „полати“ или „вышки“ были сторожевыми пунктами для наблюденія за появленіемъ непріятеля и для передачи сторожевыхъ сигналовъ посредствомъ зажиганія на этихъ сундеряхъ костровъ“.

Послѣднее г. Золотницкій подтверждаетъ далѣе указаніемъ на Челымскій городокъ (челымъ—пламя) около Мал. Сундыря въ Козмодемьянск. уѣздѣ.

Г Радловъ (1), по поводу этихъ объясненій г. Золотницкаго, говоритъ: „способъ изслѣдованія автора можно назвать вполнѣ научнымъ и основательнымъ“, но замѣчаетъ, что „нѣсколько деревень, имѣющихъ названіе Сундырь, явно получили это названіе отъ р. Сундырки, какъ напр., Сундырь позе—вершина Сундырки, Сунъдерь вурры—устье Сундырки. Но это не доказательство, что Сундырь собственно названіе р. Сундырки. Примѣръ такого-же образованія—названіе г. Казани. Казань получила названіе свое отъ мѣстоположенія (по татарски казань значитъ котелъ). Отъ названія г. Казани происходитъ названіе рѣки Казанки, т. е. „Казань суи“. Отъ названія рѣки опять происходило названіе разныхъ селеній, напр. Казань башы—вершина Казанки“.

Я съ своей стороны укажу, что названіе Сундырь для нѣкоторыхъ селеній могло произойти отъ того, что новѣйшія поселенія, выселки получали названіе отъ своихъ старшихъ селеній; примѣры этого будутъ указаны ниже.

Наконецъ должно указать на объясненіе названія Сундырь, предложенное Спирид. Михайловымъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ быта Чувашъ и Черемисъ, весьма важныя статьи котораго помѣщались въ Каз. Губ. Вѣд. (2)

(1) Протоколы Общ. естествоиспыт. при Каз. унив. $18^{74}/_{75}$ годъ.

(2) Вотъ что Артемьевъ, лично и хорошо знавшій Михайлова, сообщаетъ (Придисл. къ Сп. насел. м. Каз. Губ., LXIV, LXV) о немъ:

«Замѣчательный примѣръ самообразованія представляетъ природный чувашенинъ Спиридонъ Мих. Михайловъ, служившій впослѣдствіи переводчикомъ при Козмодемьянск. земск. судѣ. Михайловъ съ малолѣтства жилъ довольно времени у одного изъ козмод. купцовъ, выучился русской грамотѣ и женившись на русской ростовской мѣщанкѣ, также грамотной, вовсе пристрастился къ чтенію.

Въ 1851 г. онъ рѣшился попытать свои силы на литературномъ поприщѣ и доставилъ въ Каз. Губ. Вѣд. одну историческую статейку о Коз-

Спиридонъ Михайловъ (3) говоритъ, что „въ Каз. губ., въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ обитали Черемисы и Чуваши, довольно встрѣчается рѣкъ и селеній подъ названіемъ Сундырь, вѣроятно, отъ испорченнаго черемисскаго слова „шидырь“ или „шудеръ“, т. е. веретено; такъ нынѣ называется село (въ Козмодем. у.) Малый Сундырь—„Шидырь-ялъ, веретенная деревня, по случаю существованія въ старину на рч. Сундыркѣ мельницъ колотовокъ или мутовокъ и веретенъ. Такія мельницы находились и на другихъ рѣчкахъ, отъ чего, должно быть, и названы они Сундырями или правильнѣе Шудырями—веретенами, мутовками. Почувашски веретено называется „ыггэ“, слѣдовательно въ древности тамъ, гдѣ теперь протекаютъ рѣки Сундыри, въ Каз. губ обитали не Чуваши, а Черемисы, давшіе имъ названіе веретенъ, мутовокъ, отъ мельницъ колотовокъ“.

Полевой Сундырь находится въ Тетюшскомъ у., къ сѣв. отъ верховья Малой Булы и къ востоку версты на двѣ отъ границы Цивильскаго уѣзда

„Буинскъ, говоритъ г. Золотницкій (ib 265), по татарски называется Буа, почувашски—Пуа, Пуа-халы. А татарское буа, чувашское пуа, пӳвэ значитъ: прудъ, запруда, плотина. Здѣсь нужно вспомнить объ остаткахъ земляныхъ сооруженій, находящихся въ Каз. краѣ, времени основанія которыхъ, по недостатку учено-археологическихъ изысканій,

---

модемьянскѣ. Привѣтъ, встрѣченный Михайловымъ со стороны редактора губ. вѣд. (самого г. Артемьева), а также и отъ нѣкоторыхъ профессоровъ университета,—ободрилъ его и онъ сталъ съ большимъ усердіемъ заниматься историческими, этнографическими и статистическими изслѣдованіями о западныхъ уѣздахъ Каз. губ. Нѣкоторыя изъ статей его доставлены были имъ въ Императ. Русск. Геогр. Общ. и пріобрѣли ему званіе члена-сотрудника этого Общества и сереб. медаль. Вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ избранъ и въ члены-корреспонденты Каз. статист. комитета. Ученые путешественники, напр. Регули, Кастренъ, Альквистъ, посѣщая Каз. губернію для филологическихъ изслѣдованій, знакомились съ Михайловымъ и пользовались его указаніями. Какъ природный чувашенинъ, онъ зналъ превосходно языкъ и бытъ своего племени и какъ человѣкъ значительно развитой чтеніемъ, мышленіемъ и практическою жизнью въ средѣ русской,—онъ съ родственною любовью, но и безпристрастно судилъ о своихъ соплеменникахъ. Въ этомъ отношеніи всѣ его статьи очень замѣчательны».

(3) «Масляница у Горныхъ Черемисъ», Каз. Губ. Вѣд., 1857, № 25.

нѣтъ возможности опредѣлить положительно, но по характеру фортификаціи которыхъ, можно заключать, что одни изъ нихъ относятся къ глубокой древности, другія—къ періодамъ Булгарскаго союза, господства Золотой Орды и самостоятельнаго существованія Казанскаго ханства. Несомненно, что многія изъ древнихъ укрѣпленій вошли въ рядъ оберегательныхъ линій, строившихся, послѣ покоренія Казани, въ юго-восточныхъ и южныхъ предѣлахъ тогдашняго русскаго царства. Древнѣйшая изъ этихъ русскихъ линій—Тетюшская сдѣлана еще при Иванѣ Грозномъ, другія же въ XVII и XVIII стол. Линіи эти состояли изъ валовъ со рвами и лѣсныхъ засѣкъ: рвы и валы шли только по открытымъ мѣстностямъ—степямъ, полямъ и лугамъ, а засѣки дѣлались по лѣсамъ посредствомъ заваловъ оберегательной линіи срубленнымъ лѣсомъ. Эти укрѣпленія составляли оплотъ или плотину русскихъ предѣловъ отъ набѣговъ кочевниковъ.

„Если городъ Буинскъ получилъ отъ мѣстныхъ инородцевъ названіе плотины, въ смыслѣ укрѣпленія, какъ сторожевой пунктъ при оберегательной линіи, то это названіе само по себѣ еще не вполнѣ опредѣляетъ, какого рода укрѣпленія здѣсь составляли оплотъ—валы ли со рвами или засѣки?“

Но г. Золотницкій указываетъ и такія названія селеній, которыя характеризуютъ и самый видъ укрѣпленія, или плотины, къ такимъ селеніямъ принадлежатъ три находящіяся въ Тетюшск. уѣздѣ: Нов. Байбатырево (Хирьди Буа) на Мал. Булѣ, Полевой Буа и Стар. Курбашъ (Хырай Буа) на сѣв. отъ Мал. Булы, при р. Кубнѣ.

Чувашское Хирьди-Буа, татарское Кирдаги Буа значитъ полевая или степная плотина, слѣдовательно, по предположенію г. Золотницкаго, здѣсь было полевое укрѣпленіе, т. е. валы; тоже показываетъ названіе селенія Полевой Буа, которое Татары называютъ Iомошлы—служилый.

Чувашское Хырай Буа, татарское Нарат-Буасы значитъ „сосновая плотина“, слѣдовательно, говоритъ г. Золотницкій, здѣсь были лѣсныя, сосноваго лѣса, засѣки. Послѣднее селеніе Татары иначе называютъ Iасаклы—ясачный.

Относительно объясненія г. Золотницкимъ названій Буа или Буинска должно замѣтить, что если для нѣкоторыхъ, можетъ быть, многихъ селеній, слово „буа“ должно прини-

мать въ смыслѣ укрѣпленія, то все таки нельзя всѣ селенія съ подобнымъ названіемъ считать доказательствомъ бывшихъ здѣсь какихъ нибудь укрѣпленій, валовъ или засѣкъ.

Многія селенія, очевидно, такъ называются, потому что при нихъ были плотины въ собственномъ смыслѣ, т. е. рѣчныя, отъ этого могло произойти и названіе рѣкъ Бува и даже Була (Буа), т. е. запруженныя, съ плотинами, а отъ рѣкъ могли происходить и названія селеній.

Все это представляется само собою и не требуетъ доказательствъ, но я могу указать на существующее преданіе о происхожденіи одного селенія отъ буа, въ смыслѣ плотины, устроенной на рѣкѣ для мельницы, хотя это преданіе указано по поводу объясненія названія такого селенія, которое имѣетъ совсѣмъ другое происхожденіе.

Г. Шарловскій въ вышеуказанной статьѣ (1) объясняетъ, что сц. Булатово на рч. Булатовкѣ получило свое названіе отъ буа (прудъ), потому что основатель ея устроилъ прудъ и поставилъ на р. мельницу. Хотя такое объясненіе не подходитъ къ дер. Булатовой, которая, вѣроятно, получила названіе отъ извѣстнаго собственнаго имени Булатъ, но представляетъ примѣръ объясненія названія селеній отъ „буа“ въ собственномъ смыслѣ пруда, плотины.

XV. ЧЕБОКСАРСКІЙ УѢЗДЪ.

Въ западной части Казанской губерніи памятниковъ древности встрѣчается гораздо менѣе, нежели въ восточной. Причина этому понятна: восточная половина нынѣшней Казанской губерніи была центромъ Булгарскаго царства, а впослѣдствіи владычества здѣсь Татаръ, между тѣмъ какъ западная была населена разными племенами, находившимися въ извѣстномъ подчиненіи Булгаръ, а потомъ Татаръ; на востокѣ губерніи было господство ислама и мусульманской культуры, на западѣ господствовало шаманство и обитали племена, въ культурномъ развитіи значительно уступавшіе мусульманамъ.

Въ западной части Казанской губерніи мы уже не встрѣчаемъ непрерывныхъ укрѣпленій по рѣкамъ, какъ въ

(1) «Изюлеевская волость въ Свіяжск. у.» Каз. Губ. Вѣд. 1873, № 31.

восточной, поэтому памятники древности въ западныхъ уѣздахъ Казанской губерніи я обозрѣваю уже не по рѣкамъ, а по уѣздамъ, среди которыхъ кой-гдѣ встрѣчаются не значительныя укрѣпленія, курганы, древнія кладбища.

Признаки древнихъ укрѣпленій здѣсь столь не значительны и мало распознаваемы, что „Замѣтки о городищахъ и курганахъ Казанской губерніи", составленныя на основаніи донесеній волостныхъ правленій, заявляютъ даже, что напр., въ Чебоксарскомъ уѣздѣ городищъ и кургановъ не встрѣчается, хотя это и несправедливо.

Старыя кладбища—сомнительной древности и свѣдѣнія о нихъ очень неопредѣленны, изъ упоминаемыхъ на этихъ кладбищахъ древнихъ татарскихъ надписей не напечатано ни одного перевода, хотя снимокъ съ одной изъ этихъ надписей представленъ въ Географическое Общество и копія съ нея въ Отдѣлъ антропологіи и этнографіи Общества естествоиспытателей при Казанск. университетѣ (1). Время, которому принадлежатъ эти надписи, остается неизвѣстнымъ.

Я. *Восточная половина нагорной части уѣзда по правую сторону почтоваго тракта изъ Казани.*

1. Укрѣпленная гора (Карманъ-ду) на Волгѣ. В. К. Магнитскій говоритъ (1), что на возвышенной окраинѣ праваго берега Волги, въ 2 верст. отъ дер. Карабашъ находится мѣстность, которую Русскіе сосѣдней приволжской деревни Чекуры называютъ „Разбойничій городокъ", а Чуваши—Карманъ ду (каменная гора).

Эта мѣстность поросла вѣковыми дубами и перерыта ямами и канавами. „Путеводитель нашъ, говоритъ г. Магнитскій, приписываетъ послѣднія жильцамъ городка—разбойникамъ, а первыя искателямъ кладовъ; но едвали тѣ и другія не принадлежали послѣднимъ, потому что народъ до сихъ поръ вѣритъ, что въ горѣ есть ходъ, запертый желѣзными дверями, а въ немъ—окованный желѣзомъ сундукъ съ сокровищами; было ли когда кѣмъ либо что найдено, поло-

(1) См. ниже «Кладбище въ дер. Атлашевой».

(1) «Разбойничій городокъ и клады въ немъ близъ дер. Карабашъ» Каз. Губ. Вѣд. 1866. № 46.

жительнаго отвѣта мы ни отъ кого не добились. Сундукъ, по народному разсказу, выходитъ по ночамъ изъ горы; но завладѣть имъ удастся только тому, кто отъ креста колокольни въ с. Красный Яръ, на лѣвомъ берегу Волги, проведетъ до горы шелковую веревку, до того же онъ охраняется по ночамъ солдатомъ съ саблей, котораго многіе видятъ".

На ¼ версты отъ городка внутри оврага изъ средины берега вытекаетъ ключъ, подъ которымъ на площадкѣ стоитъ довольно массивная, выдолбленная каменная колода, принимающая воду изъ ручья; на этомъ мѣстѣ, по срединѣ, разбойники поили лошадей.

Н. И. Золотницкій (Чувашск. словарь, 262) переводитъ названіе Карманъ-ду—не каменная, какъ г. Магнитскій, а укрѣпленная гора, и указываетъ на эту мѣстность, вмѣстѣ съ другими, которыя, по самому своему названію, ведутъ къ предположенію существовавшихъ около нихъ древнихъ укрѣпленій.

2. **Предполагаемое около дер. Карабашъ старинное кладбище.** В. К. Магнитскій въ статьѣ своей „Старыя, оставленныя кладбища во 2 станѣ Чебоксарскаго уѣзда" (1) указываетъ признаки кладбища около деревни Карабашъ: „Группу камней, видѣнныхъ нами по берегу оврага, подъ дер. Карабашами (Елашево), не смѣемъ выдавать несомнѣнно за надгробные, а занимаемую ими мѣстность за кладбище; но съ трудомъ допускаемъ, что бы они попали тутъ случайно; тождество обстановки мѣстности съ описанными кладбищами (2) поразительное. Мѣстный священникъ, знающій эту группу, склоняется также въ пользу кладбища; Чуваши же, обитатели Карабашъ, указываютъ кладбище своихъ некрещеныхъ предковъ выше деревни за оврагомъ, въ лѣсу, въ которомъ, кромѣ ямъ, мы ничего не нашли, и объ интересующей насъ группѣ ничего не знаютъ и не говорятъ. Очевидно, мы не затруднились бы описываемую мѣстность положительно назвать кладбищемъ, еслибъ хоть на одномъ камнѣ нашли надпись или даже рисунокъ, каковые, можетъ быть, и есть, еслибъ потревожить камни, лежащіе

(1) Каз. Губ. Вѣд. 1866. № 46.

(2) Чешламинское, Ямсковское, Кульгешевское, см. ниже.

плашмя, въ уровень съ землею, тѣмъ болѣе, что, надо полагать, они ставились вертикально".

Заявленіе Чувашъ, что предполагаемое кладбище не старое кладбище ихъ предковъ до обращенія въ христіанство, по моему мнѣнію, представляетъ доказательство, что это мѣсто было кладбищемъ мусульманскимъ, татарскимъ, а не Чувашей-язычниковъ; предполагая принадлежность этого кладбища какому нибудь шаманствующему племени, представляется невозможнымъ объяснить существованіе надгробныхъ надписей, которыя прямо указываютъ на мусульманство. Должно предполагать, что въ нынѣшнемъ Чебоксарскомъ уѣздѣ, во время самостоятельнаго Казанскаго царства и послѣ завоеванія Казани, жили Татары въ различныхъ мѣстностяхъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время они встрѣчаются только въ двухъ селеніяхъ этого уѣзда: Янгильдино (Карамышъ) и Альменево, находящихся въ самомъ концѣ юго-восточнаго угла уѣзда, образующагося границами Свіяжскаго уѣзда—съ востока и Цивильскаго—съ запада. Доказательствомъ прежняго пребыванія Татаръ въ разныхъ мѣстностяхъ Чебоксарскаго, Цивильскаго, Ядринскаго и Козмодемьянскаго уѣздовъ, изъ которыхъ въ двухъ послѣднихъ въ настоящее время Татары совсѣмъ не встрѣчаются, могутъ служить названія нѣкоторыхъ селеній этихъ уѣздовъ, напр. Татаръ-Касы. Селеній съ послѣднимъ названіемъ Сп. насел. мѣстъ Каз. губ. показываетъ два въ Козмодемьянскомъ и одно въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, послѣднее на р. Цивилѣ, иначе называется Атлашово.

Очевидно, что надгробныя надписи на старыхъ кладбищахъ въ Чебоксарскомъ у. принадлежатъ жившимъ здѣсь когда-то Татарамъ.

В. К. Магнитскій относитъ эти кладбища къ какому то непзвѣстному народу, жившему здѣсь даже, можетъ быть, прежде Чувашъ, хотя самъ Магнитскій заявляетъ при этомъ, что надгробныя надписи на этихъ кладбищахъ съ татарскими буквами: „что до Чувашъ, а можетъ быть, и рядомъ съ ними, жилъ въ станѣ (во второмъ Чебоксарскаго уѣзда) другой народъ, изчезнувшій ли вовсе, или только перемѣнившій мѣсто своего жительства, болѣе ихъ цивилизованный, знавшій письменность—въ этомъ убѣждаютъ кладбища съ сохраняющимися на нихъ надгробными камнями и высѣчен-

ными на послѣднихъ надписями письменными и печатными татарскими буквами и рисунками.

3. Кладбище при дер. Идельмеси, которая находится въ верстахъ 5 на юго-востокъ отъ предыдущей деревни Карабашъ. Г. Магнитскій (ibid.) заявляетъ, что это старое кладбище ему извѣстно только по разсказамъ.

Въ „Матеріалахъ“ Магнитскаго, сообщенныхъ мнѣ Н. И. Золотницкимъ, показано болѣе опредѣленно мѣстоположеніе этого кладбища, гдѣ сказано, что между дер. Идельмесы и селомъ Покровскимъ (Мал. Тимирчи, Кучкеи), которое находится на сѣверъ отъ деревни, находится въ полѣ покинутое кладбище, неизвѣстно кому принадлежавшее.

4. Городъ на Волгѣ ок. дер. Кріуши. В. К. Магнитскій сообщаетъ (1): „На мысу, образуемомъ берегомъ Волги и рч. Кинэрки, у подошвы коего стоитъ выселокъ Кріуши (Кинэръ вырынъ), была крѣпость, описанная въ 40 или 50 годахъ священникомъ города Чебоксаръ Кроковскимъ въ Каз. Губ. Вѣдомостяхъ, какъ онъ мнѣ лично объ этомъ передавалъ; но статьи его я нигдѣ добиться не могъ (2). Кріушинскій мысъ, по словамъ священника села Яльчикъ о. Смирнова, у Чувашъ также называется Чаръ-ду (чарасъ—удерживать, ту—гора). Въ виду этихъ свѣдѣній, для провѣрки ихъ, я въ сентябрѣ прошлаго года, бывши въ Кріушахъ, всходилъ на мысъ и осмотрѣлъ поверхность; но признаковъ крѣпости нигдѣ никакихъ не замѣтилъ; вся поверхность мыса, совершенно ровная и открытая со всѣхъ сторонъ, составляетъ пахотное поле, только что засѣянное озимями“.

Въ „Матеріалахъ“ Магнитскаго прибавлено, что вышеупомянутый священникъ Смирновъ сообщалъ также на память изъ статьи Кроковскаго, что „по преданію, тутъ была крѣпость, начальниками коей были двое вельможъ татарскихъ, изъ коихъ одинъ назывался Кармышъ. Подъ властію его были крестьяне Карамышевой (Янгильдиной)“.

Въ сосѣдствѣ съ деревнею Кріуши, именно верстъ 5 на юго-западъ, на лѣвомъ берегу рѣки Большой Анишъ, находится дер. Карамышъ. По сосѣдству этой деревни съ

---

(1) «Археолог. достопримѣчательности во 2 станѣ Чебокс. у.», Каз. Губ. Вѣд. 1874. № 12.

(2) Я не встрѣчалъ такой статьи.

бывшей крѣпостью у дер. Кріуши, должно было бы предполагать, что преданіе о завѣдываніи татарскимъ вельможею относится къ этому Карамышу, но онъ иначе называется Яльчики, а въ „Матеріалахъ“ Магнитскаго упоминается деревня Карамышъ или Янгильдино, которая находится въ самомъ юго-восточномъ углу уѣзда, между границами Свіяжскаго и Цивильскаго уѣздовъ.

Г. Золотницкій (ib. 272) вмѣстѣ съ другими селеніями съ названіемъ Карамышъ, которое указываетъ на существованіе при этихъ селеніяхъ укрѣпленій, упоминаетъ и о деревни Карамышъ или Яль-чикки и приводитъ вышеуказанное преданіе о сосѣднемъ съ этою деревнею укрѣпленіи при дер. Кріуши, очевидно, заимствованное Золотницкимъ изъ тѣхъ же „Матеріаловъ“ Магнитскаго.

Названіе мѣстности Чар-ду г. Золотницкій считаетъ сокращеннымъ Чатыр-даг = „шатеръ - гора“. Чуваши объясняютъ происхожденіе названія Карамышъ отъ имени основателя ея Карамыша (3).

5. Кладбище въ 1 верстѣ отъ дер. Ямской, которая находится въ 4 верстахъ на юго-вост. отъ предыдущей деревни Яльчикки на Б. Анишѣ. „Ямсковское кладбище, говоритъ г. Магнитскій (1), какъ и Чешламинское (см. ниже), на склонѣ выходящаго изъ-подъ деревни Ямской (Муни-сирмы) (2) оврага, на самомъ выходѣ его весьма отлогомъ къ р. Анишу, въ верстѣ отъ деревни. На немъ мы нашли только небольшой обломокъ съ характеристической каемкой, совершенно тождественной съ видѣнной на Чешламинскомъ кладбищѣ. Есть и еще два — одинъ плашмя вросъ въ землю, а другой стоймя; на немъ мы ничего не замѣтили“.

Въ „Матеріалахъ“ Магнитскаго прибавлено, что бывшіе на этомъ кладбищѣ прежде видѣли огромный камень съ татарскими надписями и что, по словамъ владѣльца мельницы на р. Анишѣ Жаркова, у него подъ крыльцомъ находится одинъ изъ камней съ надписью съ этого кладбища.

---

(3) Статья г. Магнитскаго «Археол. достопримѣчат. во 2 станѣ Чебокс. у.», Каз. Губ. Вѣд. 1874, № 12.

(1) «Старинныя оставленныя кладбища во 2 станѣ Чебокс. у.» Каз. Губ. Вѣд. 1866, № 46.

(2) Му́ни-сирмы=большой оврагъ.

6. Бугоръ каменныхъ развалинъ въ 1 верстѣ отъ дер. Ямской. В. К. Магнитскій въ статьѣ „Изъ путевыхъ замѣтокъ по 2 стану Чебокс. у.“ (1) говоритъ, что ему разсказывали, что будто-бы близъ околотка Ямскова существуютъ развалины каменнаго дворца Екатерины II. Разсказу этому, по мнѣнію г. Магнитскаго, можно дать нѣкоторое вѣроятіе, на томъ основаніи, что въ старину черезъ околотокъ Ямской шелъ почтовый трактъ, который впослѣдствіи здѣшніе помѣщики отвели отъ своихъ владѣній на югъ.

Предположеніе о постройкѣ каменнаго дворца для Екатерины II въ глуши Чебоксарскаго уѣзда, хотя и на почтовой дорогѣ, представляется невѣроятнымъ.

Г. Магнитскій впослѣдствіи, послѣ личнаго осмотра этой развалины, въ статьѣ, помѣщенной въ томъ же году въ Каз. Губ. Вѣд. (№ 46), подъ тѣмъ же заглавіемъ, что и предыдущая, сообщаетъ объ этой развалинѣ иначе: „Между околотками Ямскимъ и Куртуями (2), въ верстѣ отъ перваго и 1/4 в. отъ втораго, въ пахатномъ полѣ возвышается дѣйствительно бугоръ, съ ямой по срединѣ, остатокъ стоявшаго тутъ дворца, неизвѣстно въ честь кого построеннаго. Проживающій въ селѣ Карачевѣ отставной 80 лѣтній солдатъ разсказалъ намъ, что дворецъ въ его дѣтствѣ былъ цѣлъ и походилъ на колокольню, но когда и какъ разрушился,— никто не знаетъ“.

Если справедливо показаніе старожила о формѣ этого зданія въ видѣ колокольни, то это представляется опроверженіемъ предположенія, что зданіе было чьимъ бы то ни было дворцемъ. Я думаю, что это была древняя татарская башня.

7. Предполагаемые сторожевые пункты—селенія Бол. и Мал. Карачево. Г. Золотницкій (ib. 271), кромѣ названія Карамыш, считаетъ подобнымъ и Карачы, происходящее отъ того-же джагат. татарскаго глагола кара (монг. хара, чуваш. хора) — смотрѣть, наблюдать, сторожить; при этомъ г. Золотницкій указываетъ на два селенія въ Чебоксарск. уѣздѣ: с. Карачево (Никольское) и Мал. Карачево, почув. Сядырга; деревня принадлежитъ приходу села Карачева.

---

(1) Каз. Губ. Вѣд. 1866, № 3.

(2) На сѣверъ отъ перваго

Оба эти селенія находятся рядомъ, на югъ отъ предылущей дер. Ямской.

Чуваши иначе объясняютъ происхожденіе названія селеній Карамыша (Яль-чикки) и Карачева: они эти названія производятъ отъ именъ двухъ братьевъ (Кармышъ и Карачъ), бывшихъ основателями этихъ селеній (1).

8. **Кладбище въ приходѣ с. Карачева** упоминаетъ г. Магнитскій, который говоритъ, что, по разсказамъ, здѣсь до послѣдняго времени сохранялись камни съ татарскими надписями (1).

9. **Деревня Курганъ** самымъ названіемъ указываетъ на существованіе около нея кургана. Эта деревня на картѣ Стрѣльбицкаго обозначена верстахъ въ 4 отъ Волги и въ 3 верст. отъ границы Свіяжскаго уѣзда. Въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ Каз. губ.“ эта деревня не упоминается, но она показана въ „Свѣдѣніяхъ о разстояніи селъ отъ уѣздн. и губерн. городовъ Каз. губ.“ и „Вѣдомости о распредѣл. сельск. населенія Каз. губ.“ подъ именемъ Курганскаго выселка, а въ „Матеріалахъ“ г. Магнитскаго она называется Верхній выселокъ (сельцо Курганъ).

К. *Восточная половина нагорной части уѣзда по лѣвую сторону почтоваго тракта изъ Казани.*

1. **Укрѣпленное зданіе (Хола-сьорче)** между с. Бишевымъ (Рождественское) и дер. Осиновой, находящимися въ юго-восточномъ углу уѣзда, между р. Мал. Анишъ и границею Свіяжск. уѣзда. Село находится къ югу отъ деревни, съ версту одно отъ другой. Объ этомъ укрѣпленіи упоминаетъ г. Магнитскій въ статьѣ „Археол. достопримѣчательности во второмъ станѣ Чебокс. уѣзда“ (1). Укрѣпленіе—земляной валъ, въ полуверстѣ отъ с. Бишева и дер.

---

(1) Статья г. Магнитскаго «Археол. достопримѣчат. во 2 станѣ Чебокс у.» въ Каз. Губ. Вѣд. 1874, № 12.

(1) Ibid. При этомъ г. Магнитскій ссылается на статью свою «Старыя оставленныя кладбища во 2 станѣ Чебокс. у.» Каз. Губ. Вѣд. 1866. № 46, но въ послѣдней статьѣ, какъ оказалось, объ этомъ кладбищѣ не упоминается.

(1) Каз. Губ. Вѣд. 1874, № 12.

Осиновой, у Чувашъ онъ извѣстенъ подъ именемъ Хола сӧрче—городская изба. Подробнѣе описываетъ этотъ валъ г. Магнитскій въ „Матеріалахъ“: „Тянется онъ глазомѣрно саженъ на 150 съ юга на сѣверъ и пересѣкаетъ двѣ небольшія ложбины идущаго съ р. Аниша оврага. Шириной онъ будетъ саж. $1^1/_2$ и вышиною $^1/_2$ саж.; поросъ дерномъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлались явственно поверхностныя раскопки для полученія кирпича; но послѣдній при раскопкахъ оказывается раскрошеннымъ. Преданій о времени и обстоятельствахъ его возникновенія нѣтъ никакихъ“.

Г. Золотницкій (ib. 262) названіе этого укрѣпленія Хола-сьорче переводитъ не „городская изба“, а „укрѣпленное зданіе“.

2. Курганы на поляхъ прихода с. Бишева. Нѣсколько кургановъ здѣсь указываетъ г. Магнитскій (1), изъ этихъ кургановъ одинъ подлѣ Цивильскаго почтоваго тракта. Въ „Матеріалахъ“ г. Магнитскій сообщаетъ о происхожденіи этихъ кургановъ уже нѣсколько разъ встрѣчавшееся преданіе Чувашъ, что они образовались на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ великаны вытряхали изъ лаптей землю (Олыпъ-тупры).

3. Камень съ надписью близъ дер. Кадергина, которая находится рядомъ съ вышеуказанною деревнею Осиновою, къ западу отъ послѣдней. Г. Магнитскій въ „Матеріалахъ“ сообщаетъ, что при этой деревни „окраина берега оврага на выходѣ къ Анишу и по берегу Аниша покрыта кустарникомъ, въ коемъ когда то была популярнѣйшая Бишевская кереметь, и до сихъ поръ будто бы въ кустарникѣ лежитъ огромный вытесанный камень съ татарскими письменами. Камень этотъ видѣли и въ послѣднее время очень многіе изъ грамотныхъ“.

4. Камень Чардакъ. Г. Магнитскій въ особенной статьѣ объ этомъ камнѣ „Чардакъ“ въ Справочномъ Листкѣ 1867 г. № 138 такъ описываетъ этотъ камень и опредѣляетъ его мѣстоположеніе: „Чардакъ называется простой необдѣланный камень съ двумя высѣченными на одной его сторонѣ зубчатыми каемками. Камень этотъ стоитъ вертикально, возвышаясь на аршинъ отъ земли, на лѣвомъ бере-

(1) Ibid.

гу оврага, пересѣкающаго перпендикулярные ему изъ подъ села Бишева и деревни Тансариной (1), подлѣ самой дороги изъ послѣдней въ дер. Старо-Янситову (2). Что обозначаетъ данное ему названіе, откуда онъ попалъ тутъ, — не знаемъ, если не сдаваться на слова провозившаго насъ мимо его чувашина, сказывавшаго, что Чардакъ, по ихъ легендамъ, стоитъ отъ сотворенія міра и какъ только уйдетъ въ землю, конецъ міру. Очень можетъ быть, мы оставили бы Чардакъ безъ вниманія, еслибъ не каемки на немъ, схожія съ упомянутыми въ статьѣ о кладбищахъ (3), изъ коихъ самое замѣчательное Кульгешевское въ двухъ верстахъ отъ него".

5. **Кладбище при дер. Чешламъ**, которая находится около границы Козмодемьянскаго уѣзда съ Цивильскимъ. Объ этомъ кладбищѣ говоритъ г. Магнитскій въ статьѣ „Старыя оставленныя кладбища во 2 станѣ Чебокс. уѣзда (1)": „Всѣ эти кладбища въ народѣ извѣстны подъ именемъ кладбищъ некрещеныхъ Чувашъ, но, припявъ въ соображеніе заявленныя нами данныя (2), всякій, знающій бытъ Чувашъ, разубѣдится. Впрочемъ, относительно Чешламинскаго кладбища народное сказаніе на половину вѣрно: на немъ до послѣдняго времени погребаютъ отходящихъ въ вѣчность проживающіе въ околодкѣ с. Атикова Чешламъ нѣсколько семей некрещеныхъ Чувашъ. Саженяхъ въ 30 отъ этого кладбища къ юго-востоку лежатъ три камня,— одинъ ребромъ, а два — плашмя, и на первомъ то изъ нихъ чрезвычайно ясно сохраняется обведенная рѣшетчатой каемкой надпись татарскими буквами; сторона этого камня (изъ породы булыжника), на которой сдѣлана надпись, гладко вытесана; на другомъ камнѣ нѣтъ ничего; на третьемъ же, въ арш. ширины и два длины, почти въ уровень съ землею, едва замѣтенъ только узоръ. Откуда и какъ попали эти камни, мы на эти вопросы не получили никакого отвѣта".

---

(1) Дер. Тансарина на югъ с. Бишева въ 3 верст.

(2) Старо-Янситова на сѣв.-зап. отъ Тансариной верстъ на шесть

(3) См. выше Ямсковское кладб. и ниже Чешламское и Кульгешевское.

(1) Каз. Губ. Вѣд. 1866, № 46.

(2) Татарскія надписи на камняхъ.

„Описываемое кладбище находится на склонѣ, выходящемъ изъ-подъ дер. Мартынкиной (3) оврага, между протекающимъ по немъ ключемъ и лѣвымъ берегомъ р. Бѣлой Воложки, принимающей въ себя этотъ ключъ, противъ кладбища с. Атикова, лежащаго на противоположномъ берегу Воложки (4). Занимаемая имъ площадь четвероугольная и окружена съ остальныхъ двухъ сторонъ пахотными полями".

Въ „Матеріалахъ" г. Магнитскій сообщаетъ, что весь Аттиковской приходъ называется у Чувашъ Шоржӳ (шӧра — бѣлый, шу — вода). Названіе это происходитъ отъ протекающей здѣсь рѣки Бѣлой Воложки, это названіе (Шоржӳ мазӑръ) носитъ и кладбище. По мнѣнію Чувашъ, на кладбищѣ существуетъ какой-то злой духъ — кереметь, ненавидящій людей и скотину и поражающій первыхъ глазною болѣзнію (5), что и заставляетъ Чувашъ, страдающихъ упомянутою болѣзнію, молиться керемети, приносить жертвы.

6. Признаки укрѣпленія въ вершинѣ рч. Бѣлой Воложки. І. Магнитскій въ „Матеріалахъ" указываетъ въ 3 верстахъ отъ дер. Чешламы, въ вершинѣ рч. Бѣлой Воложки, среди лѣса, извѣстнаго подъ названіемъ Тохтоманъ (неостанавливающій), между двухъ овраговъ мысъ, пересѣченный канавою съ промежуткомъ въ ней для въѣзда на мысъ, извѣстный подъ названіемъ хола-йопнй (крѣпостное развѣтвленіе). По разсказамъ, въ канавѣ валяются обломки кирпичей; не болѣе года тому назадъ въ этой мѣстности кѣмъ-то найдено было желѣзное копье, видѣнное разскащикомъ.

7. Курганъ (?) близъ дер. Казаковой, которая на картѣ Стрѣльбицкаго показана верстахъ въ трехъ на сѣв.-востокъ отъ дер. Чешламы. Объ этомъ курганѣ (?) говоритъ г. Магнитскій въ „Матеріалахъ": „Въ двухъ вер-

---

(3) На сѣв. отъ деревни Чешламъ, возлѣ почтоваго тракта.

(4) Бѣл.-Воложка—притокъ Волги; на картѣ Стрѣльб. дер. Чешламъ обозначена не на лѣвой, а на правой сторонѣ Воложки, а с. Атиково (Преображенское) на лѣвой. По на картахъ Подробной и рукописной конца XVIII ст., согласно показанію г. Магнитскаго, послѣднее село показано на правой сторонѣ.

(5) Болѣзнь эта, какъ извѣстно, особенно господствуетъ среди Чувашъ.

стахъ ниже (1) (по теченію р. Бѣл. Воложки) на восточномъ берегу оврага, идущаго подъ деревню Казаксву, почув. Иопсар (обиліе развѣтвленій), близъ вершины оврага находится полукруглое возвышеніе (естественное или искусственное — допытаться не успѣлъ), въ видѣ высокаго кургана (на юго-восточной сторонѣ), сливающееся на сѣв.-востокѣ съ площадью".

8. Кладбище и курганъ близъ дер. Кульгешевой, которая находится на юго-западъ отъ вершины Бѣлой Воложки. В. К. Магнитскій объ этомъ кладбищѣ сообщаетъ слѣдующее (1): „Кульгешевское кладбище въ ½ версты отъ деревни съ тѣмъ же именемъ, саженяхъ въ 10 отъ идущей изъ послѣдней къ р. Анишу дороги. На немъ единственные два камня стоятъ вертикально, возвышаясь отъ земли слишкомъ на аршинъ, тщательно обтесаны въ квадратъ, съ верхушкой подъ тупымъ угломъ. Надписи на нихъ съ письменными и печатными татарскими буквами чрезвычайно явственны. Кромѣ надписи и каемки, не совсѣмъ тождественной съ описанной (2), на камняхъ вырѣзаны круги и кувшинообразныя фигуры. Площадь, занимаемая кладбищемъ, квадратная, окружена со всѣхъ сторонъ пахатными полями на весьма отлогомъ берегу оврага, раздѣляющаго смежныя деревни Кульгеши и Ново-Янситово".

О курганѣ въ „Матеріалахъ" г. Магнитскій показываетъ, что близъ дер. Кульгешъ, въ урочищѣ Ильбе-вар-сьырмы есть олып-тупры — бугоръ (курганъ).

9. Кладбище близъ с. Янцыбулова (Рождественское), которое находится версты 1½ на востокъ отъ праваго берега Мал. Аниша, на самой границѣ Чебоксарскаго уѣзда съ Цивильскимъ. Объ этомъ кладбищѣ упоминаетъ г. Магнитскій, заявляя, что оно извѣстно ему только по разсказамъ (1).

(1) Т. е. ниже укрѣпленія въ вершинѣ Бѣлой Воложки.

(1) «Стар. оставлен. кладбища во 2 станѣ Чебокс. у.» Каз. Губ Вѣд. 1856. № 46.

(2) См. Чешламинское кладбище.

(1) «Стар. оставлен. кладбища во 2 станѣ Чебокс. у.» Каз. Губ Вѣд. 1866. № 46.

10. Земляной валъ въ ½ в. и курганъ въ 1 верстѣ отъ дер. Шмалахъ Шихабылова. Г. Магнитскій въ „Матеріалахъ“ объясняетъ, что Шмалахъ и Ново-Шихабылово въ сущности составляютъ одно селеніе, составившееся—верхній конецъ изъ Шмалахъ, а нижній изъ Шихабалъ, но приписанныя къ разнымъ приходамъ.

На картѣ Стрѣльбицкаго эта деревня, составная изъ двухъ, показана на западъ отъ с. Янцыбулова верстахъ въ 2½, на границѣ съ Цивильскимъ уѣздомъ.

Г. Магнитскій въ „Матеріалахъ“ описываетъ находящійся здѣсь ровъ: „Позади этихъ деревень, въ ½ версты отъ нихъ и въ полутора отъ с. Янцыбулова—Холà-ду (хола—городъ, ту—гора). Названіе это носитъ земляная насыпь или валъ по берегу рч. Шутнэрки, протекающей съ сѣверо-запада на юго-востокъ, изъ послѣдней съ лѣвой стороны на сѣверъ идетъ острогъ; валъ идетъ перпендикулярно берегу рѣчки и острогу, такъ что образуется квадратная площадь саж. въ 40. Ширина вала глазомѣрно въ сажень, вышина въ ½ саж., длина, какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, саженъ по 10, до береговъ валъ не доходитъ. Вся площадь покрыта низкимъ, объѣденнымъ кустарникомъ. Послѣдній расчищается подъ пашню, и въ землѣ Чуваши находятъ много мѣдной монеты русской, временъ Грознаго, Петра и Екатерины. По разсказамъ Чувашъ, тутъ ими до крещенія совершались мольбища—чуки, для чего собиралось множество народу“.

Объ этой мѣстности съ земляным валомъ упоминаетъ и г. Золотницкій (ibid. 262).

О курганѣ въ „Матеріалахъ“ сообщается слѣдующее: „Въ 1 верстѣ отъ дер. Шымалах-Шыхабыловой, на правомъ берегу рѣки Шутнэрки, вверхъ по теченію, на сѣнокосной равнинѣ курганъ, по чувашски ˋОлыпъ-тупрыˊ. Окружность его въ основаніи 150 обыкновенныхъ шаговъ, вышиною не менѣе 2 арш.; поросъ травой со множествомъ муравьиныхъ кучъ. Луговину съ юга окружаетъ крутой, вышиною въ сажень, берегъ пахатнаго ровнаго поля, а съ сѣвера—русло рѣчки. Пѣшкомъ до кургана изъ деревни—по берегу рѣчки, а на лошади межой, отграничивающей Цивильскій уѣздъ отъ Чебоксарскаго; оканчивается межа на берегу, какъ разъ надъ самымъ курганомъ“.

11. Два кургана около дер. Эблесъ. Эта деревня на лѣв. берегу Б. Аниша (1) въ 4 верст. отъ предыдущей деревни Шмалахъ-Шыхабыловой. Въ „Матеріалахъ“ Магнитскаго сообщается: „Саженяхъ во сто отъ деревни Эблес, саженяхъ въ 10 отъ дороги въ деревню Кугеи (2), въ пахатномъ полѣ—запаханное возвышеніе, извѣстное у мѣстныхъ Чувашъ подъ названіемъ Олып-тупрѣ. Если бы не это названіе, означающее курганъ, возвышеніе трудно бы признать курганомъ, потому что онъ почти совершенно сглаженъ. По самой срединѣ возвышенія проходитъ межа, раздѣляющая вдоль два загона“.

Въ другомъ мѣстѣ „Матеріаловъ“ г. Магнитскій указываетъ въ $^1/_2$ версты отъ дер. Эблесъ, въ пахатномъ полѣ два вспаханныя по верху кургана (олып-тупры), не въ дальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи.

12. Предполагаемый сторожевой пунктъ Карамышъ (Янгильдино). Г. Золотницкій (ib. 272) въ числѣ другихъ селеній съ названіемъ Карамышъ, указывающимъ на сторожевой пунктъ, приводитъ татарскую деревню Карамышъ (Янгильдино), которая находится въ самомъ юго-восточномъ углу Чебоксарскаго уѣзда, между границъ Свіяжскаго и Цивильскаго уѣздовъ.

Выше было указано на преданіе, что этимъ селеніемъ управлялъ татарскій вельможа Карамышъ, имѣвшій свое пребываніе въ крѣпости на Волгѣ, около нынѣшней дер. Кріуши.

Г. Магнитскій въ „Матеріалахъ“ сообщаетъ преданіе о происхожденіи названія этого селенія отъ имени основателя селенія: „Янгильдино (Карамышево) на лѣвой сторонѣ оврага Чатъ башъ. Какъ-то Семенчинскіе Чуваши, живущіе на правой сторонѣ Чатъ сирьми, собрались на сходку. Къ нимъ откуда-то неожиданно явился татаринъ и вздохнувши сказалъ: ян гильды — душа пришла, а Чуваши подумали, что это имя татарину. Татаринъ этотъ попросилъ у Чувашъ

(1) Такъ показана она на картѣ Стрѣльбицкаго, гдѣ называется Эбесь, въ «Сп. насел. мѣстъ Каз. губ.» она называется Аблязь, въ «Свѣдѣніяхъ о разстояніи селеній»—Аблязова.

(2) Эта дер. подъ именемъ Кугѣевой показана на картѣ Стрѣльбицкаго на сѣв.-вост. отъ Эблесъ, въ 4 верстахъ.

позволеніе выстроить на три недѣли для отдыха шалашъ. Чуваши дозволили, а татаринъ и поселился тутъ на вѣкъ. Женившись и народивъ дѣтей, татаринъ сталъ просить у Чувашъ земли. Чуваши спросили, какъ его зовутъ, а онъ: Курамша! Отъ этого Янгильдино и носитъ два названія: Янгильдина и Карамышева и находится въ одномъ планѣ съ Семенчиной и Масловой. По словамъ Абдула Ишмухаметева, основателемъ Карамышевой былъ его родственникъ въ 5 поколѣніи Нуркà — схороненный первымъ на Карамышевскомъ кладбищѣ".

Г. *Западная половина нагорной части уѣзда.*

Подъ западною половиною нагорной части Чебоксарскаго уѣзда я разумѣю находящуюся на зап. отъ р. Сундыря, которая протекаетъ почти по срединѣ нагорной части уѣзда, впадая въ Волгу; всѣ нижеуказанныя мѣстности находятся на самой этой рѣчкѣ или на западъ отъ нея.

1. **Два Сундыря на р. Сундырѣ.** Г. Золотницкій (ib. 269) указываетъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ два Сундыря.

Бывшее село Сундырь, нынѣ (съ 1856 г.) Маріинскій посадъ, находящійся на самомъ берегу Волги, при устьѣ р. Сундыря, почему и называется Чувашами Сьӳндэрь-вурры, т. е. „устье р. Сундыря".

Мѣстоположеніе его сходно съ мѣстностію Мал. Сундыря (1): посадъ расположенъ также на низменности и рѣчкой Сундыркой отдѣляется отъ очень высокой, хотя менѣе крутой „Государевой горы", на которой, по преданію, изволила кушать Екатерина II въ проѣздѣ по Волгѣ. На этой горѣ г. Золотницкій предполагаетъ существованіе во время татарскаго владычества сторожеваго пункта, откуда и происходитъ названіе — сьӳндэрь = полати, вышка.

Г. Радловъ замѣтилъ, что названіе этого Сундыря — Сьӳндэрь-вурры, т. е. устье р. Сундыря, происходитъ отъ имени рѣки, на которой стоитъ это селеніе (2).

Арцыбышевъ, жившій въ этомъ краю и такимъ образомъ имѣвшій возможность пріобрѣтать точныя свѣдѣнія о

(1) См. ниже Козмод. уѣздъ.
(2) См. выше «Р. Свіяга и ея притоки».

мѣстныхъ замѣчательностяхъ, говоритъ (3), что „недалеко отъ с. Сундыря Чебоксарскаго уѣзда находятся едва примѣтныя развалины какого-то древняго города“.

Другой Сундырь г. Золотницкій показываетъ (ib. 270) въ 10 верст. отъ посада, вверхъ по рѣкѣ Сундыркѣ, это чувашская деревня Шигаева или Задняя называется Сьӳндэрь-позы — „вершина р. Сундыря“. По мнѣнію г. Радлова, таковое названіе указываетъ также на происхожденіе его отъ рѣки.

2. **Развалины татарскаго города въ 2 верст. отъ с. Чурашева**, которое находится на югъ отъ вершины Сундыря и въ верстѣ на сѣверъ отъ почтоваго тракта. Въ „Матеріалахъ“ г. Магнитскаго показано, что верстахъ въ 2 отъ с. Чурачекъ (Чурашево), близъ деревни Капъ Касы (1) есть, по словамъ одного урожденца того села, бугоръ, считаемый за татарскій городъ“.

3. **Старое кладбище съ двумя курганами въ 3 верст. отъ дер. Елюй касы и $1^1/_2$ в. отъ деревни Старакъ.** Такъ опредѣлено мѣстоположеніе стараго кладбища (киве сьва) въ „Матеріалахъ“ Магнитскаго, при чемъ замѣчено: „Едва ли это кладбище не одно и тоже, что подъ дер. Вурмэръ“.

По картѣ Стрѣльбицкаго деревня Елюй касы находится въ верстѣ къ югу отъ почтоваго тракта и въ такомъ же разстояніи на востокъ отъ рѣки Цивиля; деревня Старакъ верст. въ 4 на югъ отъ Елюй касы и въ 1 верстѣ отъ р. Цивиля; дер. Вурмэръ верст. въ двухъ на сѣв.-востокъ отъ Елюй касы. Разстояніе дер. Вурмэрь отъ двухъ предыдущихъ соотвѣтствуетъ мѣстонахожденію стараго кладбища, такъ что должно принять предположеніе г. Магнитскаго, что кладбище находится подъ деревней Вурмэръ.

4. **Городская гора** (Хола̀ туй). Это урочище въ „Матеріалахъ“ г. Магнитскаго опредѣлено такъ: „Край глубокаго оврага на сѣв. сторонѣ почтоваго тракта, идущаго изъ деревни Йирх сьырьми и выходящаго къ р. Цивиль позади Вороновой слободки, между деревнями Йирх сьырьми и Камаевой“.

---

(3) «Повѣствованіе о Россіи», I, стр. 228. прим. 1413.

(1) Деревни съ этимъ названіемъ я не встрѣтилъ ни на картахъ, ни въ спискахъ селеній Каз. губ.

Деревня Йирх сырьми на картѣ Стрѣльбицкаго не показана; Воронова слободка находится при пересѣченіи р. Цивиля почтовымъ трактомъ; дер. Камаева верст. въ трехъ на сѣв.-востокъ отъ слободки.

5. Кладбище въ дер. Атлашевой, которая находится на лѣвомъ берегу р. Цивиля, къ сѣверу отъ почтоваго тракта.

Въ „Матеріалахъ“ Магнитскій указываетъ въ этой деревнѣ кладбище съ татарскими надписями. Эта деревня иначе называется Татаръ касы, что служитъ доказательствомъ прежняго пребыванія здѣсь Татаръ и что старинныя кладбища, въ которыхъ встрѣчаются камни съ надписями, татарскія.

Отрывокъ съ одной изъ надписей, какъ заявляетъ г. Магнитскій, былъ доставленъ Юшкову.

Въ протоколѣ Отдѣла антропологіи и этнографіи Общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ 7 ноября 1873 г. напечатано сообщеніе Н. Ф. Юшкова, что онъ получилъ отъ г. Магнитскаго, представленную при этомъ копію снимка съ надписи, находящейся на камнѣ, близъ дер. Атлашевой. Подлинный, доставленный г. Магнитскому снимокъ, г. Магнитскій отправилъ въ Географич. Общество. Отдѣлъ постановилъ копію съ надписи препроводить къ г. Радлову и просить его дать о ней свое мнѣніе. О дальнѣйшей судьбѣ самаго снимка и копіи съ нея мнѣ неизвѣстно.

6. Кладбище при дер. Ураевой, которая находится въ 3 верст. на сѣв.-западъ отъ предыдущей дер. Атлашевой.

Г. Магнитскій въ „Матеріалахъ“, указавши на кладбище при дер. Атлашевой, замѣчаетъ, что, по словамъ судебнаго слѣдователя 1 участка г. Шестакова, въ его участкѣ, при дер. Ураевой (Магàсь) есть такое же кладбище, т. е. съ татарскими надписями.

7. Два кургана бл. с. Абашева показаны въ „Матеріалахъ“ г. Магнитскаго. Это село находится на лѣвомъ берегу Рыкшы, притока Цивиля съ лѣв. стороны, на вост. отъ почтоваго тракта.

§ *Луговая сторона.*

Городище и кладбище бл. дер. Ново-Алексѣевской. На луговой сторонѣ Чебоксарскаго уѣзда можно

указать только на древности около этой деревни, которая находится верст. въ трехъ отъ лѣваго берега Волги и въ такомъ же разстояніи отъ лѣваго берега Илети, притока Волги.

Г. Магнитскій въ „Матеріалахъ“ сообщаетъ, что „повыше Алексѣевскаго на версту находится Городецъ, а пониже—кладбище по берегу стараго русла Илети. Здѣсь де была Старая Казань. У крестьянъ есть замѣчательныя находки“. Г. Магнитскій ссылается при этомъ на газету Голосъ 1871 №?

XVI. ЦИВИЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

1. Курганы близъ околодка Кудеснерь. Въ „Замѣткахъ“ показаны 6 насыпей близъ околотка Кюдесмерь, какъ здѣсь названо это селеніе, вмѣсто Кудеснерь (1). Этотъ околотокъ находится въ срединѣ сѣв.-восточнаго угла уѣзда.

По „Замѣткамъ“, „насыпи находятся на высокомъ мѣстѣ, онѣ никѣмъ не были раскапываемы и въ настоящее время распахиваются подъ посѣвъ. У Чувашъ сохранилось преданіе, что Богъ при созданіи міра, проходя этимъ мѣстомъ, вытряхалъ изъ своей обуви набившуюся туда землю, отъ чего и образовались возвышенія“.

2. Земляной валъ (Хола-ду) при р. Анишѣ. Г. Золотницкій (Словарь 262) указываетъ на мѣстность съ земляными валами при р. Анишѣ, мѣстность эта называется Хола-ду, т. е. „укрѣпленная гора“.

Къ сожалѣнію, г. Золотницкій указываетъ положеніе этой мѣстности неопредѣленно: въ Цивильск. уѣздѣ, именно черезъ середину сѣверной границы уѣзда, протекаютъ своими верховьями въ Чебоксарскій уѣздъ Большой Анишъ и два его притока Средній и Малый Анишъ. Неизвѣстно на какомъ именно Анишѣ находится указанная мѣстность.

3. Три Сундыря и Бунпка въ сѣв.-восточномъ углу уѣзда. „Въ восточной части Цивильскаго уѣзда, го-

(1) Въ спискѣ крестьянскаго присутствія это селеніе называется Кудеснерь, прибавляютъ «Замѣтки»; въ Сп. насел. мѣстъ оно называется Кутеснерь (№ 2803), на картѣ Стрѣльбицк.—Кудесперь.

воритъ г. Золотницкій (ib. 270), близъ крайнихъ татарскихъ селеній, пограничныхъ съ деревнями сплошнаго чувашскаго населенія, гдѣ были „добрыя дороги“ для русской рати изъ Мещеры къ устьямъ Цивиля и Свіяги, находятся три Сундыря: Чувашскій Сундырь—село Ново-Ишино-Троицкое; Сундырь, или Анатакасъ—„нижній выселокъ“ и Новый Сундырь, почувашски „Съинь Сьӳндэрь“.

Названіе Сундырь, какъ выше было объяснено, Золотницкій считаетъ доказательствомъ существованія при этихъ селеніяхъ сторожевыхъ пунктовъ, но относительно послѣднихъ трехъ Сундырей должно замѣтить, что названія одного изъ нихъ—„нижній выселокъ“, а другаго—Новый Сундырь, ведутъ къ предположенію, что эти селенія носятъ названіе Сундырей, не по тому, что они находятся около возвышенностей, на которыхъ существовали сторожевые пункты, вышки, полати, а, какъ новыя селенія, имѣютъ названія коренныхъ селеній (метрополій), изъ которыхъ они выселились.

Затѣмъ г. Золотницкій (ib. 265) указываетъ близъ этихъ трехъ Сундырей селеніе Бунка-Юмашева (тат. Jомошлы = служилая). Названіе Бунка также, какъ выше объяснено, Золотницкій считаетъ указаніемъ на укрѣпленіе.

4. Два Сундыря и два Сюрбѣева (земляныя укрѣпленія) въ южномъ углу уѣзда. Н. И. Золотницкій (ib. 270) указываетъ въ Цивильск. уѣздѣ, кромѣ трехъ Сундырей въ сѣверо-восточномъ углу уѣзда, два въ южномъ углу: Старый Сундырь и Другихъ Сундырь или Крестникова. Послѣднее на правомъ берегу р. Кубни, а первое въ 5 верстахъ на юго-востокъ отъ послѣдняго.

Здѣсь же находятся и два селенія, соименныя съ чувашскимъ названіемъ г. Цивильска — Сьӳрьбӳ: Напольная Сюрбѣева и Сюрбѣева Токаева, оба на правомъ берегу р. Кубни.

Г. Золотницкій (ib. 266) объясняетъ, что названіе Сьӳрьбӳ состоитъ изъ двухъ чувашскихъ словъ: сьӳрь (сьирь) = земля и бӳ, смягченнаго и измѣненнаго (отъ вліянія сьирь) = плотина, и значитъ: „земляное укрѣпленіе“.

Селеніе Напольная Сюрбѣева (Полевой Буа, Хирьди Буа) называется также Чувашами—Хорнау (защита), а Сюрбѣева Токаева называется Хыр-хырры = полевая сосна,

слѣдовательно, говоритъ г. Золотницкій (стр. 266), здѣсь совмѣщались земляныя укрѣпленія съ сосновыми засѣками.

5. **Новое Сюрбѣево въ 11 верст. на юъ отъ г. Цивильска** на Симбирскомъ торговомъ трактѣ. Г. Золотницкій говоритъ (ib. 264, 266), что одинъ изъ чувашскихъ старшинъ или князьковъ Пулатъ уступилъ подъ постройку города Цивильска свой поселокъ Сюрби-ял, жителей котораго перевелъ на другое мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ деревня Ново-Сюрбеево.

Городъ Цивильскъ, какъ предполагаетъ г. Золотницкій (ib. 266), былъ названъ Чувашами Сьӳрьбӳ, какъ укрѣпленіе со рвами и „земляными валами", которые окружали самую крѣпость—„деревянный кремль рубленый" (по сочиненію Кирилова)—слѣды которыхъ сохранились до сего времени.

Послѣднее объясненіе г. Золотницкаго, что этотъ городъ былъ названъ Сьӳрьбӳ (земляным укрѣпленіемъ), по поводу устроенныхъ здѣсь русскихъ укрѣпленій, противорѣчитъ вышеприведенному преданію, по которому мѣстность этого города, еще до основанія здѣсь укрѣпленій Русскими, называлась Сьӳрьбӳ, слѣдовательно, по смыслу значенія этого названія, здѣсь было укрѣпленіе до Русскихъ.

Относительно Ново-Сюрбеева должно замѣтить, что если оно получило названіе, какъ выселокъ изъ старѣйшаго Сюрбеева, то этимъ объясняется и названіе его, а не тѣмъ, что здѣсь было когда-то укрѣпленіе.

XVII. ЯДРИНСКІЙ УѢЗДЪ.

1. **Два кургана въ 2 верст. къ югу отъ селенія Балдаевой Сугути**, которое находится въ 10 верст. къ югу отъ г. Ядрина на почтовомъ Цивильско—Ядринскомъ трактѣ. Это главное селеніе Балдаевской волости, которая находится въ сѣверо-западномъ углу уѣзда, по обѣимъ сторонамъ протекающей здѣсь р. Суры, на лѣвомъ берегу которой стоитъ г. Ядринъ.

Г. Магнитскій указываетъ [1] на два кургана, „которые находятся въ верстѣ отъ Цивильско—Ядринскаго почтоваго

[1] «Курганы въ Ядринск. у.» Каз. Губ. Вѣд. 1874. № 84

тракта, по лѣвую сторону послѣдняго; не доѣзжая верстъ двухъ до с. Балдаевой Сугути, между этимъ селомъ и с. Шемердяновымъ, по обѣимъ сторонамъ пролегающей тутъ проселочной дороги въ г. Курмышъ. Другъ отъ друга курганы находятся въ саженяхъ въ пяти. Изъ нихъ находящійся на восточной сторонѣ дороги представляетъ правильный овалъ, шириной въ діаметрѣ по основанію не болѣе сажени, выш. не больше аршина, по верху онъ вплоть вынаханъ. Другой, на западной сторонѣ дороги, формы неопредѣленной, весьма похожъ впрочемъ на дѣтскую зимнюю горку, скатомъ съ запада на востокъ; вышиною этотъ курганъ не менѣе сажени, отъ чего онъ, благодаря занимаемой имъ ровной площади, виднѣется издалека, длиной саженъ около 3, а шир. $1^1/_2$ саж.; поверхность и края кургана поросли травою; края идутъ крутыми уступами, по западной сторонѣ почти отвѣсно; такой видъ края кургана получили, несомнѣнно, отъ производящейся вокругъ его, съ трехъ сторонъ, пашни и происходящихъ отъ того медленныхъ, но постоянныхъ обваловъ; по самой срединѣ этого кургана, съ обвалившимися внутрь краями, глубиною въ аршинъ, яма. По словамъ проѣзжавшаго мимо кургана, во время осмотра его мною, чувашина, яма на курганѣ образовалась отъ раскопки его ядринскимъ мировымъ посредникомъ; дѣлавшимъ для того, по словамъ чувашина, помочь. Тотъ же чувашинъ сообщилъ мнѣ при этомъ, что во время раскопки кургана въ немъ найдены будто бы горшокъ и ружье, отправленные въ Казань. Если все это правда, то нельзя не высказать сожалѣнія, что раскопка почему-то не была доведена до основанія кургана и кромѣ того раскопка, вопреки программѣ Археол. Общества, велась не сквозь въ продольномъ или поперечномъ направленіи, а, какъ сказано выше, по самой срединѣ въ видѣ кольца".

Къ этому г. Магнитскій прибавляетъ: „Курганы почувашски называются олын туиры и Чуваши разсказываютъ про курганы, что они были устроены Русскими во время похода на Казань и что за нихъ прятались сражавшіеся солдаты. Впрочемъ, такія разсужденія мнѣ довелось слышать только отъ упомянутаго чувашина".

2. Пять кургановъ въ волости Хочашевской. Эта волость находится на востокѣ отъ Балдаевской.

Въ „Замѣткахъ“ показаны въ этой волости: два кургана при околоткѣ с. Хочашева Олешкинѣ, одинъ при околоткѣ того же села Верхнихъ Ачакахъ и два при околоткѣ дер. Яушевой Якимкинѣ. Всѣ они кругообразной формы и три изъ нихъ (одинъ при Олешкинѣ и оба при Якимкинѣ) распахиваются подъ посѣвы.

3. Курганъ въ приходѣ с. Шуматова. Это село главное въ волости того же названія, находящейся на востокъ отъ Хочашевской волости.

Г. Магнитскій заявляетъ (1), что ему удалось осмотрѣть курганъ въ приходѣ с. Шуматова и описать его въ статьѣ „Археологическія достопримѣчательности въ приходѣ с. Шуматова, Ядринскаго уѣзда“, представленной Съѣзду естествоиспытателей въ г. Казани.

Въ протоколѣ втораго засѣданія секціи этнографіи и антропологіи IV Съѣзда естествоиспытателей записано: „Г. Юшковъ прочиталъ сообщеніе г. Магнитскаго о курганахъ и могилахъ въ Ядринск. у. Казанск. губерніи. Опредѣлено: просить Комитетъ Съѣзда напечатать въ трудахъ Съѣзда сообщеніе г. Магнитскаго“. Но Труды IV Съѣзда естествоиспытателей по отдѣлу этнографіи и антропологіи доселѣ еще не напечатаны.

Въ вышеуказанномъ протоколѣ записано также, что сообщеніе г. Магнитскаго вызвало заявленіе г. Износкова, который объяснилъ, что онъ лично знакомъ съ нѣкоторыми изъ кургановъ Ядринскаго уѣзда, что, по его мнѣнію, эти курганы, о которыхъ весьма мало извѣстно въ литературѣ, не походятъ на тѣ извѣстные курганы, которые находятся въ уѣздахъ Казанскомъ (?) и Лаишевскомъ, что отличительный признакъ первыхъ состоитъ, по его мнѣнію, въ религіозномъ характерѣ ихъ происхожденія, тогда какъ послѣдніе должны быть отнесены къ разряду такихъ искусственныхъ сооруженій, какія вызывались въ давнюю пору желаніемъ создать оборону противъ вражескихъ нападеній.

Ниже будетъ представлено противъ этого предположенія г. Износкова о религіозномъ характерѣ этихъ курганомъ, объясненіе г. Золотницкаго, что при мѣстахъ шамапскихъ

(1) «Курганы въ Ядринск. у.» Каз. Губ. Вѣд. 1874. № 84.

жертвоприношеній никогда не встрѣчается никакихъ укрѣпленій.

4. Курганъ въ 1½ верст. отъ с. Норусова. Это село главное въ волости того же названія, находящейся къ югу отъ вышеуказанныхъ волостей Шуматовской и Хочашевской, по юго-восточной границѣ уѣзда съ Симбирской губерніею.

„Замѣтки“ показываютъ въ 1½ верст. отъ с. Норусова, близъ околотка Мачамужъ, среди ровнаго поля, круглую насыпь, въ діаметрѣ 17 саж., въ вышину 1½ саж.; на верху насыпи воронкообразная яма, глубиною 2½ арш.

Эту насыпь мѣстные Чуваши называютъ олупъ-тупры. Между Чувашами существуетъ преданіе, что этимъ мѣстомъ, гдѣ росъ прежде лѣсъ, проходилъ какой-то богатырь, который ломалъ деревья, какъ траву, и остановился здѣсь, чтобы вытряхнуть изъ своей обуви, набившуюся туда землю.

5. Два кургана, обозначенные на картѣ Стрѣльбицкаго. Сп. насел. мѣстъ Каз. губ. и другіе списки селеній этой губерніи не показываютъ селеній съ названіемъ Курганъ, исключая Курганскаго выселка въ Чебоксарскомъ уѣздѣ (см. выше), но на картѣ Стрѣльбицкаго почти въ срединѣ Ядринскаго уѣзда, въ срединной волости уѣзда Асакасинской, обозначены рядомъ два селенія: Большой и Малый Курганъ. Если дѣйствительно существуютъ два такія селенія, то названія ихъ очевидно происходятъ отъ находящихся при нихъ кургановъ.

6. Предполагаемыя укрѣпленія, селенія: два Сундыря, три Кармана, Нува-ялъ и два Сюрбеева. Г. Золотницкій указываетъ въ Ядринскомъ уѣздѣ слѣдующія селенія, которыя своими названіями представляютъ основаніе для предположенія о существовавшихъ при нихъ укрѣпленіяхъ:

1. Малый Сундырь въ Балдаевской волости на границѣ съ Курмышскимъ уѣздомъ, на высокой горѣ. Г. Золотницкій указываетъ (ib. 270) это селеніе, ссылаясь на Сп. насел. мѣстъ, который въ Ядринскомъ уѣздѣ представляетъ одно селеніе съ этимъ названіемъ, но въ спискѣ селеній, который представляютъ „Свѣдѣнія о числѣ верстъ отъ селеній до губернскаго и уѣзднаго городовъ Каз. губ.“ Каз. 1876 г., показаны рядомъ: Большой и Малый Сундырь, они оба означены и на картѣ Стрѣльбицкаго. Оба эти се-

ленія не новый, потому что обозначены на рукописной картѣ конца XVIII стол.

2. И. И. Золотницкій указываетъ (ib. 262) на два селенія Карман-кассы, ссылаясь на Сп. насел. мѣстъ, который показываетъ только два селенія съ этимъ названіемъ, но вышеупомянутыя Свѣдѣнія о разстояніи селеній отъ городовъ указываютъ два селенія съ этимъ названіемъ въ волости Тараевской и одно въ Типсарпинской. Эти волости находятся рядомъ, обѣ прилегаютъ къ срединѣ сѣверной границы уѣзда, вторая волость на востокѣ отъ первой.

3. Селеніе Пува-яль, что, по переводу г. Золотницкаго (ib. 266), значитъ „укрѣпленное селеніе“; это селеніе называется также Кумуль-Ямашева. Оно находится въ Мало-Яушевской волости, которая прилегаетъ къ срединѣ восточной границы уѣзда.

4. Напольная Сюрбѣева и Хирпоси Сюрбіялъ (Мал. Ингорчина) показаны въ Сп. насел. мѣстъ рядомъ, на рч Олухъ-сирмы. Эти селенія принадлежатъ къ Больше-Абызовской волости, которая находится къ югу отъ предыдущей Мало-Яушевской и тоже прилегаетъ къ восточной границѣ уѣзда.

Г. Золотницкій послѣднее селеніе называетъ (ib. 266) Сьурьбу-яль—„селеніе земляного укрѣпленія“, иначе Малая Ингорчина—„новый защитникъ“, или Хирь-посси—„начало степи“.

XVIII. КОЗМОДЕМЬЯНСКІЙ УѢЗДЪ.

1. **Укрѣпленіе на горѣ при с. Малый Сундырь (Чалымскій городокъ).** Укрѣпленіе на этой горѣ описываетъ Сп. Михайловъ (1): „Гора сія съ древними укрѣпленіями находится по теченію р. Волги на правой сторонѣ, при с. Мал. Сундырѣ, ниже г. Козмодемьянска, примѣрно въ 15, а отъ Казани выше въ 160 верстахъ. По преданіямъ старожиловъ, р. Волга, будто бы протекала прежде подъ самою этою горою, когда существовалъ на оной городъ, и при подошвѣ горы былъ затонъ ея, гдѣ теперь расположе

(1) «Сундырская гора» Каз. Губ. Вѣд. 1852, № 29

но село Мал. Сундырь, на низменной равнинѣ, а въ затонѣ будто бы приставали къ городу суда съ солью. Послѣ Волга приняла другое направленіе: удалилась отъ сей горы въ луговую сторону, гдѣ теперь протекаетъ въ разстояніи отъ горы примѣрно 5 верстъ. Находящіеся нынѣ здѣсь низменные пространные луга, начинающіеся отъ самаго города Козмодемьянска и оканчивающіеся Батажнымъ затономъ, покрытые болотами и озерами, поросшими кустарниками и таловыми деревьями, достаточно убѣждаютъ въ томъ преданіи, что здѣсь было логовище рѣки Волги, да и нынѣ разливъ Волги покрываетъ эти луга и достигаетъ подошвы означенной горы, выходящей къ Волгѣ колоссальнымъ мысомъ, омываемымъ потокомъ небольшой рѣки Сундырки, за которой на низменной равнинѣ находится и самое с. Малый Сундырь, называющееся иначе Троицкое, Аккозино тожъ".

„Гора съ древними укрѣпленіями весьма высока и утесиста; съ юго-западной стороны выказываются изъ нея огромныя скалы, на сѣверо-западную сторону она нѣсколько отложе, и отлогости ея, покрытыя дерномъ, представляютъ какъ-бы уступы, которые, вѣроятно, образовались въ позднѣйшія времена отъ обвала этого края горы".

„По всходѣ на самую вершину ея, представляется ровная площадка, нетронутая плугомъ хлѣбопашца. Здѣсь укрѣпленіе начинается первоначально съ западнаго края горы, едва примѣрнымъ рвомъ, сравнявшимся съ землею, который, простираясь на югъ, становится значительнѣе, а далѣе всю южную сторону, примѣрно на четверть версты, огибаетъ полукругомъ земляной валъ, вышиною мѣстами аршина въ два, а ровъ глубиною болѣе аршина, идетъ рядомъ за валомъ, и достигаютъ они оба до сѣвернаго края горы, совершенно ихъ отсѣкающей своимъ крутымъ утесомъ къ волжской сторонѣ; самая средина вала и рва перерѣзана: по всей вѣроятности существовали тутъ ворота, или какое нибудь другое отверстіе для вылазокъ. Опаснѣйшій пунктъ, безъ сомнѣнія, былъ съ юга, на которомъ отсюда простирается равнина, обращенная въ пашни, и съ котораго удобно было нападать Русскимъ на укрѣпленіе; по сей причинѣ и укрѣпленіе съ этой стороны принимаетъ видъ оборонительный, а прочіе края горы, по крутости ихъ, неприступны, лишь отъ времени они довольно обвалились и обваливаются по слабости грунта земли. Уцѣлѣвшая пло-

щадь теперь въ окружности не болѣе какъ на версту; внутри ея слѣдовъ зданій уже не замѣтно: вѣроятно, они уничтожились отъ обвалу краевъ горы. Есть только двѣ квадратныя ямы, оставшіяся на самомъ краю горы къ волжской сторонѣ, чаятельно послѣ погребовъ, и тутъ же нѣсколько признаковъ, какъ бы часто набитыхъ столбовъ. Надобно полагать, что площадь внутри сихъ укрѣпленій была прежде значительна, и, можетъ быть, находились въ ней слѣды многихъ зданій, но все это уничтожилось, обвалившись подъ гору".

Въ продолженіи статьи о Сундырской горѣ, въ слѣдующемъ нумерѣ Каз. Губ. Вѣдомостей (1852 г. № 30) Сп. Михайловъ замѣчаетъ: „По преданіямъ извѣстно, что кругомъ этого укрѣпленія въ древнія времена былъ по всей горѣ дубовый лѣсъ. Старожилы помнятъ и теперь, что назадъ тому лѣтъ 60, было на горѣ нѣсколько дубовъ, но Черемисы ихъ вырубили".

Въ „Замѣткахъ" это укрѣпленіе описывается такъ: „въ 6 верст. отъ Волги, на рч. Сундыркѣ, въ 60 саж. отъ с. Мал. Сундыря, сохранилось городище, трехъугольной формы, лежащее на высокой горѣ. Оно состоитъ изъ земляного вала со рвами, слѣды которыхъ видны и до сихъ поръ. Площадь этого городища равняется 242 саж. и имѣетъ поверхность ровную. Рвы и валы сохранились съ юго-восточной и западной сторонъ; съ сѣверной же городище спускается обрывомъ. Длина рвовъ и валовъ простирается до 109 саж., шир. первыхъ—3 саж., а вторыхъ—1 саж".

Сп. Михайловъ сообщаетъ и нѣкоторыя преданія объ этомъ городищѣ ([2]):

„Сундырская гора съ древними укрѣпленіями никакого особеннаго названія у Черемисъ не носитъ. При всѣхъ стараніяхъ, я не могъ добиться отъ Черемисъ, какъ назывался у нихъ этотъ городъ; они утверждаютъ только, что былъ тутъ городъ. Разсказываютъ они, что въ оной горѣ хранится не смѣтная заколдованная казна—сорокъ бочекъ золота".

Въ другой статьѣ о Сундырской горѣ ([3]) Сп. Михайловъ говоритъ: „Старожилы Черемисы разсказываютъ,

---

([2]) «Сундырская гора» въ Каз. Губ. Вѣд. 1852, № 30.

([3]) «Еще о Сундырской горѣ», Каз. Губ. Вѣд. 1852, № 32.

что они встарину часто находили въ окрестностяхъ Сундырской горы, во время пашни, ядра и пули, а въ одно время нѣкоторыми рыбаками, при ловлѣ рыбы, найдено будто бы на Волгѣ у острова и нѣсколько серебряныхъ монетъ".

Сп. Михайловъ предполагаетъ (4), что этотъ городокъ назывался Чалымскимъ и упоминается подъ этимъ именемъ въ русскихъ лѣтописяхъ, когда говорится о сожженіи его; именно послѣднее служитъ Михайлову основаніемъ къ отождествленію этихъ городковъ, такъ какъ, и, по преданіямъ Черемисъ, городокъ на Сундырской горѣ былъ сожженъ Русскими (см. ниже). При этомъ Михайловъ замѣчаетъ, что у здѣшнихъ горныхъ Черемисъ былъ въ старину пятьдесятникъ Чалымъ, по коему нынѣ называется околотокъ Чалымкинъ. Такимъ образомъ Михайловъ производитъ названіе этого городка отъ черемисскаго собственнаго имени.

Н. И. Золотницкій (5) представляетъ другое объясненіе названія этого городка. Онъ говоритъ, что горно-черемисское село Мал. Сундырь по чувашски называется Ар-Сьӳндэрь (6) = Мал. Сундырь и Сьӳндэрь-ель, по черем. Шундерь-ель = Сундырское селеніе. Притяжательный суффиксъ во второмъ чувашскомъ названіи указываетъ, по объясненію г. Золотницкаго, что названіе Сьӳндэрь относится не къ самому селу, а къ мѣстности, при которой оно находится, къ вершинѣ горы, подъ которой находится селеніе—сӳндэрэ = „полати". Какъ выше упомянуто, по мнѣнію Золотницкаго, селенія съ названіемъ Сундырей указываютъ на „полати", „вышки", т. е. сторожевые пункты, бывшіе при этихъ селеніяхъ. „А что разбираемая мѣстность была сторожевымъ пунктомъ, съ котораго во времена казанскаго ханства, передавались зажиганіемъ костровъ сигналы о появленіи непріятелей, то въ этомъ убѣждаютъ, говоритъ г. Золотницкій: въ 1-хъ мѣстность укрѣпленія, съ котораго въ ясную погоду, внизъ по Волгѣ за 50 верстъ можно видѣть городъ Чебоксары и во 2-хъ то, что мѣсто это называлось Челым-

(4) «Очеркъ разселенія русскаго племени въ Козмод. у.» Каз. Губ. Вѣд. 1838, № 26.

(5) Чувашскій словарь 267—269.

(6) Чуваш. ар. образов. изъ тюрк. аз.—малый, по измѣненію тюркскаго звука з въ чувашск. р.

скимъ городкомъ, а слово челым есть, очевидно, чуваш сьолым, горно черемиск. салым—„пламя“. Мѣсто это у здѣшнихъ Черемись доселѣ извѣстно подъ именемъ „Салым—городокъ“ и, по ихъ толкованію, названіе его перешло на ближнюю деревню Салымкину.

Сохранилось воспоминаніе о борьбѣ этого города съ Русскими: г. Михайловъ сообщаетъ (7), что будто бы, при нападеніи Русскихъ съ р. Волги, жители города катали на нихъ съ вершины горы огромные дубовые кряжи, которыми и низвергали ихъ въ волны р. Волги.

Въ другой статьѣ о Сундырской горѣ (8) Сп. Михайловъ говоритъ, что первая статья была составлена имъ со словъ черемисскихъ старожиловъ и другихъ преданій, собранныхъ частнымъ образомъ; послѣ онъ познакомился съ исторіею Карамзина, гдѣ встрѣтилъ указаніе, что кн. Палецкій въ 1524 г. потерпѣлъ пораженіе отъ Черемисъ, какъ заявляетъ Михайловъ, именно около этого городка. Карамзинъ говоритъ, что кн. Палецкій шелъ на судахъ изъ Нижняго Новгорода къ Казани. Тамъ, гдѣ Волга, усѣянная островами, стѣсняется между ними, Черемисы запрудили рѣку каменьемъ и деревьями. Суда, увлекаемыя стремленіемъ воды, разбивались одно о другое или о камни, а съ высокаго берега сыпались на нихъ стрѣлы и катились бревна, пускаемыя Черемисами. Погибло нѣсколько тысячъ людей, убитыхъ или утопшихъ, и кн. Палецкій, оставивъ въ рѣкѣ большую часть военныхъ снарядовъ, съ немногими судами достигъ нашего стана. Сіе бѣдствіе, какъ думаютъ, произвело извѣстную старинную пословицу: „съ одну сторону Черемиса, а съ другой берегися“.

Карамзинъ, при изложеніи этого разсказа, пользовался Казанскою исторіею неизвѣстнаго сочинителя и Рычковымъ, который указываетъ и на приведенную пословицу, говоритъ: „можетъ статься, что она произошла отъ сего несчастливаго приключенія“ (9).

Казанская исторія неизвѣстнаго сочинителя не представляетъ точнаго опредѣленія мѣста, гдѣ потерпѣлъ пора-

---

(7) «Сундырская гора» Каз. Губ. Вѣд, 1852, № 30.

(8) «Еще о Сундырской горѣ» Каз. Губ. Вѣд. 1852, № 32.

(9) «Опытъ Казанской исторіи». Спб. 1767, 102.

женіе кн. Палецкій, но Сп. Михайловъ имѣлъ нѣкоторыя основанія указывать на гору при с. Мал. Сундырь, потому что въ Казанской исторіи говорится, что Черемисы броса-ли въ Русскихъ бревна съ высокаго берега, и по преданію, Михайлову было извѣстно, прежде нежели онъ узналъ о о подробностяхъ событія съ кн. Палецкимъ, что съ Сундырской горы Черемисы катали на Русскихъ огромные дубовые кряжи, когда Русскіе нападали съ Волги.

Впослѣдствіи Спиридонъ Михайловъ разсказъ ([10]) о самомъ событіи съ кн. Палецкимъ называетъ уже преданіемъ старожиловъ, это повторяютъ и другіе ([11]).

Сп. Михайловъ сообщаетъ ([12]) и преданіе о взятіи городка Русскими:" Есть легенда, что городъ сей взятъ былъ Русскими хитростью, которую употребилъ одинъ изъ подвластныхъ Татарамъ черемисскихъ старшинъ деревни Шалтыковой ([13]). Легенда говоритъ, что будто бы этотъ старшина подарилъ однажды отличнаго жеребца управлявшему этимъ городомъ и всею черемисскою страною татарскому вельможѣ, но этотъ, будучи не доволенъ подаркомъ, вырѣзалъ у лошади спину. Черемисскому старшинѣ показалось это обидно; онъ въ досадѣ приходитъ къ вельможѣ и проситъ у него позволеніе отправиться въ Нижній Новгородъ за русскими товарами, не обнаруживая своего гнѣва. Начальникъ отпускаетъ его. Черемисинъ, прибывши въ Нижній Новгородъ, является къ русскому царю, шедшему тогда походомъ на Казань, объявляетъ ему объ означенномъ городѣ при р. Волгѣ и проситъ дать ему сто человѣкъ воиновъ и нѣсколько возовъ пороху для завоеванія онаго города. Царь рѣшается и отпускаетъ съ нимъ требуемое число человѣкъ воиновъ и нѣсколько возовъ пороху. Черемисинъ, подъѣжая къ городу своему нарочно вечеромъ, велѣлъ воинамъ спрятаться въ воза, прикрылъ ихъ вмѣстѣ съ порохомъ и обвязалъ, какъ неоцѣненный товаръ. Татарскій вельможа приказалъ

([10]) Статья Сп. Михайлова въ Каз. Губ. Вѣд. 1858, № 26 «Очеркъ разселенія русскаго племени въ Козмод. у.».

([11]) Золотницкій—Словарь Чувашскій, стр. 268.

([12]) «Сундырская гора» Каз. Губ. Вѣд. 1852, № 30.

([13]) Въ сосѣдственномъ Васильевск. у. Нижегор. губ. есть дер. Шалтыкова, изъ которой будто-бы былъ этотъ Черемисинъ.

ему показать товары, но онъ уговорилъ его, что теперь де ночь и разсмотрѣть товаровъ нельзя. Когда же всѣ жители улеглись, то этотъ черемисскій хитрецъ, развязавши воза свои, велѣлъ воинамъ зажечь порохъ, отъ котораго разрушился весь городъ и немногіе жители уцѣлѣли. Между тѣмъ онъ съ русскими воинами поспѣшилъ явиться къ царю въ Нижній Новгородъ и донести о своемъ подвигѣ. Царь за сіе щедро его наградилъ и отпустилъ во-свояси".

Если этотъ городокъ дѣйствительно былъ тотъ, который въ русскихъ лѣтописяхъ называется Чалымскимъ, то онъ былъ сожженъ Русскими въ 1556 г.: „1556 г. мѣсяца апрѣля писалъ изъ Казани боярин и намѣстникъ кн. Петръ Ивановичъ, отпущалъ онъ боярина Петра Васильевича Морозова, да съ нимъ дѣтей боярскихъ и казаковъ, стрѣльцовъ и новокрещеновъ и Татаръ и набережныхъ людей и на Чалымскій городокъ, и Петръ ходилъ, ихъ новоевалъ и побилъ многихъ и городокъ сжегъ и назадъ здорово пришелъ (14)".

Сп. Михайловъ предполагаетъ еще (15), что этотъ городокъ должно разумѣть подъ острогомъ, который упоминается у горныхъ Черемисъ, по поводу приступа къ нему луговыхъ Черемисъ:

Въ Никоновской лѣтописи (VII, 257) объ этомъ говорится, что въ мартѣ 1556 г. „пріѣхали къ Государю горніе люди Алтышъ сотникъ съ товарищы, и привезли с собою измѣнника Мамить Бердѣя луговова сотнова князя, а сказывали Государю, что приходилъ Мамить Бердѣй ихъ воевати, а с нимъ было двѣ тысячи человѣкъ и къ острогу ихъ приступалъ и ихъ воевалъ, и они с нимъ сговорили, что имъ соднова с нимъ измѣнити, да увѣряся с нимъ, да взяли его пити к себѣ, а с нимъ человѣкъ сдвѣсти да тѣхъ людей всѣхъ побили, а его изымавъ ко Государю привели".

Михайловъ считаетъ этотъ острогъ за одно съ городкомъ на Сундырской горѣ, на томъ основаніи, что упоминаемый въ лѣтописи черемисскій сотникъ Алтышъ, по мнѣнію Михайлова, былъ здѣшняго уѣзда, какъ это видно изъ нѣкоторой челобитной, которую г. Михайловъ получилъ отъ

(14) Никон. VII. 262, 263.

(15) «Еще о Сундырской горѣ» 1852, № 32.

одного Чувашина, своего родственника, но, впрочемъ, позднѣйшей уже въ царствованіе Екатерины II. „Близъ села Кожважъ, прибавляетъ г. Михайловъ, даже есть одинъ околотокъ черемисскій, называющійся Альдинъ, вѣроятно испорченное слово Алтышъ".

По поводу отождествленія городка на Сундырской горѣ т. е. Чалымскаго, съ острогомъ горныхъ Черемисъ, къ которому приступали луговые Черемисы, должно замѣтить, что не понятно, почему въ апрѣлѣ 1556 г. этотъ городокъ былъ сожженъ Русскими, когда въ мартѣ того же года горные Черемисы, которымъ принадлежалъ этотъ городокъ, отличились преданностью къ Русскимъ и выдали имъ предводителя мятежныхъ луговыхъ Черемисъ. При этомъ должно также указать, что изъ того мѣста Никоновской лѣтописи, повторяемаго Львовскою (V, 130), въ которомъ упоминается Чалымскій городокъ, не видно ни мѣстоположенія этого городка, ни даже принадлежности его горнымъ Черемисамъ.

2. **Остальные 7 Сундырей.** Кромѣ Мал. Сундыря, г. Золотницкій (ib. 269), на основаніи Сп. насел. мѣстъ Каз. губ., показываетъ въ Козмодемьянск. уѣздѣ 7 Сундырей.

Усть-Сундырская ватага—мельница на берегу Волги, при устьѣ рч. Больш. Сундырки и затонѣ, называемомъ ночерем. Кого-яр—„высокій крутой берегъ"; въ 5 верст. отъ Малаго Сундыря и $^1/_2$ в. отъ дер. Юлъ-ялъ.

Прочіе 6 Сундырей Козмод. у чувашскіе: 1) Бол. Сундырь или Сундырь-торжокъ; 2) Сьӳндэрь-позе—„вершина р. Сундыря" или Рика-кассы; 3) Сундырская деревня, или Анчары; 4) Сундырская, или Ст. Сундырь, или Прилей; 5) Помекейкинъ Сундырь, или Станъ-яль; 6) Шешкаръ-Сундырь, или Олгаши.

Въ противоположность Мал. Сундырю, около котораго, въ подтвержденіе объясненія г. Золотницкимъ названія Сундырь, на горѣ является древнее укрѣпленіе, мѣстоположеніе Усть-Сундырской ватаги и первыхъ трехъ изъ остальныхъ при рч. Сундыркѣ, какъ они показываются въ Сп. насел. мѣстъ Каз. губ., указываетъ на происхожденіе названія этихъ селеній отъ рѣчки. Относительно названія Сьӳндэрь-позе (вершина р. Сундыря) это положительно принимаетъ и г. Радловъ (см. выше).

Помекейкинъ Сундырь въ Сп. насел. м. Каз. губ. названъ околоткомъ Стараго Сундыря. Околотками по русски называются чувашскіе, а иногда черемисскіе выселки, въ которыхъ большею частью живутъ члены одного рода. Чуваши и Черемисы выселки называютъ—ялъ. Околотками называются и части села или деревни, отдѣляющіяся одна отъ другой проулками и также имѣющія родовое происхожденіе (1).

Слѣдовательно названіе околотка Помекейкинъ Сундырь объясняется происхожденіемъ его изъ Сундыря, это новый Сундырь, выселокъ изъ Стар. Сундыря, названный, вѣроятно, по имени основателя его, Помекейки.

3. Курганы въ 150 саж. отъ дер. Носелы. „Замѣтки“ показываютъ въ одной верстѣ отъ укрѣпленія на горѣ при Маломъ Сундырѣ, въ 150 саж. отъ дер. Носелы курганы въ значительномъ количествѣ. Въ іюлѣ 1871 г., сказано въ „Замѣткахъ“, нѣсколько древнихъ могилъ (кургановъ) были разрыты прозекторомъ Каз. унив. Стояновымъ и вынутыя имъ кости, съ найденными въ могилахъ металлическими вещами, взяты съ собою.

Въ музеумѣ этнографіи и древностей Каз. унив. хранятся вещи и монеты, найденныя г. Стояновымъ въ могилахъ при дер. Носелы. Эти вещи пришиты къ картоннымъ листамъ, на которыхъ надписаны названія вещей и показано какой могилѣ, по счету послѣднихъ, принадлежатъ эти вещи. Соединяя вещи, на основаніи этихъ надписей, по отдѣльнымъ могиламъ, и нѣсколько распространяя названія вещей, черезъ чуръ краткія въ надписяхъ, такъ какъ послѣднія не опредѣляютъ даже матеріала вещей и т. д., мы получаемъ слѣдующее: Въ первой могилѣ двѣ серебр. серьги съ потертыми жемчужинами; въ шестой двѣ серебр. серьги, серебр. перстень, одна нитка съ большими стекляными голубыми бусинками, двѣ нитки съ маленькими стекляными голубыми бусинками и шесть монетъ, изъ которыхъ одна Владислава Сигизмундовича и 5 Михаила Ѳедоровича (1); въ восьмой

(1) Спис. насел. мѣстъ. Каз. губ. Предисловіе, LXXVIII, LXXIX.

(1) Монеты, встрѣчающіяся въ этихъ могилахъ, а также и при подошвѣ горы Ивановской (см. ниже), опредѣлены, по моей просьбѣ, извѣстнымъ нумизматомъ В. К. Савельевымъ.

бронзовая пряжка, обломокъ ножнаго мѣднаго обруча и какая то не названная по имени костяная вещь—пластинка съ закругленными по обѣимъ сторонамъ концами, съ узорами и двумя дырочками въ срединѣ; въ девятой желѣзный наконечникъ отъ погайки (?), желѣзная подкова и кожа отъ сапога; въ десятой 4 нижнія челюсти хомяка (cricetus frumentarius); въ одинадцатой костяной кружокъ отъ веретена; въ тринадцатой мѣдная пряжка; въ четырнадцатой двѣ серебряныя серьги, маленькая серебр. пряжка и два бронзовыхъ наручника (браслета); въ пятнадцатой бронзовый перстень, бронзовая пряжка и 125 монетъ Петра Великаго.

По монетамъ, находящимся въ шестой и пятнадцатой могилахъ, оказывается, что это могилы не особенно древнія—первая не древнѣе начала XVII, а вторая начала XVIII стол., слѣдовательно это не памятники до русскаго господства въ этой странѣ, которые собственно составляютъ содержаніе настоящаго изслѣдованія; но я всетаки остановился на нихъ, во первыхъ, чтобы не вводить въ заблужденіе объ ихъ древности, по названію ихъ въ „Замѣткахъ“ древними могилами или курганами; во вторыхъ, я думаю, что вещи, найденныя въ этихъ могилахъ вмѣстѣ съ найденными въ сосѣднихъ могилахъ горы Ивановской, указываютъ и на болѣе древнюю культуру инородцевъ, которымъ они принадлежали (Черемисы или Чуваши), такъ какъ культурное развитіе этихъ инородцевъ конечно не измѣнилось въ два или полтора столѣтія, со времени господства надъ ними Русскихъ.

4. Курганъ и могилы при подошвѣ горы Ивановской. Спир. Мих. Михайловъ (1) указываетъ неподалеку отъ горы Мало Сундырской, выше ея по теченію р. Волги, другую гору, называемую Ивановскою или Бусурманскою, на отлогостяхъ которой указываютъ жители одинъ курганъ надъ могилою будто бы русскихъ воиновъ, положившихъ животъ свой при совершенномъ истребленіи города на Мал. Сундырской горѣ, во время походовъ на Казанское царство Іоанна Васильевича, отчего и называется гора эта Ивановскою, а Бусурманскою отъ бусурмановъ Черемисъ, которыхъ Русскіе тогда такъ называли.

---

(1) «Сундырская гора» Каз. Губ. Вѣд. 1852 № 30.

Въ другой статьѣ (²) г. Михайловъ представляетъ новое опредѣленіе мѣстоположенія этой горы—за р. Обуховкою, о которой упоминается при описаніи похода ушкуйниковъ въ 1374 (см. выше).

Въ музеумѣ этнографіи и древностей Казанскаго университета вмѣстѣ съ вещами и монетами, найденными г. Стояновымъ въ могилахъ горы Носелской, на тѣхъ же картонныхъ листахъ помѣщены вещи и монеты, найденныя г. Стояновымъ въ могилахъ у подошвы горы Иваповской.

Изъ первой могилы—кусочекъ шерстяной (?) матеріи, 4 мѣдн. полушарика, къ которымъ была привѣшена такая же матерія, два кусочка подобной матеріи съ золотымъ проборомъ, бронзовые: наручникъ, пряжка и булавка, 3 стеклянныхъ бусинки,—двѣ бѣлыхъ пятигранныхъ и одна черная съ желтыми бугорками, ожерелье съ розеткою изъ маленькихъ бѣлыхъ и голубыхъ стеклянныхъ бусинокъ на ниткѣ, волосы и 60 монетъ Іоанна IV, Ѳед. Иван., Бориса Годунова, Дмитрія Самозванца и Вас. Ив. Шуйскаго.

Изъ второй могилы—обломокъ глиняной посудины, двѣ желѣзныя пряжки, одна монета Вас. Ив. Шуйскаго; изъ третьей—серебр. монета Михаила Ѳедоровича; четвертой—серебр. перстень съ камушкомъ граната и серебр. монета Мих. Ѳедоров.; пятой—желѣзная пряжка, двѣ стеклянныя голубыя бусинки и двѣ серебр. монеты Михаила Ѳедоровича; шестой—бронзовый перстень съ печатью, изображающею дракона; седьмой—бронзовая пряжка съ кусочкомъ матеріи, лоскутъ шерстяной матеріи, серебр. маленькая сережка, нитка съ нанизанными голубыми стеклянными бусинками и зубъ; восьмой—серебр. перстень, нитка съ нанизанными 4 голубыми стеклянными бусинками и три серебр. монеты Ивана Грознаго, Владислава и Михаила Ѳедоровича; десятой—желѣзн. пряжка; 11—мѣдная копейка Петра Вел.; 13—серебр. кольцо; 14—серебр. кольцо; 15—маленькій желѣзный наконечникъ копья; 17—бронзовая пряжка; 19—маленькій желѣзн. наконечникъ копья, 4 серебр. монеты Мих. Ѳед.; 22—желѣзный ножъ и обломокъ какой-то желѣзной вещи; 23—обрывокъ матеріи съ бисеромъ и двумя серебр. моне-

(²) «Историко-статистич. описаніе с. Владимірскаго-Басурманова». Каз. Губ. Вѣд. 1857 №. 36.

тами Мих. Θед.; 24—серебр. серьга съ 7 серебр. монетами, изъ которыхъ одна Іоанна Алексѣевича и 6 Петра I, пряжка съ лоскуткомъ кожи, къ которому пришито 5 серебр. монетъ—4 Мих. Θед. и 1 Петра I, свинцовая трубочка, 4 серебр. монеты, изъ которыхъ одна Ал. Мих. и 3 Мих. Θед. и 9 серебр. монетъ—7 Мих. Θед. и 2 Петра I; 26—серебр. серьга, съ бусинкою и подвязанными 3 серебр. монетами—1 Ив. Грозн. и 2 Мих. Θед., другая серебр. серьга съ бусинкою, мѣдная пряжка и два обломка двухъ свинцовыхъ (?) вещей; 28—серебр. монета Мих. Θед.

Монеты, встрѣчающіяся въ этихъ могилахъ, показываютъ, что послѣднія не древнѣе Вас. Ив. Шуйскаго.

Кромѣ этихъ вещей и монетъ изъ могилъ, на особомъ (седьмомъ) листѣ помѣщены обрывки пояса изъ кожи съ мѣдн. пряжками и кольцами. Этотъ поясъ, какъ надписано на листѣ, найденъ въ первомъ курганѣ у подошвы горы Ивановской. Такимъ образомъ видно, что г. Стояновъ различаетъ могилы и курганы, но болѣе никакой добычи изъ кургановъ не представляется.

5. **Курганъ близъ г. Козмодемьянска** указываетъ г. Износковъ въ „Дополнит. свѣдѣніяхъ о городищахъ и курганахъ“ въ брошюрѣ „Древности Каз. губ.“ стр. 65.

6. **Курганъ близъ Троицкаго посада** указываетъ г. Износковъ (ibid). Троицкій посадъ находится на прав. берегу Волги, выше г. Козмод., при устьѣ р. Больш. Юнги и противъ устья р. Ветлуги, которая съ противоположной лѣвой стороны впадаетъ въ Волгу.

7. **Укрѣпленіе близъ дер. Карманеръ.** Эта дер. околотокъ деревни Больш. Шумары, находится въ 1 верстѣ отъ с. Перпягаши (Чайгусово, Христорождественское) (1).

---

(1) «Названіе Перпягаши, говоритъ г Износковъ, или почеремиски Парня-Гашъ (парня—палецъ, гаша—ходившій), по преданію Черемисъ, произошло отъ того, что въ сосѣдствѣ съ селеніемъ во времена Іоанна Грозн. жилъ Черемисинъ по имени Акпарсъ, который былъ вожакомъ, указателемъ (палецъ-ходившій) войска Грознаго. За что онъ и получилъ отъ царя въ награду землю, названную на планѣ генеральнаго межеванія Акпарсоваю землею, а въ церкви с. Еласъ, сосѣдн. съ с. Перпягаши, хранится кубокъ, подаренный, какъ говоритъ преданіе, царемъ Іоанномъ Акпарсу. Самъ Акпарсъ жилъ, какъ говорятъ, въ околоткѣ Нужаналахъ Еласовскаго прихода, а земля, данная ему, вѣроятно занимала части

Дер. Карманеръ получила названіе, говоритъ г. Износковъ, отъ находящейся вблизи возвышенности, имѣющей видъ мыса или носа (карма, отъ слова качкамъ-съѣдомый, нер-носъ); на возвышенности этой, покрытой прежде лѣсомъ, была устроена кереметь, въ которой дѣлались жертвоприношенія, состоящія въ томъ, что Черемисы, сходившіеся изъ разныхъ деревень приносили съ собою кушанья и напитки и съ особенными церемоніями съѣдали ихъ въ этой кереметн. На мысѣ замѣтны признаки насыпи, имѣющей видъ овала, внутри котораго тоже насыпь, идущая паралельными рядами, на подобіе огородныхъ грядъ. Къ сѣверной сторонѣ этой мѣстности примыкаетъ еловая и березовая роща, называемая кереметь“ (*)

Г. Золотницкій представляетъ (ib. 262, 263) другое объясненіе названія этого селенія: „Нѣтъ сомнѣнія, что слово карман (кярмянь = кирмень) заимствовано Черемисами изъ тюркскаго языка, а что оно ими усвоено и означало „укрѣпленіе“, то это подтверждается названіемъ горно-черемисской деревни (Козмод. у. Пернягашск. прих.) Карманеръ, по мѣстному черемисскому выговору Кярмян-эръ. Окончаніе ар, эр въ названіяхъ селеній означаетъ: земля, мѣсто, страна. Слѣдовательно, въ настоящемъ случаѣ, Кярмян-эръ прямо значитъ укрѣпленное мѣсто“.

приходовъ Пернягашск., Еласовск. и Владимірскаго» («Горно-черем. приходы) Козмод. у.» въ Труд. Каз. Губ. Статист. Комитета 1869, I, 4).

Г. Золотницкій (ib. 251) представляетъ другое объясненіе названія с. Пернягашъ; «Село имѣетъ три главн. названія: Пай-гус(ова), Перня-гаш и Пи-пэль. Объ этихъ названіяхъ сложилось такое преданіе: Одинъ изъ казанск. хановъ, чтобы задобрить горныхъ Черемисъ, склонныхъ къ возмущенію и къ пособничеству Русскимъ, пожаловалъ имъ во владѣніе землю, выразивъ при этомъ свою благосклонность къ нимъ словомъ: байгыз-будьте богаты, жалованная земля названа: берня-гаш жалованное кочевье, дача (тат. берня-подарокъ, гаш. измѣненное въ произношеніи джагат.-тат. кӧчь, кирг. кӧш — кошъ кочевье, или чувашск. кас — выселокъ); но Черемисы, сознавая свое значеніе по отношенію къ Татарамъ и замѣчая въ обращеніи хана вынужденную благосклонность, признали его пожеланіе: байгыз равносильнымъ черемисскому выраженію: пи-пэль — «на, ѣшь, собака» и въ насмѣшку прибавили эту фразу къ тат. названію берня гаш »

(*) «Горно-Черем. приходы Козмод. у.» въ Труд. Каз. Статист. Комит. 1869, I, 8.

По поводу вышеприведеннаго объясненія названія этого селенія г. Износковымъ, Н. И. Золотницкій говоритъ: „Не входя въ разборъ мнѣнія достопочтеннаго автора, объясняющаго происхожденіе названія Кармапера бывшею на возвышенности кереметью, считаемъ достаточнымъ сказать, что нѣтъ примѣра, чтобы на мѣстахъ шаманскихъ жертвоприношеній устривались, на какой бы то ни было предметъ, пасыни. Между тѣмъ 1) воинственный характеръ Черемисъ, 2) сходство мѣстоположенія Кярмянэрской возвышенности съ мѣстностію набережнаго укрѣпленія, извѣстнаго подъ именемъ „Челымскій городокъ“, 3) нахожденіе Кярмянэрской мѣстности въ составѣ той земли, которая была пожалована Пв. Грознымъ въ награду знаменитому Акпарсу, и наконецъ 4) тожество названія Кармянэра съ названіями мѣстностей того же характера — окончательно убѣждаютъ, что Кярмянеромъ называлась собственно укрѣпленная возвышенность на мысу и что названіе это перешло въ наслѣдіе образовавшемуся впослѣдствіи вблизи оной селенію“.

8. Градскій врагъ въ дачахъ дер. Юньги-Ядриной показываетъ Сп. Михайловъ [1]: „Извѣстно, говоритъ онъ, что восточныя части Казанск. губ. гораздо богаче западныхъ остатками древностей, но, при разысканіи, и здѣсь можно что нибудь найти, хотя бы Иваповскую гору (см. выше) и въ дачахъ деревни Юньги-Ядриной „градскій врагъ“, почувашски хола варъ“.

Дер. Юньга-Ядрина находится въ верховьяхъ р. Больш. Юнги, близъ средины южной границы уѣзда.

9. Курганъ близъ с. Акрамова показываетъ г. Износковъ въ „Дополнит. свѣдѣніяхъ о городищ. и курганахъ“ въ брошюрѣ „Древности Каз. губ.“ стр. 65.

С. Акрамово находится на юго-вост. отъ предыдущей деревни Юньги-Ядриной, близъ юго.-вост. границы уѣзда.

10. Укрѣпленіе близъ дер. Карамышъ въ Татаркасинской волости. Сп. Михайловъ [1] говоритъ: „До покоренія Казанскаго царства, въ чертѣ нынѣшняго Козмод. уѣзда, были у здѣшнихъ инородцевъ два пограничныхъ укрѣпленія: одно при р. Волгѣ на Сундырск. горѣ, а другое

[1] «Преданія Чувашъ» въ Каз. Губ. Вѣд. 1852 № 25.

[1] «Очеркъ разселенія русск. племени въ Козмод. у.» въ Каз. Губ. Вѣд. 1858 г. № 26.

въ самомъ центрѣ уѣзда въ сторонѣ отъ Волги, близъ чувашск. околотка Карамышъ въ Татаркасинской волости. Названіе „Кармышъ“ должно быть связано съ именемъ какого нибудь татарскаго мурзы Карамыша. Оба эти укрѣпленія ни что иное, какъ только земляные валы со рвами“.

Г. Золотницкій, какъ выше было объяснено, самое названіе Карамышъ считаетъ доказательствомъ существованія укрѣпленія, въ числѣ селеній въ Каз. губ. съ этимъ названіемъ Золотницкій указываетъ и на горно-черемисскую деревню въ Козмод. у. Петпурскаго прихода Карамыш(ева) или Парастаева.

С. Петпуры (Вознесенское, Ценибеково) находится въ Больше-Юнгинской волости, между тѣмъ Михайловъ указываетъ на Карамышъ въ Татаркасинской волости, которая, дѣйствительно, какъ говоритъ Михайловъ, находится въ срединѣ уѣзда, именно проходитъ чрезъ всю средину южной половины уѣзда, т. е. по правую сторону Волги, а Больше-Юнгинская волость примыкаетъ къ Волгѣ въ юго-западн. углу уѣзда, на границѣ Нижег. губ., слѣдовательно гг. Михайловъ и Золотницкій разумѣютъ различныя селенія. Въ Сп. насел. м. Каз. губ. показано только одно селеніе Карамышъ (Парастаева), о которомъ говоритъ г. Золотницкій, т. е. въ Больше-Юнг. волости; другіе списки селеній Каз. губ. (Естеств. приращеніе сельск. населенія Каз. губ. и Свѣдѣнія о числѣ верстъ отъ селеній до уѣздн. и губернскаго городовъ Каз. губ.) въ этой волости упоминаютъ даже два селенія съ этимъ названіемъ: Карамышево 1 и Карамышево 2, но ни одинъ изъ этихъ Списковъ не упоминаетъ о селеніи съ такимъ названіемъ въ Татаркасинской волости; между тѣмъ такое селеніе обозначено въ послѣдней волости на картѣ Стрѣльбицкаго, именно рядомъ съ дер. Татаръ-Касы, по имени которой называется и волость. Такимъ образомъ подтверждается достовѣрность показанія Михайлова о мѣстоположеніи селенія Карамышъ, и такъ какъ Михайловъ положительно говоритъ о существованіи при этомъ селеніи земляного вала и рва, а селеніе Карамышъ, показываемое г. Золотницкимъ въ Больш-Юнгинской волости, только по предположенію о смыслѣ названія этого селенія, ведетъ къ заключенію о бывшемъ здѣсь укрѣпленіи, то я говорю о Карамышѣ въ Татаркасинской, а не въ Больше-Юнгинской волости.

11. **Валъ между дер. Кулаковой и Виловатымъ Врагомъ** показываетъ г. Износковъ въ „Дополнит. свѣд. о городищ.“ въ „Древност. Каз. губ.“ Каз. 1877 г. стр 65 (1), но такое обозначеніе мѣстоположенія этого вала представляется весьма неопредѣленнымъ, потому что указанныя двѣ деревни отстоятъ одна отъ другой въ 12 верст.—Кулакова на сѣв.-зап. отъ Виловатаго Врага, первая въ Козмодемьянской волости, а вторая въ волости, которая носитъ названіе этой деревни—Вилотовражская.

(1) Здѣсь вмѣсто дер Кулаковой напечатано Кулаповой, но такой дер. въ Каз. губ. не существуетъ; въ рукописи «Дополнит. свѣдѣній», г. Износкова, которая мнѣ было доставлена еще прежде напечатанія брошюры «Древности Каз. Губ.» стоитъ именно Кулакова.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ДНЕВНАЯ ЗАПИСКА И РАПОРТЪ ВЪ СОВѢТЪ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА АДЪЮНКТА КОНДЫРЕВА ВЪ 1812 Г.

Г. архиваріусъ Казанскаго университета П. И. Шляпниковъ указалъ мнѣ на хранящееся въ архивѣ дѣло „Объ отправленіи въ г. Чистополь въ званіи визитатора адъюнкта Кондырева для изслѣдованія обоюдныхъ жалобъ учителя Лебедева и коммерціи совѣтника Плаксина и объ описаніи имъ (Кондыревымъ) древностей пригорода Билярска и пр.“.

Посылка Совѣтомъ Казанскаго университета Кондырева въ качествѣ судебнаго слѣдователя и ученаго изслѣдователя послѣдовала въ концѣ сентября 1812 г. Въ дѣлѣ находятся Дневная Записка и Рапортъ Кондырева въ Совѣтъ университета; такъ какъ эти документы имѣютъ важное значеніе для археологіи здѣшняго края и въ настоящемъ своемъ изслѣдованіи я неоднократно ссылаюсь на нихъ, то я счелъ не лишнимъ напечатать изъ Дневника мѣста, относящіяся ко второй, археологической цѣли порученія, даннаго Кондыреву, а Рапортъ передаю цѣликомъ.

1 **Дневная Записка.** 3 октября По полуночи въ часъ пріѣхалъ въ пригородокъ Билярскъ. По утру имѣлъ нужныя совѣщанія съ священниками сего пригородка, муллами, случившимися тогда тутъ на базарѣ и старѣйшинами въ разсужденіи древностей Билярска, прося послѣднихъ объявить, чтобы всѣ находимыя вещи мнѣ показали, а которыя и продали. Волненіе народное о томъ, будто бы я французъ и прочія народныя заключенія понудили вечеромъ оставить Билярскъ, не осмотрѣвъ его, и удалиться въ ночь въ близь лежащую татарскую деревню Кулабаева Маразина, дотолѣ пока жители билярскіе не получатъ съ посланнымъ въ Чистополь отъ Земскаго суда обо мнѣ отвѣта.

4 октября. Переѣзжалъ изъ одной татарской деревни въ другую, распрашивая и развѣдывая дружески о древностяхъ Билярскихъ; бывъ доволенъ расположеніемъ и благопріятіемъ Татаръ, я получилъ отъ нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

5 октября. Дѣлалъ тоже, что и 4 октября и къ вечеру сего числа возвратился въ Билярскъ. Былъ въ одномъ городкѣ.

6 октября. Купилъ принесенныя мнѣ нѣкоторыя древнія вещи, могущія послужить къ описанію древностей Билярска. Осматривалъ за 10 верстъ въ одной чувашской деревнѣ надгробный камень, также развалины и валы вокругъ Билярска, въ двухъ мѣстахъ отдаленныхъ между собою, мѣсто за четыре версты отъ Билярска, откуда течетъ вода, называемая святою и мѣсто моленія Татаръ. Въ часъ ночи отправился изъ Билярска въ Чистополь.

7 октября. Проѣхавъ Чистополь, продолжалъ путь къ Жюкотину городку и Савинову городку и осмотрѣлъ мѣста сіи.

13 октября. Былъ въ пути и на дорогѣ, осмотрѣлъ городки Кошанской и Кирюшкинъ.

2 Рапортъ. Почтеннѣйшій Совѣтъ, давъ мнѣ препорученіе изслѣдовать обоюдныя жалобы г. коммерціи совѣтника Плаксина и г. учителя Лебедева въ г. Чистополѣ, предписалъ также осмотрѣть древности пригородка Билярска, описать ихъ и представить оному Совѣту. По чему и поставляю себѣ въ обязанность дать особый отчетъ касательно сего ученаго препорученія.

На пути своемъ осмотрѣлъ я восемь городковъ или мѣстъ, окруженныхъ валами, какъ-то: близъ Шурана одинъ неизвѣстнаго имени, по дорогѣ къ нему изъ Казани; второй и третій подъ названіемъ Кирюшкинъ и Кошанскій, на высотахъ берега р. Камы; четвертый именуемый Жюкотино около 10 верстъ отъ Чистополя къ Казани, на высотѣ же берега Камы; пятый—вокругъ Билярска на равнинѣ; шестой отъ Билярска верстахъ въ 4 на горахъ, 4 городка вмѣстѣ; седьмой—въ татарской деревнѣ Алметево, на равнинѣ, верстахъ въ 20 отъ Билярска и осьмой—на высотѣ близъ р. Мал. Черемшана и деревни татарской Камкино, отъ Билярска верстахъ въ 30. Для описанія всѣхъ оныхъ мѣстъ я сдѣлалъ соображенія и вездѣ старался собирать какія либо ихъ памятники прежняго существованія. Во

многихъ мѣстахъ осматривалъ древнія татарскія кладбища, изыскивая надгробные камни. Въ Билярскѣ обозрѣлъ я священную у Татаръ гору по нахожденію въ оной ихъ угодниковъ, также славящійся цѣлебною силою воды у всѣхъ ключъ и окрестность его, а воды сей для испытанія около ведра привезъ въ Казань и доставилъ г. профессору Ердману, который однакожъ отозвался, что въ ней не можетъ заключаться никакихъ особенныхъ частей цѣлительныхъ, если же и происходитъ многихъ болѣзней отъ оной исцѣленіе, то сіе бываетъ вѣроятно у народа болѣе по воображенію. Сколько ни старался я отыскивать въ Билярскѣ находимыхъ тамъ древнихъ монетъ и вещей, но мало получилъ въ томъ успѣха и только досталъ двѣ серебряныя монеты, изъ коихъ одна татарская отъ (747) 1369 г. (1); мѣдную ступку съ надписями, по свидѣтельству г. профессора Френа, на тангутскомъ языкѣ, употребляющуюся Монголами для куреній благовоніями въ храмахъ, выпаханную въ Билярскѣ вмѣстѣ съ другою подобною ей; желѣзную кольчугу и мелкія нѣкоторыя вещи и взялъ съ собою изъ разныхъ мѣстъ камни, кирпичи и черепки. Около Билярска я проѣхалъ татарскихъ деревень съ десять, старался у муллъ развѣдывать о древнихъ мѣстахъ Билярска, не имѣютъ ли они какихъ рукописей или памятниковъ, и при всемъ моемъ попеченіи едва получилъ отъ нихъ письменныя, весьма не большія извѣстія: 1) касательно первопачальнаго заведенія Болгаръ, 2) выписку изъ книги жизнеописанія Тамерлана о покореніи имъ Болгаръ и Билярска, 3) о началѣ Стар. Казани, 4) о святыхъ татарскихъ, находящихся близъ Билярска и 5) о нѣкоторыхъ ученыхъ татарскихъ родомъ Болгарцевъ. Съ помощію г. лектора Хальфина по переводѣ изслѣдую я самъ точнѣе важность или неважность сихъ извѣстій. Я узналъ также отъ Татаръ, гдѣ мнѣ еще можно искать извѣстій касательно древнихъ царствъ Болгарскаго и Казанскаго, что испытать впредь и не упущу.—Сколь ни велико было мое желаніе узнать точнѣе, подробнѣе и болѣе мнѣ препорученное, однакожъ 1) дурная погода во время моего объѣзда, 2) нѣкоторое волненіе жителей Билярска, почетшихъ меня за

(1) Переводъ года съ мусульманскаго лѣтосчисленія на христіанское здѣсь сдѣланъ неправильно: 747 годъ соотвѣтствуетъ не 1369, а 1347 г.

француза и выдавшихъ еще другую песообразнѣйшую молву, заставившихъ меня даже опасаться далѣе у нихъ для разысканій оставаться, 3) препорученный мнѣ разборъ обоюдныхъ жалобъ въ городѣ Чистополѣ гг. Плаксина и Лебедева, понуждавшій меня къ производству онаго и 4) большое пждивеніе при большомъ времени разысканія древностей, чего не могъ я учинить по моему недостатку, воспрепятствовали мнѣ сіе исполнить. Я препоручилъ впрочемъ о достопамятномъ, вновь открытомъ увѣдомлять меня или и доставлять мнѣ оное нѣкоторымъ жительствующимъ въ тѣхъ странахъ. Занимаясь судебнымъ производствомъ разбора сказанныхъ жалобъ, я не успѣхъ сдѣлать описанія видѣнныхъ мною мѣстъ не только историческаго, но и географическаго; къ тому же сіе требуетъ многихъ соображеній въ тихомъ кабинетѣ, при многихъ учебныхъ пособіяхъ. А потому и покорнѣйше прошу Совѣтъ позволить представить мнѣ сіе послѣ, тѣмъ болѣе, что я имѣю намѣреніе описать и многія и другія достопримѣчательныя по своей древности мѣста въ Казанской губ., каковыя я видѣлъ нарочно самъ лично, собиралъ о нихъ свѣдѣнія и все оное поднести на судъ почтеннѣйшаго славною ученостію сословія здѣшняго университета. 1812 года, 20 октября. Адьюнктъ Петръ Кондыревъ.

II.

О КАЗАНСКОЙ ИСТОРІИ НЕИЗВѢСТНАГО СОЧИНИТЕЛЯ.

1. Извѣстные списки Казанской исторіи. Казанская исторія довольно распространена въ рукописныхъ спискахъ: Графу Ѳедору Андреевичу Толстому принадлежали 11 списковъ, изъ которыхъ одинъ написанъ въ началѣ XVII стол., два въ XVII ст., одинъ былъ уже проданъ въ 1689 году, одинъ списокъ конца XVII. стол., написаніе одного показано опредѣленно въ 1697 году, одинъ начала XVIII стол., три новѣйшаго времени, наконецъ одинъ списокъ XVII ст. представляетъ только отрывокъ изъ всего сочиненія (главы 9—39) (1).

(1) «Обстоятельное описаніе славяно-россійск. рукописей хранящихся въ библіотекѣ гр. Ѳ. Толстова», М. 1825, стр. 221, 229, 238, 278, 400, 443, 496, 554, 630, 671, 683.

Румянцевскому Музею принадлежатъ 3 списка XVII стол. (2). Въ библіотекѣ Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ два списка—одинъ XVII в., другой конца XVII ст. (3). Ивану Никит. Царскому принадлежали два списка, изъ которыхъ одинъ конца XVII стол., а другой XVIII стол.; сверхъ того въ одномъ сборникѣ XVII в. встрѣчается эта исторія передѣланною, какъ показано въ „Описаніи рукописей Царскаго"; но, къ сожалѣнію, не извѣстно, въ чемъ состоитъ эта передѣлка; а въ другомъ сборникѣ—выписки изъ этой исторіи, принадлежащія по письму къ XVII стол. (4).

Между рукописями В. М. Ундольскаго встрѣчаются 5 списковъ Казанской исторіи: одинъ конца XVI стол., два XVII и два XVIII в.; сверхъ того въ составъ одного сборника XVI вѣка и первой половины XVII вѣка входятъ: Софійская лѣтопись, прерывающаяся на половинѣ сказанія объ убіеніи Михаила Тверскаго (П. С. Л. V, 209), лѣтописецъ преимущественно о московскихъ событіяхъ съ 1303—1686 г., книга Казанскаго взятья и Новый лѣтописецъ; наконецъ, между рукописями Ундольскаго встрѣчается лѣтописецъ отъ начала Русской земли до царя Алексѣя Михайловича, поморскаго письма, XVIII в. съ исторіею Казанскаго царства въ концѣ (5).

Н. В. Калачевъ представилъ въ даръ Археологическому Обществу отъ помѣщика Владимірской губерніи г. Умана рукописную Казанскую исторію (6).

Въ Московскомъ Главн. Архивѣ Министр. Иностр. Дѣлъ, какъ показываютъ „Выписки изъ каталоговъ Библіотеки

---

(2) »Описаніе рукописей Румянцевск. музеума», Спб., 1842, стр. 566, 567, 758«

(3) «Библіотека Императ. Общества исторіи и древностей россійск.». М. 1845, стр. 30.

(4) «Рукописи славянскія и русскія, принадл. Ив. Никит. Царскому». М. 1848, стр. 104, 197, 475, 537.

(5) «Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго». М., 1870. Очеркъ рукописей въ полномъ составѣ, стр. 21, 22.

(6) Проток. Общ. 5 янв. 1863 въ Изв. Арх. Общ. т. IV, стр. 476. Здѣсь замѣчено, что объ исторіи Каз. царства есть статья К. Ѳ. Калайдовича, находящаяся нынѣ съ другими его бумагами въ Публ. библіот. въ Спб. (См. Чтенія Моск. Общ. Ист. 1862, III. Матеріалы для жизнеопис. К. Калайдовича, стр. 203).

Архива", составленныя для IV Археол. Съѣзда и доставленныя въ Казань Предварит. Комитету этого Съѣзда г. директоромъ Архива барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, находятся слѣдующіе списки Казанской исторіи: 1) въ Степен. книгѣ (№ $\frac{26}{34}$), писанной скорописью, подходящею къ полууставу и полууставомъ — 80 главъ этой исторіи; 2) въ рукописн. сборникѣ половины XVIII ст. (№ $\frac{361}{841}$); 3) въ скорописной рукописи XVII в. (№ $\frac{405}{857}$), при указаніи на эту рукопись въ „Выпискахъ" замѣчено, что „эта Исторія напечатана была въ Спб. въ 1791 г., по 2 архивскимъ спискамъ, но съ пропусками"; 4) въ скорописн. рукописи XVII в. (№ $\frac{406}{858}$) списокъ съ предыдущей рукописи; 5) скорописная рукопись конца XVII в. (№ $\frac{488}{968}$); 6) Казанская исторія въ сокращеніи съ присовокупленіемъ выписокъ изъ хронографовъ и пр. (№ $\frac{489}{969}$); 7) скоропись конца XVI в., 79 главъ исторіи (№ $\frac{688}{1200}$); 8) въ скорописной рукописи XVIII в. 10 главъ Исторіи (№ $\frac{848}{1384}$); 9) рукопись XVII и XVIII в. (№ $\frac{824}{1390}$); 10) въ Гранографѣ, писанномъ въ Моск. Чудовѣ монаст. въ 1639 г., 3 главы Исторіи (№ $\frac{848}{1414}$). Сверхъ того въ Архивѣ въ нѣсколькихъ рукописяхъ встрѣчается отдѣльно статья „О взятіи Казани": 1) въ хронографѣ XVII в. (№ 1); 2) въ Разрядн. книгахъ, по списку втор. половины XVII в. (№ $\frac{419}{166}$); 3) въ рукописи XVIII ст. (№ $\frac{434}{893}$); 3) въ рукописи конца XVII и начала XVIII в. (№ $\frac{472}{952}$) статья о взятіи Казани слѣдуетъ за статьею о первомъ начинаніи Казанск. царства и о мѣстномъ угодьи и о зміиномъ жилищѣ; 5) рукопись XVIII в., гражданскаго почерка (№ ?); 6) въ связкѣ отрывковъ изъ разныхъ рукописей XVI и XVII вв. (изъ библіотеки кн. М. А. Оболенскаго № 105).

Особенно должны быть распространены списки Казанской исторіи въ самой Казани.

Въ 1844 г. А. И. Артемьевъ (7) указывалъ на списокъ, ему принадлежащій, конца XVII стол.; на принадлежащій Седміозерной пустыни, писанный полуустановъ и на принадлежащій Казанскому университету списокъ 1810 г. (8).

Въ 1852 г. было заявлено въ Каз Губ. Вѣд. № 15 авторомъ статьи „Рыбушкинъ и его исторія Казани", что, сколько ему извѣстно, списковъ Казанской исторіи имѣется три: въ Университетской библіотекѣ, у редактора Казанск. Губ. Вѣдомостей (Ил. Березинъ) и еще у одной особы. Въ 1853 г. въ Каз. Губ. вѣдомостяхъ указано на пріобрѣтенную А. Ф. Россоловскимъ Казанскую исторію въ позднѣйшемъ спискѣ, начала прошедшаго столѣтія, показаны и главные варіанты этаго списка, сравнительно съ печатнымъ въ 1791 г. (9). Въ 1857 г. г. Пупаревъ заявилъ о пріобрѣтеніи имъ списка, сдѣланнаго въ 1806 г. и указалъ на различіе его отъ печатнаго (10). А вслѣдъ за г. Пупаревымъ нѣкто А. М. указалъ на имѣющійся у него списокъ (11).

Въ настоящее время мнѣ принадлежатъ 4 списка, изъ которыхъ написаніе одного прямо обозначено 1652 годомъ; другой списокъ, какъ видно изъ почерка его, старѣе перваго; третій конца XVII ст.; а четвертый начала XVIII ст., послѣдній списокъ замѣчателенъ тѣмъ, что писанъ на гербовой бумагѣ. Второй списокъ принадлежалъ въ 1776 году священнику села Богородскаго, Астраханка (12) тожъ, Ѳедорову; третій въ прошедшемъ столѣтіи принадлежалъ служителю Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря; четвертый принадлежалъ въ 1781 г. крестьянину Кукарской сло-

---

(7) «Нѣчто для исторіи Казани» Каз. Губ. В. 1844, № 15.

(8) Университетскій списокъ впослѣдствіи подробнѣе описанъ тѣмъ же Артемьевымъ въ статьѣ «Историч. рукописи библіотеки Каз. университета». Ж. М. Н. Пр 1854 г., августъ. Здѣсь замѣчено о всемъ сборникѣ, въ который входитъ Казанская исторія, что почеркъ его одинаковъ съ почеркомъ Инсц. Свіяжск. книги, а послѣдняя переписана въ 1810 г.

(9) «Казанскій лѣтописецъ въ позднѣйшемъ спискѣ», Каз. Губ. Вѣд. 1853, № 1.

(10) «Одинъ изъ списковъ исторіи о Казанск. царствѣ» Каз. Губ. Вѣд. 1857. № 13, 15, 16.

(11) «Нѣск. словъ о Каз. исторіи» А. М. Каз. Губ. Вѣд. 1857 № 18.

(12) Село въ Лаишевск. уѣздѣ.

боды Вятск губ. Первые два мои списка должно считать, сравнительно съ большинствомъ другихъ вышеупомянутыхъ, древнѣйшими.

Списки Казанской исторіи встрѣчаются и за границею. Строевъ описываетъ два списка Каз. исторіи, хранящіеся въ Берлинской и Дрезденской Королевскихъ Библіотекахъ ([13]).

2. Печатныя изданія Казанской исторіи. Уже для Лызлова, писавшаго въ концѣ XVII стол. ([1]), важнѣйшимъ источникомъ при изложеніи исторіи Казани была разбираемая исторія неизвѣстнаго сочинителя. Лызловъ не указываетъ на этотъ источникъ, но это ясно открывается при сличеніи этихъ двухъ сочиненій; подобно этому Лызловъ, при описаніи осады и взятія г. Казани, не упоминаетъ о сочиненіи Курбскаго, а заимствовалъ изъ него очень много.

Рычковъ ([2]) пользовался нѣсколькими списками Казанской исторіи.

Эта исторія по двумъ спискамъ изъ библіотеки Московской коллегіи иностранныхъ дѣлъ напечатана въ С. Петербургѣ въ 1791 году ([3]). Изданіе это обыкновенно называютъ неисправнымъ, требующимъ новаго изданія, но, по моему, это изданіе черезъ чуръ исправно, или вѣрно, въ отношеніи къ своимъ двумъ подлинникамъ, представляя буквальную передачу рукописей, даже съ явными ошибками, а между тѣмъ напечатанныя рукописи нельзя считать лучшими, какъ оказывается при сравненіи ихъ съ другими, непапечатанными.

Поэтому требуется выбрать для новаго изданія лучшій списокъ и по возможности указать варіанты изъ другихъ списковъ. Впрочемъ, это сочиненіе, по содержанію своему, какъ будетъ доказано, не заслуживаетъ особеннаго вниманія и новому изданію его не должно придавать важнаго значенія.

([13]) «Описаніе памятниковъ славяно-русской литературы, хранящихся въ Германіи и Франціи» М. 1841, стр. 94—96.

([1]) Скиѳская исторія. 2 изд. М. 1787 г.

([2]) «Опытъ Казанской исторіи» Спб. 1767 стр. 66, 67.

([3]) Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI столѣтія по двумъ стариннымъ спискамъ. Спб., иждивеніемъ Императ. Академіи наукъ, 1791 г.

Почти все сочиненіе было напечатано въ другой разъ во второмъ томѣ „Подробной лѣтописи“ Спб. 1798 г., хотя издатель ея Н. Л. (Львовъ), основываясь на показаніяхъ извѣстнаго въ то время историка Болтина, приписываетъ (т. I, предисл.) составленіе этой лѣтописи митрополиту Ѳеофану, т. е. архіепископу Ѳеофану Прокоповичу, и, при одномъ заявленіи отъ неизвѣстнаго сочинителя, какъ очевидца, г. Львовъ объясняетъ (т. II, 114), что Ѳеофанъ записалъ нѣкоторыя преданія слово въ слово.

К. Н. Бестужевъ Рюминъ (4) указываетъ, что часть Казанской исторіи помѣщена въ VI т. Полн. Собр. Русскихъ Лѣтописей. Это замѣчено, говоритъ Бестужевъ Рюминъ, студентомъ Аквилоновымъ.

3. Сравненіе Казанской исторіи съ „Отрывкомъ изъ русскихъ лѣтописей“ и другими источниками. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, указывая на помѣщеніе части Казанской исторіи въ VI т. Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, не говоритъ, какая именно часть этого послѣдняго изданія повторяетъ Казанскую исторію. При разсмотрѣніи VI тома П. С. Р. Лѣтоп., открывается, что „Казанской исторіи“ неизвѣстнаго сочинителя, соотвѣтствуетъ окончаніе такъ называемаго „Отрывка изъ русской лѣтописи“, напечатаннаго на стр. 303—315.

Сюда принадлежатъ именно три статьи: 1) „Послѣдованіе древнимъ, но еще и взысканіе государя православнаго царя великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіа Московскаго“, т. е. исторія послѣдняго похода царя Ивана IV подъ Казань, до переправы черезъ Волгу; 2) „Сказаніе о великаго князя хожепіи, православнаго царя, како поиде изъ Свіяжскаго города на Казанского царя Едигеря, Касымъ Салтанова сына“; 3) „О Казанскомъ взятіи, како взята бысть Казань, бесермепскій городъ, благовѣрнымъ, великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіа“.

Эти три статьи соотвѣтствуютъ въ печатномъ изданіи Казанской исторіи страницамъ 190—256. Статьи „Отрывка русской лѣтописи“ повторяютъ, за немногими исключеніями, слово въ слово Казанскую исторію, по кромѣ этого

(4) Русск. Исторія, стр. 43, примѣч.

послѣдняя представляетъ нѣкоторыя дополнительныя статьи въ разныхъ мѣстахъ среди текста, буквально сходнаго въ ней и въ „Отрывкѣ“, а послѣдній, сравнительно съ Казанск. исторіею, представляетъ нѣкоторые варіанты и дополненія.

При болѣе тщательномъ сравненіи статей Отрывка и Казанской исторіи между собою и послѣдней съ русскими лѣтописями, открывается, что не вышеуказанныя три статьи были выписками изъ Казанской исторіи, а, наоборотъ, составитель такъ называемой Казанской исторіи, представляющей только компиляцію изъ извѣстныхъ прежде источниковъ, переписывалъ эти три статьи съ прибавленіемъ къ тексту ихъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ другихъ источниковъ, почти исключительно изъ Степенной книги.

Дополнительными мѣстами въ Казанской исторіи, сравнительно съ статьями Отрывка, представляются слѣдующія: 1) о благопосланной пищи вопискимъ людямъ; 2) о неоднократномъ посольствѣ царя въ осажденную Казань съ предложеніемъ о сдачѣ города; 3) о видѣніи св. апостоловъ Петра и Павла; 4) о видѣніи Николы чудотворца; 5) о повелѣніи царя учинить подкопъ; 6) объ играніяхъ Казанцевъ по ихъ обычаю въ городѣ; 7) длинная рѣчь царя войску; 8) объ устройствѣ дубовой городской стѣны; 9) о благочинномъ устройствѣ русскаго войска; 10) о взрывѣ подкопа, во время чтенія на литургіи діакономъ евангелія; 11) объ обыкновенномъ устройствѣ московскаго войска, выходящаго на битву; 12) возвѣстительная рѣчь царю о взятіи Казани; 13) о приведеніи къ московскому царю захваченнаго Казанскаго царя Едигера и рѣчь къ послѣднему московскаго царя; 14) о предоставленіи войску всей добычи; 15) рѣчь царя при входѣ въ городъ, 16) о поставленіи святыхъ церквей въ Казани.

Изъ этихъ 16 дополнительныхъ мѣстъ семь (1—4, 10, 14, 16) представляются повторяющими слово въ слово Степенную книгу; мѣста о повелѣніи устроить подкопъ и объ устройствѣ городской стѣны напоминаютъ Никоновскую лѣтопись (VII, 163, 171) и Царственную книгу (стр. 284, 296); нѣкоторыя изъ мѣстъ, соотвѣтствующихъ Степенной книгѣ (3, 4, 10, 14), встрѣчаются также въ Царственной и одно изъ нихъ (10) въ Никоновской. Но соотвѣтствіе Казанской исторіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Царственной книгѣ и Никоновской лѣтописи не можетъ вести къ предполо-

женію о заимствованіи первой изъ послѣднихъ двухъ источниковъ, а не изъ Степенной книги: всѣ мѣста, напоминающія Царственную книгу и Никоновскую лѣтопись, встрѣчаются и въ Степенной, кромѣ двухъ мѣстъ объ устройствѣ подкопа и городской стѣны; затѣмъ, сверхъ 4 мѣстъ, общихъ съ Царственною и Степенною книгами, еще три мѣста въ Казанской исторіи указываютъ только на Степенную; наконецъ мое предположеніе о заимствованіи именно изъ Степ. книги, объясняется сравненіемъ одного мѣста, общаго для Казанской исторіи, Степенной книги и Царственной—о предоставленіи войску добычи. при чемъ Царств. книга (стр. 313) прибавляетъ, что царь взялъ себѣ только знамена и пушки, а по Казанской исторіи (стр. 245) и Степенной книгѣ (стр. 262) — избранное оружіе, вѣнецъ, жезлъ и знамя царей Казанскихъ.

Изъ вышеуказанныхъ мѣстъ Казанской исторіи, дополняющихъ статьи „Отрывка“, остаются неизвѣстнаго для меня происхожденія: объ играніяхъ Казанцевъ и два мѣста объ устройствѣ московскаго войска; затѣмъ остаются еще четыре рѣчи, изъ которыхъ о двухъ первыхъ (7 и 12 мѣсто) упоминаетъ и „Отрывокъ“, но представляя только краткое содержаніе сказаннаго. Но само собою разумѣется, что эти рѣчи не представляютъ настоящаго текста дѣйствительно сказаннаго, а только упражненія въ ораторскомъ искусствѣ неизвѣстнаго, позднѣйшаго ритора.

„Отрывокъ“, соотвѣтствующій Казанской исторіи, оканчивается возвращеніемъ царя въ Москву. Въ Казанской исторіи, по печатному изданію ея въ 1791 г., далѣе слѣдуютъ статьи: 1) „о покоряющихся и крестящихся“, 2) „о татаринѣ, иже крестился, и пострада за Христа“, 3) „о поставленіи въ Казани архіепископа Гурія“, 4) „о построеніи въ Москвѣ храма Покрова въ память взятія Казани“, 5) „о царскомъ хожденіи по святымъ мѣстамъ“, 6) „о чудѣ отъ воды изъ колодеца св. Никиты“.

Послѣднія двѣ статьи даже не имѣютъ никакой связи съ Казанской исторіею. Что же значатъ эти дополненія, откуда они? Раскрывая Степенную книгу, мы видимъ, что всѣ эти 6 статей съ тѣми же самыми заглавіями и въ томъ же порядкѣ помѣщены въ Степенной книгѣ, непосредственно за исторіей взятія Казани. Послѣднее представляетъ несомнѣнное доказательство о заимствованіи такъ называемой

Казанской исторіи изъ Степенной книги. Заимствованіе изъ пея двухъ послѣднихъ статей, совершенно неподходящихъ къ исторіи Казани, объясняется тѣмъ, что далѣе въ Степенной книгѣ идетъ глава подъ заглавіемъ „о взятіи Астраханскаго царства“, только передъ такимъ заглавіемъ переписчикъ Степенной книги счелъ возможнымъ остановиться.

Такъ оканчивается Казанская исторія по печатному изданію 1791 г., по списку Румянцовскаго музеума и по двумъ, принадлежащимъ мнѣ спискамъ; но во II томѣ Подробной лѣтописи и по другимъ спискамъ Румянцовскаго музеума, она оканчивается поставленіемъ св. Гурія; а по остальнымъ двумъ моимъ спискамъ—по одному (1), хожденіемъ царя по святымъ мѣстамъ, т. е. здѣсь недостаетъ только разсказа о чудѣ отъ святой воды; а по другому (2), возвращеніемъ царя въ Москву, т. е., согласно окончанію „Отрывка“, безъ прибавленія послѣднихъ дополнительныхъ статей изъ Степенной книги.

Такимъ образомъ видимъ, что такъ называемая Казанская исторія не имѣетъ конца, или, лучше сказать, опредѣленнаго конца, потому что окончаніе ея обусловливается произволомъ переписыванія изъ Степенной книги. Болѣе осмысленное окончаніе представляетъ моя послѣдняя рукопись, которая сходится здѣсь съ „Отрывкомъ“, помѣщеннымъ въ VI томѣ Полн. Собр. Русск. Лѣтописей.

Три статьи „Отрывка“ можно считать самостоятельнымъ и оконченнымъ цѣлымъ, на что указываютъ послѣднія слова третьей статьи, не встрѣчающіяся въ Казанской исторіи: „Такоже поиде къ великой княгинѣ, и глагола бояромъ своимъ и воеводамъ честь, и всѣмъ воеводамъ своимъ, яко ни едина не оскорбѣ, радуяся, во вѣки, аминь. Да видѣти бы намъ государя на Кіевѣ, православнаго царя великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіа! Слава совершителю Богу. Аминь“.

4. **Предположеніе о принадлежности статей „Отрывка“, а не „Казанской исторіи“, священнику Глазатому.** Признавая статьи о Казани, входящія въ составъ

---

(1) Конца XVII стол., который принадлежалъ служителю Нижегородск. Благовѣщенск. монаст. См. выше

(2) Списокъ 1642 г.

„Отрывка“, самостоятельнымъ, цѣлымъ сочиненіемъ, я имѣю право считать именно эти статьи произведеніемъ попа Іоанна Глазатаго, такъ какъ къ этимъ статьямъ ближе, нежели ко всему содержанію сочиненія, извѣстнаго подъ именемъ Казанской исторіи, подходятъ слова Татищева, что этотъ попъ писалъ „о доставаніи и взятьѣ града Казани“. Между тѣмъ никакихъ другихъ доказательствъ о принадлежности Казанской исторіи Іоанну Глазатому не имѣется.

Первопачальнымъ источникомъ, изъ котораго повторяютъ о принадлежности Казанской исторіи попу Іоанну Глазатому, былъ Татищевъ, который въ числѣ источниковъ русской исторіи указываетъ на попа Іоанна Глазатаго, который обстоятельнѣе князя Курбскаго писалъ „о доставаніи и взятьѣ г. Казани“ (1).

Митрополитъ Евгеній (2) эти слова Татищева относитъ именно къ разбираемой Казанской исторіи; архіепископъ Филаретъ (3), не указывая ни на Татищева, ни на Евгенія, положительно, но безъ всякихъ доказательствъ, называетъ авторомъ этой исторіи священника Іоанна Глазатаго; новѣйшій историкъ Бестужевъ-Рюминъ (4) называетъ авторомъ этой исторіи священника Глазатаго, ссылаясь на Филарета.

Но ни откуда не видно, чтобы упоминаемый Татищевымъ Глазатый написалъ именно разбираемую исторію. Нѣтъ никакихъ доказательствъ въ самой исторіи, чтобы авторъ ея былъ священникъ, напротивъ, представляется указаніе, что авторъ былъ служилый человѣкъ. Неизвѣстный сочинитель говоритъ, что, по взятіи Казани, онъ вышелъ оттуда на имя царя Ивана Васильевича, который обратилъ его къ Христовой вѣрѣ, пріобщилъ къ св. церкви, „и мало земля удѣломъ дасть ми, да жить буду служа ему“. И такъ ясно говорится о служеніи автора царю, а не церкви (5).

---

(1) Исторія Россійская, кн. I, М. 1768. Предъизвѣщеніе стр. XII.

(2) Словарь историч. о писателяхъ духовн. чина, 2 изд. Спб. 1827, I, 239.

(3) Обзоръ русской духовной литературы, Харьковъ. 1859, т. I, 192, 193.

(4) Русская исторія, Спб. 1872, I, 42.

(5) Относит. обращенія автора, послѣ освобожденія изъ плѣна, къ христовой вѣрѣ, въ двухъ древнѣйшихъ изъ 4 принадлежащихъ мнѣ списковъ прибавлено къ слову обратилъ—«паки».

Сомнѣваюсь, чтобы могло послѣдовать возраженіе такого рода, что указанныя статьи Отрывка и дополнительныя къ нимъ изъ Степенной книги, изъ которыхъ нѣкоторыя встрѣчаются въ Царственной книгѣ и Никоновской лѣтописи, на оборотъ, заимствованы изъ Казанской исторіи. Всего вышеобъясненнаго было бы совершенно достаточно для опроверженія такого возраженія, но къ этому можно прибавить еще сравненіе мѣстъ Казанской исторіи съ вышеуказанными памятниками: мѣста изъ Степенной книги представляютъ въ Казанской исторіи нѣкоторыя сокращенія, а Отрывокъ въ мѣстахъ, параллельныхъ съ Казанской исторіею, отличается большею точностью, простотою, а иногда и подробностями. Отрывокъ говоритъ о рѣчи Ивана Васильевича послѣ приведенія къ нему Казанскаго царя, что она была сказана боярамъ и всѣмъ дѣтямъ боярскимъ, согласно дѣйствительному раздѣленію тогдашнихъ служилыхъ людей; а въ Казанской исторіи говорится о рѣчи „царямъ служащимъ (*) и боляромъ и всему воинству“. Въ текстъ самой рѣчи царя Казанская исторія прибавляетъ: „вторіи Макидоняне и храбри воини древніе побѣды за Дономъ надъ поганымъ Мамаемъ Богъ показа“.

Послѣдняя прибавка, по моему убѣжденію, указываетъ, что именно принадлежитъ неизвѣстному составителю Казанской исторіи—риторическія украшенія рѣчи. Согласно съ этимъ, сочинитель самъ въ предисловіи къ своему труду называетъ свою новую повѣсть „красною“ и „сладкою“.

Правда, эта повѣсть красная и сладкая, но, къ сожалѣнію, не новая.

5. Повѣсти о казанскихъ святыхъ въ Казанской исторіи. Я указывалъ на повтореніе Казанскою исторіею другихъ источниковъ въ исторіи послѣдняго похода царя Ивана подъ Казань, что составляетъ около трети всего сочиненія; объ источникахъ первыхъ двухъ третей я здѣсь не буду говорить такъ подробно, но укажу только, что и здѣсь многое цѣликомъ переписано изъ другихъ источниковъ, напр. два сказанія о казанскихъ мученикахъ Іоаннѣ и Петрѣ.

(*) Служащій царь въ походѣ подъ Казань былъ только одинъ Шахъ-Али.

Сказаніе о святомъ Іоаннѣ въ томъ самомъ видѣ, какъ оно приводится въ Казанской исторіи встрѣчается у архіепископа Филарета (1) изъ Четіи-Минеи Макарія; митрополитъ Казанскій Гермогенъ въ грамотѣ патріарху Іову сообщаетъ это сказаніе изъ повѣсти, найденной въ Казани (2).

Но повѣсть эта не Казанская исторія, а то сочиненіе, которымъ пользовался и Макарій при составленіи своей Четіи-Минеи, оконченной въ 1552 г. (3), т. е. въ годъ взятія Казани и освобожденія автора Казанской исторіи изъ плѣна.

Сказаніе о св. Петрѣ архіепископъ Филаретъ (4) приводитъ на основаніи вышеупомянутой грамоты Гермогена, который говоритъ, что слышалъ объ этомъ въ повѣстѣхъ отъ достовѣрныхъ людей, т. е. указываетъ на другой источникъ, сравнительно съ рукописною повѣстью о св. Іоаннѣ, которою пользовался и митрополитъ Макарій,—на изустные разсказы, слышанные имъ въ самой Казани. Разсказы объ этомъ могли быть въ Казани, во время митрополитства здѣсь Гермогена, очень живы, потому что событіе это — мученическая смерть Петра, относится къ 1552 г. Гермогенъ замѣчаетъ въ грамотѣ, что тѣло св. Петра положено на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ воздвигнутъ храмъ Св. Воскресенія Господня Послѣднія слова встрѣчаются и въ Казанской исторіи съ прибавленіемъ „на житномъ торгу“. Эти слова приписывались составителю этой исторіи, между тѣмъ, какъ оказывается, это сказалъ митрополитъ Гермогенъ. Еще въ 1856 г. авторъ статьи въ Каз. Губ. Вѣд. № 36 „Какой видъ имѣла Казань въ XVI стол.?“ замѣтилъ, что эти слова, вмѣстѣ съ другими подобными, которыя указываютъ на казанскія мѣстности, едва ли не слѣдуетъ считать позднѣйшимъ прибавленіемъ, если принять въ соображеніе, что авторъ исторіи самъ говоритъ, что вышелъ изъ Казани послѣ взятія ея Иваномъ IV, слѣдовательно не могъ видѣть церквей и воротъ, которыя появились послѣ взятія Казани. Остальныя подобныя слова встрѣчаются въ мѣстахъ параллельныхъ статьямъ

---

(1) «Русскіе святые», мѣс. январь, Черниг. 1861. стр. 110—112.

(2) «Историч. описаніе Зилантова монастыря» Каз. 1840, стр. 47—49.

(3) «Древнерусскія житія святыхъ» Ключевскаго, М. 1871 г. стр. 229, 230.

(4) «Русскіе святые» мѣсяцъ мартъ, Черниг. 1862, стр. 129, 130.

„Отрывка“, который, какъ я выше указалъ, принадлежитъ также не этому выходцу изъ Казани, а, можетъ быть, попу Іоанну Глазатому, который могъ быть жителемъ г. Казани.

Наконецъ обратимъ вниманіе на сказаніе о мученической смерти новокрещеная татарина; на это сказаніе, помѣщенное въ концѣ Казанской исторіи, я уже указывалъ, какъ заимствованное изъ Степенной книги. Это сказаніе приводитъ также Гермогенъ и указываетъ, откуда онъ заимствовалъ его: „Да мнѣ же, Государь, богомольцу твоему въ Чудовѣ монастырѣ случилося повѣсть видѣть въ книгѣ Степенной и въ Царственной Кіевскихъ, Владимірскихъ и Московскихъ царей и государей“ (5). И такъ Гермогенъ прямо говоритъ о заимствованіи имъ этого сказанія, не изъ того казанскаго источника, изъ котораго заимствовалъ сказаніе о св. Іоаннѣ, а изъ Степенной книги. Такимъ образомъ, эти слова Гермогена могутъ служить важнѣйшимъ подтвержденіемъ моего указанія на заимствованія и составителемъ Казанской исторіи изъ Степенной книги.

6. Вставочныя статьи изъ Степенной книги передъ повѣстью о походѣ Ивана IV. Далѣе Степенная книга представляется несомнѣннымъ источникомъ Казанской исторіи, хотя и не въ томъ видѣ, какъ напечатана послѣдняя въ 1791 г., но по моимъ четыремъ рукописямъ, отчасти по рукописи г. Пыпарева (см. выше) и какъ она напечатана во II т. Подробной лѣтописи.

Мои рукописи передъ „Повѣстью о Казанскомъ взятьи“, какъ называется въ Казанской исторіи глава, съ которой начинается уже разобранная мною часть Казанской исторіи, т. е. мѣста, соотвѣтствующія статьямъ „Отрывка“, представляютъ буквальную переписку изъ Степенной книги 17 статей или титлъ, какъ называются они въ этой книгѣ. Эти статьи относятся къ исторіи Казани въ царствованіе Ивана IV, до послѣдняго похода подъ Казань. Эти статьи помѣщены въ томъ же порядкѣ и съ тѣми же заглавіями, которыя встрѣчаются въ Степенной книгѣ. Въ этихъ статьяхъ разсказывается объ убіеніи казанскаго царя Джанъ-Али, о принятіи въ Казани на царство во второй разъ Шахъ-Али,

(5) Историч. описаніе Зилантова монастыря, стр. 49.

о второмъ походѣ царя Ивана Васильевича подъ Казань. пророчество сестры бывшаго казанскаго царя Мухаммедъ-Амина Ковгодшы; дивныя знаменья: дѣтище отъ коровы, диво о рыбной ловитвѣ, диво во градѣ; знаменія въ г. Казани, на Свіягѣ; о смерти Сафа-Гирея, о выдачѣ казанцами Сююнъ-беки съ ея сыномъ Утямишъ-Гиреемъ; пріемъ Шахъ-Али въ третій разъ на царство и о измѣнѣ ему казанцевъ, о назначеніи въ Казань царскихъ намѣстниковъ и измѣнѣ казанцевъ; чудо о звону въ Казани.

Замѣчательно, что переписывавшіе все это слово въ слово изъ Степенной книги, не замѣчали, что обо всемъ этомъ, кромѣ чудесъ и знаменій, было разсказано болѣе подробно прежде.

Нѣкоторыя изъ этихъ прибавочныхъ статей, кромѣ моихъ списковъ, встрѣчаются въ спискѣ г. Пупарева (1) и во второмъ томѣ Подробной лѣтописи.

Нахожденіе этихъ статей въ моихъ спискахъ доказываетъ, что эти вставки начинаются не съ позднѣйшаго времени, а встрѣчаются въ древнѣйшихъ спискахъ—1652 г. и другомъ болѣе древнемъ.

Разсказы о различныхъ чудесахъ, знаменіяхъ и пророчествѣ Ковгодши могли бы считаться съ особенною вѣроятностью переданными въ первый разъ самимъ авторомъ Казанской исторіи, который во время этихъ знаменій самъ проживалъ въ Казани, но Степенная книга указываетъ на источникъ свѣдѣній объ этомъ: „Такоже и сами Татарове сказоваху, яко многажды слышаху и видаху многая дивная знаменія, еще живу сущу Царю ихъ Сафа Гирею“ (2).

7 **Общее заключеніе о степени самостоятельности труда автора Казанской исторіи.** Результатомъ всего вышесказаннаго можетъ быть положеніе, что дошедшая до насъ такъ называемая Казанская исторія неизвѣстнаго сочинителя можетъ быть раздѣлена на двѣ части. Вторая половина начинается вышеуказанными выписками изъ Степенной книги, въ которой повторяется прежде разсказанное; потомъ представляются тѣ статьи, авторомъ ко-

(1) «Одинъ изъ списковъ исторіи о Казанск. царствѣ» Каз. Губ. Вѣд. 1857 № 13.

(2) Книга Степенная, II, 252.

торыхъ можно считать священника Глазатаго съ большею вѣроятностью, сравнительно съ тою, на основаніи которой приписывали ему всю Казанскую исторію. Сочиненіе Глазатаго въ Казанской исторіи разбивается вставками преимущественно изъ Степенной книги и за этимъ слѣдуетъ цѣлый рядъ статей опять изъ Степенной же книги, этотъ послѣдній рядъ статей оканчивается различно по различію списковъ. Въ этой второй половинѣ Казанской исторіи тому автору, который жилъ 20 лѣтъ въ Казани и котораго смѣшиваютъ со священникомъ Глазатовымъ, можетъ принадлежать только сочиненіе рѣчей и вышеуказанныя вставки, нестрѣчающіяся въ другихъ источникахъ: объ играхъ въ Казани во время ея осады, объ устройствѣ московскаго войска, о казанской стѣнѣ и т. д., все это могъ хорошо знать неизвѣстный сочинитель, какъ очевидецъ, проживавшій въ Казани.

Первая половина до послѣдняго похода Ивана IV въ Казань представляетъ болѣе самостоятельнаго труда неизвѣстнаго сочинителя, но и здѣсь встрѣчаются статьи, не принадлежащія этому сочинителю, таковы сказанія о святыхъ Іоаннѣ и Петрѣ; затѣмъ, при болѣе подробномъ сравненіи этой части Казанской исторіи съ русскими лѣтописями, можно будетъ опредѣлить степень заимствованій и самостоятельности труда неизвѣстнаго сочинителя и въ отношеніи къ этой первой половинѣ его сочиненія. Я считаю пока возможнымъ сказать только, что другія русскія лѣтописи представляютъ въ своей совокупности гораздо болѣе объ исторіи Казани до послѣдняго похода Ивана IV, нежели Казанская исторія; затѣмъ послѣдняя представляетъ очевидныя погрѣшности, не смотря на видимую авторитетность ея сочинителя, какъ очевидца событій послѣдняго двадцатилѣтія самостоятельности Казанскаго царства. Впрочемъ Казанская исторія въ первой ея части представляетъ и нѣкоторыя, хотя немногія, данныя, которыя не встрѣчаются въ другихъ источникахъ.

8. Позднѣйшія вставки Во второй половинѣ Казанской исторіи не видно позднѣйшихъ вставокъ въ позднѣйшихъ спискахъ, которыя не встрѣчались бы въ древнѣйшихъ спискахъ; но относительно первой половины можно указать на такія позднѣйшія вставки, которыя не встрѣ-

чаются въ печатномъ изданіи и въ моихъ 4 спискахъ, изъ которыхъ первые два должно причислить къ старѣйшимъ.

Въ спискѣ А. Ф. Россоловскаго, послѣ заявленія о смерти казанскаго царя Ибрагима въ заточеніи на Бѣломъ озерѣ, представляется мѣсто изъ Гваганини, дополняющее исторію Ибрагима [1]).

III.

РУКОПИСНАЯ КАРТА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ КОНЦА XVIII СТОЛѢТІЯ.

Библіотекѣ Казанскаго университета принадлежитъ замѣчательная рукописная карта Казанской губерніи съ планами и видами всѣхъ городовъ губерніи. Она составлена въ концѣ прошедшаго столѣтія, на ней обозначено: „Геометрическая карта Казанской губерніи", „Межеваніе сей губерніи начато въ 1793 г., а окончано въ 1796 г.".

Карта въ длину $2^1/_2$ арш., а въ шир. $1^1/_2$ арш., она разрѣзана на 90 четвероугольниковъ, по 9 въ рядъ— 10 рядовъ, приклеенныхъ къ зеленой тафтѣ, такъ что карту можно складывать въ разныхъ размѣрахъ.

Въ библіотекѣ она хранится въ папкѣ, въ листъ, на этой папкѣ надписано заглавіе, представляющее художественное произведеніе каллиграфическаго искусства; здѣсь эта карта названа атласомъ: „Атласъ Казанской губерніи, состоящій изъ десяти городовъ и уѣздовъ, по новому раздѣленію установленныхъ въ благополучное царствованіе Всепресвѣтлѣйшаго Державнѣйшаго Великаго Государя Императора Павла Петровича Самодержца Всероссійскаго, и об межеванныхъ подъ вѣдомствомъ Казанской Межевой конторы съ 1793 по 1798 годъ".

Это заглавіе, сравнительно съ самою картою, представляетъ противорѣчіе: на первой межеваніе Казанской губерніи означено отъ 1793 до 1796, а на заглавномъ листѣ отъ 1793 до 1798; потомъ въ заглавіи ошибка въ обозна-

(1) Каз. Губ. Вѣд. 1853, № 1 «Казанскій лѣтописецъ въ позднѣйшемъ спискѣ».

ченіи числа городовъ Каз. губ., которыхъ показано только 10, а на самой картѣ—12 уѣздн. и 1 безъуѣздный г. Арскъ.

Верхняя половина карты представляетъ карту губерніи по масштабу 8 верстъ въ дюймѣ, нижняя половина представляетъ планы всѣхъ 13 городовъ Казанской губ., которые существуютъ понынѣ, считая и заштатный г. Арскъ. Кромѣ того, на самомъ верху, надъ картою губерніи, представляются виды городовъ: Казани, Спасска, Мамадыша, Лаишева и Тетющъ, на нижней половинѣ карты, вмѣстѣ съ планами городовъ, представляются виды остальныхъ 7 городовъ Казанской губерніи (вида заштатнаго г. Арска не имѣется). Къ плану каждаго города приложено изъясненіе подъ нумерами; на видахъ городовъ, надъ важнѣйшими зданіями, обозначены нумера, подъ которыми показаны эти зданія на планахъ.

Наконецъ на нижней половинѣ карты вмѣстѣ съ планами городовъ, въ отдѣльныхъ двѣнадцати, по числу уѣздныхъ городовъ Каз. губ., четыреугольникахъ, представляются важнѣйшія, довольно подробныя статистическія данныя, относящіяся къ каждому городу и его уѣзду; статистическія данныя по безъуѣздному городу Арску помѣщены вмѣстѣ съ г. Казанью.

На верху каждаго четыреугольника съ статистическими свѣдѣніями изображенъ гербъ города. Сверхъ того, въ правомъ верхнемъ углу карты —губернскій гербъ.

Эта карта обращаетъ на себя особенное вниманіе, во-первыхъ, самою внѣшностью—художественностью исполненія. Планъ губерніи отличается особенною ясностью чертежа и надписей, не смотря на обиліе послѣднихъ: положительно всѣ существовавшія въ то время селенія здѣсь показаны и надписаны; а рѣкъ показано на этой картѣ больше, нежели на всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ, самыхъ подробныхъ картахъ Каз губерніи, напр., болѣе чѣмъ на такъ называемой Подробной 1805 г. и на новѣйшей картѣ изданія Военно-Топографическаго Депо, подъ редакціею полковника Стрѣльбицкаго. Планы городовъ отличаются также ясностью и подробностью. Виды городовъ исполнены художественно и каждый изъ нихъ даетъ совершенно вѣрное и подробное понятіе объ изображаемомъ городѣ. Статистическія данныя въ четыреугольникахъ написаны мелко, но очень четко тою же рукою, которой при-

надлежатъ надписи на картѣ губерніи и изъясненія плановъ городовъ.

Познакомившійся съ содержаніемъ моего настоящаго изслѣдованія видѣлъ, какъ часто эта карта служила для меня объясненіемъ различныхъ мѣстностей, особенно рѣкъ, для чего другія карты не представляли данныхъ; укажу напр., какъ на очень важное для археолога указаніе на этой картѣ рч. Жукоти, съ помощью которой окончательно опредѣлилась мѣстность извѣстнаго булгарскаго города Жукотина.

Обращаясь къ изъясненію плановъ городовъ, укажу, какъ на археологическое показаніе, что, при объясненіи г. Спасска, кромѣ земляпаго рва тогдашней крѣпости, указывается старинный земляной валъ, проходящій по городу; это очевидно тотъ валъ, о которомъ выше упомянуто мною (1). Въ изъясненіи плана г. Казани любопытно указаніе „лантерника для публики указовъ", мѣсто котораго на планѣ соотвѣтствуетъ нынѣшней Проломной, на правой сторонѣ улицы, считая отъ крѣпости, именно рядомъ съ угольнымъ отъ переулка домомъ, гдѣ помѣщаются нумера, бывшіе Рязанова.

Не могу пройти молчаніемъ и тѣхъ данныхъ статистическихъ, которыя представляетъ эта карта: они имѣютъ важное значеніе для археологіи, исторіи и этнографіи Каз. губерніи.

При описаніи каждаго города показаны градусы широты и долготы, разстояніе отъ столичныхъ городовъ и уѣздныхъ отъ губернскаго, топографическое положеніе: возвышенности, рѣки, озера, овраги, рытвины.

Въ каждомъ городѣ вычисляется количество соборовъ, монастырей, церквей каменныхъ и деревянныхъ, часовенъ, кладбищъ; въ г. Казани показаны старообрядческій молитвенный каменный домъ, каменная лютеранская кирка, каменныя и деревянныя мечети, магометанское кладбище; въ г. Чистополѣ одна деревянная мечеть.

Затѣмъ вычисляются казенные дома каменные и деревянные и заставы, обывательскіе дома каменные и деревянные, различныя промышленныя, торговыя заведенія, лавки, фабрики, заводы, мельницы, бани, трактиры, съѣзжіе дома, кузницы, цырюльни.

(1) См. «Р. Бездна».

Показывается принадлежащее городу количество земли — заселенной и незаселенной (удобной и неудобной); вычисляются принадлежащіе городу: слободы, слободки, пустоши, въ послѣднихъ показывается количество сѣнныхъ покосовъ и неудобныхъ мѣстъ; вычисляются и принадлежащія городамъ мельницы. Количество жителей показано по разрядамъ: дворяне, священно и церковно-служители, купцы, мѣщане, цеховые, разночинцы, приказнослужители, сторожа, инвалидные нижніе чины, пахотные солдаты, монастырскіе служители, одподворцы, крестьяне различныхъ наименованій: казеннаго вѣдомства, удѣльные, ясашные, птичьи помытчики, приписные къ фабрикамъ. Въ Казани и Чистополѣ показаны купцы и мѣщане изъ старообрядцевъ и Татаръ, а въ Казани и Чебоксарахъ сверхъ того—Черкасы и Малороссіяне.

По уѣздамъ вычисляются монастыри, церкви, богадѣльни, кладбища, мечети; казенныя строенія и обывательскія, господскіе дома и крестьянскіе; фабрики и заводы съ показаніемъ ихъ производства, лавки, мельницы, кузницы.

Вычисляется въ каждомъ уѣздѣ и количество поселеній различныхъ наименованій: пригородки, слободы, слободки, села, части селъ (въ Лаишевск. уѣздѣ упоминаются полсела), деревни (въ Лаишевск. у.—части деревень и полдеревни), выселки, починки, въ Лаиш. у.—1 погостъ, два хутора въ Спасск. у. и три въ Чистопольскомъ.

Уѣздные жители вычислены по сословіямъ и народностямъ: дворяне, священно и церковно-служители, мѣщане (?), пахотные солдаты; крестьяне—казеннаго вѣдомства, удѣльные, ясашные, одподворцы, владѣльческіе, архіерейскіе служилые изъ экономическихъ крестьянъ, приписные къ заводамъ, отписные изъ частнаго владѣнія, въ Царевококшайск. уѣздѣ—крестьяне купеческіе (?); въ Чистоп. у.—отставные унтеръ-офицеры, рядовые и ихъ дѣти.

Инородцы вычисляются по слѣдующимъ разрядамъ: Татары—ясашные, крещеные и некрещеные, служилые крещеные и некрещеные, мурзы крещ. и некрещеные, изъ мурзъ служилые крещ. и некрещ., князья изъ мурзъ, ясашные мурзы, мурзинскіе дворовые люди и крестьяне; Чуваши—крещен. и некрещеные, новокрещеные, служилые и въ Цывильск. уѣздѣ—старослужилые; Черемисы крещ. и некрещеные; Вотяки крещеные и некрещеные; Мордва новокрещеная. Упоминаются также Каракалпаки, 1 Башкирецъ въ

Чистопольск. уѣздѣ и 1 изъ Салтапоусцевъ (?) крещеный въ Казанск. у.

Встрѣчаются также люди польской націи и Черкасы.

Земля въ уѣздѣ вычисляется подъ усадьбами, пашнями, сѣнными покосами, лѣсомъ и неудобная.

Кромѣ этихъ статистическихъ данныхъ по городамъ и уѣздамъ, на картѣ находится еще таблица, въ которой подведены итоги для цѣлой губерніи всѣхъ статистическихъ рубрикъ, показанныхъ по отдѣльнымъ городамъ и уѣздамъ.

Объ этой замѣчательной картѣ было заявлено въ печати еще въ 1850 г., но съ тѣхъ поръ на нее никто не обращалъ вниманія. Въ Каз. Губ. Вѣд. 1850 г., № 20 г. Артемьевъ въ статьѣ „Прогулки по Казани. VI. Университетская библіотека“ говоритъ: „Въ числѣ картъ путешественники особенно обратили вниманіе на карту Казанск. губ., черченную въ концѣ прошедшаго столѣтія: на ней нарисованы также гербы, планы и виды городовъ и присоединено краткое статистическое обозрѣніе“.

IV.

ОПИСАНІЯ БУЛГАРСКАГО ГОРОДИЩА ВЪ XVIII. СТ.

(ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ).

Опись Болгарскаго городища древняго здания валовъ обои округъ и что въ нихъ было каменного здания палатъ, также и подле увалу, гдѣ напредь сего рѣка шла, и съ котораго места течь была и куды пала, писано ниже сего имянно, для котораго учинения посыланъ исъ Казани Гарнизонного полку подполковникъ Никонъ Савенковъ да съ нихъ геодезистъ.

Перваго замачного валу отъ горы до горы 545 сажень, литера А.

Межъ валовъ и горою 250 сажень.

Въ немъ каменной замокъ, первая башня округлостию съ вонной стороны 11 сажень, стена до второй башни 13 сажень —D.

Вторая башна округлостию 9 сажень, стена отъ второй башни до третьей 12 сажень.—C.

Третья башня округлостию 8 сажень 1 аршинъ, отъ третьей башни до четвертой стена 11 сажень 1 аршинъ. E.

Четвертая башня округлостию 12 сажень.

Отъ четвертой до первой башни стена 13 сажень съ аршиномъ.—F.

Башнямъ и стенамъ высоты писать невозможно для того, что осыпались.

Межъ второй и третьей башни подле каменной стены съ вопную сторону каменной столпъ округлостию 10 сажень, высота кромѣ осыпи 12 сажень.—G.

Въ томъ же замочномъ валу каменная полата, въ которой ныне учинена церковь и четвероугольная, стены по 5 сажень, высота 4 сажени 2 аршина, отъ первой башни въ долготе 14 сажень.—H.

Каменная жъ полата ветхая безъ сводовъ, въ которой ныне Болгарской обители погребъ, четвероугольная, стены по 6 сажень, высоты писать не можно для того что осыпались, въ долготе отъ столпа 16 сажень.—I.

Позади церковной палаты палата разсыпалась, отъ которой уже и каменья развожены.—K.

Противъ той палаты были две палаты жъ, въ одной связи около ихъ придѣлано было 6 полатокъ, отъ которыхъ уже и каменья развожены.—L.

По лѣвую сторону близъ валу были въ одной связи 2 полаты, отъ которыхъ уже и каменья развожены.—M.

Болшаго валу отъ горы до горы мерою 2620 сажень.—N.

Отъ валу до валу горою 965 сажень.—O.

Въ томъ болшемъ земляномъ валу каменной столпъ толщиною 8 сажень высота кроме осыпи 6 сажень.—Q.

Подле сво две полаты, перва палата ветхая безъ сводовъ, стены по 4 сажени внутре стеныжъ по 3 сажени высота по 2 сажени съ полусаженью.—P.

Вторая полата ветхая жъ безъ сводовъ, стены по 4 сажени, внутре стены по 3 сажени, высота стенамъ по 2 сажени съ полу саженью, токмо въ ней 2 стены испроломаны.—R.

Третья полата ветхая жъ безъ сводовъ, стены по 4 сажени, токмо испроломаны, отъ столпа въ долготе 140 сажень.—S.

Четвертая полата большая токмо села, а сводъ верхней цель и одна стена вынала, а около её были полаты и обрушились, въ долготѣ отъ столпа 249 сажень и камня уже много развожено.—T.

Пятая полата четвероуголная съ сводами, стены по 5 сажень, высота 5 сажень съ аршиномъ, внутре стены по 3 сажени высота въ нѣй верхнему жилью 4 сажени, а нижнему жилью высота 3 аршина 2 четверти, отъ столпа въ долготе 197 сажень.—V.

Въ томъ же болшомъ валу былижь въ разныхъ мѣстахъ 9 полатъ, отъ которыхъ уже и каменья развожены, токмо что знакъ естъ.—X.

За болшимъ же валомъ надъ горою отъ валу во 80 саженяхъ каменная полата, 2 стены по 7 сажень, а 2 стены по 5 сажень, токмо стены обрушились отъ той полаты съ подписью болшие каменья привезены въ замачной валъ по видимому бутто та полата была церковью.—Z.

Противъ той же полаты при дорогѣ каменной столпъ высотою 4 аршинъ, въ немъ своды сквозные.—A.

Позади болшаго валу отъ лесу земляные валы, первой боковой 202 сажени, задней валъ 50 сажень.—B.

Другой боковой валъ 208 сажень.—C.

Подле болшаго валу межъ тѣхъ валовъ 145 сажень.—B. D. C.

Въ немъ каменная полата, которой нынѣ токмо знакъ есть.—E.

Въ томъ же валу замачной валъ четыреуголной, мерою того валу кругомъ 183 сажени.—F.

Въ томъ валу были каменные две полаты, которые нынѣ обрушились и каменья развожено.—G.

За болшимъ же верхнимъ валомъ земляной валъ, которой отъ болшаго валу приведенъ къ горѣ, мерою того валу 515 сажень.—H.

Межъ валовъ горою 210 сажень.—I.

Речкою Безянкою, каторая слѣдуетъ къ Болгарамъ отъ Волги въ верхъ до повороту 98 сажень, широта той рѣчки сажени по 2 и по 3.—K.

Противъ повороту по Волге внизъ озерко длиною 220 сажень, широта тому озерку сажень по 20 и по 30 и въ той речкѣ и озеркѣ по обѣ стороны поросло лесомъ.—L.

Вверхъ тою речкою отъ повороту и отъ того озерка до плотины 825 сажень, широта той речки сажень по 5 и по 8, токмо та речка поросла лесомъ.—M.

А отъ плотины до озера еганъ базана 190 сажень, шириною та речка сажень по 5 и болши и лесъ въ водѣ по обѣ стороны.—N.

А озеро еганъ базанъ въ длину 75 сажень, широтою о средине озера сажень 50 и болши.—O.

А отъ озера жъ тою речкою до повороту 150 сажень, широтою та речка сажени по 2 и по 3 и болши, толко глубины тою рѣчкою отъ реки Волги и до сего повороту писать было невозможно для того что вода еще изъ Волги стоитъ прибылая.—P.

Въ сию жъ речку пришелъ истокъ изъ озера степного мерою то озеро степное 700 сажень, широта тому озеру сажень по 20 и до 50, истоку исъ того озера до устья речки 1250 сажень.—Q.

Повороткою отъ вышеписанной речки вверхъ къ Болгарамъ, которая отъ Болгарскихъ жителей названа Меленка вверхъ тою речкою 28 сажень, вода течетъ межъ пригорковъ, шириною на 2 и на 3 аршина, глубина въ полъ аршина и менши.—R.

А отъ той течи до Болгарской мелницы 975 сажень, вода течетъ мхомъ и тросникомъ, толко что знакъ водѣ а въ другихъ местехъ по той болотине и въ тростнике и лесу есть доволно, широта тому болоту и тростнику сажень по 20 и по 30 и по 50 и болши.—S.

А отъ мелницы до валу Болгарскаго 1150 сажень, воды течи есть малое число и то тросникомъ, широта тому тростнику сажень по 50 и по 80 и болши.—T.

А отъ валу до другова болшаго валу 965 сажень, вода въ тростнике противъ Болгаръ стоитъ межъ кочекъ местами а въ другихъ мѣстахъ по свидѣтельству (нашему) и по опыту шестомъ что есть въ разныхъ мѣстахъ подъ темъ тросникомъ значитъ болотиною что шестъ опускали аршина по три и болши а въ другихъ мѣстахъ аршина по два, также и около Болгарского мосту, которой намощенъ чрезъ ту болотину стоитъ вода мѣстами межъ кочекъ, широта тому болоту и тростнику сажень по 50 и по 80.

А отъ Болгарскаго валу до плотины и до озера Щербецкого, которую плотину прорывъ и пустили воду въ Олшанскую болотину Спаского Преображенского Казанскаго

Монастыря крестьяня деревни Новой Мордовы, мерою до той плотины и озера 2775 сажень.—X.

А до озера и плотины тросникъ и болота вода въ немъ стоитъ мешь кочекъ местами, а въ другихъ местахъ по опыту подъ темъ тросникомъ значитъ житкого места аршина по три и болши, широта того болота и троснику сажень по 80 и болши.—Z.

А отъ плотины и отъ озера до мосту деревни Мордовы 1850 сажень, вода течетъ тросникомъ, широта троснику и болотѣ сажень по 70 и болши, а къ мосту деревни Мордовы широта тому жъ болоту и троснику сажень 50 и менши.—A.

И отъ мосту тою болотиною и тросникомъ до озеръ Гнилыхъ 725 сажень вода течетъ тросникомъ, широта троснику и болоту сажень по 30 и по 40 и болши.—B.

А озера Гнилые долготою 1200 сажень, широта озерамъ сажень по 50 и болши, глубина съ краевъ въ аршинъ и въ 3 аршина а осредине по скаске деревни Мордова крестьянъ глубина сажень по 10 и по 15 и болши.—C.

А по осмотру нашему исъ техъ озеръ вода течетъ внизъ до озера Щербецкого и до плотины, которую розрыли деревни Мордовой крестьяня, а къ Болгарамъ отъ той плотины течетъ малая вода.

А отъ техъ озеръ Гнилыхъ темъ болотомъ и тросникомъ до озера Щербѣцкого, которая противъ деревни Михайлы Молостова 3275 сажень, а вода въ той болотине и тросникѣ есть мѣстами а въ другихъ местахъ воды ничего нѣтъ изъ озера Щербѣцкого вода внизъ болотиною и тросникомъ до озеръ Гнилыхъ течи нѣтъ, широта той болотинѣ и троснику сажень по 50 и по 80.—D.

По правую жъ сторону деревни Михайла Молостова другое озеро Щербѣцкое, исъ которого въ прежние годы повидимому сдѣланъ былъ каналъ отъ перваго Щербѣцкого озера, длиною тотъ каналъ отъ озера до озера 550 сажень, широта тому каналу сажень по 5 и болши, токмо ныне тотъ каналъ проросъ тросникомъ, а вода въ томъ капалѣ и нынѣ есть местами.—E.

Въ тожь Щербѣцкое озеро изъ реки Безны у Михайла Молостова пропущенъ каналъ, шириною тотъ каналъ аршина въ четырѣ, вода течетъ глубины въ полъ аршина и менши.—F.

А внизъ того озера у Михайла Молоствова зделана мелница и отъ той мелницы вода течетъ по прежнему въ реку Безну.—G.

А отъ первого озера Щербецкого темъ болотомъ и тросникомъ до реки Безны 2900 сажень, вода въ болотинѣ и въ тросникѣ есть местами межь кочекъ а болши сухихъ местъ., ширина той болотине и троснику отъ озера сажень по 50 и до 80. А отъ реки Безны, самое уское место протоку воды сажени по две и по три, токмо вода исъ той болотины являетца течью въ реку Бѣздну.—H.

А по скаске села Щербети Михайловыхъ крестьянъ Молоствова изъ озера Щербецкова весною течь воде бываетъ въ реку Бездну, а изъ другова краю озера Щербѣцкова водѣ течь бываетъ болотомъ и тросникомъ къ Гнилымъ озерамъ и къ Болгарамъ.

РЕЭСТРЪ ЗАМАШНОГО ВАЛУ.

РУМБЫ.	ГРАДУСЫ.	МИНУТЫ.	ЦЕПИ.	
НО.	81.	17.	2.	
ЗО.	56.	00.	2.	
ЗО.	54.	00.	3.	
О.	90.	00.	1.	
НО.	23.	40.	2.	
НО.	78.	00.	2.	
НО.	77.	30.	3.	
НО.	53.	00.	2.	
НО.	32.	00.	3.	
НО.	20.	00.	3.	
НО.	00.	30.	3.	
НВ.	03.	00.	2.	
НВ.	21.	00.	1.	
НВ.	49.	00.	3.	
НВ.	38.	00.	3.	
НВ.	68.	00.	3.	
ЗВ.	64.	00.	3.	
НВ.	45.	00.	6.	
НВ.	32.	00.	5.	5 сажень.
НВ.	80.	00.	1.	
ЗВ.	65.	00.	1.	

РѢЭСТРЪ БОЛШАГО ВАЛУ.

РУМБЫ.	ГРАДУСЫ.		МИНУТЫ.	ЦЕПИ.
О.	90.	—	12.	
НО.	70.	00.	1.	
О.	90.	00.	2.	
ЗО.	69.	30.	2.	
ЗО.	60.	00.	3.	
ЗО.	70.	00.	4.	
ЗО.	79.	40.	5.	
ЗО.	78.	00.	5.	
ЗО.	81.	00.	4.	
ЗО.	79.	30.	5.	
НО.	79.	00.	6.	
НО.	80.	00.	14.	
НО.	70.	00.	6.	
НО.	60.	00.	11.	
НО.	69.	30.	5.	
НО.	62.	30.	5.	
НО.	65.	00.	5.	
НО.	81.	30.	5.	
НО.	77.	30.	3.	
НО.	81.	00.	4.	
НО.	76.	00.	6.	
НО.	65.	00.	5.	
НО.	40.	30.	6.	
НО.	42.	30.	3.	
НО.	33.	00.	2.	
НВ.	22.	00.	4.	
НВ.	31.	00.	3.	5 сажень.
НВ.	20.	30.	5.	
НВ.	25.	30.	4.	5 сажень.
НО.	13.	30.	6.	
НВ.	05.	00.	5.	
НВ.	48.	30.	4.	
НВ	49.	00.	7.	
НВ.	52.	00.	4.	
НВ.	61.	30.	4.	
НВ.	56.	00.	4.	
НВ.	54.	30.	5.	

РУМБЫ.	ГРАДУСЫ.		МИНУТЫ.	ЦЕПИ.
НВ.	59.	30.	5.	
НВ.	62.	30.	5.	
НВ.	58.	30.	7.	
НВ.	62.	00.	6.	
НВ.	61.	30.	3.	
НВ.	59.	00.	4.	
НВ.	56.	30.	5.	
НВ.	61.	00.	4.	
НВ.	59.	30.	1.	
НВ.	67.	00.	4.	
НВ.	75.	30.	4.	
ЗВ.	75.	00.	2.	
НВ.	60.	30.	2.	
ЗВ.	83.	40.	6.	
НВ.	85.	30.	6.	
ЗВ.	89·	00.	9.	
ЗВ.	84.	00.	6.	
ЗВ.	88.	30.	3.	
ЗВ.	80.	30.	1.	
ЗВ.	78.	30.	6.	и 5 сажень. Цепь имѣетъ 10 сажень.

По листамъ скрѣпа: Подполковникъ Никопъ Савенковъ. Геодезистъ Исай Крапивинъ.

По описи на Болгорахъ стараго Татарского каменного строения.

Каменной замокъ по угламъ 4 башни глухіе, межъ которыми были стѣны да столпъ болшой и оные башни и столпъ нынѣ съ фундамента починены.

А по скаске Татарского языка абызовъ и переводчиковъ то строеніе было.

Соборная ихъ Мусулманского закона мечеть а признаваютъ де они потому что въ прошедшихъ годехъ тому лѣтъ съ тритцать пріѣзжали они на оное мѣсто молитца и на томъ мѣсте былъ признакъ мечетенной на полдни, а которой ныне есть столпъ высокой оной зоветца мунара то есть вмѣсто колоколни.

Въ замочномъ валу близъ оныхъ башенъ каменная палата, въ которой нынѣ освящена церковь.

Каменная жъ полата ветхая безъ сводовъ, въ которой учиненъ монастырской погребъ, оная ныне съ фундамента починенажъ.

Въ большомъ земляномъ валу каменной столпъ а подле ево 2 полаты, оной столпъ и одна полата съ фундамента починены, а другая полата не починена понеже сводъ и стена розвалились.

Отъ того столпа въ правую сторону полата къ лѣсу ветхая, оная съ фундамента починенажъ.

Слыхали де они отъ старыхъ своихъ людей, что въ той полате было кладбище, въ которой клались владѣлцы мужеска полу.

Слыхали де они отъ старыхъ своихъ людей что въ той полате было кладбищежъ, въ которой клались владелцовъ ихъ женской полъ, такъ же де и они пришѣзжали на Болгары молитца тому съ тритцать лѣтъ и видали въ той полате отъ золотыхъ парчей лоскутья, а по ихъ закону въ золотыхъ парчахъ позволено кластца умершимъ женска полу, а мужескому полу въ белой одежде, потому они и признаваютъ, что въ оной было кладбище женского полу, о чемъ тутошного монастыря и монахи сказали, когда они тотъ погребъ копали, то находили женские волосы и лоскутья золотыхъ парчей.

Во оныхъ де было ихъ богомолство для того что погребенъ притомъ ихъ вѣры праведной Шейхъ Хасанъ, а столпъ вмѣсто колоколни.

Та де полата по признакамъ ихъ была мечеть, а признаваютъ де они потому которые знаки бываютъ въ ихъ мечетехъ на полдни и тотъ знакъ въ той полате и понынѣ есть.

Полата четвероугольная сводами о дву жильяхъ, опая съ оундамента починена.

Полата болшая, сводъ верхней целъ, одна стена выпала, около еѣ были полаты и обрушились, оная съ оундамента починенажъ.

За болшимъ земляпымъ валомъ къ Волгской сторонѣ полата четвероуголная ветхая бесъ своду, оная не починена, понеже сводъ обрушился и въ той полате выросли дубъ, кленъ и другие деревья велпкие.

Близъ тое полаты къ дороге было строение ветхое каменное, оное не починено, понеже развалилось.

Опая де полата какая была, того они не знаютъ, токмо признакомъ признаваютъ, что знатно была школа.

Та де полата была баня.

Про тое полату и нижеписанное строение сказали, слыхали де они, что та полата была церковь Армянская и около тое церкви на камняхъ подписи были армянские.

То де строение была часовня Армянская жъ.

Эти описанія получены мною уже послѣ отпечатанія главы моего изслѣдованія о Булгарскомъ городищѣ. Здѣсь я укажу, на сколько эти описанія дополняютъ и объясняютъ прежде бывшее извѣстнымъ о Булгарскомъ городищѣ.

Согласно съ выпискою 1712 г., которая указываетъ на малый окопъ, описаніе Савенкова и Крапивина говоритъ о замочномъ валу. Показанія татарскихъ абызъ и переводчиковъ подтверждаютъ предположеніе, что въ четыреугольникѣ, находившемся въ этомъ валу, была мечеть; а большая, нынѣ разрушившаяся башня, была минаретомъ; палата, бывшая церковью св. Николая, представляется мѣстомъ погребенія лицъ мужескаго пола изъ царскаго дома; палата, бывшая монастырскимъ погребомъ, была мѣстомъ погребенія лицъ женскаго пола царскаго дома. Разсыпавшаяся палата, показанная въ „Описаніи“ позади палаты бывшей церковью, и противъ первой—двѣ палаты въ одной связи, съ 6 сосѣдними палатками, соотвѣтствуютъ Ханскимъ палатамъ. Сверхъ того „Описаніе“ показываетъ по лѣвую сторону отъ по-

слѣднихъ, близъ вала, 2 палаты въ связи—это, очевидно, палаты, показанныя на трехъ вышеупомянутыхъ планахъ Булгарскаго городища на юго-западъ отъ палаты, бывшей церковью св. Николая.

Въ большемъ валу „Описаніе“ показываетъ столпъ и двѣ палаты возлѣ него, около послѣднихъ, согласно вышеуказанному мною кладбищу святыхъ, по объясненію абызъ и переводчиковъ, погребенъ праведный Шейхъ-Хасанъ, подъ которымъ, очевидно, должно разумѣть одного изъ вышепоименованныхъ погребенныхъ здѣсь святыхъ—Шейхъ-Хасана—Басрія.

Затѣмъ „Описаніе“ показываетъ три палаты въ слѣдующемъ разстояніи отъ столпа: первая въ 140 саж., вторая въ 249, третья въ 197 саж. Я не могу указать, какой палатѣ изъ извѣстныхъ по другимъ источникамъ, соотвѣтствуетъ первая изъ этихъ трехъ палатъ, о которой упоминается и въ объясненіи абызъ и переводчиковъ, что это была мечеть. Вторая изъ трехъ послѣднихъ палатъ соотвѣтствуетъ такъ называемой Бѣлой; объясненіе абызъ и переводчиковъ, что это была баня, подтверждаетъ предположеніе Эрдмана и друг. Третья палата соотвѣтствуетъ извѣстной подъ названіемъ Черной; объясненіе, что это была школа, представляется новымъ: доселѣ считали ее суднымъ домомъ или мечетью, впрочемъ, г. Березинъ замѣтилъ, что примыкавшее къ этой палатѣ зданіе съ зап. стор. могло быть чѣмъ нибудь въ родѣ „медресэ“ (духовн. училища). „Описаніе“ показываетъ еще въ большемъ валу, въ разныхъ мѣстахъ остатки 9 палатъ. Палатка, описанная только Палласомъ, не встрѣчается и въ этомъ „Описаніи“. Объ общемъ количествѣ палатъ, показанныхъ въ этомъ „Описаніи“, должно замѣтить, что оно менѣе, сравнительно съ вычисленными Ленехинымъ.

Внѣ вала „Описаніе“ указываетъ только палату съ небольшимъ столпомъ противъ нея, которая соотвѣтствуетъ такъ называемой Греческой; но, по объясненію абызъ и переводчиковъ, это была армянская церковь съ часовнею при ней; тоже самое, какъ выше указано, предполагалъ и Невоструевъ.

Въ заключеніи „Описаніе“ говоритъ о пространствѣ между четырьмя валами, позади большаго вала; внутри этого четыреугольника показаны признаки каменной палаты и четыреугольный валъ, въ которомъ были двѣ каменныя па-

латы; все это относится къ такъ называемому Малому городку.

Слѣдующее за описаніемъ валовъ и разныхъ зданій городища подробное исчисленіе прилежащихъ рѣчекъ, озеръ и топкихъ мѣстъ имѣетъ значеніе для разрѣшенія вопроса о протекавшей возлѣ самаго г. Булгара большей рѣкѣ.

V.

ПОѢЗДКА ВЪ С. БОЛГАРЫ 22 МАЯ 1877 Г.

Исполняя порученіе Предварительнаго Комитета IV Археологическаго Съѣзда, В. В. Радловъ и я посѣтили с. Болгары въ Спасскомъ уѣздѣ. Цѣлью нашей поѣздки было: обозрѣть сохранившіяся донынѣ развалины бывшей столицы Булгарскаго царства; отыскать тамъ курганъ, т. е. могильную насыпь, которую можно было бы разрыть въ присутствіи членовъ IV Археол. Съѣзда, во время предполагаемой экскурсіи туда Съѣзда; опредѣлить маршрутъ для будущей экскурсіи.

Развалины Булгара въ настоящее время представляютъ гораздо менѣе, не только того, что видѣли посѣтившіе Булгаръ въ 1760 годахъ: Палласъ, Озерецковскій, студентъ академіи, сопровождавшій Лепехина въ ученой экскурсіи по Россіи, и др.; но многаго не существуетъ и того, что было въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, что, напр., показано въ изданныхъ въ 1832 г. архитекторомъ Шмитомъ „Архитектурныхъ чертежахъ развалинъ древнихъ Болгаръ“.

До настоящаго времени сохранился лучше всего такъ называемый Малый минаретъ, въ которомъ существуетъ и внутренняя лѣстница; около этого минарета стоитъ стѣна развалившагося зданія, и около нея остатки стѣнки небольшаго сосѣдняго зданія. Напротивъ Малаго минарета огорожено небольшое четыреугольное пространство; здѣсь, по преданію Татаръ, погребены святые, имена которыхъ сохранились; мы встрѣтили здѣсь двухъ молящихся Татаръ. Затѣмъ сохранились вполнѣ стѣны такъ называемой Черной или Судной палаты. Отъ самаго замѣчательнаго зданія, такъ называемой Бѣлой палаты, внутри которой было 10 комнатъ, сохранились только стѣны съ двухъ сторонъ, въ углу которыхъ я нашелъ вставленную трубу, чѣмъ подтверждается

предположеніе, что это была баня. Сохранились также два зданія, изъ которыхъ одно называется палата, бывшая церковью св. Николая, а другая—бывшая монастырскимъ погребомъ. Первая покрыта крышею, на которой водруженъ крестъ; внутри сохранился и престолъ, въ дни чудотв. Николая здѣсь совершается богослуженіе. Вторая палата безъ крыши, съ очень широкимъ входомъ съ западной стороны. Наконецъ, сохранились основанія 4 башенъ такъ называемаго четыреугольника, среди котораго одни предполагаютъ мечеть, а другіе дворецъ. Первое предположеніе оказывается болѣе справедливымъ, и. ч. здѣсь, въ нашемъ присутствіи, нѣсколько десятковъ Татаръ, пришедшихъ изъ сосѣднихъ селеній, торжественно совершали свое моленіе, вмѣстѣ съ имамомъ, при чемъ азанчи входилъ, для призыва на молитву, вмѣсто минарета, на одну изъ развалившихся башенъ четыреугольника. В. В. Радловъ замѣтилъ, что моленіе совершалось совершенно правильно, по принятому порядку.

Остальныя зданія, напр. въ такъ называемомъ Маломъ городкѣ, примыкающемъ съ юга къ большему валу Булгарскаго городища, и зданіе, прежде извѣстное подъ именемъ Греческой палаты, находившееся внѣ вала, представляютъ только бугры, поросшіе травою; нѣсколько такихъ бугровъ встрѣчается и въ срединѣ поля, входящаго въ черту вала и среди крестьянскихъ дворовъ.

Подобный бугоръ, примыкающій къ одной изъ башенъ вышеуказаннаго четыреугольника, представляетъ мѣсто стоявшаго здѣсь до 1841 г. Большаго минарета, о паденіи котораго мѣстные крестьяне сообщаютъ нѣкоторыя подробности; средину этого бугра нѣкто Глинскій недавно разрывалъ съ цѣлью найти кладъ, въ настоящее время г. Глинскій бросилъ свою работу.

На одномъ крестьянскомъ дворѣ указали намъ недавно обнаружившійся колодецъ, въ деревянномъ струбѣ; такъ какъ, по увѣренію крестьянъ, прежде нынѣ стоявшаго двора, здѣсь не было русскихъ построекъ, то предполагаютъ, что это остатокъ болгарской старины.

Кургана, на который можно было бы указать для разрытія, въ Болгарахъ не оказалось. Такъ какъ мнѣ, по описанію Булгара Березинымъ, было извѣстно существованіе здѣсь такъ называемаго „бабьяго бугра“, то я спросилъ о мѣстѣ его, которое намъ и было указано; по показанію

крестьянъ, на этомъ бугрѣ находятъ множество череповъ. Г. Радловъ, опытный въ изслѣдованіи кургановъ, счелъ возможнымъ признать эту мѣстность за курганъ и указалъ на возможность предполагать около этого кургана и другіе, такъ какъ они обыкновенно встрѣчаются группами; но заявилъ, что трудно надѣяться на благопріятный результатъ раскопокъ, п. ч., какъ предполагаетъ г. Радловъ, эти курганы были уже давно разрываемы. Чтобы достичь какихъ нибудь положительныхъ результатовъ отъ раскопокъ, г. Радловъ считаетъ необходимымъ разрытіе во многихъ сосѣднихъ между собою мѣстахъ, но это представляется почти невозможнымъ, п. ч. при этомъ пришлось бы подрываться подъ крестьянскіе дома.

Бабій бугоръ находится на обрывѣ возвышенности, на которой расположено село, внизу протекаетъ небольшая рч. Меленка, а вдали виднѣется Волга. Какъ извѣстно, существуетъ предположеніе, что Волга прежде протекала около самой этой возвышенности, объ этомъ свидѣтельствуютъ и нѣкоторые мусульманскіе источники; другіе предполагаютъ здѣсь старое теченіе Камы, которая будто бы впадала въ Волгу нѣсколько ниже, около г. Тетюшъ. Послѣднее предположеніе существуетъ и въ настоящее время въ селѣ, въ этомъ, напр., твердо убѣжденъ мѣстный священникъ. По этому поводу В. В. Радловъ справедливо замѣтилъ, что для окончательнаго рѣшенія этого вопроса было бы полезно болѣе точное ученое разслѣдованіе.

Въ сельской церкви мы обратили вниманіе на мусульманскія и армянскія надписи, которыя находятся на полу храма и съ наружной стороны стѣны; этихъ надписей, сравнительно съ вычисленными у Березина, въ настоящее время гораздо менѣе.

Относительно находокъ древнихъ вещей и монетъ должно замѣтить, что доселѣ находятъ нѣкоторыя вещи, мѣдныя и серебряныя монеты; намъ предложили для покупки только нѣсколько десятковъ мѣдныхъ монетъ, нѣсколько серебряныхъ и изломанную серебряную серьгу. Всѣ болѣе важныя находки, по заявленію крестьянъ, препровождаются въ г. Казань А. Ѳ. Лихачеву, который пользуется въ селѣ большею извѣстностью.

Золотыя вещи, найденныя въ с. Болгарахъ 3 іюня 1877 г. Во время набора этого послѣдняго листа г. Казанскій губернаторъ Н. Я. Скарятинъ сообщилъ мнѣ о новѣйшей находкѣ въ с. Болгарахъ и предложилъ осмотрѣть доставленныя ему найденныя вещи.

Въ рапортѣ исправника губернатору сказано, что „3 іюня крестьянинъ с. Болгаръ Афанасій Евсевьевъ Лимановъ, бывши на пашнѣ, нашелъ въ землѣ разныя золотыя вещи, служившія женскимъ украшеніемъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ были найдены вещи, оказались кости человѣка. Общество крестьянъ того села предполагаетъ, что найденныя вещи были положены на умершаго".

Къ найденнымъ вещамъ принадлежатъ: два одинаковыхъ браслета съ узорами при концахъ, вѣсомъ 21 золотникъ; 9 звѣздочекъ, служившихъ къ украшенію платья; три продолговатыхъ пластинки, на краяхъ которыхъ по одной звѣздочки и двѣ звѣздочки въ срединѣ; овальное украшеніе (привѣсокъ) съ двумя колечками внизу и тремя бугорками (филиграновыми) по срединѣ; перстень съ печатью, на внѣшнемъ ободкѣ перстня и на печати узоры; пуговица съ бирюзою; наконечникъ украшенія съ чернью; 4 подвязки къ серьгамъ—двѣ круглыя и двѣ продолговатыя; сердоликовый камень, вѣроятно, амулетъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	I—X.
Отдѣлъ Первый. Обозрѣніе мусульманскихъ источниковъ о Булгарскихъ городахъ	1—100.
I. Булгаръ.	1—48.
А. *Арабскіе писатели X столѣтія*	1—9.
1. Ибнъ-Фадланъ	1.
2. Ибнъ-Даста и Масуди	6.
3. Эль-Балхи, Истахри и Ибнъ-Хаукаль	7.
4. Мукаддеси	9.
Б. *Арабскіе писатели XI—XIII столѣтій* . .	9—14.
1. Эль-Бекри XI ст. и Эдриси XII стол.	9.
2. Путешественники въ Булгаръ: Андалуси и Джевалики.	10.
3. Якутъ и Казвини XIII стол.	12.
Г. *Историки нашествія Монголовъ*	14—19.
1. Персидскіе историки Рашидъ-Эддинъ и Джувейни и арабскій Ибнъ-Эльасиръ	14.
2. Абуль-Гази	17.
Д. *Арабскіе писатели XIV и XV ст. и Персидскіе XV—XVIII ст.*.	19—24.
1. Абуль-Феда	19.
2. Ибнъ-ель-Варди	20.
3. Ибнъ-Батута	21.
4. Химъяри (Хумейри) XV ст.	22.
5. Персидскія сказанія XV—XVIII ст. объ основаніи г. Булгара	23.
Е. *Монгольско-татарскіе источники*	24—42.
1. Шерефъ-Эддинъ Булгари	25.
2. Татарскій переводъ Ферхенгъ-Наме (*)	30.

(*) Въ текстѣ, по ошибкѣ, Ферхегъ Наме, вмѣсто Ферхенгъ-Наме.

Стран.

3. Елабужская рукопись . . . . . 32.
4. Татарскія рукописи, упоминаемыя Лепехинымъ и Георги въ XVIII ст.. . . . . —
5. Дастанъ Аксакъ Тимуръ . . . . . 33.
6. Таварихъ удъ Давамръ. . . . . 34.
7. Беанъ Дастанъ удъ Тарихъ и Повѣсть о несгараемой царевнѣ . . . . . 35.
8. Рукописи Яковкина и Фукса. . . . . 36.
9. Отрывокъ изъ Исторіи Казанскаго царства неизвѣстн. сочинителя . . . . . 37.
10. Мамадышская рукопись . . . . . 38.
11. Исчисленіе въ татарскихъ рукописяхъ Булгарскихъ хановъ . . . . . —
12. Списокъ Булгарскихъ царей въ «Исторіи Казанскихъ Татаръ» Шихабэддина . . . . . 39.
13. Извѣстіе татарской рукописи объ основаніи г. Булгара . . . . . 40.
14. Татарскія устныя преданія . . . . . —

S. Нумизматическія показанія о г. Булгарѣ . . 42—47.

1. Монеты X стол.. . . . . 42.
2. Монеты конца XII и начала XIII стол.. . . . . 45.
3. Монеты во время монгольскаго владычества . . . 47.

II. Суваръ . . . . . 48—52.

1. Нумизматическія показанія . . . . . 48.
2. Арабскіе писатели . . . . . —
3. Персидскіе писатели (Хамдулла и сочиненіе Ферхенгъ). —
4. Предположеніе о мѣстонахожденіи г. Сувара, гдѣ нынѣ г. Свіяжскъ . . . . . 49.
5. Предположеніе о мѣстонахожденіи г. Сувара, гдѣ нынѣ г. Спасскъ . . . . . 51.

III. Неопредѣленные города: 1) упоминаемый Мукаддеси, 2) Табунъ, 3) Бассовъ, 4) Мерха, 5) Ернасъ, 6) Тахассту (?), 7) Керичекъ, 8) Асболь . . . . . 52—54.

IV. Мнимые Буртасскіе города . . . . . 55—57.

V. Бюларъ. . . . . 57—64.

1. Дастанъ Аксакъ Тимуръ, устныя преданія, Шерефъ-Эддинъ-Булгари, рукопись Георги . . . . . 57.
2. Татарская челобитная 1677 г. . . . . 61.
3. Преданіе о могилахъ святыхъ на горѣ Балынгузъ . 62.

VI. Кошанъ. . . . . 64—68.

VII. Старая и Новая Казань . . . . . 68—87.

Стран.

1. Татарская рукопись объ основаніи Казани, приводимая Георги и Фуксомъ . . . . . 68.
2. Ферхенгъ-Наме, Беанъ Дастанъ утъ Тарихъ, Повѣсть о песгараемой царевнѣ . . . . . 70.
3. Отрывокъ объ исторіи Казанск. царства, сообщеніе Яковкина . . . . . 71.
4. Устныя татарскія преданія . . . . . —
5. Шерефъ-эддинъ-Булгари . . . . . 74.
6. Казанская исторія неизвѣстнаго сочинителя . . . 75.
7. Данныя для Казанской исторіи въ сочиненіи Джалаирца. . . . . 80.
8. Дженнаби о завоеваніи Казани . . . . . 81.
9. О завоеваніи Казани по «Отрывку исторіи Казанскаго царства». . . . . 82.
10. Объясненіе хронологическихъ противорѣчій о походѣ Тимура и основаніи Казани. . . . . 83.

VIII. Г. Тубулга-Атау, аулы, племена и могилы святыхъ по Шерефъ-эддину-Булгари. . . . . . 87—100.

1. Г. Тубулга-Атау . . . . . 87.
2. Аулы и могилы святыхъ по р. Шумбуту . . . . . 89.
3. Аулы: Багане, Кизляу и Джанъ-Бакты, устье Шешмы, р. Кичу . . . . . 91.
4. Р. Казанка (Курса, племя Каджи, аулъ Айши-Беки). 93.
5. Аулъ Уджумъ . . . . . 94.
6. Устье Свіяги. . . . . 95.
7. Аулы: Уджумъ и Кукъ-Кузъ, племя Мелла . . . 96.
8. Аулы Ширданъ и Тетюшъ . . . . . 97.
9. Племя Мишерское . . . . . —

Отдѣлъ Второй. О Булгарахъ вообще и Булгарскихъ городахъ въ особенности, по русскимъ лѣтописямъ . . . . . 100—191.

I. Время до Юрія Долгорукаго . . . . . 103—113.

1. Походъ Кія . . . . . 103.
2. Походъ Святослава. . . . . —
3. Походъ Владиміра . . . . . 107.
4. Сношенія по дѣламъ вѣры . . . . . 108.
5. Торговыя сношенія, торговый договоръ . . . . 111.
6. Взятіе Булгарами Мурома. . . . . 112.
7. Осада Булгарами Суздаля въ 1107 г. . . . . —
8. Отравленіе Булгарами половецкихъ князей . . . 113.

II. Отъ Юрія Долгорукаго до нашествія Татаръ . 113—159.

Стран.

А. *Мирныя сношенія* . . . . . 113—115.

1. Поселеніе Булгаръ въ новыхъ Суздальскихъ городахъ. 113.
2. Строительный матеріалъ — камни изъ Булгаріи . . 114.
3. Супруга Андрея Боголюбскаго — Булгарка. . . . 115.
4. Подвозъ хлѣба отъ Булгаръ въ 1229 г. . . . . 116.

В. *Враждебныя отношенія* . . . . . 115—159.

1. Походъ 1120 г. . . . . 116.
2. Походъ 1164 г. . . . . —
3. Опредѣленіе мѣстонахожденія Бряхимова . . . . 118.
4. Опредѣленіе мѣстонахожденія Великаго города . . 124.
5. Походъ 1172 г. . . . . 126.
6. Походъ Новгородскихъ ушкуйниковъ къ Вяткѣ въ 1174 г. . . . . 128.
7. Походъ 1184 г. . . . . 129.
8. Тухчинъ и Великій городъ Серебряныхъ Булгаръ, Цевца, Исады, Черемисанъ. . . . . 133.
9. Соба, Куль, Челмата, Темтюзи, Торьцькій. . . . 139.
10. Походы 1186 и 1025 г., мнимая Татищевымъ борьба съ Булгарами въ 1209 и 1210 г.. . . . . 145.
11. Взятіе Булгарами Устюга въ 1218 . . . . . 147.
12. Походъ 1220 г. . . . . 149.
13. Г. Ошель, Великій городъ=Бюлару, Камскіе города, Исады, Булгарскіе князья . . . . . 151.
14. Приготовленія Юрія къ новому походу, заключеніе мира съ Булгарами . . . . . 154.
15. Основаніе Нижн. Новгорода, вмѣшательство Булгаръ въ отношенія Мордвы къ Русскимъ . . . . . 156.
16. Христіанскій мученикъ въ Великомъ городѣ. . . 158.

III. Отъ нашествія Татаръ до начала Казанскаго царства . . . . . 159—191.

1. Нашествіе Татаръ на Булгарскую землю . . . . 159.
2. Булгарскіе князья, утверждаемые Ханами Золотой Орды. . . . . 162.
3. Отношенія кн. Ѳеодора Смоленскаго къ Татарамъ и Булгарамъ . . . . . 163.
4. Мученикъ за Христа Ѳеодоръ. . . . . 167.
5. Завоеваніе Булгарской земли Пуладъ Теймуръ-Ханомъ. . . . . —
6. Взятіе ушкуйниками Жукотина въ 1359 г. . . . 169.
7. Набѣги ушкуйниковъ въ 1366, 1369 и 1307 гг. . 171.
8. Походъ ушкуйниковъ въ 1374 г., г. Булгаръ, Засурье . . . . . 172.

Стран.

9. Походы: Новгородск. ушкуйниковъ 1375 г., Вятчанъ на Арскую землю 1379 г. . . . . 174.
10. Походы ушкуйниковъ 1391 и 1409 гг. Города Жукотинъ и Кошанъ. . . . . 176.
11. Походы Русскихъ противъ Булгаръ въ 1370 и 1376 г. Мнимая Казань, ... 177.
12. Постановленіе г. Курмыша въ 1372 г. . . . . 181.
13. Грабежъ русскихъ купцовъ въ г. Булгарѣ въ 1372. 182.
14. Борьба вел. кн. Вас. Дмитр. съ Семен. Дмитр. . —
15. Болгары Великіе, Жукотинъ, Казань? (Кошанъ), Керменчукъ, Цибирца. . . . . 184.
16. Вымыслы въ Тверской лѣтописи о Татарскомъ походѣ 1408. Мнимый г. Сара Великая . . . . . 187.
17. Бой въ Лысковѣ въ 1411 г. . . . . 188.
18. Походъ Булгарскихъ Татаръ къ Галичу и Костромѣ въ 1429 г. . . . . 189.
19. Завоеваніе Булгарской земли кн. Пестрымъ въ 1431. 190.

Отдѣлъ Третій. Древнія укрѣпленія и могилы, мѣста находокъ вещей и монетъ съ обозрѣніемъ найденныхъ предметовъ . . . . . 193—546.

I. **Булгарское городище** . . . . . 195—298.

А. *Библіографія описаній Булгарскаго городища.* 195—198.

Б. *Большой валъ и малый окопъ* . . . . . 198—201.

1. Земляной валъ, ровъ и городская стѣна . . . . 198.
2. Малый окопъ, околицы бывшаго монастыря и слободы. . . . . 200.

В. *Зданія въ околицѣ нынѣшняго села Успенскаго* . . . . . 201—211.

1. Четыреугольникъ . . . . . 201.
2. Большой минаретъ . . . . . 203.
3. Палата, бывшая церковью св. Николая. . . . . 204.
4. Палата, бывшая монастырскимъ погребомъ. . . . 205.
5. Царскій домъ . . . . . 207.
6. Развалины, показанныя на планахъ въ селѣ и Лепехинымъ въ слободѣ . . . . . 208.
7. Развалины ханскихъ палатъ . . . . . 210.

Д. *Зданія въ полѣ, внутри вала* . . . . . 211—225.

1. Черная палата . . . . . 211.
2. Бѣлая палата . . . . . 213.
3. Малый минаретъ . . . . . 216.

Стран

4. Зданія около малаго минарета . . . . . 217.
5. Кладбище . . . . . 218.
6. Развалины между малымъ минаретомъ и Черною палатою, улицы, бассейны. . . . . 219.
7. Развалины, указанныя на планахъ къ югу отъ Черной палаты и малаго минарета и упоминаемыя Лепехинымъ . 221.
8. Палата, описанная Палласомъ . . . . . 224.

§. *Зданія внѣ вала* . . . . . 225—229.

1. Греческая палата и столпъ . . . . . 225.
2. Палаты подъ горою . . . . . 228.

§. *Малый городокъ* . . . . . 229—233.

§. *Время, характеръ, матеріалъ и способъ булгарскихъ построекъ* . . . . . 233—238.

1. Время и характеръ булгарскихъ построекъ . . . 233.
2. Строительный матеріалъ и способъ построекъ. . . 235.

II. *Курганы и надгробныя надписи* . . . . . 239—253.

1. Курганы . . . . . 239.
2. Мусульманскія надгробныя надписи, существовавшія при Петрѣ Великомъ. . . . . 239.
3. Хронологія надписей, «годъ пришествія угнетенія» . 242.
4. Мѣстонахожденіе надписей, нынѣшнее состояніе ихъ. 247.
5. Армянскія надписи. . . . . 249.

§. *Вещи и монеты, найденныя въ Булгарскомъ городищѣ* . . . . . 253—298.

1. Извѣстія о находкахъ; коллекціи Неѣлова, Фукса, кн. Дадьяна, Толмачева, Березина, Ешевскаго . . . . . 253.
2. Описаніе жемчужной раковины — талисмана, кинжала, золотаго бокала, золотой бляхи, металлическихъ зеркалъ и христіанскихъ иконъ . . . . . 260.
3. Коллекція А. Ѳ. Лихачева — каменныя орудія и оружіе, предметы изъ бронзы и мѣди. Каменный и бронзовый періодъ Булгаріи . . . . . 267.
4. Замѣтка о сѣверо-восточной границѣ Булгарскаго царства. . . . . 275.
5. Коллекція А. Ѳ. Лихачева — предметы изъ желѣза, золота и серебра . . . . . 277.
6. Коллекція А. Ѳ. Лихачева — издѣлія изъ кости и керамическія . . . . . 283.
7. Монеты . . . . . 290.

II. Лѣвый берегъ Волги ниже устья Камы . . . 298—310.

Стран.

1. Ага-Базаръ . . . . . 298.
2. Предполагаемое теченіе Волги около г. Булгара . . 299.
3. Предполагаемое теченіе Камы и Бездны около Булгара. 303.
4. Балымерское городище. Тождественность названій Балымеръ, Балыматъ, Бюларъ, Билярскъ . . . . . 306.
5. Валы на востокъ и югъ отъ Булымера . . . . 307.
6. Насыпь и могильные курганы ок. Булымера . . . 308.
7. Монеты, найденныя въ полѣ Булымера и ок. с. Полянки . . . . . 309.
8. Городокъ и древнее кладбище въ 6 верст. отъ дер. Булымеръ . . . . . —
9. Дер. Тенищевка — мѣсто находокъ древнихъ вещей. 310.

III. Правый берегъ Волги, ниже устья Казанки . 310—324.

1. Городище ок. с. Теньки . . . . . 310.
2. Мѣстонахожденіе каменныхъ орудій ок. с. Буртасъ (Рождественское) . . . . . 311.
3. Нахожденіе древнихъ глиняныхъ издѣлій ок. с. Красновидова . . . . . 316.
4. Город. въ 360 саж. отъ дер. Уразлиной . . . . —
5. Город. въ 2 верст. отъ с. Большія Кляри . . . —
6. Предполагаемое укрѣпленіе при дер. Карамановъ-Починокъ . . . . . 317.
7. Городокъ на горѣ Соколъ. . . . . 318.
8. Городокъ Янтиковскій . . . . . —
9. Сѣрный городокъ . . . . . 319.
10. Городокъ на дачахъ Сюкеева, называемый Татарскимъ жилищемъ . . . . . 320.
11. Признаки древняго жилья на мѣстѣ г. Тетюши. . —
12. Преданіе о мѣстоположеніи Стар. Тетюшъ (Богородицкій рынокъ) . . . . . 322.
13. Древнее кладбище въ $1^1/_2$ в. отъ Урюма. . . . 323.

IV. Рѣка Ахтай, Бездна, Утка и Майна. . . . 324—343.

А. Ахтай . . . . . 324—328.

1. Город. въ 2 в. ниже дер. Христофоровки. . . . 324.
2. Дер. Татарскіе Измери — мѣсто находокъ древнихъ вещей. . . . . 325.
3. Город. въ 6 верст. отъ с. Пичкасъ на рч. Грязнухѣ. —
4. Валъ отъ с. Буракова до Спасска . . . . . —
5. Город. на р. Ахтаѣ, въ 1 в. отъ с. Ямкина и Татарское жилье ок. эт. села. . . . . 326.
6. Город. на Ахтаѣ, въ 100 саж. отъ дер. Средняя Войкина. . . . . —

Стран.

7. Город. въ 1 в. отъ с. Кораваева (Маринин кладъ). 326.
8. Курганъ и находки ок. сц. Демидовка . . . . . 327.
9. Город. въ $3^1/_2$ в. отъ дер. Каргополь . . . . . —
10. Город. въ 4 в. отъ дер. Бабаевы Челны . . . —
11. Город. на Ахтаѣ, 100 саж. ниже с. Матакъ . . —
12. Город. на р. Нахратъ . . . . . 328.

Б. *Бездна* . . . . . 328—332.

1. Валы . . . . . 328.
2. Г. Спасскъ . . . . . 329.
3. Куралово городище. . . . . 330.

Г. *Утка* . . . . . 332—337.

1. Город. бл. Зеленовки . . . . . 332.
2. Два городка въ дер. Волосниковкѣ . . . . . 333.
3. Город. въ с. Волосниковѣ. . . . . —
4. Город. въ 4 в. отъ с. Волосникова на юго-вост. . —
5. Городокъ, курганъ и кладъ бл. дер. Маклашеевки . 334.
6. Город. въ 1 в. отъ с. Танкѣевки . . . . . 335.
7. Город. въ 1 в. отъ сц. Шмелевки . . . . . —
8. Город. въ 80 саж. отъ сц. Шмелевки. . . . . —
9. Город. при с. Кокряты . . . . . 336.
10. Курганы въ окрестност. сц. Грибовки . . . . —
11. Город. въ $^1/_4$ в. отъ дер. Даниловки . . . . —
12. Металлическое зеркало, найденное въ с. Петропавловскомъ . . . . . —

Д. *Майна* . . . . . 337—339.

1. Город. между Стар. и Нов. Грязнухою. . . . . 337.
2. Городище въ окрестност. Ст. Барана . . . . . 338.
3. Город. при дер. Палеткиной . . . . . —
4. Валъ м. дер. Палеткиной и Верхн. Альмурзиной . . —

Е. *Старыя укрѣпленія по Уткѣ и Майнѣ, упоминаемыя въ актахъ XVII стол.* . . . . . 339—343.

1. Уткинское городище, соотвѣтствующее городищу бл. дер. Маклашеевки. . . . . 340.
2. Селитреное—соотвѣтствующее городищу въ 1 в. отъ с. Танкѣевки . . . . . 341.
3. Кокрятское городище . . . . . 342.
4. Неопредѣленныя городища Маинское и Высокое . . —

V. Малый Черемшанъ и его притоки . . . . . 343—349.

1. Город. на р. Бол. Шиѣ . . . . . 343.

Стран.

2. Город. бл. дер. Нижн. Качеевой . . . . 345.
3. Окопъ въ $1^1/_2$ в. отъ дер. Верхн. Качеевой . . —
4. Город. въ 1 в. отъ дер. Чувашскій Бродъ . . —
5. Курганъ м. дер. Борискиной и Ямкиной. . . —
6. Курганы при дер. Нижн. Алькѣевой . . . —
7. Город. въ $^1/_2$ в. отъ дер Ерянкиной . . . 346.
8. Город. въ 3 в. отъ дер. Болховки . . . —
9. Город. при дер. Ст. Камкина . . . . —
10. Город. и курганы на р. Мурасѣ . . . . 347.
11. Городище ок. Билярска . . . . . 349.
12. Городище при с. Изгаръ . . . . . —

V. Бюларское городище съ сосѣдними кладбищами. 349—364.

1. Стар. планъ городища . . . . . 349.
2. Валы и рвы . . . . . 350.
3. Столбъ и древнія развалины. . . . . 351.
4. Мѣстодобываніе строительн. матеріала . . . 353.
5. Развалины и кладбище на горѣ Балынгузъ . . 354.
6. Рвы и валы позади развалинъ на горѣ Балынгузъ . 355.
7. Могила святаго въ 3 в. отъ горы Балынгузъ. . —
8. Два городища въ 2 в. отъ Билярска, показанныя въ «Замѣтк. о город. Каз. губ.»; городище при с. Никольскій Баранъ . . . . . 356.
9. Находки вещей . . . . . 357.
10. Находки монетъ . . . . . 363.

VII. Большой Черемшанъ и его притоки . . 364—368.

1. Кладбище на Бол. Черемшанѣ . . . . 364.
2. Билярскія мѣстности, Караульная гора . . . —
3. Курганъ въ 300 саж. отъ дер. Средн. Челны. . —
4. Два кургана при дер. Нов. Аделяковой . . . —
5. Якимовъ маръ . . . . . 366.
6. Город. при дер. Мал. Сульчелеевой . . . —
7. Городище и мѣстонахожденіе монетъ при дер. Карасѣ. —
8. Два городища при рч. Щербень . . . . —
9. Город. въ 3 в. отъ с. Аксубаева . . . . 367.
10. Город. при дер. Тарханкѣ . . . . . —
11. Город. при дер. Енарускинѣ. . . . . —
12. Город. при дер. Стар. Ибрайкинѣ . . . . 368.

VIII. Р. Шешма и ея притоки . . . . 368—384.

1. Разница между древнѣйш. землян. укрѣпленіями и новѣйшими . . . . . 368.
2. Валъ м. Нижн. Каменкой и Ивашкиной . . . 370.

Стран.

3. Предполагаемый сторожевой пунктъ при дер. Карамышъ . . . . . 370.
4. Город. при дер. Кутемѣ . . . . . —
5. Курганъ при слободѣ Черемуховой . . . 371
6. Древнее укрѣпленіе у Екатерининской слободы . —
7. Курганъ въ Екатерин. слободѣ . . . . 372.
8. Город. Сухая Елховка . . . . . —
9. Город. при верш. рч. Елховки . . . . —
10. Город. въ 2 в. отъ Новошешминска . . . 373.
11. Араповъ городокъ . . . . . —
12. Валъ м. лѣсомъ слободы Екатерин. и Ново-Шешминскомъ . . . . . —
13. Укрѣпленіе на Шешмѣ прот. Новошешминска . 374.
14. Смѣшеніе древн. укрѣпленій съ Старо-Закамскою линіею . . . . . —
15. Укрѣпленія Стар. Закамской линіи отъ Екатерин. слободы до границы Мензелинск. уѣзда . . . . 375.
16. Древнія укрѣпленія, показанныя на Подробн. картѣ и въ документахъ 1664 г. . . . . 376.
17. Городище и курганъ въ Новошешминскѣ . . 377.
18. Валы ниже дер. Ракашева . . . . . —
19. Валъ и городокъ въ 4 в. на сѣв.-зап. отъ с. Ямаши. —
20. Курганъ на юго-зап. отъ с. Ямаши . . . —
21. Валъ въ 5 верст. ниже Новошешминска . . —
22. Город. при дер. Шахмайкиной . . . . 378.
23. Город. Кызъ-Тау . . . . . —
24. Город. при дер. Верхн. Никиткиной . . . —
25. Город. при дер. Горшковой. . . . . 379.
26. Город. при дер. Елантово . . . . . —
27. Деревня Городище . . . . . —
28. Город. при дер. Новопоселенный Средній Толкишъ. —
29. Город. при сц. Токмакла . . . . . 380.
30. Валъ при с. Мал. Толкишъ . . . . . —
31. Валы въ 4 в. отъ с. Сарсаса . . . . —
32. Город при дер. Ачи. . . . . —
33. Валъ на р. Ашѣ . . . . . —
34. Преданіе о булгарскихъ валахъ въ Мензелинск. уѣздѣ . . . . . 381.

IX. Низовье Камы и городище Кошана съ его окрестностями. . . . . . 381—389.

1. Городокъ бл. устья Камы . . . . . 381.
2. Древнее селеніе на мѣстѣ г. Лаишева . . . 383.
3. Город. на Камѣ въ 8 в. ниже г. Лаишева . . —

Стран.

4. Город. ок с. Шуранъ (г. Кошанъ) . . . . 384.
5. Город. возлѣ дер. Именьковой . . . . . —
6. Именьковскій курганъ . . . . . 385.
7. Находки на пространствѣ м. Камою и устьемъ Брыссы (мѣсто предполагаемаго города) . . . . . 386.
8. Древнее кладбище ок. Именьковск. кургана . . 387.
9. Городокъ ок. с. Алексѣевскаго . . . . . 388.
10. Сц. Городокъ (Казыкъ). . . . . 389.

X. Р. Мёша и ея притоки . . . . . 389—402.

1. Курганъ и кладбище ок. дер. Ташкирмень . . . 390.
2. Земляная насыпь въ дер. Сенгила . . . . . 393.
3. Городище и древн. кладбище въ дер. Тангачи. . —
4. Древнія кладбища и курганъ ок. с. Рождественскаго (Укречь) . . . . . 394.
5. Предполагаемый сторожевой пунктъ при дер. Карамышъ (Уланово) . . . . . 397.
6. Древнее кладбище бл. дер. Читы . . . . . 398.
7. Два кладбища бл. дер. Бичуриной . . . . . 399.
8. Кладбище бл. дер. Ныpсы . . . . . 400.
9. Надгробный камень бл. дер. Тямти . . . . —
10. Предполагаемое укрѣпленіе при дер. Ташкирмень . 401.
11. Кладбище м. дер. Верхн. Кибякози и Крещеныя Кибякози . . . . . —
12. Укрѣпленія въ окрестностяхъ Зюри . . . . —

XI. Жукотинское городище и его окрестности . 402—423.

А. *Жукотинское городище* . . . . . 402—409.

1. Опредѣленіе мѣстоположенія городища . . . . 402.
2. Описаніе Жукотинскаго городища . . . . . 406.
3. Монеты и вещи, найденныя въ Жукотинскомъ городищѣ . . . . . 407.
4. Жукотинское кладбище . . . . . 408.

Б. *Жукотинскій округъ по лѣвую сторону Камы.* 409—415.

1. Савинъ-городокъ—мѣсто находокъ древнихъ монетъ . 409.
2. Городище при дер. Березовкѣ . . . . . 410.
3. Город. въ $3^1/_2$ в. на югъ отъ Березовки . . . 411.
4. Город. ок. дер. Утяковой . . . . . —
5. Зміево городище . . . . . —
6. Камень съ надписью около Зміева городища, предположеніе о друидизмѣ . . . . . 412.
7. Городокъ въ 7 верст. отъ с. Зміева . . . . 415.
8. Город. при с. Булдырь . . . . . —

Стран.

Г. *Жукотинскій округъ по правую сторону Камы.* 416—423.

1. Чаллынское городище . . . . . 416.
2. Надгробные камни бл. дер. Казакларъ . . . 420.
3. Укрѣпленная рѣка (Кирмень). . . . . 422.

XII. Рѣка Казанка . . . . . 423—483.

А. *Старая Казань* . . . . . 423—430.

1. Описаніе городища . . . . . 423.
2. Кладбища . . . . . 426.
3. Мѣста древнихъ поселеній: дер. Пски-Казань и Урматъ, селище Чакмасы . . . . . 428.
4. Находка монетъ . . . . . 429.
5. Находка вещей . . . . . 430.

Б. *Новая Казань* . . . . . 431—478.

1. Старое городище, Збойловы ворота, Поганое озеро . 431.
2. Старое городище на мѣстѣ Зилантова монастыря, по предположенію Арцыбышева . . . . . 438.
3. Городъ и посадъ до послѣдней осады Казани . . 440.
4. Посадъ и городъ во время осады Казани въ 1552 г. Ровъ со стороны Арскаго поля и Тезицкій ровъ . . 444.
5. Воображаемая Каницомъ и другими окружная черта татарской Казани . . . . . 447.
6. Посадъ—предполагаемый на Арскомъ полѣ и за Булакомъ. . . . . 451.
7. Существовавшіе въ XVIII ст. остатки деревянной стѣны и рва . . . . . 454.
8. Городъ, Царевъ Дворъ, Елбугины ворота . . 455
9. Муралеевы ворота (Тайничныя) и Муралеева мизгить (Сумбекина башня). . . . . 463.
10. Мусульманскіе надгробные камни въ г. Казани и окрестностяхъ ея . . . . . 473.
11. Клады русскихъ монетъ въ Казани и близъ ея . 477.

В. *Арскъ* . . . . . 478—482.

Д. *Надгробные памятники и признаки городищъ по р. Казанкѣ* . . . . . 482, 483.

1. Древ. могилы ок. дер Собакиной . . . . 482.
2. Город. ок. дер. Бимери . . . . . 483.
3. Город. ок. дер. Уньбы. . . . . —
4. Предполагаемое укрѣпленіе при дер. Карамышъ . —

XIII. Сѣверная украйна Казанской губерніи . . 483—489.

1. Древняя могила въ дер. Ядигаръ . . . . 483.

Стран.

2. Древн. могила въ дер. Карадуванъ . . . . 484.
3. Древняя могила въ с. Хотнѣ . . . . . 486.
4. Древнія кладбища въ дер. Уджумъ и въ 2 верст. отъ нея . . . . . —
5. Валъ м. дер. Бол. Кубякъ и Ашьезъ . . . 487.
6. Курганы ок. дер. Туруновой . . . . . 488.
7. Курганъ при с. Цибикнуръ . . . . . —
8. Луговая сторона Козмод. и Чебокс. уѣздовъ . . —

XIV. Свіяга и ея притоки . . . . . 489—508.

Я. Свіяжскій уѣздъ . . . . . 489—495.

1. Городище, бывшее ок. г. Свіяжска . . . 489.
2. Два городища на р. Сулицѣ . . . . . —
3. Могилы святыхъ въ дер. Маматкозиной и Сеитовой . —
4. Город. бл. дер. Тавлиной . . . . . 490.
5. Город. на сѣв. отъ дер. Тавлиной . . . . —
6. Город. при с. Утяковѣ . . . . . —
7. Япанчино-городище на р. Кубнѣ . . . . 491.

Б. Тетюшскій уѣздъ . . . . . 495—508.

1. Город. ок. дер. Деушевой . . . . . 495.
2. Древнее кладбище ок. дер. Кулганъ . . . 496.
3. Древн. кладб. ок. дер. Куштовой . . . . —
4. Город. бл. с. Бол. Фролова . . . . . 497.
5. Город. въ $^1/_2$ в. отъ с. Шунгутъ . . . . 498.
6. Город. на р. Табаркѣ въ 3 в. отъ дер. Ст. Енали . —
7. Город. въ 100 саж. отъ дер. Танай Тураевой . —
8. Город. при Мертюбяковомъ Починкѣ (Мал. Атрясы). 499.
9. Три кургана при дер. Бол. Турмѣ. . . . 500.
10. Город. въ 200 саж. отъ дер. Починки Льяшева . —
11. Город. въ 3 верст. отъ дер. Зеленовки . . . —
12. Город. въ $1^1/_2$ в. отъ дер. Федоровки . . . 501.
13. Надгробные памятники въ с. Байтеряковѣ . . 502.
14. Курганы и древнее татарское селеніе ок. дер. Бол. Яльчики . . . . . —
15. Город. въ 1 в. отъ дер. Ст. Енашева . . . 503.
16. Город. въ 360 саж. отъ с. Бол. Тояба и валъ отъ эт. села къ г. Буинску . . . . . —
17. Предполагаемыя укрѣпленія въ юго-зап. углу Тетюшск. уѣзда (Полевой Сундырь и три Буа или Буинска) . 504.

XV. Чебоксарскій уѣздъ . . . . . 508—525.

Я. Восточная половина нагорной части уѣзда по прав. стор. почтов. тракта изъ Казани . . 509—515.

Стран.

1. Укрѣпленная гора (Карманъ-ду) на Волгѣ . . 509.
2. Предполагаемое ок. дер. Карабашъ старинное кладбище . . . . . 510.
3. Кладбище при дер. Идельмеси . . . . 512.
4. Городокъ на Волгѣ ок. дер. Кріуши . . . —
5. Кладбище въ 1 в. отъ дер. Ямской . . . 513.
6. Бугоръ каменныхъ развалинъ въ 1 в. отъ дер. Ямской . . . . . 514.
7. Предполагаемые сторожевые пункты—селенія Бол. и Мал. Карачево . . . . . —
8. Кладбище въ приходѣ с. Карачева . . . 513.
9. Деревня Курганъ . . . . . —

Б. *Восточная половина нагорной части уѣзда по лѣв. стор. почт. тракта изъ Казани.* . . 515—522.

1. Укрѣпленное зданіе (Хола-сьорче) . . . . 515.
2. Курганы на поляхъ прихода с. Бишева . . . 516.
3. Камень съ надписью бл. дер. Кадергина . . —
4. Камень Чардакъ . . . . . —
5. Кладбище при дер. Чешламъ . . . . 517.
6. Признаки укрѣпленія въ верш. рч. Бѣлой Воложки. 518.
7. Курганъ (?) бл. дер. Казаковой . . . . —
8. Кладб. и курганъ бл. дер. Кульгешевой. . . 519.
9. Кладбище бл. с. Янцыбулова (Рождественское) . —
10. Земляной валъ въ $^1/_2$ в. и курганъ въ 1 в. отъ Шмалахъ-Шихабылова . . . . . 520.
11. Два кургана ок. дер. Эблесъ . . . . 521.
12. Предполагаемый сторожев. пунктъ Карамышъ (Янгильдино) . . . . . —

Г. *Западная половина нагорной части уѣзда* . 522—524.

1. Два Сундыре на р. Сундырѣ . . . . 522.
2. Развалины татарскаго города въ 2 в. отъ с. Чурашева . . . . . 523.
3. Стар. кладбище съ дв. курганами въ 3 в. отъ дер. Елюй-касы и $1^1/_2$ в. отъ дер. Старакъ . . . . —
4. Городская гора (Хола туй) . . . . . —
5. Кладбище въ дер. Атлашевой . . . . 524.
6. Кладбище при дер. Ураевой . . . . —
7. Два кургана бл. с. Абашева . . . . —

Д. *Луговая сторона* . . . . . 524, 525.

Городище и кладбище бл. дер. Ново-Алексѣевской . 524.

XVI. Цивильскій уѣздъ . . . . . 525—527.

Стран.

1. Курганы бл. околотка Кудеснерь . . . . . 525.
2. Земляной валъ (Хола-ду) при р. Анишѣ. . . —
3. Три Сундыря и Бунка въ сѣв.-вост. углу уѣзда . —
4. Два Сундыря и два Сюрбѣева (земляныя укрѣпленія) въ южн. углу уѣзда . . . . . 526.
5. Нов. Сюрбѣево въ 11 верст. на югъ отъ Цивильска. 527.

XVII. Ядринскій уѣздъ. . . . . . 527—531.

1. Два кургана въ 2 верст. къ югу отъ сел. Балдаевой Сугути . . . . . 527.
2. Пять кургановъ въ волости Хочашевской . . 528.
3. Курганъ въ приходѣ с. Шуматова . . . . 529.
4. Курганъ въ $1^1/_2$ в. отъ с. Норусова . . . 530.
5. Два кургана, обозначенные на картѣ Стрѣльбицкаго. —
6. Предполагаемыя укрѣпленія, селенія: два Сундыря, три Кармана, Пува-яль и два Сюрбеева . . . . —

XVIII. Козмодемьянскій уѣздъ . . . . . 531—546.

1. Укрѣпленіе на горѣ при с. Мал. Сундырь (Чалымскій городокъ) . . . . . 531.
2. Остальные 7 Сундырей . . . . . 538.
3. Курганы въ 150 саж. отъ дер. Носелы. . . 539.
4. Курганъ и могилы при подошвѣ горы Ивановской . 540.
5. Курганъ бл. г. Козмодемьянска . . . . . 542.
6. Курганъ бл. Троицкаго посада . . . . . —
7. Укрѣпленіе бл. дер. Карманерь . . . . . —
8. Градскій врагъ въ дачахъ дер. Юньги-Ядриной . 544.
9. Курганы бл. с. Акрамова . . . . . —
10. Укрѣпленіе бл. дер. Карамышъ въ Татар-Касинской волости . . . . . —
11. Валъ между дер. Кулаковой и Виловатымъ Врагомъ. 546.

Приложенія. . . . . . 548—585.

I. Дневная Записка и рапортъ въ Совѣтъ Казанскаго Университета адъюнкта Кондырева въ 1812 г. . 549—552.

II. О Казанской исторіи неизвѣстнаго сочинителя. 552—567.

1. Извѣстные списки Казанской исторіи . . . 552.
2. Печатныя изданія Казанск. исторіи . . . 556.
3. Сравненіе Казанской исторіи съ «Отрывкомъ изъ русскихъ лѣтописей» и другими источниками . . . . 557.
4. Предположеніе о принадлежности статей «Отрывка», а не «Казанской исторіи», священнику Глазатому . . 560.
5. Повѣсти о казанскихъ святыхъ въ Казанск. исторіи. 562.

Стран.

6. Вставочныя статьи изъ Степенной книги передъ повѣстью о походѣ Ивана IV . . . . . 564.
7. Общее заключеніе о степени самостоятельности труда автора Казанск. исторіи . . . . . 565.
8. Позднѣйшія вставки . . . . . 566.

III. Рукописная карта Казанской губерніи конца XVIII стол. . . . . . 567—571.

IV. Описанія Булгарскаго городища въ XVIII ст. (Изъ Библіотеки Московскаго Главн. Архива Министерства Иностр. Дѣлъ) . . . . . 571—582.

V. Поѣздка въ с. Болгары 22 мая 1877 г. . . . 582—584.